

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА

в пятнадцати томах

Под общей редакцией
С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова

Руководитель авторского коллектива А. И. Подберезкин

Редакционный совет

А. Н. Артизов, А. А. Ахтамзян, Ю. А. Булатов, А. В. Мальгин, В. Р. Мединский, М. А. Мунтян,
М. Ю. Мягков, Н. А. Нарочницкая, М. М. Наринский, В. В. Наумкин, Я. В. Новиков,
А. А. Орлов, В. О. Печатнов, А. И. Подберезкин, К. К. Провалов, Л. П. Решетников,
О. А. Ржешевский, О. Е. Родионов, Г. Р. Ручкин, А. В. Серегин, И. И. Сирош,
В. М. Фалин, В. С. Христофоров, А. О. Чубарьян

Московский государственный институт международных
отношений (Университет) МИД России

Издание осуществлено при финансовой поддержке
ОАО «Концерн ПВО „Алмаз-Антей“»

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА

Под общей редакцией
С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова

ДРУГОЕ ЛИЦО ВОЙНЫ

IV

Издательство
«МГИМО–Университет»
2015

УДК 9(47)
ББК 63.3(2)622
В27

Издание осуществлено во взаимодействии с ОАО «Концерн ПВО „Алмаз-Антей“»

Под общей редакцией
С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова

Руководитель авторского коллектива
А. И. Подберезкин

Редакционный совет
А. Н. Артизов, А. А. Ахтамзян, Ю. А. Булатов, А. В. Мальгин, В. Р. Мединский, М. А. Мунтян,
М. Ю. Мягков, Н. А. Нарочницкая, М. М. Наринский, В. В. Наумкин, Я. В. Новиков,
А. А. Орлов, В. О. Печатнов, А. И. Подберезкин, К. К. Провалов, Л. П. Решетников,
О. А. Ржешевский, О. Е. Родионов, Г. Р. Ручкин, А. В. Серегин, И. И. Сирош, В. М. Фалин,
В. С. Христофоров, А. О. Чубарьян

Редакционная коллегия
Е. А. Бондаренко, Т. Г. Занина, Н. А. Калантарова, Н. К. Капитонова, Е. А. Тюрина, В. Б. Чернолецкий

В27 Великая Победа : в 15 т. / под общ. ред. С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, Центр военно-политических исследований. — М. : МГИМО-Университет, 2015.

ISBN 978-5-9228-1300-6

Т. 4: Другое лицо войны — 2015. — 414 с., [4] с. : ил. ISBN 978-5-9228-1304-4

Пятнадцатитомное издание «Великая Победа» подготовлено на основе современных представлений ведущих отечественных историков академических институтов и образовательных центров и ряда иностранных ученых-историков о событиях Второй мировой войны. Впервые за последние годы в отечественном историческом пространстве появилось столь объемное издание, повествующее о сложнейших и трагических перипетиях политических, дипломатических и военных столкновений, затронувших интересы практически половины населения нашей планеты.

В многотомнике особое внимание уделяется попыткам недобросовестного или политически мотивированного толкования событий Второй мировой войны и её итогов, нередко ставящего под сомнение великий подвиг нашего народа, принесший освобождение миру от самой чудовищной и бесчеловечной «коричневой чумы» XX века с её доктриной мирового господства на основе расового деления мира. В книгах многотомного издания таким попыткам дается должный отпор.

Издание рассчитано на широкий круг читателей.

УДК 9(47)
ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-9228-1304-4 (т. 4)

© Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, 2010

© Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, 2015

ISBN 978-5-9228-1300-6

На обложке: «Немецкие солдаты конвоируют двух пленных партизан на одной из улиц Велижа» Август 1941 г., место съемки: Смоленская область, автор съемки: не установлен, РГАФД.

Книга девятая

ОПЕРАЦИЯ «МАРС»

Операция «Марс».

Дискуссия и ее причины

23 апреля 2009 г. на заседании Ассоциации* с докладом «Операция „Марс“. Дискуссия и ее причины» выступил Гареев М. А., генерал армии, президент Академии военных наук РФ.

Доклад был связан с показом по каналу НТВ телефильма «Ржевская битва», содержащего ряд грубых исторических ошибок. В докладе был представлен анализ вооруженной борьбы в районе Ржева в 1942–1943 гг. и подчеркивалось, что термин «Ржевская битва» необоснован. Доклад вызвал оживленную дискуссию, участники которой поддержали концепцию событий, сформулированную докладчиком.

Уважаемые товарищи!

23 февраля 2009 г. по каналу НТВ был показан фильм Алексея Пивоварова «Ржев. Неизвестная битва Георгия Жукова», претендующий на статус сенсационного документального кино. Следует отметить, что изображение боев под Ржевом как «неизвестной битвы» свойственно и современной историографии. На сегодняшний день выпущено много книг, в которых содержится масса фальсификаций, мифов по истории Великой Отечественной войны. В этой связи вопрос о том, что же представляла собой операция «Марс», мы не можем оставить без внимания. Для этого разберём по пунктам те мифологемы, которые Пивоваров выдаёт за исторические откровения.

Первое — миф историографического характера. В зарубежной прессе, в частности в немецких газетах, публикуются сведения о том, сколько денег вложено в «развитие» нашей исторической науки. Причем те историки, которых подпитывают зарубежные организации, этого даже не скрывают. Среди них — многие ржевские и вяземские краеведы, в том числе С. Герасимова со своей книгой «Ржевская бойня. Потерянная победа Жукова». Подобного рода «историки» Второй мировой войны утверждают, что все бои и сражения, которые происходили под Ржевом и Вязьмой, надо объединить одним новым понятием «Ржевская битва». С точки зрения научной историографии эта позиция ничем не обоснована.

Если говорить обо всех боевых действиях, которые происходили на западном направлении, то среди них можно выделить три крупные операции, которые не были взаимосвязаны друг с другом.

Первая — с января по апрель 1942 г. — продолжение контрнаступления под Москвой. Это составная часть истории Московской битвы.

Вторая — июль–август 1942 г. — Ржевско-Вяземское направление. Эти боевые действия велись войсками Западного и Калининского фронтов. Целью данной операции являлось — не дать немцам перебросить с западного направления войска на юг, поскольку на южном направлении уже шли боевые действия, с лета 1942 года.

И наконец, третья операция — «Марс», которая проходила в ноябре–декабре 1942 года.

* **Ассоциация историков Второй мировой войны Национального комитета российских историков** — общественная организация ученых-профессионалов, специализирующихся в области истории Второй мировой и Великой Отечественной войн. Создана в 1993 году при Институте всеобщей истории РАН и является коллективным членом Международного комитета по истории Второй мировой войны МКИНа.

Члены Ассоциации — видные историки Москвы и ряда других научных центров страны. Среди них академики РАН — Ю. А. Поляков, Г. Н. Севостьянов, С. Л. Тихвинский и А. О. Чубарьян, президент Академии военных наук доктор исторических наук генерал армии М. А. Гареев, вице-президент Академии естественных наук доктор исторических наук генерал-майор В. А. Золотарев, доктор исторических наук профессор В. П. Зимонин, А. А. Кошкин, Г. А. Куманев, В. Л. Мальков, Л. В. Поздеева, А. М. Филитов, ряд молодых талантливых историков.

Ещё раз подчеркнём, что все эти три операции не были объединены единым замыслом, единой целью. Единственное, что их связывало, это общность территории.

Но прозападные краеведы и так называемые историки утверждают, что боевые операции с января по апрель 1942 г. надо исключить из Московской битвы. Эти «исследователи от конъюнктуры» теоретически сформировали новую битву — Ржевскую. Кстати, вяземские краеведы предлагают отдельно выделить и Вяземскую битву... Таким образом, они хотят дезорганизовать всю прежнюю историографию и нанести кровную обиду ветеранам! Ведь кроме чисто теоретических вопросов есть практические, жизненные. Все, кто участвовал в операциях с января по апрель 1942 г. на Московском направлении, являются (это обстоятельство закрепилось в отечественной историографии!) и по праву считают себя участниками Московской битвы. У этих людей, ныне ветеранов Великой Отечественной, есть определенный статус: они получают льготы как участники Московской битвы, их наградили соответствующими медалями. Если идти на поводу у конъюнктурщиков от науки, то получается, что всё это надо отменить!

Второй миф — будто в советское время информацию об операциях на Ржевско-Вяземском направлении скрывали.

Фильм Пивоварова преподносит нам сенсацию о секретной операции, за упоминание о которой чуть ли не сажали в тюрьму. Это совершенно не соответствует действительности!

Ещё когда я учился в Академии им. М. В. Фрунзе после войны, а позже в Академии Генштаба, нам читали лекции, где рассказывали о боях под Ржевом. В 6-томной «Истории Великой Отечественной войны» операция «Марс» даже на схеме показана, про неё написано в стратегическом очерке. Про Ржев говорится в более чем двадцати воспоминаниях наших военачальников, например Жукова, Галицкого. Да и как вообще можно засекретить битву, в которой участвовали миллионы. Засекретить операцию нельзя, но сфальсифицировать сведения о ней можно...

Я получил письмо из Иркутска от одного фронтовика, с которым мы в 1942 г. вместе участвовали в операции «Марс». Он негодовал: «Почему вы в Москве не наведёте порядок?! Почему нам говорят, что самые бездарные, провальные и бессмысленные операции были на ржевской земле? Даже внук мой говорит: «Что, дед, ты мне рассказываешь, как вы там воевали, — лучше не вспоминать!»

К сожалению, фальсификации оседают в сознании людей, формируют общественное мнение, поэтому их надо убедительно опровергать.

Почему одни операции более, а другие менее известны? Если в целом посмотреть на военную историю, то есть тысячи сражений и боев, а может, и десятки тысяч, которые были, но о которых не упоминается ни в учебниках, ни в книгах.

В истории всегда есть нечто типичное для того или иного времени, которое характеризует военное искусство той или иной эпохи. Поэтому всегда были и есть операции, которые навсегда останутся в памяти поколений, как, например, Бородинская битва, а есть такие, которые не являлись типичными для своего времени.

Третий миф о том, что операция «Марс» — это самостоятельная стратегическая операция, которая проводилась с целью разгрома центральной немецкой группы армий.

Он также нашёл отражение в книгах американского исследователя Д. Глэнца. В советские времена этот исследователь переводил книги наших отечественных историков, которые давали представление зарубежному читателю о наших военных операциях времён Второй мировой войны. Книги были хорошего качества, и Глэнц пользовался поддержкой Ассоциации историков Второй мировой войны. Потом он понял, что правда не оплачивается, и начал искажать исторические факты. Наиболее ярко эти упражнения с историческим материалом отразились в его книге «Крупнейшее поражение Жукова: катастрофа Красной Армии в операции „Марс“», которая полностью построена на фальсифицированных сведениях.

Какие же приводятся доказательства, что операция «Марс» — это самостоятельная стратегическо-наступательная операция, которая кончилась провалом? Во-первых, на западном направлении было больше войск, чем на Сталинградском направлении. Однако, если брать обстановку в крупном военно-политическом плане, то это не тактика, не оперативное искусство, даже не уровень чисто военной стратегии. Здесь формальный подход, что нужно вместо одной дивизии тут — две, а тут — три, неуместен, он не работает.

Для сравнения: когда в 1944 году проводилась Нормандская операция, только в американской армии уже было 11 млн. человек, не говоря уже про войска стран-участниц Антигитлеровской коалиции. А вся нормандская группировка, главная сила в операции «Оверлорд» в июне 1944 года, насчитывала всего 3 млн. человек. И не было необходимости ещё перебрасывать туда дополнительные силы.

Таким образом, с точки зрения тактических решений существует определенная военно-политическая целесообразность, а не формальный подход.

Не имея более аргументов, создатели фильма, вслед за прозападными историками, идут на прямой подлог сведений. Говоря о составе группировки войск, которая была у Г. К. Жукова во время операции «Марс», А. В. Пивоваров засчитывает силы и средства, которые были в июне–августе 1942 года. К моменту проведения операции «Марс» примерно 9 дивизий, 4 бригады, артиллерийские части были уже переброшены с Западного фронта на другое направление. Данные же, которые приводятся в фильме, не соответствуют действительности. Не учитывается,

что на Сталинградское направление были брошены силы воздушной армии дальней авиации.

Все основные резервы были расположены юго-западнее Москвы, которые всегда могли подкрепить Сталинградское направление. Если брать полное соотношение сил, то их надо учитывать. Когда принималось решение, какие силы и средства туда направить, исходили из того, что сердцевина войны привязана к Москве. Столицу нельзя было сдавать ни при каких обстоятельствах, ведь немцы уже вышли к Сталинграду и блокировали Ленинград. Поскольку Москва стояла, сохранялась устойчивость всего нашего стратегического фронта. Падение столицы разрушило бы всё. Рисковать было нельзя, поэтому на Московское направление были брошены определенные силы и средства. При этом дивизии НКВД, которые стояли в тылу, Московская армия ПВО не участвовали в операции «Марс»: перед ними ставили другие задачи — по прикрытию Москвы. Было соответствующее постановление ГКО, где сказано, что все основные силы и средства страны необходимо бросить на разгром противника под Сталинградом, в южном направлении.

Операция «Марс» также была проведена, чтобы подготовить условия и обеспечить успешное проведение операции на Сталинградском направлении.

В воспоминаниях известного советского разведчика П. А. Судоплатова приведен документ, в котором содержатся сведения, что И. В. Сталин, даже не поставив в известность Г. К. Жукова, сообщил вражеским силам через внешнюю разведку, что Советская армия предпримет наступление на западном направлении. Верховный главнокомандующий пошёл на эти крайние меры для того, чтобы немцы не увели свои силы на юг, на Сталинградское направление, чтобы одержать победу над врагом, чтобы начался перелом в ходе войны.

С. Герасимова, Д. Глэнц и другие прозападные исследователи упрекают Г. К. Жукова и И. С. Коневу в том, что не была обеспечена внезапность наступления. Получается абсурдная вещь: Верховный главнокомандующий, исходя из ведомых только ему целей, сообщает противнику, что мы здесь будем наступать, а эти деятели твердят, что Жуков не обеспечил какую-то внезапность наступления. Но какую внезапность?

В своих воспоминаниях командующий армией К. Н. Галицкий (потом он командовал 11-й Гвардейской) писал, что Г. К. Жуков приехал к нему перед началом операции и сказал: «Возьмёте вы Новосокольники или нет — не имеет значения. Важно, чтобы вы постоянно вели непрерывные боевые действия, прикрывали и не давали немцам перебрасывать под Сталинград силы». При чём здесь внезапность наступления?

Сам Г. К. Жуков больше находился на Сталинградском направлении, чем на западном. Известно и про его появление в полосе Донского фронта, когда готовились контрудары, и в целом ряде других армий.

Даже в ходе развития Сталинградской битвы в декабре 1942 — январе 1943 года Г. К. Жуков выезжал в войска Воронежского фронта. Он участвовал в обсуждении о последовательности уничтожения окруженных Сталинградской битвой сил врага, он вместе с А. М. Василевским докладывал И. В. Сталину план окружения и уничтожения немецкой группировки войск и т. д. Важно отметить, что главнокомандующий западного направления больше занимался Сталинградским.

Сталин послал именно Жукова на западное направление, поскольку появление Георгия Константиновича ввело бы в заблуждение немцев. Раз Жуков появился — значит, там будет главное наступление.

Наши военачальники шли на все меры, чтобы убедить врага, что главные события решаются на этом направлении, что ни одной дивизии снимать отсюда нельзя.

Из личного опыта. Я находился тогда в 50-й лыжной бригаде тогда, которая была в составе 49-й армии. В течение недели нашу бригаду днём подводили к переднему краю, мы там вместе с другими войсками занимали передовые позиции. Ночью нас перебрасывали в тыл. И так каждый день. Днём — мы на переднем крае, и нас видят немцы. Ночью — мы уходим, и немцы не могут нас засечь. Мы тоже возмущались, не понимая замысла. Но теперь, когда известна обстановка в целом, всё стало понятно.

Бои на западном направлении были очень трудными и с точки зрения местности, и с учётом того, что немцы на этом направлении имели возможность длительное время готовить оборону. И ими действительно была подготовлена очень сильная оборона. Там были отборные немецкие войска. А под Сталинградом — преимущественно румыны, итальянцы, венгры. По устойчивости и вооружению эти дивизии совершенно не сравнимы были с теми, которые находились на западном направлении. Это обстоятельство определило очень тяжелые бои.

Говоря о потерях, многие «исследователи» также фальсифицируют сведения. Даже замминистра обороны генерал армии В. Исаков, выступая на заседании оргкомитета «Победа», заявил: «Мы собираем компьютерные данные обо всех потерях. Насчитали уже погибших военнослужащих — 23 млн. человек!» Печать, недобросовестные историки забавляются этими цифрами. Каждый стремится занять первое место по насчитанному количеству потерь. А Солженицын, например, насчитал 60 млн., а В. Астафьев — 40 млн. человек.

Следует отметить, что при подсчёте погибших надо исходить из того, что фамилию, имя и отчество, особенно нерусские, некоторые записывают несколько раз. Даже при всех современных компьютерных возможностях исследователи этого не учитывают или не хотят этого делать — ведь людям нужна сенсация! Например, журналист В. Дымарский в своей статье, опубликованной в правительственной «Российской газете» (после выступления В. Исакова), восторженно

сообщал, что наконец-то Министерство обороны приближается к нам по количеству потерь. Мы всегда говорили, что 40 и даже 50 миллионов».

Сейчас целый ряд городов и населенных пунктов представляют к званию «Город воинской славы». Присвоили и Вязьме со Ржевом. И даже здесь не обошлось без издевательств над нашей историей! Губернаторы, опираясь на своих краеведов, когда описывают заслуги своего города, прежде всего перечисляют потери, исходя из принципа: чем больше потерь, тем больше заслуг. Да, потери под Ржевом, Вязьмой были действительно тяжёлые, но зачем же преувеличивать?! Затем, что всё это не случайно происходит. Подобного рода фальсификации являются общей частью кампании, направленной на дискредитацию Победы!

Когда в Санкт-Петербурге проходило заседание оргкомитета «Победа», мне удалось передать Президенту РФ вопрос по Великой Отечественной войне из тестов ЕГЭ по истории. Вопрос был следующий: «Какие важнейшие события произошли в 1943 году?»

Варианты ответов:

- а) ввели в 1943 г. погоны в Красной Армии;
- б) ввели заградотряды;
- г) ввели в Красной Армии священников;
- д) произвели расстрел всех военнопленных.

Реакцию Президента показывали даже по телевидению. Глава государства был потрясён и назвал этот тест чудовищным, провокационным. Что же в этой ситуации делать ученику, который правильно ответит, что в 1943 году завершалась Сталинградская битва или что была Курская битва? За этот ответ он получит автоматически через проверяющий тесты ЕГЭ компьютер двойку, незачёт.

Таким варварским способом вытравливаются подлинные знания и вдалбливаются в сознание людей чудовищные, искажающие подлинную нашу, полную драматизма и величия, историю. Ведь через какое-то время молодое поколение победителей в войне не будет ничего знать о нашем великом прошлом. Это серьёзная опасность, которую нельзя недооценивать!

Случайно ли, что, собираясь вступить в ЕС или НАТО, бывшие республики СССР начинают активно реабилитировать и награждать пособников фашизма и эсэсовцев. Особенно это характерно для Прибалтики и Украины. И это не встречает отпора в ЕС, а наоборот, поощряется!

Но при этом Франция, Бельгия приняли закон об уголовной ответственности за отрицание Холокоста, то же самое сделали и по геноциду армян в 1915 году. Почему же у нас не могут принять закон на правительственном или законодательном уровне о привлечении хотя бы к административной ответственности людей, отрицающих Победу и ее значение с точки зрения того, что мы победили нацизм, фашизм!

Недавно на Женевской конференции Генеральной Ассамблеи ООН обсуждался вопрос об осужде-

нии нацизма. Все страны-участницы проголосовали за эту резолюцию, кроме США и Маршалловых Островов. В этой связи возникает вопрос, нужно ли было побеждать фашизм, благое это дело или нет. По этому вопросу надо жёстко определить свою позицию не только историкам, но и политическому руководству, иначе ни о каком воспитании молодого поколения не может быть речи.

Возмутительно, что в фильме А. Пивоварова есть фрагменты интервью со мной. Но я не собирался участвовать в нем. В демократическом обществе должны советоваться с человеком, согласен он участвовать или нет. Была конференция на Поклонной горе по этим операциям. После неё ко мне подошли люди с телевидения и попросили высказаться насчёт операций. Вырванный кусок из этого неожиданного интервью без моего согласия вставили в фильм.

Самое возмутительное, что в фильме А. Пивоварова показали бывших фашистов, которые нам назидательно разъясняют, как кто воевал. Они говорят, что советских солдат, как скот, посылали на убой, и заявляют при этом: «Мы под Ржевом защищали свою родину, Великую Германию». Сам факт, что фашистам дают слово и они диктуют нам, что такое мораль и нравственность в их понимании, — кошунство. Получается, что не немцы убивали наших солдат, а сами наши полководцы губили их. Но сражались наши солдаты отважно и эти бои, не всегда успешные, подготовили условия для проведения последующих операций.

В своём фильме Пивоваров приводит огромными титрами слова немецкого генерала Гроссмана, который командовал дивизией под Ржевом: «Непобежденным ушёл немецкий солдат с ржевской земли!» И вот он, «непобеждённый», дошёл до Берлина и капитулировал. А советские солдаты, которые никаких-де побед не одерживали, каким-то образом пришли в столицу Германии. Страшно, что эту порочащую нашу историю ложь преподают в школах, транслируют по телевидению, печатают в газетах, пишут в книгах — и люди верят!

На 300-летие Полтавской битвы МИД России пригласило шведское правительство принять участие в праздновании этой даты. В ответ шведский посол написал, что шведская сторона примет участие, поскольку поражение под Полтавой дало возможность Швеции отказаться от имперских претензий, в результате чего сегодня она является процветающей страной.

Вас же призываю не отказываться от наших побед.

Д.и.н., профессор В. П. Зимонин

Спасибо за чёткую постановку вопроса. Действительно, фильм Алексея Пивоварова ужасный по своей неправдивости. Я читал американский журнал «Таймс» от июля 1943 года, где анализировалась ситуация после Сталинграда и накануне Курска, затрагивался и вопрос о самом Сталингра-

де. Как видно, американцы оценивали тот период вполне объективно. Победу они связывали с именем Г. К. Жукова. Конечно, его авторитет сыграл с ним злую шутку. И. В. Сталин, зная, насколько во всём мире известно имя Жукова, поставил именно его на этот не провальный, но тяжелейший участок фронта, цель которого была — оттянуть на себя огромную часть немецких войск и не дать им пойти на Сталинград, на Кавказ, и Москву сохранить, и Ленинград удержать. И все эти задачи мог выполнить только Г. К. Жуков, с его авторитетом, волевыми качествами. Это была тяжелейшая ноша для Жукова. В этот период вышел номер журнала «Таймс», посвященный маршалу А. М. Василевскому (в декабре 1941 г. этот журнал посвящался Г. К. Жукову), в котором отмечалось следующее: «В критическое время (1942 год. — В. З.) штабные офицеры (имелись в виду члены Ставки. — В. З.) не сидели за своими столами. В прошлом году Василевский, Жуков и Воронов отправились на поле боя для руководства контрнаступлением, которое привело к победе под Сталинградом. Когда Василевский был брошен на Воронежский фронт, он возглавил там действие группы армий. На севере маршал Жуков сначала спланировал, а после организовал контрнаступление, которое отразилось на всей зимней кампании Красной Армии». Это оценка наших союзников, которые не очень многое к тому времени сделали для нашей общей победы. Главное, что они видели роль Жукова в этот ответственный период.

**Президент Ассоциации д.и.н.,
профессор О. А. Ржевский**

Один из скрытых и в то же время очень опасных методов дискредитации истории тех событий, которые авторы фильма называют «Ржевской битвой», о чём частично генерал армии упомянул, это немецкие планы, связанные с действиями немецкой 9-й армии. Совершенно верно говорил Махмут Ахметович, что всё равно в центре внимания, где бы ни шли бои, пока немецкая армия не потерпела окончательного поражения, была Москва. К середине 1942 г. на должность командующего 9-й армией, которая была усилена несколькими дивизиями, назначен фельдмаршал В. Модель. И всё время, несмотря на тяжелейшие бои на южном крыле фронта, готовился удар по Москве.

7 августа А. Гитлер отдал распоряжение В. Моделю о проведении операции «Смерч» — удара в направлении Москвы. Нетрудно представить, насколько внезапным был бы этот удар, если бы не была предусмотрена серия операций, в том числе операция «Марс». Знание этих немецких планов и приказов Гитлера не только объясняет, почему была предпринята операция «Марс», но и почему шли столь ожесточенные бои на Ржевском направлении. Ведь в то время внезапный удар в направлении Москвы был чрезвычайно опасен.

**Президент Академии военных наук,
генерал армии М. А. Гареев**

К сожалению, сейчас наблюдается негативная тенденция в исторической науке. Среди так называемых военных историков многие не имеют не только военного, но и исторического образования. Например, известный «специалист» В. Бешанов. Как выяснилось, он окончил Военно-морское инженерно-техническое училище в Калининграде. В хрущёвско-брежневские времена он попал под сокращение. Приехал к родственникам в Брест и устроился работать в пединститут. Но ему не поручили преподавать математику или физику, а прикрепили на кафедру истории. Так он стал историком.

Сейчас многие без образования, желающие показать свои интеллектуальные силы, в графе «специальность» пишут «историк». Но есть люди, которые пришли в историю с хорошим опытом и стажем, написали много книг. Среди них В. А. Невежин, автор ряда научных трудов. Однажды в выступлении по телевидению он рассказывал, почему советские войска не смогли освободить Варшаву сразу в 1944 г., и загадочно произнёс: «До сих пор не найдены документы, объясняющие, почему не начали сразу новую наступательную операцию!».

Но для военных историков помимо документов необходимо знание военного дела, стратегического планирования. Например, первоначально при планировании Белорусской операции задачи фронтам были поставлены на глубину 250–300 км. Но потом операция получила неожиданный успех. В ходе ее удалось продвинуться на глубину 500–600 км, выйти на Вислу. При этом были полностью израсходованы горючее и боеприпасы. Было много погибших, кто-то оказался в госпитале. Дороги были взорваны. Кстати, когда Белорусская операция была завершена, партизаны, не знавшие об этом, всё ещё продолжали взрывать железные дороги, честно выполняя свой долг. Потом, правда, стали разбрасывать листовки, угрожая партизанам расстрелом, если они будут продолжать диверсии и взрывы. Итак, дороги и мосты были взорваны. В этих условиях, чтобы начать новую операцию, необходимо было подать боеприпасы, перебазировать авиацию, отремонтировать аэродромы, систему радиолокационного и другого наблюдения, восстановить мосты, железнодорожное и иное транспортное сообщение. В архиве ответа на вопрос, почему не была начата новая операция, нельзя найти, если оторваться от жизненных обстоятельств. В результате появляются различного рода домыслы.

**Д.и.н., профессор А. А. Ахтамзян
(МГИМО)**

Махмут Ахметович, Ваш доклад произвел на нас большое впечатление в силу Вашей компетентности, опыта. Вы один из участников Великой Отечественной войны, который на собственном опыте

переживал эти сражения. Но тем не менее даже Вы занимаете позицию деликатного оборонческого характера. Если ветераны не скажут сейчас новому поколению громко правду, то ложь возьмёт верх. Я выскажу предположение, которое родилось в одной из дискуссий в академических кругах: Запад готовится отметить 1939 год, причём так, чтобы вина за развязывание Второй мировой войны целиком легла на нашу страну! Почему сейчас сотни компетентных историков не могут потребовать от канала, который транслировал фильм Пивоварова, провести «крутой стол»? Пусть это будет поводом к обсуждению и осуждению всей неправды, показанной в этом фильме! Надо как-то противодействовать этой лавине лжи!

Д.и.н., профессор Г. А. Куманёв

Дорогие товарищи, думаю, что выражу общее мнение, что выступление генерала армии М. А. Гарева было очень интересным, глубоким и всех нас удовлетворило. Моя реплика по поводу документа, подписанного А. Гитлером, фельдмаршалу Моделю от 7 августа. Но при этом надо учитывать, что летом и осенью 1942 г. в разгаре была дезинформационная операция «Кремль», которую проводили немцы. У И. В. Сталина было ошибочное мнение, когда он на заседании навязал Ставке 28 марта идею, что необходимо перейти к активной обороне, под которой он понимал проведение 11 наступательных операций, которые все были провалены: Крым, Харьков, Демянский, Ленинград и т. д. А. Гитлер ещё в январе заявил японскому послу Осиме, что главной целью его удара будет Юг. «Не получу нефть Майкопа, Грозного, Баку — я войну проигрываю». Зная, что Сталин уверен, что немецкая армада, 70 дивизий группы армии «Центр», пойдёт на Москву, немцы подбрасывали ему дезинформацию. Дело дошло до

того, что, когда наша авиация сбивала самолёт-разведчик, у находившегося в нем немецкого офицера Генерального штаба оказалась карта, в которой были обозначены сроки взятия Ленинграда, Борисоглебска, Рязани, Арзамаса. Непонятно, почему Сталин в докладе 6 ноября счёл необходимым это всё обнародовать и сказать, что эти сведения — лишнее доказательство того, что главная цель противника — Москва. Но ведь в данное время Гитлер оставил нашу столицу в своих стратегических планах на потом. Немцы с удовлетворением отмечали, что по указаниям Верховного главнокомандующего многие и без того скудные резервы перебрасывались с южного фланга советско-германского фронта на Москву.

Д.и.н., проф. М. Ю. Мягков. Заведующий Центром истории мировых войн и геополитики ИВИ РАН

План «Кремль» действительно существовал, но его основная разработка и приведение в действие относились к маю–июню 1942 года. Посол Осима, будучи на советско-германском фронте в августе 1942 г., получил информацию от немецких военных руководителей о том, что ведутся затяжные бои в Сталинграде, но планируется удар на Московском направлении. Впоследствии эта информация была доведена через наши разведорганы до Генерального штаба Красной Армии.

Как видно, с информацией разведки была очень сложная ситуация, что затрудняло определение планов противника. Но тем не менее Москва как остов всего Восточного фронта оставалась. Ведь падение столицы повлекло бы за собой крушение всего сопротивления. Москва в планах немецкого командования на август, сентябрь–ноябрь оставалась одной из приоритетных целей.

«Война и общество в XX веке» *

**Академик РАН А. О. Чубарьян, директор
Института всеобщей истории РАН:**

Уважаемые коллеги!

Сегодня на встрече с вами речь пойдет по поводу выхода трёхтомного издания «Война и общество в XX веке». Это завершение работы, которую в течение нескольких лет вёл Институт всеобщей истории РАН, коллектив под руководством профессора О. А. Ржешевского. Первый большой 4-томник, выпущенный Центром войн и геополитики ИВИ РАН, назывался «Мировые войны XX века». Вторая книга — «Народ. Война. Победа». Третий труд, который сегодня представляется, называется «Война и общество в XX веке». Он имеет свою специфику. Как правило, книги о войне либо полностью посвящены боевым операциям, либо эти военные операции занимали в них преобладающее место (это было характерно как для советской историографии, так и для современной), либо работы по войне посвящены международным проблемам, которые находятся в центре споров и острых дискуссий.

Представляемый труд сместил акцент на общество, повседневную жизнь. Многие болели, голодали, любили друг друга, жили... Люди жили в экстремальных условиях, значит, проявлялись человеческие характеры. Люди испытывали давление режимов, давление войны. Основной вывод в том, что война — это мировая трагедия, и общество должно сделать всё, чтобы это больше не повторялось. Главное — гражданское общество. Хотя в советском обществе его не было, как и демократических институтов, которые могли бы оказывать влияние на политику властей. Но и в демократических странах, в экстремальных условиях, вполне естественно, элементы гражданского общества, гражданского контроля, демократической

культуры были ограничены. Война требует монополии власти, усилий не только для военных нужд, но и для промышленных.

Есть точка зрения, что Великая Отечественная война, победа в ней укрепила режим Сталина. Это спорный вопрос, который может вытекать из содержания трёхтомника. Война была неизбежно связана с централизацией, ужесточением жизни. Без этого невозможно осуществить власть и обеспечить победу. Но одновременно действовали институты принуждения, которые были до войны. Были репрессии, которые продолжались. Многие из них были совершенно необоснованны, например военных. Война вызвала гражданский подъём населения. Люди, поддерживающие страну; люди, даже оппозиционно настроенные по отношению к власти; люди, испытавшие на себе издержки этой власти, объединились. Война привела к настоящему национальному объединению. Поэтому эта война и получила название Отечественной, это была война по защите Отечества. Часть людей воевали, чтобы спасти свою жизнь, но подавляющее число исповедовали принципы защиты своей страны, независимости Родины. А значит, это неотделимо было от своих семей, близких. Вот круг вопросов, который находился в центре внимания авторского коллектива.

Книга основана на существенной источниковедческой базе. Много новых документов, которые связаны с состоянием общества: человек на фронте, человек в тылу, человек в эвакуации, человек в плену. Эти документы отражали жизнь человека в экстремальных ситуациях.

Вопрос: Задача, которую поставил перед собой авторский коллектив — рассмотреть проблему «война и общество» комплексно и в международном масштабе, — весьма сложная, учитывая, что и узких исследований по этой теме мало и в нашей стране,

* Пресс-конференция в РИА — **НОВОСТИ 23 июня 2009 г.**

Участники: академик А. О. Чубарьян, генерал-майор В. А. Золотарёв, проф. О. А. Ржешевский, д.и.н. Л. В. Поздеева, д.и.н. М. Ю. Мягков, д.и.н. С. В. Листиков, д.и.н. С. М. Монин, к.и.н. Ю. А. Никифоров.

и за рубежом. Сама проблема звучит новаторски для современной историографии. Что побудило авторов к написанию столь ответственного труда? И нашёл ли он отклик в прессе?

Д.и.н. О. А. Ржешевский, руководитель проекта:

На наш труд 12 мая была опубликована обстоятельная рецензия в «Российской газете». Есть несколько причин, побудивших наш авторский коллектив к созданию данного трёхтомного труда. Существующий веками в истории алгоритм «мир — война» всё более сокращается в своих интервалах, войны следуют одна за другой. При этом вторая половина XX века и то десятилетие, которое мы прожили в новом веке, — это нарастающая череда войн, которые представляют всё большую и большую трагедию для человечества. Причём, если раньше в цивилизованных обществах было принято объявлять войну и делать дипломатические, политические и даже военные жесты, предупреждающие о вступлении страны в войну, то сейчас мы всё реже это встречаем. Придумываются различные предлоги, которые потом оказываются несостоятельными, но война тем не менее развязывается, в них гибнет огромное количество мирного населения, и это войны, которые не имеют в качестве причин непосредственной военной угрозы. Я имею в виду войны в Ираке, Югославии; межэтнические и межнациональные постоянные военные конфликты в Африке.

Вторая причина — в возросшем влиянии общественных настроений на политику государств, особые изменения, которые произошли в нашей стране, появившаяся возможность высказывать свою точку зрения, говорить об альтернативной истории. Эта причина также связана с тем, что любая крупная война втягивает в свою орбиту целый ряд других государств — всё это влияет на состояние общества. Поэтому мы взяли столь широко в международном масштабе историю войн XX века, которые происходили на различных континентах; войны, которые мало исследованы, но оставили после себя следы трагедии, которая разыгрывалась то в одном, то в другом районе мира.

Третий мотив — мы живём в удивительном окружении исторических материалов, которые часто противоречат друг другу, и непрофессионалу трудно определить, что соответствует истине, а что — нет. Мы надеемся, что в этом отношении большое значение будет иметь указ Президента РФ о создании Комиссии по борьбе против фальсификации истории в ущерб национальных и государственных интересов России. Среди фальсификаций, которые давно практикуются не только в нашей стране, но и в наиболее крупных державах мира, преобладают те, которые направлены против России. Поэтому существует необходимость утверждения исторических реалий. В этом смысле мы уверены за свои труды. Я имею в виду не только «Вой-

ну и общество», но и достоверность других трудов Института всеобщей истории. Можно соглашаться или не принимать те или иные выводы, но с точки зрения фактического материала, источников, на которые даются соответствующие ссылки, мы старались сделать так, чтобы читатель нам доверял.

Труд потребовал привлечения более 50 авторов, поскольку палитра рассматриваемых вопросов была столь широка, что понадобились узкие специалисты высокого уровня. Это исследование носит международный характер. В нём приняли участие учёные из Австралии, Великобритании, Германии, США, Японии. Но главное — все авторы являются специалистами самого высокого класса. И это не только академики, доктора, но и талантливые аспиранты. Мы надеемся, что участие такого разновозрастного коллектива также отразилось в стиле изложения исторического материала, который сегодня наиболее востребован нашим обществом.

Работа над трудом была построена таким образом, что каждый том имел своего научного руководителя и ответственного редактора, которые работали совместно.

Вопрос: Что в научном отношении дал вам опыт сотрудничества с западными авторами? Появились ли какие-то материалы, по-новому освещающие события войн XX века?

Д.и.н. В. А. Золотарёв, научный руководитель первого тома:

Уважаемые коллеги! Очень важен ваш интерес к обсуждаемой сегодня теме. Трёхтомник, о котором рассказали мои коллеги, — это органическое продолжение четырёхтомного, выдержавшего два издания труда «Мировые войны XX века». Здесь впервые в мировой историографии взят совершенно другой угол зрения, предпринята попытка посмотреть, что же из себя представляла сопряженность «война и общество». Причём речь шла и о странах-участницах, и о нейтральных странах. С многих точек зрения авторский коллектив рассматривал эту проблему. Каждое поколение стремится по-своему познать свою историю, своё прошлое, устремления, страсти, мечты и надежды. Но есть один очень важный исторический азимут — это фундаментальная наука, и в данном случае априорно он был самым важным обстоятельством в исследовании. Т.е. это аргументация, доказательная база и очень большой серьёзный научный аппарат.

Первый том посвящён событиям начала XX века до ноября 1918 г., до Версальских событий, до подведения итогов битвы народов. Чем важны эти события? Возьмём для примера события осени 1903 года. Если бы существовала финансовая разведка, которая сейчас есть, то мы бы прекрасно понимали, что можно избежать войны с Японией и, с другой стороны, знали бы, что все их программы, рассчитанные по 1906 г., — по сути, оперативная и стратегическая маскировка,

камуфляж. Проплачены были все счета, и основные составляющие программы военного строительства и военной реформы были закончены за 2–3 месяца до нападения на Порт-Артур. Это обстоятельство свидетельствует о необходимости изучения всех сторон, всех граней такого сложнейшего явления, как война. Извлекая уроки из этого опыта, мы понимаем, что нам надо предпринять, какой комплекс мер осуществить, чтобы попытаться предотвратить то, что называется словом «война».

Очень бы хотелось, чтобы в будущем наши последователи, студенты, аспиранты, описывая сегодняшние события XXI века, сказали бы с удовольствием, что войны в первом десятилетии закончились, что нет больше войны. Может быть, это грёзы, иллюзии, может, homo sapiens не готов к этому, но должна быть какая-то мечта, надежда на лучшее. Прошлое никогда не исчезает, оно существует как яркое доказательство, что мы своими делами и поступками будем жить в грядущем. Есть универсальный способ поддерживать эту органическую связь времён — развивать историческую науку и как можно бережней относиться к тому, что мы называем историей нашей Родины. Не противопоставлять эпохи, а искать их органическую связь и искать то поучительное, что нужно сегодня.

А что извлечь из Первой мировой войны? Россия вползла в войну. Можно было избежать? — Безусловно. Такой результат — 38 государств с населением больше 1,5 млрд. человек, 4 континента, включая США, участвовали в войне. А реальные последствия — 10 млн. погибших, более 20 млн. искалеченных, миллионы умерших от голода и болезней. Мне думается, что это не последний аккорд, но очередной шаг, с точки зрения гносеологии, просветительской и государственно-патриотической функций.

Вопрос: Этот труд весьма ценен для современной науки и нашего запутавшегося в обилии некачественной литературы общества. Чем больше вы будете создавать подобного рода работ, тем качественней будет материал в учебниках, тем меньше будет глупостей и ляпов, тем скорее будет образовано наше поколение в плане познания минувшего. Каков же тираж этой книги?

О. А. Ржешевский:

Книга вышла количеством 800 экземпляров.

А. О. Чубарьян:

Как это? Много или мало с точки зрения журналистов?

Голос из публики: Этого хватит только для читателей библиотеки.

Вопрос: Вызвал ли ваш уникальный труд интерес в мире? К вам обращаются коллеги?

А. О. Чубарьян:

Масса рецензий есть уже. Мы получаем много запросов. Мы рассылаем наши книги по универси-

тетским центрам. Это уже 100 экземпляров. Значит, только один экземпляр попадает в университетскую библиотеку. Фактически он мало доступен. Но это издержки не наши, а системы распространения книг в стране.

Вопрос: Существует миф, что, были люди в наше время, «богатыри не мы», что раньше существовал другой тип людей. Проводились ли сравнительно-исторические исследования между нашим многократно критикуемым обществом и тем особым типом советского человека, который дал победу? Второй вопрос — входите ли вы по своей работе в эту Комиссию.

А. О. Чубарьян:

Все задают вопросы про Комиссию, но она ещё не собиралась. Единственное, что я могу сказать, что есть указ Президента о создании Комиссии. По Первому каналу было большое интервью председателя Комиссии. С моей точки зрения, Комиссия — это не научное учреждение, она не пишет книги, не занимается конкретными интерпретациями. Она выполняет чисто координационные функции. Большая задача Комиссии — помочь обеспечить доступ в архивы, для того чтобы можно более документально бороться с искажениями истории.

О. А. Ржешевский:

В истории не бывает так, чтобы общество, которое веками пребывает в одном состоянии, вдруг преобразилось и стало другим. Эстафета нравственных критериев бытия передаётся из поколения в поколение. Я понимаю Ваш вопрос так, что общество, которое сумело защитить страну в Великой Отечественной войне, и общество сегодняшнего дня — глубоко различны. Да, различны, прежде всего в силу изменения общественно-политического строя и в силу той геополитической катастрофы, которая произошла в результате развала СССР, что нашло отражение в каждой семье, в сознании каждого человека. Если вы хотите, чтобы я ответил на вопрос, как будет нынешнее молодое поколение защищать страну в случае грозящей опасности, то на него ответить сложно. Мы не футурологи, но в то же время традиции защиты Родины свойственны нашему народу с древних времён и до наших дней. Конечно, молодёжь другая, но значительная часть её представителей привлекательны. Она новая по образу мышления, образу жизни, который соответствует современному этапу развития мирового сообщества.

Вопрос: Не могли бы вы назвать объём недавно рассекреченных документов. Что это за документы из отечественных и зарубежных архивов? Чем они важны для понимания тех процессов, о которых вы пишете?

В. А. Золотарёв: Из чего состоит источниковедческая база. Если вы помните, издавался «Русский

архив». Вышло 29 томов. Они посвящены событиям с 1940 г. до окончания Второй мировой войны. Это 29 томов, прошедших археографическую экспертизу документов, которые выпущены издательством «Тerra». Первый том вышел тиражом 10 000 экземпляров. Он отражает состояние Красной Армии накануне войны. Идёт освещение прошедших в Кремле совещаний с 23–31 декабря 1940 г., где было приглашено 273 участника — от наркома обороны до злополучного командира 99-й дивизии генерала Власова, будущего предателя. Позади был Финский фронт, позади были репрессии, поэтому были достаточно взвешенные, аргументированные выступления. Все эти доклады, опубликованные с хорошими комментариями, которые представляются нам абсолютно достоверными, — являются хорошей базой, показывающей, что из себя представляла Рабоче-Крестьянская Красная Армия накануне войны. Сюда же входят документы Генерального штаба, документы ставки Верховного главнокомандования, приказы и директивы наркома обороны. Кроме того, это частная работа исследователей в архивах, начиная от государственных и заканчивая Архивом Министерства обороны в Подольске. Что касается рассекреченных документов, то есть указы президента и министра обороны. Будем надеяться, что это позволит исследователям дальше проникнуть в тайны фондов ЦАМО и Военного архива, ЦРВИА.

Д.и.н. С. В. Листиков, ответственный редактор первого тома:

Разговор идёт о том, что, с одной стороны, существуют различные точки зрения насчёт того, насколько была обоснованна Октябрьская революция, с точки зрения её внутреннего содержания, процессов, происходивших в России, насколько приезд В. И. Ульянова-Ленина поддерживался немцами, насколько это было явлением внешним для России и насколько, с другой стороны, та концепция, имевшая место в советские времена, что большевистская партия получила поддержку, — эта дискуссия продолжается в этой книге, при этом представлены различные точки зрения.

Относительно Русско-японской войны. В книге есть две главы, посвящённые этой проблеме. Первая отражает взгляд российских историков на Россию эпохи Русско-японской войны. Вторая — взгляд японского историка на японское общество того же времени.

Д.и.н. Мягков М. Ю., научный руководитель третьего тома:

В 2007 г. вышел приказ министра обороны по поводу рассекречивания архивных документов, касающихся тех, что хранятся в ЦАМО (г. Подольск). Речь идёт о рассекречивании документов фронтового уровня, вплоть до материалов Генерального штаба и Ставки. Процесс идёт, но он замедлен в связи с тем, что не хватает средств, как не хватает средств на выпуск большого тиража этой книги, так не хватает их

и для обеспечения нашего нормального архивного дела. Тем не менее исследователи получили в последнее время значительный объём документов, который помогает им раскрывать ту картину реальной войны, прежде всего войн XX века, в которых участвовали Российская империя и СССР.

Относительно дискуссионных тем в третьем томе. Чтобы мы ни писали, например, о Фолклендской войне, которая также представлена у нас с двух сторон — с английской точки зрения (а Англия не могла больше отступить, по выражению Тэтчер), или с аргентинской стороны; либо о вьетнамском или корейском обществах, — тем не менее мы всё равно имеем в виду Россию. В этом смысле показательно вступление советских войск в Афганистан. Здесь очень большое поле для дискуссии и разбора причин, почему это произошло, почему не был учтён иностранный опыт ведения войн на территории Афганистана и состояния афганского общества после революции — почему не были учтены те моменты, которые помогли бы, наверное, избежать тех последствий, которые случились позднее, после декабря 1979 года.

Какую бы главу мы ни готовили, в любом случае мы думали о России, её прошлом, настоящем и будущем. Как верно отметил А. О. Чубарьян, мы должны избежать войн в будущем — в принципе это очень желательно. Но, скорее всего, избежать войн не удастся. Вполне возможно, что в локальный конфликт, а может, и мировой, будет втянута Россия.

Любая война, даже сетевая, информационная — это тоже война. Сумеет ли мы достойно ответить нашим возможным противникам — основная задача этой книги. Хотелось бы, чтобы заинтересованные люди почаще читали такие книги.

Ю. А. Никифоров:

Хотел бы поддержать М. Ю. Мягкова в его стремлении развернуть дискуссию в сторону труда. Говорить о рассекречивании вообще каких бы то ни было документов, о проблемах, которые существуют в России с рассекречиванием, — это другая тема. Если говорить непосредственно о труде, то следует отметить, что за последние 20 лет по российской истории была рассекречена большая масса документов, что историкам понадобится немало лет, чтобы освоить весь этот массив источников и именно с научных позиций его проанализировать. Проблема, в которой находится наше информационное поле знаний по истории XX века, в том, что существует много литературы, книг, авторы которых часто поспешно, часто недобросовестно, пренебрегая правилами источниковедческого анализа, выхватывают источники из архивов, не зная, что с ними делать, и не могут их встроить в систему координат, которая отвечала бы научности и объективности. Задача авторов труда была определить, в каких границах возможны дискуссии по поводу тех документов, чтобы мы могли говорить об их научном прочтении, о добросовестном их исследовании,

а то, что выходит за эти рамки, можно уже считать несерьёзным, не историческим.

В значительной степени работа основана на том, что мы вовлекаем те известные источники, которые были рассекречены даже 10–20 лет тому назад, в научное исследование, в научный оборот по-настоящему. Зачастую эти источники ранее подвергались разным экстравагантным трактовкам, которые вызваны в первую очередь человеком, который их первым достал, его желанием создать сенсацию, информационный повод, но эти интерпретации к подлинной истории отношения не имели. Таких примеров можно приводить массу.

Вопрос: Третья книга вашего труда посвящена периоду после 1945 г. до конца XX века. Это время большого количества локальных конфликтов, историю которых трудно уместить в один том. Какими научными и общественно-значимыми приоритетами вы руководствовались при подборе тем для данного тома? Что в этой книге, на ваш взгляд, будет наиболее любопытным для широкого читателя?

Ю. А. Никифоров:

Книга живёт уже несколько месяцев, технические проблемы далеко позади, поэтому нам можно посмотреть на неё как читателям. Я, как историк в роли читателя, в первую очередь обратил бы внимание на то, насколько она по-настоящему интересна своим замыслом, потому что каждое общество в истории, в той или иной стране, в тот или иной период давало свой уникальный во многом ответ, свою модель реакции на войны, свой пример взаимоотношений с политическим режимом собственной страны, который существовал во время войны, претерпевало значительную эволюцию под влиянием войны, тех условий, в которых она была начата, и выхода из неё. Здесь очень большое поле для компаративистики, потому что мы даём несколько глав, в которых есть и Австрия, и Германия с их проблемами денацификации и выхода из Второй мировой войны; и Франция с её проблемами деколонизации во время Алжирской войны и войны в Индокитае.

То же касается освещения локальных войн и конфликтов в третьей книге: мы попытались посмотреть американское и вьетнамское общество во Вьетнамской войне, советское и афганское — в Афганской войне.

В каждой стране существует своя историческая традиция, мы не знаем, как согласовать эти точки зрения, — у каждого своя правда. Авторский коллектив поставил задачу дать профессионалам из разных стран это сделать. Например, Англия и Аргентина. Это даёт возможность для историка задать самому себе вопросы, сравнить, сопоставить и сделать следующий шаг в исследовании сравнительного характера. Очень хорошую базу нам дали те авторы, которые эти главы писали.

Несмотря на то что в третьем томе мы называем войны локальными конфликтами, это не означает, что рассмотрение их ведётся на локальном уровне. Значительная часть войн, с чем согласны большинство историков XX века, были связаны с глобальным противоборством сверхдержав после Второй мировой войны, являясь формами проявления этой борьбы. Авторы, учитывая это, старались включить описание этих локальных конфликтов в форму глобального противоборства. В этой связи у нас появились планы, которые непосредственно связаны с возникновением холодной войны и реакцией двух главных участников — США и СССР, прежде всего их обществ, в связи с этой глобальной конфронтацией.

Как представитель молодого поколения исследователей, я хотел бы отдать должное руководителям проекта — О. А. Ржешевскому и А. О. Чубарьяну за то, что они не боятся увлечь нас в столь масштабные, амбициозные и уникальные проекты.

Вопрос: Писать работу, отражающую историю повседневности военного времени, очень трудно. Как вам удалось подобрать источники, отражающие состояние обществ разных стран в этих условиях?

Д. и. н. Л. В. Поздеева, научный руководитель второго тома:

Очень мне приятно, что проделана такая гигантская работа отдела, которая объединила большой коллектив авторов, специалистов по разным областям и странам, которые приглашены участвовать в этом труде. Приятно, что это вызывает большой интерес. Хотелось бы отдать должное Олегу Александровичу Ржешевскому и Александру Огановичу Чубарьяну — без их энергии, знаний и очень высокой квалификации мы не могли бы за столь короткий срок издать такой объёмный трехтомный труд.

Труд отличается тем, что он основан на первоисточниках, и в этой связи надо представлять себе, что те трудности, с которыми столкнулись специалисты, исследуя внутренние процессы состояния обществ, войны, несоизмеримо больше, чем те проблемы, которыми занимаются специалисты внешней политики и международных отношений. Состав источников по этой тематике, если брать разные страны, чрезвычайно разнообразен. И в ряде случаев приходится испытывать колоссальные трудности, чтобы привлечь новые материалы, которые могут помочь обратиться к внутренним проблемам. Больше разработаны другие аспекты военной истории — международные отношения, международные связи. Но такого цельного труда, который бы затрагивал события с 1939 г. по 1945 г. и касался бы многих стран и многих проблем, ещё не было создано.

В разных странах (если не считать СССР и современную Россию, где этим вопросам уделялось и продолжает уделяться большое внимание) достаточно давно идут исследования гражданской истории в других странах. В Великобритании, например,

с 1950-х годов выходила «Гражданская история». Очень крупные историки, экономисты издавали серию документов, посвящённую разным аспектам общественной жизни. В изучении обществ других стран наша историческая наука отставала.

Одна из задач при создании второго тома заключалась в поиске не только приемлемых для нас аспектов исследования, но и источников. Некоторые из них есть в наших библиотеках, но если не обратиться к источникам зарубежных архивов, то подчас очень трудно отвечать на многие сложные вопросы. Мы, конечно, не полностью ответили на все вопросы и могли шире дать представление о внутренней жизни, о состоянии общества в зарубежных странах. Но многое осталось за пределами изучения, поскольку мы были лишены источников. Если бы авторы, прежде всего молодые исследователи, имели возможность работать в иностранных архивах, то результаты нашей работы были бы более значительными.

Д.и.н. С. М. Монин, декан МГИМО:

Оценка труда, на мой взгляд, может быть только одна — впечатляет! Впечатляет труд по многим параметрам. Прежде всего, это объем. Объёмнее труда за последние годы в «Науке» не выходило, если не считать изданного недавно, подготовленного тем же Центром геополитики и мировых войн 4-томника «Мировые войны в XX веке».

Во-вторых, это авторский коллектив. Какой раздел ни откроешь, чувствуется, что пишет профессионал. В-третьих, это география. Мы привыкли сосредоточивать внимание на крупнейших странах — а здесь мы видим широкий подбор. Например, очень разнообразно представлены страны Востока. Если о Китае и Японии ещё есть литература, то тема Индии в годы Второй мировой войны крайне мало освещена. В соответствующем разделе говорится о таких малоизвестных у нас фактах, как о попытках сторонников независимости Индии найти поддержку у Японии в борьбе против Великобритании. Тот же капитан Сингх, который создал вооруженные формирования под эгидой японцев. Затем Чандра Бос, который создал временное национальное правление Индии под колпаком у японцев.

Плохо освещены в отечественной историографии и такие проблемы, как состояние вьетнамского общества во время двух войн — против французов и против американцев; история афганского общества, накануне Апрельской революции, междоусобная борьба двух фракций НДФА, причины этой революции и мотивы, заставившие Советский Союз втянуться во все эти события. Мало исследованы и такие вопросы, как малые и нейтральные страны в годы Второй мировой войны; что происходило в то время в обществах Испании, Португалии, Швейцарии, Швеции, Греции в годы мировых войн. Это очень большая историографическая редкость, требующая соответствующего материала.

Но самое главное — это содержание, что и как написано в этой работе. Здесь уже говорилось о состоянии отечественной исторической науки и нашего исторического общественного сознания. Очень часто за новое выдаётся нечто модное в силу конъюнктурных политических или других причин. Сейчас идёт череда событий, связанная с 70-летием событий начала Второй мировой войны. Что-то отмечается и замечается в прессе и откладывается в общественном сознании. Например, по Мюнхенскому соглашению были научные конференции. Были рецензии в прессе, в частности на труд А. О. Чубарьяна по кануну войны. Но Мюнхен традиционно представляется как сговор четырех держав по разделу Чехословакии. А роль Польши и Венгрии в этих событиях? Польша, которая постоянно выступает в качестве пострадавшей стороны и требует каких-то извинений в свой адрес. Но чем отличалась политика этого государства в канун войны? Или события весны 1939 г. — ликвидация Чехословакии (окончательно в марте 1939 г.). В нашей печати, почему-то это прошло незамеченным, хотя стоило бы напомнить, кто ликвидировал Чехословакию как государство.

Скоро наступит август, и в нашей печати пойдет вал публикаций о советско-германском пакте о ненападении. И получится однобокая картина, как будто вся война выросла из одного этого договора. Но настоящая наука не должна быть конъюнктурной, не должна выхватывать отдельные модные, как кому-то кажется, актуальные жареные факты, а исследовать основательно, добротнo, на основе источников, изучения историографии вопросов, споров с теми, с кем автор не согласен. Для обсуждаемого издания это является чуть ли не главной характерной чертой. Это действительно научное издание — а не конъюнктурщина, не попытка сыграть на каких-то модных тенденциях. Это академическое научное исследование. Если анализируется, например, Вторая мировая война, то начинается исследование её истоков с окончания Первой мировой войны и вплоть до сентября 1939 года. Любая проблема в труде рассматривается с основательностью и фундаментальностью. Все, кто интересуются тематикой «война и общество», что-то полезное для себя обязательно найдут.

Маленький тираж книги — общая беда для академической науки. 800 экземпляров не хватит на библиотеки всех вузов. Могу высказать пожелание в отношении Комиссии по противодействию историческим фальсификациям: может, одним из направлений её деятельности могло бы стать предоставление грантов на проведение подобного рода исследований, денег на публикацию такого рода научных трудов. Получается, что в любой книжный магазин зайдешь — там будет целая полка творений В. Суворова, к которой добавляются полки «Правда Суворова» и «Неправда Суворова».

Суворов уже 20 лет издаёт в нашей стране книги неимоверно большими тиражами, буквально завали-

вая своей продукцией магазины. Деньги на такого рода издания откуда-то берутся. Наверное, можно было бы организовать финансирование и научных трудов или в развитие чисто научного трёхтомника какого-то научно-популярного издания для широкой публики, но на ту же тематику и на тех же методологических и источниковедческих основах.

О. А. Ржешевский:

Авторы старались построить нашу книгу таким образом, чтобы она давала прежде всего выходы на будущее. К каким бы вы крупным событиям XX века ни обратились, которые сегодня приобретают характер вдруг возникшего огненного шара, вы всегда найдёте историческую базу и объяснение тому, почему это произошло именно сегодня. У нас есть здесь своя оценка советско-германских отношений в 1939 г., советско-германского пакта о ненападении. Сейчас началась борьба двух различных взглядов и оценок на это международное событие. Как правильно заметил Сергей Михайлович, может создаться впечатление, что вся война сводится к этому событию, людей заставляют забыть о той колоссальной трагедии, которую пережила наша страна. Одна часть общества считает, что секретный договор был необходим, другая часть придерживается иной точки зрения, что не надо было его заключать, а с англичанами и французами искать контакт. Секретный протокол рассматривают как нарушение норм международного права. Никто из этой категории историков не высказал идеи: а что в создавшейся ситуации мы могли сделать реально? Возможен ли был иной правительственный курс в той конкретной обстановке августа 1939 г., когда мы знали, что 26 августа Германия должна была начать войну против Польши и она при этом не ограничена в восточном направлении расширения экспансии?

Где был иной выход из создавшегося положения для нашей страны? Ответа на этот вопрос, видимо, вообще не существует. Предысторию вопроса знать необходимо. В этой связи очень будут полезны и наши работы.

Вопрос: Историческая наука развивается. Появляются новые методики и целые направления в исторической науке. Применительно к этому труду я вспоминаю военную антропологию. Использовались ли в этом труде новые методы исторической науки и новые методологические принципы?

О. А. Ржешевский:

Мы считаем удачей, что руководствовались сравнительным методом исторического исследования. В целом ряде выступлений эта мысль уже прозвучала. Как правило, везде, где было возможно, мы следовали этому принципу, стремясь показать обе воюющие стороны. Например, афганское и советское общество, армия моджахедов и наша Советская армия в годы Афганской войны; в Фолклендском конфликте мы отразили и британскую сторону, и аргентинскую.

Причем это касалось не политики, экономики или других конфликтов, которые происходили в этот период войны, а мы рассматривали именно реакцию общества на эту войну. Думается, что это чрезвычайно любопытно и по-человечески интересно, как, например, аргументировало свою позицию общество в Аргентине и в Великобритании. Мы не уходили от попыток исследовать и представить такие трудно поддающиеся проблемы, как, например, анализ процессов, происходивших в китайском обществе. Вы нигде больше не найдёте этого анализа.

Сейчас продолжается конфликт между Израилем и арабскими государствами. В книге освещается такая сложная и противоречивая тема как арабо-израильские войны. Мы долго искали автора. И удовлетворены главой. Ее написал Чрезвычайный и Полномочный Посол В. И. Колотуша, который находился в зоне конфликта. Он только недавно вышел на пенсию.

Вопрос: Будут ли российские и немецкие учёные совместно создавать труд по истории XX века, и каким он будет?

О. А. Ржешевский:

Российско-германская комиссия историков, которую возглавляет с нашей стороны академик А. О. Чубарьян, работает над этим проектом. Это чрезвычайно трудный и сложный проект, но в каком он состоянии находится — я не могу ответить.

Вопрос: Сам трёхтомник по замыслу, по тому, что сделано огромными усилиями большого авторского коллектива специалистов, не имеет аналогов и в более отдалённом прошлом нашей страны, и в новейшей историографии. В этом смысле он должен представлять интерес и для учёных, и для широкой публики, которая сможет найти его, один из этих восьмисот экземпляров. Я очень заинтересовался этой книгой. Но как её достать, ведь всего 800 экземпляров тираж?

Ю. А. Никифоров:

Книги издательства наука продаются в книжных магазинах «Академкниги». Мы предполагаем в конце этого года разместить ряд трудов Ассоциации историков Второй мировой войны, в том числе и эту книгу, которая вышла под её эгидой, в Интернете.

О. А. Ржешевский:

Дешевле всего приобрести эту книгу можно непосредственно в магазине «Академкнига» при издательстве «Наука» по адресу: Профсоюзная улица, дом 90. Кроме того, эта книга есть в библиотеке нашего института.

Вопрос: В пресс-релизе сказано, что в книге представлен «стратегический прогноз проблемы «война и общество», характер будущих военных столкновений и применения вооружённых сил». Конкретизируйте, пожалуйста, о чём идёт речь

и какой прогноз? Можем ли мы избежать войны? И ещё вопрос: войны революционируют общество или как?

М. Ю. Мягков:

Говоря о прогнозе, мы имели в виду эссе, написанное генералом армии М. А. Гареевым, очень знающим специалистом, который сам пережил много войн — Великую Отечественную, Маньчжурскую кампанию, находился в Афганистане после того, как оттуда были выведены советские войска. Это крупный военачальник, человек, который знает сущность войн прошлого и настоящего и может, как мне представляется, делать прогнозы на будущее. Он использовал огромный фактический материал.

Будет ли война, и будет ли участвовать Россия в ней — вопрос для футурологов. Мы считаем, что вполне возможны войны, в которых вероятно участие тех или иных стран, в том числе и России. При этом интересен вопрос, насколько будут влиять на них пограничные конфликты. За личиной конфликтов национально-этнического и религиозного характера будет скрываться, как было раньше и что мы наблюдаем сегодня, борьба за естественные ресурсы, которых на планете становится всё меньше. Несколько ведущих стран мира потребляют ресурсов в разы больше, чем вся остальная планета. Если вся остальная планета будет потреблять ресурсов, столько же, сколько эти две-три страны, то все мы вылетим в трубу.

Мир усложняется. Если раньше были две мировые силы — США и СССР, ведущие борьбу за геополитическое влияние, и эти две державы могли, скажем, приструнить своего союзника. Сейчас же на будущие конфликты может оказать влияние та страна, которая не имеет большого экономического и политического веса в мире. Тем не менее это так.

Насколько здесь сильно воздействие информационных войн, возможности подключения террористических организаций — эти вопросы освещены в конце книги, в соответствующей главе. И это даже не прогноз, а размышление, которое заставляет глубоко задуматься о характере будущих войн. Можно предположить, что останутся и агрессивные войны, и отечественные, когда та или иная страна будет защищать своё Отечество и народ той или иной страны будет нести на своих плечах все тяготы войны.

Опыт Великой Отечественной войны, её истории очень востребована сегодня, особенно для молодёжи, поскольку на этих традициях мы способны воспитать общество, которое будет достойно наших предков.

Вопрос: Скажите, вы занимались проблемой так называемых национально-освободительных войн, которые часто являются чисто сепаратистскими? Что с этим нам делать?

М. Ю. Мягков:

Существуют различные оценки. Либо это война национально-освободительная, либо это война сепаратистская. Например, Фолклендская война. В Британии её считают борьбой за идеалы, за то, чтобы осталось Содружество. В Аргентине же убеждены, что у них отняли часть территории и считают, что это национально-освободительная война, которую они готовы вести и в будущем. В книге мы и приводим такой двуполярный взгляд. Где-то мы вправе высказывать свою точку зрения, когда уверены в своей правоте относительно того, как квалифицировать войну: как национально-освободительную или сепаратистскую. В спорных ситуациях мы старались привести две точки зрения. Определить, чья позиция правильнее, — задача для читателя: в этом суть нашего похода.

Новые документы, опубликованные с помощью Ассоциации историков Второй мировой войны

I. Из дневника полпреда (с 1941 г. — посла) СССР в Великобритании И. М. Майского за 1936–1938 гг.

Специалисты Института всеобщей истории РАН, в т.ч. Ассоциации историков Второй мировой войны, совместно с Архивом внешней политики РФ подготовили к печати дневник советского посла в Великобритании И. М. Майского. (Кн. 1. 1934–1939. М.: Наука, 2006, Кн. 2. Т. 1–2. 1939–1943. М.: Наука, 2009)

Направляя дневник И. Сталину в декабре 1941 г., И. М. Майский так мотивировал целесообразность его публикации: «Как-никак, за указанные семь лет я все время находился на крупнейшем наблюдательном пункте мировой политики и имел возможность входить в сношения с крупнейшими политическими деятелями Англии и других стран...»

На страницах дневника гораздо полнее, по сравнению с направлявшимися Майским в НКВД донесениями, представлены его оценки обстановки в верхних эшелонах власти, политический фон бесед с государственными и общественными деятелями Великобритании, отражены личные впечатления посла. Поэтому, несмотря на то, что отдельные записи дневника выборочно ранее уже публиковались в сборниках документов («Документы внешней политики», «Год кризиса 1938–1939» и др.), а также частично использовались автором при написании мемуаров («Воспоминания советского посла. В 2-х кн.». М., 1964–1965), его материалы представляют значительный интерес для историков, политологов и более широкого круга общественности. Их изучение позволит полнее выявить позитивные и негативные стороны переговорного процесса между СССР и западными державами, связанного с нормализацией двусторонних отношений и созданием условий для совместного противодействия агрессорам, составить более объемное представление о развитии внутриполитической обстановки в Великобритании и позиции ведущих представителей ее политической элиты (С. Болдуина, Н. Чемберлена, У. Черчилля и других).

26 мая 1936 года

J. Cummings¹ рассказывал о своем разговоре с У. Черчиллем. Черчилль рвет и мечет по поводу бесхребетности и нерешительности правительства. Вина за это ложится главным образом на Болдуина. На вопрос К.[аммингса]², когда Болдуин³ уйдет, Ч.[ерчилль] с раздражением воскликнул:

— Сам он никогда не уйдет! Он думает оставаться не только до коронации, но, если удастся, и после коронации. Болдуина надо выбросить («kick out») — только так от него можно избавиться.

И затем Ч.[ерчилль] прибавил:

— Болдуин мне напоминает человека, который ухватился за гондолу подымающегося воздушного шара. Если он выпустит гондолу сразу, когда шар находится еще в 5–6 метрах от земли, то упадет, но не разобьется. Чем больше, однако, такой человек будет медлить с отрывом от шара, тем вернее будет его смерть при неизбежном падении.

¹ Каммингс (Cummings), Дж. — корреспондент либеральной газеты «Ньюс кроникл».

² Здесь и далее в квадратных скобках расшифрованы встречающиеся в тексте сокращения.

³ Болдуин, Стенли — лидер консервативной партии Великобритании, 1935–1937 — премьер-министр Великобритании.

Недурно сказано, по-черчиллевски. Невольно вспоминается, как тот же Ч.[ерчилль] месяца три назад на вопрос одного коллеги, почему Болдуин так долго не назначает министра обороны, с убийственной остротой ответил:

— Еще бы! Болдуин ищет в министры обороны человека, который был бы еще меньше его самого, — такого нелегко найти.

Ч.[ерчилль] твердо заявил К.[аммингсу], что нынешнее правительство придет скоро к краху, однако насчет срока этого краха он был не вполне определен. Все слухи и разговоры о возможном его вступлении в кабинет Ч.[ерчилль] категорически отвергает:

— В одном кабинете с Болдуином я не могу работать. Если я войду в правительство, то только в такое, где мое влияние было бы преобладающим.

По вопросам внешней политики Ч.[ерчилль] говорил на этот раз мало, но то, что говорил, соответствовало его общей линии: Германия — враг, надо создавать оборонительный союз против Германии.

Разговор с Ллойд Джорджем⁴, 1 июля 1937 г.

/.../

4. Едва я упомянул слово «правительство», как Ллойд Джордж чуть не привскочил на месте. «Правительство? — с глубоким сарказмом воскликнул он. — Разве это правительство? Это же собрание посредственностей... Разве у них есть воля? Есть мужество? Есть умение охранять наши интересы? Они получили от предков богатое наследство, но они очень плохо им управляют, и я боюсь, что они его растратят. Все они — жалкие трусы. Не трусость, а смелость способна построить и защитить Великую империю!» Я заметил, что сейчас вообще на европейско-демократическом горизонте не видно крупных людей. Ллойд Джордж воскликнул: «Вы совершенно правы. Где они, крупные люди? Европейская демократия оскудела. Сейчас есть только один большой человек, которым может похвастаться демократия, это — Рузвельт. Он знает, чего хочет, и он умеет добиваться, чего хочет. Но Рузвельт — далеко и в европейские дела не хочет вмешиваться. А здесь, в Англии, во Франции, — хоть шаром покати. Куда они годятся, все Болдуины, Чемберлены, Блюмы, Шотаны? Им приходится иметь дело с действительно крупными и сильными людьми — с Гитлером и Муссолини. Эти фашистские диктаторы совсем не дураки. Они сделаны из грубого теста и действуют грубыми методами — силой, нахальством, запугиванием. Но они действуют, они активны, они энергичны, они ведут за собою свои страны. Разве наши министры годятся для отстаивания своих интересов перед лицом диктаторов? Разве они способны это сделать? Какая чепуха! Вот если бы Уинстон Черчилль был премьер-министром, он сумел бы заставить диктаторов с собой считаться, но консерваторы до смерти боятся пустить Черчилля в правительство. В результате сопляки разговаривают с людьми дела — Гитлером и Муссолини. Мне очень жаль, что оба они фашисты и противники демократии. Но надо признать, что они — сильные люди. Можете себе представить, что в состоянии получиться, когда, например, Иден беседует с Муссолини? Конечно, Муссолини положит его на обе лопатки. Так оно и было в эпоху абиссинской войны. Вот ваш Сталин — совсем другое дело. Это большой человек и с большой решительностью. У него твердая рука, и он может импонировать диктаторам, может с успехом отражать натиск Гитлера и Муссолини. У нас же одно горе. Взять хотя бы Чемберлена — узкий, ограниченный и бесплодный человек. Настоящая рыба с холодной головой, как я его охарактеризовал во время последних дебатов в парламенте. Вы посмотрите, чем он сейчас увлекается. Мне совершенно точно известно, что «генеральный план» Чемберлена сводится к следующему: в течение ближайшего года добиться замирения с Германией и Италией и заключить пакт четырех. Для Центральной и Юго-Восточной Европы Чемберлен готов удовлетвориться неопределенными обещаниями со стороны диктаторов о ненападении. Ваша страна должна быть исключена из европейской комбинации и предоставлена самой себе. Добившись этого, Чемберлен хочет пойти на выборы. Обращаясь к избирателям, он скажет: „Неразрешимая проблема европейского успокоения решена мной, моим правительством. Теперь все в порядке. Голосуйте за консерваторов!» И, одержав победу на выборах, закрепит господство своей партии еще на пять лет./.../“ Я возразил, что, каковы бы ни были планы Чемберлена, реализация их зависит далеко не от него одного. Есть много факторов, которые легко могут помешать осуществлению этих планов. Ллойд Джордж оживился и воскликнул: «Конечно, конечно, величайшая наивность воображать, будто бы фашистских диктаторов можно приручить только с помощью хороших слов. Они народ кровожадный и требуют куска мяса» /.../

6. Я спросил Ллойд Джорджа, какое впечатление он вынес из своей прошлогодней поездки в Германию. Ллойд Джордж оживился и сказал: «Я был у Гитлера и имел с ним продолжительную беседу. Он произвел

⁴ Ллойд-Джордж, Дэвид — британский государственный деятель. Член парламента, лидер либеральной партии (1926–1931); премьер-министр Великобритании (1916–1922).

на меня впечатление человека чрезвычайно простого, скромного и довольно образованного. С ним можно рассуждать и спокойно обмениваться мнениями. Но у него есть один „пункт“ — это коммунизм. Всякий раз, как в нашей беседе Гитлер упоминал коммунизм и коммунистов, он сразу же становился невменяемым, самое лицо его внезапно преображалось: глаза вспыхивали злобещим огнем, а губы начинали судорожно сжиматься. Я несколько раз пытался навести его на мысль, что для Германии просто невыгодно быть в плохих отношениях с вашей страной. Это не производило на Гитлера никакого впечатления. Он чуть не с пеной у рта начинал вновь кричать о коммунизме и коммунистической опасности. Он действительно верит, что призван в мир осуществить специальную миссию: спасти европейскую цивилизацию и раздавить гидру коммунизма. После всего того, что я видал у Гитлера, я совершенно убежден в том, что он никогда не согласится заключить с Советским Союзом какой-нибудь договор или даже поставить свою подпись под каким-нибудь международным документом наряду с подписью Сталина». Я поинтересовался, затрагивал ли Ллойд Джордж в своей беседе с Гитлером вопросы европейского мира и какова была на это реакция фюрера. «О да, — воскликнул Ллойд Джордж, — я с ним много говорил на эту тему. Гитлер все время убеждал меня в своем миролюбии. Он приводил такой аргумент: Германии потребовалось больше 40 лет на то, чтобы создать могущественную армию, какую она имела накануне последней войны. Ему, Гитлеру, на превращение рейхсвера в крупную, боеспособную армию потребуется 20 лет. Какой же ему интерес начинать войну раньше этого времени? Я не могу отрицать, что в соображениях Гитлера есть известная доля правды. Гитлер дал мне разрешение ездить куда угодно и смотреть что угодно, по моему желанию. Случайно, проезжая на машине по Баварии, я наткнулся на большие войсковые маневры. Мне позволили проехать через зону маневров, и я имел случай немного ближе посмотреть на то, что из себя представляет германская армия. Не могу сказать, чтобы она произвела на меня особо сильное впечатление. Правда, по части вооружений имеются несомненные успехи; мне особенно понравилась немецкая противотанковая пушка, которая впоследствии оказалась столь полезной для Франко в Испании. Но зато людской состав поразил меня своей второсортностью — солдаты мелкие, щуплые, какие-то мальчишки. Тренировка их и дисциплина оставляют желать многого. Чувствуется большой недостаток в офицерах. Нет, нынешняя германская армия — это еще не та армия, которая может рисковать большой войной. Я видал и знаю старую германскую армию — армии Гитлера до нее очень, очень далеко. И потому я склонен думать, что Гитлер прав, когда говорит, что ему потребуется еще много времени для приведения германской армии в состояние настоящей боеспособности, — не 20 лет, пожалуй, но 10 лет это уже наверняка. И до тех пор Гитлер едва ли рискнет атаковать Францию, нас или СССР». Я возразил, что не вполне согласен с оценкой Ллойда Джорджа. Я могу допустить, что нынешняя германская армия еще не готова для большой войны, ну, а как насчет малой войны? Насчет войны с такими странами, как Австрия, Чехословакия, Румыния и т.п.? Мне кажется, что уже нынешняя германская армия достаточно подготовлена для прокладывания Гитлеру дороги на юг и юго-восток. Что может помешать Гитлеру осуществлять свою экспансию в этом направлении? Только вмешательство великих держав. А станут ли вмешиваться, станут ли рисковать Англия и Франция? Опыт последних лет настраивает меня несколько скептически. Ллойд Джордж отвечал: «Да, если ставить вопрос так, Вы правы. Я полностью с Вами согласен. Эта неискоренимая слабость нашего правительства и французского правительства, эти систематические отступления перед агрессорами только разжигают их аппетиты и делают их более смелыми. Привыкнув к трусости западных демократий, Гитлер в один прекрасный день может действительно рискнуть какой-либо авантюрой против Австрии или Чехословакии в расчете, что и это ему сойдет, как сошло многое другое. Самое печальное то, что на слово Гитлера совершенно нельзя полагаться. История „невмешательства“ меня многому научила. На основании своих прошлогодних впечатлений я никак не ожидал такого вероломства со стороны фюрера, и я все больше прихожу к выводу, что всякие договоры и соглашения с Германией лишены серьезного смысла. Подпись германского правительства стала очень дешева. Гитлер будет соблюдать любой договор лишь до тех пор, пока он ему выгоден. Как только он сочтет, что договор его стесняет, он не постесняется его нарушить или разорвать. В этом с необычайной яркостью проявляется глубокое падение международных нравов в Европе. И в этом же заключается величайшая опасность для дела мира».

На этом наша беседа закончилась, и я вернулся в Лондон.

Разговор с Черчиллем, 24 марта 1938 года

1. Рандольф Черчилль позвонил мне по телефону и сообщил, что его отец очень хотел бы меня повидать. Мы условились встретиться в квартире Рандольфа Черчилля за завтраком. Я застал Уинстона Черчилля в большом волнении. Он сразу взял быка за рога и обратился ко мне со следующей речью: «Скажите мне, пожалуйста, вполне откровенно, что происходит в Вашей стране? Завтра, во время дебатов по выступлению Чемберлена, я предполагаю говорить и коснуться различных наболевших вопросов внешней политики. Вы знаете мою общую точку зрения. Я глубоко ненавижу национал-социалистическую Германию. Я считаю, что

она является не только врагом мира и демократии, но и Британской империи. Я считаю, что единственным надежным средством обуздать этого зверя явился бы „великий альянс“ всех миролюбивых государств в рамках Лиги Наций. В этом „альянсе“ Россия должна занимать одно из крупнейших мест. Нам нужна, до зарезу нужна сильная Россия, как противовес Германии и Японии. Я работал и работаю в направлении создания такого „альянса“, не смущаясь тем, что мне часто приходится оказываться в меньшинстве в моей партии. Но в последнее время я слышу со всех сторон, особенно от моих консервативных друзей, от министров и лиц, близко к ним стоящих, что Россия сейчас переживает тяжелый кризис. Рассказывают со ссылкой на будто бы достоверные источники, что в России идет острая внутренняя борьба, что ваша армия в результате недавних событий находится в состоянии разложения и потеряла свою боеспособность и что вообще Россия перестала существовать как серьезный внешнеполитический фактор. Я не стану Вам повторять тех просто фантастических историй, которые мне передавали, и я не склонен простодушно верить всему тому, что мне рассказывали, но все-таки я говорю себе: не может быть дыма без огня. Что-то, очевидно, есть. Но что именно? За годы нашего с Вами знакомства я привык относиться с доверием к Вашим словам, — разъясните же мне смысл того, что у вас происходит. Мне важно это знать для моей общей ориентации, мне важно это знать и в связи с завтрашними дебатами в парламенте». Вид, тон и жесты Черчилля не оставляли сомнения в его искренности. Мне пришлось взять слово и прочитать моему собеседнику довольно длинную лекцию по политграмоте и дать ему просимые разъяснения о последних событиях. Черчилль слушал с величайшим вниманием, от времени до времени прерывая мое изложение краткими замечаниями и вопросами. Когда я кончил, Черчилль как-то просветлел, вздохнул с облегчением и воскликнул: «Ну, слава богу, Вы меня немного успокоили. Конечно, — с хитрой усмешкой продолжал Черчилль, — Вы — посол, и слова Ваши надо принимать „cum grano salis“, но все-таки для меня сейчас многое становится гораздо более ясным и я начинаю понимать, что у вас делается». И затем, после минутного перерыва, Черчилль продолжал: «Я ненавижу Троцкого! Я давно уже слежу за его деятельностью. Это злой гений России, и очень хорошо, что Сталин с ним разделался». Еще минута перерыва, и Черчилль, точно отвечая на свои собственные мысли, воскликнул: «Я безусловно за политику Сталина. Сталин создает сильную Россию. Нам нужна сильная Россия, и я желаю Сталину всякой удачи».

30 сентября 1938 года

Мрачные предчувствия лейбористов оправдались. Вчера я не спал почти до 4 час. утра и сидел у радио. В 2 часа 45 мин. наконец было сообщено, что соглашение в Мюнхене достигнуто и европейский мир обеспечен. Но что за соглашение! И что за мир!

Чемберлен и Даладье полностью капитулировали. Конференция четырех фактически приняла годесбергский ультиматум с мелкими, ничтожными изменениями. Единственная «победа» англо-французов состоит в том, что Судетская область переходит к немцам не 1 октября, а 10-го. Какое потрясающее достижение!

Я долго ходил по столовой из угла в угол и все думал. Тяжелые это были думы. Трудно сразу охватить истинное значение того, что только что совершилось, однако я чувствую и понимаю, что сегодня ночью пройдена какая-то огромной важности историческая веха. Количество скачком перешло в качество, и мир сразу изменился...

Утром встал с тяжелой головой, и первое, что пришло на ум, это: надо немедленно же съездить к Масарику⁵.

Когда я зашел в его приемную, в ней никого не было. Через минуту по лестнице послышались торопливые шаги, и в комнату как-то боком вошел хозяин. Что-то странное и неестественное было во всей его высокой сильной фигуре. Точно она внезапно обледенела и потеряла привычную гибкость движений. Масарик бросил беглый взгляд на меня и начал было в привычно-светском стиле:

— Какая сегодня хорошая погода — не правда ли?

— Бросьте погоду, — я невольно махнул рукой. — Я пришел к Вам не за этим. Я пришел выразить в этот исключительно тяжелый для вашего народа момент свое глубокое сочувствие ему и свое глубокое возмущение позорным поведением Англии и Франции!

По всей высокой фигуре Масарика точно прошел какой-то ток. Лед мгновенно исчез. Неподвижность дрогнула. Он как-то смешно качнулся и вдруг совершенно неожиданно упал мне на грудь с горькими рыданиями. Я был ошеломлен и немного растерян. Целуя меня, сквозь слезы Масарик бормотал:

— Они продали меня в рабство немцам, как негров когда-то продавали в рабство в Америке.

Понемногу Масарик успокоился и стал извиняться за проявленную слабость.

Я крепко пожал ему руку.

⁵ Масарик, Ян — посланник Чехословакии в Великобритании (1925–1938).

II. Из материалов военной цензуры штаба группы армий «Центр» за 1941 год (выдержки из писем немецких солдат)

Некоторые отчеты немецкой почтовой цензуры, которые представлялись штабами армий в отдел контрразведки Главного штаба вермахта, хранятся ныне в документах Центрального архива Министерства обороны РФ (фонд 500). Они представляют несомненный интерес для изучения состояния немецких войск на Восточном фронте и сравнения морального потенциала противоборствующих армий. Содержащиеся в отчетах фрагменты писем германских солдат отражают их представления о противнике, перспективах войны и восприятие своей собственной роли в происходящих событиях. Немецкая цензура и контрразведка стремились выявить истинные настроения в частях вермахта, составить возможно более объективную картину состояния армии и — опосредованно — немецкого общества в целом. В конечном счете письма военнослужащих вермахта помогают ответить на вопрос, как и почему советские воины превзошли на полях сражений своего противника.

Представленные письма относятся к периоду с июня по конец ноября 1941 года, когда большинство немцев еще верили в скорую победу над Россией.

26 июня 1941 года

Ефрейтор Генрих Нахлер:

«Я сижу на ящике из-под консервов и пытаюсь описать нашу жизнь. Вокруг нас каждую секунду падают с неба горящие бомбардировщики русских. Потом в сводках вермахта будет названа невероятно высокая цифра подбитых самолетов. Да, наши летчики действительно молодцы! Только сейчас я наблюдал, как один немецкий истребитель ворвался в группу летящих самолетов противника и уже в следующее мгновение подбил 4 самолета русских. Это было незабываемое зрелище. Погода стоит отличная. На голубом небе гряды кучевых облаков. И, стремительно падая сквозь облака, русские самолеты напоминают лифт, проносащийся вниз мимо этажей. Внизу слышится удар, ужасный взрыв, конусообразный столб пламени, и уж потом раздается наше громкое „ура“. Повсюду видны гигантские столбы черного дыма. Нескончаемым потоком движутся все новые и новые танковые части, вздымающие мощные клубы меловой пыли. Проклятая пыль — наше бедствие. Воды не хватает. Мы похожи на дикарей. И все же все очень интересно и хорошо. Безостановочное движение изнурило меня окончательно. Но с тех пор как звучит грохот войны, я чувствую себя заново родившимся. В предпоследнюю ночь мы осуществили свой последний мирный переход. Около часа ночи, смертельно усталые, мы ввалились в сарай. Наш отдых, однако, длился недолго. В 3:15 нас разбудил грохот пушек. Невозможно было различить отдельных выстрелов, впечатление было такое, что по всей линии фронта ударили одновременно из всех орудий. Этот низкий сплошной гул был похож на рев мотора на полной мощности. Уже через четверть часа нашими самолетами-разведчиками был подан сигнал, что можно переносить огонь на противника. Потом наши бомбардировщики исчезли в плотных облаках. По дорогам бегут сломя голову люди со всем своим имуществом. В одном хлеву я нашел ведро парного молока, которое сразу все выпил. Потом обнаружил два яйца и впервые хорошо подкрепился. Вообще все было очень уютно и празднично, русские пока еще ни разу не обратили против нас свою артиллерию».

Унтер-офицер Бёриг:

«И большую Россию мы тоже пошлем ко всем чертям. Ведь если фюрер предпринимает что-либо подобное, ему это удастся всегда на 100 %».

Ефрейтор фон Дирдельсен:

«Все отлично. Мы снова разобьем страну с сумасшедшим правительством, победив на этот раз Красную Армию. Наша рота первой переправилась через Буг, уничтожила три бункера и за первый день продвинулась вглубь на 40 км. 4 человека были легко ранены. К сожалению, погибло много офицеров. Первым был убит наш командир батальона, через 10 минут — его заместитель. У нас отличные офицеры! Своей жизнью и еще больше своей смертью они показывают нам пример».

27 июня 1941 г.

Ефрейтор Херрманн:

«За сегодняшний день мы сильно продвинулись вперед. Авиация ведет активные действия. Наши бомбардировщики сбивают один русский самолет за другим. Их почти уже не осталось».

Ефрейтор Карл:

«Мы продвигаемся все дальше, не встречая препятствий. Единственной трудностью являются русские партизаны. Их трудно схватить. Зато они очень успешно захватывают наших летчиков и быстро с ними расправляются. Очень много летчиков попало к партизанам».

2 октября 1941 г.

Унтер-офицер А. Марот:

«В Польше он (фюрер) останавливался в пехотных частях, несмотря на сильный обстрел, и был под мощным артобстрелом на наблюдательной вышке и, несмотря на то что кругом рвались снаряды, остался живым и невредимым. Его всемогущество хранит и нас, и его самого. С такими мыслями мы готовимся к предстоящему бою, твердо веря в то, что, несмотря на возможные тяжелые потери, он приведет нас к победе. Когда это произойдет, дорогая мамочка, знает только фюрер, назвавший во Франции своим соратникам точный день, когда война там должна закончиться, и действительно кончилась. Так же и здесь, просто мы маленькие люди, которых впрягли в эту машину и которые не знают заранее, как будут разворачиваться военные действия».

Ефрейтор Пич:

«...Позавчера мы вновь слушали нашего любимого фюрера, ведь солдаты так любят слушать его голос. Фюрер непременно приведет нас к победе. Мы были так горды, когда он похвалил нас перед всеми, назвав пехоту главной ударной силой...»

8 октября 1941 г.

Старший ковочный мастер Хайнрих Янсен:

«...Приближающаяся победа над Красной Армией должна быть и будет нашей. Дело движется к развязке. Великий фюрер обещал победоносно закончить самый тяжелый в истории военный поход до наступления морозов. Мы чувствуем себя исполнителями его гениальной воли. Мы будем верны ему до смерти и сделаем все, чтобы претворить в жизнь его слова, чего бы это ни стоило. Оставляя в кровопролитных боях героически погибших товарищей, мы продвигаемся навстречу победе. И твое заветное желание, любимая, чтобы эта ужасная война поскорей закончилась победой, исполнится в недалеком будущем. Через несколько дней падет Москва, оплот всемирного большевизма, и вместе с вражеской столицей будут уничтожены и остатки Красной Армии. Мы чувствуем себя под ощутимой защитой командования. Он, во власти которого все мы находимся, сохранит тебе мужа, а сыновьям отца. Я убежден, что через 14 дней, самое позднее — через три недели, война на Востоке окончится победой. Ты можешь рассчитывать на скорое окончание войны и на радостную встречу. Не смею загадывать, любовь моя, как произойдет наша встреча. Может, когда ты будешь читать эти строки, война на Востоке уже кончится».

10 октября 1941 г.

Военнослужащий Томас Донайс:

«Не все обстоит на самом деле так, как об этом пишут в газетах... Пока я еще ни разу не видел, чтобы русские что-нибудь поджигали, и квартиры у них не такие плохие, как показывают в кино, на самом деле все совершенно другое. Я был и остался прежним, и никогда не смогу быть другим...Если мне посчастливится и я вернусь домой, я вам расскажу. Вы будете удивляться, когда узнаете правду, а не то, что пишут в газетах. В животе иногда урчит».

21 октября 1941 г.

Лейтенант Кауслер:

«...Если дивизия может гордиться своими успехами, то наше подразделение тоже имеет на это право... Наш полк покрыл себя вечной славой, выдержав на себе все давление армии, отступающей из всех сил на восток. Каких картин я только не наблюдал в течение двух дней, это невозможно описать. Лучше их поскорее забыть. Я не думаю, что после таких тяжелых боев наша дивизия снова будет использована на фронте, и благодарю Бога за то, что он помог мне перенести все это. Мое сердце полно печали по моим павшим товарищам. Эта война была самой жгучей проблемой. Насколько гениально поступил фюрер на этот раз. Невозможно представить, что было бы с нашей родиной, не удуши мы этих недочеловеков в их собственном болоте. Никто из тех, кто здесь воевал, не сожалеет, что отдал последние силы для достижения успеха».

Мы гордимся, что сражались и победили. Я радуюсь скорой встрече на родине. Уже должна производиться отправка на запад. Такому помятому подразделению, как наше, нужны тишина и спокойствие немецкого гарнизона, чтобы потом, если будет нужно, вновь пойти в бой».

30 октября 1941 г.

Унтер-офицер В. Иле:

«...Могу сообщить тебе, что в нашей батарее осталось только лишь одно орудие, все остальные вышли из строя во время танковой атаки русских. Три тяжелых танка противника отравили нам жизнь. В целом мы потеряли 26 орудий, что очень много для артиллерии. Сейчас вновь идет ожесточенный, ни с чем не сравнимый бой, за 4 дня мы ни на шаг не продвинулись вперед. Расположились недалеко от шоссе Смоленск — Москва, русские стреляют из орудий всех калибров, главным образом из ракетных установок, прозванных нами Джонни. Да еще погода такая, что чертям тошно, все дождь и дождь. Состояние дорог ты сам знаешь какое, мне интересно только, куда они нас приведут. Все мы наполовину больны, уже несколько дней у меня понос, дает знать обжорство; хлеба получаем очень мало... Об отпуске даже не думаем, у вас тоже не будет. Осталась еще надежда, что, может, мы поменяемся с теми, кто во Франции, иначе я не знаю, что будет. Пехота тоже больше не хочет быть крайней, она несет колоссальные потери, так, потери одного батальона за день составили 105 человек. Черт бы побрал эту Москву. Действительно, русские комиссары и их система сильно нам досаждают, парни защищаются до последней капли крови. А мы уже не знаем, что делать дальше».

2 ноября 1941 г.

Старший ефрейтор Х. Виттиг:

«...Люди здесь ничего не имеют, кроме своей собственной жизни, да и той распоряжаются Советы. Если мы останемся в России на зиму, то это будет означать, что или ты или я умрем от голода. Объяснение этому оставляю на потом, но мы выиграем эту войну так или иначе, время не играет здесь никакой роли. Зимой многое может быть трудным и тяжелым, но и это тоже все пройдет. Пока еще прошло только 7 недель, и уже Рождество на пороге. Вопрос только, где мы проведем этот праздник?»

9 ноября 1941 г.

Пиротехник Йертц:

«...Ты видишь, с какими свиньями нам приходится здесь иметь дело. Их нельзя назвать людьми, это, как сказал фюрер, звери. Дорогая Розель, каждый, кто видел все это, скажет, что необходимо срочно покончить с этим сбродом. Мы должны все тщательно очистить от них, даже если это займет еще полгода. Чем дольше мы посидим без боев, тем лучше. Как раз сейчас русские отправляют на фронт все, что у них есть, с целью остановить наше продвижение. Когда же мы снова начнем наступление, каждый из этих бандитов изольется слезами».

11 ноября 1941 г.

Старший казначей С.:

«Когда мы думаем над этим, то понимаем, что если бы эти дикие орды напали на нашу родину, их бы ничего не остановило. Мой дорогой, если кто-нибудь из этих тыловых героев пожалуется на войну, скажи ему только одно: “Там, в России, решается вопрос «быть или не быть» не только для Германии, но и для всей Европы”. Мы все не можем найти слов, чтобы выразить благодарность нашему фюреру за то, что он всех нас спас от гибели. Именно здесь, вдали от родины, мы очень хорошо понимаем, чем мы обязаны этому человеку. Он дал нам всем надежное будущее, а родине — прочный мир».

22 ноября 1941 г.

Старший ефрейтор Хёртшбек:

«...Обстановка на фронте все сильнее накаляется. Роты слились в маленькие кучки, люди пали духом. Ко всему прочему еще наступили страшные холода. Русские применяют современное оружие, что просто поражаешься».

Публикация
М. Ю. Мязгова

Из воспоминаний Е. А. Болтина⁶

Поездка на Западный фронт

В конце августа 1941 года немецко-фашистское командование, овладевшее Смоленском, было вынуждено прекратить наступление на центральном направлении. Это было следствием упорной обороны и возросшей активности советских войск Западного фронта, которые не только остановили противника, но и нанесли ему ряд контрударов. Наиболее значительным явился контрудар в районе Ельни, где фашистские войска, захватившие город, вклинились примерно на 15–20 км в наши линии и образовали выступ, уязвимый с флангов.

В первые дни сентября 16-я армия Западного фронта, действовавшая вдоль шоссе Москва — Минск, в упорных боях потеснила противника и заставила его отступить в районе Духовщины. Это отвлекло из района Ельни часть вражеских резервов, чем воспользовались войска 24-й армии, которые при активной поддержке авиации нанесли поражение Ельнинской группировке противника и ликвидировали выступ фронта. 6 сентября над городом Ельня взвился советский флаг... 10 сентября советские войска прекратили контратаки. На фронте установилось временное затишье. Так закончилось историческое Смоленское оборонительное сражение, длившееся два месяца. Фашистский план «молниеносной войны» был сорван...

Вместе с тем в дни завершения Смоленской оборонительной операции советские войска понесли тяжелое поражение на южном крыле фронта, на Украине, где был потерян Киев. Обострилась обстановка и на северном крыле — враг развернул мощное наступление на Ленинград. В этих условиях мир должен был знать правду о первой советской победе, о положении на главном направлении советско-германского фронта. Особенно важно было, чтобы общественность Англии и Соединенных Штатов Америки узнало это из сообщений своей печати и радио, а не из советских радиопередач. Это предопределило решение руководящих советских инстанций — разрешить группе иностранных военных корреспондентов посетить Западный фронт.

Группа состояла из 13 журналистов... а также англичанки миссис Холдейн, жены известного либерального профессора, общественной деятельницы. Это была весьма экзальтированная дама — ее приводило в восторг все, что она видела в Советском Союзе, и она выражала свое восхищение так напыщенно, что это вызывало ироническое отношение к ней ее коллег.

Мне было поручено возглавить поездку. В помощь мне выделялись работник отдела печати НКВД и переводчик... План поездки, рассчитанный на одну неделю, включал посещение войсковых соединений и частей от дивизии до батальона, а также учреждений войскового тыла и встречу с представителем командования Западного фронта.

Перед отъездом я получил через С. А. Лозовского указание наркома иностранных дел В. М. Молотова о моей личной ответственности за организацию поездки и безопасность корреспондентов...

15 сентября рано утром мы на шести автомашинах М-1 выехали на запад по Минскому шоссе. Нельзя сказать, что поездка была вполне комфортабельной: на большинство машин приходилось по 3 пассажира, причем корреспонденты имели довольно объемистый багаж... но настроение у наших гостей было приподнятое. Оно поддерживалось во все время поездки радушным, истинно русским гостеприимством командования частей и руководства учреждений, которые мы посетили, а также превосходной организацией питания и обилием спиртных напитков любых марок — от русской водки до французского коньяка. Служба тыла Западного фронта оказалась на высоте!..

Местом нашего первого ночлега была Вязьма, где мы достаточно удобно расположились в гостинице. Поздно вечером приехал начальник штаба Западного фронта генерал-лейтенант В. Д. Соколовский, впоследствии — Маршал Советского Союза. Он нарисовал широкую картину минувших боев войск Западного фронта и их положения к середине сентября. Основной мыслью его сообщения было утверждение о провале фашистского плана «молниеносной войны» и об обреченности на неуспех любой новой попытки гитлеровского командования овладеть Москвой. В этом он, разумеется, был прав. Но, пожалуй, его прогноз дальнейшего развития событий был излишне оптимистичен. Ведь именно в это время противник, используя

⁶ Евгений Арсеньевич Болтин (1900–1981). Окончив в 1917 г. реальное училище, вступил в Красную гвардию. Окончил военное артиллерийское училище, Академию им. Фрунзе, стал генерал-майором, доктором исторических наук, профессором. Е. А. Болтин работал ответственным редактором газеты «Красная звезда», «Военно-исторического журнала», в начале Великой Отечественной войны возглавлял военный отдел Совинформбюро. Заместитель председателя Редакционной комиссии труда «Великая Отечественная война Советского Союза, 1941–1945» в 6 тт. (М., 1961–1965). Настоящий отрывок взят из недавно опубликованной книги воспоминаний Е. А. Болтина «Памятные годы, 1939–1945» (М., 2003).

паузу в боевых действиях, усиленно готовился к своему генеральному наступлению. Ни реальные силы Западного фронта, ни степень их готовности к новым боям не были достаточны для того, чтобы отразить мощные удары врага, нанесенные через две недели...

На рассвете 16 сентября мы получили наглядное доказательство раскрытия противником «секрета» нашей поездки: нас разбудили громopodobные звуки близких разрывов авиабомб. Оконные стекла и даже рамы были выбиты взрывной волной, но ни одного прямого попадания в гостиницу, к счастью, не произошло.

Между тем именно гостиница была главной целью бомбардировки, в которой участвовали шесть фашистских самолетов «Хейнкель». Об этом 17 сентября нам рассказали пленные летчики одного из самолетов, подбитого зенитным огнем и совершившего вынужденную посадку в тылу советских войск. Оказывается, фашистская разведка уже знала о выезде на советский фронт иностранных корреспондентов.

Во время воздушного налета произошел характерный эпизод. Все корреспонденты оставались в гостинице, только вышли из своих комнат в коридор, где, казалось, стены могли защитить от осколков или ударов воздушной волны. Лишь одна Маргарет Борк-Уайт — молодая и весьма интересная женщина — полуодетая, нагруженная своей фотоаппаратурой, стремглав выскочила на улицу и помчалась прямо в гущу бомбовых разрывов. Потом она рассказала, что сделала несколько «замечательных снимков» жертв бомбардировки. Ее супруг (или спутник) Э. Колдуэлл не сдвинулся с места, спокойно продолжая дымить трубкой.

Я спросил его: не боится ли он за Маргарет и как отпускает ее одну? На это он ответил: «Это ее бизнес, меня он не касается». Такое равнодушие к «чужому бизнесу» он проявлял и дальше...

Второй день поездки мы начали с посещения аэродрома истребительной авиации. Нас встретил полковник Г. Ф. Захаров — впоследствии генерал-майор, Герой Советского Союза, командир авиадивизии, в которую входил знаменитый полк «Нормандия-Неман». Этот стройный, красивый, типично русский блондин привлек особое внимание обеих наших дам — Борк-Уайт усиленно его фотографировала, а миссис Холдейн, немного говорившая по-русски, засыпала вопросами. А. Верт с симпатией описывает эту встречу с советскими летчиками...

Главным событием этого дня было посещение войск 16-й армии. Мы прибыли на командный пункт стрелковой дивизии, занимавшей позиции вдоль автодороги Москва — Минск, восточнее города Ярцево, районного центра Смоленской области.

Разумеется, нас не только ожидали, но и усиленно готовились к встрече, церемониал который выглядел несколько комично.

Мы оставили машины на опушке и пошли дальше пешком по лесной дороге. Пойдя полкилометра, подошли к расположению командного пункта полка, где нас встретило все командование. И тут нас ожидал сюрприз: дальше дорожка была прекрасно спланирована, засыпана свежим песком и, главное, обставлена по бокам цветочными кадками с фикусами... Откуда в лесу фикусы!? Командир полка простодушно объяснил, что они собраны в расположении полка, в домах восточной части Ярцева, брошенных жителями. Из таких домов на КП и в землянки командного состава перекочевали не только фикусы, но столы, диваны и даже... рояли. Во всяком случае, один рояль мы скоро увидели.

«Фикусная аллея» заканчивалась хорошо утрамбованной площадкой, на которой стояла большая «гесенская» палатка. Внутри буквой «П» были расставлены сервированные столы, мест на тридцать. И начался пир, который наши гостеприимные хозяева скромно называли обедом. Они были искренне рады принять корреспондентов двух великих капиталистических стран, с которыми СССР налаживал в это время союзнические отношения. Конечно, произносились тосты. Гости пили за Сталина, за победу Красной Армии, хозяева — за Черчилля и Рузвельта, за совместную борьбу против нацистской Германии и ее ближайший разгром. Пиршество длилось долго, выпито было много, пожалуй, излишне много. Вечер закончился пляской под баян на площадке перед палаткой, причем заядлым плясуном оказался Генри Кэссиди — он «оторвал» такого русского трепака, что наши офицеры и солдаты удивлялись. Забавно, что плясал он не один, а с партнером... начальником особого отдела дивизии.

Следующий день был посвящен ознакомлению с боевыми порядками и тыловыми органами полка. С соблюдением необходимых предосторожностей нас провели на КП стрелкового батальона, оборонявшегося в первом эшелоне. От переднего края батальона до противника оставалось примерно около 1 км полосы «ничейной» земли, и тут надо было вести себя тихо и осторожно, чтобы не выдать присутствие гостей...

Нас провели в большую землянку, где тоже был подготовлен сюрприз вроде вчерашних фикусов: нас встретили громкие звуки рояля. Как удалось затащить его в землянку, да еще под носом у противника — это был секрет хозяев.

А близость противника мы вскоре ощутили вполне реально. В рощице и вокруг нее внезапно стали рваться мины — видимо, фашисты заметили что-то подозрительное. На минометный налет противника советская артиллерия ответила огнем. В землянке стало, прямо сказать, неуютно, и я, помня о своей ответственности, распорядился немедленно покинуть расположение батальона. Все обошлось благополучно...

Поздно вечером на месте ночлега, в деревянном здании сельской школы, произошла наша встреча с пленными летчиками. А. Верт прав, рассказывая, что все трое пленных держались нагло, хвастливо. Старший из них по званию был всего лишь фельдфебелем, но вел себя так самоуверенно, будто бы оказывал одолжение, отвечая на вопросы корреспондентов. Это был рослый малый с выхоленным лицом, типичный рыжий «фриц» 1941 года, убежденный в том, что весь мир должен покориться фашистской Германии. Свое пленение он рассматривал как случайное недоразумение, которое не помешает ему вскоре побывать в Москве как победителю...

Из под Ярцева мы направились на север, в полосу 19-й армии и навестили стрелковую дивизию, занимавшую оборону восточнее Духовщины. Здесь встреча обошлась без «фикусов».

Командир дивизии, который побеседовал с нами, не скрывал своего тревожного настроения. Силы дивизии, растянутые на широком фронте, были явно недостаточны для отражения нового немецкого удара. В предыдущих боях наши войска понесли тяжелые потери. В этом мы могли частично убедиться, посетив полевой госпиталь, из которого не всех тяжелораненых успели эвакуировать в тыл страны...

Из расположения 19-й армии мы двинулись дальше на юг. Нашей конечной целью было посещение Ельни... Меня, как военного, интересовало состояние обороны наших войск. Хотя мои впечатления в общем были случайными, картина складывалась тревожная. В войсках после тяжелых боев и отступлений июля-августа преобладало чувство успокоенности. Теперь, когда известно дальнейшее развитие событий, приходится признать, что переход противника в общее наступление оказался неожиданным как для наших войск, так и для высшего командования. Не все было сделано для отражения удара, и это можно было наблюдать. Например, помню одиночное противотанковое орудие на опушке леса вблизи линии фронта. Его позиция была выбрана удачно — она позволяла вести фланговый огонь по танкам, движущимся вдоль дороги. Но отсутствовало самое элементарное инженерное оборудование — не были отрыты ни окоп, ни индивидуальные ячейки, не было и нужной маскировки. Такие примеры беспечности нередко бросались в глаза.

Замечали ли их корреспонденты? Вероятнее всего, что не замечали. Их утомляли ежедневные переезды, излишне сытные обеды и ужины с неограниченной выпивкой...

20 сентября мы добрались до Дорогобужа, почти полностью уничтоженного фашистской авиацией. Здесь действовала понтонная переправа через Днепр, заменившая собой сожженный мост. Хотя в Дорогобуже не было никаких военных объектов, тем не менее посещение этого старинного городка — вернее сказать, его руин — произвело на корреспондентов большое впечатление. Ведь это был первый на нашем пути целиком уничтоженный врагом город, в нем практически не уцелело ни одного здания, а из 10 тысяч жителей осталось не более 100 человек.

Переночевав близ Дорогобужа в палатках, мы утром 21 сентября двинулись в путь к конечной цели поездки.

Посещение района Ельни началось с осмотра поля боя. Несколько часов мы провели на бывших немецких позициях, где еще можно было подобрать рассыпанные патроны, гильзы, брошенные каски, противогазы и другие предметы военного имущества. Немецкая оборона тоже носила очаговый характер, как и наша, но инженерное оборудование позиций было более солидным. На отдельных участках были отрыты окопы полного профиля и ходы сообщения, уцелели остатки маскировки — все это свидетельствовало о том, что противник намеревался прочно удерживать Ельнинский плацдарм. Полковник из штаба 24-й армии, сопровождавший нас, подробно рассказал о целях и ходе советской операции. Его объяснения были выслушаны с большим вниманием.

Уже вечерело, когда мы въехали в Ельню. Картина разбитого, в основном сожженного деревянного городка выглядела очень печально. Она хорошо описана А. Вертом в его книге...

Вечером 22 сентября, ровно через неделю после начала поездки, наша группа благополучно возвратилась в Москву.

Каковы были результаты поездки, оправдала ли она себя? На этот вопрос можно ответить положительно.

Американские и английские корреспонденты передали в свои органы печати и радио достаточно активную информацию об итогах Смоленского оборонительного сражения в целом, о результатах Ельнинской операции — в частности, а также об обстановке на Московском направлении. Конечно, в двадцатых числах сентября еще никто не мог предвидеть того, что случилось в октябре и резко изменило положение сторон в битве под Москвой. Но это не меняет положительного значения появившейся в результате поездки информации, укреплявшей уверенность в возможности Красной Армии сдержать натиск врага и нанести ему ряд поражений.

Поездка нашла освещение не только в газетах, но и в специальных книгах. Так, в 1942 г. в Англии вышла из печати книга А. Верта «Москва-41», а в США — книга Э. Колдуэлла «На дороге в Смоленск». Агентство «Ассошиейтед Пресс» выпустило также книжку Г.К. Кэссиди «Московские записи», в которой отражена и сентябрьская поездка. Возможно, что были другие публикации, мне неизвестные.

«Мы будем сообщать вам правду»

Д. В. Суржик*

Американская пропаганда в годы Второй мировой войны

Одним из малоизученных вопросов истории Второй мировой войны является пропагандистская деятельность администрации Франклина Рузвельта. В демократическом государстве, где нельзя было игнорировать мнение оппозиции, президентской администрации пришлось немало сделать, чтобы подготовить сознание американского общества к участию во Второй мировой войне и соответственно роли великой мировой державы. Как известно, она имела серьезную оппозицию в Конгрессе, а примерно 70 процентов американцев полагали, что после войны наступят тяжелые времена, связанные с безработицей, ростом цен и падением заработной платы¹. Президенту и его окружению пришлось многое сделать для того, чтобы убедить американцев в необходимости участия в боевых действиях.

К началу Второй мировой войны в США имела теоретическая база пропаганды, основанная на работах журналиста Уолтера Липпмана и психолога Эдвард Бернейса — советников Вудро Вильсона и членов «комитета Крилла». Был также и практический опыт агрессивных информационных газетных кампаний Уолтера Уинчелла и Уильяма Херста.

13 июня 1942 года для координации информационной (а фактически — пропагандистской) деятельности американских государственных учреждений было создано УВИ. Оно было выведено из состава Управления координатора информации («Office of the Coordinator of Information» (COI, УКИ)², созданного 11 июля 1941 года. Создание гражданской стратегической неведомственной разведслужбы мирного времени (УКИ) преследовало целью улучшить взаимодействие между существующими ведомственными разведорганами, ликвидировать дублирование ими функций друг друга и поднять «отраслевые» вопро-

сы на уровень «национальных угроз». Ситуация со вступлением США в обе мировые войны была очень схожей. Во многом это было следствием широкомасштабной пропагандистской работы, которая велась британскими специалистами не без согласия Белого дома³, а также ряда государственных структур США.

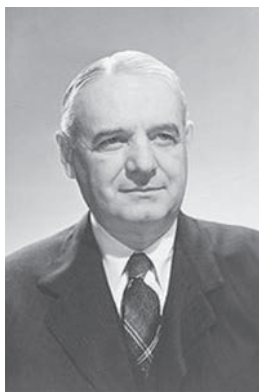
Своим появлением УКИ в значительной степени обязан двум британцам: главе военно-морской разведки Джону Гудфи (John H. Godfrey) и британскому резиденту в Нью-Йорке Уильяму Стефенсону (William Stephenson), который позднее будет сотрудничать с Управлением военной информации⁴. Координатор имел полномочия собирать и анализировать сведения, которые можно отнести к вопросам национальной безопасности, и отвечать на запросы главы государства, а также докладывать о них правительству и президенту США, а также лицам, определенным последним, и охранять подобные сведения, еще не доступные правительству⁵.

Джин Карлл (Carll). Министерство по чрезвычайным ситуациям (1941)⁶

Координатором информации был назначен участник Первой мировой войны и кавалер креста «За боевые заслуги» Уильям «дикий Билл» Донован — выпускник Колумбийского университета с безупречной репутацией, кандидат от республиканской партии на пост губернатора штата Нью-Йорк (1932), который был известен своей бурной деятельностью на посту прокурора Нью-Йорка, активной жизнен-

* Д. В. Суржик — аспирант ИВИ РАН.

ной позицией и антифашистскими взглядами. В 1935 году Донован побывал в расположении итальянских войск в Эфиопии. Среди его знакомых были влиятельные финансисты и юристы: Фрэнк Нокс, Дэвид Брюс и братья Даллес, Аллен и Джон Фостер.

После вступления США во Вторую мировую войну в информационных

отделах некоторых государственных ведомств развернулась агитационная деятельность. Подобные отделы были созданы в министерстве по чрезвычайным ситуациям (Division of Information, Office for Emergency Management), управлении цен (U. S. Office of Price Administration), комиссии по мобилизации трудовых ресурсов (U. S. War Manpower Commission) и некоторых других.

Их деятельность объединило Управление военной информации (The United States Office of War Information (OWI), УВИ)⁷. После нападения на Перл-Харбор, когда объем развединформации значительно вырос и американским спец-

службам после потребовалось переориентироваться с европейского театра на тихоокеанский, который стал приоритетным, УКИ было разделено на две службы: УСС (разведка с отчетностью о тайных операциях Комитету начальников штабов) и УВИ (пропаганда). В соответствующем указе от 13 июня 1942 года говорилось о том, что создание нового ведомства преследует целью обеспечение права американского и других народов Антигитлеровской коалиции на получение правдивых сведений об общих военных усилиях союзников. Согласно документу, в рамках Управления создавался «наблюдательный совет» — Комитет по вопросам военной информации (Committee on War Information Policy). В него входили директор УВИ (как председатель) и представители государственного департамента, министерств обороны и ВМС, объединенного комитета психологической войны (Joint Psychological Warfare Committee), координатор по внутриамериканским делам (поскольку пропаганда на Латинскую Америку и Карибы оставалась в его прерогативе), а также другие лица, назначенные по представлению председателя президенту США. Комитет определял основы политики в сфере военной информации, а также рассматривал пропагандистские материалы УВИ для европейского, азиатского и африканского театров военных действий⁸.

Значительную роль в его работе занимали директивы, направленные на подрыв морального состояния противника и подготовку проамериканского общественного мнения. Эти распоряжения имели различные формы. Центральные директивы ежедневно отправлялись всем служащим УВИ в разных регионах и содержали темы, которые УВИ желала видеть в радиопередачах, листовках и, где возможно, в газетах. Региональные директивы имели целью непосредственно противника, оккупированные или нейтральные страны, создавались специально для каждой страны и содержали различные аспекты основных тем для пропаганды. Третья категория — специальные директивы были посвящены событиям, которые требовали особого внимания. Четвертая категория — перспективные директивы закладывали основы послевоенного пропагандистского аппарата США в таких ключевых странах, как Китай, Филиппины, Сирия, Ливан и Индия⁹.

Главной фигурой Управления военной информации являлся директор Элмер Дэвис. Назначенный президентом США, он получал все сведения о предпринимаемых правительством шагах в военной политике (официальная позиция правительства Соединенных Штатов, данные о военных действиях, дипломатии, экономике и т. п.). Он же нес ответственность за все исходящие от правительства сведения данного характера, их содержание и форму, а также распространение в США и за рубежом. Директор УВИ входил в редакционные советы всех теле- и радиопередач по военной тематике, созданных при поддержке федеральных агентств. В его полномочиях потребовать закрыть любую из государственных информационных служб¹⁰.

Элмер Дэвис (Elmer Davis) был хорошо известен американской публике своими еженедельными вечерними пятиминутными комментариями европейских событий, которые он делал из нью-йоркской редакции радиостанции CBS с 1939 года. Мягкий голос и отсутствие акцента были не единственными его положительными моментами. Он, зачастую дававший в своих передачах мнение «простого американца», представлял собой редкое исключение из коммен-

таторов тех лет с их напыщенным тоном. Эти пяти-минутные передачи также раскрыли Дэвиса как аналитика, который мог противостоять геббельсовской пропаганде. Во время «польской кампании» вермахта Дэвис работал по 18 часов в сутки, позднее назвав те несколько недель «беспрерывным прокатным станом новостей с нерегулярными и непредсказуемыми перерывами для сна»¹¹. Именно тогда информационная составляющая радиостанции развернулась на полную мощность, превратившись в круглосуточный «марафон новостей».

Однажды на завтраке создатель «империи Си-би-эс» Уильям Семюэль Пейли (Paley) заявил Дэвису, что государственная политика — это не застывший в мраморе памятник и что они, представители средств массовой информации, могут ее изменить.¹² Пройдет немало времени, и слова Пейли сбудутся с точностью до наоборот: радио станет одним из важнейших средств государственной пропаганды Управления военной информации.

Там под руководством Элмера Дэвиса были сосредоточены ведущие специалисты в своих сферах: драматурги (Милтон Эйзенхауэр, Артур Миллер, Роберт Эммет Шервуд,¹³ Ли Фолк и Хамфри Кобб), поэты (Арчибалд Маклейш и Чарльз Олсон), социологи (Артур Шлезингер-мл. и Левис Уэйд Джонс). Это были люди разных национальностей, объединенные общим стремлением приблизить крах фашистского блока. Всего с УВИ в годы войны сотрудничало 11 тысяч человек¹⁴.

УВИ имело разветвленную структуру для ведения агитации на «домашнем фронте», на союзников и нейтральные страны, а также на противников (спецпропаганда). Пропаганда УВИ на территории США велась всеми доступными средствами массовой информации (печатные издания, радио- и кинопередачи) по максимально широкому направлению: не только «отрицательная» (негативный образ стран «оси»), но и положительная (соответствующий образ США как многонациональной страны, всё население которой, гендерно и профессионально, сплотилось, чтобы помочь сражающимся за демократию). Наиболее важным средством пропаганды, конечно же, являлось радио. К 1940 году 85% домовладельцев имели радиоприемники, а опрос, проведенный в 1941 году, показал, что американцы предпочитают получать новости из радиовыпусков, но не из прессы¹⁵.

В стремлении усилить впечатление от гитлеровской угрозы, власти снова обратились к обмену пропагандистскими материалами с Великобританией. Этот опыт был настолько успешным, что американцы поверили: им тоже грозит кошмар «воздушной войны». Некоторые современники вспоминают, что

жители восточной части Нью-Йорка в начале войны боялись немецких авианалетов. Хотя кригсмарине не имели авианосцев, а США были расположены вдали от основных театров военных действий, возможность бомбежек люфтваффе большинством горожан рассматривалась всерьез. Проводились учения по противовоздушной обороне и светомаскировке¹⁶.

Норман Роквелл (Rockwell).
Управление военной информации (1943 г.)

На площадях и в парках проходили митинги за покупку военных займов. Главной достопримечательностью тех дней (накануне «эры телевидения») были кинотеатры, где также транслировалась военная кинохроника. Однако до 1943 года (по причине малых побед или из-за боязни волнений) по указанию правительства было запрещено показывать павших на экранах. Перед каждой кинолентой шел анонс в патриотическом духе, призывавший население не обсуждать передвижения войск, покупать облигации и поддержать своих воюющих отцов, братьев и сыновей. Аморальным считалось для женщины прекратить отношения с воюющим за границей. Популярные песни, написанные с мыслями о военнослужащих, сравнивали американок с золотом, ибо они ждут своих возлюбленных, которые вернутся «либо слишком молодыми, либо слишком старыми»¹⁷. Карикатуры на Гитлера, Муссолини и Тоху обычно видели рядом с патриотическими плакатами «Те нужен дяде Сэму!».

С постепенным вступлением в войну связано усиление позиций государства в диалоге с обществом. Так, некоторые современники говорят, что «несмотря на то, что Соединенные Штаты вели войну с теми, кого они рассматривали как тоталитарные режимы, уровень контроля государства над жизнью граждан [в те годы] был поразительным/небывалым». Однако население, в массе, соглашалось с необходимостью военной цензуры¹⁸. Опасения конгрессменов-оппозиционеров (прежде всего — потерять голоса своих избирателей) имели веские основания. Ведь в лице директора УВИ исполнительная власть сосредоточила большие полномочия в сфере информации, которые шли вразрез со свободами слова и прессы. Под лозунгом

защиты последней вскоре активизировалась оппозиция Франклину Рузвельту (в том числе комитет «Америка превыше всего»). Для противодействия им государственные органы не чурались самых разных средств. Так, ФБР организовало «утечку» информации о том, что влиятельные лидеры «изоляционистов» подозреваются в связях с немецкой диаспорой.

Куда более сложным для Управления военной информации была специальная пропаганда, направленная на военнослужащих и население противника. В течение 1940 и первых месяцев 1941 года отношения между США и Германией постепенно накалялись. Весной 1941 года Гарри Гопкинс поручил управлению координатора внутриамериканских программ (Coordinator of Inter-American Affairs, CIAA) Нельсона Рокфеллера («комитет Рокфеллера») сделать отчет о проникновении нацистов в политические, деловые и финансовые круги Латинской Америки». Оказалось, что в 18 латиноамериканских странах, которые США ранее считали сферой своих национальных интересов, филиалами многих американских фирм руководят нацисты или сочувствующие нацизму граждане, которые пускают рекламные расходы и прибыль на поддержку антиамериканских газет и пропаганды. Во многих случаях те же люди сотрудничали с немецкими разведслужбами. Далее последовал перевод счетов американского правительства (более тысячи) и переговоры с бизнесменами (около 1700 компаний) о замене их регионального руководства более патриотически настроенными гражданами. В течение полугода до нападения на Перл-Харбор из рук близких нацизму людей было выведено 85% американского бизнеса на континенте¹⁹.

В обращении к нации 23 февраля 1942 года, призывая к твердости духа, Франклин Рузвельт обрушился на тех американцев, которые своими словами помогают врагу, — «распространителям слухов и проводникам пропагандистской заразы в нашей среде»²⁰. Тем самым было предсказано открытие информационного фронта, важной составляющей которого стали радиопередачи УВИ. 24 февраля 1942 года, когда начала работу радиотрансляционная сеть «Голоса Америки», состоявшая из 14 частных радиопередатчиков. «Мы будем говорить об Америке и войне, новости могут быть хорошими или плохими — мы будем сообщать вам правду», — такими словами радиостанции открыли эфир²¹. Под контроль УВИ перешли 14 радиопередатчиков «комитета Рокфеллера». Уже в ноябре 1942 года УВИ планировало расширить имеющийся график круглосуточного вещания (на Латинскую Америку и Африку — на английском, португальском и некоторых диалектах испанского) за счет Европы (на английском, немецком, итальянском и французском языках) и Дальнего Востока (по-английски, по-китайски, по-датски и по-японски), что потребовало

бы еще 22 новых передатчика. Но этого было явно недостаточно по сравнению со 100 радиопередатчиками агрессивной коалиции или 50 британскими. Главной государственной составляющей в содержании американских передач были новости²².

Среди главных проблем американской радиопередач (в частности, итальянскими подпольщиками) назывались:

- неверный тон дикторов (ораторский, демагогический и вульгарный), что оскорбительно для представителей интеллигенции в Сопротивлении;
- явное отсутствие широкой политической панорамы, что лишает веса такие термины, как свобода и справедливость;
- лживые угрозы о бомбежке Италии перед высадкой вызывают негативную реакцию населения, сравнимую с той, что у британцев к люфтваффе;
- отсутствие конкретных фактов в доказательство тезиса о превосходстве демократии над диктатурой. Вместо призывов к вечной дружбе, за которыми следует угроза массового уничтожения, итальянцы хотели бы слышать следующее. Что фашистские типографии в Тунисе и Триполи уже издают демократические газеты, а имущество фашистов в этих странах национализировано. Их особняки превратились в дома отдыха для рабочих;
- итальянцы хотели бы слышать подробности о борьбе повстанцев в оккупированных Польше, Югославии, Голландии, Норвегии и др. странах. Не только сообщения об убийствах, но информация о том, как писать, распространять подпольную литературу и т.п.;
- намеки на родственное происхождение многих американских солдат не вызывают у итальянцев трепета. «Итальянцы привыкли убивать друг друга»;
- это выглядело бы так же, как если бы если бы пропагандой необходимости ООН занимался мэр Нью-Йорка ла Гардиа. Итальянцы находили его манеру речи комичной, а стилистику настолько убогой, что даже объявления в магазинах написаны грамотнее;
- подпольные слушатели американских и британских передач признали их низкое качество только в сравнении с аналогичными выпусками из Москвы²³.

Уильям Пейли

Накал «борьбы за умы и сердца» значительно возрос после того, как войска союзников перешли границы собственно Германии. На эсхатологические лозунги геббельсовской пропаганды, обращенные к «солдатам последнего часа», Управление военной информации ответило «черной пропагандой»²⁴ нового «Радио 1212» (нем. «*Nachtsender 1212*», названо по частоте вещания)²⁵. Для него использовались передатчики коммерческого «Радио Люксембурга», которые в годы оккупации княжества были средствами немецкой спецпропаганды на Британские острова. После того как 10 сентября 1944 года княжество было освобождено, передатчики перешли под управление Верховного командования союзных экспедиционных войск (точнее — армии США), которое руководило ими от имени США, Великобритании, Франции, Бельгии и Люксембурга. Использование передатчиков отделом психической войны УВИ происходило под контролем директора Си-би-эс. Он решил, что передатчики не должны ассоциироваться у немецкой аудитории с союзниками. Напротив, первые передачи нового «Радио 1212» (кодовое американское название «Радио Анни»), которые велись на беглом немецком языке его носителями и, как говорилось, с территории Германии, освещали положение на фронтах благожелательно для Третьего рейха, чтобы привлечь лояльную нацизму аудиторию и завоевать ее авторитет²⁶.

Как отмечает Лоренс Соли (Soley) из Университета Маркветт, радиостанция была успешной, несмотря на «тяжелую печать» нацистской пропаганды (музыка и привычные для немцев геббельсовские клише). Причина в том, что ее информационные выпуски о событиях на Западном фронте «давали очень правдивые и точные сведения, которых не было на собственно немецких станциях». Как отмечалось в секретном докладе 12-й американской армии: «Некоторые немцы полагали, что вещание „Радио 1212“ ведется из бункера, так как временами был слабый сигнал». Чтобы у слушателей не возникало подозрений, каждую ночь передатчики работали с новой точки, что объяснялось слушателям как бегство от войск союзников. Результат был успешным. Как отмечалось в том же докладе, «многие офицеры и солдаты вермахта каждую ночь слушали радиостанцию, узнавая из ее выпусков свежие новости. „Анни“ создавала свою аудиторию»²⁷.

Однако когда войска союзников вышли к немецким границам, радиостанция (по приказу Эйзенхауэра) начала давать в эфир недостоверную и совершенно не соответствующую действительности информацию. Целью было создать у немецких войск впечатление, что союзники передвигаются быстрее, заставляя врага отступать и подрывая авторитет Гитлера. Сюда входила полностью вымышленная история о том, как в одном из немецких городов вспыхнуло восстание против нацистского режима

(включая радиogramмы «бургомистра»). В результате дороги, необходимые для переброски солдат, были запружены испуганными немцами²⁸. Последняя передача «Радио 1212» говорила о том, что союзники захватили эту (якобы) немецкую радиостанцию неожиданным нападением²⁹. Всего «Радио 1212» работало 127 ночей.

Консолидация пропагандистских служб продолжилась после войны. 31 августа 1945 года Управление военной информации было ликвидировано указом президента Трумэна. Однако специалисты УВИ, переведенные в другие ведомства³⁰, и их работы в «психологической войне» (именно с деятельностью УВИ связано появление этого актуального до сих пор термина) не были утрачены. Они стали фундаментом для информационно-пропагандистской составляющей начинавшейся «холодной войны»: некоторые — советологами в ЦРУ, другие — жертвами «охоты на ведьм»³¹ (проект «Venona»). Радиопередатчики УВИ были выделены в редакцию «Голоса Америки» с подчинением Государственному департаменту. Тон их передач об СССР сильно изменился с началом «холодной войны». Разделение на гражданскую (координируемую Государственным департаментом) и военную пропаганду в США существует до сих пор.

На время Второй мировой войны пришелся расцвет американской пропагандистской машины, в состав которой входили Управление военной информации, отдел «моральных операций» Управления стратегических служб и соответствующие подразделения в вооруженных силах. Этот всплеск был подготовлен интенсивной интеллектуальной работой 1920–1930-х годов. Эти идеи и наработки стали фундаментом, на котором Франклин Рузвельт создал американскую пропагандистскую машину. Сами американские исследователи соглашались с тем, что целью УВИ и его аналогов была пропаганда, а не некое аморфное «информирование общественности»³². С подобным утверждением можно согласиться, если учесть тот факт, что именно при нем США вышли и (в отличие от правления Вудро Вильсона) закрепили свое лидирующее положение в международных отношениях. «Горизонт» обычных граждан и руководства страны, ранее ограниченный пределами штата или латиноамериканского континента, теперь резко расширился. Усилиями рузвельтовской администрации, а также вследствие участия и победы во Второй мировой войне Соединенные Штаты превратились из мощной силы на американском континенте в глобальную супердержаву. Подобное изменение потребовало активной (как внутри страны, так и внешней) агитационной работы, а также необходимости определения своего места в мире. Во многом эти задачи были решены с помощью Управления военной информации.

- ¹ Уткин А. И. Дипломатия Франклина Рузвельта. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. С. 189.
- ² В русском переводе встречаются такие названия этого органа, как Координатор по информационному обеспечению или служба Координатора по информации.
- ³ См. Hinsley F.H., Simkins C. A. G. *British intelligence in the Second World War: its influence on strategy and operations*. Cambridge University Press, 1990. P. 142.
- ⁴ COI Came First (<https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csi-publications/books-and-monographs/oss/art02.htm>).
- ⁵ Там же.
- ⁶ <http://www.northwestern.edu/magazine/northwestern/winter2000/poster8.htm>.
- ⁷ Управление военной информации было ведущим, но не единственным рупором Белого дома. Спецпропагандой также занимались отдел моральных операций УСС и подразделения американских вооруженных сил.
- ⁸ Executive Order 9182 / Official File, 5015, Folder: Committee on War Information, Franklin Delano Roosevelt Library, New York, Hyde Park.
- ⁹ Office of Policy Coordination (http://www.sourcewatch.org/index.php?title=Office_of_Policy_Coordination).
- ¹⁰ См. Executive Order 9182 (<http://www.presidency.ucsb.edu/ws/print.php?pid=16273>).
- ¹¹ Hosley, David H. *As Good As Any: Foreign Correspondence on American Radio, 1930–1940*. Westport, CT: Greenwood Press, 1984. P. 74.
- ¹² Paper, Lewis J. 1987. *Empire: William S. Paley and the Making of CBS*. N.Y.: St. Martin's Press, 1987. P. 65.
- ¹³ Позднее он напишет книгу «Рузвельт и Гопкинс».
- ¹⁴ Richard J. Daley Library, University of Illinois at Chicago (<http://dosfan.lib.uic.edu/usia/E-USIA/education/ivp/ivhistry.htm>).
- ¹⁵ Voss, Frederick. *Reporting the War: The Journalistic Coverage of World War II*. Smithsonian Institution Press, 1994. P. 120.
- ¹⁶ Henry J. Sage WORLD WAR TWO: The HOME FRONT (<http://www.sagehistory.net/worldwar2/topics/homefront.html>) As accessed March, 26, 2009.
- ¹⁷ Henry J. Sage WORLD WAR TWO: The HOME FRONT (<http://www.sagehistory.net/worldwar2/topics/homefront.html>) As accessed March, 26, 2009.
- ¹⁸ Henry J. Sage WORLD WAR TWO: The HOME FRONT (<http://www.sagehistory.net/worldwar2/topics/homefront.html>) As accessed March, 26, 2009.
- ¹⁹ См. Morris J. A. *NELSON ROCKEFELLER A BIOGRAPHY*. London, HARPER & BROTHERS, 1960. Pp. 173–174.
- ²⁰ Фузвельт Ф. Беседы у камина. М.: Издательство ИТПК, 2003. С. 509.
- ²¹ http://ru.wikipedia.org/wiki/Голос_Америки.
- ²² DX to DC / Time, Monday, Nov. 09, 1942.
- ²³ New Bill / Time, Monday, Jul. 12, 1943.
- ²⁴ Согласно широко распространенной градации, пропагандистские материалы в зависимости от количества лживых материалов в содержании делятся на «черную» (максимальное содержание недостоверных сведений), «серую» и «белую». «Черная пропаганда», освещающая события только с одной стороны конфликта, используется для того, чтобы исказить и ухудшить образ противника, а также ввести в заблуждение его сторонников. (См., напр., Doob, Leonard. «Goebbels' Principles of Nazi Propaganda». *The Public Opinion Quarterly* 3 (Vol. 14, No. 3), 1950. P. 419).
- ²⁵ Аналогично американскому «Радио 1212» работало британское «Солдатское радио Па-де-Кале» (нем. «Soldatensender Calais»), которое пыталось подорвать морально-боевой дух германских войск и нести дезинформацию в интересной для немцев форме.
- ²⁶ http://en.wikipedia.org/wiki/Radio_1212.
- ²⁷ Soley L. *Radio Warfare*. New York: Praeger, 1989. P. à Radio Wars, (<http://americanradioworks.publicradio.org/features/wwii/b2.html>) As accessed March, 25, 2009.
- ²⁸ http://en.wikipedia.org/wiki/Radio_1212.
- ²⁹ http://en.wikipedia.org/wiki/Radio_1212.
- ³⁰ Так, «советское направление» в созданном немногим позднее ЦРУ возглавил Артур Шлезингер (мл.).
- ³¹ См. подробнее Benson R., Warner M. *Venona: Soviet espionage and the American response*. Washington, 1996.
- ³² Duncombe S. *FDR's Democratic Propaganda* / *The Nation*, April 7, 2008.

Документы

Документ № 32

Доклад комиссии ГКО о неудовлетворительных боевых действиях Западного фронта за период октябрь 1943 — апрель 1944 г., 11 апреля 1944 г.

**ДОКЛАД КОМИССИИ ГКО
Товарищу Сталину**

По приказу Ставки Верховного Главнокомандования Чрезвычайная Комиссия в составе члена ГКО тов. Маленкова (председатель), генерал-полковника Щербакова, генерал-полковника Штеменко, генерал-лейтенанта Кузнецова и генерал-лейтенанта Шимонаева провела работу штаба Западного фронта и на основании этой проверки установила следующее:

НЕУДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНЫЕ БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ ЗАПАДНОГО ФРОНТА ЗА ПОСЛЕДНИЕ ПОЛГОДА

Начиная с 12 октября 1943 года по 1 апреля 1944 года Западный фронт под командованием генерала армии Соколовского на оршанском и витебском направлениях провел одиннадцать операций, а именно:

- Оршанская операция 12–18 октября 1943 г.
- Оршанская операция 21–26 октября 1943 г.
- Оршанская операция 14–19 ноября 1943 г.
- Оршанская операция 30 ноября — 2 декабря 1943 г.
- Витебская операция 23 декабря 1943 г. — 6 января 1944 г.
- Богушевская операция 8–24 января 1944 г.
- Витебская операция 3–16 февраля 1944 г.
- Частичная операция на оршанском направлении 22–25 февраля 1944 г.
- Витебская операция 29 февраля — 5 марта 1944 г.

Оршанская операция 5–9 марта 1944 г.

Богушевская операция 21–29 марта 1944 г.

Все эти операции закончились неудачно, и фронт поставленных Ставкой задач не решил. Ни в одной из перечисленных операций не была прорвана оборона противника, хотя бы на ее тактическую глубину; операция заканчивалась в лучшем случае незначительным вклиниванием в оборону противника при больших потерях наших войск.

Наступление на оршанском направлении 12–18 октября закончилось вклиниванием на 1–1,5 километра. Наши потери: убитых — 5858 человек, раненых — 17 478 человек. Всего — 23 336 человек.

Наступление на оршанском направлении 21–26 октября — продвижение от 4 до 6 километров. Наши потери: убитых — 4787 человек, раненых — 14 315 человек. Всего — 19 102 человека.

Наступление на оршанском направлении 14–19 ноября — продвижение от 1 до 4 километров. Наши потери: убитых — 9167 человек, раненых — 29 589 человек. Всего — 38 756 человек.

Наступление на оршанском направлении 30 ноября — 2 декабря — вклинивание от 1 до 2 километров. Наши потери: убитых — 5611 человек, раненых — 17 259 человек. Всего — 22 870 человек.

Наступление на витебском направлении 23 декабря — 6 января — продвижение на 8–12 км. Противник отошел на ранее подготовленный рубеж. Наши потери: убитых — 6692 человека, раненых — 28 904 человек. Всего 35 596 человек.

Наступление на богушевском направлении 8–24 января — вклинивание на 2–4 километра. Наши потери: убитых — 5517 человек, раненых — 19 672 человека. Всего — 25 189 человек.

Наступление на витебском направлении 3–16 февраля — продвижение на 3–4 километра. Наши потери: убитых — 9651 человек, раненых — 32 844 человека. Всего — 42 495 человек.

Частичная операция на оршанском направлении 22–25 февраля никакого результата не дала. В эту операцию части 52-го укрепленного района сами попали в окружение, и с большими потерями было восстановлено первоначальное положение. Наши потери: убитых — 1288 человек, раненых — 4479 человек. Всего — 5767 человек.

Наступление на витебском направлении 29 февраля — 5 марта — продвижение от 2 до 6 километров. Наши потери: убитых — 2650 человек, раненых — 9205 человек. Всего — 11 855 человек.

Наступление на оршанском направлении 5–9 марта — успеха не имело. Наши потери: убитых — 1898 человек, раненых — 5639 человек. Всего — 7537 человек.

Наступление на богушевском направлении 21–29 марта — вклинивание от 1 до 3,5 километра. Наши потери: убитых — 9207 человек, раненых — 30 828 человек. Всего — 40 035 человек.

В этих безрезультатных операциях в период с 12 октября 1943 г. по 1 апреля 1944 г. только на участках активных действий фронт понес потери убитыми — 62 326 человек, ранеными — 219 419 человек, а всего убитыми и ранеными — 281 745 человек. Если к этому добавить потери на пассивных участках фронта, то за период с октября 1943 г. по апрель 1944 г. Западный фронт потерял — человек. Кроме того, за это же время из войск Западного фронта в госпитали поступило — 53 283 человека больных.

В указанных выше операциях с октября 1943 по апрель 1944 г. Западный фронт израсходовал очень большое количество боеприпасов, а именно 7261 вагон. За год же, с марта 1943 г. по март 1944 г., фронт израсходовал 16 661 вагон боеприпасов. За это же время, т. е. за год, Белорусский фронт израсходовал — 12 335 вагонов, 1-й Украинский фронт — 10 945 вагонов. 4-й Украинский фронт — 8463 вагонов, и каждый из остальных фронтов израсходовал боеприпасов меньше перечисленных фронтов. Таким образом, Западный фронт израсходовал боеприпасов гораздо больше любого другого фронта.

Безуспешные действия Западного фронта за последние полгода, большие потери и большой расход боеприпасов объясняются не наличием сильного противника и непреодолимой обороны перед фронтом, а исключительно неудовлетворительным руководством со стороны командования фронта, Западный фронт при проведении всех операций всегда имел значительное превосходство в силах и средствах перед противником, позволяющее безусловно рассчитывать на успех (...)

С октября 1943 г. по апрель 1944 г. Западный фронт, несмотря на превосходство в силах над противником и большой расход боеприпасов, продвижения вперед не имел. Все проведенные за эти полгода операции по вине командования фронта провалились. Западный фронт не выполнил задач, поставленных перед ним Ставкой Верховного Главнокомандования, и ослаблен в результате тяжелых потерь в людях и технике, явившихся следствием неумелого руководства командования фронта.

Западный фронт в настоящее время требует укрепления и помощи.

Такое положение на Западном фронте явилось результатом неудовлетворительного руководства командования фронта и, следовательно, в первую очередь неудовлетворительного руководства со стороны командующего фронтом генерала армии Соколовского, бывшего члена Военного Совета Западного фронта генерал-лейтенанта Булганина и работающего ныне членом Военного Совета фронта генерал-лейтенанта Мехлиса.

Командование Западного фронта зазналось, критически к своим недостаткам и ошибкам не относилось и не относится. Несмотря на провал в течение полугода одиннадцати больших и малых операций, командование фронта уроков из этого не извлекло и не докладывало правдиво Ставке о положении на фронте.

Генерал армии Соколовский оказался, как командующий фронтом, не на высоте положения.

Т.т. Соколовский и Булганин прежде всего несут ответственность за то, что на Западном фронте не было должного воспитания командных кадров в духе правдивости и непримиримости к недостаткам.

Ошибкой ныне работающего членом Военного Совета Западного фронта генерал-лейтенанта Мехлиса является то, что он не докладывал в Ставку об истинном положении дел на фронте (...)

В интересах дела необходимо:

а) снять генерала армии Соколовского с должности командующего Западным фронтом как не справившегося с командованием фронтом и назначить его начальником штаба одного из фронтов. Назначить на Западный фронт нового командующего, способного выправить положение дел на Западном фронте;

б) объявить выговор генерал-лейтенанту Булганину за то, что он, будучи длительное время членом Военного Совета Западного фронта, не докладывал Ставке о наличии крупных недостатков на фронте;

в) укрепить штаб Западного фронта и предупредить начальника штаба фронта генерал-лейтенанта Покровского, что если он не исправит своих ошибок, то будет понижен в звании и по должности;

г) снять с должности командующего артиллерией фронта генерал-полковника артиллерии Камера с понижением по должности. Назначить на Западный фронт нового командующего артиллерией, способного устранить недостатки в работе артиллерии. Обязать Главного маршала артиллерии Воронова немедленно заняться делом устранения крупных недостатков в артиллерии Западного фронта;

д) снять полковника Ильницкого с поста начальника разведотдела штаба Западного фронта с понижением по должности и снизить его в звании до подполковника. Назначить на должность начальника разведотдела штаба фронта опытного и проверенного командира. Обязать начальника Разведывательного управления Генштаба генерал-лейтенанта Кузнецова принять все необходимые меры к выправлению положения дел в разведотделе штаба Западного фронта;

е) учитывая крупные ошибки генерал-полковника Гордова в командовании 33-й армией, а также ряд его неправильных действий, за что он был отстранен от командования 33-й армией, предупредить Гордова, что при повторении допущенных им ошибок в 33-й армии, он будет понижен в звании и должности.

Сообщить о недостатках Гордова командующему 1-м Украинским фронтом маршалу Жукову, где Гордов в настоящее время работает в качестве командующего 3-й гвардейской армией.

Г. Маленков, А. Щербаков, С. Штеменко, Ф. Кузнецов, А. Шимонаев, 11 апреля 1944 г.

*Великая Отечественная война. Военно-исторические очерки.
Кн. 2. Перелом. М., 1998. С. 441–452*

Письмо маршала Г. Жукова генералу Ф. Голикову с анализом подготовки советских военных кадров, исходя из опыта военных действий в период Великой Отечественной войны, 22 августа 1944 г.

При разработке плана использования и создания кадров Красной Армии после войны нужно прежде всего исходить из опыта, который мы получили в начальный период Отечественной войны.

Чему нас учит полученный опыт?

Во-первых, мы не имели заранее подобранных и хорошо обученных командующих фронтами, армиями, корпусами и дивизиями. Во главе фронтов встали люди, которые проваливали одно дело за другим (Павлов, Кузнецов, Попов, Буденный, Черевиченко, Тюленев, Рябышев, Тимошенко и др.).

На армии ставились также мало изученные и неподготовленные люди. Иначе и не могло быть, так как подготовленных еще в мирное время кандидатов на фронты, армии и соединения не было. Людей знали плохо. Наркомат обороны в мирное время не только не готовил кандидатов, но даже не готовил командующих — командовать фронтами и армиями.

Еще хуже обстояло дело с командирами дивизий, бригад и полков. На дивизии, бригады и полки, особенно второочередные, ставились не соответствующие своему делу командиры. Короче говоря, каждому из нас известны последствия командования этих людей и что пережила наша Родина, вверив свою судьбу в руки таких командующих и командиров.

Вывод: Если мы не хотим повторить ошибок прошлого и хотим успешно вести войну в будущем, нужно, не жалея средств, в мирное время готовить командующих фронтами, армиями, корпусами и дивизиями.

Затраченные средства окупятся успехами войны.

Видимо, в мирное время нужно иметь два-три комплекта и командиров дивизий и полков, которые бы обеспечили полное развертывание армии и трех-четырёхмесячное ведение войны.

Каждому командующему фронтом и армией иметь заранее отобранного и подготовленного заместителя.

Во-вторых, мы, безусловно, оказались неподготовленными с кадрами запаса.

Все командиры, призванные из запаса, как правило, не умели командовать полками, батальонами, ротами и взводами. Все эти командиры учились войне на войне, расплачиваясь за это кровью наших людей.

В-третьих, мы не имели культурного штабного командира и как следствие не имели хорошо сколоченных штабов.

В-четвертых, в культурном отношении наши офицерские кадры недостаточно соответствовали требованиям современной войны. Современная война — на $\frac{9}{10}$ война техники с техникой врага, а это значит, нужно быть культурным человеком, чтобы уметь быстро разобраться со своей техникой и техникой врага и, разобравшись, грамотно применить свою технику.

Нужно правду сказать, что из-за неграмотности и бескультурья наших кадров мы очень часто несли большие потери в технике и живой силе, не достигнув возможного успеха.

В-пятых, существовавшая в мирное время система обучения и воспитания наших кадров не дала нам для войны образцового и авторитетного командира.

Наши академии, школы и курсы неправильно учили командные кадры, а именно:

1) Теоретическое обучение шло явно в ущерб практическому обучению. Опыт войны показал, что только те командиры оказались хорошими командирами, которые выросли на полевой работе, а не в кабинетах.

Следовательно, главный упор в будущем должен быть в обучении командира — это работа в поле, в обстановке, близкой к боевой.

2) Наши командиры очень плохо знали и знают технику (авиацию, артиллерию, танки и пр.). Нужно каждого командира, от командира батальона и выше, в будущем обязательно прикомандировать в спец. части на 6–10 месяцев для капитального изучения сердца техники.

3) Волевые качества нашего командира — инициатива, умение взять на себя ответственность, развиты явно недостаточно, а это очень пагубно сказалось на ходе войны в первый период. Следовательно, этот важнейший вопрос нужно решить так же капитально.

Что касается Ваших соображений об оставлении возможно большего состава командного состава в рядах армии в мирное время, я считаю в основном их правильными, но при этом я только за оставление нужных и способных кадров, а не таких, как у нас были, вроде провалившихся.

22 августа 1944 г., № 002/л

Г. Жуков

*Великая Отечественная война.
Военно-исторические очерки. Кн. 3. М., 1999. С. 480–481*

Книга десятая

**ГЕРОИ
ИЛИ
ПРЕСТУПНИКИ?**

Борцы за самостийную Украину: герои или преступники?

А. А. Падерин*

События, которые происходили в последние годы в Украине, воскрешают «духов прошлого» и заставляют вновь обратиться к историческим фактам и документам. Они позволяют более беспристрастно взглянуть на прошлое, которое может быть учителем будущего. Если захотеть! К сожалению, как показывает жизнь, желания учиться на историческом опыте некоторым политикам явно не хватает. Поводом для такого вывода служит, в частности, попытка бывшего президента Украины В. Ющенко героизировать такую одиозную личность, как Степан Бандера. 20 января 2010 г. был подписан указ президента о присвоении последнему звания Героя Украины: «за несгибаемость духа, борьбу за национальную идею, проявление героизма и самопожертвования в борьбе за независимое украинское государство постановляю присвоить звание Героя Украины с удостоиванием Ордена государства Бандере Степану Андреевичу — руководителю Организации украинских националистов (посмертно)».

Более того, 29 января 2010 г. стало известно, что В. Ющенко подписал также указ, в котором все военнотружущие Организации украинских националистов и Украинской повстанческой армии признаны участниками борьбы за независимость Украины.

26 января 2010 г. Департамент информации и печати МИД России опубликовал дипломатический по тону, но достаточно ясный комментарий в связи с указом президента Украины о награждении С. Бандеры: «Указ о награждении С. Бандеры орденом Героя Украины — событие настолько одиозного свойства, что оно не могло не вызвать однозначно негативную реакцию прежде всего в Украине. Уже известна позиция по этому вопросу целого ряда украинских

политиков, полагающих, что решения подобного рода не способствуют консолидации украинского общественного мнения.

Немало негативных откликов появилось и за пределами Украины.

Что касается российской реакции, то СМИ и общественные структуры по этому поводу высказались исчерпывающе: тональность оценок варьирует от едкой иронии до жесткой критики. Это в полной мере отвечает настроениям общественного мнения России» (источник: МИД России).

Известно, С. Бандера — не единственный деятель националистического движения Украины, удостоенный столь высокой оценки В. Ющенко. Его указом от 12 октября 2007 г. также удостоен звания Героя Украины Роман Шухевич. Его героизация началась значительно раньше. Еще в 2000 г. на экранах Киева появился художественный фильм «Непокоренный», прославляющий этого одного из бывших командиров батальона «Нахтигаль», палача еврейского, польского, белорусского и украинского народов. В его честь сооружались памятники, переименованы центральные улицы многих городов Украины, создавались музейные экспозиции.

Историческая справка

Относительно бандеровского легиона «Нахтигаль», которым руководили Теодор Оберлендер, **бандеровец Роман Шухевич** и униат Иван Гриньох, мельниковец Богдан Михайлюк в своей брошюре «Бунт Бандеры», изданной в 1950 г. за рубежом, писал: «Они (бандеровцы. — Ред.) называли его громким именем «легион», а немцы «Соловей», поскольку его задачей было идти позади немецких войск, петь украинские песни и создавать среди украинского населения дружественные для немцев настроения».

* Александр Александрович Падерин — полковник в отставке, кандидат исторических наук, член-корреспондент Российской академии естественных наук.

Но эти националистические молодчики в форме вермахта с желто-голубой ленточкой на плече, трезубом на кокарде и со словами «С нами бог» на пряжке вместо песен занимались уничтожением мирных советских граждан.

Разумеется, глава любого суверенного государства вправе объявлять героями и награждать граждан, принесших неоспоримую пользу своим соотечественникам, своей стране. Тем более — в таком важном и судьбоносном деле, как борьба за свободу и независимость Отечества. Однако что относить к героическому подвигу, а что к преступлению — вопрос принципиальный и непростой. Его решение имеет большой морально-нравственный и международно-правовой смысл. Верное решение данного вопроса возможно только с позиций и традиций последовательно гуманистического мировоззрения.

Идея украинской независимости и борьба за «самостийную Украину» имеют глубокие корни. Всем известно противостояние Петра Великого и гетмана Мазепы, запорожских казаков и Екатерины Великой. Но особенно резко эта борьба активизировалась после 1917 г., когда на обломках Российской империи пышным цветом расцвели националистические движения, загнанные до этого в подполье царским режимом. Но, получив долгожданную свободу от «интернациональных» большевиков, националисты отнюдь не поспешили к ним в объятия, а наоборот, решили воспользоваться моментом, чтобы как можно быстрее и дальше отойти от ненавистного русского Центра. Не последнюю роль здесь, конечно, играли также идеологические соображения и внешнее влияние.

Большевики, вынужденные бороться за единство вновь создаваемого государства, повели с националистами решительную борьбу, но получили в ответ не менее решительный отпор. И все-таки украинские регулярные националистические формирования Петлюры были разгромлены, хотя еще долгое время банды под разного рода, в том числе и националистическими, лозунгами колесили по степям Украины, сея смерть и разорение. Однако основные силы украинских националистов были вынуждены уйти в подполье.

В Украине наиболее мощной, непримиримой, опытной и изощренной в методах действий стала военно-политическая организация радикальных украинских националистов. Созданная еще в конце 1920-х гг., она преследовала только одну цель — достижение любыми способами независимости Украины. В этот период движение украинских националистов поддерживалось Украинской автокефальной православной церковью (УАПЦ), возникшей в 1919 г. по инициативе протоиерея Василия Липковского. Эта церковь дробилась вплоть до 1930-х гг., когда советская власть полностью уничтожила ее «осколки».

В то время существовали УАПЦ Харькова, церковь Лубен и так далее.

Особенно радикальный характер украинский национализм носил в западноукраинских областях, которые на протяжении более пяти веков попеременно находились под фактическим диктатом Венгрии, Польши, Австрии, Румынии и Германии. Здесь, с центром в Галичине, преобладало влияние грекокатолической церкви. Не случайно именно здесь активизировались украинские националисты.

Историческая справка

История Организации украинских националистов (ОУН), созданной в 1929 г. с целью возглавить сопротивление национально-освободительных сил Галиции антиукраинской политике Польши и преградить путь распространению сталинского режима, является частью не только украинской, но и европейской истории в наиболее трудное ее время, связанное с утверждением на долгие годы тоталитаризма. Как известно, в 1920–1930-е гг. в более половины европейских стран утвердились тоталитарные режимы. ОУН, будучи порождением тоталитарной эпохи, с самого начала своей деятельности прибегала к радикальным средствам, вплоть до террористических акций, используя все возможные внешние факторы. Крайний радикализм новой украинской националистической организации был заложен и в ее программных установках. Так, строй будущего украинского государства предусматривалось основывать на принципе нациократии — «власти нации в государстве» («Украина для украинцев»). Во главе его мыслился «глава государства», он же — «вождь нации». Экономический уклад представлялся в смешанных формах собственности. Идеи нациократии, вождизма, антисемитизм, полоно- и русофобия создавали некую общность между программами ОУН и нацистской партией Гитлера.

Москва отвечала на активизацию националистов жесткими репрессиями. Так, по имеющимся сведениям, с территорий Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939–1940 гг. и в 1941–1951 гг. было переселено в отдаленные районы СССР более 10 % местного населения. Это вызывало протесты местных жителей, они создавали вооруженные отряды, которые уходили в леса и горы.

Но были и положительные моменты. Так, «зловещий» НКВД проводил операции по защите польского населения от нападений со стороны украинских националистов.

Кстати, украинские националисты всегда грешили террором против поляков. Недаром один из их лидеров Роман Шухевич — будущий командир батальона «Нахтигаль» и один из руководителей созданной в 1942 г. Украинской повстанческой армии (УПА), до войны был арестован и осужден польским

судом за террор вместе со своим товарищем Степаном Бандерой.

Украинское националистическое подполье оказалось подлинной находкой для немецких спецслужб, которые в конце 1940 — начале 1941 г. активно готовили нападение Германии на СССР. Украинские националисты начали действовать под непосредственным руководством немецкого абвера.

Историческая справка

Переломная веха европейской истории — начало Второй мировой войны — вызвала раскол в ОУН, хотя серьезные тактические расхождения назревали задолго до войны: слишком уж разншерстной была эта организация. В феврале 1940 г. Бандера созвал конференцию ОУН. Со своим лидером Андреем Мельником, обвиненным сторонниками Бандеры в оппортунизме, осталась «старая генерация», преимущественно городская интеллигенция. Большинство — молодежь, вышедшая из низших слоев населения, — пошло за своим кумиром Степаном Бандерой.

В апреле 1941 г. в Кракове последователи Бандеры (их стали называть бандеровцами) провели II Большой сбор ОУН. На нем Андрей Мельник был исключен из организации, а Бандера провозглашен ее руководителем. В расколовшейся ОУН оформились две организации — ОУН (мельниковская) и ОУН (бандеровская). Раскол, произошедший на этом съезде, связанном с подготовкой ОУН к взятию власти в Украине, явился показателем соперничества в том, кому стоять у кормила в будущем украинском государстве: ветеранам национально-освободительного движения или выскочкам из «молодой генерации». Поводом же послужило обвинение Мельника в недостаточном радикализме.

Глубокий раскол и следовавшая за ним ожесточенная борьба между ОУН (бандеровской) и ОУН (мельниковской), не изжитая и поныне, не были достаточно мотивированными, а сегодня вообще представляются нонсенсом. Ведь расхождения имели сугубо тактический характер (идеология, ориентация на поддержку мощного союзника, как и центральная цель — государственность Украины — были общими), но препятствовали объединению всех сил национально-освободительного движения на западноукраинских землях. Однако, судя по всему, вожди ОУН не особенно задумывались над последствиями раскола. Похоже, их больше увлекала конъюнктурная перспектива использовать шанс с помощью внешних сил реализовать идею украинской самостийности по бандеровскому или мельниковскому варианту.

18 июня 1941 г. одетые в форму гитлеровского вермахта «нахтигалевцы» были переброшены к советской границе. Там на кресте и Евангелии они поклялись в «верности до крови» фюреру.

После вторжения в Советский Союз и оккупации Украины немецкое командование начало активно эксплуатировать националистические настроения части украинского населения. Был организован набор в национальные военные формирования, которые действовали под эгидой СС.

В 1942–1944 гг. на территории Украины против партизан действовал украинский Легион самообороны (до мая 1944 г. — корпус) численностью до 180 тыс. чел., прекративший свое существование осенью 1944 г. До ноября 1944 года просуществовала и украинская полиция, когда она была расформирована приказом руководителя СС и полиции рейхскомиссариата Украины Ханса Адольфа Прютцмана. Часть украинских полицейских пополнили ряды 14-й («Галичина») и 30-й немецких дивизий СС.

10 тыс. оуновцев были включены в 1943 г. в состав частей дивизии СС «Мертвая голова», предназначенных для охраны концлагерей, в том числе Бухенвальда и Освенцима.

Историческая справка: дивизия СС «Галичина»

С помощью немецких властей в апреле 1943 г. в Силезии преимущественно из украинцев была сформирована 14-я дивизия войск СС «Галичина» (1-я галицийская), насчитывавшая около 20 тыс. чел. и воевавшая весной 1944 г. в Карпатах с партизанами. Затем она была включена в состав 13-го армейского корпуса, попавшего в июле 1944 г. в окружение в районе Западного Буга, в строю «Галичины» осталось только 3 тыс. человек. В августе 1944 г. отдельные части дивизии участвовали в подавлении словацкого национального восстания, а зимой-весной 1945 г. на их базе была сформирована 1-я дивизия УНА под командованием П. Шандрука. До конца войны она действовала в Северной Югославии против партизан И. Б. Тито.

В 1944 г. вместе с немецкими войсками отступила и набранная из украинцев полицейская бригада «Зиглинг», названная так по фамилии командира. Из нее была сформирована 30-я дивизия СС «Вайсрутения» (в немецких документах и в литературе именуется либо «1-я белорусская», либо «2-я русская»), которая в августе 1944 г. приняла участие в подавлении французского движения Сопротивления в районе Бельфора. В ноябре того же года дивизия была выведена в Германию и расформирована. Ее личный состав пополнил ряды формируемой власовской Русской освободительной армии и немецких 25-й и 38-й дивизий СС.

В период нахождения немецких войск на территории Украины их командование умело воспользовалось и попыталось обратить мощный националистическо-религиозный потенциал Организации украинских националистов (ОУН) против советской власти и Красной Армии. Именно с участием

и помощью немцев эта политическая организация создала в 1942 г. свою военную структуру, сформировав Украинскую повстанческую армию (УПА) и Украинскую народно-революционную армию (УНРА). 30 июня 1941 г. во Львове было создано украинское правительство во главе с Ярославом Стецько.

Однако воссоздание государственности Украины не входило в планы Германии, и правительство Стецько вскоре было разогнано оккупационными властями. После этого, примерно с весны 1942 г., начался постепенный отход ОУН от сотрудничества с немцами. Ее руководство развертывает борьбу против обоих врагов — Советского Союза и Германии.

Руководство ОУН и УПА, заявляя, что их «освободительное движение направлено как против сталинского СССР, так и против гитлеровской «новой Европы», осудило тех украинцев, которые сотрудничали с гитлеровцами (сторонников А. Мельника, солдат дивизии «Галичина», батальонов «Нахтигаль», «Ролланд», бульбовцев на Волыни и власовцев). Кроме того, они переходили даже к открытым действиям. Например, в феврале 1943 г. части УПА разоружили жандармский гарнизон в г. Владимирец, а весной 1944 г. имели столкновения с 14-й дивизией СС «Галичина». В феврале 1944 г. эсэсовцы в связи с этим даже были вынуждены вести с командованием УПА мирные переговоры.

Командование УПА и священники, находившиеся в их рядах, внушали как своим подчиненным, так и населению, что их армия сражается против любых врагов украинской независимости и равномерно распределяет свои удары между ними. Однако в целом является документально доказанным, что в период немецкой оккупации главной задачей УПА все-таки была борьба с советским партизанским движением и антифашистским подпольем, ассоциировавшимся с «ненавистной Москвой».

Украинские националисты — и мельниковцы, и бандеровцы — воевали на стороне нацистской Германии и в своей борьбе против СССР опирались на всестороннюю помощь и поддержку Третьего рейха, поставлявшего УПА оружие, боеприпасы и даже своих военнослужащих. Так называемая «освободительная миссия» украинского национализма преследовала цель установления в Украине диктатуры ОУН под покровительством нацистской Германии, добивавшейся установления «нового порядка» в Европе и во всем мире. И этого не отрицали сами оуновцы, провозглашая украинскую «независимую» государственность в оккупированном Львове 30 июня 1941 года.

Историческая справка: немецкие документы

Верхушка ОУН-УПА скрупулезно выполняла обязательства, принятые перед гитлеровцами, о чем говорят нижеприведенные архивные документы:

1. Секретный доклад командования германских войск «О положении банд УПА за февраль 1944 года», адресованный 4-му Управлению РСХА. Львов, 11 марта 1944 года. В нем сказано: ... «Национальные украинские банды препятствуют проникновению советских бандитов (так нацисты называли советских партизан. — Ред.). Есть много сообщений о схватках между украинскими бандитами и советскими. Банды УПА проводят свои собственные операции против Красной Армии. Взятые в плен русские доставляются в распоряжение немцев для допросов. Сведения, добытые УПА о советских русских бандах и Красной Армии, сразу же передаются вермахту). Захваченные бандеровцами 20 советских парашютистов, как и ранее арестованный советский разведчик Молчанов, согласно архивным документам, были переданы украинскими националистами германским оккупационным властям «для соответствующего обращения».
2. Секретное, государственной важности донесение оккупационных властей дистрикта Галиция Главному управлению безопасности от 26 мая 1944 года. Содержание: Контакты УПА с инстанциями вермахта, полицией и гражданскими инстанциями. Представляю донесение моего передового пункта «Тернополь», находящегося в настоящее время в Бережанах, о деятельности и взглядах группы Бандеры и УПА в округе Бережаны, где их силы достигли наибольшей концентрации, но (как следует из нижеприведенного донесения) она в последнее время, несмотря на эту концентрацию и силу, ведет себя особенно лояльно по отношению к интересам Германии».

Строя эту так называемую «независимую» государственность на крови и костях людей, оуновцы предметно показали, что преследуемые ими конечные цели и способы их достижения такие же, как у германских нацистов.

Как известно из ряда источников, «охоту» на неугодных людей (прежде всего коммунистов, евреев и поляков) во Львове уже в первый день вступления в город немецких войск 30 июня 1941 г. открыли легионеры из спецбатальона «Нахтигаль» во главе с Оберлендером, Герцнером и Шухевичем. Фашисты намеренно оставили националистам Львов на семь дней, чтобы дистанцироваться от зверств «Нахтигалья».

Легионеры в тот же день на глазах у людей расстреляли 15 человек, 12 советских граждан повесили на балконе Оперного театра, много людей вывезли в район Дрожжевого завода и там их расстреляли. Среди жертв был ректор Львовского университета Роман Ремской, бывший премьер-министр Польши, профессор, почетный член многих академий мира Казимир Бартель и многие другие. За первую неделю оккупации Львова каратели из зондеркоманды

4А и их пособники из «Нахтигала» уничтожили более 5 тыс. жителей города — евреев, поляков, украинцев русских.

Совместно с гитлеровцами оуновцы уничтожили за годы войны на Украине 5 млн. 300 тыс. советских граждан, 2 млн. 300 тыс. работоспособных граждан УССР угнали на каторжные работы в Германию. Их карательные батальоны вели вооруженную борьбу против белорусских партизан, восставшего против фашизма народа Словакии и Югославии. Многие их преступные деяния были вскрыты уже после Нюрнбергского международного суда над главными нацистскими преступниками и по непонятной причине не вошли в обвинительный акт международного трибунала.

После изгнания немцев накопленный «боевой» опыт и вооружение, созданная за этот период четкая организационная структура, внедренная агентура, в том числе среди духовенства, позволили оуновцам практически без паузы развернуть диверсионно-боевую деятельность против советских войск и органов власти. Движение оуновцев, которое возглавил Степан Бандера, охватило Львовскую, Ивано-Франковскую и Тернопольскую области. Несколько особняком стояла Волынская область.

Статистика

Только с февраля 1944 г. по конец 1945 г. боевики УПА совершили более 6600 диверсионно-террористических актов. В этот период все их действия отличались большим масштабом, открытостью, решительностью и кровавостью, что влекло за собой проведение против них массированных чекистско-войсковых операций, которые наносили повстанчеству ощутимые потери.

На территории Львовского военного округа с октября 1944 г. по март 1945 г. силами войск НКВД при содействии соединений и частей Красной Армии против националистических формирований было проведено свыше 150 операций с участием в них до 16000 человек. В результате было уничтожено 1199 боевиков, ранено 135 чел., взято в плен 1526 чел. и 374 чел. явились с повинной.

После военных поражений и дезорганизации УПА, насчитывавшая в 1944 г. до 100 тыс. чел., была вынуждена отказаться от практики сосредоточенных ударов, схожих с действиями противостоящих им советских войск, и в 1946–1948 гг. перейти к сугубо партизанской тактике и полуавтономным действиям мелкими группами. И если на первом этапе войскам приходилось вести бои с отрядами численностью до 500–600 чел., то в последующие годы численность действовавших отрядов украинских националистов постоянно сокращалась и редко превышала 30–50 человек.

Стремясь вырвать из-под ног повстанцев идеологическую почву в виде их религиозной поддержки со стороны римско-католической церкви, Москва с марта 1946 г. повела против нее открытую борьбу

с целью принуждения униатского духовенства к переходу в православие. Для привлечения православных в западных областях СССР правительство пошло на ряд уступок.

Униатскому епископату предложили самоликвидироваться. Развернулась широкая агитация за переход грекокатоликов в Русскую православную Церковь (РПЦ). В результате этого, а также принятия репрессивных мер в отношении «непокорных» к весне 1946 г. 997 из 1270 униатских священников Западной Украины подписали заявления о присоединении к инициативной группе. 8–10 марта на Львовском соборе грекокатолического духовенства и мирян они решили воссоединиться с православной церковью и упразднить Брестскую унию 1596 года.

«Самоликвидацию» униатской церкви тогда контролировал первый секретарь ЦК КП (б) У Н. С. Хрущев, который на все шаги запрашивал санкции Сталина. Львовский собор нанес ощутимый удар по Ватикану. Далее Москва продолжила борьбу за окончательную ликвидацию униатской церкви в СССР. В августе 1949 г. в Мукачевском Успенском монастыре закарпатские грекокатолики приняли решение о ликвидации Ужгородской унии 1649 года.

Историческая справка

Всего из числа униатских священников и монахов, отказавшихся от перехода в православие, было арестовано 344 человека. В результате около 3000 приходов (по другим данным, около 4000 приходов) влились в Русскую православную церковь, 230 не воссоединившихся было ликвидировано, закрыто 48 грекокатолических монастырей.

Предпринятые советским правительством репрессии в отношении униатов серьезно подорвали влияние католицизма на местное население и повстанцев в западных областях Украины. Вместе с тем эти же меры дискредитировали процесс воссоединения церквей, а ведь среди верующих Западной Украины традиционно существовала сильная тяга к православию. Вмешательство государственных органов в церковные дела лишь оттолкнуло часть униатского населения от православия и заставило грекокатолическую церковь перейти на нелегальное положение, что придало ей ореол «мученичества». В результате ряды повстанцев еще теснее сплотились под флагом «борьбы с москалями» и пополнились новыми бойцами. В целом проблема оказалась не столько решенной, сколько загнанной вглубь, что и показали последующие события «перестроечных» 80–90-х гг. в Украине, когда толпы стали громить православные храмы на Западной Украине.

Меры по ликвидации униатов вызвали ожесточение националистов из отрядов УПА. В ответ на усиление влияния Центра и Русской православной церкви они переходили к террору в отношении православного населения и священников. Именно это

ожесточение, а также ореол «мучеников» и «гонимых» объясняет столь длительное сопротивление оуновцев (один из схронов был ликвидирован даже в 1962 г.), которые пользовались поддержкой со стороны западноукраинской эмиграции и ставшей подпольной грекокатолической церкви. Ее вероучение выступало своеобразной идеологической базой украинского национализма, ликвидировать которую Москве так и не удалось.

Отряды оуновцев активно действовали и в смежных с Украиной белорусских, молдавских и даже польских областях, где совершали диверсии и теракты против населения, лояльного новой власти, и против военнослужащих Красной Армии. Так, по воспоминаниям бывшего советского военного разведчика генерал-майора В. Никольского, в Польше с 1945 г. оуновцы в союзе с католической церковью, отрядами Армии крайовой и при поддержке националистической организации «Звендек вальки збройной» («Союз вооруженной борьбы») открыто боролись с новым правительством и «русскими оккупантами».

Они неоднократно нападали на советские воинские подразделения и гарнизоны Войска польского, где командные должности занимали тоже советские офицеры. Были случаи, когда целые польские части уходили с оружием к «лесным братьям», а командиры Красной Армии попадали под военный трибунал. Только по амнистии правительства 1946 г. из лесов вышло и подверглось регистрации свыше 60 тыс. «вооруженных боевиков», было вывезено несколько батарей полевых орудий, сотни минометов. «Малая война» с националистами продолжалась до 1947 г. и принесла много жертв. В их числе был погибший от рук украинских националистов при столкновении с ними в 1947 г. бывший генерал-полковник Красной Армии, заместитель Главнокомандующего Войска польского, участник войны в Испании Кароль Сверчевский.

Историческая справка: массовые переселения

Как и в Прибалтике, по предложениям органов НКВД после войны с 1947 г. с территории Западной Украины началось выселение в отдаленные районы страны «главарей, активных участников националистических банд оуновцев и членов их семей. К концу 1949 г. их число составило более 100 тыс. человек.

Как показал анализ архивных документов, всего из западных областей Советского Союза (из Украины, Литвы, Латвии, Эстонии и Молдавии) в 1947–1952 гг. было выселено 278718 человек, часть из которых подверглись аресту. Среди них было немало членов националистических военных формирований.

Статистика: террор оуновцев против мирных граждан

Как свидетельствует статистика, оуновцы фактически повернули оружие против мирных граждан. В 1946 г. от их рук погибло свыше 2000 чел.,

а в 1947 г. — 1500 человек. Всего за 1945–1953 гг. на территории западных областей Украины повстанцами было совершено 14424 диверсионно-террористических акта, а до 1956 г. — около 14500 вооруженных нападений.

За десять лет (1945–1955 гг.) националистами было убито более 17 тыс. советских граждан. Только в течение 1948–1955 гг. погибли 329 председателей сельских советов, 231 председатель колхоза, 436 работников райкомов партии, служащих районных организаций, активистов и 50 священников. А всего боевики УПА уничтожили от 30 до 40 тыс. человек (по другим данным, около 60 тыс. чел.). В свою очередь, советские войска только в трех западных областях с августа 1944 г. по 1950 г. убили и задержали более 250 тыс. «членов националистических формирований и их пособников», в том числе ликвидировали 55 тыс. активных «бандеровцев».

Основную нагрузку по борьбе с националистическими формированиями несли Внутренние войска, которые в ходе борьбы с националистическим подпольем провели более 50 тыс. операций и вооруженных столкновений с боевиками. В результате последние потеряли около 90 тыс. чел. убитыми и ранеными. Потери Внутренних войск убитыми и ранеными составили 8688 человек.

Всего в ходе ликвидации оуновского подполья после войны в Западной Украине погибло около 25 тыс. советских военнослужащих.

Могло ли все быть по-другому в борьбе с ОУН-УПА? И да, и нет. Националистическое движение в Украине имело в своей основе в первую очередь экономические и психологические корни: сильно развитое чувство собственности, помноженное на крестьянский традиционализм и консерватизм. В этом смысле оно не было каким-то уникальным явлением. И дело здесь не в «злых москалях». Существует определенная историческая закономерность: везде, где были хуторские или подобные им хозяйства, возникало мощное движение против новой власти и новых порядков: крестьянское восстание в Вандее во Франции в XVIII в., националистическое движение в Ирландии в XVII–XX вв., казачьи восстания на Дону, Кубани, восстание Антонова на Тамбовщине в XX веке. Список можно продолжить.

Можно, наверное, допустить, что многое могло быть по-другому при условии проведения советскими властями более гибкой политики, не заикленной на идеологических догмах. Но ее как раз и не хватало.

После смерти Сталина возник вопрос о проведении новой политики в отношении националистических движений. 19 марта 1953 г. Л. Берия, назначенный на пост министра МВД, созвал крупное совещание. Его итогом стало снятие с должностей всех начальников УМВД областей Украины. 26 мая 1953 г. по предложению Министерства внутренних

дел ЦК КПСС принял постановление «Вопросы западных областей Украинской ССР в докладной записке тов. Л. П. Берия в Президиум ЦК КПСС». А 2–4 июня того же года прошел пленум ЦК компартии Украины с повесткой дня, соответствующей постановлению Центрального Комитета партии от 26 мая. В обсуждении этого вопроса принял участие и тогдашний министр внутренних дел Украины П. Мешик. Были приняты решения по срочному исправлению положения в борьбе с националистическим движением, в том числе по устройству переселенцев из западных областей Украины.

Позже значительное количество их по решениям советского правительства возвратились на родину (после 1957 г. — 65 тыс. чел.). Но вернувшиеся ничего не забыли и не простили. В 1980–1990-е гг. они примкнули к демократическим движениям, которые с распадом СССР добились независимости и суверенитета для своих государств. А новые демократы ничтоже сумняшеся подняли их на щит как борцов за свободу, забыв о том, что за ними стоит кровавое прошлое борьбы со своим собственным народом. Так вот и возникло парадоксальное явление современности — демократия с «эсэсовским душком», на которую, впрочем, старые и мудрые европейские демократии предпочитают смотреть сквозь пальцы.

Нельзя, конечно, забывать и о том положительном, что принесла советская власть в западно-украинские земли. Западные области были признаны наряду с «Всесоюзной кочегаркой» — Донбассом — особо важными. При Совнаркоме и наркоматах республики были созданы отделы по западным областям. Им в первоочередном порядке выделялось промышленное оборудование, строительные материалы, транспортные средства для скорейшей индустриализации. Особое внимание уделялось промышленному и культурно-бытовому развитию

Львова и других областных центров Западной Украины. Широко осуществлялась программа ликвидации малограмотности и неграмотности в крае. Благодаря решительным мерам, принятым партийно-советскими органами, здесь во всех сферах общественной жизни начали утверждаться приоритеты украинства, в частности украинского языка. Сугубо силовыми методами была прекращена длившаяся несколько лет украинско-польская резня: из Польши на Украину было переселено 483 тыс. украинцев, а из Украины в Польшу — 810 тыс. поляков.

Сегодня иногда можно услышать от людей, подавшихся националистической пропаганде: «Националисты за демократию. Разве они похожи на фашистов?» Ответим таким людям языком фактов. Националисты уже в наши дни рушат памятники и надгробия на могилах павших советских воинов и возводят памятники Бандере и другим гитлеровским пособникам. На такое кощунство способны только люди, противопоставляющие себя подлинным патриотам Украины и разделяющие идеалы воинствующего украинского национализма.

Печальный опыт памятных событий в Западной Украине наглядно свидетельствует о трагических последствиях эпохи тоталитаризма, когда ненависть порождает ненависть, а месть — ответную месть.

Народы России искренне надеются, что со смелой высшей государственной властью в Украине наступят перемены к лучшему во всех сферах жизни, в том числе в установлении исторической правды о нашем недалеком общем прошлом, а также в развитии поистине добрососедских отношений.

Первые публичные выступления нового Президента Украины В. Януковича порождают определенный оптимизм в том отношении, что в Украине восторжествуют цивилизованные европейские подходы и оценки, будет положен конец вульгарному горе-патриотизму последних пяти лет.

¹ Указ президента Украины В. Ющенко о присвоении С. Бандере звания Героя Украины. — Интернет.

² Комментарий от 26.01.2010 Департамента информации и печати МИД в связи с указом президента Украины В. Ющенко о присвоении С. Бандере звания Героя Украины. — Интернет.

³ Без срока давности // Коллективная монография. Под общей ред. Войцеховского А. А. и Ткаченко Г. С. — Харьков. — 2001. — 424 с.

⁴ Коваль М. В. Организация украинских националистов (ОУН): уроки истории. — Отечественная история, 2003, № 1.

⁵ Биография С. Бандеры. — Интернет.

⁶ Гаврилов В. А. «Слава героям!» (из истории борьбы за самостийную Украину). Военно-промышленный курьер, 2004, № 3.

К вопросу об украинском коллаборационизме

Ю. Федоровский*

Как известно, международный термин «коллаборационизм» обозначает предательское сотрудничество лиц из местного населения с фашистскими оккупантами в годы Второй мировой войны. Разгром фашизма в победном 1945 году, казалось, положил конец этому уродливому явлению. Однако спустя полвека в некоторых странах, причисляющих себя к Европе, возникли условия, способствующие массированным попыткам реабилитировать коллаборационистов, а затем и героизировать их деятельность. Это имеет прямое отношение к Украине. Нынешний режим президента Ющенко во внутренней идеологии и политике фактически вернулся к воинствующему национализму начала 1990-х годов. В этом ряду — одиозные указы о ликвидации советских памятников, о чествовании коллаборанта Шухевича, о признании вояков УПА, об изъятии из библиотек для уничтожения «коммуно-шовинистической литературы» и др. Все это сопровождается непрерывными попытками обеления «на научном уровне» украинских националистов, вплоть до полного отрицания такого явления, как украинский коллаборационизм, в трудах В. Косика, О. Романива, М. Коваля, В. Сергийчука и др. [1, с. 10, 178; 18, с. 147].

Странно, что приходится напоминать о таких общеизвестных фактах, например, что все главы Провода ОУН — Е. Коновалец, А. Мельник, С. Бандера, Я. Стецько — были агентами немецких спецслужб еще с 1930-х годов. Это подтверждено неоднократно опубликованными показаниями полковника абвера Э. Штольце: «С целью привлечения широких масс для подрывной деятельности против поляков нами был завербован руководитель украинского националистического движения полковник петлюровской армии белоэмигрант Коновалец... Вскоре Коновалец был убит. ОУН возглавил Андрей Мельник, которого, как и Коновальца, мы привлекли к сотрудничеству

с немецкой разведкой... в конце 1938 или в начале 1939 г. Лахузену была организована встреча с Мельником, во время которой последний был завербован и получил кличку „Консул“... Германия усиленно готовилась к войне против СССР и поэтому по линии абвера принимались меры активизации подрывной деятельности, т. к. те мероприятия, которые проводились через Мельника и др. агентуру, казались недостаточными. В этих целях был завербован видный украинский националист Бандера Степан, который в ходе войны был немцами освобожден из тюрьмы, куда был заключен польскими властями за участие в теракте против руководителей польского правительства» [2].

Почти все командиры так называемой УПА — бывшие офицеры немецких частей. 1939 год: «Украинский легион», он же спецподразделение «Бергбау-эрхальфе» (Р. Сушко, И. Корачевский, Е. Лотович), воевавший в составе вермахта против Польши. 1941 год: спецбатальоны абвера «Роланд» и «Нахтигаль» (гауптштурмфюрер Р. Шухевич, штурмбаннфюрер Е. Побигущий, гауптманы И. Гриньох и В. Сидор, оберст-лейтенанты Ю. Лопатинский и А. Луцкий, лейтенанты абвера Л. Ортынский, М. Андрусак, П. Мельник) — все они впоследствии перешли в полицейский «шущманшафт-батальон-201» и УПА. Командир «Буковинского куреня» и военный референт ОУН(М) П. Войновский — штурмбаннфюрер и командир отдельного карательного батальона СС в Киеве. П. Дяченко, В. Герасименко, М. Солтыс — командиры «Украинского легиона самообороны» ОУН(М) на Волыни, он же «шущманшафтбатальон-31», подавлявший Варшавское восстание в 1944-м. А также Б. Коник (шб-45), И. Кедюмич (шб-303) — палачи Бабьего Яра; К. Смовский (шб-118) — на его совести Хатынь; шб № 3 — Кортелисы. А еще многочисленная «украинская вспомогательная полиция» (К. Зварыч,

* Юлий Федоровский — кандидат исторических наук, доцент (Луганск).

Г. Захвалинский, Д. Купяк), в 1943-м в полном составе влившаяся в дивизию СС «Галичина». Это не считая разнообразных команд «абверштелле» (М. Костюк, И. Онуфрик, П. Глынь). Нельзя не согласиться с тезисом известного канадского ученого В. В. Полищука, что «ОУН залишалась вірною Великонімеччині до 9 травня 1945. Тільки в ОУН Бандери була невеличка — до 3 місяців — перерва у співдії з окупантами — це коли утворювалися її „власні сили“... (кінець 1942 — початок 1943)» [3].

Вспомним и «Акт відновлення Української держави» от 30.6.1941 с его известным 3-м пунктом, старательно вырезаемым во всех бандеровских «документальных» публикациях. Сам Бандера еще 3 июля 1941 г. на встрече с немецкими чинами (госсекретарь Кундт, судья Бюлов, полковник Бизанц, доктор Фель) говорил: «Великогерманская власть, а именно национал-социалистская власть, является нашим главным союзником и по сей день стоит на нашей стороне. ОУН разными методами сотрудничала с немецкими руководящими инстанциями. Они совместно с немцами боролись против Польши и тоже понесли потери, сотрудничая с Германией в той форме, в какой им было позволено. В эти последние два года нами велась также борьба против большевизма, конспиративно и лишь в той форме, что разрешалась немецкими инстанциями, с которыми велось сотрудничество, причем политическому статусу Германии это ничем не угрожало». Странно выглядит ситуация, что в многочисленных киевско-львовских «документальных» переизданиях В. Сергийчука, В. Косика эти слова отсутствуют, они приводятся лишь в книге С. Чуева, вышедшей в Москве [4].

Бандере вторил Я. Стецько в своем «коммунисте» от 4.8.1941, призывая оуновцев «допомогати всюди німецькій армії розбивати Москву». Тогда же в августе им была распространена разъяснительная директива, в которой подчеркивалось, что «ОУН не піде» против фашистов, а «буде старатися знайти зрозуміння з німецької сторони для спільності німецько-українських інтересів... ОУН трактує Німеччину як союзнну силу... Цим фактом нормується в теперішній час відношення ОУН до Німеччини» [5, с. 80–81]. Затем уже якобы «арестованный» Бандера в письме рейхсминистру А. Розенбергу от 14.8.1941 неоднократно подчеркивал: «ОУН бажає співпраці з Німеччиною не з опортунізму, але зі свідомості про конечність цієї співпраці для добра України... ОУН ЗА ДАЛЬШУ СПІВПРАЦЮ З НІМЕЧЧИНОЮ» [14, с. 183]. Как мемуарил Е. Стахив, еще в декабре 1941 он довольно свободно получил свидание с «арестованным» Бандерой, который вручил ему письмо для передачи «урядуючому провіднику» М. Лебедю. Не удержавшись, Стахив заглянул в него и прочел: «...щоб не провадити ніяких акцій проти німців, антінімецькі виступи є шкідливі і треба якось направити українсько-німецькі стосунки». И это писалось в тот момент, когда немцы уже

вовсю арестовывали своих незадачливых «союзников». Комментируя, Стахив пишет: «Через 40 років я говорив про те з М. Лебедем, але він сказав мені, що не пригадує, щоб я приносив йому якийсь таємний папір. Ще через 5 років ми повернулися до тієї розмови... Він сказав: „Так, я пам’ятаю. Але я не хотів, щоб ви про те розповідали людям. Не треба, щоб історія знала правду“» [6, с. 110–111]. Очень красноречивое признание...

Уже после войны историографы ОУН С. Мудрик (экс-комендант полиции в Огядове) и П. Мирчук («походная группа ОУН»), пытаясь открититься от сотрудничества с гитлеровцами, придумали миф о том, что все переговоры с немцами — это личная, не согласованная с Проводом инициатива двух полевых командиров УПА «Сосенко» (П. Антонюк) и «Орла» (Олейник), которых торжественно осудили и расстреляли весной 1944 года. Однако эта пара стала просто громоотводом. Внимательное изучение документов показывает, что и здесь бандерофилы не обошлись без лжи. Антонюк и так был на подозрении у «Службы безпеки» ОУН как противник мельниковско-бандеровской усовици (об этом вспоминал бывший вояк УПА, а потом диссидент Д. Шумук). К полемому же суду его привлекли за военное поражение: в январе 1944 курень «Сосенко» был разгромлен партизанами-ковпаковцами. А в УПА существовала такая практика: раз проиграл, значит, «совітський агент», надо осудить и расстрелять. К тому же Антонюк оказался «засвечен»: факт его переговоров с немцами в декабре 1943 года и настоящее имя были обнародованы в «Обращении Президиума ВС УССР и СНК УССР» от 12.2.1944. «Орел» же «засветился» на переписке — его послание от 5.3.1944: «Друже Богдан... я договорился с немецким капитаном Офштом...» было захвачено в бою партизанами отряда А. Федорова и, видимо, опубликовано в советской прессе. По формальной логике вещей выходит, что командование УПА узнавало об инициативах своих подчиненных исключительно из советских газет. И демонстративно реагировало: «Сосенко» и «Орел» были расстреляны в марте и апреле 1944 г. соответственно.

На самом деле переговоры оуновского руководства о сотрудничестве с немцами против советских партизан проходили еще в августе 1943 в Сарнах Ровенской области и в Берлине. 1 января 1944 г. секретный договор о сотрудничестве в Рава-Русском районе был подписан между Т. Магаресом и С. Руденко от УПА и оберштурмфюрерами СС О. Рюкерихом и А. Унбелем от немецкой полиции СД. В феврале 1944 г. была достигнута договоренность между штабом 13-го армейского корпуса вермахта (генерал Хауфе) и ОУН-УПА в Дубновском и Костопольском районах [8, с. 68–77]. На Холмщине аналогичный договор с немцами подписал окружной военный референт ОУН П. Шкоропар. А с 5 марта по июнь

1944-го в Тернополе и Львове проходили секретные переговоры между уполномоченным членом Центрального провод ОУН «Герасимовским» (И. Гриньох) и руководством СД «дистрикта Галициен» (гауптштурмфюреры Крюгер и Паппе и оберштурмбаннфюрер Витиска). Материалы этих переговоров были захвачены при советском наступлении, но опубликованы гораздо позже. В педантичных немецких рапортах зафиксированы такие откровения экс-капеллана «Нахтигала»: «Группа ОУН под руководством Бандеры никогда не считала своими противниками немцев... О враждебности по отношению к Германии никогда не было и речи... Лишь в феврале 1943-го бандеровская группа ОУН приступила к формированию военных отрядов... Она достаточно благоразумна, чтобы ни разу не потребовать освобождения Бандеры... ОУН готова сотрудничать с немцами во всех военных областях, которые окажутся необходимыми... Вообще, всякие антигерманские тенденции никогда не исходили в приказном порядке от бандеровской группы ОУН и никогда не будут исходить впредь». Как комментировал германский представитель, «можно с уверенностью ожидать, что бандеровская группа ОУН и УПА пойдут на еще большие уступки и встречные услуги» [9]. Более того, Гриньох высказал уверенность, что Бандера непременно санкционирует эти контакты и соглашения, если им дадут встречу. Судя по всему, так и произошло, ведь известно, что 28 сентября 1944 г. Бандера был выпущен из спецотделения Целленбау Заксенхаузена под напутствие самого рейхсфюрера СС Г. Гимmlера: «Необходимость вынужденного пребывания под арестом, вызванная обстоятельствами, временем и интересами дела, отпала. Начинается новый этап нашего сотрудничества — этап более ответственный, чем ранее...» [10, с. 53].

Один из сегодняшних ученых-бандерофилов М. Коваль сильно сокрушался: дескать, немцы так подставили своих партнеров по переговорам, вовремя не уничтожив документы при эвакуации [18, с. 156]. А ведь действительно, успели бы сжечь пару папок — и необандеровцы заверяли бы, что никаких переговоров с немцами не вели. На деле же оуновские главы хранили верность рейху до последнего. Еще весной 1945 г. группа — И. Гриньох, В. Стахив, Я. Стецько, М. Матвиейко — готовила базы для нацистского «Вервольфа» в Альпах и Баварии. И кстати, однажды угодила под обстрел с американского самолета, и Стецько был ранен [11]. Сам Бандера в начале 1945 года, инструктируя оуновцев из «абверкоманд», очутился в Кракове в советском тылу, откуда его выводил лично Отто Скорцени: «Это был трудный рейс. Я вел Бандеру по радиомаякам, оставленным в тылу ваших войск, в Чехословакии и Австрии... Гитлер приказал мне спасти его, доставив в рейх для продолжения работы, — я выполнил эту задачу» [12].

Даже диаспорная «Энциклопедія українського націоналізму» признает: «Хоч гаслом українського націоналізму була „орієнтація на власні цілі“, однак у своїй зовнішній політичній концепції він покладався на союз з Німеччиною» [7, с. 1725].

Коллаборационизм ОУН не ограничивался немцами. Программный национал-экстремизм с самого начала роднил ее и с известным тогда итальянским фашизмом. Как писал идеолог ОУН Н. Сциборский: «Основні ідеї фашизму не замкнулися в самій Італії, а швидко поширили свій вплив у цілому світі, посилюючи та оформлюючи той суспільно-політичний процес, що по останній війні стихійно вибував серед різних народів; це — націоналізм. Самий фашизм, це насамперед націоналізм» [13]. Газета ОУН «Наш клич» от 9.7.1939 подчеркивала: «Під іменем українського націоналізму ми привикли розуміти певну суть — це суспільно-політичний рух, який існує сьогодні в усьому світі. В одній країні він проявляється як фашизм, в іншій як гітлеризм, а в нас просто націоналізм» (эта же мысль повторена в «Ідея і чин. Вишкіл українського націоналіста», 1940). И еще: «Наше завдання — поширення фашистської ідеології» [10, с. 25]. Последняя цитата принадлежит другому идеологу ОУН Е. Онацкому. Экс-секретарь Центральной Рады, осевший после Гражданской войны на Апеннинах, преподавал в фашистских вузах Неаполя и Рима, выступал с программными статьями по оуновско-фашистскому сближению и в 1929 г. был назначен «тереновим провідником ОУН на всю Італію».

Малоизвестный факт: по его инициативе под патронатом местной разведки в начале 1930-х гг. на территории Италии были созданы нелегальные военные лагеря, в которых вместе с хорватскими усташами проходили диверсионно-террористическую подготовку боевики ОУН, бежавшие из Польши после совершения различных терактов. Здесь учились подрывному делу Роман Кучак (нападение на почтовую карету под Бирчей), Ярослав Билас (подготовка налета на почту в Городке), Михаил Гнатив (соучастие в убийстве Т. Голувка), Гриць Купецкий и Гриць Файда (налет на почту в Городке), Левко Крисько (налеты на банки в Бориславе и Трускавце), Михаил Колодзинский (в 1932–1933 гг. боевой референт КЭ ОУН), Олекса Бандера (брат Степана) и многие другие. Правда, со временем это стало известно полякам, и они заявили официальный протест. Лагеря закрыли, но кадры не пострадали: до 1937 г. они пребывали на Сицилии, а затем плавно перебазировались в Австрию, где были открыты аналогичные лагеря, например Зауберсдорф в Альпах. Только инструкторами тут выступали уже не итальянские фашисты, а немецкие нацисты. И кадры пополнились бывшими вояками «Карпатской Сечи», бежавшими в 1939 от мадьяр (В. Стахив, Яр. Бойдунник). Навещали эти лагеря и японцы из военного атташата — в сопровождении члена Центрального провод ОУН Р. Ярого [6, с. 86–89].

Продолжением итало-оуновского коллаборационизма является деятельность одного из бандеровских главарей — «заступника провідника» Я. Стецька. Проживая с 1938 г. в Италии, он был завербован местной разведкой ОВРА под псевдонимом «Белендис». Одно из его донесений было перехвачено конкурентами из ОУН (Мельника) и обнародовано в «Коммуникате» референтуры пропаганды ПУН от 11.10.1940: «В эти дни через определенное учреждение руководящие чины ОУН получили оригинальные письма члена „революционного провода“ Стецька-Карбовича, которые он передал в итальянский МИД в Риме. Упомянутые письма Стецько подписал псевдонимом „Белендис“. В этих письмах Стецько-Белендис информирует...» [16, с. 95]. А Онацкий продолжал свою деятельность в Италии вплоть до свержения Муссолини и своего ареста в сентябре 1943 года.

Венгрия не была большим другом Украины. Как пишут современные учебники, она соучаствовала в разделе украинских национальных земель, оккупировав в марте 1939 г. суверенную державу «Карпатская Украина» и расстреляв здесь некоторое количество оуновских боевиков из так называемой «Карпатской Сечи». Так что летом 1941 года ОУН даже выпустила листовку: «Народе! Знай! Москва, Польща, Мадяри, Жидва — це все твої вороги. Нищ їх!». Тем не менее в августе 1943 г. шеф разведки УПА-Юг Андрей Дольницький («Голубенко») у с. Колюшки Здолбуновского района Ровенской области встретился с командирами венгерской оккупационной армии капитаном Буричем и старшим лейтенантом NN и договорился с ними о сотрудничестве на территории Дубновского и Костопольского районов. На основании этой договоренности 9.10.1943 был издан приказ.

«Секретный приказ № 21.

Командирам и казакам УПА. Комендантам и работникам подполья ОУН.

В связи с политической обстановкой и определенными настроениями, которые требуют от нас чрезвычайного чувства политической гибкости, приказываю:

1. Прекратить какие-либо агрессивные действия против мадьяр на территории всего военного округа.
2. Договориться на местах с командованием мадьярских подразделений с целью предупреждения выступлений одной стороны против другой.
3. В отношении мадьяр быть приветливыми и предупредительными... Слава Украине!

Командир группы УПА Эней» [8, с. 68].

Об этом было доложено главному УПА Дмитру Клячковскому («Клим Савур»), который одобрил действия «Голубенко» и «Энея» и предложил продолжить переговоры, назначив в подкрепление политического референта Центрального провода ОУН Омеляна Логуша («Иванив»). После встречи последнего с чле-

нами Главного штаба венгерских войск на Украине подполковником Падани и майором Вецкенди был подписан такой договор:

«1. Венгерское командование не будет вести никаких враждебных действий против УПА и украинского населения.

2. Подразделения УПА не будут проводить политических и вооруженных выступлений против венгерских гарнизонов на Украине...

5. Венгерское командование будет сообщать командованию УПА о деятельности советских партизанских подразделений или коммунистической разведки. Командование УПА будет информировать венгерские штабы обо всех известных ему передвижениях большевистских партизан.

6. Венгерские гарнизоны могут получать от хозяйственных подразделений УПА необходимое продовольствие. В свою очередь, они будут передавать для УПА соответствующее количество оружия, боеприпасов, а также другие технические материалы...» [17, с. 49].

Переговоры эти проходили с 25 декабря 1943 г. по 3 января 1944 г. в с. Дермань Мизоцкого района. В это время в соседнем с. Будераж Провод ОУН специально для венгров устроил вечер художественной самодеятельности и парад отрядов УПА. Развивая сотрудничество с оккупантами, Логуш вылетел на самолете венгерских ВВС во Львов, где была сформирована целая полномочная делегация Центрального провода ОУН: Е. Врецьона, А. Луцкий, В. Мудрый. В январе 1944 г. они тем же самолетом отправились в Будапешт, где провели ряд встреч с представителями венгерского командования. Полковник Шотани даже заверил оуновцев, что о переговорах проинформирован сам регент Венгрии адмирал М. Хорти, и дальновидно пообещал «в случае необходимости предоставить возможность эмиграции в Венгрию руководителям оуновского подполья на Украине».

Румыния также не была великим симпатиком украинской нации. В довоенные годы здесь вообще не признавалось существование такой национальности. На захваченных землях Буковины и Бессарабии запрещалось существование каких-либо национальных организаций, а местное население официально называлось «румынами, забывшими родной язык». Фашистское правительство маршала И. Антонеску присоединилось к гитлеровской агрессии против СССР, получив в награду территорию Южной Украины до Днепра, так называемую «Транснистрию». Однако это не помешало еще в 1940 году жителю Черновцов Оресту Зибачинскому, областному проводнику ОУН Буковины, сотрудничать с румынской и немецкой разведками, а после установления здесь советской власти бежать в Бухарест. Служил в «сигуранце» и его преемник — отставной поручик румынской армии Петр Войновский (в ОУН «Василь», в гестапо «Максим», в абвере

«Гартман»). В 1941-м, когда он объявил о переходе в ОУН (Мельника), бандеровцы заслали в Буковину своего «ревизора» М. Кобзаря, который в отчете дал весьма нелицеприятные характеристики местным «проводникам»: «Зибачинський вщеплював в людей, яких він виховував, свої прикмети: дурну хворобливу амбіцію, жадобу кар'єри. Для деяких організація була засобом наживи. Він витворив на Буковині амбітно-виключницькі погляди... Петро Войновський, псд „Василь“. Це чоловік анальфабетний до праці, вихованець Зибачинського, людина надзвичайно злосна, обмежена, вузькоглядна і амбітна... Внаслідок такої праці всі його ненавиділи» [19, с. 130–132].

После начала Великой Отечественной местные оуновцы устроили резню «просоветских элементов», а затем Войновский, собрав актив в так называемый Буковинский курень, двинулся по маршруту Снятин — Каменец — Жмеринка — Проскуров — Винница — Житомир — Киев, участвуя в ряде массовых расстрелов мирного населения под контролем немцев. В финале — сентябрьские 1941 года расстрелы в Бабьем Яру, после чего «буковинцы» растеклись по «шущманшафт-батальонам» — 109-й, 115-й, 118-й. Преемник Войновского «провидный» Д. Звизда руководил расстрелом трехсот мирных жителей Заставнинского района в Приднестровье, но после выполнения грязной работы румыны ликвидировали и его самого.

Как сказано в протоколе допроса М. Павлишина от 18.11.1944: «ОУН в целях усиления своей антисоветской деятельности имеет намерение войти в контакт с государствами — сателлитами Германии» [20, с. 458]. В мае 1943 г. по указанию Южного краевого провода ОУН проводник «Транснистрии» Т. Семчишин установил через оуновку М. Залесскую связь с местными «железнодорожниками» (румынскими фашистами). В октябре 1943 г. проводник ОУН Одессы М. Павлишин и референт пропаганды М. Чепига завязали контакт с руководителями румынского разведцентра № 3 подполковником Пержу и капитаном Аргир. В ноябре сам проводник «Транснистрии» Семчишин и Чепига достигли соглашения о сотрудничестве и совместно с Пержу выезжали в район г. Снятин, где встречались с представителями Центрального провода ОУН для его утверждения. В начале 1944 г. Семчишин с двенадцатью оуновцами попытался пробиться на Западную Украину, но не смог из-за наступления Красной Армии и вернулся в Румынию, где поступил на связь к начальнику разведки 6-й армии полковнику Ионеску. Одновременно в марте 1944 г. в Галац вместе с разведцентром № 3 прибыли Павлишин и Чепига, которые от имени ЦП ОУН вели переговоры с Ионеску и майором Кулерару.

Согласно договору, в июне–июле 1944 г. Павлишин обратился в «министерство справедливости» Румынии и вместе с его представителем Кафри-

цом объехал местные тюрьмы для освобождения арестованных оуновцев (всего около ста человек). «Со 2 апреля по 27 августа с.г. мы финансировались румынами», — признавал Павлишин [20, с. 465]. В апреле–июле 1944 г. он по своей инициативе организовал в Галаце шпионское обучение при разведцентре № 3, после чего окончившие курс шесть оуновцев были заброшены в УССР. В их числе — агенты Караванский и Гдешинский. Много позже, работая «демократическим диссидентом», Святослав Караванский пытался откреститься от неприятного прошлого, преуменьшая оуновско-шпионские эпизоды биографии. Однако в показаниях М. Павлишина четко сказано: «Караванский Славко, псевдоним „Бальзак“, 1919–1920 г.р. ... при немцах — студент философского факультета г. Одесса. Член ОУН с января 1943-го... в организации был звеньевым, имел на связи 2 студентов. Намечался на хозяйственного референта Одесской областной экзекутивы ОУН... С группой в 6 оуновцев, в которую входили Караванский, Ткаченко... в Галаце я систематически в течение месяца проводил занятия по разведработе и радиodelу... 21 июля 1944 г. в 12 часов ночи на том же самолете вылетел агент-радиот Караванский в паре с оуновцем Гдешинским, которые были выброшены на парашютах в Очаковском районе Одесской области... получили задание собирать политическую и экономическую шпионскую информацию о жизни в СССР, о приказах по Красной Армии... 15–17 августа принял радиogramму вторую от Караванского...» и т.д. [20, с. 449–468]. Параллельно с этим в Северной Транснистрии (район Черновцов) облпроводник Буковины Артемизия Галицкая («Мотря») организовала переговоры Референтуры внешних связей ОУН (М. Лебедь) с румынскими оккупационными властями [21, с. 18].

Одним из последних «дипломатических» прорывов РВС ОУН уже в начале 1945 года стала Хорватия. Референтура и лично Лебедь, дислоцировавшиеся тогда на территории марионеточной профашистской «Словацкой республики», направили на встречу с хорватским послом в Братиславе члена Центрального провода Омеляна Антоновича. На всякий случай «активизировали» и старые знакомства — связанного с усташами Антона Ивахнюка. Антонович после Братиславы в январе 1945 г. отправился в Загреб, столицу «Независимого государства Хорватия», где имел официальную встречу с «поглавником» Анте Павеличем. На встрече была озвучена «дипломатическая нота» на немецком языке с положенными фразами о давней дружбе, тесном сотрудничестве и будущем союзе. Оуновца приняли благосклонно — аудиенция длилась шесть минут. Повторный визит О. Антоновича в марте 1945 г. проходил уже без дипломатических условностей: надо было срочно организовать конкретное дело — эвакуацию оуновских главарей. М. Лебедь,

С. Ленкавский, И. Багряный и многие другие то-ропливо пробирались в Хорватию, чтобы потом через Австрию переправиться в западногерманский Мюнхен, ставший столицей послевоенной оуновской эмигрантщины [22, с. 330–337].

Не оставляли националисты своим вниманием и Дальний Восток. Еще в 1931 году лично Коновалец («полковник Вера») посетил Маньчжурию и вошел в контакт с представителями японской спецслужбы (полковник Х. Ошима). Потом в 1935-м здесь всплыл представитель ОУН М. Митлюк, через год его сменил М. Милько. А в 1937 г. сюда была командирована троица Г. Купецкий — Г. Файда — М. Гнатив. Первый по рекомендации Онацкого возглавил «станицу ОУН» в Харбине, а по рекомендательным письмам японских атташе из Берлина и Рима имел встречи с генералом Угаи, полковниками Акикудзу и Йошинама. Для оуновцев были организованы «советознавчі курси», которые вели Иноде-сан, Такаси, Такахаси. Для активизации пропаганды пришлось «начать интенсивное изучение русского языка» и принять совершенно москальские псевдонимы. Купецкий стал «Борисом Марковым» и возглавил «Дальневосточную Сечь», Гнатив превратился в «Сергея Васильева». По санкции японской разведки они вели националистическую пропаганду в лагерях беженцев, которая дала «большой эффект» — в лагерях начались драки на национальной почве, что с гордостью подчеркивают украинские историки типа П. Мирчука как признак пробуждения «національної свідомості». Правда, с началом

Второй мировой войны японцы утихомирили разгулявшихся «сечевиков»: в 1940 году «ДВС» была закрыта. Украинцам осталась незавидная роль лагерных вербовщиков кадров для японской разведки. В 1944 г. «Б. С. Марков» стал секретарем реорганизованного Украинского нацкомитета, а в августе 1945-го, накануне прихода Советской армии, большинство оуновцев сбежали из Харбина в Шанхай, где была создана «Украинская громада» под руководством «С. И. Васильева» [15, с. 119–130].

Не передохнув от военного коллаборационизма с фашистами, оуновцы сразу же включились в сотрудничество с англо-американскими спецслужбами, протезировавшими разведку ФРГ. Как вспоминал бывший агент БНД И. Вергун: «Мне известно, что в 1948 г. сотрудником геленовской [западногерманской] разведки был завербован священник И. Гриньох с целью подрывной деятельности против СССР и Польши... Я лично знал в лицо нескольких агентов, которых он забрасывал на Украину» [8, с. 89].

Так что, как видим, в своем коллаборационизме оуновцы были настоящими интернационалистами: Италия, Венгрия, Румыния, Хорватия, Япония, Германия... Общность целей (борьба против СССР) и методов (террор и шпионаж) роднили ОУН с наиболее реакционными элементами Европы и мира, что однозначно ставило организацию по одну сторону с фашизмом, разгромленным в ходе Второй мировой войны, но сейчас, к сожалению, возрождающимся на волне «нового правого национализма».

¹ Косик В. Україна і Німеччина у 2 Світовій війні. Париж — Львів: НТШ, 1993. 660 с.

² Рабочая газета. 29.11.1990; Правда. 4.5.1991; Военно-исторический журнал. 1991. № 4; Киевские новости. 1993. № 26; Коммунист. 1999. № 35 и др.

³ «2000». 4.8.2006, F5.

⁴ Чуев С. Украинский легион. М.: Яуза, 2006.

⁵ Український історичний журнал. 1988. № 5.

⁶ Стахів Є. Останній молодогвардієць. К.: Варта, 2004. 496 с.

⁷ Енциклопедія українознавства. Париж — Нью-Йорк: Молоде життя, 1966. Т. 5.

⁸ Обвиняет земля. ОУН: документы и материалы. М.: Универсум, 1991. 158 с.

⁹ Український історичний журнал. 1994. № 6. С. 108–112; 1995. № 1. С. 88; 1995. № 2. С. 103.

¹⁰ Хто є хто? Політичні портрети. К., 1991. 88 с.

¹¹ Звернення Мирона Матвієйка до членів і симпатиків ОУН... К., 1960.

¹² Skorzeny O. Meine Kommandounternehmen: Krieg ohne Fronten. Wiesbaden, Munhen, 1975.

¹³ «2000». 12.10.2007, F4.

¹⁴ Український визвольний рух. Збірник № 1. Львів: Мс, 2003. 208 с.

¹⁵ Український визвольний рух. Збірник № 5. Львів: Мс, 2005. 240 с.

¹⁶ Біла книга ОУН. Краків, 1940. 103 с.

¹⁷ Літопис УПА. Торонто, 1984. Т. 5.

¹⁸ Коваль М. Україна у 2 Світовій і Великій Вітчизніній війнах. К.: Альтернативи, 1999. 336 с.

¹⁹ Сергійчук В. Український здвиг: Прикарпаття. К.: УВС, 2005. 840 с.

²⁰ Сергійчук В. Український здвиг: Наддніпрянщина. К.: УВС, 2005. 836 с.

²¹ Содоль П. УПА. Довідник другий. Нью-Йорк: Пролог, 1995. 296 с.

²² Антонович О. Спогади. Ч. 1. К. — Вашингтон: Август, 1999. 392 с.

Вооруженная борьба на оккупированной территории Украины в 1941–1944 годах (попытка объективного анализа)

В. Бочаров*

30 июня 2007 года исполняется 100 лет со дня рождения Романа Шухевича (генерала Чупринка, главнокомандующего УПА ОУН-Б). Несмотря на то что нас отделяет свыше 57 лет со дня его гибели, до сих пор нет объективных исторических исследований, которые дали бы объективную оценку силам, вставшим на борьбу с фашизмом на оккупированной украинской земле.

На протяжении около 46 лет народная война против немецко-фашистских оккупантов тщательно исследовалась через призму партийного руководства политической и боевой работы советских партизан и коммунистического подполья.

Нужно отдать должное, что глубина и качество научной разработки данной проблематики с позиций сегодняшнего дня поражает. Действительно, лишь во время войны газета «Правда» напечатала более 500 статей и корреспонденций по этой проблематике, были изданы первые книги руководителей и организаторов партизанского движения П. Пономаренко, Т. Строкача, С. Ковпака.

За послевоенный период появилось более двух тысяч научных статей, книг, мемуаров, монографий, диссертаций, посвященных этой тематике. Значительным явлением украинской историографии все-народной борьбы стал выход монографии «Народная война в тылу фашистских оккупантов на Украине 1941–1944», написанной коллективом известных украинских историков — В. Немятым, В. Клоковым, П. Тронько, М. Ковалем и др.

В результате огромной кропотливой работы, проведенной несколькими поколениями исследователей, в научной литературе сделаны следующие выводы, что силами партизанских формирований, которые подчинялись Украинскому штабу партизанского движения, было:

- убито и ранено около полумиллиона фашистских солдат и офицеров;
- уничтожено 467 вражеских гарнизонов, комендатур, штабов и полицейских постов;
- подорвано 4959 железнодорожных эшелонов, 1566 танков и бронемашин;
- уничтожено 211 самолетов;
- разрушено 461 военное предприятие, 915 составов, 248 узлов связи, 44 железнодорожных узла, 607 железнодорожных мостов;
- повреждено около 2 тысяч км телефонно-телеграфной связи.

На оккупированной территории Украины действовали около 60 партизанских соединений и около 2 тысяч отрядов и групп, в которых сражались до полумиллиона партизан. В 1941 г. оккупанты были вынуждены держать для обеспечения безопасности собственного тыла на территории Украины 50 тысяч своих солдат и офицеров, в 1942 г. — около 120 тысяч, в 1943 г. — 242 тысячи, а в 1944 г., несмотря на резкое сокращение оккупированной территории, — 192 тысячи.

Из этого можно сделать вывод, что партизаны отвлекали на себя приблизительно 10 процентов войск врага, из числа тех, что противостояли советским войскам, освобождавшим территорию Украины.

Кроме того, опираясь на широкие массы населения, в тылу врага вели борьбу 3,5 тысячи подпольных организаций и групп, в которых насчитывалось более 100 тысяч коммунистов, комсомольцев и беспартийных патриотов. Почти 63 года отделяют нас от 10 октября 1944 г., когда последние подразделения фашистских войск были изгнаны с территории нашего государства.

В последнее время в средствах массовой информации, на книжных полках появилось много статей,

* В. Бочаров — кандидат исторических наук.

воспоминаний, документов, иностранных изданий, посвященных боевой деятельности Украинской повстанческой армии (УПА). Особенно много таких материалов появилось накануне 14 октября 2002 года, когда ветераны УПА-ОУН праздновали ее 60-летие.

Эти события очень остро поставили на повестку дня вопрос объективной научной разработки проблем вооруженной борьбы против немцев на оккупированных территориях Украины. Если боевая деятельность советских партизан и коммунистического подполья за послевоенные годы исследованы почти полностью, то этого нельзя сказать об УПА-ОУН. Кроме того, деятельность УПА-ОУН, на мой взгляд, и в советской научной литературе, и в диаспоральной рассматривалась односторонне. У первых УПА-ОУН — это предатели и пособники фашистов, у вторых — это герои и противники фашистов.

Односторонность в подходах и противоположность выводов требует объективного научного анализа потому, что народ независимой Украины ждет от историков правды.

Провести анализ вооруженной борьбы украинских националистов на оккупированных территориях Украины невозможно без исследования политических программ разных течений националистов и практических мероприятий по их реализации накануне Великой Отечественной войны.

Наибольшая концентрация украинской политической эмиграции перед Великой Отечественной войной была в Польше. Можно выделить четыре основные идеологически-программные группы, на которые она делилась:

- республиканцы-демократы,
- националисты-мельниковцы (ОУН-М);
- националисты-бандеровцы (ОУН-Б);
- монархисты («гетманцы») (1, 3; 5, 147).

Республиканцы были подчинены президенту (в экзиле) А. Ливицкому. Монархисты — бывшему гетману П. Скоропадскому, а националисты имели двух проводников (руководителей. — *Ред.*) Организационный раскол единой Организации украинских националистов (ОУН) произошел зимой 1940 года.

10 февраля в Кракове (в условиях немецкой оккупации. — *Ред.*) приверженцы С. Бандеры провели конференцию ОУН, отменившую решение Римской конференции ОУН, на которой в сентябре 1939 г. проводником ОУН был избран полковник А. Мельник, и провозгласили главой проводника ОУН Степана Бандеру.

Все эти четыре группы украинского национализма — республиканцы, мельниковцы, бандеровцы, гетманцы — ставили перед собой цель создание Украинского самостоятельного соборного государства /1, 16/, но средства достижения этой цели они использовали разные.

Петр Мирчук пишет: «Четкий раздел надвое украинского политического мира, на тех, кто ориентировался на собственные силы, и на приверженцев

интервенционализму, ориентации на чужие силы... привел к раздвоению» /3, 8/.

«Мельниковцы», а также и «гетманцы», свою политическую цель ставили в зависимость от реализации программы Альфреда Розенберга, руководителя Министерства оккупированных восточных территорий, который предлагал создать на захваченных землях самостоятельные национальные государства под протекторатом Германии /8, 25/.

Бандеровцы были более решительны. В мае 1941 г. ОУН-Б провозгласила, что в случае войны Германии против СССР: «На освобожденной от московско-большевицкой оккупации части украинской земли, не надеясь ни на что, ОУН провозглашает восстановление Украинской „Державы“» /3, 17/.

Республиканцы тоже тщательно готовились к этой войне. В «Воспоминаниях» Тараса Бульбы-Боровца отмечено, что 20 июня 1940 г. президент и главный атаман Андрей Ливицкий утвердил план действий во время войны и издал приказ:

«2. Готовить УНВ и все революционные силы к военным действиям.

6. С началом войны сразу поставить под оружие территориальную партизанскую армию и полицию.

8. Пока не будет политических предпосылок для организации регулярной армии и своего суверенного Украинского государства, не поднимать массового восстания» /6, 75–76/.

Отношение немцев к украинским националистам

Отношение немцев к украинским националистам было двоякое. С одной стороны, с ними активно сотрудничал руководитель абвера адмирал Канарис, используя их для диверсионно-разведывательной деятельности против СССР, а накануне нападения в вермахте была даже создана Дружина украинских Националистов, которая состояла из двух батальонов — «Нахтигаль» и «Роланд» /5, 123/.

С другой стороны, партийная верхушка Третьего рейха под влиянием Мартина Бормана перед войной уже не поддерживала идеи А. Розенберга, а рассматривала Восток как территорию для немецкой колонизации, а украинских националистов — как несущественный политический фактор.

А на Гитлера и не надо было «влиять» в этом вопросе. Еще раньше он в своей книге «Майн Кампф» писал об Украине как о богатой стране, которую должны использовать немцы, так как она заселена народом, который не имеет никаких государственно-образующих способностей /3, 13/.

Исходя из конфликтных интересов немцев и националистов, ОУН-Б и ОУН-М, независимо друг от друга, выработали стратегическую линию поведения — ставить немцев перед фактом /9, 402/.

30 июня 1941 г. по инициативе ОУН-Б, без согласования с немцами, во Львове было провозглашено восстановление украинской государственности.

В первом пункте Акта провозглашения было записано: «Волей украинского народа Организация украинских националистов под проводом (руководством. — *Ред.*) Степана Бандеры провозглашает восстановление Украинского государства» /5, 330; 8, 23/.

Было также создано временное государственное управление во главе с Ярославом Стецько. Об этом шаге они известили весь мир, пользуясь аппаратурой львовской радиостанции. Немцы, разобравшись в том, что случилось, начали требовать от руководства ОУН-Б официального отказа от проведенной политической акции и ее публичного опровержения. Руководство ОУН-Б отказалось это сделать и 5 июля 1941 г. было арестовано немцами.

Также в октябре 1941 г. ОУН-М в Киеве выступила с инициативой создания Украинской национальной рады, надеясь, что в скором времени она будет центральным правительственным органом Украины /2,7; 9, 402/. Фашисты, которые еще не забыли львовского инцидента, арестовали их и поместили в концентрационный лагерь в печально известном Бабьем Яру, где они и были расстреляны (уже в годы независимости в двухстах метрах от официального памятника жертвам Бабьего Яра установлен большой деревянный крест с их фамилиями).

Кроме этого, обе фракции ОУН с целью организации и контроля местной администрации на новозавоеванных территориях Украины создали походные группы.

Северная (Киевское направление) — 255 человек под руководством М. Климишина. Средняя (Харьковское направление) — 1500 человек под руководством М. Лемика-Сенишина. Южная (Одесское направление) — до 1000 человек под руководством М. Реки /5, 74–76/. В их задачу входило находить в каждом населенном пункте «национально сознательных украинцев» и создавать вокруг них местное управление /3, 22; 9, 402/.

Немцы жестоко покарали бандеровцев и мельниковцев за своеволие, демонстрируя, что делить власть ни с кем не собираются /1, 12/.

Последний значительный удар по руководителям ОУН немцы нанесли осенью 1943 года, когда в г. Ровно 20 сентября советский разведчик М. И. Кузнецов в упор расстрелял имперского советника финансов генерала Ганса Геля и «случайно» потерял папку с документами, которые наводили на след националистов. В Ровно по подозрению в убийстве Геля было арестовано и расстреляно 38 ведущих украинских националистов, в частности 13 сотрудников так называемого «всеукраинского гестапо». Аресты не ограничились только городом Ровно /12, 277–279/.

Иной тактики придерживались националисты-республиканцы. С начала войны республиканцы в Полесье в городках и селах с разрешения немецких «ортскомендантов» под видом «милиции» создали свои военные подразделения УПА. Они вели

борьбу с отступающими частями Красной Армии. Главное же внимание они обращали на добычу оружия и боеприпасов, которые они прятали в тайниках, подготавливая согласно приказу своего президента и головного атамана материальную основу для массового восстания. В августе «Полесская Сечь» уже имела в рядах около 10 тысяч воинов /6, 123/. 15 ноября 1941 г. она была расформирована немцами /6, 170/. В апреле 1942 г. первые пять сотен были собраны в лесах и начали снова действовать как Украинская повстанческая армия /6, 199–200/.

По примеру республиканцев и националисты с середины 1942 г. начали создавать свои вооруженные подразделения. К этому их побуждали три фактора.

Первый. Жестокость оккупационной политики фашистов привела к организации стихийного сопротивления населения.

Второй. Оно (население. — *Ред.*) все более поддавало под влияние советских партизан, которые, особенно после августовского совещания в Кремле (1942 г.) с руководителями партизанского движения, начали действовать согласованно по единому плану.

Третий. На тот момент окончательно стало ясно, что немцы власть ни с кем делить не собираются.

Мельниковцы и бандеровцы в сентябре–октябре отослали в «лес» значительную часть своих военных кадров для помощи волынскому и полесскому населению в создании и укреплении существующих отрядов самозащиты и противодействия советским партизанам /10, № 4–5, с. 3/. Этот тезис подтверждает приказ Тараса Чупринки по УПА-ОУН от 14 октября 1947 года: «Минует пять лет с того момента, как член ОУН Остап начал в Полесье организовывать вооруженные группы для борьбы с оккупантами Украины» /8, 29/.

Осенью 1942 г. малые группы начали объединяться в большие отряды. В конце 1942 г. на Северо-Западной Украине существовало три независимых друг от друга националистических военных формирований: бандеровцы, мельниковцы и УПА Тараса Боровца /8, 29/.

Когда они начали воевать с немцами

С исторической точки зрения важным является ответ на вопрос: «А когда же они начали боевые действия против немцев?»

УПА под руководством Тараса Боровца начала «малую» партизанскую войну против карательных подразделений немцев в апреле 1942 г. /6, 200/.

ОУН-М первый бой с немцами провела в конце января 1943 г. Это было нападение на тюрьму в г. Дубно /10, № 4–5, с. 4/.

ОУН-Б свой первый бой с немцами провела 7 февраля 1943 г. Это было наступление сотни Коробки-Перегийняка на городок Володимирец. Была разбита станция немецкой жандармерии, убито 7 шутманов, добыто 20 винтовок и трофеи /4, 29/.

В 1943 г. велись переговоры между представителями трех военно-повстанческих формирований с целью их объединения. Эти переговоры не дали желанных результатов. Тогда «в августе–сентябре 1943 г. бандеровцы силой их „объединили“». Так, осенью 1943 г. появилась единая Украинская повстанческая армия /УПА-ОУН/.

Историческая справка автора

Нужно отличать УПА и УПА-ОУН. УПА подчинялась правительству УНР в эмиграции (изгнании. — *Ред.*). Существовала с 22 июня 1941 г. до 20.07.1943 г., когда атаман Тарас Бульба-Боровец издал приказ № 80 и переименовал ее в Украинскую народную революционную армию /УНРА/. Причиной этого были действия управляющего проводника (руководителя. — *Ред.*) ОУН-Б Николая Лебеда, который своим приказом от 15.03.1943 г. переименовал все свои боевки — «военные отделы ОУН» в «Украинскую повстанческую армию». Бандеровцы присвоили себе название, организационную структуру и все уставы организации и начали ее именем и своими силами осуществлять свою политическую программу. Так, более четырех месяцев существовали две УПА — республиканская и бандеровская /6, 252, 254, 257/. 19.08.1943 г. бандеровцы совершили нападение на штаб и части УНРА и «присоединили их». В следующем месяце они то же самое сделали и с ОУН-М.

С кем воевала УПА-ОУН?

Частичный ответ дает на этот вопрос канадский историк профессор Лев Шанковский: «Борьба с красными партизанами была куда сложнее, чем борьба с немцами» /8, 45/. Далее он пишет: «В октябре и ноябре 1943 г. УПА провела 47 боев с немцами и 54 боя с большевиками» /8, 46/. В апреле 1943 г. на II конференции ОУН были приняты решения о мирной ликвидации всех второстепенных фронтов, чтобы сосредоточить все силы против «большевицкого и гитлеровского» /8, 66/. Итак, делаем вывод, врагом номер один в УПА-ОУН были советские партизаны.

К второстепенному фронту националисты относили войну с поляками. В 1943–1944 гг. трижды состоялись переговоры между польским и украинским подпольем. Но обе стороны не пришли к согласию. Напряжение в отношениях между АК (Армия Крайова) и ОУН перешло в открытую вражду, которая проявилась в чрезвычайно кровопролитной войне между Армией крайовой и украинскими повстанцами на общих украинско-польских землях. О размахе и жестокости этой кровавой и бессмысленной борьбы свидетельствуют такие факты, что потери каждой из сторон превышают цифру в сотню тысяч убитых только среди гражданского населения.

Итак, на этом «второстепенном» фронте были самые большие потери.

Вторым «основным» фронтом борьбы был «гитлеровский». Боевые действия против бывших союзников — немцев — УПА-ОУН начала с 1943 года.

Подсчеты немецких потерь в борьбе с УПА-ОУН, по данным Петра Мирчука /4, 29–44/, представляли не более как 1 (одну) тысячу убитых, а по данным французского историка Владимира Косика — около 6 тысяч /10, № 4–5, 6–7, 8–9/. Подсчеты сделаны автором из указанных источников.

Такая разница потерь со стороны немцев понятна. У Петра Мирчука только 27 документальных свидетельств, где указаны конкретные потери, а в других случаях — «большие потери, сотни убитых» и т. п. И не следует забывать, что его книга вышла в свет в 1953 году в городе Мюнхене. У В. Косика приведены обобщенные данные по регионам и периодам. Его короткий исторический обзор написан к 50-летию УПА-ОУН.

Крайне противоречивым является также вопрос о численности воинов УПА-ОУН. Многие украинские эмиграционные источники утверждают, что в 1944 г. ее численность достигала около 100 тысяч, может, даже 150 тысяч. Орест Субтельный пишет, что «более обоснованные» подсчеты устанавливают цифру 30–40 тыс. бойцов /9, 411/. Владимир Косик считает, что «средняя численность действительно вояк УПА была наверное 40–50 тыс.» /10, № 6–7, с. II/.

От канадского и французского источников не очень отличаются наши отечественные данные, которые оценивают ее численность на сентябрь 1943 г. в 35 тыс. /7, кн. I, с. 129/.

Одним из дискуссионных вопросов является вопрос об отношении ОУН к созданию дивизии СС «Галичина».

Мельниковцы, по оценке П. Мирчука, «занимали положительное отношение к дивизии СС „Галичина“ — отправили туда своих ведущих членов» /342, 4/.

По оценке Тараса Гунчака, позиция руководства ОУН-Б относительно создания дивизии была абсолютно отрицательной, однако, когда стало понятно, что дивизия будет создана, ОУН-Б направила некоторых своих ведущих членов в ряды дивизии, лишь бы обеспечить там в какой-то мере свое влияние /27, II/. Мирослав Малецкий, один из ветеранов дивизии, пишет, что много хорошо вышколенных (обученных. — *Ред.*) и вооруженных вояк после поражения под Бродами ушли в леса, пополнили ряды УПА /153, 13/. На мой взгляд, статья была бы неполной, если в ней не отобразить те изменения в политике фашистов по отношению к УПА-ОУН в последние месяцы оккупации ими Украины. В августе–сентябре 1944 г. немцы поняли, что Украину они потеряли бесповоротно, а УПА-ОУН будет жестоко биться с советской властью. Поэтому им была предоставлена посильная помощь. Поэтому были освобождены из лагерей проводники (руководители. — *Ред.*) ОУН.

А венгерские части, получив соответствующие приказы от своего руководства, начали передавать

вооружение, боеприпасы, военное снаряжение куреням УПА-ОУН. Это стало результатом переговоров между делегациями венгерского правительства и УПА-ОУН. Майор ПОЛТАВА (псевдоним), который возглавлял отдел пропаганды у командующего УПА-ОУН генерала ЧУПРИНКИ, трижды принимал участие в этих переговорах. Следует подчеркнуть, что в литературе неудовлетворительно освещены вопросы вооруженной борьбы оуновского подполья против фашистских оккупантов и «монархистов».

Кроме трех фронтов: «большевицкого», «польского» и «немецкого» нуждается в разработке и четвертый фронт — «еврейский», где в отличие от вышеуказанных фронтов пули летели по большей части только с одной стороны фронта.

Дальнейшая разработка «узких» мест этой темы позволит сделать более объективным историческое исследование вооруженной борьбы УПА-ОУН на временно оккупированной территории Украины.

¹ Марк Вера. Семь лет освободительных соревнований /1939–1945/. Буэнос-Айрес: Луч, 1946.

² Степной Юрий. Сын Закарпатья /Украинское революционное подполье в Киеве /1941–1942/. Мюнхен: изд-во им. Хвильового, 1947.

³ Петр Мирчук. Акт восстановления украинской государственности 30 июня 1941 года. Нью-Йорк. Издание Главной управы Организации обороны четырех свобод Украины, 1952.

⁴ Петр Мирчук. Украинская повстанческая армия. 1942–1952. Документы и материалы. Мюнхен, изд-во им. Хвильового, 1953.

⁵ Ярослав Стецько. 30 июня 1941 г., Торонто, Гул Украины, 1967.

⁶ Тарас Бульба-Боровец. Воспоминания. Нью-Йорк, 1974.

⁷ Медведев Д. Н. Сильные духом. К.: Политиздат Украины, 1980.

⁸ Народная война в тылу фашистских оккупантов на Украине 1941–1944. К., Научная мысль, Кн. 1, 2. 1985.

⁹ Лев Шанковский. История украинского войска. К.: Панорама, 1991.

¹⁰ Субтельний Орест. Украина: История. К., Лыбедь, 1991.

¹¹ Владимир Косик. УПА /Краткий исторический обзор. 1941–1944 гг. // Львов. Летопись Красной Калины. 1992. № № 4–5, 6–7, 8–9.

¹² Тарас Гунчак. В мундирах врага. Войско Украины, Киев, 1993, № 9, июль, с. 6–150.

¹³ Мирослав Малецкий. Завоеватель некогда не несет добра /или за что умирали украинские ребята в июле 1944 года под Бродами/. — Войско Украины, Киев, 1993, № 9, июль. С. 152–155.

Некоторые факты для размышлений

Наступил 1941 г., и снова прозвучал голос Шептицкого: «Победоносную немецкую армию приветствуем как освободительницу от врага». Документы неумолимо свидетельствуют: и ОУН, и дивизия СС «Галиция», и окончательно оформленная в ноябре 1944 года (то есть тогда, когда вся Украина уже была освобождена) УНА рассматривались гитлеровцами как вспомогательные, в основном карательно-террористические соединения и ни в коей мере не считались союзниками. Губернатор Вехтер в инструкции для вербовщиков добровольцев в дивизию СС «Галичина» заявил это со всей прямотой: «Союзниками украинцев называть не следует...». Впрочем, об этом часть украинских националистов догадывались еще до войны. Так, выходившее в Париже «Украинское слово» писало в сентябре 1939 года: «Немцы всегда были врагами украинцев...»

Вспомогательно-карательная роль украинских частей при немцах признается и частью украинской диаспоры (например, канадским политологом Виктором Полищуком). Еще в 1942 году гауляйтер Кох со всей определенностью заявил: «Нет никакой свободной Украины...»

Многие респектабельные ученые США, Великобритании, Германии, Франции, Израиля, Польши (среди них Армстронг, Даллин, Лофтус, Андерсон, Брокдорф, Вайс, Торжецки, Плошадка) — единодушны в том, что националистическое движение на Украине в годы Второй мировой войны НЕ БЫЛО НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНЫМ, так как «ОУН и УПА НИКОГДА НЕ ЯВЛЯЛИСЬ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ СИЛОЙ». Их возглавляли люди, о которых с Нюрнбергского судебного процесса над главными нацистскими преступниками известно как об агентах абвера — гитлеровской военной разведки. Через этих лиц — Бандеру, Мельника, Стецько, Клячківського, Шухевича и других — гитлеровцы направляли и контролировали ОУН и УПА, цепко держа в русле нацистской геополитики.

А. А. Войцеховский, к.ф.н., доцент. «ОУН и УПА через призму фактов. Материалы научно-практической конференции 9 апреля 1993 г. «Настоящие и мифические освободители Украины». Киев, Полиграф. Ин-т истории Украины АН Украины, 1993, с. 52.

«Во времена наибольшего развития движения Бандеры, в 1946–1948 годы, он командовал более 80 000 солдат, в том числе 10 000–12 000 немцев...» Отто Скорцени «Воспоминания. Неизвестная война» ООО «Попурри», 2003, Минск, Editions Albin Michel S. A. — Paris, 1975.

Еврейский погром в Кельцах 4 июля 1946 г.

(по материалам Центрального архива ФСБ России)*

Летом 2006 года исполнилось 60 лет со дня ужасной трагедии, разыгравшейся в польском городе Кельцы. Небольшая справка для российского читателя: Кельцы — это город средней величины в Центральной Польше, административный центр воеводства. Несколько сотен евреев, чудом избежавших уничтожения в годы Второй мировой войны, проживали в этом городе. 4 июля 1946 года трагедия произошла в доме №7 по улице Планты, где размещался «Еврейский комитет» местной общины.

По мнению историков, в послевоенной Польше обострение еврейской проблемы было вызвано тем, что «...в тамошнем массовом сознании на дрожжах застарелого мифа о жидобольшевизме стал формироваться тот ментальный стереотип, что сейчас в Польше евреи у власти и власть в стране — еврейская. Муссировались легенды о предательстве евреев в 1939–1941 гг. на территориях, отошедших к СССР. Народной молвой к евреям причислялись не только такие руководители соответствующего происхождения, как, скажем Гиллярый Минц или Берман, но и сам Берут¹, хотя тот был чистокровным поляком. Причем подобные умонастроения были характерны как для социальных низов, так и для социальной элиты, в т.ч. и властной»².

Обстановка в Кельцах накануне погрома была сравнительно спокойной, а уровень антисемитских настроений в городе был не выше среднего по стране, и казалось, что ничто не предвещает беды. Расскажем кратко существо этого происшествия. 1 июля 1946 года при невыясненных обстоятельствах из своего дома в Кельцах исчез девятилетний мальчик Хенрик Блашчык. Впоследствии было выяснено, что он сбежал от родителей к своей тетке Бартосинской, проживавшей в деревне Пиляки Коньского уезда, где прожил два дня. 3 июля Хенрик, как ни в чем не бывало, вернулся домой. По возвращении, чтобы

родители не ругали, он рассказал родителям «версию» своего исчезновения.

Мальчик сообщил, что он встретил на улице незнакомого мужчину, который попросил его за деньги отнести сверток. Хенрик пришел по указанному адресу в дом, в котором проживали евреи, где у него забрали сверток и деньги, а самого посадили в подвал. С помощью неизвестного мальчика Хенрику удалось бежать. Неудивительно, что после такого рассказа родители подростка в тот же день сообщили о происшествии в милицию.

История об исчезновении Хенрика мигом облетела Кельцы. По всему городу усиленно распространялся слух, что пропавший польский подросток стал жертвой ритуального убийства, совершенного евреями из дома на улице Планты. На следующий день родители мальчика вновь пошли с сыном в милицию, по дороге рассказывая о случившемся прохожим. На пути в милицейский участок мальчик показал на дом №7 по улице Планты, где якобы его держали, и указал на первого встреченного ими еврея как виновника похищения.

Предварительное расследование, проведенное милицией, установило, что заявление мальчика является вымыслом. Тем временем перед домом №7 по улице Планты собралась толпа жителей. То, что пропавший мальчик вернулся домой, в тот момент уже никого не интересовало. Поддавшись антисемитской пропаганде, горожане начали погром евреев, находившихся в этом доме. В погроме активное участие приняли военнослужащие 2-й дивизии Войска польского (ВП) и местные милиционеры.

Всех евреев, невзирая на пол и возраст, выбрасывали из окон, а лежавших с повреждениями на улице добивали железными прутьями, дубинами и молотками. К концу дня улица перед домом была покрыта кровавым человеческим месивом. Вскоре

* Опубликовано в Архиве еврейской истории Международный исследовательский центр российского и восточно-европейского еврейства. Публикация, вступительная статья и комментарии В.Г. Макарова и В.С. Христофорова.

погром охватил весь город и его предместье, во время которого были убиты 34 еврея и два поляка — члена ППР, «высказывавших сожаление по поводу зверской расправы над евреями». Кроме того, во время погрома было тяжело ранено 42 еврея.

Пограничная охрана с водометами, вызванная для разгона разбушевавшейся толпы, не смогла вмешаться «из-за поломки машины». Прибывшие на место подразделения органов безопасности Польши тоже не смогли навести порядок, так как погромщики не реагировали на предупредительные выстрелы вверх и требования разойтись по домам. Только к пяти часам вечера в городе наступило некоторое затишье. Из дома № 7 удалось вывезти около 40 человек, чудом оставшихся в живых.

По горячим следам сотрудники Службы безопасности на месте арестовали более 40 человек, подозреваемых в совершении преступлений. Следствие, проведенное силами сотрудников Министерства общественной безопасности (МОБ) Польши установило, что погром стал результатом заранее спланированной антиправительственной акции, подготовленной руководителями подпольных организаций, подчинявшихся эмигрантскому правительству в Лондоне, и бывшими военными служащими армии Андерса.

Во время 1-го судебного процесса выездной военной сессией Высшего военного суда ВП с 9 по 11 июля 1946 года было рассмотрено групповое дело на участников Келецкого еврейского погрома. Девять человек приговорены к расстрелу (из них двое — сотрудники милиции), один — к пожизненному тюремному заключению, по одному человеку к десяти и семи годам тюремного заключения каждого.

В ходе следствия было установлено, что виновником происшествия было «реакционное подполье, организовавшее 4 июля 1946 года еврейский погром в Кельцах», которое «пыталось перенести волну погрома на другие провинциальные территории, выступая с открытым протестом против победы демократического блока в народном голосовании».

Одновременно с еврейским погромом в Кельцах 4 июля на станции Пекушев Келецкого уезда из поезда, следовавшего из Люблина во Вроцлав, были выведены из вагона и убиты восемь евреев, являвшихся репатриантами из Советского Союза. В убийстве приняли участие гражданские лица и сотрудники железнодорожной милиции. В ходе расследования инцидента были арестованы шесть человек.

В тот же день, 4 июля 1946 года, в поезде, следовавшем по маршруту Хол — Вроцлав, на станции Концеполь из вагона были выброшены два избитых еврея. Сотрудниками горотдела общественной безопасности на станции Гнашин поезд был остановлен, и среди пассажиров было произведено опознание лиц, участвовавших в избиении. В результате три человека были арестованы и начато расследование инцидента. Пострадавшим была оказана медицинская помощь.

На следующий день, 5 июля, около станции Золотой Поток на территории Ченстоховского уезда были обнаружены два трупа с огнестрельными ранениями, в которых опознаны ранее пострадавшие в результате хулиганского нападения евреи. Виновники убийства найдены не были.

Среди польских евреев воцарился страх. После Келецкого погрома и прокатившихся по ряду воеводств антиеврейских выступлений из Польши были вынуждены уехать 60 тысяч евреев...

Представители польского высшего руководства (Гомулка, Берман, Осубка-Моравский и др.) ответственность за погром возложили на политическое подполье, которое потерпело поражение на референдуме 30 июня 1946 года и стремилось дестабилизировать обстановку в стране. В пользу этой версии свидетельствует тот факт, что несколько погромщиков были одеты в форму солдат армии Андерса, которые выкриками выражали свою поддержку польскому эмигрантскому правительству и превозносили генерала Владислава Андерса. Следует иметь в виду, что в 1946 году Польша была наводнена слухами о скорой войне США и Великобритании против Советского Союза и о появлении на польской территории армии Андерса.

Согласной второй версии, распространенной оппозицией сразу же после инцидента, в организации погрома обвинялись польские правительственные круги и органы безопасности, чтобы, как сообщал в Вашингтон тогдашний посол США в Варшаве Лейн, «создать трудности оппозиции, особенно еврейским кругам в Соединенных Штатах»³.

Вообще американское посольство проявило в этом деле повышенную активность. Немедленно в Кельцы были направлены работники посольства, а сам посол провел ряд бесед с членами польского руководства. В том числе он встречался с главой польской католической церкви кардиналом Хлондом⁴.

Если верить направленной им в США по этому случаю телеграмме, кардинал во время беседы осудил события в Кельцах, но в то же время оправдал поведение толпы, ссылаясь на широкое участие евреев в деятельности польских органов безопасности, заявив, что тем самым «они поддерживают коммунизм в Польше, действуя таким образом против интересов польского государства, а также вопреки чаяниям польского народа»⁵. Из высказываний кардинала вытекает очередная версия событий: это был протест против засилья лиц еврейской национальности в польском руководстве, государственном аппарате и органах безопасности.

Существует и еще одна версия, что погром был организован сионистскими организациями, в том числе и польскими, чтобы напугать возвращавшихся в Польшу после войны евреев и тем самым способствовать их массовой эмиграции в Палестину.

После 1989 года в Польше стала утверждаться версия о том, что организаторами погромов выступали польские правительственные прокоммунистические круги, которые действовали по подсказке и при поддержке Москвы.

Наиболее ярким сторонником именно такой идеи является польский журналист, некий Кшиштоф Конколевский⁶, который особенно активизировался в 1990-е годы, выдвигавший самые нелепые обвинения в адрес Москвы. Так, в своем интервью «Газете Варшавы» от 5 июля 1995 года он, в частности, заявил: «Келецкий погром в июле 1946 г. был старательно спланированной акцией советских специальных служб» и что ее целью было отвлечение мирового общественного мнения от катынской проблемы, которая как раз в день погрома стала рассматриваться Нюрнбергским трибуналом. Он также считал, что толпу, которая расправилась с евреями, составляли тщательно подобранные люди из низшего партийного звена ППР.

Более ценной информацией является опубликованное в этом же номере газеты заявление одного израильского журналиста, который сказал, что его знакомый, раненный во время погрома, тогда просил, чтобы его доставили «только и исключительно в советский военный госпиталь», опасаясь за свою жизнь, поскольку «жажда расправы была в глазах жителей всего города».

Лишь в 1996 году, в 50-ю годовщину событий в Кельцах, польский премьер высказал свое сожаление по поводу случившегося и принес извинения еврейскому народу за погром. О «руке Москвы» он не упоминал. Однако польская пресса продолжала клеветнические выпады против восточного соседа.

«Газета польска» от 4 июля 1996 года бездоказательно писала, что согласие на погром было получено в Кремле и что, несомненно, «не обошлось без Сталина и Берии». В заметке было названо даже имя советского офицера Демина, якобы «консультировавшего» проведение преступной акции.

От «Газеты польска» не отставали и другие издания. Так, «Тыгодник „Солидарность“» от 5 июля 1996 года отмечала: «На четверг, 4 июля с.г., приходится 50-я годовщина позорного келецкого погрома, организованного по инициативе НКВД руками людей из коммунистических органов».

В середине 1990-х годов Главная комиссия по расследованию преступлений против польского народа начала официальное расследование по погрому в Кельцах. Оно продолжалось почти десять лет и окончилось ничем, т. е. никакая «рука Москвы» за это время не была обнаружена.

Проводивший следствие прокурор К. Фалькевич в газетной публикации по этому поводу заявил: «Мы не нашли оснований для обвинений кого-либо. Нет доказательств и возможностей для дальнейших поисков. Продолжение следствия не имеет смысла. Институт национальной памяти был не в состоянии

найти непосредственных участников погрома, не мог обвинить тогдашних комендантов органов безопасности и милиции за принятие ошибочных решений, поскольку они умерли. Отсутствуют также доказательства для подтверждения версии о провокации»⁷.

В недавно опубликованной на русском языке «Истории Польши»⁸ специальная глава под названием «Угроза утраты национальной культуры» посвящена послевоенной истории польского государства. Авторы книги подробно описали «репрессивные меры» по установлению «просоветского коммунистического режима» в стране. А вот о волне антисемитских погромов, прокатившихся по Польше в 1945–1946 годах, российскому читателю по непонятной причине решили не сообщать.

И современное руководство Польши категорически отрицает наличие антисемитских настроений среди поляков и полагает, что «Келецкий погром мог произойти в результате провокации со стороны коммунистических властей Польши и НКВД» (из послания Президента Польши по случаю 60-й годовщины Келецкого погрома 4 июля 2006 года). Извинения от имени президента Леха Качиньского зачитала заместитель госсекретаря Эва Джуншик-Земеска, принимавшая участие в открытии мемориального знака погибшим евреям в Кельце. Сам Качиньский не смог приехать на траурные мероприятия по состоянию здоровья.

Подобное заявление прозвучало и из уст вице-премьера Польши Р. Гертыха 10 июля 2006 года по случаю другого акта антисемитизма — 65-летия еврейского погрома в польском местечке Едбавно. Вплоть до 2000 года в Польше старались все грехи свалить на немецких оккупантов, скрывая, что это дело рук поляков, веками живших там бок о бок с евреями. Одновременно в сознание поляков и мировой общественности настойчиво внедряется стереотип «поляка-героя» и «поляка-мученика». Несмотря на это, в резолюции Европарламента от 15 мая 2006 года Польша включена в число стран, где имеют место «проявления антисемитизма, расизма и ксенофобии».

Некоторые польские историки также считают, что Келецкие события — «заранее подготовленная провокация спецслужб Польши». В качестве подтверждения этой версии приводится факт, что «служба безопасности, зная о том, что идет погром, в течение четырех часов не принимала никаких мер, чтобы остановить преступников» и что «архивные документы МВД Польши, которые могли бы прояснить ситуацию, были специально уничтожены в 1980-х годах».

Между тем следствие по делу о Келецком погроме официально прекращено Институтом Национальной Памяти — Комиссией по преследованию преступлений против польского народа Республики Польша (ИНП РП) в 2004 году с формулировкой «за отсут-

ствием фактов». Как заявил член Коллегии ИНП профессор А. Пачковский, «отсутствие материалов советских архивов не позволяет полностью пролить свет на хронику и причины Келецкого погрома».

Известна истина, что рукописи не горят, а все тайное рано или поздно становится явным. Так произошло и с архивными свидетельствами о Кельцах.

Вместо того чтобы во всех «темных пятнах» в истории Польши видеть «руку Москвы» и интриги «вездесущего» НКВД, стоит все-таки повнимательнее поискать загадочные «корни польского антисемитизма» в политике «заграничных» поляков и их кровников. Поэтому мы решили помочь раскрыть эту «тайну» и рассказать правду о Келецком погроме. Авторы-составители сознательно воздерживаются от каких-либо комментариев и предлагают читателям самим сделать выводы.

Одновременно мы рекомендуем всем исследователям, интересующимся данной проблематикой,

обратиться в Лондон, в архивы британских спецслужб и архив польской разведки эмигрантского правительства, где, вероятно, можно будет отыскать истинные причины «обострения еврейской проблемы» в послевоенной Польше.

Публикуемые документы были выявлены в материалах фонда аппарата советника МГБ СССР при МОБ Польши⁹. Копии материалов переведены с польского языка на русский. Заголовки документов даны составителями. Передача текста документов осуществлена с возможным приближением к оригиналу, с сохранением стилистических и языковых особенностей. Пропущенные в тексте буквы и слова восстановлены в квадратных скобках. Написание фамилий граждан не унифицируется, а дается в соответствии с оригиналом. Географические названия также передаются в соответствии с оригиналом.

¹ Берут, Болеслав (1892–1956) — политический деятель; коммунист. С 1912 г. член ППС-левицы, затем с 1918 г. член КПП. В сентябре 1939 г. участвовал в обороне Варшавы, а после оккупации немцами был одним из организаторов борьбы за освобождение страны. С 1942 г. член руководства созданной в подполье Польской рабочей партии (ППР). В 1943 г. перемещен в оккупированную Варшаву, член ЦК ППР. В 1944–1947 гг. председатель Крайовой Рады Народовой. В 1947–1953 гг. президент Польской Республики и председатель Государственного совета; в 1952–1954 гг. председатель Совета Министров ПНР. С марта 1954 г. 1-й секретарь Польской объединенной рабочей партии (ПОРП).

² Костырченко Г.В. Советско-польские отношения и еврейский вопрос. 1939–1957 // Польша — СССР. 1945–1989: Избранные политические проблемы, наследие прошлого: Коллективная монография. М., 2005. С. 305.

³ Central Files: 860C. 00/7–946. UPA Reel 2.

⁴ Хлонд, Август (1881–1948) — кардинал, архиепископ, митрополит Гнезненско-Познанский, примас Польши.

⁵ В 1948 г. посол издал в США отдельную книгу, изложив свой взгляд на события 4 июля 1946 г. в Кельцах (A. Beiss-Lane. «I Saw Poland Betrayed»).

⁶ К. Конколевский является автором книги о событиях в Кельцах «Умершее кладбище».

⁷ «Газета wyborcza». 2005. 4 марта.

⁸ Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е. История Польши. М.: Изд. «Весь мир», 2004.

⁹ Об аппарате советника МГБ СССР при МОБ Польши см.: Носкова А.Ф., Мурашко Г.П. Институт советских советников в Восточной Европе в 40–50 годы XX в. Польша — СССР. 1945–1989. С. 110–141.

Приложение:

Перевод с польского

№ 1. Заключение Главной военной прокуратуры по обвинению А. Бискупской, Э. Юрковского, Ю. Покшивиньского и др. 8 июля 1946 г., Кельцы

Обвинительное заключение против:

1. Бискупской Антонины д[очери] Якуба — по ст. 27 ККВП в связи со ст. 22 Указа № 300/45;
2. Юрковского Эдварда с[ына] Валентина — по ст. 27 ККВП в связи со ст. 22 Указа № 300/45;
3. Покшивиньского Юзефа с[ына] Станислава — по ст. 22 Указа № 300/45;
4. Хороньжака Юлиана с[ына] Станислава — по ст. 22 Указа № 300/45;
5. Блахута Владислава с[ына] Томаша — по ст. 22 Указа № 300/45 и ст. 24 УК в связи со ст. 259 К. К.;
6. Руража Станислава с[ына] Валерии — по ст. 22 Указа № 300/45;
7. Шченьщняка Тадеуша с[ына] Яна — по ст. 22 Указа № 300/45;
8. Куклинского Юзефа с[ына] Франтишка — по ст. 22 Указа № 300/45;
9. Мазура Стефана с[ына] Антонего — по ст. 22 Указа № 300/45, ст. 225 и 259 УК;

10. Новаковского Казимежа с[ына] Войчеха — по ст. 22 Указа № 300/45, 27 УКВП в связи со ст. 22 Указа № 300/45, 225 § 1 УК и 259 УК и со ст. 29 УКВП по совокупности со ст. 22 Указа № 300/45 и 225 § 1 УК;
11. Прушковского Антония с[ына]Франчишка — по ст. 22 Указа № 300/45 и ст. 28 УКВП в связи со ст. 225 и 259 УК;
12. Сливы Юзефа с. Анджея — по ст. 22 Указа № 300/45 и ст. 28 УКВП в связи со ст. 225 и 259 УК. Все обвиняемые арестованы.

В период борьбы за национальное единство и укрепление демократических завоеваний в Польше и особенно во время народного референдума реакционные организации начали осуществлять активную деятельность, направленную против государства и народа в форме усиления террористических и диверсионных акций. Территория Келецкого воеводства стала в этот период ареной попыток проведения диверсий и саботажа, начинающихся от совершения убийств солдат и демократических деятелей и до попыток захвата избирательных урн и воспрепятствования выборам. Несмотря на эти усилия реакции, день 30 июня 1946 г. перечеркнул их надежды¹.

Руководимые извне, подпольные организации поставили перед собой от злобы за преследовавшие их поражения в качестве цели скомпрометировать строящееся молодое государство как внутри страны, так и на международном уровне. Эти организации, состоящие из реакционных и преступных элементов, пытались создать условия для таких эксцессов, которые дали бы выход низким преступным инстинктам с их ненавистью и которые показали бы мнимую силу оппозиции.

В последнее время в Келецком воеводстве в целом усилилась антидемократическая агитация, и антисемитская в особенности, в целях организации погромов, сопровождающихся целым рядом эксцессов и убийств, совершаемых специально в поездах, следующих на линии Ченстохова — Кельце, а также в иных местах воеводства. Эта преступная деятельность является предметом целого ряда следствий, проводимых органами общественной безопасности. Антисемитские преследования и террор в отношении еврейского населения в Келецком воеводстве, а также подобные выступления в Бялостоцком, Краковском воеводствах и других представляют собой единую большую антидемократическую акцию сил польского фашизма, действующего подпольно и использующего легальные формы.

Ряд актов террора и антисемитских преследований, являясь предметом отдельных следствий, оказались делом банд WIN² и NSZ³ и тех реакционных элементов, которые видят в отрицании настоящей польской действительности свой единственный выход.

Кульминационным пунктом этой преступной акции был специально подготовленный самый чудовищный в истории Польши массовый погром уцелевшей горстки еврейского населения в Кельцах 4 июля 1946 г.

Ожесточенная распоясавшаяся многотысячная масса, провоцируемая и подстрекаемая реакционными преступниками, напала на дом 7 на улице Планты, который был заселен еврейским населением и в многочасовой резне замучила насмерть 41 человека, а также жестоко избива ужасным способом около 40 лиц.

Ничего не подозревающие, спокойно проживающие жители дома 7 на улице Планты, были окружены сборищем подонков, которые впоследствии поочередно выбрасывали и выпихивали их из квартир 2-го этажа прямо во двор и на улицу, где на отдельные жертвы бросались группы лиц, нанося удары по ним железными трубами, штакетником, кирпичами и т. п.

Имели место случаи вырывания мускулатуры лица, вбивания острых предметов в тело, резания и уколов, разбития черепов камнями и т. п. Среди толпы участников этого массового убийства и резни мелькали подстрекатели, члены подпольных организаций, по совершенным делам которых ведется отдельное следствие. Они допускали такие окрики, как: «Бить евреев! Да здравствует санационное⁴ правительство! Да здравствует Андерс⁵!», которые побуждали толпу к совершению все новых преступлений. Неопровержимо установлено, что среди подстрекателей и убийц находились также одетые в форму андерсовцы⁶.

Вышеуказанное чудовищное преступление началось после следующей провокации: 1 июня 1946 г. при неустановленных на данный момент обстоятельствах, из родительского дома в Кельцах исчез 9-летний мальчик Хенрык Блашчык. В ходе следствия было неопровержимо установлено, что мальчик после ухода из дома родителей оказался в деревне Пеяки Коньского района, расположенной на расстоянии 25 км от Кельц, где он пребывал у знакомых своего отца Бартошиньского Тадеуша, Бартошиньского Яна и Пацака Станислава.

В это же самое время на территории Кельц был распушен слух о пропаже детей, уведение которых приписывалось евреям. Эти версии широко и целенаправленно распространялись в разных слоях общества. 3 июля 1946 г. Хенрик Блашчык возвратился домой в вечернее время и рассказал заученную и не соответствующую правде историю: якобы он встретил на улице какого-то незнакомого мужчину, который попросил его отнести сверток и дал 20 злотых. Мужчина как бы отвел его к дому, в котором проживали евреи, где у него забрали сверток и деньги, а его посадили в небольшой и темный подвалчик. И не давали

ему кушать. Из подвала он вышел якобы позднее с помощью какого-то мальчика, который дал ему через окно табурет. Он встал на него и, выйдя через окно, убежал. Родители мальчика после такого его рассказа, как установлено в ходе следствия, подговоренные посторонними людьми, в тот же самый день вечером сообщили об этом в гражданскую милицию, а версию о задержании и возвращении мальчика целенаправленно распространили по городу.

Утром следующего дня подговоренные родители мальчика пошли снова с ним в милицию, ведя его по городу и рассказывая о произошедшем случае знакомым. По дороге в милицию мальчик показал на дом 7 на улице Планты, где якобы его держали, и указал на первого встреченного ими случайно еврея как на виновника происшедшего с ним. В это время на улице Планты уже собиралась толпа. По прибытии родителей с мальчиком в комиссариат ГМ* был выслан патруль из 6 милиционеров в целях задержания подозреваемого лица, которое в результате показаний мальчика было задержано и посажено в комиссариате ГМ. Из комиссариата ГМ был выслан повторно патруль, состоящий из более десяти милиционеров, в целях проведения обыска и установления места, где якобы должен был сидеть задержанный мальчик. Предварительное расследование милиции сразу же установило, что заявление мальчика является ложным и вымышленным. Однако, возбужденная толпа, увидев мальчика и поддаваясь распространяемой через агитаторов пропаганде, начала погром евреев, проживавших в доме 7 на улице Планты.

В результате далее развивавшихся и разыгрывавшихся событий было совершено преступление — убийство 39 евреев и двух поляков, а также ранено около 40 лиц еврейского происхождения. Погром, вызванный и поддерживаемый реакционными кругами, перенесся на весь город и его предместье.

А.

Бискупска Антонина, будучи в доме 4 июля 1946 г. около 9 ч. утра, услышала от проходящей женщины, что евреи на ул. Планты убили каких-то польских детей. Она сразу же пошла за своей соседкой, и они вместе присоединились к толпе в городе. Бискупска после смешения с толпой, не проверив, являются ли услышанные слухи правдивыми, начала выкрикивать окрики, возбуждающие толпу на враждебные выступления против еврейского населения: «Прочь евреев! Они убивают наших детей! Они нам не нужны!» Присутствовавшая там с ней соседка пыталась ее успокоить и вывести из толпы, но, не достигнув результата, ушла сама.

Бискупска, теперь никем не останавливаемая, пошла с толпой к дому 7 на улице Планты, где проживали евреи, выкрикивая по дороге изо всех сил антиеврейские лозунги. Около здания, заселенного евреями, ей уже не хватало издаваемых окриков: «Прочь еврейское правительство, бей евреев!» Она подняла камень и бросила его в направлении балкона еврейского дома, через который было видно в глубине квартиры еврейку, а затем пошла во двор, где толпа убивала евреев, и, увидев одного уже убитого еврея, над которым стояла в ожидании толпа, не встанет ли он еще раз, а также видя второго еврея, удерживаемого за руки, поваленного на землю и призывавшего: «Отойдите от меня» — она по-прежнему продолжала кричать: «Бейте евреев!» И тогда толпа бросилась с киями на безоружного человека.

После того как Бискупска, услышав выстрелы, отошла к воротам, какой-то пожилой мужчина около 12 часов заставил ее покинуть толпу. Своим поведением и выкриками Бискупска подстрекала толпу к избиению и убийству евреев, в результате чего в ходе беспорядков погибли 39 евреев и 2 поляка, а также получили ранение около 40 лиц еврейского происхождения, а кроме того, результатом ее участия в толпе наступило нарушение нормального хода общественной жизни. В результате выкрикивания ею лозунгов, враждебных по отношению к лицам еврейской национальности, она вызвала угрозу всеобщей безопасности. Бискупска была допрошена в ходе следствия и призналась во всех описанных ее действиях, подчеркивая, что она кричала громче окружающей ее толпы, и объяснила, что делала это «по глупости».

Юрковский Эдвард, 4 июля 1946 г. отпросившийся около 12:00 с работы в организации «Вместе», для того чтобы проведать больную жену в больнице, следуя в направлении места своего проживания, услышал от прохожих, что евреи убили каких-то детей. По приходу в свою квартиру на ул. Окжел, 7, Юрковский выпил «четвертинку» водки для придания себе воодушевления в выполнении своих намерений и, выйдя из квартиры, присоединился к толпе, направляющейся к дому на улице Планты, где проживали евреи. Весь период продвижения толпы он руководил ею и кричал, что евреев надо убивать. С призывом: «Мужчины вперед!» Юрковский повел толпу к дому, где проживали евреи. Здесь Юрковский носился как одержимый среди толпы, призывал к вторжению вовнутрь дома, демонстрируя, как надлежит действовать. Вследствие этого толпа вторглась вовнутрь дома и стала убивать евреев, и независимо от этого часть евреев были вытолкнуты во двор (т. н. Школьная площадь), где евреи становились жертвами добывающей их до конца толпы. Юрковский не переставал призывать к убийству, несмотря на то что его призывы уже принесли результат. Он ушел из толпы только тогда, когда начали вывозить первые жертвы убитых евреев около

* ГМ — гражданская милиция.

дома 7 на ул. Планты. Руководство Юрковского в убийстве евреев привело к тому, что было убито 39 евреев и 2 поляка, а также ранено около 40 евреев. Кроме того, Юрковский, ведя толпу по улице города, привел к нарушению нормального течения общественной жизни, а выкрикивая при этом призывы к расовой борьбе, создал угрозу всеобщей безопасности.

В ходе следствия допрашиваемый в качестве подозреваемого Юрковский объяснил, что он действовал стихийно, т. к. поверил в убийство детей евреями, и поэтому присоединился к толпе, и что подстрекал к убийству в результате воздействия неодолимой силы воли. Объяснения подозреваемого, как и мотивы его действий, не изменяют существа его поступков, а также правовой квалификации преступления.

Покшивинский Юзеф 4 июля 1946 г., узнав во время своего пребывания у своего знакомого Петровского в Кельцах о том, что в городе бьют евреев, поехал на место проходивших антиеврейских эксцессов на своем велосипеде, рег[истрационный] № 1899, на котором перед этим выехал из дома около восьми часов. По прибытии на улицу Планты, где под № 7 находится дом, заселенный евреями, он присоединился к толпе и оказался впоследствии недалеко от ограждения вокруг Школьной площади, а после разрушения входных ворот зашел на эту площадь и после оставления велосипеда около забора стал убивать евреев таким способом, что одного из них с неустановленной фамилией вытолкнул из дома на Школьную площадь и погнал его, избивая деревянным штакетником.

Когда этот еврей упал от ударов, Покшивинский ударил его ногой в нос, а затем долго топтал ногами по его лицу до тех пор, пока тот не испустил дух. Кроме того, когда еврейка неустановленной фамилии, уже избитая толпой, упала на землю с разбитой головой, Покшивинский добил ее таким способом, что вскочил ей на грудь, когда она еще дышала, и так долго по ней прыгал, что она испустила последний вздох. После совершения этих убийств Покшивинский подошел к своему велосипеду и уехал к своему дому. Во время убийства евреев Покшивинский был одет в коричневый пиджак, а также на голове у него была круглая фуражка, которая во время совершения убийств упала на землю. При этом следует отметить, что следы крови, находящиеся на фуражке, как установлено проведенной экспертом экспертизой, могли оказаться на фуражке Покшивинского в результате ее падения на землю, где была кровь, или в результате разбрызгивания крови на фуражку во время избивания еврея штакетником.

На двух допросах Покшивинского в качестве подозреваемого он не признался в совершении им ставящихся ему в вину действий, возражая категорично против того, что он вообще выходил куда-либо 4 июля 1946 г. из дома до вечера. Он выдвинул также свое алиби в этом направлении. Во время проведения двух очных ставок он также выразил свое несогласие с показаниями надежных свидетелей, заявив о том, что они не могли его видеть на месте убийства, так как он там не был.

На третьем допросе Покшивинский признался в том, что он был на месте, где убивали евреев, но при этом отметил, что он ударил только одного еврея штакетником, и не знает, повлек ли этот удар его смерть. Покшивинский заявил, что он наступил на одну еврейку случайно во время ее выталкивания толпой, когда он услышал выстрелы, то хотел пройти к своему велосипеду, оставленному около забора.

Объяснения Покшивинского являются уклончивыми и не находят никакого подтверждения в полученных материалах следствия. Следствие бесспорно установило, что Покшивинский добил еврея, лежащего на земле, топчась на нем до момента его смерти. Кроме этого, он прыгал на лежащей на земле еврейке до тех пор, пока она не испустила последний вздох. То, что Покшивинский признается только частично во вменяемых ему в качестве обвинения действиях, следует отнести к его преступному упорству, которое в ходе расследования четырежды сдерживало его даже от частичного признания в своей виновности.

Хороньжак Юлиан 4 июля 1946 г., узнав около 9 часов, что евреи, проживавшие на улице Планты, 7, должны были убить польских детей, пошел на место, где находилась толпа людей. В этой толпе он оставался непрерывно примерно до 13 часов.

В это время Хороньжак вместе с другими влез через окно в дом, заселенный евреями, и оказался в квартире дворника этого дома — Роляка, пожилого человека, и, видя, что толпа его бьет, убежденный в том, что тот является евреем, ударил его по голове найденным в этой квартире деревянным кием. Кроме этого, находясь во дворе на улице Планты, 7, где убивали евреев, он, увидев в определенный момент, что в руках толпы находится еврей, подбежал к нему и замахнулся рукой на него. В этот момент толпа начала бить жертву палками, металлическими прутьями и камнями, пока не забила его насмерть.

Во время пребывания во дворе Хороньжак подстрекал к избиванию евреев окриками: «Бей евреев!» Этими действиями Хороньжак принял непосредственное участие в избивании евреев, а также опосредованно — выкриками, призывающими к избиванию евреев, в результате чего во время беспорядков понесли смерть 39 евреев и 2 поляка, а также было ранено 40 евреев. Однако это объяснение противоречит находящимся материалам в деле и заслуживает доверия.

Блахут Владислав, сотрудник ГМ в Кельцах, 4 июля 1946 г. во время антиеврейских беспорядков был на лекции в школе Воеводской комендатуры ГМ в Кельцах. По указанию руководства ГМ вместе с другими милиционерами он был направлен на место беспорядков, где ему определили пост около дверей лестничной

клетки на втором этаже здания, заселенного евреями, на ул. Планты, 7. Блахут, неся службу на указанном ему посту, в определенный момент поднялся на третий этаж, в квартиру к находящимся там нескольким евреям, и сказал им: «Немцы вас не поубивали, так мы вас убьем». Позднее Блахут спустился на первый этаж и там задержал проходящего по лестничной клетке еврея. Он приказал ему сесть на лестнице и смотрел на него около 10 минут, а потом ударил его без всякого повода кулаком в голову и ударил ногой по спине. Затем Блахут направил на него карабин с приставленным штыком и крикнул: «Сукин сын, снимай туфли!», что тот и сделал. Этим евреем являлся Цукер Мойзеш. Блахут туфли не взял, т. к. в этот момент был задержан.

Допрошенный в ходе следствия Блахут частично признался в описанных выше действиях, отрицая то, что он говорил в адрес евреев: «Немцы вас не поубивали, так мы вас убьем». Он также отказался от того, что приказывал гр[ажданину] Цукеру Мойзешу, чтобы тот снял туфли. Эти объяснения в свете показаний свидетеля гр[аждан] Цукера Мойзеша и Шухман Евы оказались неправдивыми и извращенными.

Рураж Станислав после 15 часов оказался около дома на улице Планты 7 и протиснулся в толпу. В этот момент был вытолкнут молодой еврей с этажа этого дома. Когда другие били этого еврея штакетником, Рураж ударил его камнем в обе ноги, грудь и голову. Еврей немного подвигался и затих. Кровь забрызгала пиджак и брюки Руража. После происшедшего Рураж пытался отмыть одежду, но, несмотря на это, смыть кровь он не смог и часть следов осталось на нем.

Шченьщняк Тадеуш был напротив Руража и бил того же самого еврея камнем, а позднее трубой от калорифера. Вскоре после этого факта Шченьщняк и Рураж были задержаны.

Куклиньский Юзеф бросил булыжник в раненого еврея и попал ему в лицо, а затем такой же булыжник бросил в другого еврея и попал ему в грудь. Куртка Куклиньского в нескольких местах была сильно запачкана кровью, а в момент задержания руки у него были измазаны кровью, как у «мясника». В это время там были вытолкнуты и побиты еще 8 евреев обоих полов.

Допрошенный в ходе следствия Рураж Станислав в предъявленном обвинении признался, и кроме того, он указал как на виновника на Тадеуша Шченьщняка. Шченьщняк Тадеуш в приписываемых ему действиях не признался и все отрицал. Куклиньский Юзеф в поставленных ему в вину действиях признался и все подтвердил.

Б.

В тот же день, 4 июля 1946 г., в Кельцах службу командира милицейской охраны с 21 часа нес капрал ГМ Стефан Мазур. Резерв охраны разошелся по городу, и поэтому Мазуру при получении указания пришлось собирать его.

Таким образом, он вышел сам в город и направился к дому 7, заселенному евреями, на ул. Планты. Он посмотрел, что там делалось, и пошел в сторону площади Партизан. Там он встретился с неким Казимежем Новаковским, Юзефом Сливой и Антоном Прушковским.

Новаковский в ходе беседы общего характера на тему о том, что евреи убили польских детей, сказал Мазуру: «У меня есть работенка, на ул. Леонарда проживают евреи, необходимо их квартиры закрыть, а самих их выпроводить и сделать все». Слива добавил, что евреи из этого дома убежали, имея при себе гранаты. С учетом вышеизложенного они все четверо пошли на улицу Леонарда, 15. Дорогу туда им показал Новаковский. Они вчетвером подошли к квартире на первом этаже, где проживала еврейка Фисх Регина с нескольконедельным ребенком. Новаковский постучал в дверь. На голос изнутри он ответил: «Милиция».

Все четверо вошли в квартиру и застали там Регину Фисх с новорожденным ребенком и ее гостя — Абрама Мошковича. Это было около 14 часов. Все четверо сказали евреям, чтобы они оделись и взяли с собой ребенка, а затем выходили. Они заявили при этом, что квартира будет закрыта. На улицах были толпы людей. По указанию Мазура все семеро пошли в направлении ул. Хипотечной. Мазур задержал грузовой автомобиль и приказал Фисх с ребенком и Мошковичу сесть в кузов, а сам сел в кабину.

В пути Мошкович начал просить Прушковского проявить жалость к женщине с ребенком и к себе. Прушковский сказал ему, чтобы он обратился с этим к «начальнику безопасности», указав при этом на Сливу, но Слива не захотел ни о чем говорить. Когда они проехали около 3 км за город, автомобиль остановился около леса за деревней Цедсыно. Евреям было приказано выйти из машины. Мошкович и Фисх начали снова просить, и Фисх предложила заплатить выкуп. Она разговаривала об этом с Новаковским.

Они переговорили между собой и пришли к выводу, что лучше евреев убить, потому что иначе те их выдадут. Мазур потребовал от еврейки деньги, и та отдала ему: а) 17 долларов США; б) 3 золотых кольца с бриллиантами; в) 1 золотую шпильку; г) серьги. Тогда все четверо сделали вид, что они не смотрят. Мошкович тихо переговорил с Фисх, и они оба бросились убежать в лес. Мошкович нес на руках ребенка — мальчика Фисх. Фисха упала, и Мазур побежал за ними. Он догнал Фисх и выстрелил ей в голову из автомата, а затем побежал за Мошковичем, но тот убежал и скрылся, а ребенка оставил. Мазур подбежал и выстрелил ребенку в лицо. После этого они заплатили шоферу 2 доллара, отдали одно кольцо и шпильку.

Потом они все четверо возвратились автомобилем в Кельцы. Доллары и предметы из золота забрал Новаковский. Затем в ресторане Новаковский вручил золото Сливе, чтобы тот обменял его на деньги. Слива и Прушковский пытались продать кольца, серьги, но им за это мало предлагалось. За все вместе торговцы предлагали 3 тысячи злотых. Трупы Фисх и ее ребенка были обнаружены 6 июля 1946 г. закопанными в лесу. После задержания виновников оказалось, что трупы закопали крестьяне.

Осмотр трупов Регины Фисх и ее ребенка показал:

а) у Фисх в правой затылочной части имелась рана, простреленная навывлет. Ее смерть наступила в результате повреждения мозга; б) ребенок Фисх имел простреленную рану в правой половине лба навывлет. Причина смерти такая же.

Во время очной ставки оставшийся в живых Абрам Мошкович опознал точно всех четырех виновников, т.е. Мазура, Новаковского, Прушковского и Сливу.

В ходе следствия капрал Мазур Стефан признался в предъявленных ему обвинениях. Он объяснил, как изложено выше. Мазур добавил, что 5 июля 1946 г. был в квартире Фисх и сказал дворнику: «Можно взять вещи, потому что евреи уже не возвратятся». Новаковский Казимеж в предъявленных ему действиях признался. Он объяснил то же самое. Новаковский спрятал у себя 15 долларов. Во время ареста 7 июля 1946 г. он пытался сбежать. Прушковский Антоний в инкриминированных ему действиях признался, объяснил то же самое, добавив, что инициатором являлся Новаковский. Слива Юзеф в предъявленных ему обвинениях признался частично и пытался запутать доказательство, скрывая объективные данные. Он пытался продать серьги и кольца у ювелира в Кельцах.

На основании вышеизложенного

ОБВИНЯЮ:

1. Бискупску Антонину, дочь Якуба и Анели, 13 июля 1920 года рождения, уроженку Яжомбки, район Стопница, прож[ивающую] в Кельцах, ул. Сенкевича, 58, из семьи земледельцев, польской национальности, замужнюю, имеет одного ребенка, не состоятельную, образование 1 класс общей школы, без профессии, якобы не судимую, арестованную 4 июля 1946 г.
2. Юрковского Эдварда, сына Валентина и Франтишки из дома Дембиньской, родился 25 августа 1906 года в Погожели, район Кротошын Познаньского воеводства, прож. в Кельцах, ул. Окжель, 7, поляк, по специальности музыкант, образование низшее, женатого, имеющего троих детей, не состоятельного, сержанта запаса, награжденного медалью Десятилетия, якобы не судимого, арестованного 4 июля 1946 г.
3. Покшивиньского Юзефа, сына Станислава и Юзефы из дома Крупов, род[ился] 15 декабря 1905 года в Цминьску гм. Бамбонув, район Кельце, прож. в Кельцах, Улица 1 Мая, 133, поляка, римско-католика, столяра, образование 5 классов общей школы, имеющего 4 детей, владеющего столярной мастерской, в армии не служившего, якобы не судимого, арестованного 5 июля 1946 г.
4. Хороньжака Юлиана, сына Владислава и Станиславы Карыся, род[ился] 7 марта 1926 г. в Словику, район Кельце, проживающего в Кельцах, ул. Вероники, 1, из рабочей семьи, холостого, не состоятельного, с низшим образованием, слесаря, якобы не судимого, в армии не служившего, наград не имеющего, арестованного 5 июля 1946 г.
5. Блахуту Владислава, сына Томаша и Катажины, из дома Масур, род[ился] 11 ноября 1925 г. в Гаю Свенцицким, ул. Оглендув, район Бжеско, поляка, проживающего в Кельцах, римско-католика, сотрудника ГМ, проходившего службу на посту Пшыстай, район Озенстехово, с образованием 4 класса общей школы, холостого, не состоятельного, не имеющего наград, якобы не судимого, арестованного 4 июля 1946 г.
6. Руража Станислава, сына Валерии, род[ился] 1 июля 1926 г. в Кельцах, проживающего в Кельцах, поляка, римско-католика, холостяка, не состоятельного, с образованием 3 класса общей школы, без специальности, якобы не судимого, курьера Городского комитета социальной опеки в Кельцах, в армии не служившего, арестованного 4 июля 1946 г.
7. Шченьщняка Тадеуша, сына Яна и Катажины, род[ился] 5 апреля 1915 г. в Цминьску гм[ины] Бамбонув, район Кельце, проживающего в Кельцах, поляка, римско-католика, холостяка, не состоятельного, с низшим образованием, парикмахера, якобы не судимого, старшего сержанта запаса, арестованного 4 июля 1946 г.
8. Куклинського Юзефа, сына Франчишка и Марии, род[ился] 8 июня 1907 г., в Кельцах, проживающего в Кельцах, поляка, римско-католика, женатого, совладельца деревянного дома в Кельцах, с образованием 6 классов гимназии, мастера-мостильщика, якобы не судимого, сержанта запаса, холостого, арестованного 4 июля 1946 г.
9. Мазура Стефана, сына Антония и Вероники из дома Пухалув, род[ился] 1 марта 1922 г. в старых Хеньчинах, район Кельце, проживающего в Кельцах, поляка, римско-католика, столяра, с низшим образованием, холостого, не состоятельного, сотрудника ГМ в звании капрала, якобы не судимого, не имеющего наград, арестованного 7 июля 1946 г.

10. Новаковского Казимежа, сына Войчеха и Тересы, род[ился] 22 июля 1918 г. в Новых Углах гм[ины] Буско Здруй, проживающего в Кельцах, из рабочей семьи, поляка, римско-католика, холостого, имеющего дом и пекарню в Кельцах, с низшим образованием, пекаря, якобы не судимого, в армии не служившего, арестованного 7 июля 1946 г.
 11. Прушковского Антония, сына Франчишка и Марии из дома Загурака, род[ился] 18 апреля 1901 г. в Воловицах, район Рава, проживающего в Кельцах, из крестьянской семьи, поляка, женатого, имеющего 3 детей, владеющего домом и огородом, с образованием 4 класса общей школы, курьера городской амбулатории, якобы не судимого, сержанта запаса, не имеющего наград, арестованного 6 июля 1946 г.
 12. Сливу Юзефа, сына Анджея и Розалии, род[ился] 19 марта 1907 г. в Янзадку, гм[ины] Меджежа, район Коньска, проживающего в Кельцах, поляка, римско-католика, женатого, не состоятельного, с образованием 3 класса общей школы, сапожника, якобы не судимого, арестованного 7 июля 1946 г.
- в том, что:

Бискупска

I. 4 июля 1946 г. в Кельцах во время антиеврейских беспорядков подстрекала к избиению и убийству граждан еврейской национальности криками: «Долой евреев! Они убивают наших детей, они нам не нужны! Долой еврейское правительство! Бей еврея!» Она бросила камень на балкон дома, заселенного евреями, когда увидела в глубине еврейку. В результате чего во время беспорядков понесли смерть 39 евреев, 2 поляков и было ранено около 40 евреев, а кроме того, в результате ее участия в действиях толпы произошло нарушение нормального хода общественной жизни и всеобщей безопасности.

Эти действия образуют состав преступления, предусмотренного ст. 27 УКВП и ст. 22 Указа № 300/45 об особо опасных преступлениях в период восстановления государства.

Юрковский

II. 4 июля 1946 г. в Кельцах во время антиеврейских беспорядков склонял к избиению и убийству граждан еврейской национальности, управлял толпой и указывал ей дорогу к дому, заселенному евреями, а около него призывал к вторжению вовнутрь дома. В результате чего наступила смерть 39 евреев, 2 поляков и было ранено около 40 евреев, а кроме того, в результате его участия в действиях толпы произошло нарушение нормального хода общественной жизни и наступила угроза всеобщей безопасности.

Эти действия образуют состав преступления по ст. 27 КKW и ст. 22 Указа № 300/45.

Покшивиньский, Хороньжак, Блахута, Рураж, Шченьщняк и Куклиньский

III. 4 июля 1946 г. в Кельцах, действуя сознательно, совместно в толпе, во время антиеврейских беспорядков они совершили преступные действия, направленные против евреев, по причине их принадлежности к этой национальности. В результате чего наступила смерть 39 евреев и 2 поляков, а также были серьезно ранены около 40 лиц еврейской национальности, и в частности:

- а) Покшивиньский — бил штaketником и щеткой двух граждан еврейской национальности, бил ногами лежащих, топчась по их лицу и груди.
- б) Хороньжак — бил кием по голове поляка, предполагая, что бьет еврея, и подстрекал других к избиению евреев.
- в) Блахута — бил ногами по пояснице и бил кулаками по голове Цукера Мойзеша и, кроме этого, кричал: «Немцы вас не поубивали, так мы вас убьем».
- г) Рураж — бил какого-то еврея камнем по обеим ногам, голове и груди до крови.
- д) Шченьщняк — бил того же еврея камнем и железом (трубой).
- е) Куклиньский — бросал булыжники в лицо раненого еврея, а второму в грудь и голову.

В результате чего в Кельцах произошло нарушение нормального хода общественной жизни, и наступила угроза общественной жизни и всеобщей безопасности.

Эти действия образуют состав преступления, предусмотренного ст. 22 Указа № 300/45.

Кроме этого, Блахута

IV. 4 июля 1946 г. в Кельцах во время антиеврейских беспорядков выступил с намерением забрать и присвоить себе туфли Мойзеша Цукера. По мнению того же Цукера, Блахута допустил по отношению к нему элементы насилия, угрожая вышеуказанному карабином со штыком и выкрикивая: «Сукин сын — снимай туфли!», но намерения своего он не выполнил, т. к. был задержан.

Эти действия образуют состав преступления, предусмотренного ст. 24 КKW и ст. 259 УК.

Мазур

V. 4 июля 1946 г. в Кельцах и около деревни Цедзына под Кельцами во время антиеврейских беспорядков совершил преступные действия, направленные против Регины Фисх и ее ребенка мужского пола,

несколько недельного, по причине их принадлежности к еврейской национальности и из желания получения прибыли, стрелял в нее и ее сына из автомата ППШ в целях лишения их жизни. В результате чего наступила их мгновенная смерть.

Эти действия образуют состав преступления, предусмотренного ст. 22 Указа № 300/45 и по совокупности со ст. 225 §1 УК.

Мазур, Прушковский, Слива, Новаковский

VI. 4 июля 1946 г. в Кельцах и около деревни Цедзына во время антиеврейских беспорядков, действуя сознательно, согласованно между собой, исходя из желания получения прибыли и по причине принадлежности к еврейской национальности Регины Фисх и Абрама Мошковича — применяя в отношении их обоим насилие путем взятия их силой в автомобиль, а затем в лес, доведя их таким образом до состояния беспомощности. Они взяли у Регины Фисх в целях присвоения: а) 3 кольца с бриллиантами; б) серьги; в) шпильку из золота; г) 17 бумажных долларов США.

Эти действия образуют состав преступления, предусмотренного ст. 22 Указа № 300/45 по совокупности со ст. 259 УК.

Прушковский, Слива и Новаковский

VII. что в то же время и в том же месте, действуя сознательно, согласованно между собой, оказали Стефану Мазуру активную помощь в убийстве Регины Фисх и ее сына, показав их квартиру, привезли совместно с Мазуром Фисх, ее сына и Мошковича, охраняя их до последнего момента, сознавая то, что Фисх с сыном и Мошковичем должны были быть убитыми.

Эти действия образуют состав преступления, предусмотренного ст. 28 KKW в совокупности ст.ст. 22 Указа № 300/45 и ст. 225 § 1 УК.

Новаковский

VIII. 4 июля 1946 г. в Кельцах склонил: а) Стефана Мазура к лишению жизни Фисх и ее ребенка; б) Мазура, Сливу и Прушковского к захвату с использованием насилия имущества Фисх.

Эти действия образуют состав преступления, предусмотренного ст. 27 KKW в совокупности со ст. 22 Указа № 300/45 и 225 §1 и 259 УК.

ДЕЛО

На основании ст. 10 § 1 Закона об устройстве военных судов и Военной прокуратуры, а также ст. 2 §1 и 17 KWPК — подлежит рассмотрению в Верховном военном суде в Варшаве. Обвинительное заключение составлено в Кельцах 8 июля 1946 г.

Прокурор Главной военной прокуратуры

майор Хальский Мечислав

ЦА ФСБ России. Ф. 149. Оп. 1. Д. 53. Л. 262–275. Заверенная машинописная копия

№ 2. Докладная записка заместителю Главного коменданта ГМ РП* в Варшаве полковнику Титкову о деятельности подполковника Кузницкого

7 июля 1946 г.

гор. Кельце

Нижеследующим докладываю о серьезнейших действиях и высказываниях подполковника Кузницкого за время моего с ним сотрудничества, которое, по моему мнению, осуществлялось не в соответствии с нашей политической линией.

1. После назначения на должность заместителя операт** и ознакомления с людьми я поставил перед подполковником Кузницким вопрос об увольнении из Воеводской комендатуры ГМ более десяти офицеров и работников, которые, согласно существующему мнению были вредными и враждебно настроенными к демократии. Среди них были подозреваемые в связях с NSZ, членстве в АК⁷ и целый ряд явных членов PSL⁸ или их сторонников. Тогда подполковник Кузницкий заявил мне, что «...эти политически подозреваемые и члены PSL являются хорошими поляками и хорошими работниками

* ГМ РП — Гражданская милиция Республики Польша.

** Так в документе.

и этих людей мы не можем увольнять. Члены ППР⁹ — это в своем большинстве воры и взяточники, и на них мы рассчитывать не можем...». Этот ответ подполковника Кузницкого иллюстрировал кадровую политику, которую подполковник проводил до последнего момента.

2. О сотрудничестве с УБ*: Кузницкий в своем поведении и в частных беседах со мной, во время которых часто присутствовал поручик Гвяздович, высказывался: «...УБ — это провокаторы, которые делают все то, что им Москва прикажет, а это все рассчитано на то, чтобы в Польше поддерживать постоянное состояние брожения, чтобы в свое время смочь путем посредничества превратить Польшу в 17-ю республику. В этих условиях подполковник как поляк исключил возможность какого-либо сотрудничества. Он постоянно инструктировал сотрудников Воеводской комендатуры о том, чтобы они собирали компрометирующие материалы на УБ. Во многих случаях (серьезнейших) он направлял специально сотрудников для проведения расследования против сотрудников УБ. Эти материалы он собирал лично. Как они были им использованы, мне трудно сказать. Я знаю только то, что эти материалы частично направлялись в Главную комендатуру ГМ.
3. Отношение к офицерам Красной Армии было самое наихудшее. Он их называл провокаторами, присланными Москвой.
4. Отношение к ПСЛ: Он тщательно собирал все факты, свидетельствующие о положительной деятельности ПСЛ и часто использовал их в качестве аргумента для своего оправдания отсутствия заинтересованности в вопросах ПСЛ в ГМ. Он дословно во время одной из бесед выразился: «... ПСЛ овец — это наиболее ценный в моральном и этическом отношении элемент, это самый лучший поляк». Самые плохие элементы находятся в рядах ПРП.
5. Об отношении к евреям он высказался дословно: «Я являюсь польским националистом, а каждый настоящий поляк в силу обстоятельств является антисемитом». Он рассказывал мне о каком-то приеме в Варшаве, на котором якобы в окружении высокопоставленных лиц он должен был публично рассказать о своей антисемитской позиции. Он заявил мне во время нашей беседы, а было это сразу после совещания районных комендантов 30 мая т.г., что «... если нами по-прежнему будут править евреи и русские — то я первый пойду в лес».
6. Он никогда не проявлял интерес к укреплению позиций ППР в ГМ и высказывался о том, что ГМ должна быть типичной беспартийной структурой с учетом ее характера. Говоря об отношениях в кругу руководства партии, он высказывался, что «... партия оевреена сверху и ее руководство выполняет только приказы из Москвы».
7. Во время свободной дискуссии на тему об общей политической ситуации у нас в стране он как-то заявил мне дословно: «Вы являетесь еще молодым человеком, и я когда-то тоже так думал, как вы. В настоящее время я убедился, что мы оказались обманутыми. Я представлял себе Польшу иначе. Я боролся за восстановление суверенитета Польши, за свободную страну без русских и без гегемонии евреев».
8. Все эти вышеупомянутые факты, иллюстрирующие духовный образ и политическое лицо подполковника Кузницкого, датируются с момента установления им дружеских отношений с майором Дубрачинским и определенными личностями из Воеводского управления демократической партии¹⁰. Кузницкий находился с ними в очень близких отношениях.
9. В дополнение ко всему я должен добавить, что подполковник Кузницкий был очень чувствителен к общественному мнению и в своих поступках всегда считался с тем, как тот или иной факт примет общество. Он был искренне удовлетворен тогда, когда ему говорили, что он пользуется большой симпатией всей общественности.

ЦА ФСБ России. Ф. 149. Оп. 1. Д. 53. Л. 276–277. Машинописная копия

№ 3. Специальный доклад сотрудника Воеводского управления общественной безопасности Л. Арендарского о происшедшем в Кельцах инциденте (без даты, не ранее 4 июля 1946 г.)

1946 г.
гор. Кельце

В связи с антисемитским инцидентом в гор. Кельце 4 июля 1946 г. докладываю о происшедшем. 4 июля 1946 г. в 9 час. 15 мин. я шел по улице Сенкевича, направляясь в ВУБП (Воеводское управление безопасности

* Управления безопасности.

Польши). По дороге я слышал сам лично от прохожих, как они говорили о том, что евреи убили 11 польских детей на улице Планты, 7, где располагается Еврейский комитет.

Услышав такие высказывания, я пошел быстрее, доходя до улицы Планты. Там я увидел несколько групп людей польской национальности, в том числе мужчин, детей и женщин, которые выкрикивали разное на евреев, проживавших и находящихся в то время на ул. Планты, 7. Они выражались и кричали на евреев враждебно, так, например, они кричали: «Долой евреев!», «Вырезать евреев, убийц польских детей!» и т. п.

Я приближался к зданию, т. е. к зданию, в котором находились евреи, — Планты, 7. В этот момент я заметил стоящего в дверях вышеупомянутого здания заместителя [руководителя] РУОБ* Кельце гр. Альберта вместе с несколькими сотрудниками ОБ, которые просили население, чтобы они разошлись. Однако население не обращало внимания на слова сотрудников ОБ. Продвигаясь ко входу в здание, оно хотело вторгнуться вовнутрь.

Гр[ажданин] Альберт, заместитель руководителя РУОБ Кельце, достал пистолет из кармана и, обращаясь к публике, сказал, чтобы они не давили, т. к. в ином случае он будет стрелять. Затем он пошел по лестничной клетке вместе с двумя сотрудниками ОБ на третий этаж.

Люди, по-прежнему выкрикивая разное на евреев, начали толкаться у входной двери в здание. В это время подъехал один грузовой автомобиль с военными, в числе которых было несколько жандармов ВП**. Выскочив из автомобиля, военные вместе с жандармами начали стрелять по зданию, в котором находились евреи и несколько сотрудников ОБ, из легкого и тяжелого автоматического оружия. Затем они вместе с населением вторглись вовнутрь здания и начали стрелять в находящихся там евреев. Потом они стали выводить живых евреев из здания на площадь, расположенную около здания, на которой находились толпы людей польской национальности. Выпроваживая евреев, они били их вместе с гражданскими лицами из толпы и начали убивать безоружных евреев.

В этот момент появилась большая часть сотрудников ГМ из Воеводской комендатуры Кельце, которая начала помогать представителям ВП и гражданским людям в убийстве безоружных граждан еврейской национальности.

Мне, сотруднику ВУОБ*** Кельце, представилась возможность увидеть, как бессовестно поступали солдаты и офицеры ВП и ГМ из Кельц, которые сами убивали безоружных граждан еврейской национальности.

Ими являлись: ст[арший] сержант-жандарм, 2 офицера ВП — 4 поляка из Кельц, а также несколько солдат той же самой воинской части, а также несколько сотрудников ГМ из Воеводской комендатуры и комиссариата гор. Кельце, но их фамилии мне неизвестны. Однако вышеуказанных лиц я знаю по внешнему виду, т. к. часто видел их на улицах гор. Кельце.

Определенная часть солдат занималась убийством граждан еврейской национальности вместе с гражданским населением, в то же время другая часть солдат, находящихся внутри здания, в котором проживали евреи, занимались грабежом. Я заметил, что лица из той части солдат, которая занималась убийством евреев, убивали свои жертвы штыками. Я также видел, как офицер польской армии застрелил из пистолета одного из евреев, и после этого люди стали подбрасывать его вверх на руках за такой поступок. Они кричали: «Да здравствует польская армия!» и что каждому солдату за такой поступок нальют 1 литр водки. В ходе этого хаоса к дому подъехали на двух автомашинах люди из КВБ****, которые начали вмешиваться в происходящие события и стали просить население разойтись. Однако население расходиться не желало. Тогда солдаты стали стрелять вверх, и люди частично вышли из дома. На месте происшедшего инцидента уже в то время лежало несколько убитых лиц. Через некоторое время приехали машины скорой помощи и первая лечебная помощь. Медики начали перевязывать граждан еврейской национальности и грузить убитых и раненых в санитарные машины, а потом отвозить их в городскую больницу гор. Кельцы. В последующем, по приказу майора Штепанника, гр. капитана Мухи, заместителя руководителя ВУОБ в Кельцах гражданское население было выдворено из здания сотрудниками ОБ ГМ и военными. Потом были расставлены посты, состоящие из солдат ВП, в целях недопущения населения в здание.

В дальнейшем люди продолжали выкрикивать призывы против правительства, сотрудников ОБ и граждан еврейской национальности. Через полчаса все раненые и убитые были отвезены в больницу. В то же время оставшиеся в здании матери с детьми стали обращаться к нам, как сотрудникам безопасности, с просьбой о вывозе их в безопасное место. Я, сотрудник ОБ Арендарский Леопольд, побежал в РУОБ в Кельцах за автомобилями, чтобы вывезти оставшихся в живых граждан еврейской национальности в безопасное место. Через 15 минут я приехал с гр. шефом РУОБ в Кельцах Гаевским в здание на Планты, 7, в целях вывоза оставшихся в живых граждан еврейской национальности в безопасное место. Увидев это, собравшиеся

* Районное управление общественной безопасности.

** Войска польского.

*** Воеводское управление общественной безопасности.

**** Корпус внутренней безопасности.

вокруг люди начали нас обзывать словами, выкрикивая: «Еврейские прислужники!» При этом они бросали в нас камнями. Автомобиль, на котором мы приехали, подъехал к самому входу в здание. После этого мы хотели оставшихся евреев вывезти в безопасное место.

Собравшиеся люди, увидев это, начали ломать заборы и продвигаться к нам, на что мы не могли реагировать, т. к. толпа и военные начали выступать против нас. Мы не могли на это реагировать, потому что нас было немного. Поэтому мы были вынуждены отойти. В то же время военные пропустили людей и сами вторглись в здание, где проживали евреи, грабя их имущество и убивая их.

Потом силы вновь прибывших военных и сотрудников ОБ увеличились. Реагируя на это, люди снова вышли за пределы здания. В это время на площади опять лежали убитые граждане еврейской национальности, которых мы сами начали грузить на автомашины и отвозить в больницу.

В это время прибыли сотрудники ОБ из РУОБ и ВУОБ Кельце и начали погружать в автомашины оставшихся в живых евреев и вывозить в безопасное место.

Солдаты и офицеры ВП и ГМ, совершившие ряд убийств и кражу имущества граждан еврейской национальности, исчезли с наших глаз. В дальнейшем по приказу шефа ВУОБ в Кельцах были сняты все посты ВП и частично ГМ, а расставленные на их месте посты были укомплектованы сотрудниками ОБ.

Дом, в котором проживали евреи, был взят под охрану сотрудниками ОБ. В это время все квартиры были опечатаны. Мы же, оперативные работники ВУОБ Кельце, по приказу гр. шефа ВУОБ начали частично проводить аресты лиц, которые принимали участие в убийстве, грабежах граждан еврейской национальности.

Подтверждаю вышеизложенные факты собственноручной подписью

Арендарский Леопольд

Секция I Отд[ела] III

ЦА ФСБ России. Ф. 149. Оп. 1. Д. 53. Л. 278–279. Заверенная машинописная копия

№ 4. Протокол допроса свидетеля Х. Гутмана от 5 июля 1946 г.

5 июля 1946 г.

гор. Кельце

Следственный офицер Воеводского управления общественной безопасности в Кельцах пор[учик] Квазен Эдмунд допросил нижеуказанного в качестве свидетеля.

Свидетель предупрежден об уголовной ответственности по ст. 140 УК за ложные показания.

Подпись свидетеля

Гутман Х. показал:

1. Фамилия, имя, имя отца	Гутман Херс, Перец
2. Год рождения	1920
3. Место рождения	Кельце
4. Профессия	служащий
5. Военное звание и функция	не имеет
6. Образование	среднее
7. Национальность	польская
8. Семейное положение	холостяк
9. Служба в армии	не служил
10. Судимость	не судим
11. Адрес	Кельце, ул. Планты, 7
12. Отношение к обвиняемому	посторонний

Вопрос: Расскажите подробно, что Вы знаете о происшествии, которое произошло 4 июля 1946 г. на Плантах в Кельцах?

Ответ: В 9 часов утра 4 июля 1946 г. я пошел на работу в Еврейский комитет на ул. Планты в Кельцах. Через несколько минут пришли люди с улицы (евреи), которые заявили, что один мальчик, лет около 7-ми, привел несколько милиционеров. Мальчик показал, как говорили, на одного еврея по фамилии Зингер, что он является тем человеком, и повел его в Комиссариат ГМ на ул. Сенкевича в Кельцах. Когда председатель Еврейского комитета др. Каханы об этом узнал, то пошел с Фридманом в Комиссариат ГМ. Однако через некоторое время он возвратился возбужденный и сообщил, что капрал МО сказал ему: «Вы убили польских детей, и мы с вами расправимся». В это самое время вооруженные сотрудники ГМ окружили дом

и никого не выпускали, а толпа собралась и начала угрожать руками в сторону дома, выкрикивая: «Вы убили наших детей, мы вас всех перебьем».

Вопрос: Реагировали ли вооруженные милиционеры ГМ на выкрики людей и пытались ли они их разогнать?

Ответ: Милиционеры совершенно не реагировали на выкрики людей и не пытались этих людей разогнать, а наоборот, продвигались вместе с толпой в направлении дома. В то же время одетые в гражданское платье милиционеры вошли в комитет др. Коханого, откуда они спустились вниз после резкой ссоры. Они взяли мальчика, который в это время водил толпу в поисках убитого ребенка и вышли с этим же мальчиком на площадь. Милиционеров было двое, один из них, Шелонк, шел и гладил мальчика по голове. В то же время остальные два милиционера, одетые в гражданскую одежду, один блондин, а другой шатен, отодвинулись на другую сторону и о чем-то шептались между собой.

Вопрос: Что происходило в дальнейшем около здания и в самом здании?

Ответ: В то время толпа становилась все больше. Милиционеры стреляли по зданию, а люди из толпы бросали камнями. В тот момент я выбежал на лестницу, где стоял русский майор в польском мундире, а рядом с ним два мужчины, между которыми завязалась следующая беседа, и один мужчина сказал: «Мы нашли убитого ребенка». Майор им сказал: «Вы чего кричите, покажите мне его». Когда они этого не смогли показать, то сбежали обратно вниз. После первой стрельбы пришел один подпоручик с папкой, низкого роста, в конфедератке, с темно-голубым лампасом, и приказал всем собраться в одну комнату, сдать оружие. Затем он забрал у нас оружие в количестве около восьми пистолетов разного калибра. В то же время он оставил оружие у лиц, которые отдали ему разрешение. Люди начали его упрасивать, чтобы он их спас. Он ответил: «Через полчаса мы с вами расправимся». Потом толпа вместе с милицией и солдатами, а также жандармами начали атаковать дом, стреляя и бросая камни. Шесть человек, находящихся в здании, спрятались в квартире гр. Готдвасера. Я был между ними, и мы забаррикадировались в этой квартире. Тогда начали стучать прикладами в дверь и кричать, чтобы мы открыли дверь. Когда мы открыли, один военный высокого роста, среднего возраста, со светлыми усиками, в полевой фуражке, в звании подпоручика выкрикнул: «Мужчины, выходите, руки вверх». Когда я выходил, он обыскал у меня карманы и, ударив меня по шее, толкнул дальше, где стояли солдаты и жандармерия с автоматами. Один из них крикнул: «Отдай часы, а то убью!» Я ему отдал часы, а следующий вытащил у меня кошелек из кармана. Я хотел выйти во двор, но увидел перед выходом кучу трупов. Это были те люди, которые вышли перед этим из комнаты. В это время я зашел в склад, в котором был др. Коханы, но попытлся назад оттуда, увидел военного с перевязанной рукой, который наставил пистолет на доктора Коханого. Тогда я хотел спрятаться у пекаря Зелинского, который, однако, крикнул «Wont» и захлопнул передо мной двери. Затем я побежал на чердак и там спрятался под пол, однако, когда мне стало не хватать воздуха и я начал задыхаться, я вышел оттуда, чтобы вдохнуть воздух у находящегося поблизости оконца в боковой стене дома, и увидел дом, окруженный солдатами и милиционерами, у которых по-прежнему оружие было направлено в сторону нашего здания. Через полчаса я решил вместе с другими коллегами сойти вниз. Однако, когда я хотел выйти, майор дал нам знать, чтобы мы пока не выходили, так как нас будут бить. После возвращения в квартиру я обнаружил, что часть вещей была разбросана, а часть была взята. Там валялись выброшенные предметы военной одежды.

Взяв несколько необходимых вещей, я сошел на первый этаж, где меня задержал один подпоручик высокого роста, в пилотке, который, успокаивая меня, что со мной ничего не случится, обыскал мои карманы и толкнул кулаком к коллеге, который стоял рядом, и тот забрал последнюю горстку табака. Через несколько минут подъехал автомобиль и привез нас на стадион в Кельцах.

Вопрос: Имели ли место в ходе этого какие-нибудь иные происшествия?

Ответ: 1. Один из жандармов в звании капрала, имеет полное лицо, колотил в двери **кибуцу** и оттуда, как я узнал позднее, он сбросил вместе с другими двух девочек. 2. Один высокий подпоручик с бело-красной повязкой на левой руке, волосы черные. Он добивался, чтобы ему открыли чердак, и заявил, что в противном случае всех нас перебьют, так как там лежат убитые польские дети. В то время, когда ему открыли проход на чердак и он там, однако, ничего не нашел, спускаясь вниз с двумя солдатами, подпоручик угрожал: «Все равно всех вас перебьем». 3. Один солдат, блондин, низкого роста, вбежал на третий этаж и, гонясь за мной, кричал: «Вы убили наших детей, теперь я вас убью».

На этом протокол окончен, протокол соответствует правде, что я подтверждаю собственноручной подписью.

Гутман Херс, Перец

Допросил: Квасек

С подлинным верно

Моуц Вл.

ЦА ФСБ России. Ф. 149. Оп. 1. Д. 53. Л. 280–281.

Заверенная машинописная копия на типографском бланке

№ 5. Протокол допроса свидетеля С. Липиньского от 4 июля 1946 г.

4 июля 1946 г.

гор. Кельце

Следственный офицер Воеводского управления общественной безопасности в Кельцах Е. Пернал допросил нижеуказанного в качестве свидетеля.

Свидетель предупрежден об уголовной ответственности по ст. 140 за ложные показания.

1. Фамилия, имя, имя отца	Липиньский Станислав, сын Юзефа
2. Год рождения	8 мая 1921 г.
3. Место рождения	гм. Вежбица, район Радом
4. Профессия	рабочий
5. Воинское звание и функция	не имеет
6. Образование	7 классов общей школы
7. Национальность	поляк
8. Семейное положение	женатый
9. Служба в армии	не служил
10. Судимость	не судим
11. Адрес	Кельце, ул. Золотая, 11
12. Отношение к обвиняемому	посторонний

Около 2 часов после полудня я вышел на место инцидента на улице Планта и обнаружил, что командиры из армии, а именно: один в ранге подполковника, второй в ранге майора, третий в ранге капитана — все из жандармерии, не дали приказа подчиненным, чтобы остановить толпу от вторжения в здание, заселенного еврейским населением. В результате чего солдаты входили в здание, вытаскивали жителей и отдавали их в руки гражданских людей.

Допросил Е. Пернал

Показания мои соответствуют правде, собственноручно подписываю

Липиньский Станислав

С подлинным верно

Богуш Кристина

ЦА ФСБ России. Ф. 149. Оп. 1. Д. 53. Л. 282–282об.

Заверенная машинописная копия на типографском бланке

№ 6. Протокол допроса свидетеля С. Собаньски от 4 июля 1946 г.

4 июля 1946 г.

гор. Кельце

Следственный офицер Воеводского управления общественной безопасности в Кельцах Гжеда Ян допросил нижеуказанного в качестве свидетеля.

Свидетель предупрежден об уголовной ответственности по ст. 140 УК за дачу ложных показаний.

1. Фамилия, имя, имя отца	Собаньски Станислав, с[ын] Юзефа
2. Год рождения	22 января 1921 г.
3. Место рождения	Вымыслув гм. Кунув, район Опатув
4. Профессия	плотник
5. Военное звание и функция	ст. сержант, референт
6. Образование	7 классов общей школы
7. Национальность	поляк
8. Семейное положение	холост
9. Служба в армии	не служил
10. Судимость	с его слов не судим
11. Адрес	Кельце, Сенькевича, 52, кв. 5
12. Отношение к обвиняемому	посторонний

Вопрос: Что вам известно об инциденте, который имел место на ул. Планты 4 июля 1946 г.?

Ответ: 4 июля 1946 г. в 11 часов я пошел на ул. Планты, где увидел толпу людей около дома, в котором проживали евреи. На месте я узнал, что люди из толпы убивают евреев. На школьной площади появился один еврей в мундире польской армии, на что из толпы начали кричать, что он переоделся в мундир и убегает. После того как люди окружили его, подошел подпоручик польской армии и сержант. Сержант вытянул у него из-под мундира пистолет, а подпоручик потребовал от него документы. Этот еврей подал ему военную книжку. После проверки подпоручик приказал возвратить ему оружие. Толпа сбита этого еврея и начала его бить. На что я, и гражданин Канарски Стефан, отреагировали и этого военного еврея проводили на ул. Сташица в комендатуру 2-й дивизии. После приведения его на пост один из присутствующих там солдат его узнал и сказал, что он служит в 4-м полку, а один капитан подскочил к Канарскому и, приставив пистолет-парабеллум к его груди, сказал, чтобы тот немедленно уходил, а один из солдат заявил: «Мы вас всех фашистов постреляем». По прибытию обратно я видел солдат, которые вместе с гражданским населением били евреев, а гражданское население кричало: «Да здравствует такая армия!».

Ст. Собаньски

С подлинным верно

Машинистка следственного отдела *Богущ Кристина*

ЦА ФСБ России. Ф. 149. Оп. 1. Д. 53. Л. 283–283об.

Заверенная машинописная копия на типографском бланке

№ 7. Протокол допроса свидетеля Т. Лиса от 4 июля 1946 г.

4 июля 1946 г.

гор. Кельце

Следственный офицер Воеводского управления общественной безопасности в Кельцах Матерек Казимеж допросил нижеуказанного в качестве свидетеля.

Свидетель предупрежден об уголовной ответственности по ст. 140 УК за дачу ложных показаний. Подпись свидетеля.

1. Фамилия, имя, имя отца	Лис Тадеуш, с[ына] Владислава
2. Год рождения	11 июля 1923 г.
3. Место рождения	в Боже-Кумовским
4. Профессия	сотрудник Районного управления общественной безопасности в Пиньчове
5. Воинское звание и функция	сержант, личный референт
6. Образование	7 классов общей школы, 1 курс школы профессионального обучения
7. Национальность	поляк
8. Семейное положение	женатый
9. Служба в армии	не служил
10. Судимость	с его слов не судим
11. Адрес	Пиньчув, Районное управление общественной безопасности
12. Отношение к обвиняемому	посторонний

Сегодня, т.е. 4 июля 1946 г., я прибыл из Пиньчова в Кельце в служебных целях. Около 10 часов, увидев бегущих людей в направлении ул. Планты, я тоже пошел туда. Подойдя на ул. Планты к дому, где проживали евреи, я заметил, как один из милиционеров выводил из этого дома женщину еврейской национальности и отпустил ее. Эта женщина направлялась в сторону большого каменного дома и уже находилась на полпути между двумя зданиями, когда неожиданно начала собираться толпа. В это время, когда еврейка была отпущена милиционером, дети побежали за ней и начали бросать камни, видя при этом, что милиционер на это не реагирует. Из толпы начали раздаваться голоса, и дети снова начали кидать камни. Видя это, один из солдат подскочил к еврейке, разогнал детей и вырвал ее из толпы и куда-то ее забрал. Что с ней стало дальше, я не могу сказать. Через несколько минут к солдатам подошел один из поручиков и объявил людям, чтобы они расходились, потому что будет штурм здания, где находились евреи. Взяв пять солдат, этот поручик ворвался в здание, в котором были евреи, и в этот момент я услышал выстрелы из пистолетов, а позднее раздались очереди из автоматов и несколько взрывов гранат. После этих выстрелов в это же здание вошли еще больше военных, и они начали вытаскивать по отдельности евреев и отдавать их в руки людей из толпы, которые с криком били

евреев до смерти. Я слышал, как женщины среди толпы кричали, обращаясь к солдатам, что вашего поручика убили евреи и их надо бить. Среди толпы также были такие крики, как: «Долой безопасность!», «Долой правительство», «Долой прислужников коммунистов!». Под крики, чтобы толпа людей расходилась, солдаты начали стрелять вверх из автоматов, и в этот момент стало тихо. Следует отметить, что военные, которые хотели спасти одну еврейку с ребенком, окружили ее цепью, примкнули штыки к оружию и не позволили ее убить.

На этом протокол допроса окончен. Протокол был мне зачитан и с моих слов записан правильно, что подтверждаю собственноручно подписью.

Лис Тадеуш

С подлинным верно

Машинистка следственного отдела *Богуш Кристина*

ЦА ФСБ России. Ф. 149. Оп. 1. Д. 53. Л. 284–284об.

Заверенная машинописная копия на типографском бланке

№ 8. Протокол допроса свидетеля Ч. Канарски от 4 июля 1946 г.

4 июля 1946 г.

гор. Кельцы

Следственный офицер Воеводского управления общественной безопасности в Кельцах Набялчык Стефан допросил нижеуказанного в качестве свидетеля.

Свидетель предупрежден об уголовной ответственности по ст. 140 УК за дачу ложных показаний. Канарски показал:

1. Фамилия, имя, имя отца	Канарски Чеслав, с[ына] Яна
2. Год рождения	9 апреля 1928 г.
3. Место рождения	Островец, воеводство Кельце
4. Профессия	сотрудник ВУОБ в Кельцах
5. Воинское звание и функция	старший сержант
6. Образование	5 классов общей школы
7. Национальность	поляк
8. Семейное положение	холост
9. Служба в армии	не служил
10. Судимость	не судим
11. Адрес	Кельце, ул. Капитульна, № 5
12. Отношение к обвиняемому	посторонний

Вопрос: Что Вам известно по вопросу убийства евреев, которые совершило польское население в Кельцах на ул. Планты 4 июля 1946 г.?

Ответ: Стоя около здания, в котором находились евреи, я хорошо видел весь ход этого события. Упоминавшееся уже гражданское население жестоко издевалось над евреями, забивая их киями и камнями. К чему также очень сильно приложили руки солдаты польской армии и ГМ, которые были присланы для поддержания порядка, но они делали вид, что выполняют эту службу, а с другой стороны, они вывели еврейское население из дома под оружием на площадь, где польское население этих евреев жестоким способом убило. Наблюдая за этим событием, я видел собственными глазами, как солдаты вместе с ГМ вывели одного еврея из дома, а потом убили его прикладами карабинов и затем выбросили его в реку, протекающую рядом. В ходе разговора с одной незнакомой мне женщиной к нам подошел польский офицер в звании капитана, прислушиваясь к нашему разговору. Эта женщина рассказывала, что евреи убили несколько дней тому назад несколько польских детей. На что я задал вопрос, видела ли она это событие фактически. Именно в этот момент стоящий около нас офицер обратился ко мне с такими словами: «Ты еврейский прислужник, так я тебе в лоб выстрелю». Потом капрал ударил меня ногой и дал указание солдатам, чтобы они меня забрали, но я в это время убежал.

Допросил

Набялчык Стефан

На этом протокол окончен. Протокол записан с моих слов правильно, что я подтверждаю собственноручной подписью.

Канарски

ЦА ФСБ России. Ф. 149. Оп. 1. Д. 53. Л. 285. Машинописная копия

№ 9. Протокол допроса свидетеля Ю. Бялковского от 5 июля 1946 г.

5 июля 1946 г.

гор. Кельце

Следственный офицер Воеводского управления общественной безопасности в Кельцах Гженда Ян допросил нижеуказанного в качестве свидетеля.

Свидетель предупрежден об уголовной ответственности по ст. 140 за дачу ложных показаний.

1. Фамилия, имя, имя отца	Бялковский Юзеф, с[ына] Франчишка
2. Год рождения	23 марта 1912 г.
3. Место рождения	Скажиско
4. Профессия	слесарь
5. Воинское звание и функция	хорунжий, начальник секции
6. Образование	6 классов общей школы, 1 курс профессионального обучения
7. Национальность	поляк
8. Семейное положение	женат
9. Служба в армии	полк КПП, район Вилейка
10. Судимость	с его слов, не судим
11. Адрес	гор. Кельце, ул. Роха, 7, кв. 12
12. Отношение к обвиняемому	посторонний

Вопрос: Что Вы можете рассказать об инциденте, который имел место на ул. Планты 4 июля 1946 г.?

Ответ: Около 11:00 4 июля 1946 г. я пошел на ул. Планты. После прибытия на место я увидел солдат польской армии, старающихся добраться до кладовой, пристроенной к тому зданию, в котором проживали евреи. После снятия двери в кладовой из нее выбежала еврейка около 16 лет, которую один из солдат польской армии начал бить. После того, как девушка потеряла сознание, гражданские люди понесли на руках солдата, выкрикивая: «Да здравствует!»

Мы вместе с гр. Маркевичем осуществляли наблюдение за вышеуказанным солдатом, которого отдали в руки командования 2-й дивизии. После возвращения на место инцидента я обратил внимание на то, как солдаты польской армии вместе с милицией пробивались в здание, в котором жили евреи. Двери были выдвинуты, и военные с милицией и гражданским населением вторглись в здание, где проживали евреи. Через несколько минут евреи были выведены, и их стало избивать гражданское население киями.

На этом протокол окончен и перед подписанием прочитан

Юзеф Бялковский

Допросил

Подпись неразборчива

С подлинным верно

Ференчикowska X.

ЦА ФСБ России. Ф. 149. Оп. 1. Д. 53. Л. 286–286об.

Заверенная машинописная копия на типографском бланке

№ 10. Протокол допроса свидетеля Теркель-Тауба от 6 июля 1946 г.

6 июля 1946 г.

гор. Кельце

Следственный офицер Воеводского управления общественной безопасности в Кельцах Липец Леонард допросил нижеуказанного в качестве свидетеля.

Свидетель предупрежден об уголовной ответственности по ст. 140 за дачу ложных показаний.

Теркель-Тауб показал:

1. Фамилия, имя, имя отца	Теркель-Тауб
2. Год рождения	1911 г.

3. Место рождения	Хмельник
4. Профессия	портной
5. Воинское звание и функция	капрал
6. Образование	среднее
7. Национальность	еврей
8. Семейное положение	женат
9. Служба в армии	в 1933 и 1934 гг. в ПА
10. Судимость	не судим
11. Адрес	Лодзь, ул. Пилсудского, № 22–25
12. Отношение к обвиняемому	

Вопрос: Что гражданин может показать об инциденте против евреев в Кельцах 4 июля 1946 г.?

Ответ: 4 июля 1946 г. я находился в Кельцах на ул. Планты, 7, в доме, где проживали евреи. Около 9 часов утра перед домом начала собираться большая толпа людей. С учетом того, что они начали бросать камни в окна, я спрятался в комнате на третьем этаже. В этой комнате было в общем 40 человек, мужчин и женщин.

Двери нашей комнаты были закрыты. Около 10:00 через двери начали стрелять в комнату, в которой были спрятавшиеся. В результате этого один человек был убит и один ранен. Я услышал крик: «Сдавайтесь, иначе будет брошена граната». Мы ответили ему: «Мы сдаемся». Через минуту я увидел, что двери были выбиты и впереди находились восемь военных в мундирах. Эти солдаты выбросили всех собравшихся в комнате на улицу. Один из солдат забрал у меня часы с руки. На улице я был побит собравшейся толпой. При этом я потерял сознание, и через некоторое время меня отвезли в больницу солдаты. По дороге у меня были украдены туфли и 7000 злотых. Фамилии гражданских и солдат, которые принимали участие в инциденте, я не знаю.

На этом протокол окончен и после прочтения подписан

Теркель-Тауб

С подлинным верно

Ференчикowska X.

ЦА ФСБ России. Ф. 149. Оп. 1. Д. 53. Л. 287–287об.

Заверенная машинописная копия на типографском бланке

№ 11. Протокол допроса свидетеля З. Невядомски от 5 июля 1946 г.

5 июля 1946 г.

гор. Кельце

Следственный офицер Министерства общественной безопасности в Варшаве подполковник Гутовски Хенрык допросил нижеуказанного в качестве свидетеля.

Свидетель предупрежден об уголовной ответственности по ст. 140 за дачу ложных показаний.

Невядомски Збигнев показал:

1. Фамилия, имя, имя отца	Невядомски Збигнев, сын Яна
2. Год рождения	10 января 1927 г.
3. Место рождения	дер. Яник гм. Кунов, район Опатув
4. Профессия	без специальности — сотрудник ПУОБ
5. Воинское звание и функция	сержант
6. Образование	7 классов общей школы
7. Национальность	поляк
8. Семейное положение	холостой
9. Служба в армии	не служил
10. Судимость	с его слов, не судим
11. Адрес	Кельцы, Капитулна, 4
12. Отношение к обвиняемому	

Вопрос: Что свидетель может рассказать об антиеврейском инциденте 4 июля 1946 г., который имел место в еврейской гмине?

Ответ: В 9 час. 30 мин. я получил от шефа РУОБ в Кельцах приказ об убытии на ул. Планты, где должен был иметь место какой-то инцидент. По прибытии на ул. Планты я выяснил, что фактически около еврей-

ской общины собралась толпа людей, которые пытались вторгнуться вовнутрь здания еврейской общины. Находясь в толпе, я узнал, что причиной этого инцидента якобы явилось убийство евреями польских детей.

Вопрос: Было ли здание еврейской общины закрыто или доступ в него был свободен?

Ответ: С начала инцидента здание было фактически охраняемо сотрудниками ГМ.

Однако это продолжалось недолго, так как, будучи на месте, майор-комендант гор. Кельце Маркевич, когда толпа, возбуждаемая разными темными элементами, кричала и вопила: «Пустите нас вовнутрь, там мы с ними разберемся», допуская при этом различные выкрики: «Долой еврейских прислужников!», «Да здравствует наша армия!», «Долой русскую безопасность, которая охраняет евреев!» и т. д., майор Маркевич, не отдавая никаких приказаний, крутился в толпе, а потом обратился к ней и сказал: «Ну, входите, убедитесь и ищите везде».

Вопрос: Что свидетель видел потом, когда майор разрешил, чтобы толпа вошла вовнутрь здания?

Ответ: После дачи разрешения майор Маркевич сам пропустил более десяти человек из толпы и также дал указание милиции пропустить их. Одновременно с этим, когда майор Маркевич пустил людей через передний вход, толпа вторглась через главные ворота. Я отмечаю, что около ворот стояли на посту несколько военных, а потом я узнал, что это были курсанты из Воеводской школы ГМ. Толпа бросилась на поиски убитых детей, которых, однако, не удалось найти.

Не найдя мнимых убитых польских детей на площади, толпа начала силой входить вовнутрь. В это самое время стала прибывать военная помощь УБ и ГМ. По прибытии этой помощи толпа вместе с военными и ГМ начала сама проводить обыск. В это самое время подъехали военные, и майор отдал приказ захватить здание, где были закрыты евреи. После этого приказа солдаты начали стрелять в окна и вторглись вовнутрь здания, а затем стали выводить оттуда евреев, отдавая их в руки толпы, которая их зверски убивала. Когда это все происходило, майор Маркевич спокойно вышел на улицу.

Вопрос: Принимали ли участие в избиении евреев армия и ГМ?

Ответ: Армия и ГМ вместе принимали участие в убийстве евреев, избивая их прикладами и убивая штыками. Толпа их только добивала, чем кто мог.

Вопрос: Были ли на площади офицеры?

Ответ: На площади на месте инцидента было много офицеров как из ГМ, так и из армии, которые не контролировали ситуацию, позволяя солдатам стрелять в евреев и грабить их.

Вопрос: Имеет ли свидетель что-либо еще дополнить к сказанному?

Ответ: Я могу еще добавить факт, свидетельствующий о том, как ГМ помогала разнузданной толпе. Так, между 13 и 14 часами ГМ, находящаяся по адресу: ул. Сенкевича, 46, проверила документы у двух лиц, которые оказались евреями. Вместо того чтобы отвести их в комиссариат ГМ, сотрудники ГМ, среди которых был сержант из этого же комиссариата, передал их толпе, которая стала их бить. После этого проходящему патрулю КВБ с трудом удалось отбить и спасти их, а затем отвести в комиссариат ГМ. Все это я видел воочию и изложил в соответствии с правдой.

Допросил

Гутовски Хенрык

С подлинным верно

Мощ Вл.

ЦА ФСБ России. Ф. 149. Оп. 1. Д. 53. Л. 288–288об.

Заверенная машинописная копия на типографском бланке

№ 12. Протокол допроса свидетеля Х. Латажа от 5 июля 1946 г.

5 июля 1946 г.

гор. Кельце

Следственный офицер Воеводского управления общественной безопасности в Кельцах хорунжий Сломка Люциан допросил нижеуказанного в качестве свидетеля.

Свидетель предупрежден об уголовной ответственности по ст. 140 за дачу ложных показаний.

Латаж Хайм показал:

1. Фамилия, имя, имя отца
2. Год рождения
3. Место рождения
4. Профессия

Латаж Хайм, с[ын] Зейлика
10 февраля 1919 г.
Кельце
маляр по ремонту квартир

5. Военное звание и функция	нет
6. Образование	3 класса еврейской школы
7. Национальность	еврей
8. Семейное положение	холост
9. Служба в армии	не служил
10. Судимость	с его слов, не судим
11. Адрес	Кельце, ул. Планты, 7
12. Отношение к обвиняемому	посторонний (к Пугиньскому)

Вышеуказанный свидетель по вопросу произошедшего инцидента антиеврейского характера в Кельцах 4 июля 1946 г. показывает следующее.

4 июля 1946 г. в 14 часов в доме на ул. Планты, 7, п. 1, вместе с другими жителями еврейской национальности этого дома мы слышали стук в двери нашей квартиры со стороны коридора. В результате этого стука мы спросили, кто там есть. Нам ответили: «Не бойтесь, здесь находится милиция и армия». После такого ответа мы открыли двери. В квартиру вошли представители армии и милиции. Они нам приказали поднять руки вверх и отдельно выходить из квартиры только мужчинам. Каждого выходящего обыскивали и все обнаруженные вещи, как часы, деньги, документы и т. п., забирали.

После обыска каждого из нас нам приказали спуститься на 1-й этаж. В то время, когда спускался на 1-й этаж, я заметил стоящего в умывальнике Фугиньского, младшего сына колбасника, проживающего в Кельцах, ул. Новый Мир. Около него стояли еще две личности, одетые в гражданское платье. Один из них высокий, блондин, волосы зачесаны вверх, был одет в американскую блузу, а второй — среднего роста, лицо смуглое, одет в темно-синий пиджак. При проходе мимо них описанное первое лицо — блондин — сказал: «Надо их убить». После этих слов мы возвратились назад на второй этаж. Снова оказавшись на лестнице и в коридоре, военные вместе с указанными в протоколе лицами и Фугинским начали нас, проходящих мимо них, бить. Один солдат среднего роста с баками, с вещмешком, повешенным на плечо, который действовал в доме, сказал, что «Гитлер вас не перебил, то мы вас перебьем». Но потом от нас отстали, до момента вывоза нас из этого дома автомобилями. Больше по этому вопросу я не могу ничего сказать.

На этом протокол допроса свидетеля окончен. Протокол был мне прочитан и с моих слов записан правильно.

Латаж Хайм

Допросил:

Сломка Л.

С подлинным верно

Мош Вл.

ЦА ФСБ России. Ф. 149. Оп. 1. Д. 53. Л. 289–289об.

Заверенная машинописная копия на типографском бланке

№ 13. Протокол допроса свидетеля Н. Лейсера от 6 июля 1946 г.

6 июля 1946 г.

гор. Кельцы

Следственный офицер Воеводского управления общественной безопасности в Кельцах Липец Леонард допросил нижеуказанного в качестве свидетеля.

Свидетель предупрежден об уголовной ответственности по ст. 140 за дачу ложных показаний.

Лейсер Натан показал:

1. Фамилия, имя, имя отца	Лейсер Натан, с[ын] Изаака
2. Год рождения	1909 г.
3. Место рождения	Ящлишка
4. Профессия	рабочей
5. Воинское звание и функция	рядовой
6. Образование	7 классов общей школы
7. Национальность	еврей
8. Семейное положение	холост

- 9. Служба в армии
- 10. Судимость
- 11. Адрес
- 12. Отношение к обвиняемому

в 1930–1931 гг. в ВП
не судим
Кельцы, ул. Планты, 7

Вопрос: Что гражданин может показать об инциденте против евреев в Кельцах 4 июля 1946 г.?

Ответ: Около 9 часов утра я находился в доме на ул. Планты, 7, который полностью заселен евреями. Я заметил, что около дома собирается толпа людей, которые начали бросать камнями в окна. Видя это, я спрятался в третьей комнате на третьем этаже. Всего в этой комнате там было около тридцати человек, мужчин и женщин. Через некоторое время я услышал выстрелы. В той комнате, где я был, один еврей был убит, а двое ранены в результате стрельбы. Через двери я услышал крики: «Сдавайтесь, а то бросим гранату!» Мы ответили, что сдаемся, и открыли двери. В квартиру вошли несколько солдат и один гражданский. Солдаты приказали нам выйти на улицу. Я тоже вышел на площадь перед домом, где меня избили люди из толпы. Я упал на землю, и в этот момент один из солдат, фамилии которого я не знаю, выстрелил в меня из карабина, в результате чего я оказался раненным в ногу. Вместе с ним солдаты забрали у меня тридцать семь тысяч злотых. Через определенное время я был отвезен военными в больницу.

На этом протокол окончен и после прочтения мною подписан.

Лейсер Натан

Допросил

Липец Леонард

С подлинным верно

Мош Вл.

ЦА ФСБ России. Ф. 149. Оп. 1. Д. 53. Л. 290–290об.

Заверенная машинописная копия на типографском бланке

№ 14. Рапорт работника отдела «А» М. Щечка от 5 июля 1946 г.

5 июля 1946 г.

гор. Кельцы

4 июля во время инцидента на ул. Планты я заметил около 11 часов как командир взвода 4-го полка ударил еврейку автоматом и забрал у нее доллары в золоте. Приметы: ниже среднего роста, волосы темно-белые, плотный, глаза голубые, одет в мундир из сукна, на голове была пилотка, на груди имел крест и медаль «За Варшаву», а также советскую медаль.

Марьян Щечка

ЦА ФСБ России. Ф. 149. Оп. 1. Д. 53. Л. 291.

Машинописная копия

№ 15. Рапорт работника Отдела «А» С. Изыдорски от 5 июля 1946 г.

5 июля 1946 г.

гор. Кельцы

4 июля во время инцидента на ул. Планты я заметил, как один подпоручик из второй дивизии со стадиона забрал у одной еврейки доллары, которые были спрятаны у нее на груди в завязанной коробочке. Эта еврейка была избита по голове и туловищу. Когда подпоручик забрал у нее доллары, то она очень кричала, чтобы он их ей возвратил, т. к. это была память о семье. Подпоручик спрятал доллары в карман и сказал, что после окончания инцидента он их ей отдаст. Фамилия этого подпоручика не установлена. Рост средний, лицо смуглое, возраст около 28 лет, одет в мундир из сукна и офицерские ботинки. Фамилия еврейки также не установлена, рост средний, светлая блондинка, возраст около 30 лет. Она была сильно избита, и ее забрали в больницу.

Стефан Изыдорски

ЦА ФСБ России. Ф. 149. Оп. 1. Д. 53. Л. 292.

Машинописная копия

№ 16. Протокол допроса свидетеля С. Пшеждзецки от 5 июля 1946 г.

5 июля 1946 г.

гор. Кельце

Следственный офицер Министерства общественной безопасности в Варшаве подпоручик Гутовски Хенрык допросил нижеуказанного в качестве свидетеля.

Свидетель предупрежден об уголовной ответственности по ст. 140 за дачу ложных показаний.

Пшеждзецки Стефан показал:

1. Фамилия, имя, имя отца	Пшеждзецки Стефан, с[ын] Станислава
2. Год рождения	2 января 1907 г.
3. Место рождения	Кельцы
4. Профессия	рабочий
5. Воинское звание и функция	рядовой
6. Образование	7 классов общей школы
7. Национальность	поляк
8. Семейное положение	женатый
9. Служба в армии	5 пспв в Пшемышлю
10. Судимость	с его слов не судим
11. Адрес	Кельцы, ул. Сенкевича, 46
12. Отношение к обвиняемому	

Вопрос: Присутствовал ли свидетель во время антиеврейского инцидента на ул. Планты 4 июля 1946 г.?

Ответ: На месте антиеврейского инцидента я оказался около 9 часов утра.

Вопрос: Прошу мне рассказать, что послужило поводом для этого инцидента или какой был источник?

Ответ: Находясь в толпе, я мог слышать, что инцидент был вызван версией того, что якобы в еврейской общине находятся польские дети.

Вопрос: Может ли свидетель рассказать о начале этого инцидента?

Ответ: Находясь на ул. Планты, где именно собиралась толпа людей, я заметил, как несколько сотрудников следственного отдела ГМ из комендатуры гор. Кельцы вели маленького мальчика, который должен был быть тем мальчиком, которому удалось убежать от евреев.

Я хочу отметить, что когда милиция вела этого мальчика, то вокруг них собиралась толпа, в основном женщины, которые в присутствии милиции призывали идти к еврейской общине, чтобы там расправиться с евреями.

Я подчеркиваю, что определенная часть милиционеров подстрекала толпу против евреев. Идя одновременно с толпой и избивая евреев, милиционеры получили аплодисменты толпы, что их еще больше вдохновило для совершения подобных поступков.

Вопрос: Может ли свидетель вспомнить, кто из сотрудников ГМ подстрекал толпу и убивал евреев?

Ответ: Я воочию был свидетелем, как милиционер бил автоматом еврейку по голове, которую впоследствии, тяжело раненую, отвезли в больницу (фамилию этого милиционера я не знаю).

Таких случаев было больше, когда приехало армейское подразделение. Военные вместе с милицией выводили евреев из блока, отдавая их в руки толпы, которая зверским способом, при помощи киев, камней убивала евреев. Часто были случаи убийства или тяжелых избиений евреев самими милиционерами или представителями армии, которые отдавали полумертвые жертвы толпе.

Вопрос: Действовали ли представители армии и ГМ по чьему-либо приказу или делали это самовольно?

Ответ: Я могу утверждать, что на площади, где происходил инцидент, находилось достаточно много офицеров, которые не контролировали ситуацию. Исключением из всех командиров являлся капитан Беднарз, который частично овладел ситуацией, но и то ненадолго.

Вопрос: Какое было дальнейшее развитие инцидента?

Ответ: После ухода капитана Беднарза военные вместе с милицией, подстрекаемые толпой, вместе с толпой снова бросились к зданию и, выведя несколько евреев, убили их.

Вопрос: Принимали ли участие офицеры польской армии и ГМ в убийстве евреев?

Ответ: Я не мог отличить их в этой толпе.

Вопрос: Что может свидетель сказать дополнительно к вышеизложенным показаниям?

Ответ: Я хотел бы отметить, как истинный польский патриот и демократ, что причиной для возникновения к указанному инциденту было руководство ГМ и следственного отдела гор. Кельцы, которые

целенаправленно проводили агитацию среди людей, отправляя мальчика из поста ГМ в еврейскую общину и назад, афишируя при этом перед толпой мнимые убийства польских детей.

Я категорически утверждаю, что перед приходом мальчика из ГМ на место инцидента уже была подготовлена толпа, которая громко призывала к убийству евреев. Все это свидетельствует об организованной акции со стороны ГМ, а также местной реакции, сотрудничавшей со следственным отделом гор. Кельцы. Особого внимания заслушивают начальник и заместитель следственного отдела ГМ гор. Кельцы.

Вопрос: Что Вам известно о них?

Ответ: Заместитель начальника следственного отдела в Кельцах гр. Сендек является бывшим эн-деком, и как перед войной, так и в настоящее время, сложившееся мнение о нем свидетельствует о его враждебном отношении к существующему строю.

Вопрос: Чем свидетель может подтвердить свои подозрения?

Ответ: Как келецкий демократ, я утверждаю, что, находясь все время в Кельцах до 1939 г., я хорошо знал Сендека, а также его семью, которая была известна антиеврейскими выступлениями. О его поведении в дальнейшем, после освобождения Польши, я не могу сказать ничего конкретного.

Данные об инциденте были получены мною в результате наблюдения за его развитием воочию.

Как свидетель этого инцидента воочию я подтверждаю все сказанное своей подписью.

Пшеждзецки Стефан

Допросил:

Гутовски

ЦА ФСБ России. Ф. 149. Оп. 1. Д. 53. Л. 293–293об. Машинописная копия

№ 17. Объяснение инструктора Воеводского комитета Гутовски о свидетельствах Пшеждзецкого от 5 июля 1946 г.

5 июля 1946 г.

Вышеуказанный свидетель является сотрудником ПРП как инструктор Воеводского комитета. Данные, полученные от свидетеля Пшеждзецкого, являются неполными, т. к. ряд данных он обязался представить в ближайшие дни. Эти данные касаются лиц, скомпрометировавших себя в антиеврейском инциденте, которые занимают высокие должности в следственном отделе ГМ в Кельцах.

Командированный МОБ

подпоручик Гутовски

ЦА ФСБ России. Ф. 149. Оп. 1. Д. 53. Л. 294. Машинописная копия

№ 18. Протокол допроса свидетеля Я. Рокицки от 5 июля 1946 г.

5 июля 1946 г.

гор. Кельцы

Следственный офицер Министерства общественной безопасности в Варшаве Юрковский Ян допросил нижеуказанного в качестве свидетеля.

Свидетель предупрежден об уголовной ответственности по ст. 140 за дачу ложных показаний.

Рокицки Ян показал:

1. Фамилия, имя, имя отца	Рокицки Ян
2. Год рождения	1922 г.
3. Место рождения	Уйне гм. Шчерно, район Кельцы
4. Профессия	сотрудник Управления общественной безопасности в Кельцах
5. Воинское звание и функция	сержант-референт в УБ
6. Образование	4 класса общественной школы
7. Национальность	поляк
8. Семейное положение	холост

9. Служба в армии	УБ
10. Судимость	не судим
11. Адрес	Районное управление общественной безопасности в Кельцах
12. Отношение к обвиняемому	служебное

Вопрос: Что гражданин может показать по вопросу антиеврейского инцидента, который имел место в Кельцах 4 июля 1946 г.?

Ответ: 4 июля 1946 г. около 10 часов утра я направился в Еврейский комитет в Кельцах в целях ликвидации антисемитского инцидента. Около 12 часов я обеспечивал безопасность входа в Еврейский комитет, и в это время прибыла достаточно большая группа польских солдат, которые по приказу майора (коменданта гарнизона в Кельцах) окружили дом, в котором размещался комитет, и более десяти человек вошли вовнутрь, чтобы осмотреть дом. Солдаты, осматривающие дом, искали якобы убитых польских детей. В это время толпа людей, которая стояла перед домом, начала теснить солдат, которые обеспечивали безопасность входа в комитет, а также подстрекали солдат, как против безопасности, так и против еврейского правительства и т. д. Тогда этот майор (комендант гарнизона) отдал приказ стрелять вверх для устрашения. Солдаты, вместо того чтобы стрелять вверх, т. е. для устрашения, начали стрелять по евреям. Группа солдат, которая была внутри, услышав выстрелы, начала стрелять по евреям. А один из солдат перед зданием на глазах у всех людей убил одного из евреев штыком. Увидев это, люди бросились вовнутрь дома (избивая), где начали вытаскивать евреев и бить их. Солдаты, которые находились внутри дома, выпихивали евреев наружу, отдавая их в руки людей из толпы.

Оставшиеся перед домом солдаты вторглись внутрь здания, где забаррикадировавшиеся на этаже евреи старались защитить себя. Солдаты пытались разбить двери. Когда в результате разрушения дверей было убито два солдата, тогда те оставили в покое евреев, и толпа частично стала вести тише.

Через определенное время приехали сотрудники УБ и забрали оставшихся евреев.

Соответствие вышеуказанного подтверждаю после прочтения собственноручной подписью.

Ракицки

Допросил

Юрковский

С подлинным верно

Мощ Вл.

ЦА ФСБ России. Ф. 149. Оп. 1. Д. 53. Л. 295–295об.

Заверенная машинописная копия на типографском бланке

№ 19. Рапорт А. Шотта и В. Вожняка в районное управление общественной безопасности в Кельцах об инциденте в Кельцах от 5 июля 1946 г.

5 июля 1946 г.

гор. Кельце

Начальнику Районного управления общественной безопасности в Кельцах

Рапорт

Об инциденте 4 июля 1946 г., который произошел в Кельцах на ул. Планты, в доме и на площади Еврейского комитета.

Утром 4 июля 1946 г. в 10 час. 30 мин. мы обратили внимание на толпы гражданских лиц, стоящих на углу ул. Сенкевича и Планты. Мы заинтересовались этим и пошли туда, чтобы посмотреть и узнать, что же случилось. Когда мы пришли на площадь, то увидели, что блок был окружен ГМ, и люди из толпы кричали, что евреи убили 12 малолетних детей. В то время милиция провела мальчика в возрасте 9 лет, и ему говорилось, чтобы он показал это схоронение, в котором он содержался. Однако мальчик ничего конкретного не мог сказать. В то же время гражданские люди вместе с представителями армии и военной жандармерии начали кричать и ломать ворота, громить окна и двери здания, и через некоторое время они вторглись вовнутрь здания и начали акцию террора. Сначала мы встретили трех евреев в квартире на 1-м этаже на левой стороне. В данной квартире ничего не оказалось из домашнего имущества. Военные вместе с гражданскими людьми все выбросили оттуда и начали убивать на месте. Представители

армии и ГМ применяли оружие, стреляли снизу вверх и после захвата какого-нибудь еврея или еврейки выводили их на площадь из дома, отдавая их в руки гражданских лиц, а они били евреев камнями, досками и вообще чем попало. Позднее подходили представители армии и стреляли евреев на площади в присутствии гражданских людей. На 1-м этаже проживал дворник-поляк, который оказался очень жестоко побит гражданскими людьми, а потом был отвезен в больницу на ул. Александра. Часть представителей армии вторглись на второй этаж, и начали стрелять в здании, и сказали, что евреи применили оружие против них. Когда мы находились в квартире на 1-м этаже при избиении евреев, нам не удалось установить конкретно людей, которые принимали активное участие в терроре. Когда мы осмотрелись, то увидели шесть гражданских лиц и трех военных с автоматами ППШ и КБК. В квартире было темно, так как окошко было забито. Когда люди, стоящие на площади, слышали крики в квартире, то вырвали половину окна. В это время нам удалось рассмотреть виновников террора евреев. Они возмутились и сказали, что мы являемся еврейскими прислужниками. Мы вынуждены были покинуть квартиру по причине того, что нас узнали, что мы были из УБ, и мы ушли в управление.

Шотт, Вожняк

С подлинным верно

Мощ Вл.

ЦА ФСБ России. Ф. 149. Оп. 1. Д. 53. Л. 296. Заверенная машинописная копия

№ 20. Рапорт сотрудника Районного управления общественной безопасности в Кельцах Х. Рыбака об антиеврейском инциденте (из собственных наблюдений) от 5 июля 1946 г.

Начальнику Районного управления
общественной безопасности в Кельцах
Рапорт

Перед полуднем я получил приказ убить в район расположения еврейской общины в Кельцах на ул. Планты, где уже происходила антиеврейская демонстрация. После прибытия на место, где уже была толпа людей, я слышал, особенно со стороны женщины, стоящей рядом с домом, черной, среднего роста (которую я видел впоследствии задержанной ВУОБ), что было убито 11 детей, одному ребенку удалось сбежать. Эта женщина подстрекала толпу словами: «Бить евреев, у нас еврейско-прусское правительство, а польского нет, долой еврейскую безопасность» и т. п. выражения.

Через некоторое время на место прибыла военная жандармерия во главе с майором. Майор (высокий, худой, немного сутулый) пошел в направлении ворот, которые толпа старалась выломать. Там он старался объяснить людям, что это провокация и нет никаких убитых детей. Через несколько минут он приказал идти с ним нескольким лицам, желая показать им воочию обстановку внутри дома. После ухода майора от ворот толпа эти ворота выломала и вторглась вовнутрь двора. В то же время жандармерия по прибытии к дому, после ухода майора к воротам, направилась к дверям, которые стерегли несколько человек из УБ.

Подойдя к двери, один из жандармов ударил еврея, что вызвало бурю аплодисментов и выкрики: «Да здравствует наша армия!» Через некоторое время, еще до выламывания ворот, прибыла группа солдат, но были ли они из воеводской школы ГМ или из подразделения КБВ, этого я не знаю. Эти солдаты остановились и присматривались, ничего не делая, и с усмешкой смотрели на сломанные ворота. Толпа продолжала кричать: «Да здравствует наша армия», а отдельные в толпе выкрикивали: «Наша армия поможет нам бить евреев, потому что безопасность является еврейской» и т. п. В это время прибыло еще одно подразделение польской армии, и тогда охрану из рук УБ приняли прибывшие во главе с майором. Толпа требовала выдачи евреев в руки гражданских.

По истечении более длительного времени, уже после полудня или в полдень, один из офицеров дал указание захватить дом. Он сделал несколько выстрелов, которые уже половину толпы разогнали. Но когда толпа увидела, что выстрелы производятся в направлении дома, она начала одобрять действие военных. В это время из дома вышел какой-то гражданский с простреленной рукой и стал кричать, что его подстрелили евреи. Тогда солдаты уже при большом количестве выстрелов и очередей из автоматов ворвались в дом, избивая и выталкивая евреев на площадь перед домом.

Гражданские, видя, что делают солдаты, начали зверским способом истязать и издеваться над безоружными. Среди солдат стали распускаться слухи, что погиб один из солдат от еврейских рук. На это они ответили избиением безоружных, вытаскиваемых из подвалов евреев прикладами карабинов. Я видел несколько карабинов, поломанных или с треснувшими прикладами. Толпа вторглась в дом и вытащила из схронений евреев и евреек, которых потом вытолкнули наружу, и толпа их добивала. При избиении выделялся мужчина, который имел велосипед с регистрационным номером «Кельцы-1899». В это время я отошел за одним задержанным в управление и оттуда возвратился уже после прибытия более крупных подразделений, которые начали постепенно наводить порядок.

Я отмечаю, что милиция из Комиссариата ГМ на ул. Сенкевича вела себя очень плохо. Они ходили среди гражданских в толпе и говорили: «Поляки, не надо бояться». Один из солдат кричал, что видел 4 трупов детей в известняке, а милиционер, стоявший у дверей дома, кричал: «Убили польских детей, мы с вами расправимся». В это самое время вооруженная ГМ окружила дом и никого не выпускала, толпа отошла и начала угрожать руками в сторону дома, выкрикивая: «Вы убили наших детей, мы вас всех перебьем»...

Референт III отдела

Х. Рыбак

С подлинным верно

Мош Вл.

ЦА ФСБ России. Ф. 149. Оп. 1. Д. 53. Л. 297. Заверенная машинописная копия

¹ Речь идет о референдуме правительства народной Польши, в ходе которого польским гражданам было предложено ответить на три вопроса: 1) согласны ли вы с ликвидацией Сената; 2) согласны ли вы с экономической программой, предложенной правительством (национализация крупной промышленности с сохранением частной инициативы в городе и деревне); 3) согласны ли вы с новыми государственными границами на Балтике и Одере. В результате референдума большинство граждан по всем трем вопросам ответили утвердительно. См. также: Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е. История Польши. С. 456.

² Вольность и Неподлежность («Свобода и независимость», сокр. — ВиН; полное название — Движение сопротивления без войн и диверсий) — конспиративная организация, созданная для пропагандистской деятельности осенью 1945 г. Про существовала до 1952 г. Первый командующий — полковник Я. Жепецкий.

³ Народовые силы збройне (сокр. — НСЗ, Народные вооруженные силы) — в годы 2-й мировой войны польская подпольная военная организация Обуз Народове Радикальны (сокр. — ОНР, Национально-радикальный лагерь), отколовшейся в 1928–1929 гг. от Стронництво Народове. В начале 1944 г. часть отрядов НСЗ влились в Армию крайову (АК). В конце 1944–1945 гг. военные отряды Стронництво Народове — Народова Организация Войскова (НОВ, Национальная военная организация) и отряды НСЗ в составе АК именовались «Народове Зъєднчене Войскове» (НЗВ, Национальное военное объединение). Кроме того, существовали отряды НСЗ, которые не вошли в АК и действовали самостоятельно. Эти отряды принадлежали ОНР, которые выросли из рядов «Звионзек Яшчурчи» (Объединение ящериц).

⁴ Санация (польск. — оздоровление) — политический режим, действовавший после майского переворота 1926 г., совершенного Ю. Пилсудским.

⁵ Андерс, Владислав (1892–1970) — польский политический и военный деятель; генерал брони (1954). Участник 1-й и 2-й мировых войн. За время военных действий на фронтах 1-й мировой войны в составе русской армии был трижды ранен, получил звание штаб-ротмистра и награжден орденом Св. Георгия за атаку в Пинских болотах против немцев. В 1918 г. переехал в Польшу и вступил в польскую армию; служил в комиссии по организации кавалерии в Варшаве и в частях польского корпуса Ю. Довбор-Мусьницкого, впоследствии был близок к окружению маршала Э. Рыдз-Смиглы. В начале 1919 г. в Познани организовал 15-й уланский полк, с которым в середине 1919 г. сражался против немцев. С конца 1919 по июль 1920 г. принимал участие в боевых действиях против Красной Армии под Минском. В 1921–1924 гг. учился в Военной академии (Париж, Франция). В 1924–1926 гг. проходил службу 1-м офицером при Генеральном инспекторе кавалерии Польской армии. Во время переворота в мае 1926 г. выступил на стороне Сейма и в столкновении с войсками Ю. Пилсудского вновь получил ранение. В 1926–1919 гг. — командир кавалерийской бригады. В декабре 1934 г. получил звание генерала бригады. В 1939–1941 гг. был интернирован в СССР. После подписания советско-польского соглашения в 1941 г. командовал Польской армией, созданной в СССР. В 1942 г. увел армию на Ближний Восток. В 1942–1943 гг. — командующий Польской армией на Востоке. В 1943–1945 гг. — командующий II Польским корпусом. После войны поселился в Лондоне. Решением Совета министров Временного правительства РП от 26 сентября 1946 г. лишен польского гражданства. С 8 ноября 1946 по 1954 гг. Верховный главнокомандующий и Генеральный инспектор польских Вооруженных сил; генерал брони. В 1947–1970 гг. председатель Главной комиссии Национального казначейства. С 1953 г. председатель Совета Польской колыбели Школьной. С 1954 г. член «Совета трех». Скончался 12 мая 1970 г. в Лондоне, похоронен на польском военном кладбище в Монте-Кассино.

⁶ Андерсовцы — бывшие военнослужащие II Польского корпуса, которым в годы Второй мировой войны командовал В. Андерс. Корпус воевал на стороне союзников по Антигитлеровской коалиции; участвовал в боевых действиях на Ближнем Востоке и в Италии.

⁷ Армия Крайова (АК, Национальная армия) — военная организация, подчинявшаяся польскому эмигрантскому правительству в Лондоне. Создана на основе подпольной организации Союз Вооруженной Борьбы (СВБ) в феврале 1942 г. В военно-административном плане компетенция АК распространялась на три обшара (территории) — белостокский, львовский и западный (в 1944 г. был создан четвертый обшар — варшавский). Обшары делились на округа, в целом совпадавшие

с территорией воеводств. Округа, в свою очередь, включали обводы (территории поветов), а обводы состояли из пляцуков (отделений, постов).

⁸ Польско Стронництво Людове (ПСЛ) — создана в 1931 г. Крестьянская партия демократической ориентации. Идеологом и основателем партии был В. Витос. Выступала за проведение аграрной реформы в пользу крестьянства. В годы войны носила название СЛ-Рох и была одной из ведущих партий «подпольного государства» и эмигрантского польского правительства. Весной 1945 г. партия вышла из подполья и признала решения по польскому вопросу, принятые главами великих держав в Ялте. Члены довоенного Стронництво Людове и СЛ-Рох включились в легальную борьбу за власть в рамках партии, созданной летом 1945 г. Ст. Миколайчиком как оппозиционная польским коммунистам политическая партия. Борьба ПСЛ за власть завершилась в январе 1947 г., когда были объявлены официальные итоги выборов в Сейм. Согласно им ПСЛ потерпела поражение. В октябре 1949 г. ПСЛ волилась в Объединенную крестьянскую партию. В годы войны СЛ имела свою подпольную организацию — «Батальоны Хлопске».

⁹ Польская рабочая партия (сокр. ППР) — основана 5 января 1942 г. в Варшаве на подпольном собрании представителей действовавших до того по отдельности коммунистических групп. Имела свою боевую организацию «Гвардию людову», позднее переименованную в «Армию Людову».

¹⁰ Стронництво демократичне (сокр. СД) — создана в октябре 1939 г. в результате объединения довоенных Клубов демократичных. Социальная база — мелкие производители и некоторые круги прогрессивной интеллигенции. СД не была единой организацией: часть членов ориентировалось на эмигрантское правительство, и была представлена в «Раде Едности Народовой» (РЕН) в 1944 г. как «Зъєднчене демократичне». Часть же деятелей СД объединились сначала в группу «Польска организация демократична», которая установило контакты с ППР и «Крайовой Радой Народовой» (КРН). В 1944 г. приступило к легальной деятельности как СД.

Книга одиннадцатая

КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ И ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Коллаборационизм и предательство во Второй мировой войне. Власов и власовщина

Материалы международного круглого стола,
состоявшегося 12 ноября 2009 года в РИСИ

Обращения к участникам круглого стола

Решетников Леонид Петрович, кандидат исторических наук, директор Российского института стратегических исследований.

Уважаемые коллеги!

Российский институт стратегических исследований рад приветствовать участников круглого стола «Коллаборационизм и предательство во Второй мировой войне. Власов и власовщина». В ходе его подготовки нам не раз задавали вопрос: почему вдруг возникла необходимость обсуждать эту тему? Причём он звучал не столько со стороны историков, сколько со стороны журналистов. На это у меня имеется встречный вопрос: а почему вдруг накануне 65-летия Победы над фашизмом у нас в печати стали появляться публицистические статьи на эту тему? И даже книги. Например, увидела свет книга бывшего мэра Москвы Г.Х. Попова, были изданы проповеди отца Георгия Митрофанова, где генерал Власов преподносится не как предатель Родины, а как национальный герой. Почему появилось заявление Священного синода Русской православной церкви за рубежом с оправданием поступка Власова?

Всё это не случайно. Накануне 65-летия Победы кое-кто пытается умалить вклад нашей страны в победу над фашизмом, её роль в достижении Победы. Сначала за рубежом начались дискуссии по поводу пакта Риббентропа-Молотова. Сейчас, когда споры вроде бы поутихли, началась шумиха вокруг имени генерала Власова, хотя ни в одной стране Антигитлеровской коалиции не пересматривается отношение, например, к Квислингу, Тиссо, Петэну, Недичу — да и не счесть было в Европе своих «власовых». Тем не менее ни в одной другой стране, кроме нашей, этого не происходит.

Один из моих недавних собеседников, министр культуры Российской Федерации Александр Алексеевич Авдеев, когда узнал о теме круглого стола, сказал: «Стыдно, что в нашей стране пытаются героизировать коллаборациониста».

Вот потому-то наш институт при поддержке Комиссии при Президенте РФ по противодействию фальсификации истории в ущерб интересам России поставил эту тему на обсуждение. Мы думаем, что с приближением 9 Мая попытки реанимировать этот вопрос будут предприниматься неоднократно. Поэтому мы решили, по возможности, собрать самых авторитетных специалистов, прежде всего историков разных направлений, чтобы без эмоций, без митинговых страстей ещё раз обсудить этот вопрос, ещё раз расставить акценты, ещё раз посмотреть источники и архивные материалы. По итогам нашей встречи мы подготовим сборник выступлений, который в преддверии 65-летия Победы должен сыграть свою роль и представить обоснованную позицию российской исторической науки.

Сирош Игорь Иванович, кандидат юридических наук, помощник руководителя Администрации Президента РФ, заместитель председателя Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России.

Уважаемые дамы и господа!

Уважаемые товарищи!

Ваш круглый стол собрался, чтобы обсудить одну из острых тем развития исторической науки на нынешнем этапе: феномен коллаборационизма и предательства во Второй мировой войне.

Острота этого вопроса обусловлена тем, что менее чем через 5 месяцев весь мир будет отмечать юбилейную дату — 65 лет Победы над гитлеровской Германией. В мае 1945 г. Красная Армия и союзные англо-американские войска завершили разгром немецкого вермахта и окончательно освободили народы Европы от самого кровавого в истории человеческой цивилизации режима — германского фашизма.

Отмечать эту дату, вне всякого сомнения, будут во всех странах очень широко, но в последнее время в процессе подготовки к этому юбилею активизировались попытки некоторых историков и церковных деятелей убедить общественное мнение в том, что в ходе Второй мировой войны с гитлеровской Германией боролись не только силы антигитлеровской коалиции во главе с СССР, который в ходе боёв разгромил 80% германской армии, но и некая «третья сила». Кое-кто даже пытается вбросить в общественную дискуссию тезис о том, что наряду с Великой Отечественной войной шла якобы ещё и некая «другая война», которую, «как выясняется», и вела эта самая «третья сила», под которую как раз и пытаются подверстать предателей и коллаборационистов.

Не было, конечно, никакой «другой» войны. Была Великая Отечественная война, и победу в ней одержал наш народ. И никаких ни двух, ни трёх мнений по этому вопросу быть не может. Потому-то президент нашей страны Д. А. Медведев в своём выступлении 30 октября 2009 г. ещё раз призвал профессиональных историков уделять больше внимания борьбе с фальсификацией нашей истории и противодействовать попыткам пересмотра результатов Великой Отечественной войны.

Нисколько не сомневаюсь, что в такой, вне всякого сомнения, авторитетной аудитории, которая присутствует здесь, эти вопросы будут проанализированы объективно, глубоко и всесторонне.

Желаю успехов в вашей работе.

Письменное обращение председателя Общества потомков офицеров Императорской гвардии во Франции, князя **Трубецкого Александра Александровича**.

Русская эмиграция во Франции и в западных странах Европы в основном молча переживала вторжение врага в страну Отечества. Молча потому, что они жили в оккупированных странах. Были отдельные участники Сопротивления, такие как священник о. Николай (Оболенский) и его замученная фашистами матушка. Были те, кто воевал там, где это было возможно, о чём свидетельствуют их памятники

и могилы на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа. Князь Амилахвари стал, например, героем битвы под Аламейном.

Белые офицеры в основном не поддерживали генералов Краснова и Шкуро, даже если потом переживали за их горькую судьбу, как и за судьбу тех, кто выбрал неправильный путь, что часто происходило благодаря сильной немецкой пропаганде. Они заплатили за это дорогой ценой, достаточно вспомнить судьбу казаков в Лиенце, которых просто обманули, убедив, что они будут бороться за восстановление своих казачьих станиц в основном на Кубани, и заставили воевать в Югославии против коммунистов. Не нам их судить.

Но совсем иначе относились у нас к измене генерала Власова. В нашей среде говорили именно об измене, так как иначе нельзя назвать поступок человека, которому поручена армия, чтобы защищать Родину (при каком бы режиме она ни жила), а он перешёл на сторону врага. Причём человек этот, вероятно, давал присягу Советской Армии, как и наши отцы давали присягу императорской, а затем Добровольческой армиям.

Именно в этом духе оценивался поступок генерала Власова в эмигрантской общине, в офицерских кружках, в РОВСе и др.

Расскажу о моём отце, офицере императорской гвардии и Добровольческой армии. В день вступления Германии на территорию России он вернулся с работы взволнованный, радостный и заявил: «Теперь я знаю, что Германия проиграет войну» (это подсказывал ему опыт офицера, воевавшего в Первую мировую, опыт русского солдата).

Во время оккупации Франции отец работал на железной дороге и имел контакты с немцами. Он знал немецкий язык. Однажды немецкий офицер предложил ему вступить в армию для «участия в возобновлении гражданской войны». Отец отклонил это предложение, ответив, что можно воевать за родину (как в Первую мировую, на которую он пошёл добровольцем, закончив ускоренные офицерские курсы, бросив Московский государственный университет, где он изучал право) или воевать за убеждения (как в Гражданскую), но недопустимо воевать на стороне страны, которая напала на Родину. Надо отдать должное справедливости немецкого офицера, который ответил, что на месте отца он, вероятно, ответил бы так же.

Надеюсь, что это свидетельство принесёт пользу при обсуждении темы предательства на вашей конференции и будет способствовать справедливой трактовке нашей истории.

Часть I

Анатомия коллаборационизма и предательства во Второй мировой войне: искажение исторической действительности

**Решетников Леонид Петрович, кандидат исторических наук,
директор Российского института стратегических исследований**

**Любовь к Родине оказалась сильнее классовой ненависти
(к вопросу о позиции белой эмиграции во время
Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.)**

За последние десятилетия среди российской общественности, в публицистике и, в определённой степени, в исторических исследованиях сложилось мнение, что подавляющее большинство белых эмигрантов после нападения фашистской Германии на Советский Союз оказались в стане Гитлера. Когда говорят о противниках такого выбора, то указывают лишь на отдельных «инакомыслящих» (А. Деникина, И. Бунина, С. Рахманинова и др.) да на некоторых участников движения Сопротивления во Франции. Данный подход сформировался благодаря многолетнему влиянию советской пропаганды, как правило, избегавшей серьёзного анализа такого явления, как эмиграция. После 1991 г. в пылу развенчания коммунистического прошлого нашей страны, возвращения незаслуженно забытых имён и событий большое внимание стало уделяться тем эмигрантам и организациям, которые последовательно вели активную борьбу со «сталинским режимом». А ведь именно из этой среды вышли те, кто в той или иной степени сотрудничал с фашистами в войне против СССР.

Вместе с тем ряд исследований российских и зарубежных авторов, анализ архивных документов и воспоминаний позволяют с уверенностью опровергнуть тезис о том, что русская белая эмиграция чуть ли не вся поддержала Гитлера.

Вопрос о выборе между СССР и Германией начал обсуждаться в эмигрантской среде с середины 1930-х гг., после прихода Гитлера к власти, когда стало крепнуть ощущение надвигающейся войны. Характерна в этом смысле дискуссия, возникшая в 1936 году на страницах русской зарубежной прессы между военным историком А. Кернсовским и генерал-майором М. Скородумовым. Говоря о проблеме участия белых офицеров в вооружённых конфликтах в различных странах, Кернсовский восклицал: «Когда наконец мы поймём, что иностранные националисты — будь то испанские белогвардейцы, французские «огненные кресты», немецкие наци и итальянские фашисты — такие же враги для нас, русских эмигрантов, и нашей Родины, как и преследуемые ими коммунисты?» На это генерал отвечал: «Пускай сперва подохнут

все большевики, а потом при первом же случае мы поговорим и всё припомним иностранцам...»

Надежды генерала Скородурова использовать (!) Германию для освобождения России от гнёта большевизма выглядели по меньшей мере наивно. Выдающийся русский философ И. А. Ильин в письме крупному русскому писателю И. С. Шмелёву 10 октября 1938 г. писал: «Я покинул страну моего прежнего пребывания [Германию. — *Прим. авт.*] совсем... Больше не вернусь. Там такой нажим на русских честных патриотов! Там терпят только предателей и своих агентов». Скородумов, находясь во власти идеи беспощадной борьбы с большевиками как врагами России, не смог или не захотел понять то, что понял И. Ильин. В результате в сентябре 1941 г. организатор только что созданного на оккупированной фашистами территории Югославии Русского охранного корпуса (РОК) генерал-майор Скородумов за «вольные речи» о возрождении национальной России был отстранён немцами от командования и арестован гестапо. После нескольких недель, проведённых в тюрьме, он до середины 1944 г. зарабатывал себе на пропитание сапожным ремеслом в Белграде. Только когда поражение Германии стало неизбежным, немцы отказались от своих претензий к генералу, и тот записался рядовым в Русский охранный корпус, чтобы разделить судьбу тех, кого он привёл под чужие знамёна. Ведь в 1941 г. определённая часть военной эмиграции, прежде всего в Югославии и Болгарии, разделяла иллюзии Скородурова.

Большинство эмигрантов все годы между двумя мировыми войнами жили с мыслью, что им ещё придётся с оружием в руках бороться с большевиками. Понимая, что самим с советской властью им не справиться, и помня, как англичане и французы предали Белое движение в годы Гражданской войны, эмиграция строила планы в расчёте на «возрождающуюся» после Версаля Германию. При этом, как вспоминал один из эмигрантов, «мало кто вдавался в «подробности» и пытался разобраться в сущности гитлеризма и его реальных устремлениях».

Предупреждения идейного вдохновителя Русского общевойскового союза (РОВС) И. Ильина из-за его бегства из Германии, запрета швейцарских властей

заниматься политической деятельностью и начала Второй мировой войны доходили эпизодически и далеко не до всех. Многие в РОВС даже не знали о том, что нацисты преследовали Ильина за «христианскую» точку зрения, отказ от участия в подготовке похода на Россию и антисемитских выступлениях, за решительный отказ поддержать идею независимости Украины» (из письма И. Шмелёву, 1938 г.).

Недооценка опасности немецкого фашизма в результате непонимания его глубинной сути, разочарование, утрата многолетних надежд на то, что западные демократии помогут белым в борьбе с большевизмом, подтолкнули на первых порах к сотрудничеству с гитлеровской Германией и таких русских патриотов, как жёсткий «имперец» И. Л. Солоневич. Он почти два года сотрудничал с пропагандистским аппаратом Геббельса и лишь в июле 1941 г., насмотревшись на фашизм в действии и убедившись, что Гитлер не только не собирается освобождать Россию от коммунизма, но готовит её фактическое уничтожение, заговорил о бессмысленности прямого участия русских эмигрантов в походе немцев на восток. В результате — одномесячная «профилактика в гестапо» и ссылка в деревню в Померании до конца войны.

В одной из своих статей 1945 г. И. Ильин восклицал: «Я никогда не мог понять, как русские люди могли сочувствовать национал-социалистам... Они враги России, презиравшие русских людей последним презрением... Коммунизм в России был для них только предлогом, чтобы оправдать перед другими народами и перед историей свою жажду завоевания. Германский империализм прикрывался антикоммунизмом... Боже мой! Чему тут можно сочувствовать? Как можно подобное одобрять или участвовать?»

Но часть эмиграции, хотя и меньшая, всё же сочувствовала. Ещё раз хотелось бы подчеркнуть, что нельзя забывать: это были изгнанники, горячо любившие свою Родину и ненавидевшие поработителей России — большевиков. Эта ненависть мешала разграничить интересы Отечества и интересы политического режима, понять, что в 1941 г. речь шла не о судьбе советской власти, а о судьбе России. Конечно, линия Сталина в предвоенные годы, сместившая акценты в пропаганде с советского, социалистического патриотизма на общерусский, была эмиграцией замечена и думающей её частью осмысливалась. Ещё в декабре 1939 г. в отчёте Дирекции полиции болгарского города Шумена указывалось, что в среде русских эмигрантов «всё более укрепляется убеждение, что СССР национализировался и его режим ощутимо двинулся вправо, перестав быть большевистским».

Нападение Германии на Советский Союз, призыв Сталина к защите Родины, а не только социализма, объявление начавшейся войны войной Отечественной способствовали тому, что, как отмечается в документах службы безопасности марионеточного профашистского режима в Сербии, «среди русских

усилились настроения в пользу Советов». А в отчёте руководства болгарской полиции подчёркивается, что «те из эмигрантов, кто ещё вчера были самыми большими противниками коммунизма... сегодня стали самыми заклятыми врагами Германии и в глубине души молят Бога за успех русского оружия». Вместе с тем результаты первых месяцев боёв (Красная Армия стремительно отступала, солдаты и офицеры десятками тысяч без серьёзного сопротивления сдавались в плен, население оккупированных территорий в немалой своей части чуть ли не приветствовало немцев) мешали закрепиться вышеуказанным настроениям, давали аргументы тем, кто утверждал, что Германия несёт освобождение русскому народу.

Сколько же эмигрантов и их взрослых детей пошли в формируемые гитлеровцами «русские части»? Анализ разрозненных данных позволяет с определённой долей уверенности говорить, что речь идёт примерно о 30% способных носить оружие эмигрантов в возрасте от 18 до 60 лет, проживавших в оккупированных немцами или союзных им странах.

Одним из наиболее массовых формирований был Русский охранный корпус, созданный к 12 сентября 1941 г. на территории Югославии. Успех мобилизации эмигрантов в РОК объяснялся прежде всего надеждой, подогреваемой его организатором генералом Скородумовым, что корпус двинется в освободительный поход и станет основой будущей русской национальной армии. Свою роль сыграло и увольнение марионеточным режимом генерала Недича всех русских эмигрантов с государственной службы.

В некоторых исследованиях и в мемуарах корпусников утверждается, что через РОК прошло свыше 16 тыс. белых эмигрантов. Скорее всего, эта цифра завышена за счёт добровольцев из Молдавии, Буковины и советских военнопленных. По-видимому, можно говорить о 12–13 тыс. человек. До сентября 1944 г., т. е. в течение трёх лет, корпус нёс в основном сторожевую службу, охраняя железные и автомобильные дороги, склады и т. п., освобождая немецкие войска для боёв на Восточном фронте. Столкновения с партизанами Тито хотя и носили ожесточённый характер, но, как правило, были кратковременными и не масштабными. За три года РОК потерял 282 человека убитыми и 494 ранеными. Значительно больше было дезертиров (468) и уволенных по болезни и рапортам (1870). Сведений о массовых эпидемиях в корпусе в этот период нет. Очевидно, многие из указанных категорий корпусников переосмыслили происходящее и под различными предлогами или совсем без них покинули РОК. Ведь настроения, которые всё более охватывали русскую эмиграцию, не могли обойти и служивших в корпусе. О существовании таких настроений говорится в докладе директора варненской областной полиции за февраль 1943 г.: «После Сталинграда русские во вверенной мне области всё более начинают отождествлять большевистские войска с русской армией».

К сентябрю 1944 г., т. е. к моменту выхода Советской армии к границам Югославии, число не желающих воевать на стороне немцев значительно возросло. За шесть месяцев из РОК дезертировали 480 человек, уволены по болезни и рапортам 1587, пропали без вести 2002 (это при 734 убитых и 2478 раненых). Если на 12 сентября 1944 г. в корпусе состояло 11197 человек, то на 12 мая 1945 г., т. е. к моменту капитуляции страны, осталось около 4500 человек. Все эти данные опровергают утверждения, что те, кто решился на сотрудничество с немцами, были якобы совершенно уверены в правоте своего выбора. Это неправда, многие сомневались и уходили из РОК. В большинстве своём это были офицеры царской и белой армий, известные деятели эмиграции (князь Д. Мещерский, П. Павчинский, С. Чернорубашкин и др.). Многие из них вернулись домой в освобождённые Советской армией Югославию и Болгарию, полагая, что ни в чём не провинились перед родиной, так как не участвовали в боях с советскими войсками.

Другая заметная группа эмигрантов (из казачества) находилась в составе так называемого «Казачьего стана», сформированного Красновым и Шкуро под контролем немцев. Часть из них побывали на Восточном фронте, однако в 1943 г. «Казачий стан» в полном составе был переброшен в Италию для несения охранной службы. Гитлер не хотел, чтобы русские части воевали на советско-германском фронте под лозунгом освобождения России от господства большевизма. У него в отношении нашей страны были совсем другие планы: речь шла не об освобождении, а об уничтожении России как самостоятельного государства. Поэтому и Русскому охранному корпусу, и «Казачьему стану» отводилась роль обыкновенных пособников немецких фашистов на оккупированных территориях европейских стран, несмотря на по меньшей мере наивное желание эмигрантов, находясь на немецкой стороне, быть полезными Родине.

«Многие наивные русские эмигранты, — писал И. Ильин, — ждали от Гитлера быстрого разгрома коммунистов и освобождения России. Они рассуждали так: враг моего врага — мой естественный единомышленник и союзник. На самом же деле враг моего врага может быть моим беспощадным врагом. Поэтому трезвые русские патриоты не должны были делать себе иллюзий».

Иллюзии эмигрантов, ставших на путь сотрудничества с Гитлером, во многом объяснимы. В большинстве случаев это были офицеры-службисты, выпускники кадетских корпусов, станичники. Для них слово отцов-командиров значило очень много. А те — генералы Краснов, Шкуро, Абрамов, Вдовенко и другие — за долгие годы эмиграции «заигрались» в политику, запутались в связях с иностранными спецслужбами, в своих собственных амбициях и подтолкнули часть эмиграции к ошибочному шагу.

Основная часть эмигрантов, способных носить оружие, заняли позицию неучастия в войне (при-

мерно 60%). Как подчёркивал И. Ильин, «есть общее правило международной политики: когда два врага моей родины начинают борьбу друг с другом, то мне следует расценивать эту борьбу не с точки зрения международного права, или справедливости, или сентиментальных настроений, но с точки зрения интереса моей родины и экономии её сил. В таких случаях показывается нейтралитет».

Безусловно, такая позиция означала отказ от поддержки воюющих сторон какими-либо действиями, но симпатии выражались по нарастающей только в отношении одной из них — Советского Союза. Как отмечалось в отчёте Дирекции полиции Болгарии за август 1943 г., это объяснялось во многом тем, что «эмигранты помнили о своём русском происхождении, русские радуются победам Красной армии даже тогда, когда боятся большевизма».

Не записываться в Русский охранный корпус, не участвовать в прямых действиях, направленных против Советского Союза, призывал и видный деятель Русской православной зарубежной церкви, глава русских церковных приходов в Болгарии, человек подвижнической жизни архиепископ Серафим (Соболев). Многих прихожан удержал он от шагов, уводивших на путь коллаборационизма, пособничества врагам России. Эмигранты, не согласившиеся сотрудничать с немцами, в той или иной степени были, конечно, противниками советской власти, но в то же время и истинными патриотами своей Родины. Они проявили интерес к генералу Власову, к его «воззванию» от 6 февраля 1943 г. записываться в Русскую освободительную армию (РОА), чтобы свергнуть диктатуру Сталина. Однако активная работа немцев и их пособников в этом направлении результатов практически не дала — в Сербии, по оценке марионеточных властей, «отклик был очень слабый», в Болгарии призыву Власова «поддались лишь единицы». Болгарская Дирекция полиции сделала вывод, что эмигранты «не смогли понять сущности власовского движения». Говоря другими словами, они не верили в идейный антибольшевизм Власова, в его возможности быть хотя бы автономным от гитлеровцев.

Небольшая часть эмиграции (1–1,5%) с началом Великой Отечественной войны включилась в движение Сопротивления на стороне коммунистов. Это были прежде всего дети белых эмигрантов, выросшие в Югославии, Болгарии, Франции и других странах, попавшие под влияние левых идей. Но были среди них и идейные противники коммунистической идеи, вступавшие в коммунистические партизанские отряды в Югославии, Франции, подпольные организации в Болгарии, исходя из сугубо патриотических и антифашистских убеждений. К тому же коммунисты в оккупированной гитлеровцами Европе были наиболее боевой и массовой частью движения Сопротивления. Не менее 100 человек из числа белых эмигрантов работали в странах Восточной Европы на советскую разведку (минимум столько же — на разведки стран

Антигитлеровской коалиции), около 500 сражались в партизанских отрядах и подпольных группах в Югославии, Франции, Болгарии, Чехословакии, Бельгии, Италии. Отпрыск знаменитого аристократического рода, известный в последующем учёный-филолог Илья Голенищев-Кутузов воевал в партизанском отряде И. Тито, прошёл через гестапо и концентрационный лагерь.

В исторических исследованиях совсем незначительное внимание уделяется тем, кто принимал участие в борьбе с фашизмом в армиях Франции, Великобритании, США или в Сопротивлении некоммунистического толка. А это заметная группа эмигрантов и их взрослых детей — до 10% лиц призывного возраста. Только во французской армии сражались около 3000 человек. В боях в Северной Африке и Нормандии погибли свыше 250 эмигрантов. Есаул Войска Донского, замечательный поэт русского зарубежья Николай Туроверов, четырежды раненный на фронтах Гражданской войны, в годы Второй мировой был капитаном французской армии. Он героически сражался в Северной Африке, был тяжело ранен, награждён боевым французским орденом. Активным участником голлистского движения Сопротивления в Париже

стал командир 9-й Донской бригады генерал-майор Фёдор Марков, потерявший во время исхода Белой армии из России жену и четырёхлетнего сына. Таких примеров немало.

В целом русская эмиграция в годы Великой Отечественной войны сделала нравственный выбор. Нельзя было ожидать, что вся она, как один, вольётся в ряды коммунистического Сопротивления и с оружием в руках встанет на защиту Советского Союза. Слишком много крови и несчастий принесла им советская власть, слишком тяжелы были воспоминания о Гражданской войне, потере родных и близких, отчего дома, жизнь в изгнании. Но эмиграция в большинстве своём сумела увидеть в агрессии Гитлера против СССР не борьбу фашизма с ненавистным ей коммунистическим режимом, а войну на уничтожение горячо любимой Родины. Как писал И. Ильин: «Гитлер пытался бороться и с коммунистами, и с русским народом». Большинство это поняли и не пошли за фашистской Германией. Лишь меньшая часть эмиграции приняла её, говоря словами Ильина, за «друга и культурного освободителя» и «жестоко за это поплатилась. Это была русская трагедия, выросшая из революции и политической слепоты».

¹ Архив Југоспа ВНЈН. Рат и промене у животу руса у Београду. Документа. 2008.

² Бялата емиграция в България. София : ИК Гуттенберг, 2001.

³ Белоемиграци ау Југоспа ВНЈН. 1918–1941. Београд : ИСИ, 2008.

⁴ Волков С. В. Русская военная эмиграция. М.: Русский путь, 2008.

⁵ Ильин И. А. Наши задачи. М.: МП «Рарог», 1992. Т. 1.

⁶ Ильин И. А. Переписка двух Иванов. 1935–1946. Собр. соч. М. : Русская книга, 2000.

⁷ Йованович М. Русская эмиграция на Балканах. 1920–1940. М. : Русский путь, 2005.

⁸ Кёсева Ц. Болгария и русская эмиграция. 1920–1950 гг. М. : Русский путь, 2008.

⁹ О कोरोков А. Русские добровольцы. М.: Яуза, 2007.

¹⁰ Решетников Л. П. Русский Лемнос. М. : Изд-во Новоспасского монастыря, 2009.

¹¹ Русский Белград. М.: МГУ, 2008.

¹² Русский корпус на Балканах во время 2-й Великой войны. 1941–1945. Нью-Йорк: Наши вести, 1963.

Кузнецовский Владимир Дмитриевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник РИСИ

Почему фальсифицируется история Второй мировой?

История попыток «исправить» результаты Второй мировой войны, чтобы приуменьшить вклад Красной армии в победу над гитлеровским фашизмом, насчитывает немало лет. Так, уже в конце 1960-х гг. прошлого века кто-то «спустил курок», и в западных средствах массовой информации начала разворачиваться кампания пересмотра Потсдамских соглашений. В частности, западные газеты заговорили о необходимости пересмотра границ по Одеру-Нейсе.

Однако тогда эта кампания натолкнулась на жёсткий отпор не только со стороны Москвы, но и со стороны Ватикана, поскольку речь зашла о за-

падных границах Польши. Папа римский Пий XXII занял тогда бескомпромиссную позицию в вопросе о неприкосновенности западных границ Польской Народной Республики. Эту атаку со стороны Запада удалось отбить, а затем последовала встреча в Хельсинки, завершившаяся подписанием Заключительного акта о безопасности и сотрудничестве в Европе, в котором говорилось о «вечном» закреплении послевоенных границ на континенте.

В новейшее время мировая общественность столкнулась с очередной попыткой пересмотра итогов Второй мировой войны. Суть её заключается

в стремлении доказать народам стран — участниц Антигитлеровской коалиции (да, впрочем, и народу нынешней ФРГ тоже), что во Второй мировой войне не в борьбе за мировое господство схлестнулись-де в схватке два диктаторских режима — Гитлера и Сталина, а противостояла им некая «третья сила», которая выступала якобы за демократическое развитие национальных обществ. В эту «третью силу» инициаторы кампании по пересмотру итогов Второй мировой войны пытаются включить коллаборационистов и национальных предателей, активизировавшихся в Европе в 1938–1945 гг.

Инициатива эта возникла за рубежом, но поддержку нашла и в России. Нашлись и у нас люди, которые запели в один голос с неопитами Евросоюза, выступившими в Парламентской ассамблее Совета Европы с предложением объявить фашистский режим гитлеровской Германии и Советский Союз одинаково ответственными за развязывание Второй мировой войны. В поддержку этой идеи в России появились публикации, подвергающие сомнению даже сам характер Великой Отечественной войны как войны справедливой, ставкой в которой была независимость нашей Родины.

К этой дискуссии подключились даже маститые отечественные писатели. Так, известный в советское время Даниил Гранин пришёл вдруг к выводу, что не следовало Красной Армии в 1944 г. переходить государственную границу СССР. Надо было, считает он, остановиться на нашей границе: «Немец был уже сломен. Почему же мы не дали народам самим решать свою судьбу?» А не дали, как пишет Д. Гранин, потому, что советские руководители военного времени страдали проявлением «имперского», советского, «сталинского» мышления. «Михаил Кутузов, — пишет он, — хотел остановить Отечественную войну 1812 г. на том, чтобы изгнать Наполеона за пределы Отечества. Возможно, это и было дальновидностью великого полководца».

Не знаешь, как и реагировать на такой пассаж. У маститого советского писателя, участника Великой Отечественной войны вроде бы напрочь отбило память, и он не помнит, что когда 1 августа 1944 г. эмигрантское правительство Польши отдало из Лондона приказ поднять в Варшаве восстание против германцев, чтобы не пустить Красную армию в столицу, то «сломенный немец» утопил варшавян в крови. И это при том, что повстанцы по численности вдвое превосходили «уже сломенного немца» (повстанцев насчитывалось 40 тыс. человек, а численность немецкого гарнизона не превышала 20 тыс.). Командование Армии Крайовой, по чьему приказу и началось Варшавское восстание, 2 октября 1944 г. капитулировало перед немцами. В ходе восстания погибло более 200 тыс. поляков, а Варшава была полностью разрушена.

Можно привести и ещё один пример. 5 мая 1945 г., уже после взятия Берлина Красной Армией, восстание против немецко-фашистских оккупантов

подняли жители Праги. Но и это восстание «уже сложенный немец», пользуясь терминологией писателя Д. Гранина, тоже утопил в крови. И хотя в этот момент в столице на стороне восставших воевали совершенно запутавшиеся в своих политических ориентациях власовцы, это нисколько не помешало немцам методично уничтожать противника. Ночью 6 мая отчаявшиеся повстанцы по пражскому радио обратились к союзным войскам с просьбой спасти людей и город от уничтожения. По приказу Сталина войска маршала И. Конева, совершив марш-бросок почти от самого Берлина, ворвались в столицу Чехословакии и спасли и жизни пражан, и город от разрушения. Так что каким образом оккупированные европейские страны смогли бы «сами решить свою судьбу», если бы Красная Армия не вошла с боями в Европу и не добила фашистов в Берлине, — это, по-видимому, известно только писателю Д. Гранину.

Но Гранин не сам придумал этот пассаж — «маститые отечественные историки» помогли. С лёгкой руки ректора Московского историко-архивного института, преобразованного потом в Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), доктора исторических наук Юрия Афанасьева (бывшего заведующего отделом органа ЦК КПСС журнала «Коммунист») в российской публицистике давно уже «гуляет» тезис, созвучный гранинскому. Красная Армия, как считает Ю. Афанасьев, подойдя в 1944 г. в боях с немецко-фашистскими захватчиками к государственной границе СССР, должна была «встать на этих рубежах, а не продолжать свой поход в Европу», так как после пересечения границы СССР Великая Отечественная война якобы перестала носить освободительный характер, а сразу же превратилась в «захватническую».

В 1996 г. РГГУ под редакцией Ю. Афанасьева даже издал на средства Фонда Форда тиражом в 5 тыс. экземпляров 500-страничный том под названием «Другая война». Во введении к нему Ю. Афанасьев высказал мысль, что пришло время «переосмыслить войну 1939–1945 гг. как события, в значительной мере сформировавшего XX в., подумать иначе и преодолеть традиционные советские представления о роли СССР в мире на протяжении всей его истории с 1917 года». «Ведь с началом похода в Европу в 1944 г., — пишет историк, — цели, а с ними и характер войны, очевидно, снова существенно изменились, и с этого момента её вряд ли можно именовать народной, освободительной. Всё это вынуждает переосмыслить роль Советского Союза в мировой истории XX в.». В свете этого, как считает «маститый отечественный историк», у нас «остаётся мало действительных поводов для празднования победы». Лукавит, конечно, Ю. Афанасьев: не было в эти годы никакой «другой войны». Была одна война — Великая Отечественная, и была Победа. И была заплачена за эту Победу немислимо высокая цена.

Казалось бы, всё здесь давно уже ясно и спорить-то не о чем: история давно уже расставила окончательные акценты в этих событиях. Однако выясняется, что всё — да не всё.

Вот, например, польские официальные лица словно забыли, что в 1945 г. Красная Армия ценой жизни 600 тыс. советских солдат освободила их страну от фашистской оккупации и открыла глазам всего мира нацистские лагеря смерти на её территории — Освенцим, Майданек, Собибор, Трешлинка и др. Сегодня они публично выражают сожаление, что «не те» солдаты их освободили. Надо бы, конечно, чтобы газовые печи, сжигавшие людей на территории Польши, остановили свою адскую работу, но вот сделать это должен бы кто-то другой, не Красная армия. На вопрос «Кто?» поляки не отвечают, но имеются в виду, конечно, армии западных союзников СССР.

Поляки словно бы не понимают, что если бы не советские солдаты, то их как нации, скорее всего, просто не осталось бы в Европе, так как ни английская, ни американская армии разгромить фашистский вермахт были не в состоянии. Да нет, всё они понимают и ничего не забыли. Но тогда почему появляются утверждения, что роль Красной армии в разгроме германского фашизма была весьма скромной? Почему в речах польских официальных лиц и в прессе западноевропейских стран из всех сил умаляется роль Красной армии и непомерно превозносятся успехи англо-американских войск?

Да только ли поляки стремятся исказить, а по сути-то — фальсифицировать, историю всей Второй мировой войны? Хватает таких утверждений и в российской прессе. Вот заместитель главного редактора газеты «Время новостей» Семён Новопрудский пишет, что во время Великой Отечественной войны «защита власти и защита Родины — принципиально разные вещи». Да, советский народ победил в той войне, но только власть, по его мнению, «тут совершенно ни при чём». Более того, «защита преступной власти — вовсе не патриотизм и не уважение к истории. Это ошибка, часто граничащая с преступлением.

Получается, что в Великой Отечественной войне солдатам, с оружием в руках сражавшимся с гитлеровским вермахтом, следовало ежечасно и ежеминутно оценивать, в каких случаях они защищают свою Родину, свои семьи, родных и близких, многим из которых Гитлер уготовил печи Освенцима, а в каких случаях — советскую власть. Здесь что-то, по-моему, с логикой не всё в порядке.

Вопрос, почему в европейских странах постоянно муссируется недоверие к России, не так прост, как может показаться на первый взгляд.

Посмотрите на карту Европы — десятки стран ютятся на небольших клочках земли от побережья Атлантического океана до границ Белоруссии и Украины, постепенно прижимаясь к огромной территории под названием Россия, распростёршейся на

двух континентах — европейском и азиатском. Впечатление такое, что все эти небольшие по территории государства тесно прижаты к жёсткой платформе, абсолютно не поддающейся эффекту сжатия.

А ведь у них там, в Европе, хватает и своих собственных проблем. Та же Германия постоянно испытывает дискомфорт от недостаточного, как ей кажется, жизненного пространства и потому постоянно стремится расшириться на восток (лозунг «*Drang nach Osten*» веками присутствовал в политике немецких княжеств). А на востоке лежала Польша. Постоянно уступая немецкому давлению, она всегда стремилась избежать его и сместиться от этого давления опять-таки на восток, в сторону России, которая этому расширению никогда не позволяла стать реальностью. Конечно, тот факт, что Польша расположена между двумя такими активными самодостаточными нациями, как немцы и русские, — это объективная геополитическая реальность. Вот веками и делят между собою Германия и Россия польское геополитическое пространство. А Господь к тому же наградил поляков сверхамбициозным характером, который постоянно толкает их на расширение своего географического ареала то на север, в Литву, то в сторону востока.

По отношению друг к другу небольшие европейские государства живут, как в коммунальной квартире: хоть и не нравится жить рядом, но выхода иного нет и не предвидится. А вот рядом с огромной Россией, как часто они сами признаются, существовать жутковато: даже если она просто глубоко вздохнёт — в Европе заборы валяются.

Может в такой ситуации возникнуть доверие между Европой и Россией? Сложный вопрос. Приведу одну аналогию совсем из другой сферы.

Я по первой своей профессии — геологоразведчик. Заканчивал геолого-разведочный техникум в 1950-е гг. и водил поисковые отряды по сибирской и дальневосточной тайге. И вот однажды на Камчатке мне довелось наблюдать такую ситуацию.

Ездовых собак там с наступлением зимы, да и в межсезонье, кормят сушёной солёной рыбой — юколой. Каюр раздал всей упряжке рыбу, каждая собака схватила свою долю и, отбежав в сторону, начала есть. Но умный вожак догадался, что юколу можно вымочить в протекавшем неподалёку ручье, и она не только станет менее солёной, но и более мягкой. Он схватил свою рыбку, бросил её в ручей и стал ждать, когда она вымокнет. Другие собаки это увидели (а вожак — он потому и вожак, что умнее других) и начали в точности копировать его действия. И что интересно, каждая стремилась бросить свою рыбку в воду как можно ближе к вожаку. И вот сидят они друг возле друга и скалятся: ни один пёс не доверяет другому, и каждый охраняет собственную рыбку.

Ту собачью компанию на Камчатке напоминают мне европейские страны: никто никому не доверяет, но все вынуждены терпеть присутствие соседа.

Но это — собаки, члены одной упряжки. А если бы рядом с ними у ручья уселся медведь, который в несколько раз больше и сильнее любой из них?

Так вот, Россия для всех европейских стран — тот же медведь, которого до ужаса все боятся, не доверяют, и потому постоянно стремятся на любой основе объединиться, чтобы сообща ограничить его силу и мощь.

Мы в России должны понимать природу этого извечного недоверия к себе.

Где же выход? Может ли что-нибудь измениться в этом плане?

Думаю, что кардинально ничего измениться не может. И через 50 лет будет всё то же самое. И даже если Третья мировая война в Европе начнётся, то и в этом случае Польша, к примеру, всё равно останется лежать между двумя жерновами — Германией и Россией, и эти две страны рано или поздно по старой традиции в какой-то момент могут вновь начать делить между собой надменных ляхов и прибалтийских лимитрофов.

И сколько бы ни пыталась Москва установить нормальные доверительные отношения с Европой, фактор недоверия, похоже, всегда будет иметь место. Оно, это недоверие к нашей стране, складывалось веками. Показательным примером в этом плане служит инициатива России по формированию международного механизма энергетической безопасности.

Когда в 2004 г. ФРГ уступила Москве свою очередь на проведение заседания стран «Большой восьмёрки», президент В. Путин выдвинул идею обсудить в 2006 г. на саммите в Санкт-Петербурге перспективы создания международной системы энергетической безопасности для упорядочения снабжения европейских стран энергоносителями. В осуществление этой идеи Россия готова была пойти на беспрецедентные уступки европейским потребителям российского природного газа.

Европейцы на ура восприняли саму идею, но истолковали её весьма своеобразно. Евросоюз предложил Москве подписать разработанную в Брюсселе Европейскую энергетическую хартию и Протокол о трубопроводах к ней. Согласно этим документам Евросоюз получал право приобретать в собственность часть российских нефтяных и газовых месторождений, а также нефте- и газопроводов. Но Москва при этом симметричного права приобретать активы европейских нефте- и газовых компаний не получала.

Требование Москвы предоставить ей равные условия Брюссель категорически отказался даже рассматривать. Западноевропейские средства массовой информации оказали очень жёсткое давление на российское правительство, требуя ратификации хартии российским парламентом. В Москву зачастили с визитами председатель Еврокомиссии Ж.-М. Баррозу. В результате Россия была вынуждена отказаться от идеи создания системы энергетической безопасности из-за попыток Евросоюза толковать её в явно дис-

криминационном ключе и не стала ратифицировать ни хартию, ни протокол к ней. Итогом такой европейской политики стал газовый кризис 2007–2009 гг.

Нечто подобное происходит в Европе и в ходе подготовки к празднованию 65-летия Победы над гитлеровской Германией. Основная причина — возникшее в последнее время у европейцев стремление пересмотреть итоги Второй мировой войны в сторону умаления роли СССР в разгроме гитлеровской Германии. Им, похоже, хочется убедить себя и весь остальной мир, что не Россия (СССР) сыграла решающую роль в разгроме гитлеризма. Если вслед за ними Гранину и Афанасьеву удастся убедить российское общественное мнение в том, что и Великая Отечественная война с определённого момента стала носить не освободительный, а «захватнический» характер, то можно ведь будет и компенсационный счёт России предъявить. Да, собственно, это уже и делается: историки прибалтийских государств даже называют конкретные суммы в долларах, которые наша страна им «должна» за так называемую «оккупацию» их территорий. А если при этом общественное мнение ещё и согласится с тем, что с немцами воевала не только Красная армия, но и некая «третья сила» в лице власовцев, то и совсем хорошо.

Поэтому нельзя молчать, когда публично пытаются фальсифицировать нашу историю, доказывая, что главными героями Великой Отечественной были не советский солдат и офицер, а отщепенцы вроде генерала Власова. А нас ведь именно в этом и пытаются убедить. Чего стоит, например, заявление Синода Русской православной церкви за рубежом от 9 сентября 2009 г., в котором генерал Власов объявлен чуть ли не национальным героем, действовавшим в период Великой Отечественной войны? Или сборник проповедей протоиерея Георгия Митрофанова. Или книжка президента Международного (американского) университета в Москве Г. Х. Попова, который тоже называет А. Власова несостоявшимся национальным героем и предлагает поставить в Москве общий памятник ему и академику Сахарову.

Между тем, если уж говорить о подлинной истории Второй мировой — а для нас Великой Отечественной — войны, то начинать надо с самого простого — с констатации очевидного.

Есть события мирового значения, которые никто ни в мире, ни в Европе оспорить не может. Назову только два, но самых значимых.

Первое — 22 июня 1941 г. гитлеровская Германия внезапно и вероломно, нарушая все двусторонние договоры, соглашения и международные правила, напала на Советский Союз.

Второе — 2 мая 1945 г. войска Советской Армии штурмом взяли рейхстаг — сердце самого человеческого в истории цивилизации политического режима, а глава этого режима — Гитлер — 30 апреля покончил жизнь самоубийством.

Вот две опорные (реперные) точки истории, вокруг которых и следует выстраивать всю триангуляционную линию Второй мировой войны.

И ещё об одном хотелось бы сказать.

Нам не стоит обижаться на попытки фальсифицировать историю XX в. и историю России (СССР). Нужно попытаться понять этих людей, а поняв — выработать свою линию поведения.

К сожалению, наши западные оппоненты, а пуще всего наши бывшие союзники по Варшавскому договору (Польша, Чехия) и советские коллеги из стран Балтии и Украины объективного подхода к исследованию исторической действительности не демонстрируют. Акцент в их фальсификациях действительности делается на, казалось бы, беспристрастную карту — безудержную критику Сталина. Ничего не скажешь, мишень удобная. Если всё время говорить и писать только о преступлениях, совершённых Сталиным и под его руководством, то очень легко перекинуть мостик к внешней политике СССР как агрессивной державы и представить нашу страну в качестве основного виновника развязывания Второй мировой войны.

Но это-то и есть самая большая фальсификация истории. Преступления Сталина мы давно уже осудили и сами, и мало кто в России оправдывает его действия, повлекшие за собой многочисленные человеческие жертвы. На мой взгляд, исчерпывающую оценку этого периода дал 30 октября 2009 г. Президент РФ Д. А. Медведев, который сказал: «...Миллионы людей погибли в результате террора и ложных обвинений — миллионы. Были лишены всех прав. Даже права на достойное человеческое

погребение, а долгие годы их имена были просто вычеркнуты из истории. Но до сих пор можно слышать, что эти многочисленные жертвы были оправданы некими высшими государственными целями. Я убеждён, что никакое развитие страны, никакие её успехи, амбиции не могут достигаться ценой человеческого горя и потерь. Ничто не может ставиться выше ценности человеческой жизни. И репрессиям нет оправданий.

Мы много внимания уделяем борьбе с фальсификацией нашей истории. И почему-то зачастую считаем, что речь идёт только о недопустимости пересмотра результатов Великой Отечественной войны. Но не менее важно не допустить под видом восстановления исторической справедливости оправдания тех, кто уничтожал свой народ.

Правда и то, что преступления Сталина не могут умалить подвига народа, который одержал победу в Великой Отечественной войне. Сделал нашу страну могучей индустриальной державой. Поднял на мировой уровень нашу промышленность, науку, культуру.

Принять своё прошлое таким, какое оно есть, — в этом зрелость гражданской позиции».

Эта оценка опирается на опросы общественного мнения, которые год за годом показывают, что около 80% населения России считают, что преступления Сталина следует осудить. Но эти же опросы показывают и то, что люди не хотят, чтобы пресса бесконечно топталась только на этих трагических страницах нашей истории. Нельзя забывать, что в эти же годы и при том же руководстве страны, которое олицетворял тогда Сталин, были достигнуты те успехи, о которых сказал 30 октября президент РФ.

¹ Великая Отечественная война. 1941–1945 / Большая советская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1985.

² Другая война. 1939–1945 / под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. М.: РГГУ, 1996. Известия. 2009. 9 мая.

³ Новопрудский С. Великое отечественное заблуждение // Время новостей. 2009. 2 октября.

⁴ Митрофанов Г. Трагедия России. «Запретные» темы истории XX века. СПб., 2009.

⁵ Российская газета. 2009. 31 октября.

⁶ Попов Г. Х. Вызываю дух генерала Власова. М.: Международн. ун-т в Москве, 2008.

Отец Дмитрий (Смирнов), протоиерей, председатель Синодального отдела Московского патриархата по взаимодействию с Вооружёнными силами и правоохранительными органами

Долг как ответственность перед Богом

Дорогие друзья!

Когда я узнал об этой конференции, мне показалось, что повод для неё слишком незначителен, потому что генерал-лейтенант Андрей Власов уж слишком незаметная фигура на фоне той грандиозной исторической драмы, в которой ему пришлось поучаствовать.

Но с другой стороны — и это относится к такой дисциплине, как политика, — после недавнего соеди-

нения двух ветвей русского православия, которое произошло вопреки очень многим силам, старавшимся этого не допустить, было ожидаемо, что возникнет некое движение против, как некоторая реакция на этот процесс. Потому что, конечно, соединение Русской церкви — событие просто грандиозное: в мире, который всё время делится, вдруг, через океаны, соединяются две части Церкви, выявляется могучая сила любви, всё-таки всё преодолевающая, несмотря ни

на какие, даже серьёзные, противоречия. И очень печально, что фигурой для противодействия этому величественному событию избран Андрей Власов, что опять говорит о мелочности исторического сознания тех людей, которые пытаются даже не клин, а какую-то бритву вставить в некие незначительные щели.

Но раз уж это состоялось, чтобы до конца понять, почему это произошло, приходится углубляться в историю.

Общеизвестно, что в фундаменте каждой цивилизации всегда заложены некоторые религиозные истины, зачастую зафиксированные в текстах. И осмысление их народом и формирует то, что уже в дальнейшем именуется культурой, которая всегда основана на религиозных истинах и на культе, возникшем из этих истин. Понятно, что для русского народа эта основа — Евангелие, которое уже тысячу лет формирует наш народ. Хотя не так давно и возникла пауза почти на сто лет, но тем не менее при новой возможности для Церкви заниматься своим главным делом — проповедью Евангелия — русские люди в нём как в зеркале по-прежнему узнают самих себя. Уж, казалось бы, сейчас религия не так влияет на умы, как 200–500 лет тому назад, и тем не менее...

Позволю себе небольшое отступление. Нет такого русского, который не знает сказки под названием «Курочка Ряба». Известно, что после перевода на английский ни один англичанин не может понять, в чём её смысл. Для среднестатистического англичанина в этой сказке его нет. А у русского человека эта сказка каким-то образом формирует его сознание, потому что все русские знают этот текст и любят его. То, что для англичанина бессмысленно, для русского человека оказывается любимой вещью, знакомым с детства текстом.

Теперь о Евангелии. В Евангелии одно из главных событий — предательство Иуды. И то, что мы, русские, думаем о предательстве, имеет корни именно в евангельских текстах. Чтобы подробно на этом не останавливаться (я думаю, все мы знаем, как это происходило), хочу подчеркнуть генезис предательства, в чём он состоит.

Две вещи обычно формируют предательство: страх и корысть. И если мы будем изучать биографию генерал-лейтенанта Власова, то увидим, что эти хрестоматийные корни предательства целиком и полностью в ней присутствуют. Поэтому как бы ни пытались смягчить ситуацию, возникшую вокруг этого человека, мы никогда от этого не уйдём.

Если вернуться к апостолу Иуде, ведь он — и это совпадение удивительное — тоже был частью апостольской общины, как и генерал Власов был частью Красной армии. Иуда ходил с другими апостолами и исцелял больных, и воскрешал мёртвых, и проповедовал Евангелие (а Власов активно воевал против Гитлера). Но однажды он из ящика, который носил у себя на груди и куда люди опускали пожертвования, взял одну монетку. И с этого момента корысть в нём пересилила и любовь к своему Небесному Учителю, и ответственность перед всей апостольской общиной, что и привело в конце концов к тому, что он предал Учителя и покончил жизнь самоубийством.

С генералом Власовым произошло то же самое. В острый момент его жизни (я не историк, этим вопросом специально не занимался в силу того, что для меня эта фигура мало интересна, хотя, конечно, как все русские люди, люблю книги по истории, особенно про войну), когда у него был выбор, он, мне кажется, просто испугался того, что загубил армию. Ведь Иосиф Виссарионович Сталин, издав указ о том, что каждый сдавшийся в плен подлежит расстрелу, уничтожению как предатель, тем самым отрёкся от своих солдат (поэтому и его тоже можно рассматривать в некотором роде как предателя). И конечно, такого человека, можно сказать, робкого характера, как Власов, это понудило не воспользоваться самолётом, который ему предоставили, чтобы улететь в тыл, поскольку он знал, что там его может ждать смерть. Мы здесь наблюдаем не только страх, но и корысть: а почему бы не послужить немцам и с этого что-то себе ещё получить? Поэтому на мой не очень просвещённый взгляд, генерал-лейтенант Андрей Власов — типичный, архитипичный предатель.

Ковалёв Борис Николаевич, доктор исторических наук, профессор Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород)

Типология коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны

С точки зрения международного права военная оккупация — это временное занятие территории государства вооружёнными силами противника. Сам по себе факт оккупации не решает судьбы захваченных регионов — она определяется, как правило, мирным договором, заключённым по окончании войны.

Захватив в 1941–1942 гг. западные и юго-западные области РСФСР, нацистская Германия установила

здесь жестокий оккупационный режим. Северо-западные районы РСФСР находились под немецкой оккупацией более трёх лет. Так, Псков был захвачен вермахтом 9 июля 1941 г., а освобождён только 23 июля 1944 года.

Области Центральной России находились под властью нацистов на протяжении почти двух лет. Немцы вошли в Орёл 3 октября 1941 г. (освобождён Красной армией 5 августа 1943 г.), в Брянск — 6 октября 1941 г.

(освобождён 17 сентября 1943 г.), в Курск — 2 ноября 1941 г. (освобождён 8 февраля 1943 г.).

В ходе наступления на Москву германским вооружённым силам удалось захватить Калинин — крупный областной центр, который они удерживали с 14 октября по 16 декабря 1941 года.

На территории Крыма, входившего тогда в состав РСФСР, нацисты хозяйничали с ноября 1941 г. по май 1944 года.

Летом 1942 г. войска фашистской Германии и её союзников перешли в активное наступление на южном участке фронта. 24 июля ими был взят Ростов-на-Дону, 3 августа — Ворошиловск (Ставрополь), 12 августа — Краснодар. Эта территория была очищена от врага в январе-феврале 1943 года.

Для укрепления и поддержания оккупационного режима немецко-фашистские захватчики стремились привлечь «местные кадры». Участие советских граждан в войне на стороне нацистской Германии в СССР поначалу замалчивалось и отрицалось. Газета «Пролетарская правда» 19 июля 1941 г. писала: «При помощи угроз, шантажа и «пятой колонны», при помощи продажных холопов, готовых за тридцать серебряников предать свою нацию, Гитлер смог осуществить свои гнусные намерения в Болгарии, Хорватии, Словакии... Даже в Польше, в Югославии и Греции... внутренние противоречия между нациями и классами и многочисленные измены, как на фронте, так и в тылу, ослабили силу сопротивления оккупантам. Но грабительские козни Гитлера неминуемо будут разбиты в прах теперь, когда он вероломно напал на СССР, могучую страну, вооружённую... несокрушимой дружбой народов, непоколебимым морально-политическим единством народа...». Ей вторил известный писатель и публицист Илья Эренбург: «Эта война — не гражданская война. Это отечественная война. Это война за Россию. Нет ни одного русского против нас. Нет ни одного русского, который стоял бы за немцев».

В словаре иностранных слов понятие «коллаборационист» (*от фр. collaboration* — сотрудничество) объясняется как «изменник, предатель родины, лицо, сотрудничавшее с немецкими захватчиками в оккупированных ими странах в годы Второй мировой войны (1939–1945)». Но подобную трактовку этот термин стал приобретать уже в годы Первой мировой войны и употреблялся отдельно от слова «сотрудничество», обозначая только предательство и измену.

Можно согласиться с М. И. Семирягой, который в своём фундаментальном исследовании, посвящённом коллаборационизму в годы Второй мировой войны, писал, что никакая оккупационная армия не может обойтись без сотрудничества с властями и населением оккупированной страны. Без такого сотрудничества оккупационная система не может быть дееспособной. Она нуждается в переводчиках, в специалистах-администраторах, хозяйственниках, знатоках политического строя, местных обычаев и пр.

Комплекс взаимоотношений между ними и составлял сущность коллаборационизма. К числу активных коллаборационистов относились военнопленные и гражданские лица, вступившие в ряды германской армии, и полицейские формирования, а также советские граждане, работавшие на предприятиях и в учреждениях оккупационной администрации.

А. Даллин в своей фундаментальной работе о немецкой оккупационной политике в СССР в годы Второй мировой войны уже обратил внимание на основные противоречия, вытекающие из военных целей нацистской Германии и её руководства на востоке. С одной стороны, «завоевание жизненного пространства», а с другой — собственно методы достижения поставленных целей. Даллин, как и многие авторы, занимающиеся данной проблематикой, пришёл к выводу, что без хотя бы пассивной поддержки со стороны населения оккупированных районов СССР у немцев не было реальных перспектив надолго обеспечить господство на занятой территории и гарантировать стабильность собственного тыла.

В нашей стране людей, сотрудничавших в различных формах с нацистским оккупационным режимом, стали называть коллаборационистами лишь в последнее время. В советской исторической науке обычно использовались слова «предатель», «изменник Родины», «пособник». Однако на Западе (как, впрочем, и в бывших странах социалистического лагеря) лиц, сотрудничавших с нацистами в СССР, обычно называли именно коллаборационистами.

В советской юриспруденции того времени отсутствовало достаточно чёткое определение для деяний гитлеровских оккупантов и их пособников на территории Советского Союза как военных преступлений. К ним следственные и судебные органы, а также юристы отказались применять даже сам термин «преступление», а использовали для обозначения их действий понятия «зверство» и «злодеяние», гранью между которыми, очевидно, была степень общественной опасности и тяжести наступивших последствий.

Поскольку действия, обозначаемые такими терминами, выходили за рамки принятых в советском законодательстве определений деяний, преследуемых в уголовном порядке, необходимо было выработать правовые основы ответственности за их совершение. Так как злодеяния нацистов «носят характер организованной системы», как отмечал академик И. П. Трайнин, и даже при формальном сходстве их нелегко приравнять к преступлениям, предусмотренным национальными кодексами. Нарушение фашистами законов и обычаев войны он квалифицировал как «военный разбой политических бандитов», за который виновные подлежат суровому наказанию по тягчайшим уголовным нормам. Таким образом, признавалась необходимость особого регулирования их уголовной ответственности, поскольку действующее законодательство насущным требованиям не отвечало.

Преступления коллаборационистов под действие норм советского уголовного законодательства подпадали. По своему характеру они сразу же были отнесены к особо опасным государственным преступлениям. Такие дела появились в практике советских судебных органов уже в первые недели и месяцы войны.

Согласно приказу от 15 мая 1942 г. Генерального прокурора СССР «О квалификации преступлений лиц, перешедших на службу к немецко-фашистским оккупантам в районах, временно занятых врагом», советские граждане, перешедшие на службу к оккупантам, а также выполнявшие указания немецкой администрации по сбору продовольствия, фуража и вещей для германской армии; провокаторы, доносчики, уличённые в выдаче партизан, коммунистов, комсомольцев, советских работников и их семей; участвовавшие в деятельности немецких карательных органов, подлежали ответственности по ст. 58–1 «а» УК РСФСР.

Указом от 19 апреля 1943 г. подобные лица окончательно были причислены к субъектам ответственности за военные преступления: согласно ст. 1 указа за убийства и истязания гражданского населения они подлежали преследованию наравне с гитлеровцами. Статья 2 была целиком посвящена пособникам из представителей местного населения, уличённым в оказании содействия фашистским злодеям в совершении расправ и насилий над гражданским населением и пленными красноармейцами, и вводила для них кару в виде ссылки на каторжные работы сроком от 15 до 20 лет.

Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об образовании Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков...» (далее — ЧГК) от 2 ноября 1942 г. среди чудовищных преступлений, виновники которых подлежали уголовной и материальной ответственности во всей полноте, перечислял пытки, истязания и убийства мирных жителей; насильственный увод их в «иноземное рабство»; всеобщее ограбление городского и сельского населения; вывоз в Германию личного, колхозного и государственного имущества; разрушение памятников искусства и культуры; расхищение художественных и исторических ценностей; разрушение зданий и разворовывание религиозной утвари. При этом субъектами таких преступлений в этом Указе были названы преступное гитлеровское правительство, командование германской армии и их сообщники.

Лишь в инструкции ЧГК «О порядке установления и расследования злодеяний немецко-фашистских захватчиков» от 31 мая 1943 г. предусматривалась ответственность за военные преступления конкретных физических лиц из числа представителей германских вооружённых сил и оккупационной администрации. При этом должны были выявляться фамилии этих лиц, наименования воинских частей, учреждений

и организаций. Устанавливались также признаки, характеризующие конкретных соучастников военных преступлений в зависимости от их роли: организаторы, подстрекатели, исполнители и пособники.

Следует отметить, что меры уголовного преследования гитлеровских военных преступников и их пособников в Советском Союзе стали осуществляться лишь с середины 1944 года. Поскольку до того времени связанные с этим преследованием вопросы разрешались только в декларативной форме, то выполнение насущных задач в рассматриваемой сфере, как оказалось, могли осуществлять лишь представители карательных органов на местах, имевшие соответствующие властные полномочия. В сложившихся условиях местным руководителям органов борьбы с преступностью не оставалось ничего другого, как самим не только разрабатывать детали процесса расследования, но и квалифицировать в издаваемых служебных руководящих актах признаки деяний гитлеровских захватчиков как преступления.

В отличие от Нюрнбергского процесса, на котором, как известно, возобладало обоснованное мнение о том, что субъектами военных преступлений являются государство и его организации, на территории СССР в качестве военных преступников рассматривались только физические лица.

Через 10 лет после окончания Великой Отечественной войны, 17 сентября 1955 г., был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». Согласно этому документу амнистия применялась «...в отношении тех советских граждан, которые в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. по малодушию или несознательности оказались вовлечёнными в сотрудничество с оккупантами». Статья 4 данного указа гласила, что амнистия не применяется «к карателям, осуждённым за убийства и истязания советских граждан».

В большинстве случаев открытый переход на сторону врага был связан с неверием в победу Красной армии, объяснялся ненавистью к советской власти, мстью государству или конкретным людям за обиду, желанием хорошо и сытно жить в экстремальных условиях нацистской оккупации, сделать карьеру при новой власти (например, новгородским бургомистром стал историк Василий Пономарёв, репрессированный в начале 1930-х гг.). Но были и такие граждане, которые занимали определённое положение и при коммунистах. Так, городским головой города Феодосии стал бывший активный член ВКП(б) Грузинов. О работе этих людей заместитель бургомистра Смоленска Б. Д. Базилевский позднее писал: «В их деятельности было меньше всего заботы о населении и об облегчении ему гнетущих условий немецкой оккупации и больше всего заботы о себе со стороны членов городского и окружного управлений».

Но не любое сотрудничество с врагом можно квалифицировать как измену или предательство. Если бы это было так, то пособниками гитлеровцев могли считаться все народы оккупированных стран, в том числе и 80 миллионов наших сограждан. Кстати, последний тезис активно муссировался нацистской коллаборационистской прессой, особенно перед отступлением вермахта с той или иной территории.

Современным исследователям истории Второй мировой войны необходимо осознавать, что все эти люди, находившиеся под властью оккупантов, не могли вовсе не взаимодействовать или не сотрудничать с ними, хотя бы ради собственного выживания и сохранения жизни своих близких.

Степень вины людей, которые в той или иной форме сотрудничали с оккупантами, безусловно, была разной. Это признавали и руководители партизанского движения ещё в начальный период войны. Среди старост и прочих представителей «новой русской администрации» были люди, занявшие эти посты по принуждению, по просьбам своих односельчан и по заданию советских спецслужб.

При рассмотрении этой проблемы мы должны учитывать социально-политические и национальные истоки коллаборационизма, а также причины личного характера, приведшие отдельных граждан к сотрудничеству с оккупантами. В условиях оккупации перед миллионами наших сограждан встала проблема физического выживания. При этом нужно помнить, что в значительной степени речь идёт о стариках, женщинах и детях. Поэтому и природа коллаборационизма как явления не так проста и единообразна.

Формами сотрудничества с оккупантами могли быть различные виды военного, административного, идеологического, экономического, интеллектуального, духовного, национального, детского и полового коллаборационизма.

Причины, толкнувшие наших сограждан на сотрудничество с оккупантами, имели сложный и неоднозначный характер, были порождены разными обстоятельствами бытового, психологического и мировоззренческого порядка. Бесспорно, среди них имелась значительная прослойка антисоветски настроенных граждан, которые добросовестно и преданно служили оккупантам.

Коллаборационизм как явление был неоднороден. Люди, осознанно и добровольно перешедшие на сторону врага и с оружием в руках или, используя свой интеллект, воевавшие на стороне Германии против своего Отечества, не могут не рассматриваться как преступники. Однако вряд ли можно называть изменой или предательством в уголовно-правовом или даже нравственном смысле этого слова бытовую коллаборационизм, например размещение на постой солдат противника, оказание им каких-либо мелких услуг (штопка белья, стирка и пр.). Трудно обвинить

в чём-либо людей, которые под дулами вражеских автоматов занимались расчисткой, ремонтом и охраной железных и шоссейных дорог.

Особого внимания заслуживает судьба миллионов женщин и детей, оказавшихся тогда в экстремальных условиях войны и оккупации.

Гражданский коллаборационизм по большей части носил вынужденный характер, так как у мирных жителей, особенно в городах, не было другого способа добывать средства существования для родных и близких. Нет никаких оснований зачислять в изменники Родины всех военнопленных, так как большинство из них оказались в плену не по собственной воле (особенно в 1941 г.), а в силу не зависящих от них обстоятельств: ранение, окружение, потеря связи со своей частью и пр.

Немцы активно заигрывали с представителями национальных меньшинств, в значительной степени пострадавших от необоснованных репрессий конца 1930-х гг. Поэтому эстонцев, латышей и финнов они считали потенциально союзным населением. Особенно стояли *фольксдойч* — люди, имевшие немецкие корни. Расовая теория нацизма ставила их в привилегированное положение.

Особое место во взаимоотношениях населения и солдат оккупационной армии занимает проблема сожительства русских женщин с немцами. В ней присутствует всё: и случаи изнасилования, и стремление таким образом заработать на хлеб для себя и голодных детей, и даже настоящие романы в духе «Ромео и Джульетты». В 1941 г. все эти факты (кроме, конечно, случаев изнасилования) рассматривались советской стороной как преступления со стороны женщин. Но позднее за это к уголовной ответственности уже не привлекали. Речь могла идти только о морально-нравственной оценке их поведения.

Некоторые жители оккупированных территорий испытывали даже чувство благодарности к немцам и их союзникам за так называемое «освобождение от проклятого ига жидобольшевизма», которое возникло под влиянием масштабной немецкой пропаганды. Накануне Великой Отечественной войны пропагандистская машина фашистской Германии была одной из самых эффективных в мире. За два года боевых действий в Европе немецкие пропагандисты накопили богатый опыт работы не только с солдатами противника, но и с гражданским населением оккупированных территорий.

Как отмечали позднее участники партизанского движения, фашисты пытались убить в людях, жителях оккупированных районов, веру в возможность победы Красной армии, парализовать волю к борьбе с фашизмом, а также максимально привлечь их на свою сторону. Нацистские пропагандистские службы рассчитывали на то, что им легко удастся внести раскол в советское общество не только благодаря своим успехам на фронтах и умелой пропаганде, но и событиям предвоенных лет: насильственной кол-

лективизации, необоснованным массовым репрессиям, конфликту государства с Церковью.

Активность сотрудничества различных категорий граждан нашей страны с гитлеровцами во многом была связана с положением на фронтах Отечественной войны. Понятно, что после срыва *блицкрига*, после того как русское население убедилось в человеконенавистническом характере нацистского оккупационного режима и в условиях активизации сопротивления в тылу врага очень многие коллаборационисты пытались как-то искупить свою вину перед своими соотечественниками.

Большая заслуга участников партизанского движения и подпольщиков заключается в том, что они в ходе боевых действий отказались от жёсткого деления общества на «своих» и «чужих». Советское руководство отлично понимало, что лишь при консолидации всех сил возможна победа. У страны был один враг — иноземные захватчики, и их необходимо было уничтожить. Что же касается остальных, то с ними — рабочими, крестьянами, интеллигенцией, священнослужителями, а также с полицейскими, легионерами, власовцами — велась активная разъяснительная работа. Многие из оказавшихся на стороне врага раскаялись и присоединились к борьбе с захватчиками. Те же, кто оставался с нацистами до конца, полностью разделяют их ответственность за кровавые преступления против человечества.

Английский автор Д. Каров, утверждая, что почти всё население Советского Союза ненавидело советскую систему, Сталина и партию и что оно было «вынуждено драться в одном строю вместе со своим грабителем» против немцев, не прав. Обстановка в СССР в то время была гораздо сложнее и противоречивее, чем это ему представляется.

В последние годы изменился подход и к изучению истории Второй мировой войны. Историкам стали доступны закрытые до недавнего времени документы. Всё это позволило по-иному посмотреть на многие события 1939–1945 гг. Иногда они трактуются как столкновение двух тоталитарных систем: Советского Союза и Германии, которые изначально являлись агрессорами. Подобные утверждения ставят под сомнение отечественный характер войны со стороны СССР. Критика порядков, имевших место в годы культа личности Сталина, дополняется сегодня мыслью, что в годы Великой Отечественной войны наше общество оказалось, по сути своей, расколото на два лагеря: союзников фашизма (в лице полицейских, сотрудников «новой русской администрации», легионеров, власовцев, националистов и прочих коллаборационистов) и их противников. Некоторые авторы даже смогли найти в гитлеровской оккупации нашей страны положительные стороны. Так, протоиерей Георгий Митрофанов на страницах официального издания Русской православной церкви «Церковный вестник» в статье «Коллаборационизм

или духовное возрождение» утверждал, что нужно «...объективно оценить значение тех безусловно положительных проявлений религиозной жизни русского народа, которые стали возможными в период немецко-фашистской оккупации».

При рассмотрении вопроса, связанного с различными формами сотрудничества населения России с нацистским оккупационным режимом, исследователь сталкивается с проблемой достоверности имеющихся материалов по данной теме. За последние десятилетия по истории Великой Отечественной войны и, в частности, о положении на захваченной немцами территории, по партизанскому движению написаны сотни трудов. К ним относятся мемуары непосредственных участников событий, воспоминания партийных, советских и военных руководителей, диссертации, монографии и статьи учёных-историков.

К источниковедческой базе следует отнести периодическую печать времён войны, листовки, плакаты, воззвания как с советской, так и с противоположной стороны.

Особый интерес представляют документы, хранящиеся в государственных, ведомственных и личных архивах. Значительная их часть была рассекречена только в середине 90-х гг. XX века. К ним относятся распоряжения, приказы, сводки штабов партизанского движения, опросные листы Народного комиссариата внутренних дел (НКВД), чекистские донесения в Центр о положении на временно оккупированных врагом территориях, архивно-следственные дела и материалы, находящиеся в центральных и региональных архивах управлений Федеральной службы безопасности Российской Федерации.

Невозможно всесторонне исследовать ситуацию на оккупированных территориях без ознакомления с материалами различных немецких и коллаборационистских служб — с документами военных комендантов, городских и районных управ, полиции, образовательных учреждений, церквей, различных организаций, созданных гитлеровцами для более успешного проведения своей политики. К ним также относится переписка нацистов с различными коллаборационистскими структурами, методические разработки и планы работы различных фашистских пропагандистских школ, архивы коллаборационистских газет и журналов.

Достоверность источников во многом связана со временем их появления. В данном исследовании затрагиваются события, имевшие место на оккупированной территории РСФСР в 1941–1944 гг. На начальном этапе войны участники Сопротивления и представители спецслужб не всегда могли дать этим событиям объективную оценку. Такое положение можно объяснить, с одной стороны, их неопытностью и неготовностью к подпольной работе в условиях вражеской оккупации, а с другой — недооценкой пропагандистского потенциала противника. Часто советские агенты боялись посылать в Центр

информацию, которая могла не понравиться их руководству. Однако уже к 1942 г. эта порочная практика была преодолена.

Наибольший интерес представляют те документы советской стороны, которые несут в себе элемент критики источника информации. К ним относятся разведывательные сводки, опросные листы НКВД, материалы допросов или ревизий. Ни в коем случае не преуменьшая значение и влияние советской периодической печати и листовок, нужно признать, что изложенные в них факты (в особенности в начальный период войны) далеко не всегда соответствовали действительности.

Что касается правдивости нацистских средств пропаганды, то она была полностью связана с положением дел на фронтах. В 1941 г., до начала битвы под Москвой, ложь и дезинформация в них подавались в весьма умеренных дозах. По мере того как рушился

план молниеносной войны, объективность оккупационных изданий стала резко падать.

Естественно, эта объективность никак не была связана с теми планами по вопросу о будущем России, которые вынашивали руководители Третьего рейха.

В послевоенные годы были написаны сотни трудов по разным аспектам истории Второй мировой войны. Но в российской науке до сих пор недостаточно работ, в которых комплексно анализируются типы и формы коллаборационизма на временно оккупированной территории нашей страны в годы Великой Отечественной войны. Надеюсь, что проведённый Российским институтом стратегических исследований круглый стол «Коллаборационизм и предательство во Второй мировой войне. Власов и власовщина» во многом будет способствовать решению этой серьёзной и важной для истории нашего Отечества проблемы.

¹ Архив Управления ФСБ РФ по Смоленской области. Д. 9856-С. Л. 15.

² Война и общество. 1941–1945. М., 2004. Кн. 2.

³ Епифанов А. Е. Ответственность гитлеровских военных преступников и их пособников в СССР (историко-правовой аспект). Волгоград, 1997.

⁴ Епифанов А. Е. Ответственность за военные преступления, совершённые на территории СССР в годы Великой Отечественной войны. Волгоград, 2005.

⁵ История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу. 1955–1991 гг. / сб. правовых актов. М., 1997.

⁶ Кулик С. В. Антифашистское движение Сопротивления в России. 1941–1944 гг. (проблемы политического и идеологического противоборства). СПб., 2006.

⁷ Митрофанов Г. Коллаборационизм или духовное возрождение // Церковный вестник. 2005. № 3. Февраль.

⁸ Пролетарская правда. 1941. 19 июля.

⁹ Семиряга М. И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000.

¹⁰ Современный словарь иностранных слов. М., 1993.

¹¹ Трайнин И. П. Избранные труды. СПб., 2004.

¹² Эренбург И. Г. Война. М., 2004.

¹³ Dallin A. German Rule in Russia 1941–1945: A Study of Occupation Politics. London : McMillan, 1957.

Использованная литература и источники

Франц Уле-Веттлер, доктор исторических наук (ФРГ), генерал-лейтенант бундесвера

Измена присяге оправдана быть не может

Хотелось бы высказать несколько соображений по поводу того, почему тема «Власов и власовщина» кажется мне важной и сложной, а сегодняшняя дискуссия — интересной.

На вопрос, почему во всех войнах существовала «власовщина», т. е. находились люди, которые поддерживали противников своего государства, могу ответить, что коллаборационизм имел место во всех войнах, основанных на идеологии. Что же касается Второй мировой войны, то в Советском Союзе существовали противники сталинизма, а в Германии — противники гитлеризма.

Феномен «власовщины» возникал в том случае, если политическая линия, проводившаяся правительством, противоречила национальному чувству

людей. Примером тому служат казаки, туркмены, французы и индусы. Именно этому критерию отвечает поведение пленных, идёт ли речь о Власове или некоторых немцах, которые присоединились к Национальному комитету «Свободная Германия». Но хотя для оценки «власовщины» можно применить целый комплекс мотивов и оправданий, неоспоримым тем не менее является главное: эти люди изменили присяге; они агитировали и временами боролись против *собственных* соотечественников и даже против товарищей.

При этом остаётся вопрос: достаточно ли этих справедливых упреков для моральной оценки? Исторические примеры на этот счёт не всегда трактуются однозначно, взять хотя бы пример с Индией.

Как известно, войска под командованием Азада Хинда боролись с британским владычеством под японским флагом. Они изменили своей присяге и предали своих бывших товарищей. Но их вождем был Субхас Чандра Бозе — один из крупных индийских политиков, сторонник создания Партии Конгресса, которая должна была прийти на смену колониальному руководству. В 1940 г. он попал в Берлин, а затем на немецкой подлодке сбежал в Японию.

В 1945 г. британцы решили судить этих людей, однако в стране началось широкое движение в их защиту. Когда Индия в 1947 г. стала независимой, Дж. Неру должен был ответить на непростой вопрос: на какой основе строить национальные вооружённые силы? Взять ли за основу войска, сражавшиеся на стороне британского колониального руководства (при том, что он, Неру, и Ганди были брошены в тюрьму именно британскими властями)? Или же опереться на тех, кто изменил присяге, но при этом боролся за независимость Индии? Принять решение было

непросто. И Дж. Неру созвал комиссию из представителей обеих сторон, которая постановила, что и те, и другие имели в основе своих действий мотивы, заслуживающие уважения. Однако политики должны помнить, что одна из их задач — делать всё, чтобы солдаты по независящим от них причинам не оказывались перед столь тяжёлым выбором и не становились инструментом политики. Поэтому, исходя из того что каждая армия должна строиться на послушании и присяге, было решено, что солдаты Азада Хинда, нарушившие присягу, не могут стать основой для новых индийских вооружённых сил. Они могут войти в гражданские государственные структуры, но не в военные. Именно по этой причине по сей день индийская власть продолжает традиции британских колониальных войск.

Этот пример показывает, что оценка «власовщины», т.е. сотрудничества с врагом, принадлежит к числу важных проблем мировоззренческого характера. Именно поэтому обсуждение этой темы на круглом столе представляется мне очень нужным.

Тимофеев Алексей, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института новейшей истории Сербии (Белград)

Коллаборационизм и гражданская война в Сербии. 1941–1945 гг.

Коллаборационизм, согласно определению, которое даёт «Словарь общественных наук», представляет собой осознанное и добровольное сотрудничество с врагом в его интересах, во вред своей Родине или союзных с ней стран. Несомненно, сотрудничество с враждебной стороной части гражданского населения, нарушивших присягу военных либо военнопленных имеет богатые исторические корни. Однако стоит отметить, что именно в XX в. количественные и качественные изменения в политическом сознании масс, а также многие другие факторы привели к тому, что коллаборационизм приобрёл невероятно массовый характер. Природе этого феномена посвящена обширная литература как на русском, так и на иностранных языках.

Для анализа природы коллаборационизма в Восточной Европе особый интерес представляет классификация, предложенная известным британским историком Х. Сетон-Ватсоном, который выделил пять типов коллаборационистов.

Первые поставили себя на службу немецким оккупантам и их союзникам исходя из личных симпатий к крайне правой идеологии, сотрудничали с немцами или их союзниками ещё до оккупации и помогали устанавливать оккупационный режим.

Вторые относились к национальным меньшинствам или народам, чьи права были ущемлены ещё до войны, и в силу этого они стали сотрудничать с врагом, причём зачастую это сотрудничество также началось в предвоенные годы.

Третьи — это те, кто служил своей стране и поначалу защищал её от агрессии, но позднее пришёл к выводу о неизбежности победы Германии и в силу этого стал сотрудничать с оккупационными властями.

Четвертые стали коллаборационистами исходя из твёрдого убеждения, что таким образом они помогают своему народу, спасая то, что необходимо спасти в ожидании момента, когда противники Третьего рейха победят и помогут восстановить довоенный режим.

Наконец, к *пятому* типу принадлежат те, кто боролся против оккупантов и на первых порах сохранял лояльность правительству в изгнании, однако позднее, испугавшись размаха левого сопротивления, сочетавшего борьбу с оккупантами и ползучую революцию, пошёл на сотрудничество с немцами в их борьбе против левых.

В годы Второй мировой войны в СССР были известны группы первого, второго и третьего типов. В Советском Союзе левый режим был установлен ещё до войны, и противоречия между лояльностью к народу, борющемуся против оккупантов, и верностью присяге довоенному правительству были практически невозможны. В других же странах это правительство было бы обречено в случае победы коммунистического подполья. Некоммунистическое движение сопротивления там также было связано с мотивами сепаратистского характера (второй тип, по Сетон-Ватсону). У русского народа такого движения не было, поэтому коллаборационисты

четвертого и пятого типов на территории СССР не встречались.

На Балканах* ситуация коренным образом отличалась от того, что наблюдалось в СССР. Часть Балканских государств (Венгрия, Румыния и Болгария) увидели в союзе с Гитлером шанс решить собственные территориальные проблемы, развить экономику и избежать кровопролитной войны на своей территории. Поэтому здесь до конца лета — начала осени 1944 г. вообще вряд ли уместно говорить о коллаборационизме, так как на государственном уровне существовала ориентация на союз с Третьим рейхом и его союзниками. Не было и оккупации как важнейшего условия для возникновения коллаборационизма.

Другое дело — ситуация в оккупированных Албании, Югославии и Греции. Но если в Греции и Албании, где абсолютно преобладали «титовские» нации, коллаборационистские движения второго типа (по Сетон-Ватсону) известны не были, то в Югославии появились коллаборационисты всех пяти типов. При этом наиболее интересными для российского исследователя представляются экзотические для СССР четвёртый и пятый типы, действовавшие в восточной части Югославии — в Сербии.

Это обилие типов коллаборационистов, а также активная борьба внутри Сопротивления привели к тому, что часть современных сербских историков стали воспринимать Вторую мировую войну в Югославии как войну гражданскую, отягощённую оккупацией. При этом речь идёт о борьбе трёх фракций: пронемецких ультраправых сторонников М. Недича и Д. Лютича, просоветски ориентированных ультралевых партизан И. Б. Тито и умеренно либеральных, ориентированных на англо-американцев бойцов Д. Михайловича. В рамках этой концепции практически всех граждан Королевства Югославия, взявших за оружие в 1941–1945 гг., можно разделить на три группы в зависимости от того, чьё господство на Западных Балканах они считали приемлемым: немецкое (и/или итальянское), английское (и/или американское) или советское. Доказательством правильности такого подхода являются, в первую очередь, статистические данные, которые говорят о том, что большинство подданных Королевства, убитых в 1941–1945 гг., пали от рук собственных сограждан. Концепция восприятия событий Второй мировой войны в Югославии через призму гражданской войны в массовом сознании населения Сербии и Словении (а тем более Хорватии) практически затмила воспо-

минания о борьбе с немецкими оккупантами. В силу этого интерес к событиям Второй мировой войны в Сербии сравнительно низок (и это несмотря на то, что сербы после русских, белорусов и поляков понесли в этой войне самые большие относительные потери).

В чём же причина? Почему воспоминания о Второй мировой войне оказались затуманены травмами войны гражданской? Чтобы ответить на этот вопрос, стоит хотя бы конспективно проанализировать, почему в 1941 г. среди сербов могла бытовать не только понятная ненависть к немцам, напавшим на их страну, но и неприязнь к коммунистам, и разочарование в англо-американцах. Этот вопрос крайне важен для понимания причин, подтолкнувших сербских военных, ещё до войны традиционно антинемецки настроенных, к сотрудничеству с оккупантами.

Начнём с коммунистов. События 1917 г. в России, последовавшее за этим убийство царской семьи, ужасы Гражданской войны и «красного террора» для сербской элиты, потерявшей с падением Российской империи одного из важнейших внешнеполитических патронов и союзников, были достаточно яркими доказательствами вредности «коммунистических идей». После кровавых экспериментов Баварской (13 апреля — 1 мая 1919 г.) и Венгерской (21 марта — 6 августа 1919 г.) советских республик стало очевидно, что от вируса большевизма не имеют иммунитета и народы Центральной Европы.

Тем временем в Белграде 20–23 апреля 1919 г. была создана единая коммунистическая партия Югославии, которая со Второй партконференции в Вуковаре (20–25 июня 1920 г.) стала называться Коммунистической партией Югославии (КПЮ) и приняла программу, ориентировавшую её членов на революционную борьбу и построение социализма. В то же время коммунистам на выборах в Конституционное собрание удалось завоевать значительное число голосов в крупных городах (Белград, Загреб, Осиек, Скопье, Ниш и др.) и получить 59 мандатов из 419. Коммунисты вступали в открытые столкновения с полицейскими и воинскими частями, организовали политическую забастовку шахтёров в Боснии и Словении. Чтобы помешать югославским коммунистам сделать с Конституционным собранием то же, что сделали их российские коллеги с Учредительным, король Александр Карагеоргиевич разработал так называемую «Обзнану»**. В ответ коммунисты перешли к террору. Было совершено неудачное покушение на короля Александра. А 21 июля 1921 г. член

* Здесь мы говорим о Балканах в историко-региональном смысле, т.е. о странах, входивших некоторое время в Османскую империю, о тех, где традиционно мужчины для доказательства мужественности носили усы, а женщины для придания кухне пикантности усердствовали с приправами. В географическом плане ни Венгрия, ни Румыния в строгом смысле Балканами не являются.

** «Обзнана» — Приказ Совета министров Королевства сербов, хорватов и словенцев, принятый в ночь с 29 на 30 декабря 1920 г., в соответствии с которым была запрещена любая деятельность Коммунистической партии Югославии, распущены все её организации, конфискованы имущество и архив. За нарушение приказа предусматривалось тюремное заключение. Этот документ носил временный характер и действовал до принятия новой конституции.

террористической организации КПЮ «Красная справедливость» Алия Алиягич убил министра внутренних дел Милорада Драшковица, ответственного за реализацию «Обзнаны». В результате на свет появился «Закон о защите государства»*, окончательно поставивший коммунистов вне закона. КПЮ, насчитывавшая в 1923 г. всего около 1 тыс. членов, превратилась в типичную террористическую организацию, существовавшую на деньги иностранного государства (СССР). Коммунисты провозгласили, что Югославия — это «тюрьма народов», тюремщиком которой является «великосербская буржуазия» со всеми вытекающими отсюда для сербов последствиями. Более того, находившиеся в тюрьме коммунистические лидеры вступили в соглашение с другими противниками Королевства Югославия — хорватскими и македонскими сепаратистами. Эта линия одобрялась Коминтерном до середины 1930-х гг. Позднее под влиянием фашистской угрозы советское руководство распорядилось изменить концепцию и бороться за единство Югославии, но под лозунгом федерализации, что и было проведено в жизнь КПЮ. Такая агрессивная политика Коминтерна по отношению к Югославии привела к тому, что сербская элита воспринимала СССР как чуждое прежней Российской империи образование и не поддерживала с ним дипломатических отношений до 1940 года. При этом российское представительство в Югославии под руководством Василия Николаевича Штрандтмана продолжало работать и далее**.

Лишь в 1940 г. Королевство решилось установить дипломатические связи с СССР — в то время нейтральным государством, стоявшим в стороне от схватки Британии и Германии за передел Европы. Весна 1941 г. привнесла в атмосферу королевской Югославии ощущение неминуемой военной угрозы. Битва гигантов — нацистской Германии и демократической Великобритании — сотрясала в то время весь мир. Каждая сторона уже имела свои взлёты и падения, своего ненадёжного романского союзника (Италию или Францию), свои взгляды на будущее Европы и мира.

Надо сказать, что в то время сущность гитлеровской Германии ещё не была очевидной, не был очевидным и ужас Холокоста. США и СССР ещё не вступили в войну, Франция уже потерпела военное поражение, и шансы Великобритании на победу

в противостоянии с занявшим всю Европу Гитлером выглядели призрачными. Поэтому весомых внешнеполитических причин для вступления Югославии в войну не существовало. Напротив, этнические территории сербского народа, являвшегося в то время доминантным в Югославии (большинство высшего офицерства, старшего чиновничества, королевская династия), были практически полностью собраны в составе Королевства. Более того, в процессе собирания этих земель почти все соседи Югославии (за исключением Греции и, с некоторыми оговорками, Румынии) лишились части своих (или считавшихся своими) территорий. Таковы были последствия навязанной Европе после Первой мировой войны Версальской системы международных отношений, бесславная смерть которой к тому времени уже состоялась к вящей радости большинства соседей Королевства. Всё это, а также сложная внутривнутриполитическая ситуация (обострение межнациональных отношений, неустойчивость политического равновесия, молодость престолонаследника Петра II) располагали страну скорее к миру, чем к войне.

При таких обстоятельствах частичное присоединение Югославии к странам Тройственного пакта было логичным в ситуации, когда сохранить абсолютный нейтралитет стало невозможно. Почти все соседи Югославии (кроме Греции) уже присоединились к этому пакту, и если бы к антикоминтерновским державам присоединился и Белград, то они не смогли бы безнаказанно удовлетворять свои притязания на югославские территории***.

Условия присоединения к антикоминтерновскому пакту были достаточно мягкими. Согласно договору, подписанному 25 марта 1941 г. премьером Югославии Д. Цветковичем в венском Бельведере, правительство Третьего рейха подтверждало свою готовность уважать единство и целостность Югославии; все страны антикоминтерновского пакта давали обязательство на протяжении всей войны не использовать территорию Югославии для транзита вооружённых сил или военной техники; Германия и Италия обязались не требовать от Югославии никакой военной помощи.

В ходе подписания документа Гитлер обратил внимание югославских представителей и на близкие отношения между Москвой и Берлином. Пакт был подписан, югославские политики получили

* «Закон о защите государства» (полное название — «Закон о защите общественной безопасности и порядка в государстве») был принят 2 августа 1921 г., имел постоянный характер, был утверждён парламентом и усиливал государственное преследование коммунистов, включая смертную казнь за вооружённое сопротивление полиции и нападение на государственные учреждения. КПЮ с тех пор перешла в подполье, где и оставалась до начала войны. Сербская полиция времён Милана Недича рассматривала этот закон как основу для жёстких мер по борьбе с партизанами и коммунистическим подпольем.

** В 1911–1915 гг. В. Н. Штрандтман был первым секретарём российского императорского посольства в Белграде, а в 1919 г. был назначен правительством А. В. Колчака посланником в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. В Югославии он был также делегатом Нансеновского комитета (Лиги Наций), уполномоченным Российского общества Красного Креста и начальником Управления по делам российских эмигрантов.

*** Стоит отметить, что и сам Коминтерн проводил крайне деструктивную политику в отношении Югославии (террористическая деятельность КПЮ, призывы уничтожить Югославию — тюрьму народов и пр.).

«от германской стороны твёрдое заверение насчёт сохранения их нейтралитета».

К тому времени англо-американцы пришли к выводу, что вовлечение Балкан в войну было бы для них выгодно. В Югославии, Румынии и Греции их спецслужбы активизировали свою деятельность. В Сербии на «английские дотации» существовали Земледельческая и Самостоятельная демократическая партии. Агенты Белградского отделения Управления специальных операций (УСО) — Дж. Тейлор, Х. Дальтон, Мастерсон, Бенетт, Гленвилл, Глен, Бейли — действовали крайне активно. Дотации от УСО получали такие сербские политики, как Милан Гаврилович, Миша Трифунович, Милош Тупанянин, Йован Джонович. Не менее важной была и легальная дипломатическая активность по «укреплению духа сопротивления „оси“, вплоть до государственного переворота», которую проводили лично британский посол в Белграде Р. Кемпбелл и один из военных атташе — Маплбек, чьим личным другом был его коллега по авиации, генерал ВВС Королевства Югославия Боривой Миркович. Судя по исследованиям послевоенных историков британских спецслужб, именно этот контакт и оказался решающим при организации государственного переворота. При этом стоит отметить, что и самим англичанам было ясно, что «имелось множество причин, заставлявших любого правителя Югославии осознать, что в интересах его народа [необходимо. — Прим. авт.] скорее достижение компромисса, нежели призывы к борьбе». Однако лидеры Великобритании, зная о том, что «помощь со стороны Англии представлялась сомнительной и в лучшем случае только символической», всё-таки с помощью представителей своих секретных служб организовали в Югославии 27 марта 1941 г. государственный переворот, сопровождавшийся массовыми беспорядками*. В этом контексте интересно обратить внимание на послевоенную судьбу трёх вожakov государственного переворота, носивших в 1941 г. форму югославской королевской армии.

1. Боривой Миркович — душа переворота и его главный организатор — в 1941 г. был генералом ВВС Югославии, после немецкой оккупации и бегства из страны поступил на службу в армию Его Величества и скончался в Англии военным пенсионером британской армии.
2. Душан Симович (1882–1962), выдвинутый после путча на пост главы государства и министра обороны, был в 1941 г. генералом ВВС Югославии. Вскоре после немецкой оккупации и бегства из страны был смещён с поста премьера. В конце войны поддержал Тито. Поссорился с англичанами (слишком быстро допустившими его замену) и вернулся в Белград в 1945 г., где свидетельствовал на суде против Д. Михайловича. После этого

доживал свой век как состоятельный военный пенсионер коммунистического режима.

3. Живан Кнежевич (1906–1985) — руководитель воинских частей (гвардии), совершивших путч. В 1941 г. служил майором королевской гвардии. После переворота стал начальником администрации у генерала Д. Симовича. В 1945 г. вступил в армию США и скончался за океаном военным пенсионером.

Как и следовало ожидать, после переворота взбешённый Гитлер, разгневанный к тому же массовыми погромами немецких представительств и нападением на автомобиль немецкого посла, не заставил долго ждать своих ответных действий: Третий рейх в союзе с Италией, Венгрией и Болгарией напал на Югославию. Согласно мемуарам У. Черчилля, когда всеобщее возбуждение после путча улеглось, «все жители Белграда поняли, что на них надвигаются катастрофа и смерть и что они вряд ли могут сделать что-нибудь, чтобы избежать своей участи». Британский премьер без всякого раскаяния описывал последствия своей авантюрной провокации: «Утром 6 апреля над Белградом появились германские бомбардировщики... 8 апреля, когда настала наконец тишина, свыше 17 тыс. жителей Белграда лежали мёртвыми на улицах города и под развалинами. На фоне этой кошмарной картины города, полного дыма и огня, можно было видеть взбесившихся зверей, вырвавшихся из своих разбитых клеток в зоологическом саду. Раненый аист проковылял мимо крупнейшей гостиницы города, которая представляла собой море огня. Ошеломлённый, ничего не соображавший медведь медленной и неуклюжей походкой пробирался через этот ад к Дунаю».

Подчёркнём, что британские лидеры, в отличие от «ошеломлённого» медведя, а также не менее ошеломлённых жителей Белграда и вообще всего Королевства, имели в случившемся свою выгоду. Ещё в июле 1939 г. в Югославии побывала миссия майора Колина Габбинса, британского эксперта в области организации саботажа, диверсий и партизанских движений. Задолго до вступления Королевства в войну на его территории активно действовали британские агенты, пытавшиеся организовать диверсии, чтобы ослабить его торговые связи с Германией и затруднить судоходство по Дунаю. Ведь достаточным «поводом для насильственных действий в дружественной нейтральной стране» для британских диверсантов было уже то, что через территорию этой страны проходили важные немецкие коммуникации и имела значительная немецкая собственность. В январе 1941 г. Британия точно определила свои цели в Белграде, сформулированные Дж. Тэйлором в телеграмме на имя начальника «балканской» штаб-квартиры УСО в Стамбуле: «...В Югославии нам необходимо, во-первых, убедить югославский Генеральный штаб завер-

* Факт участия секретной службы Великобритании в путче 27 марта 1941 г. давно не вызывает сомнения.

шить... план подготовки массированных диверсий на Дунае, т. е. мы должны быть готовы с помощью взятки или иных средств использовать заряды в подходящий момент, невзирая на отношение к этому югославского правительства. А во-вторых, подготовить разрушение транспортных коммуникаций перед линией немецкого наступления и партизанскую войну за нею». Здесь и речи не шло о подготовке Югославии к обороне: британская разведка заранее «предвидела скорое югославское поражение и строила планы послеоккупационных диверсий и партизанской войны». Югославия была заранее обречена на кровавую партизанскую войну, неизбежно ведущую к массовым убийствам мирных жителей.

Даже горячим сторонникам британцев — сербским военным, возглавившим монархическое сопротивление в горах Югославии, к 1943 г. это стало ясно. Впервые свои мысли о британцах как «торговцах пушечным мясом», использовавших сербов за небольшие деньги и готовых биться на Балканах до последнего серба, лидер четников Дража Михайлович публично высказал 28 февраля 1943 г. в селе Горне Липово. А 23 октября 1943 г. он докладывал югославскому королевскому правительству: «Вам стоит знать, что нас англичане оставляют без денежных средств. Они используют и это средство для давления на нас, чтобы мы выполнили их требования без учёта наших интересов и несмотря на народные жертвы. Они требуют выполнения тех акций, которые приведут к десяткам тысяч расстрелянных заложников. При этом они не дают нам никаких боевых или денежных средств. За каждый самолёт [с боеприпасами. — *Прим. авт.*] они торгуются, как самые последние торговцы. Мы считаем, что, если бы на свете не было немцев, англичане были бы наихудшим народом».

А весной 1941 г. Югославия после десяти дней безуспешной обороны (Апрельская война) потерпела поражение. Кроме внешнего врага в спину королевской армии ударил враг внутренний — хорватские офицеры и солдаты, массово переходившие на сторону немцев, саботировавшие приказы командования и передававшие врагу важные документы.

После поражения Югославия была разделена между сопредельными странами — Германией, Италией, Венгрией, Болгарией и Албанией. Были образованы Независимое Государство Хорватия, включившее в себя территорию современной Хорватии, Боснии и сербской Воеводины, а также независимая Черногория под эгидой Италии. На некоторых из этих территорий (на землях, оккупированных Хорватией, Венгрией, Болгарией и подконтрольной Италии Албанией) начались этнические чистки, сопровождавшиеся геноцидом сербов и евреев, истреблением элиты, организацией лагерей смерти и немотивированными массовыми убийствами. Сама Сербия была оккупирована Германией. Сразу же после этого в горах Центральной Сербии стал формировать свои отряды полковник Дража Михай-

лович. Позднее собравшиеся вокруг него офицеры и солдаты, а также гражданские лица официально стали Югославским войском в Отечестве (ЮВвО), бойцов которого народ называл старым сербским словом «четники» — повстанцы.

В то же время КПЮ начала подготовку к вооружённому восстанию. Когда 22 июня 1941 г. Германия напала на СССР, руководство югославских коммунистов горячо откликнулось на призыв Коминтерна и сразу подняло революционное восстание, наиболее сильно разгоревшееся в Сербии к концу лета. К этому восстанию примкнули и четники, стремившиеся не выпустить инициативу из своих рук.

Стоит отметить, что один из первых крупных антинемецких диверсионных актов произошёл 5 июня 1941 г. в городе Смедерево, неподалёку от Белграда. В Смедеревской крепости немцы складировали свои трофеи — боеприпасы, принадлежавшие югославской армии. В результате взрыва на воздух взлетели значительная часть крепости и расположенный вблизи неё вокзал, по сути — весь центр города. Число погибших измерялось сотнями, поскольку по стечению обстоятельств это был базарный день, и в центре города собралось много крестьян из окрестных деревень. Кроме того, в этот день в Смедерево съехались гимназисты, получившие дипломы об окончании учёбы, прибывшие со всего района за заработной платой преподаватели и гастролировавшая в городе труппа Сербского народного театра. Больше всего погибших было в стоявшем у перрона в десяти метрах от крепости пассажирском поезде № 4714. Из-за жары идентификацию погибших производили на скорую руку, большая часть трупов была просто свалена в общую могилу и засыпана известью. Тогда виновники диверсии так и не были установлены. Немцы и их сторонники уверяли впоследствии, что её организовали коммунисты. Титоисты в послевоенное время пытались доказать, что взрыв был следствием неаккуратности немцев, куривших на складе с боеприпасами. Однако у всех версий была общая черта — их невозможно доказать. Трудно поверить как в неаккуратность немцев, так и в то, что югославские коммунисты (как вариант — советская разведка) могли послушаться Сталина, стремившегося всеми силами оттянуть начало войны. Если исключить простую случайность (например, самовоспламенение взрывчатки), то можно признать наиболее подходящим кандидатом на роль организатора взрыва британские спецслужбы. Учитывая дату взрыва, единственной страной, занимавшейся в то время диверсиями в придунайских районах, имевшей там разветвлённую агентурную сеть, а также активно использовавшей взрывчатку, была именно Великобритания.

Однако массовое восстание вспыхнуло в Югославии только в июле 1941 года. Немецкие войска в то время были полностью связаны на востоке. Силы для борьбы с повстанцами на Балканах были ограничены. Существовавшее в Сербии комиссарское

административное правление, опиравшееся лишь на остатки довоенной королевской полиции, помочь им в этом не могло.

Первым и самым простым вариантом для немцев было расширение зоны оккупации соседних государств (Болгарии, Хорватии, Венгрии и Албании) на всю территорию Сербии. Очевидно, что при всей простоте этот план таил в себе определённые опасности для интересов рейха: «повстанчество» могло проникнуть в соседние страны, стабильность в которых и так была нарушена в результате интеграции в них этнических сербских территорий, где также происходили беспорядки, хотя в то время (т. е. в августе 1941 г.) более умеренные, чем в Сербии. Другим способом было формирование сербского марионеточного правительства, которое пользовалось бы некоторым авторитетом у части населения и могло бы стать опорой немецкого оккупационного аппарата в борьбе с повстанцами.

Определённая политическая сила, на которую могли опереться немцы, в Сербии существовала — это движение «Збор» Димитрия Лютича. В 1931 г. боевой офицер Первой мировой войны и адвокат по профессии Лютич получил место министра юстиции. Ему было поручено навести порядок в министерстве и представить свои предложения по преодолению чрезвычайной ситуации, создавшейся после 6 января 1931 г., когда в результате громких террористических актов была приостановлена деятельность партий и парламента. Лютич обратился к королю с проектом новой конституции, предполагавшим децентрализацию государства и усиление местного самоуправления. В то же время проект предусматривал общее укрепление государства, отказ от национальных административных границ и ограничение диктата чиновничества. Король был верховным главой государства и опирался на сословное представительство, однако ему эти новшества показались чрезмерными. Александр склонялся к возвращению обычной парламентской демократии, уповав лишь на создание сильной партии, которая имела бы полностью промонархический характер. Проект Лютича был отвергнут, и королевский министр ушёл в отставку.

В конце 1931 г. вокруг Лютича стало собираться ядро людей, имевших общие идеалы и обсуждавших политическую ситуацию в стране и в мире. В 1933 г. они начали издавать газету под названием «Отечество», девизом которой стали слова Лютича: «Человек ищет свободы, а свобода ищет людей». К концу 1934 г. вместе с рядом примкнувших общественных организаций Сербии, Хорватии и Словении Лютич создал Югославское национальное движение «Збор». Его основой стали антикоммунизм, антисемитизм, неприязнь к масонам, традиционализм и религиозность (православная — для православных и католическая — для католиков), панславизм, поддержка кооперативного движения как противоположность олигархам из «некоренных народов», опора на местное само-

управление в противовес коррумпированной бюрократии, последовательное обличение мздоимцев. После смерти короля Александра в Югославии наступило настоящее буйство различных олигархических структур, словно марионетками управлявших парламентом, правительством и даже принцем-регентом. Обстановка в стране накалялась. Стоит отметить, что «Збор» наряду с КПЮ был редким примером неправительственной партии, которая включала представителей практически всех наций и национальных меньшинств, проживавших в Югославии. Вскоре «Збор», подобно КПЮ, оказался вне закона. Его митинги срывали, литературу уничтожали, а лидеров (в том числе и самого Д. Лютича) постоянно задерживала полиция. При этом численность членов «Збора» была сравнима с численностью коммунистов и составляла всего несколько тысяч человек. Стоит отметить, что в отличие от КПЮ, которая имела имидж «партии России», традиционно популярный в Сербии, «Збор» часто обвиняли в пронацистских симпатиях, хотя лидер партии от них откешивался. Д. Лютич оказался замешан и в финансовом скандале, связанном с деятельностью посреднической организации, занимавшейся экспортом в Германию кооперативной продукции. В результате успехом среди избирателей Лютич не пользовался, он и его партия ни разу не побеждали на выборах.

После начала Второй мировой войны Лютич и его сторонники поддерживали идею о нейтральности Югославии и противились сближению Королевства с немцами или англичанами как шагу, который неизбежно вовлечёт страну в войну. В ходе Апрельской войны Лютич и другие члены «Збора» выполняли свой воинский долг резервных офицеров до подписания королевской армией капитуляции.

Исключительная опора на Лютича не могла обеспечить марионеточному сербскому правительству массовой поддержки населения. Поэтому немцы старались найти для руководства правительством фигуру более авторитетную, по возможности «внеполитическую». Она и была найдена в лице генерала Милана Недича, офицера Генерального штаба, участника Первой мировой войны, известного своей аполитичностью. В 1939–1940 гг. Милан Недич был министром армии и флота Королевства Югославия. Но в ноябре 1940 г. он был смещён со своего поста, после того как подал на имя принца-регента Павла «меморандум», где дал пессимистический прогноз относительно исхода военного столкновения Югославии с силами «оси», которое, по его мнению, неминуемо «закончится позорным поражением». В ходе Апрельской войны генерал Недич оставался верным своей воинской присяге и боролся с противником до подписания капитуляции.

Во время взрыва в Смедерево генерал Недич потерял единственного сына, погибшего вместе со своей беременной супругой. К сломленному личным горем и государственной катастрофой генералу обра-

тились представители сербской элиты, среди которых были деятели всех сербских политических партий (кроме КПЮ), академики, профессора Белградского университета, представители сообществ адвокатов, инженеров, врачей, торговцев и др. Был среди них и Александр Белич, председатель Сербской королевской академии наук*. Кандидатуру М. Недича поддержал и его троюродный брат Д. Лютич. Причиной такого единения сербской элиты, оставшейся в стране, стал немецкий план раздела Сербии по оккупационным зонам и участие хорватских сепаратистов (ушташей), венгерских гонимых, царских болгарских войск и албанской милиции в подавлении восстания сербов. Плывшие по Дрине, Саве и Дунаю трупы повстанцев, связанные проволокой, и беженцы, прибывавшие из хорватской и венгерской зон оккупации, были достаточной мотивацией для появления такого консенсуса. Другим не менее важным мотивом было объявленное немцами (и проводившееся в жизнь в Крагуевце и более мелких сербских городах, охваченных восстанием) правило о расстреле по 100 заложников из числа местных жителей за одного убитого при нападении «лесных людей» (как их называли сербы) немецкого солдата и по 50 — за одного раненого.

Наконец, 29 августа 1941 г. Милан Недич сформировал так называемое «правительство национального спасения», начавшее создавать из полицейских и унтер-офицеров бывшей королевской армии собственные части для борьбы с повстанцами.

В Смедерево после взрыва царило всеобщее народное негодование против виновников трагедии, подогреваемое немцами, оказывавшими гражданскому населению помощь лекарствами и продуктами, помогавшими в проведении восстановительных работ. Комиссаром по восстановлению Смедерево стал Д. Лютич (это была его единственная должность до конца оккупации Сербии). В 1942 г. в центре этого города был воздвигнут памятник жертвам трагедии 5 июня**. К осени 1944 г. город был восстановлен, причём его центр с тех пор не изменился. Из числа участников расчистки завалов после взрыва в Смедерево, среди которых было немало членов организации «Збор», 14 сентября 1941 г. был сформирован Сербский добровольческий корпус (СДК) — самая надёжная сербская антипартизанская часть под командованием немцев. С самого начала в СДК входило 12 отрядов, каждый по 120–150 человек. К февралю 1942 г. в корпусе уже служили 172 офицера и 3513 добровольцев, т.е. всего около пяти батальонов. Командовал СДК полковник Константин («Коста») Мушицкий. В отличие от Сербской госу-

дарственной стражи (СГС) Милана Недича, представлявшей собой классические жандармские части, СДК был в высшей степени идеологизирован. К нему были приписаны не только военные священники, но и специальные «просветители» (своего рода политруки), занимавшиеся активной пропагандой идеей «Збора», из которых предусмотрительно исключили панславизм, заменив его идеей возрождения Сербии.

Немецкие воинские подразделения, отряды добровольцев и жандармерии к концу осени 1941 г. смогли прижать повстанцев к юго-западным границам Сербии, а потом и вовсе вытеснить их в Черногорию и Боснию. В это же время произошёл разрыв между партизанами и четниками. Причиной его стало стремление партизан установить коммунистическую власть в освобождённых районах страны, в то время как четники настаивали на восстановлении в Сербии довоенных порядков и на подчинении партизан Д. Михайловичу. В результате между КПЮ и ЮВВО разгорелась настоящая война. При этом немцы с ожесточением боролись и с теми, и с другими.

Ещё большую запутанность ситуации придавало сотрудничество между четниками и недичевцами, офицеры которых испытывали искреннюю симпатию к Михайловичу и помогали ему оружием и боеприпасами. Гражданские чиновники недичевского аппарата поддерживали их денежными средствами. Это сотрудничество зашло так далеко, что немцам пришлось арестовать некоторых недичевских офицеров, в том числе командира СДК К. Мушицкого (позднее выпущенного и вернувшегося к своим обязанностям). В то же время отдельные группы четников были «легализованы» и в качестве компактных боевых единиц (без перебазирования) продолжили борьбу с партизанами уже как формирования Недича. Время от времени немцы разоружали некоторые из этих частей, если их командиры теряли осторожность и слишком явно демонстрировали свою лояльность Михайловичу. Этот процесс «легализации» / «делегализации» отдельных мелких сербских частей шёл до осени 1944 года.

После отступления партизан в Боснию и Черногорию вплоть до осени 1944 г. Сербия оказалась вне зоны военных действий. Произошёл как бы раздел «сфер влияния» между Недичем и Михайловичем. Один правил в крупных городах, а другой полностью держал под контролем сельскую местность и горные районы. В провинции большинству чиновников недичевской администрации приходилось проявлять двойную лояльность — и Недичу, и Михайловичу. После того как партизаны были фактически вытеснены из Сербии, а в стране остались лишь

* Выпускник Московского университета Александр Белич (1876–1960) был выдающимся сербским филологом, профессором и ректором Белградского университета, председателем Сербской академии наук с 1937 по 1960 год. С 1927 по 1940 г. он занимал должность председателя Государственной комиссии по приёму и размещению русских беженцев. Стоит отметить, что в послевоенное время Александр Белич был избран почётным доктором МГУ им. М. В. Ломоносова.

** Он сохранился до сих пор и является местом ежегодного проведения литургий.

коммунистическое подполье и мелкие партизанские группки, отношения между ЮВвО и отрядами СДК стали накаляться. Одни видели в соперниках «прислужников нацистов» и «православных фанатиков», пытавшихся стать «святое папы». Другие с неприязнью относились к «наёмникам англосаксонской плутократии». В дело вмешивались и иностранные покровители. Британские офицеры связи требовали усилить борьбу против оккупантов, что было куда легче осуществить, убивая коллаборационистов, а не покушаясь на самих немцев. С другой стороны, и немцы требовали усиления борьбы не только против пропартизанского подполья, но и против четников («отрядов ДМ», как они их называли). Естественно, что в таких условиях не могло не прийти до расправ, жертвами которых, как правило, становились наиболее «непримиримые» из лагеря противника. Однако не стоит забывать и то, что недичевский аппарат был исключительно полезен и для ЮВвО, поскольку играл роль своеобразного посредника между оккупационными властями и четниками. Вне Сербии, где такой «прокладки» не было, лидерам ЮВвО приходилось самим вступать в тесные контакты с оккупационным режимом, чтобы обеспечить свою деятельность (после 1943 г.) или разграничить зоны влияния и избежать жертв среди мирного населения.

В конце 1943 г. англичане окончательно прекратили поддерживать отряды ЮВвО, начали сотрудничать с партизанами Тито и согласились с переходом Югославии в советскую зону влияния. Политика Черчилля в декабре 1943 г. была направлена на поддержку Тито в Югославии и противодействие Народно-освободительной армии Греции (ЭЛАС). С другой стороны, с начала 1944 г. усилились попытки партизан прорваться в Сербию из Боснии. Их сдерживали не только немцы, но и гарнизоны сформированного из эмигрантов Русского охранного корпуса, СГС и СДК Милана Недича, а также отряды четников, перекрывавших наиболее труднодоступные места. В результате сотрудничество между командирами ЮВвО и представителями недичевской администрации, полиции и военнотружущих упрочилось. Наконец, 17 мая 1944 г. в селе Брджане вблизи города Горни Милановац состоялась встреча Д. Лютича и представителей ЮВвО — генерала Мирослава «Дрони» Трифуновича, командующего отрядами ЮВвО в Сербии, и Драгиши Васича, члена Центрального национального комитета («теневое правительство», сформированного Михайловичем). А 20 августа 1944 г. в селе Ражан неподалёку от Валево Дража Михайлович, подполковник Балетич, майор Лалатович, капитан Рачич и поручик Калабич «на высшем уровне» встретились с премьером Миланом Недичем, главой его администрации генералом Миодрагом Дамьяновичем и градоначальником Белграда Драги Йовановичем. В результате состоявшихся переговоров была достигнута договорённость о полном

боевом сотрудничестве против «коммунистов Тито», о взаимном «ненападении», о помощи деньгами, оружием и припасами, которую должны были получить четники.

После вступления Красной армии на территорию Сербии правительство М. Недича было распущено. В полночь 4 октября 1944 г. состоялось последнее его заседание, после которого генерал Недич покинул Сербию и выехал в австрийский Кицбил. Бойцы отрядов Недича, полиция и СГС частично разбежались, частично примкнули к отрядам Д. Михайловича. Д. Лютич вместе с формированиями СДК направился в Словению, где попытался осуществить свои планы по формированию единого блока югославских антикоммунистов. Д. Михайлович отступил в горы Восточной Боснии. Позднее, уже в апреле 1945 г., Д. Лютич погиб в автокатастрофе. М. Недич после окончания войны был арестован в Кицбиле англичанами, которые 1 января 1946 г. передали его титовской Югославии. Согласно официальной версии вскоре после этого (4 февраля) М. Недич покончил с собой, выпрыгнув из окна во время допроса. Таким образом, и Д. Лютич, и М. Недич избежали формального суда и не были осуждены. Д. Михайловича арестовали 12 марта 1946 г. в районе Вишеграда (Босния) в результате сложной агентурной операции титовских спецслужб. После публичного суда, построенного по образцу сталинских процессов 1930-х гг., генерал Михайлович был осуждён за организацию ЮВвО, сотрудничество с оккупантами и борьбу против партизан.

Черты коллаборационизма можно найти в деятельности и М. Недича, и Д. Лютича, и Д. Михайловича. Наиболее точно укладывается в классификацию Х. Сетон-Ватсона М. Недич как яркий представитель четвёртого типа.

Д. Лютича можно с некоторыми оговорками отнести к первому типу коллаборационистов, хотя, конечно, его довоенная риторика и политическая практика вовсе не копировали нацистские или фашистские идеи: основой его идеологии был православный фундаментализм, граничащий с фанатизмом, а внешнеполитическим кредо — строгий нейтралитет.

Д. Михайлович, с ещё большими оговорками, чем Лютич, может быть отнесён к пятой категории коллаборационистов, причём его коллаборационизм проявлялся эпизодически и не был последовательным. Основным доказательным материалом против него даже на суде были лишь действия некоторых его офицеров. Прямых же доказательств о каких-либо договорённостях между Д. Михайловичем, немцами и/или итальянцами (по крайней мере до 1943 г.) так и не было обнаружено.

Поскольку деятельность Д. Михайловича и Д. Лютича в годы войны была связана в основном с соответствующими воинскими формированиями (ЮВвО или СДК), то их роль в событиях Второй мировой войны в Сербии установить сравнительно

легко. Более сложно обстоит дело с генералом М. Недичем, который в течение трёх лет находился во главе сербского государства.

Нацистская верхушка с неприязнью относилась к славянским народам, особенно к тем, которые симпатизировали идеям межславянской общности (русским и сербам). В ходе личной встречи Милана Недича и Гитлера, состоявшейся в Оберзальцберге 15 сентября 1943 г., глава сербского государства произвёл на фюрера хорошее впечатление. Однако единственной уступкой, на которую Гитлер был готов пойти в то время (уже отгремела Курская битва, а американцы высадились в Италии) было всего лишь разрешение сформировать «для борьбы с партизанами» еще пять батальонов СДК, состав которых, таким образом, должен был вырасти до пяти полков по два батальона в каждом. Ни возобновить деятельность Белградского университета, ни освободить из-под стражи патриарха, ни воссоединить с недичевской Сербией этнически сербские районы Восточной Боснии и Северной Черногории Гитлер не позволил.

Таким образом, несомненно, в деятельности Милана Недича в 1941–1944 гг. достаточно много очевидных фактов коллаборационизма: помощь немцам в экономической эксплуатации Сербии, создание условий для гражданской войны (в которой сербы убивали сербов). С другой стороны, нельзя не отметить и то, что в нынешнем восприятии сербского народа кроме этого очевидного общего «пассива» в деятельности генерала Милана Недича существует и определённый «актив». К нему стоит отнести стабилизацию ситуации в годы его правления, благодаря чему сербы в Сербии не понесли столь жестоких потерь, как на территориях, подконтрольных хорватам, венграм, албанцам и болгарам. Другим немаловажным фактом была стабилизация экономики страны, что позволило сохранить жизнь тысячам сербских беженцев из независимой Хорватии (под угрозой

смерти, без еды и предметов первой необходимости). Каждый прибывший в Сербию нашёл там пищу, помощь и трудоустройство, что спасло жизнь многим. Хотя права и полномочия М. Недича были очень ограничены, ему всё же удалось наладить подобие нормальной жизни на подконтрольном ему остатке территории довоенной Сербии. Благодаря этому многим людям удалось выжить, дети получали образование, а старики — пенсию. Наконец, немаловажно и то, что М. Недич и Д. Лютич, несмотря на настойчивые уговоры немцев, отказались посылать на Восточный фронт сербские части, даже в количестве чисто символическом. Осенью 1944 г. подконтрольные им соединения, как и четники генерала Михайловича (пытавшегося на первых порах даже организовать сотрудничество ЮВВ с РККА), покинули Сербию, не вступая в боевые действия с Красной армией. Таким образом, в отличие, например, от солдат соседних Венгрии, Румынии или Хорватии, солдаты генерала Недича не смотрели на русских через прицелы своих автоматов*.

Гражданская война и коллаборационизм в Сербии и Югославии оказали большое влияние на послевоенную жизнь страны. Немалую роль в событиях 90-х гг. прошлого века в Хорватии и Боснии сыграли реальные или сконструированные воспоминания некоторых народов Югославии о событиях Второй мировой войны на Западных Балканах. Поиски государственной комиссией мест захоронений Д. Михайловича, непрекращающиеся попытки муниципалитета в Смедерево назвать центральную площадь именем Д. Лютича, обсуждение в сербской Скупщине вопроса об уместности или неуместности помещения в «галерею премьер-министров» на стенах республиканского парламента портрета М. Недича показывают, что события Второй мировой войны в Югославии всё ещё не получили окончательной оценки сербского общества.

¹ Seton-Watson H. The East European Revolution. London, 1956. Димитриевић Б., Николић К. Генерал Михашовић. Биографија. Београд, 2004.

² Павловић М., Младеновић Б. Коста Миловановић Пећанац. Биографија. Београд, 2006.

³ Manojlovic O. «Jbiroka strana moja rodna». Spomenici soyjetskim vojnicima podizani u Srbiji 1944–1954 // Tokovi istorije. 2005. № 1–2.

⁴ Глигорчевић Б. Коминтерна, југословенско и српско питање. Београд, 1992.

⁵ David A. T. Stafford, Soe and British Involvement in the Belgrade Coup d'Etat of March 1941 // Slavic Review. 1977. Vol. 36. № 3. September.

⁶ Смирнова Н. Д. Балканская политика фашистской Италии. Очерк дипломатической истории (1936–1941). Москва, 1969.

⁷ Черчилль У. Вторая мировая война. Москва, 1991. Кн. 2.

⁸ Белов Н. Я был адъютантом Гитлера. Смоленск, 2003.

⁹ Mackenzie W. The Secret History of SOE: Special Operations Executive 1940–1945. London, 2000.

¹⁰ Љботић Д. Биографија / Сабрана дела. кн. I. Београд, 2003.

¹¹ Краков С. Генерал Милан Неди. Београд, 1995. кн. I.

* На 26 июня 1945 г. в плену в СССР находилось 2176 сербов, в том числе 18 офицеров. Большая часть пленных ранее служили в составе венгерских «штрафных рот» (строительных). Сербские военнопленные были также в составе хорватских частей, воевавших на Восточном фронте. Наконец, отдельные сербские военнопленные из состава ЮВВ, СДК и пр. были взяты в плен войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов уже на территории Югославии.

- ¹² Карапанцип Б. М. Граб, ански рат у Србији 1941–1945. Београд, 1993.
- ¹³ Николић К. Италијанска војска и четници у Другом светском рату 1941–1943. Београд, 2009.
- ¹⁴ Neubacher H. Sonderauftrag Sudost, 1940–1945. Bericht eines fliegenden Diplomaten. Berlin-Frankfurt, 1956.
- ¹⁵ Издајник и ратни злочинац Дража Михаиловић пред судом: стенографске белешке и документа са суђења Драгољбу-Дражи Михаиловићу. Београд, 1946.
- ¹⁶ Mommsen H. Serbische Nationale Freiwilligen-Verbande / Gutachten des Institute fur Zeitgeschichte. V. II. Stuttgart, 1966.
- ¹⁷ Загорулько М. М., Сидоров С. Г., Царевская Т. В. Военнопленные в СССР: 1939–1956 гг. Документы и материалы. Москва, 2000.
- ¹⁸ Paunić. Sećanja na ratne dane 1941–1945. Novi Sad, 1997.

**Кормилицын Сергей Владимирович, кандидат исторических наук,
ведущий специалист Управления информации
Администрации губернатора Санкт-Петербурга**

Коллаборационизм или предательство? «Идейные предшественники» генерала Власова

Каждый раз, когда в дискуссии речь заходит о Власове и «власовщине», о мотивах, подвигнувших советского генерала не просто сдать в плен, а выступить на стороне противника, так или иначе обычно упоминают и о его «идейных предшественниках» — европейских коллаборационистах, соглашателях, выступивших против собственных народов на стороне гитлеровской Германии. Между тем даже поверхностное изучение политической картины, сложившейся в Европе в первой трети XX в., свидетельствует о том, что речь идёт о двух разных явлениях.

В принципе в отношении европейских соглашателей можно говорить о таком парадоксальном явлении, как «коллаборационизм без коллаборационизма». Дело в том, что Европа начала XX в. была готова принять нацизм, который был плоть от плоти европейской культуры. Он не был для европейцев чем-то чуждым. Напротив, их пугала его идеологическая противоположность — социализм. Социалисты после череды революций, которые привели к падению правящих династий, радикальным и не всегда позитивным переменам в обществе, стали в ту пору подлинным жупелом для Европы. Последователи Муссолини и Гитлера выглядели на их фоне образцом законопослушности и буржуазной культуры — людьми, уважающими частную собственность и не стремящимися к чрезмерным социальным преобразованиям. Расправившись с левым крылом своей партии и оставив слово «социализм» лишь в её названии, лидер Третьего рейха продемонстрировал Европе, что бояться его не стоит. Поэтому-то соглашения с ним не считались зазорными, хотя, как показал опыт Мюнхенскогоговора, зачастую они приводили к трагическим последствиям. На контакт с Гитлером с лёгкостью шли самые разные силы, даже те, которые, казалось бы, должны были ему противостоять. Ярчайший тому пример — соглашение с Римским престолом, пресловутый «Имперский конкордат», который до сих пор лежит несмываемым грязным пятном на сутане Ватикана.

Да и в идеологическом плане ни Муссолини, ни Гитлер не сказали в принципе ничего такого, что могло бы испугать европейцев. Возрождение величия католического Рима? Ну что ж, итальянцы вполне в своём праве, хотя получается это у них слегка комично. Социал-дарвинизм? Так ведь им Европа баловалась на протяжении чуть ли не полувека, причём вовсе не немцы были его первооткрывателями: тут приложил руку скорее француз Гобино, чем Розенберг и Гитлер. А что до уничтожения идеологических противников — так кого это могло удивить? Борьба за власть — есть борьба за власть, и не более. То есть ни в идейном, ни в идеологическом плане фашизм и национал-социализм никого не отталкивали. Поэтому мысль о союзе с Гитлером, которая испугала бы современного человека, для европейца первой трети XX в. вовсе не была невероятной. Напротив, национал-социализм был даже в определённой мере привлекателен, и партии по образу и подобию гитлеровской формировались в то время повсюду — в Австрии, Франции, Норвегии, Великобритании, даже среди русских эмигрантских кругов в Китае.

К примеру, очень популярной фигурой во Франции 1920-х гг. был Жорж Валуа — ветеран Первой мировой войны, публицист и оратор, основатель и лидер «Союза бойцов и производителей». В своей книге «Фашизм», изданной в 1927 г., он уже призывал к созданию гибрида социализма и национализма как действенного средства для борьбы с засильем индивидуализма и либерализма в современном ему обществе. По его словам, только национальное государство могло снять партийные и классовые противоречия в обществе. Гитлеровская партия ещё только-только набирала популярность в Германии, а в Союзе, созданном Валуа, уже состояли несколько тысяч служащих, мелких предпринимателей, представителей интеллигенции и отставных солдат. Можно назвать и другие партии и политические силы, ставшие впоследствии кадровой базой коллаборационизма: военизированную организацию Марселя

Бюкара «Парижские синие рубашки», Французскую социальную партию полковника Де ла Рока. Правда, они возникли несколько позже, уже в 1930-е гг., так что партия Валуа — пример более наглядный.

Разумеется, речь идёт не только о Франции. В Голландии действовала своя национал-социалистическая партия, созданная Антоном Адрианом Мюссертом. Именно она стала «пятой колонной», помогавшей немецким оккупационным властям устанавливать «новый порядок». Нидерланды поставляли немецкой армии добровольцев, из которых состояла 23-я дивизия СС «Недерланд». В Бельгии опорой нацистов были члены возглавленной Леоном Дегрелем национал-социалистической партии «рексистов» и члены добровольческого легиона СС «Валония».

Как ни печально, таких людей было намного больше, чем принято говорить. Во всяком случае, намного больше, чем участников Сопротивления, поскольку число последних традиционно увеличивалось в разы только после освобождения той или иной страны союзниками. При этом внешние проявления Сопротивления могли быть настолько невнятными, загадочными и малопонятными для оккупантов, что на них просто не обращали внимания. Так, скажем, в Австрии противники оккупационного режима помечали стены домов загадочной аббревиатурой «о5», намекая этим, что их страна по-прежнему является империей (Oesterreich), а не одной из областей рейха (Ostmark). А в Норвегии фрондирующие интеллигенты выходили на улицы, прицепив на лацканы пиджаков канцелярские скрепки, — чисто норвежское изобретение, намекающее на то, что германский порядок не заставит норвежцев перестать быть норвежцами. Вероятно, от законопослушных европейцев такое «отчаянное» фрондёрство требовало немалых моральных сил и всей отпущенной им природой смелости. Однако даже с сегодняшних позиций это выглядит несколько странно, если не сказать — смешно. Возникает ощущение, что война в Европе и война в СССР — это две совершенно разные войны.

Конечно, если мы будем говорить о борьбе против оккупантов на территории Советского Союза, то неизбежно выяснится, что вокруг реальных боевых действий, саботажа и диверсий скопилось немало вымысла, мифов, а то и откровенной подтасовки фактов, что на самом деле всё было не настолько масштабно, как мы с детства привыкли думать. Однако никто не будет спорить, что партизанская борьба была, причём велась она не на жизнь, а на смерть, что рейды отрядов Ковпака по вражеским тылам причиняли немцам серьёзное беспокойство, что за спиной у наступавшей армии противника взлетали на воздух мосты, обрывались пути снабжения, ликвидировались склады. То есть был реальный стержень, вокруг которого вполне могла скопиться разнообразная «накипь».

Но в Западной Европе такого стержня не было. И даже относительно активное сопротивление во Франции нельзя считать всенародным, поскольку

соглашателей было больше. Именно они, а не участники Сопротивления, составляли подавляющее большинство. И подавляющее настолько, что сегодня популярные европейские авторы с лёгкостью оправдывают коллаборационистов и «заступаются» за добровольцев легионов СС, тем более что одним из наиболее ярких информационных трендов сегодня является всеобщая толерантность. Мало того, по данным интернет-опроса, 22% участвовавших в нём российских пользователей вовсе не считают коллаборационистов предателями, а ещё 24% склонны «входить в их жизненные обстоятельства». Нельзя не отметить, что цифры эти, мягко говоря, тревожат.

Само понятие «преступное соглашательство», собственно коллаборационизм, оказалось на слуху после того, как политика гитлеровской Германии стала неприкрыто агрессивной, т. е. после оккупации стран Бенилюкса и Франции. При этом об Австрии, скажем, и речь не идёт, поскольку аннексия ближайшего немецкоязычного соседа не вызвала у европейцев никакого протеста, даже у тех, кто боялся нового усиления Германии и повторения бисмарковского объединения немецких земель. И тот же самый Артур Зейсса-Инкварт — коллаборационист по своей сути — вовсе не воспринимался общественностью как предатель. И только тем, кто пошёл по его пути во Франции, Бельгии и Нидерландах, было брошено в лицо это обвинение. Впрочем, далеко не сразу и не всеми, что характерно.

Безусловно, надо понимать, что среди коллаборационистов были люди разные. Многие из них, несмотря на закрепившуюся за ними дурную славу соглашателей, были более чем достойными гражданами. Достаточно назвать, к примеру, Анри Петена — героя Первой мировой войны, маршала Франции, который, подписав капитуляцию Франции, заявил, что «лучше стать нацистской провинцией, чем британской колонией». И тех, кто на тот момент разделял его точку зрения, нашлось немало. Руководствуясь именно этой логикой, он и стал главой коллаборационистского правительства.

Не менее достойным прошлым могли похвастаться министр иностранных и внутренних дел вишистского правительства Пьер Лаваль, ушедший в 1914 г. на фронт добровольцем, и Жан-Луи Дарлан — героический командир морской батареи в Первую мировую войну, ставший военным министром Петена. Нельзя не упомянуть и датского короля Христиана X. Когда немецкие войска подошли к границе с Данией, он призвал свой народ не оказывать им сопротивления, в результате чего на протяжении почти всей войны в стране сохранялась видимость независимости: король оставался на троне; правительству подчинялись армия, флот и полиция; свободно работали государственные учреждения; практически не подвергались репрессиям цыгане и евреи.

Вполне понятно, что заставило этих людей пойти на сотрудничество с Гитлером: они просто

не видели иного выхода. Считая национал-социализм не таким уж опасным явлением, они предпочли иметь дело с ним, а не со Сталиным; или с Германией, а не с Англией.

С другой стороны, были и те, кто ждал прихода оккупантов как манны небесной, строя на этом свои личные планы, свою политическую карьеру. Назовём буквально несколько наиболее характерных имён. В первую очередь, это Жак Дорио, близкий знакомый Ленина и Троцкого, пацифист, из идеологических соображений сдавшийся в плен немцам во время Первой мировой войны. К середине 30-х гг. он круто поменял свои политические воззрения и из коммуниста превратился в нациста, основав Французскую народную партию (ФНП), весьма похожую на Национал-социалистическую рабочую партию Германии. Думается, этого персонажа неплохо характеризует то, что вскоре после оккупации Франции он получил чин лейтенанта СС. Второе имя — Жозеф Дарнан. В отличие от Дорио, в Первую мировую с немцами он воевал, что не помешало ему в период оккупации возглавить подконтрольную вишистскому правительству карательную структуру, проводившую аресты членов Сопротивления и прочих «неблагонадёжных» граждан, которым не нравился новый порядок. Неудивительно, что в 1943 г. он получил звание майора СС и стал шефом французской полиции. Наконец, нельзя не вспомнить Поля Мариона — тоже коммуниста, вступившего впоследствии в ФНП и отвечавшего в правительстве Виши за информацию и пропаганду. Параллельно он возглавлял Комитет друзей войск СС.

Ещё одно имя, которое просто нельзя не назвать, — Видкун Квислинг. Этот двойной предатель не только презрел интересы собственного народа, но и нарушил присягу, принесённую им норвежскому королю. Хокон VII Норвежский, в отличие от своего датского собрата, не принял немецкого ультиматума. Норвегия оказала сопротивление оккупантам, и почти два месяца ей удавалось сдерживать мощь военной машины рейха. Для небольшой по европейским меркам страны это своего рода рекорд. Но речь не об этом. Когда немецкие войска вошли в Осло, Видкун Квислинг — лидер национал-социалистической партии «Народное собрание», не самой крупной и далеко не

самой популярной в стране, объявил о создании нового норвежского правительства, а себя провозгласил его главой, приказал арестовать короля и прекратить сопротивление. В глазах всего мира он стал не просто коллаборационистом, но дважды предателем. От этого клейма ему не удалось избавиться до последних дней жизни, а словечко «квислинг» стало расхожим обозначением для предателей любого сорта. Пребывание такого человека у власти настолько разгневало норвежцев, что спустя всего пять дней правительство «квислингов» было распущено.

Что же в итоге? В итоге мы можем констатировать, что «соглашательство» Европы с Гитлером произошло задолго до того, как впервые заговорили о коллаборационизме и коллаборационистах. Одни европейские политики — плоть от плоти современного им общества — были заранее готовы пойти на союз с Гитлером. Тот представлялся им наименьшим злом, силой, которую можно если не подчинить, то приручить, а то и признать руководящей. Другие — заранее рассматривали нацизм как козырную карту, которую можно разыграть на пёстром сукне европейского стола. В любом случае, думается, можно смело говорить об общем идеологическом кризисе Европы накануне Второй мировой войны, о том, что главная причина её соглашательства состояла в отсутствии идеи, которую можно было бы противопоставить нацизму. О том, что Европа покорила Третьему рейху ещё до того, как он стал по-настоящему опасен, из врага потенциального превратился во врага явного.

Пожалуй, тут-то и кроется основная системная ошибка, лишаящая смысла любые попытки уравнивать предательство генерал-лейтенанта Власова и коллаборационизм европейцев. Если говорить о Петене и короле Христиане X или даже о Дорио и Дегреле, то к ним понятие коллаборационизма вполне применимо. В случае же с Андреем Власовым речь может идти только о предательстве. Сравнить Власова с его «идейными предшественниками» бесполезно и бессмысленно. В отличие от коллаборационистов Европы, он прекрасно представлял себе суть нацистского режима и видел, на чьей стороне выступает против собственного народа. Любая попытка по-другому оценить его действия — как минимум аморальна.

Архимандрит Тихон (Шевкунов), наместник Сретенского монастыря

Исторические персонажи как оружие в назойливых дискуссиях и информационных войнах

Я хотел бы представить вашему вниманию не доклад, а лишь небольшое сообщение.

В сентябре нынешнего года в разгар навязанных нам дискуссий о личности генерала Власова я имел неосторожность напечатать в «Известиях» следующее: «...Пока дети в России, угадывая имя героя войны, будут называть генерала Карбышева,

а не генерала Власова, у нашей страны есть будущее». На днях я встречался со студентами нашей московской Сретенской семинарии. Это высшее учебное заведение, где учатся студенты со всей России. Сначала я обратился к самым младшим, к первокурсникам, и спросил, знают ли они, кто такой генерал Карбышев? Из 35 человек подняли руку только двое.

На втором курсе имя генерала Карбышева знали тоже двое, на третьем, четвёртом — двое-трое. И только на пятом, где читается специальный курс отечественной истории XX в., о Карбышеве знали все. Замечу, что наши студенты воспитывались в православных семьях, где любовь к Родине в большинстве случаев прививается и культивируется с детства. Думаю, что родители этих студентов, так же как и я, будут поражены результатами этого опроса. Скорее всего, они твёрдо уверены, что такого рода знания, несомненно, сообщаются детям в школе.

Нам говорят о нецелесообразности единого учебника по истории нашей страны, приводят аргумент, что учебники должны быть разнообразными и выражать различные точки зрения. Но складывается тревожное впечатление, что при всём декларируемом разнообразии эти учебники как раз удивительно однообразны. Студенты Сретенской семинарии приехали со всей России, а значит, учились по разным учебникам, но результат один: почти никто не знает о такой личности, как генерал-лейтенант Дмитрий Михайлович Карбышев. И лишь один студент сказал, что узнал о Карбышеве в школе. А жил и учился он в Казахстане, в городе Петропавловске.

Потом я задал другой вопрос: кто знает кто такой генерал Власов? Подавляющее большинство подняло руки. На вопрос о том, что они знают о Власове, ответы разнились от «инициатора национально-освободительной борьбы» (этих, слава Богу, было немного) до «изменника, который предал свою Родину». Таких ответов, к счастью, было значительно больше. Были и те, кто вынес из курса средней школы смутное представление о том, что вопрос этот неясный. И хотя почти ничего о Власове они не знают, но, по их мнению, негатив о нём — это советская пропаганда, и вполне возможно, что именно он, Власов, и был настоящим героем войны.

Было бы странно, если бы в молодых головах такие мысли не возникали, когда, например, в школьном учебнике И. И. Дауцкого для 10–11-х классов помещена фотография А. А. Власова с подписью: «А. А. Власов перед солдатами РОА. Освободитель или изменник?»

Итак, перед нами результаты очередного сокрушительного поражения в очередной информационной войне. Цели оппонентов вполне достигнуты хотя бы потому, что о Карбышеве в молодёжной среде не знает почти никто, а о Власове, напротив, знают поч-

ти все. О нём активно спорят, обсуждают его правоту или неправоту, возможность перехода на сторону противника, если «правительство неправильное», и т. п. Но ведь мы прекрасно понимаем, что, в сущности, не имеет особого значения, в каком контексте идёт обсуждение, поскольку согласно простейшим и столь эффективным в современном обществе законам рекламы — лишь бы имя было на слуху. Да и цель ясна — посильнее взбудоражить общество, а дальше сработает принцип, который так замечательно был сформулирован во время Французской революции «другом народа» Маратом: «Постоянно поддерживая народ в возбуждённом состоянии, пока основу существующего строя составят справедливые законы».

Этот тезис сегодня актуален как никогда. Вот, например, что не без удовлетворения констатирует известный американский советолог Стивен Коэн, имея в виду ещё одного исторического деятеля, имя которого уже много лет последовательно используется для «поддержания народа в возбуждённом состоянии»: «Сталинский вопрос имеет отношение ко всей советской, даже российской, истории, пронизывает и заостряет современные политические вопросы. Сталинский вопрос запугивает как высшие, так и низшие слои общества, сеет распри среди руководителей, влияет на принимаемые ими политические решения, вызывает шумные споры в семьях, среди друзей, на общественных собраниях. Конфликт принимает самые разнообразные формы: от философской полемики до кулачного боя».

Итак, в качестве чрезвычайно эффективного оружия в нынешних информационных войнах успешно используются фигуры исторических деятелей из средневековой и новейшей истории. Их имена — царей, гетманов и генеральных секретарей — у всех на слуху. Цели этих назойливых дискуссий очевидны: как с печалью предсказывал покойный старец архимандрит Иоанн (Крестьянкин), нам будут навязывать «смущение, смятение и неразбериху».

Но главная проблема всё же, как всегда, в нас самих. И, возвращаясь к статье в «Известиях», с которой я начал своё сегодняшнее сообщение, позволю себе переписать её концовку: «Если мы наконец не сделаем всё, чтобы дети в нашей стране узнали и полюбили великие имена и подвиги своих предков, то люди нового поколения вынуждены будут выбрать для себя в герои тех, кого им навяжут, а не тех, о ком мы не нашли ни возможности, ни времени рассказать».

Дробязко Сергей Игоревич, кандидат исторических наук

Восточные формирования в составе вермахта. проблема определения численности

Численность советских граждан, служивших в 1941–1945 гг. в рядах германских вооружённых сил, является одним из показателей масштабов коллаборационизма, т. е. сотрудничества с врагом, причём наиболее активной его формы. Эта цифра до сих пор

остаётся одним из спорных вопросов истории Второй мировой войны. Так, в зарубежной литературе уже полвека имеет хождение цифра в 1 млн человек, основанная, как правило, на оценках германского командования о количестве представителей различных

народов СССР, состоявших в рядах вермахта и других военизированных формирований Третьего рейха, а также на сводных данных о численности отдельных категорий таких военнослужащих. При этом данная цифра (её иногда увеличивают вдвое и больше) вплоть до сегодняшнего дня часто служит одним из главных аргументов для тех, кто пытается поставить знак равенства между сотрудничеством советских граждан с противником и их сопротивлением коммунистическому режиму.

В отечественных публикациях по данной проблеме, напротив, прослеживается тенденция занижения численности наших соотечественников, состоявших на службе в войсках противника. Причём если в «доперестроечные» годы соответствующие издания и публикации избегали называть конкретные цифры, рассуждая лишь о «ничтожной кучке предателей», то в последнее время некоторые авторы приводят собственные математические выкладки, не подкреплённые, однако, никакими документальными материалами. Примером этому, в частности, могут служить данные Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий при Президенте РФ, согласно которым за годы войны в составе строевых и нестроевых формирований германской армии и полиции служило 250–300 тыс. советских граждан, в том числе 180 тыс. военнопленных. Эти цифры получены в результате простого сложения данных о составе нескольких наиболее крупных формирований и отдельных категорий «восточных добровольцев», зачастую не подтверждённых документально и существенно противоречащих имеющейся информации.

Чтобы получить верное представление об этой проблеме, необходимо обратиться к документам германского командования, фиксирующим численность так называемых «восточных» войск. Прежде чем перейти к обзору этих материалов оговорим основные категории формирований, которые будут в них упоминаться. Согласно документам германского командования, закреплявшим организационные основы и статус «местных вспомогательных сил», последние подразделялись на три основные категории: (1) боевые части, включавшие формирования восточных легионов из представителей нацменьшинств, казачьи части, а также восточные батальоны и роты, состоявшие главным образом из русских и украинцев; (2) охранные и полицейские части в оккупированных районах, подведомственные военной администрации; (3) добровольцы вспомогательной службы в составе немецких частей (так называемые «хиви» — от немецкого *хильфсвиллиге*: добровольные помощники, или, буквально, желающие помочь). К вышеперечисленным категориям не относятся вспомогательная полиция рейхскомиссариатов «Остланд» и «Украина», а также добровольческие формирования войск СС.

Боевые части. Создание германским командованием восточных легионов — частей, сформированных из представителей тюркских, кавказских

и угрофинских народов СССР, помимо чисто военных целей преследовало и цели политические: привлечь на свою сторону национальные меньшинства Советского Союза под лозунгами борьбы против большевизма и русификации. Решение об организации первых четырёх легионов — Туркестанского, Кавказско-магометанского, Грузинского и Армянского — было принято в ноябре 1941 г., а уже в январе-феврале 1942 г. на территории Польши были организованы центры формирования, куда из лагерей стали направлять военнопленных соответствующих национальностей. В мае 1942 г. на территории Полтавской области Украины на базе штаба 162-й пехотной дивизии вермахта был создан ещё один такой центр. В августе 1942 г. Кавказско-магометанский легион был переименован в Азербайджанский и из его состава, как и из состава Грузинского, были выделены представители различных горских народов, объединённые в Северокавказский легион. Тогда же был создан Волжско-татарский легион (который называли также Волжско-Уральским — «Идель-Урал»), объединивший в своих рядах поволжских татар, башкир, марийцев, мордву, чувашей и удмуртов.

Сформированные батальоны направлялись на фронт или в тыловые районы для несения охранной службы. Осенью 1942 г. некоторые из этих батальонов приняли участие в боях против Красной армии на Северном Кавказе, где часть их личного состава, воспользовавшись случаем, перешла на сторону противника. Ненадёжные части снимались с фронта, разоружались и переформировывались во вспомогательные. Процесс разложения восточных легионов усилился в 1943 г. под воздействием военных неудач Германии. Из-за участия в случаях перехода легионеров на сторону советских войск и партизан германское командование приняло решение снять эти части с Восточного фронта и отправить во Францию и на Балканы.

За время действия центров формирования в Польше (до конца 1943 г.) и на Украине (до мая 1943 г.) было создано 80 полевых батальонов: 26 туркестанских, 14 азербайджанских, 9 северокавказских, 12 грузинских, 11 армянских, 7 волжско-татарских и 1 волжско-финский. Кроме того, в составе вермахта появилось большое количество строительных, железнодорожных, транспортных и прочих частей и подразделений, обслуживавших германскую армию, но не принимавших непосредственного участия в боевых действиях. Среди них — 7 туркестанских (на самом деле — многонациональных) строительных батальонов и батальонов снабжения, 5 туркестанских рабочих батальонов (составлявших сапёрную бригаду «Боллер»), 202 отдельные роты (111 туркестанских, 30 грузинских, 22 армянские, 21 азербайджанская, 15 волжско-татарских и 3 северокавказские). Следует упомянуть также кавказское особое соединение абвера «Бергман», сформированное в конце 1941 г. первоначально как батальон и развёрнутое в начале 1943 г. в полк трёхбатальонного состава.

Центр формирования восточных легионов на Украине в мае 1943 г. был преобразован в экспериментальную 162-ю тюркскую пехотную дивизию под командованием генерал-майора О. фон Нидермайера, основой для которой послужили несколько полевых батальонов, как уже действовавших, так и находившихся в стадии организации. В сентябре того же года эта дивизия была отправлена в Словению, а затем в Италию, где до конца войны несла охранную службу и участвовала в боях с партизанами и англо-американскими войсками.

Казачьи части в составе вермахта имели особый статус благодаря репутации казаков как непримиримых борцов с большевизмом в годы Гражданской войны, а также благодаря «теории» об их германском происхождении. Первой такой частью стал сформированный 28 октября 1941 г. в Могилёве в соответствии с приказом командующего тыловым районом группы армий «Центр» генерала пехоты М. Шенкендорфа казачий эскадрон под командованием бывшего майора Красной армии И. Н. Кононова, который был развернут в течение года в дивизион общей численностью до 1,8 тыс. человек. Казачьи части численностью от эскадрона (роты) до полка создавались также штабами ряда армий, корпусов и дивизий. В июне 1942 г. в городе Славута по инициативе штаба командующего лагерями военнопленных на Украине был создан центр формирования казачьих частей, куда предписывалось направлять всех военнопленных, по своему происхождению принадлежавших к казачьему сословию бывшей Российской империи или считавших себя таковыми. За время деятельности этого центра сначала в Славуте, а затем в Шепетовке (до весны 1943 г.) здесь удалось сформировать до 30 частей разной численности, использовавшихся для несения охранной службы на оккупированной территории.

После вступления германских войск на территорию бывших казачьих областей Дона, Кубани и Терека там по инициативе антисоветски настроенных местных жителей также началось формирование казачьих частей для борьбы против Красной армии и партизан. Эти казачьи полки и сотни приняли активное участие в зимних боях против наступающих советских войск. Часть их была уничтожена, а остальные вместе с десятками тысяч гражданских беженцев из казачьих областей ушли с немцами на запад, став основой для созданного весной 1944 г. Казачьего стана, объединившего казачьи беженские станицы и воинские части под руководством походного атамана С. В. Павлова.

Весной 1943 г. германское командование приступило к формированию 1-й казачьей кавалерийской дивизии под командованием генерал-майора Г. фон Паннвица, отобрав для этого наиболее боеспособные казачьи части с разных участков фронта. С осени 1943 г. и до конца войны эта дивизия действовала на территории Хорватии и Боснии против югославских партизан Тито, а в декабре

1944 — марте 1945 г. отдельные её части воевали против советских и болгарских войск. В августе 1944 г. 1-я казачья дивизия была подчинена СС, и с этого же момента началось её развертывание в 15-й казачий кавалерийский корпус войск СС. В него влились другие казачьи части, переброшенные с Западного и Восточного фронтов. Переформирование завершилось в феврале 1945 г. Две входившие в дивизию кавалерийские бригады были переименованы в 1-ю и 2-ю казачьи дивизии без изменения их организационной структуры, созданы Пластунская бригада и ряд частей корпусного подчинения. В конце апреля 1945 г. командование 15-го казачьего кавалерийского корпуса объявило о присоединении к вооружённым силам Комитета освобождения народов России (КОНР) и переходе в подчинение генералу А. А. Власову, хотя в условиях военного и политического коллапса Третьего рейха это присоединение имело лишь символический характер.

Наряду с казачьими формированиями особым статусом в вермахте пользовались калмыцкие части. Калмыцкие эскадроны, возникшие благодаря усилиям абвера и командования 16-й моторизованной дивизии, оккупировавшей районы Калмыцкой АССР, осуществляли разведку и патрулирование в прикаспийских степях, где отсутствовала сплошная линия фронта. После немецкого отступления они были сведены в кавалерийский полк в составе четырёх дивизионов, позднее именовавшийся корпусом (от 2,5 до 5 тыс. человек), который использовался для несения охранной службы и борьбы с партизанами. В самом конце войны остатки калмыцких частей были включены в состав 15-го казачьего кавалерийского корпуса.

Первые восточные батальоны и роты из представителей в основном славянских народов СССР были созданы в конце 1941 — начале 1942 г. на базе более мелких охранных и полицейских частей, возникших в тыловых районах действующей армии. Личный состав этих команд и отрядов (из числа освобождённых военнопленных и жителей оккупированных областей) сводился в более крупные части, которые усиливались немецкими военнослужащими, обеспечивались стандартным обмундированием и вооружением с трофейных складов, проходили военную подготовку под руководством немецких офицеров и превращались, таким образом, в полноценные боевые формирования, способные выполнять самые разные задачи — от охраны объектов до проведения карательных операций в партизанских районах.

К концу 1942 г. почти каждая из действовавших на Восточном фронте немецких дивизий имела одну, а иногда две русские или украинские роты, а корпус — роту или батальон. В распоряжении тылового командования групп армий имелось по несколько восточных батальонов и рот, а в составе охранных дивизий — восточные кавалерийские дивизионы и эскадроны. Помимо этого действовали роты самообороны при комендатурах, отряды и команды по

охране железных и шоссейных дорог, предприятий и лагерей военнопленных.

Большая часть восточных батальонов и рот были пехотными, однако наряду с ними имелись кавалерийские дивизионы и эскадроны, артиллерийские дивизионы и батареи, сапёрные, строительные, штабные части, а также подразделения снабжения и связи. В отличие от национальных легионов восточные батальоны и роты создавались исключительно ради удовлетворения насущных нужд германской армии в охранных и вспомогательных частях, без какого бы то ни было политического подтекста. Лишь в начале 1943 г. в связи с изменением пропагандистских установок большинство восточных батальонов и рот стали номинально считаться частями Русской освободительной армии (РОА), а остальные — частями Украинского вызвольного вийска (УВВ).

Осенью 1943 г., опасаясь за надёжность восточных частей в связи с изменением хода войны в пользу антигитлеровской коалиции, германское командование распорядилось вывести основную часть батальонов с Восточного фронта и перебросить их в Западную Европу — во Францию, Италию и Данию. Восточные батальоны приняли активное участие в боях против высадившихся в июне 1944 г. во Франции англо-американских войск. Некоторые из них при этом удостоились высоких оценок германского командования, однако большинство показали низкую боеспособность и боевой дух. Часть батальонов была разбита и пленена союзными войсками, а некоторые оказались блокированными вместе с немецкими гарнизонами в «крепостях» Атлантического вала. В конце того же года личный состав ряда восточных батальонов был передан на формирование 1-й и 2-й дивизий РОА. Одновременно из батальонов, несших охранную службу на территории Дании, была сформирована 599-я русская гренадерская бригада в составе двух русских и одного кавказского полков. Они имели единую нумерацию с полками 1-й дивизии РОА, однако бригада до самого конца войны оставалась в составе вермахта, равно как и несколько русских батальонов на Западном фронте и в Италии.

Охранные и полицейские части, первоначально называвшиеся «милицией» или «самообороной», появились в зоне ответственности германской военной администрации осенью 1941 г. по инициативе местных оккупационных властей, взаимодействовавших с представителями коллаборационистской администрации. Пытаясь разрешить проблему нехватки охранных частей в тыловых районах действующей армии, Главное командование германских сухопутных войск приказом 1-го квартирмейстера Генерального штаба генерал-лейтенанта Ф. Паулюса от 9 января 1942 г. уполномочило командование групп армий формировать в необходимом количестве вспомогательные охранные части — *хундертшафтен* (сотни) из военнопленных и жителей ок-

купированных областей, враждебно относящихся к советской власти.

Благодаря усилиям местных командных инстанций вермахта весной 1942 г. в тыловых районах групп армий и армий появилось множество охранных вспомогательных частей, не имевших, как правило, ни чёткой организационной структуры, ни штатов, ни строгой системы подчинения и контроля со стороны немецкой администрации. Их функции заключались в обеспечении безопасности во время уборки урожая, охраны комендатур, складов, железнодорожных станций, мостов, автомагистралей, лагерей военнопленных, где они должны были заменить немецких солдат, необходимых на фронте. Привлекались эти вспомогательные части также и к участию в антипартизанских операциях, для чего в отдельных случаях в их составе создавались специальные *ядкоманды*.

В группе армий «Север» такие части были известны как *айнвонеркамифсфербенде* или *айнвонеркамифсбтайлунген* (местные боевые соединения и отряды), в группе армий «Центр» — как *орднунгсдинст* (служба порядка), *фольксвер* и *фольксмилици* (народная стража и народная милиция), в группе армий «Юг» (впоследствии разделённой на группы армий «А» и «Б») — как *хильфсвахманншафтен* (вспомогательные охранные команды). Эти отряды, формировавшиеся по территориальному принципу, насчитывали от 100 до 250 человек. В некоторых случаях они сводились в более крупные части, а на территории Локотского автономного округа (Орловская область) из частей местной «народной милиции» была сформирована бригада в составе пяти пехотных полков и бронедивизиона общей численностью до 12 тыс. человек с танками, бронемашинами и артиллерией. Возглавляемая локотским обер-бургомистром Б. В. Каминским, она носила претенциозное название «Русская освободительная народная армия» (РОНА).

В конце 1943 — начале 1944 г. эти отряды в основном прекратили своё существование, влившись в состав регулярных формирований восточных войск — восточных батальонов и рот. Часть их личного состава дезертировала или перешла на сторону партизан. Бригада Каминского вошла в состав войск СС и в августе 1944 г. принимала участие в подавлении Варшавского восстания. В конце того же года её личный состав был передан на формирование 1-й дивизии РОА.

Добровольцы вспомогательной службы. Летом 1941 г. командиры германских соединений и частей, пытаясь своими силами решить проблему нехватки личного состава, возникшую из-за больших боевых потерь, стали высвобождать для фронта солдат тыловых подразделений, привлекая на их место добровольцев из числа военнопленных и гражданского населения, которых использовали как шофёров, конюхов, рабочих на кухне, разнорабочих и т. п. Добровольцы служили в составе рабочих команд, обозов,

санитарных частей, а также в боевых подразделениях в качестве подносчиков патронов, связных и сапёров. Известные первоначально как «наши русские» и «наши иваны», со временем они получили общее обозначение — «хиви» (см. выше).

Со временем некоторые «хиви», поначалу зачисленные на вспомогательные должности, переводились в состав охранных команд и антипартизанских отрядов, а те, что входили в состав боевых частей, получали оружие и участвовали в боях наравне с немецкими солдатами. По немецким оценкам, таковых было около 20% от общего числа «хиви». Штатная численность «хиви» увеличивалась при фактическом уменьшении штатов немецких дивизий. Так, штаты пехотной дивизии, установленные 2 октября 1943 г., предусматривали привлечение 2005 добровольцев на 10708 немецких военнослужащих (т. е. более 15%).

В люфтваффе в составе эскадрилий наряду с техническим и вспомогательным персоналом действовали русские экипажи, а во флоте комплектовались добровольцами из числа советских граждан части берегового обслуживания, батареи зенитной и береговой артиллерии и даже команды вспомогательных судов. Своими «хиви» обзавелись и военизированные вспомогательные организации, такие как Имперская служба трудовой повинности (РАД), военно-строительная «Организация Тодта» и транспортная организация «Шпеер». Если же говорить о географии их применения, то вспомогательный персонал из числа советских граждан был задействован практически на всех театрах военных действий — от Восточного фронта до Атлантического побережья Франции и от Норвегии до Северной Африки.

Одна из первых попыток определить общую численность восточных формирований и добровольцев, состоявших в рядах германской армии, была предпринята штабом генерала восточных войск — структуры, созданной в декабре 1942 г. для координации процессов формирования, обучения, материально-технического обеспечения и боевого применения частей, сформированных из советских граждан. В докладной записке капитана Доша от 2 февраля 1943 г. общий их численный состав в различных формированиях вермахта оценивался в 750 тыс. человек*. Из них 220–230 тыс. человек служили в боевых и охранных частях (80 тыс. — в национальных легионах, 80 тыс. — в восточных батальонах и ротах и 60–70 тыс. — в службе охраны порядка в тыловых районах), а 400 тыс. составляли добровольцы вспомогательной службы («хиви»). Однако при этом неясно, чем занимались остальные 120–130 тыс. человек. Возможно, это были военнопленные и гражданские лица, работавшие при немецких частях, но не занимавшие штатные должности.

Генерал восточных войск Х. Гельмх в своей докладной записке в Главное командование сухопутных войск от 22 марта 1943 г. определил общую численность своих подопечных в 430 тыс. человек: восточные батальоны (и роты) — 75 тыс., восточные легионы — 42,5 тыс., «хиви» — 310 тыс. При этом в записке отсутствуют данные по службе охраны порядка, а численность «хиви», как показывают другие источники, указана не фактическая, а штатная. Другие данные, предоставленные Гитлеру на совещании в Берхтесгадене 8 июня 1943 г. начальником Генерального штаба того же командования генерал-полковником К. Цейтцлером, выглядят ещё более скромными: 1 полк, 78 батальонов, 122 отдельные роты, 60 тыс. человек в составе отрядов местной вспомогательной полиции в тыловых районах и 220 тыс. «хиви». Он упомянул также о двух формирующихся дивизиях — 1-й казачьей и 162-й тюркской. В сумме получается около 360 тыс. человек, и данная цифра, скорее всего, недалеко от действительности.

Ещё два документа, содержащие сведения о численности советских граждан в рядах германских вооружённых сил, относятся к последним месяцам войны. Один из них — справка Министерства по делам оккупированных восточных территорий, где приводятся данные по состоянию на 24 января 1945 г. о численности представителей народов СССР, состоящих на службе в вермахте, войсках СС, полиции и различных военизированных формированиях, таких как «Организация Тодта» и РАД. Согласно этим данным, среди указанного контингента было 310 тыс. русских, 104 тыс. латышей, 36,8 тыс. литовцев, 36,5 тыс. азербайджанцев, 20,5 тыс. татар и представителей народов Средней Азии, 19 тыс. грузин, 15 тыс. представителей народов Северного Кавказа, 10 тыс. эстонцев, 10 тыс. крымских татар, 7 тыс. армян и 5 тыс. калмыков. Общая численность «восточных добровольцев», согласно этим данным, составляла 573,8 тыс. человек, а с учётом не упомянутых по какой-то причине казаков, украинцев и белорусов — более 600 тысяч.

Второй документ — справка, переданная правительством адмирала К. Дёница представителям союзного командования во Фленсбурге 20 мая 1945 г., в которой указано, что численность советских граждан, находившихся на службе в германских вооружённых силах на февраль 1945 г., составляла 665–675 тыс. человек, из них 600 тыс. — в сухопутных войсках, 50–60 тыс. — в люфтваффе и 15 тыс. — на флоте. Некоторые авторы, в частности А. Даллин, полагают, что данные цифры касаются только «хиви». Однако более вероятно, что речь идёт обо всех категориях «восточных добровольцев», причём не только в вермахте, но и в других военных и военизированных формированиях. В этом случае цифры «фленсбургской справки» вполне согласуются с приведёнными выше.

* Примерами подобных оценок могут служить также данные М. А. Гареева — 200 тыс., Л. Е. Решина — 280 тыс. и П. А. Пальчикова — 40 тыс.

Примером наиболее взвешенной оценки численности восточных формирований является фундаментальное исследование истории германской сухопутной армии в 1933–1945 гг., подготовленное бывшим генералом вермахта Б. Мюллером-Гиллебрандом. Согласно его данным в первой половине 1943 г. численность восточных войск (без «хиви») составляла от 130 до 150 тыс. человек, а добровольцев вспомогательной службы — от 220 до 320 тыс., т.е. всего от 350 до 470 тыс. человек. К концу 1943 г. численность восточных войск, по Мюллеру-Гиллебранду, увеличилась до 370 тыс. человек (очевидно, не только в вермахте, но и в войсках СС и полицейских частях, действовавших в оперативном подчинении армии), а «хиви», напротив, сократилась до 150–250 тыс. В итоге общая их численность достигла 520–620 тыс. человек.

Сводные таблицы по организации восточных войск, отражающие распределение частей по театрам военных действий, позволяют определить общую численность этих войск с достаточной степенью точности. При этом необходимо установить среднюю численность таких соединений, как полк, батальон и рота. В нашем распоряжении имеются, например, таблицы по восточным формированиям групп армий «Центр» и «Юг». Используя средние значения численности отдельных частей (без учёта немецких военнослужащих), можно вывести общую численность формирований восточных войск по состоянию на конкретную дату. Взяв в качестве исходных данных средние значения численности полка (1,5 тыс. человек), батальона восточного легиона (700), восточного или казачьего батальона/дивизиона (500) и отдельной роты/эскадрона/батареи (200), мы можем определить приблизительную численность восточных войск по состоянию на 5 мая и на 22 ноября 1943 г. в 171,5 тыс. и 192,6 тыс. человек соответственно. При всей очевидной погрешности подобных расчётов приведённые данные представляются близкими к истине.

Суммируя их с зафиксированными в «Военном дневнике Верховного главнокомандования вооружёнными силами Германии» данными о численности добровольцев вспомогательной службы по состоянию на 15 марта и 1 декабря 1943 г. (соответственно 147,9 тыс. и 262,3 тыс. человек), а также с приведёнными выше сведениями местной вспомогательной полиции тыловых районов (60–70 тыс. человек), можно приблизительно определить общую численность советских граждан, служивших в рядах вермахта в 1943 г., — 380–540 тыс. человек, в том числе 170–200 тыс. в составе отдельных восточных боевых и тыловых частей, 60–70 тыс. в составе вспомогательной полиции, 150–270 тыс. в рядах добровольцев вспомогательной

службы (включая наземный персонал люфтваффе и личный состав «Организации Тодта»).

Интересно, что в последние полтора года войны численность восточных войск сохранялась примерно на одном уровне. Согласно имеющимся в распоряжении автора сводным таблицам штаба генерала добровольческих соединений (так с 1 января 1944 г. именовалась должность генерала восточных войск), общая расчётная численность этих формирований составляла: на 9 июня 1944 г. — 204 тыс., на 8 октября 1944 г. — 172,5 тыс., на 27 марта 1945 г. — 191,5 тыс. человек. На динамику численности влияли, с одной стороны, боевые и небоевые потери, а с другой — приток новых пополнений из лагерей военнопленных и передача в ряды восточных формирований контингентов из числа «хиви» и местной вспомогательной полиции.

За весь же период войны 1941–1945 гг. через восточные формирования вермахта, по самым осторожным нашим оценкам, прошло не менее 700 тыс. советских граждан, из которых примерно 300 тыс. служили в боевых и тыловых формированиях действующей армии (включая восточные легионы, казачьи части, восточные батальоны и роты) и в отрядах вспомогательной полиции в зоне военного управления, а остальные были добровольцами вспомогательной службы, состоявшими в частях германской армии в индивидуальном порядке или в составе небольших групп. Исключая не входившие в вермахт формирования (прежде всего легионы СС и местной вспомогательной полиции рейхскомиссариатов), численность которых можно оценить как минимум в 400 тыс. человек*, на службе Третьего рейха в годы Второй мировой войны состояло не менее 1,1 млн. наших соотечественников, а, возможно, и более.

Таким образом, цифра в 1–1,2 млн. представляется вполне реальной для оценки общей численности советских граждан, служивших в рядах вермахта и других вооружённых и военизированных формирований Третьего рейха. Согласно имеющимся данным, из них до 290 тыс. составляли жители прибалтийских республик (150 тыс. латышей, 90 тыс. эстонцев, 50 тыс. литовцев) и до 250 тыс. — представители тюркских и кавказских народов (75 тыс. туркестанцев**, 40 тыс. волжских татар, 20 тыс. крымских татар, 40 тыс. азербайджанцев, 30 тыс. северокавказцев, 25 тыс. грузин, 20 тыс. армян). Примерно половина общей численности военных коллаборационистов принадлежала к вспомогательному персоналу вермахта, зачастую не имевшему оружия, а также к местным городским и сельским командам вспомогательной полиции (включая пожарную охрану) и отрядам самообороны, хотя и вооружённым, но, как правило, не принимавшим участия в боевых действиях.

* К концу 1942 г. в рядах местной вспомогательной полиции рейхскомиссариатов состояло, по германским данным, более 300 тыс. человек. Численность прибалтийских и украинских частей СС за весь период войны оценивается в 90 тыс. человек.

** Приведённая цифра включает также военнопленных и восточных рабочих. Реальная же численность представителей народов Средней Азии в вермахте, по-видимому, была вдвое меньше. Более точных данных, к сожалению, нет.

С точки зрения морально-политического состояния эти антисоветские формирования с самого начала не были однородными. Наряду со сравнительно устойчивым ядром из идейных врагов советской власти было много колеблющихся, чей выбор в пользу сотрудничества с врагом был продиктован стремлением вырваться из лагерей для военнопленных. Немалую часть добровольцев составляли люди, внутренне готовые использовать момент для перехода на сторону Красной армии и партизан. Причём на протяжении войны численность первой категории неуклонно сокращалась, а последних двух — увеличивалась (например, в 1-й дивизии РОА в начале 1945 г., по немецким оценкам, их доля доходила до 80%).

В связи с вышесказанным едва ли коллаборационизм советских граждан и эмигрантов в годы Великой Отечественной можно считать вооружённым сопротивлением сталинскому режиму, а тем более выдвигать тезис о «второй гражданской войне». Хотя создание и деятельность ряда антисоветских формирований (таких, например, как Русский охранный корпус в Сербии, казачьи части вермахта и бригада Каминского) можно рассматривать как своего рода рецидив Гражданской войны, однако оценивать таким образом службу подавляющего большинства восточных частей, отрядов местной полиции и добровольцев вспомогательной службы совершенно неприемлемо.

- ¹ Военно-исторический журнал. 1991. № 4. С. 49.
- ² Война Германии против Советского Союза. Берлин, 1992.
- ³ Знамя. 1994. № 8. С. 179.
- ⁴ Красная звезда. 1995. 31 марта.
- ⁵ Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933–1945 гг. М., 2002.
- ⁶ Новая и новейшая история. 1993. № 2. С. 144.
- ⁷ Общая газета. 1996. 25–31 января.
- ⁸ Dallin A. German Rule in Russia 1941–1945: A Study of Occupation Policies. London-NY, 1957.
- ⁹ Der Zweite Weltkrieg im Bild und Dokumenten. Bd. 2. München, 1962.
- ¹⁰ Lagebesprechungen im Führerhauptquartier. Stuttgart, 1964.
- ¹¹ Kriegstagebuch des Oberkommando der Wehrmacht. Frankfurt/Main, 1961–1965. Bd. 3. 01.04–30.06.1943; 31.12.1943.

Табачник Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, директор Национального экспертного института Украины, депутат Верховной рады Украины

Пролог власовщины: военные и полицейские формирования третьего рейха, созданные в 1941 г. из украинских националистов

Ко времени создания Русской освободительной армии (РОА) гитлеровские спецслужбы и командование вермахта уже имели значительный опыт создания и использования в войне против СССР коллаборационистских военных и полицейских подразделений, сформированных из украинских националистов. При организации власовских частей этот опыт широко ими использовался для военной, диверсионно-разведывательной, репрессивно-карательной и пропагандистской работы. Исходя из этого, изучение истории созданных немцами в 1941 г. формирований украинских националистов позволит лучше понять мотивы, которыми руководствовалось командование вермахта и СС в работе с власовскими коллаборационистами.

Наиболее крупными подразделениями, созданными абвером ещё до начала войны с СССР, являются батальоны «Нахтигаль» и «Роланд» — специальные диверсионно-разведывательные подразделения, состоявшие из членов бандеровской Организации украинских националистов — ОУН(б).

В феврале 1941 г. референт разведки и связи ОУН(б) Рихард Ярый начал переговоры с предста-

вителями абвера об обучении нескольких сотен бандеровских боевиков. Итогом переговоров с участием Степана Бандеры, главы абвера адмирала Вильгельма Канариса и командующего Сухопутными силами вермахта генерал-фельдмаршала Вальтера фон Браухича стало соглашение о подготовке 800 рядовых и командиров для действий в тылу Красной армии после начала военных действий. В документах абвера создающиеся формирования были обозначены как специальное подразделение «Нахтигаль» и специальное подразделение «Роланд», которые из документов и историографии ОУН(б) известны как дружины украинских националистов («группа Север» и «группа Юг» соответственно), или Украинский легион имени Степана Бандеры.

Официально создание батальонов было санкционировано 25 февраля 1941 г. приказом адмирала Канариса.

Набор личного состава проводился в Кракове, где курсанты проходили базовую подготовку, и осуществлялся абвером согласно указаниям уполномоченных ОУН(б). Специализированная подготовка была налажена в лагерях на территории

оккупированной Польши и Германии, куда поначалу направляли тех, кто должен был получить усиленную диверсионно-разведывательную подготовку.

Курсанты обучались минному делу, диверсиям на транспорте и линиях связи, технике проведения террористических актов. После подготовки в лагерях основной состав «Нахтигаль» был переправлен в Бранденбург, где началось обучение совместным действиям с 1-м батальоном специального диверсионно-разведывательного полка абвера «Бранденбург-800». Его командир, майор Фридрих Гейнц, осуществлял общее руководство; обер-лейтенант Ганс-Альбрехт Герцнер был немецким командиром «Нахтигаль», а его украинским командиром от ОУН(б) — Роман Шухевич. Задачи координации между немецким командованием и ОУН(б) выполнял обер-лейтенант Теодор Оберлендер. Следует отметить, что Шухевич, не будучи гражданином Германии и вопреки Нюрнбергским расовым законам, благодаря Канарису сразу получил звание гауптмана, что было для вермахта исключительным случаем и показывало, какое значение придавало немецкое командование использованию украинских националистов.

К началу лета 1941 г. бойцы «Нахтигаль» были обучены технике диверсионно-разведывательной работы, батальон был укомплектован немецким командным составом и получил стандартное обмундирование вермахта.

В батальоне «Роланд» украинскими командирами были сначала Рихард Ярый, а потом Евген Побигущий, тоже получивший звание гауптмана.

Окончившие обучение к концу мая 1941 г. диверсионные группы «Нахтигаль» были переброшены на советскую территорию к середине июня. Им были поставлены задачи по минированию военных объектов, диверсиям на транспорте и линиях связи, террористические акты против командного состава Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА). Основную часть батальона, находившегося в оперативном подчинении командования 1-го батальона полка «Бранденбург-800», перебросили к линии наступления в районе Перемышля к 21 июня. Ему предстояло осуществлять диверсионные операции в передовом эшелоне группы армий «Юг». 22 июня в 3 часа утра 1-й батальон «Бранденбург-800» и «Нахтигаль» перешли границу на реке Сан и начали продвижение в сторону Львова. Однако, если не считать ранее заброшенных в тыл Красной армии диверсионных групп, батальон исполнял в основном чисто карательные функции — уничтожал всех заподозренных в нелояльности к ОУН(б), не успевшие эвакуироваться семьи военнослужащих РККА, присланных с Востока Украины специалистов народного хозяйства, еврейское и в значительной мере польское население.

Сразу после вступления «Нахтигаль» во Львов, 29 июня 1941 г., началась операция по уничтожению польской интеллигенции, во время которой погибли 38 профессоров Львовского университета. Детальные

списки на уничтожение были составлены заранее, в них были указаны домашние адреса будущих жертв и их родственников.

По личному указанию Шухевича начались также массовые убийства евреев и всех заподозренных в отрицательном отношении к украинскому национализму. Общее количество жертв колеблется, по разным оценкам, от 3 до 4 тысяч. В конце концов убийства достигли такого незапланированного немцами размаха, что германское командование сочло необходимым через 10 дней передислоцировать «Нахтигаль» в Тернополь, откуда тот начал движение по маршруту Проскуров–Жмеринка–Винница. Как и ранее, диверсионно-разведывательных функций «Нахтигаль» практически не выполнял, а использовался как эйнзатцгруппа. По маршруту следования нахтигальевцы проводили карательные акции, включая тотальное уничтожение еврейского населения.

«Роланд» действовал на южном отрезке фронта, на румынской границе. Из-за менее успешного продвижения немецко-румынских войск он попал на территорию УССР только в июле 1941 г. и вообще не занимался диверсионно-разведывательной работой. Во время продвижения к Одессе батальон, как и «Нахтигаль», выполнял исключительно карательные функции, проводя массовые убийства еврейского населения. В октябре «Роланд» находился в городе Балта Одесской области, где расстрелял оставшихся евреев и значительную часть мирного населения других национальностей.

В конце октября 1941 г. оба батальона были переброшены во Франкфурт-на-Одере, где началось обучение личного состава для несения охранных полицейских функций и противопартизанской борьбы. В ноябре того же года «Нахтигаль» и «Роланд» были переформированы в 201-й шуцманншафтбатальон — первый из позднее сформированных семи украинских шуцманншафтбатальонов. Мотивы действий немецкого командования по расформированию спецподразделений и их передаче из подчинения абвера в ведомство рейхсфюрера СС Гимmlера достаточно очевидны: «Нахтигаль» и «Роланд» не оправдали ожиданий командования вермахта как диверсионно-разведывательные формирования, но оказались способны выполнять функции эйнзатцгрупп.

Уже 25 ноября 1941 г. с личным составом батальона начали заключать индивидуальные контракты сроком на 1 год — с 1 декабря 1941 г. по 1 декабря 1942 г. После прохождения обучения около 700 солдат и 22 офицера четырёх рот 201-го шуцманншафтбатальона были переброшены в Белоруссию, где перешли в подчинение обергруппенфюрера СС, генерала войск СС и полиции Эриха фон дем Бах-Зелевски — начальника полиции сектора «Центральная Россия».

Этот батальон возглавил гауптман Евген Побигущий, а его заместителем и командиром одной из рот стал Роман Шухевич. С весны до зимы 1942 г. эта часть действовала против партизан и участвовала

в карательных операциях на территории Белоруссии. 29 сентября батальон понёс наибольшие потери — 27 солдат и офицеров.

За 9 месяцев пребывания в Белоруссии 201-й штурманшафтбатальон потерял 49 человек убитыми и 40 ранеными, уничтожив, по его собственным данным, более 2 тыс. партизан. Однако, согласно имеющимся архивным документам партизанского движения, в зоне действий батальона партизаны в этот период понесли значительно меньшие потери. Не вызывает сомнения, что подавляющее большинство из «уничтоженных партизан» составляли мирные жители.

Среди прочих военных преступлений батальона в зоне его действий можно назвать и полное уничтожение еврейского населения.

За успехи в борьбе с партизанами офицеры Бринский, Малый и Герцык были награждены медалями, а весь батальон — знаком «За борьбу с партизанами». При прощании с личным составом генерал Бах-Зелевски особо отметил, что из подчинённых ему подразделений батальон лучше всех справлялся с партизанами.

После истечения срока контракта, с 5 декабря 1942 г. до 14 января 1943 г., батальон частями был переброшен во Львов. В дальнейшем все служившие в нём заняли командные должности в дивизии СС «Галичина» и Украинской повстанческой армии (УПА). Так, Побигущий стал в 1944 г. командиром 1-го батальона 29-го гренадёрского полка дивизии СС «Галичина» и получил звание штурм-банфюрера СС, а Шухевич возглавил созданную при содействии абвера УПА.

Среди других украинских коллаборационистских формирований следует также отметить так называемые «курени» — подразделения украинской вспомогательной полиции, ставшие позднее основой для формирований штурманшафтбатальонов.

Первым в начале августа 1941 г. был создан Буковинский курень. Он был сформирован по соглашению Андрея Мельника, руководителя ОУН(м), с командованием вермахта, выделившим финансирование и оружие. Командиром Буковинского куреня был назначен мельниковец Пётр Войновский, позднее возглавивший штурманшафтбатальон и получивший звание штурмбанфюрера СС.

Курень присоединился к так называемым «походным группам» ОУН(м), которые с санкции немецкого командования направлялись на оккупированные территории Украины для создания органов коллаборационистской администрации и полиции. «Походные группы» действовали под руководством видных националистов Омеляна Сенюка и Мыколы Сциборского, а после их убийства бандеровцами 30 августа 1941 г. в Житомире командование над группами приняли Олесь Кандыбы-Ольжич и Зыбачинский.

Буковинский курень также считался резервом руководящих кадров для коллаборационистской ад-

министрации. Значительная часть командного состава куреня заняла в ней руководящие должности: например, ротный Орест Масикевич стал бургомистром Николаева.

В августе 1941 г. курень занимался уничтожением еврейского населения и советских военнопленных на территории Буковины. В сентябре «буковинцы» прибыли в Киев, где проводили расстрелы в Бабьем Яру, в том числе массовое убийство евреев 29–30 сентября, в ходе которого погибло более 33 тыс. мирных жителей.

Вместе с ними в этих расстрелах участвовал и Киевский курень — созданное в сентябре подразделение украинской вспомогательной полиции под командованием мельниковца Петра Захвалынского.

В ноябре 1941 г. Буковинский и Киевский курени были расформированы, а на их основе создана Киевская вспомогательная полиция под командованием Захвалынского, а также 115-й и 118-й штурманшафтбатальоны. Эти батальоны охранной полиции были направлены немецким командованием для проведения карательных операций в Белоруссию, где отличались особой жестокостью даже по сравнению с немецкими эйнзатцгруппами. Так, именно 118-й штурманшафтбатальон украинских националистов уничтожил Хатынь вместе с её жителями.

В заключение необходимо отметить, что националистический коллаборационизм нынешнее руководство Украины не только не осуждает, но и преподносит в качестве образца патриотизма. Символично, что президентским указом Шухевичу присвоено звание Героя Украины. И это решение, как и восхваление других коллаборационистов-националистов, в том числе воевавших в составе «Нахтигала», «Буковинского куреня», дивизии СС «Галичина» и УПА — вовсе не внутреннее дело Украины. Речь идёт не о локальном внутриполитическом явлении. Впервые с 1945 г. на высшем государственном уровне предпринята попытка пересмотреть итоги Второй мировой войны, попытка не только реабилитировать, но и героизировать преступную организацию СС, попытка оправдать преступления против человечности и идеологию национал-тоталитаризма в целом. Такие действия уже давно были юридически квалифицированы как преступление приговором Нюрнбергского международного трибунала, который является неотъемлемой частью действующей системы международного права. Впервые Европа столкнулась с подобным вызовом, и ответ на него должен основываться не на эмоциях, а на положениях международного права.

Особую циничность действиям украинской власти придаёт то обстоятельство, что официальные СМИ и историки постоянно ссылаются на якобы проходящую в России реабилитацию Власова. При этом умалчивается, что власовщину пытаются реабилитировать только маргинальные организации и политики. Стараются не упоминать о том, что такие попытки немедленно получают должную оценку

органов государственной власти, и показательным в этом отношении является создание при Президенте России Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории. На Украине же речь идёт о последовательной государственной политике «коллорабационистской Реконкисты», а присвоение

звания Героя Украины преступникам, сооружение мемориалов эсэсовцам и палачам ОУН и УПА служат инструментами создания тоталитарной системы с неизменными со времён Второй мировой войны русофобской, антисемитской и антиправославной составляющими.

**Бочарников Игорь Валентинович, доктор политических наук,
профессор Академии военных наук Министерства обороны РФ**

Деятельность и ликвидация бандформирований на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны

Фашистская агрессия против СССР стала действенным фактором активизации антироссийски настроенных националистических сил Северного Кавказа. Обстановка во многом осложнялась тем, что в предвоенные годы были допущены перекосы в ходе коллективизации, репрессии в отношении местных руководителей, духовенства и интеллигенции, которые создавали потенциально конфликтную ситуацию в регионе. Эти обстоятельства оказались в центре внимания немецких спецслужб.

«С первых дней Великой Отечественной войны, — доносил в Ставку Военный совет Северо-Кавказского военного округа, — резко активизировались националистические элементы на всей территории Северного Кавказа, в особенности в Урус-Мартановском, Ачхой-Мартановском и Советском районах Чечни». С тревогой отмечалось, что основная масса местного населения не желает участвовать в войне против немецких захватчиков. Это выразилось в том, что под влиянием таких настроений две трети мужчин, подлежащих призыву, уклонились от него. Звучали также заявления, что если в войну вступит Турция, то всё русское население будет вырезано. Мужчины уходили в горы, где создавали банды, численность которых доходила до 600–700 человек. Нередкими были случаи, когда уже призванные в армию жители ряда республик Кавказа с оружием уходили в горы и вливались в эти отряды. Руководили бандами, как правило, бывшие партийные или государственные работники из местных органов власти, были среди них даже сотрудники НКВД.

В феврале 1942 г. в Шатое и Итум-Кале поднял мятеж бывший прокурор Чечено-Ингушетии Майрбек Шерипов, который объединился с действовавшей в этих местах бандой Хасана Исраилова.

Были созданы объединённый штаб и повстанческое правительство. В июле того же года сепаратисты приняли воззвание к чеченцам и ингушам, в котором говорилось, что кавказские народы ожидают немцев как гостей и окажут им гостеприимство взамен признания независимости Кавказа.

Присутствие националистических банд создавало благоприятные условия для диверсионно-террористической деятельности в регионе. Уже в июле 1941 г.

немецкое командование стало разворачивать здесь сеть разведывательных и диверсионных школ, где готовились диверсанты исключительно для Северного Кавказа. Для пополнения этих школ в лагерях военнопленных инструкторы полка специального назначения «Бранденбург-800» начали вербовку выходцев с Кавказа. Формировались целые роты из представителей коренного населения этого региона. Осенью 1941 г. в лагере «Штрасс» было сформировано специальное воинское подразделение — батальон «Бергман» («Горец»), предназначенный для подрывной работы на Кавказе. Личный состав батальона насчитывал 1,5 тыс. человек и был разбит на пять рот. 1-я и 4-я были укомплектованы грузинами; 2-я — карачаевцами, кабардинцами, осетинами, ингушами, чеченцами; 3-я — азербайджанцами; 5-я — армянами. К осени при батальоне были сформированы два кавалерийских эскадрона. В июле 1942 г. батальон «Бергман» прибыл в Таганрог, где 1-я и 3-я роты были приданы 23-й танковой дивизии и действовали в районе Моздока, 2-я рота — 13-й танковой дивизии в районе Майкопа, 4-я рота дислоцировалась в районе Эльбруса. Из личного состава 2-й и 4-й рот были назначены бургомистры и старосты в оккупированных районах Северного Кавказа. Перед 5-й ротой была поставлена задача по захвату Военно-Грузинской дороги. Кавалерийские эскадроны действовали также в тылу советских войск в долине реки Баксан.

Подразделения специального назначения перебрасывали в тыл советских войск диверсионные группы для разрушения коммуникаций и создания паники. Одной из таких групп под видом отходящих раненых красноармейцев удалось захватить мост в районе Майкопа. Кроме того, все роты проводили операции по захвату «языков», разбрасывали листовки за линией фронта, выступали по радио с призывами переходить к немцам.

Две трети полка (позднее — дивизии) «Бранденбург-800» с лета 1942 г. были также задействованы в боях на Северном Кавказе. В штатах 4-го батальона в июле 1941 г. была развёрнута, но готовилась отдельно, особая группа капитана Ланге, условно именовавшаяся «предприятие Ланге». Этот лагерь среди агентов был известен под названием «Кавказский

орёл». Подчинялась команда непосредственно отделу Абвер-2 управления «Абвер-заграница». Агенты были сведены в три учебные группы (30–35 человек) по принципу землячества.

В конце июля 1942 г. группа агентов — адыгейцев, карачаевцев, кабардинцев и черкесов под командованием фельдфебеля Морица была переброшена в район Майкопа. Спустя месяц группа капитана Ланге в количестве 30 человек, укомплектованная главным образом чеченцами, ингушами и осетинами, была переброшена в районы селений Чишки, Дачу-Барзой и Дуба-Юрт Атагинского района для проведения одной из наиболее масштабных по замыслу абвера диверсионной акции по захвату нефтяных месторождений и нефтеочистительных заводов в Майкопе и Грозном. Операция получила название «Шамиль». Диверсионная группа состояла из переодетых в советскую военную форму немецких солдат и агентов из числа военнопленных (в соотношении 1:2). Обучение проводилось в специальном лагере. Заброска парашютистов состоялась примерно за 3–8 дней до ожидавшегося наступления германских войск.

Всего во время войны различными германскими разведывательными органами на территорию Чечено-Ингушской АССР было заброшено 8 парашютных групп общей численностью 77 человек: 5 групп общей численностью 57 человек — в июле-августе 1942 г. и 3 группы численностью 20 человек — в августе 1943 г.

Немецкое военное командование и разведывательные органы ставили перед забрасываемыми агентами-парашютистами и разведчиками достаточно конкретные задачи:

- создать и максимально усилить повстанческие формирования, чтобы отвлечь на себя части действующей Красной армии;
- перекрыть важные для продвижения Красной армии дороги;
- провести ряд диверсий;
- совершать террористические акты и т. п.

В летнем наступлении 1942 г. германское командование поставило перед диверсионной частью абвера («Бранденбург») задачу оказать помощь действовавшим на южном крыле советско-германского фронта немецким войскам и одновременно установить связь с бандформированиями, действовавшими на Кавказе.

Перенос линии фронта на территорию Северного Кавказа и появление там фашистских войск вызвало новый всплеск антисоветских и антиросийских настроений среди горцев. Участились нападения на отдельные воинские подразделения, тылы и транспорты. Стали массовыми случаи террористических актов против военнослужащих и отдельных граждан, диверсий на предприятиях, коммуникациях и линиях связи. Немецкая агентура пыталась координировать действия местных повстанческих отрядов, а также провоцировать в тылу Красной ар-

мии вооружённые выступления против советской власти. С этой целью распространялись немецкие листовки, в которых народам Кавказа обещали передать извечно спорные земли их соседей. В листовках систематически напоминалось об обидах столетней давности, причинённых русскими. Чеченцев призывали уничтожать «русских захватчиков» и помогать «Великой Германии». Противник рассчитывал на так называемый «кавказский эксперимент», суть которого сводилась к организации всеобщей борьбы населения Кавказа с советской властью. Используя национально-бытовые особенности населения Чечни, повстанцы угрозами и распространением слухов о неизбежном поражении СССР спровоцировали вооружённые выступления против советской власти, произошедшие в разное время в период с 28 октября по 8 ноября 1941 г. Однако своевременные действия НКВД и властей позволили ликвидировать эти выступления достаточно быстро. Часть их участников вернулась в свои селения, а большинство, в том числе организаторы и руководители, скрылись в горах и перешли на нелегальное положение.

Наиболее активно бандформирования и террористические группы действовали на Северном Кавказе в 1942 г. Так, только на территории четырёх районов Дагестанской АССР и Азербайджанской ССР (Дербентско-Табасаранского, Кайтакского, Хивского и Касушкентского) в сентябре 1942 г. насчитывалось 33 бандгруппы численностью до 500 человек. Население этих районов оказывало бандитам материальную помощь и укрывало их. С немецких самолётов для них сбрасывались оружие и имущество, что доказывает связь бандформирований с германскими войсками. Абвер и РСХА всячески подталкивали эти группы к активным действиям, понимая, что для борьбы с ними в горных условиях советская сторона должна будет перебросить с фронта значительные силы и средства.

Советское командование для охраны своего тыла было вынуждено проводить специальные операции, к которым привлекались значительные силы. Оперативные документы тех лет свидетельствуют, что в различные периоды обороны Кавказа в борьбе с бандитизмом участвовали также и войсковые формирования, снятые непосредственно с фронта, в частности 242-я горнострелковая, 347-я и 317-я стрелковые дивизии Закавказского фронта, 28-я запасная стрелковая бригада, Орджоникидзевская дивизия НКВД, практически все военные училища, расположенные на территории Закавказского фронта. Задачи по борьбе с бандгруппами выполняли также 44-я и 28-я армии.

Таким образом, на Кавказе советским войскам приходилось воевать на два фронта, поскольку удара можно было ожидать не только со стороны немцев, но и с тыла, со стороны местного населения. О том, какую опасность представляли банды в тылу наших войск, свидетельствуют следующие факты: 27 июля 1942 г. резервная рота 66-го полка попала в засаду

в районе горы Кур-Кумас и была блокирована бандой. Только через четверо суток с помощью прибывшего 114-го полка войск НКВД роте удалось вырваться из мешка. Одна из крупных банд в январе 1944 г. сковала выдвижение целой стрелковой дивизии, которая горной дорогой шла в район Нальчика. Постоянными были обстрелы колонн войск, передвигавшихся по горным дорогам, нападение на железнодорожные составы, угоны скота, террор.

В августе 1942 г. объединённые бандгруппы Бадаева, Магомадова и другие в количестве 1,5 тыс. человек окружили районный центр Итум-Кале и находившийся там небольшой гарнизон советских войск, попытавшись захватить власть в этом горном районе. Принятые органами НКВД агентурно-оперативные и войсковые меры позволили это восстание подавить. Часть его руководителей были ликвидированы или задержаны. Однако и после этого активность бандформирований не угасла.

Анализ документов свидетельствует, что главными методами бандформирований были терроризм, беспоякие действия и насильственные акции, в которых использовались факторы внезапности. Они проводились стремительно, тщательно и заблаговременно готовились, а после их завершения участвовавшие в них отряды максимально рассредоточивались. Последний приём давал ощутимые результаты даже в масштабе всего движения, но особенно эффективным он оказался для мелких отрядов и повстанческих очагов.

При этом в открытый бой бандформирования вступали только на хорошо известной им местности, и лишь обладая явным преимуществом. Небольшие войсковые подразделения истреблялись из искусных засад, внезапными и стремительными налётами, неизменно преследуя цель захвата оружия, военного имущества и продовольствия.

Особой подготовки требовал уход всей банды или части её в подполье. В этом случае члены формирования временно прекращали открытую деятельность, а отдельные участники банды переходили на нелегальное положение. Основной целью таких действий было стремление уберечь всю банду от разгрома в неблагоприятной для активных вооружённых действий ситуации. Такая тактика применялась и после нанесённого по базе и самой банде удара. Тогда её остатки уходили в подполье, чтобы сохранить силы, провести доукомплектование, пополнить арсенал и затем продолжить свою подрывную деятельность.

Сильным элементом тактики бандформирований являлась разведка. С этой целью организовывалось постоянное наблюдение за коммуникациями,

прослушивание линий связи. Особое место в организации разведки занимала работа с местным населением. Поддержанию связи с ним руководители бандформирований уделяли наибольшее внимание, поскольку это являлось важнейшим условием существования банд: население не только укрывало и снабжало их продовольствием (зачастую вынужденно), но и служило потенциальным резервом бандформирований.

Что касается советской стороны, то характерной тактикой борьбы с незаконными вооружёнными формированиями на Северном Кавказе в то время была не полная ликвидация, а вытеснение обнаруженных банд в горы и рейды по районам, где были обнаружены вооружённые группировки. Эта тактика сочеталась с оперативной и агентурной работой органов НКВД. К явным недостаткам действий советских войск можно отнести практику вытеснения противника в горы, слабое знание местности и плохую организацию разведки. Немаловажным являлось и то, что Красная армия, в отличие от повстанцев, не пользовалась поддержкой большинства местного населения. В результате действия по ликвидации бандитизма в целом ряде районов в 1942 г. не дали ожидаемых результатов. Банды, действовавшие там, были рассеяны, но не уничтожены. Уроки из опыта борьбы с бандформированиями извлекались, что называется, на ходу*.

В результате поражения немецких войск на Кавказе снабжение бандформирований оружием и материальными средствами резко ухудшилось, а затем и вовсе прекратилось, что стало сдерживающим фактором для роста повстанческого движения на Северном Кавказе. Успешные действия армии и НКВД против бандформирований, предпринятые в 1942–1943 гг., позволили уничтожить основные силы повстанцев. К концу 1944 г. все крупные банды в регионе были ликвидированы или рассеяны. Однако борьба с их остатками продолжалась и после войны.

Для пресечения деятельности бандформирований советское руководство решило одним ударом максимально сузить социальную базу повстанчества. В конце 1943 — начале 1944 г. органы НКВД по распоряжению Сталина провели поголовную депортацию ряда северокавказских народов (чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев) из мест их постоянного проживания в отдалённые районы Средней Азии и Казахстана (всего было выселено 581 644 человека). Однако эта масштабная, бесчеловечная и откровенно репрессивная акция не решила проблемы бандитизма на Северном Кавказе.

* Так, в результате операции, проведённой советским командованием осенью 1942 г., в течение боя 2–3 октября основная часть обнаруженной бандгруппы была уничтожена. Противник потерял более 150 человек убитыми, а более 230 были захвачены в плен. В ходе прочёсывания лесных массивов удалось разгромить 8 бандитских штабов, в том числе и те, которые поддерживали связь с немцами и возглавлялись кадровыми немецкими разведчиками. Это стало возможным благодаря грамотным действиям советских командиров, которые не стали вытеснять противника, а фланговыми ударами расклекли группировку, блокировали разрозненные группы и прочесали местность, не позволив противнику безнаказанно уйти от преследования.

Большинство граждан северокавказских республик пострадали незаслуженно, а уклонившиеся от выселения и возмущённые жестокими репрессиями перешли на нелегальное положение и ушли в горы, пополнив ещё не ликвидированные на февраль 1944 г. бандформирования. Массовая депортация северокав-

казских народов поставила под сомнение легитимность борьбы с бандформированиями и обострила и без того сложные межнациональные отношения в регионе. Более того, в последующем именно эта акция стала одним из основных факторов дестабилизации внутривнутриполитической ситуации на Северном Кавказе.

Фоменко Александр Владимирович, директор Центра изучения конкурентных преимуществ и альтернативных стратегий развития Российского государственного торгово-экономического университета (РГТЭУ)

Пересмотр итогов Второй мировой войны и проблема коллаборационизма: внешнеполитический аспект

Отношение западных стран, и особенно западных стран континентальной Европы, ко Второй мировой войне всегда отличалось и будет отличаться от нашего отношения к Великой Отечественной по нескольким причинам.

Очевидно, что действительно страшным испытанием для Европы стала Первая, а не Вторая мировая война. Для европейцев была Великой войной именно война 1914–1918 гг. Вторая мировая велась со страшными разрушениями и с нечеловеческим напряжением сил лишь на Восточном фронте. И только два государства — Советский Союз и германский рейх — заплатили по всем её счетам. И потому сегодня День Победы вне границ России и СНГ имеет непререкаемо большое значение лишь для Израиля.

Вооружённое сопротивление Гитлеру в Европе, в силу разных причин, носило вполне локальный характер: ни одно из государств континента не смогло или не захотело тогда меряться силами с Германией. И наше — русское и советское — отношение к этой войне не могут разделять граждане тех стран, для которых материальные бедствия войны сводились лишь к отсутствию кофе в свободной продаже. И это не преувеличение: именно так обстояло дело в либо оккупированной, либо контролируемой нацистами Западной Европе. Так, присутствие немецкого оккупационного гарнизона в Париже в начале 1940-х гг. не помешало ни выступлениям популярных французских шансонье, вроде Мориса Шевалье, ни творчеству представителей высокой культуры, вроде Жана Кокто.

Попытки пересмотреть итоги этой войны предпринимались и раньше, например в США, когда почти сразу после её окончания было принято решение о начале жёсткого противостояния с СССР — недавним союзником по антинацистской и антимилитаристской коалиции. В проводившихся в ходе «холодной войны» психологических операциях исторические факты были лишь материалом для создания обеими сторонами нужных им *идеологически верных* (на Западе говорят — *политически корректных*) образов.

В результате взаимных усилий к началу 90-х гг. прошлого века граждане СССР имели слабое пред-

ставление о степени ожесточённости японо-американской войны на Тихом океане, а граждане США и стран-сателлитов были уверены в том, что и немцев, и японцев разбили именно американцы при некотором участии англичан. Правда, дальнейшее занижение степени и значения участия в той войне Советского Союза и его армии дело тогда не пошло (конечно, не на официальном уровне, а *лишь* в средствах массовой информации). Ибо любой намёк на оправдание действий нацистской Германии (в духе современных Таллина или Львова) неизбежно ставил под сомнение роль самих англосаксонских *солдат-освободителей*, пришедших в Западную Европу в 1944–1945 гг.

Все существующие на современном Западе политические режимы легитимизированы именно былой победой *коалиции демократических наций*. Но историческое значение и политический смысл майской Победы 1945 г. для великих западных держав — США, Великобритании с её доминионами, Франции, Германии, как и для большинства остальных стран Европы, — различны.

Для Лондона — это последняя славная страница истории Британской империи, ибо уже через несколько лет, в 1949 г., после признания независимости Индии эта империя прекратила своё существование.

Для Вашингтона — это символ окончательного обретения геополитического наследства Британии и начало полномасштабного военно-политического присутствия в Европе.

Для Парижа — это подтверждение факта возвращения Франции в клуб великих держав после поражения 1940 г. и оккупации немцами половины собственной территории.

Для Берлина — это начало новой, уже не прусской, а европейской, посттоталитарной истории Германии, идейная основа её современной либеральной государственности.

А для других европейских столиц, не притязающих на статус мировых, происшедшая после мая 1945 г. смена правящих режимов во всех не бывших нейтральными европейских странах стала либо подтверждением неполной суверенности этих стран внутри западного мира, либо началом периода

столь же неполной суверенности внутри «социалистического лагеря». Эти страны с того момента стали лишь объектами, но никак не субъектами мировой истории.

Предпосылки для попыток пересмотра итогов Второй мировой войны были заложены ещё двадцать лет назад, в середине 1980-х гг., когда горбачёвский СССР согласился с воссоединением Германии. Именно тогда дальнейшее существование *ялтинско-потсдамско-хельсинкской* системы впервые было поставлено под сомнение. Хотя даже после вхождения ГДР в ФРГ эрозии этой системы вполне можно было избежать.

Однако после распада СССР и не только фактического перекраивания границ в Европе, но и перестройки всей мировой политической архитектуры, трудно было сохранить в неприкосновенности само идеологическое обоснование старой системы — мифологему о *союзной* победе во Второй мировой войне. Сегодня Западная Европа внутри своих старых границ всё ещё продолжает по инерции поддерживать оставшиеся от времён Хельсинкского совещания идеологические клише, а ОБСЕ делает всё, чтобы доказать неизменность старого курса. Тем не менее после агрессии стран НАТО против Югославии и последующего отторжения от Сербии её провинций Косово и Метохии эрозия старого мира стала уже необратимой.

Нужно иметь в виду, что, хотя правящие круги на Западе и вспоминают сегодня о победе над нацистами, делают они это иначе, чем мы.

Если мы как страна в будущем хотим добиться от европейских институтов каких-то дисциплинирующих действий в отношении некоторых новых членов ЕС, то нам явно не следует жаловаться в Брюссель на поведение всяких политических хулиганов.

Учитывая, что генерал Ш. де Голль, придя в 1944 г. к власти, отправил на казнь действительно великого поэта Робера Бразийяка, в общем-то, именно за его *предпочтение* Гитлера Сталину, понятно, какую судьбу он мог бы уготовить какому-нибудь корсиканскому или эльзасскому Степану Бандере.

Совершенно очевидно, что сегодняшние ссылки наших политических и государственных деятелей на мифологию «антигитлеровской коалиции» не имеют для их западных собеседников большого смысла. Вашингтон и Брюссель сегодня мало волнуют события в Ялте и Потсдаме: времена «Большой тройки» давно канули в Лету. Континентальную Европу явно не греют воспоминания о том, как прибывшие из-за океана или из-за Ла-Манша англосаксы (американцы и британцы) за столом переговоров с русскими коммунистами, но без остальных европейцев, определяли судьбу старого континента. Соединённым Штатам

тоже гораздо более приятна новейшая мифология их победы в «холодной войне»* вместе с нынешними западноевропейскими союзниками, нежели историческая реальность Ялты и Потсдама.

Сегодня политика России в области «мягкой силы» должна уступить место политике активной, инициативной. Реакция на те или иные попытки враждебной нам интеллектуальной ревизии итогов Второй мировой войны может иметь смысл только в качестве дополнения к нашим собственным починам в этой сфере. В «войне интерпретаций» следует тратить силы и время на правильную формулировку своих вопросов, предлагая вниманию Парижа, Лондона и Брюсселя соответствующую «ревизию» официальной западной интерпретации истории Второй мировой, а не на поиски нужных ответов на чужие вопросы.

Необходимо при каждом удобном случае напоминать Брюсселю и Парижу о содержании тех страниц европейской военной истории, к которым по воле победителей все послевоенные десятилетия не принято было привлекать излишнего внимания. (В Бельгии, например, сегодня публично даже не упоминается факт участия бельгийских добровольцев пехотной дивизии СС «Валлония» под командованием Леона Дегреля в боях на Восточном фронте, в частности в Эстонии.)

Мы должны поставить «старых европейцев» перед необходимостью определиться, должны ли они сегодня солидаризоваться с духовными потомками тех ветеранов Второй мировой, которые воевали за установление в Европе «нового порядка», или можно обойтись привычными клятвами в вечной дружбе с народами стран антигитлеровской коалиции.

Стоит нам лишь начать публичное обсуждение с западными коллегами неприглядных для западных стран фактов, и мы достаточно скоро почувствуем снижение градуса «войны интерпретаций», поскольку обращение к многогранной теме взаимоотношений Европы и гитлеровского нацизма — весьма неудобно для правящих либеральных европейцев всех стран, даже тех, которые в 1945 г. оказались на *правильной* стороне, на стороне англосаксонско-советских победителей.

Учитывая тот факт, что о наших чувствах Париж и Лондон сегодня особенно не заботятся, нам тоже не следует осторожничать. Впрочем, и нам тоже придётся расстаться с некоторыми историческими иллюзиями и штампами, ставшими привычными за прошедшие после войны десятилетия. Во-первых, мы, не вдаваясь в теоретические и практические различия между версиями европейского антилиберального и антикоммунистического национализма, называли всех без исключения врагов коммунизма и либерализма «фашистами», подразумевая при этом

* К сожалению, мы не очень настойчиво противостояли этой версии роковых событий рубежа 1980–1990 гг. Хотя, между прочим, Горбачёв в Рейкьявике, собственно, не «капитулировал», а закончил «холодную войну» на весьма почётных условиях. Всё, что происходило внутри бывших советских границ потом, после смещения Горбачёва Ельциным и роспуска СССР, относится к нашей внутриполитической, а не военно-дипломатической истории.

немецких национал-социалистов. Хотя разница между католическими корпоративистскими режимами доктора Салазара и генерала Франко, с одной стороны, и революционно-прогрессистскими проектами известного социалиста Бенито Муссолини и не менее известного национал-социалиста Адольфа Гитлера — с другой, огромная. Да и между фашистским режимом Муссолини, явно не симпатизировавшего немцам и идеологически чуждого каким-либо расовым мотивам, и режимом Гитлера различий было не меньше, нежели между двумя течениями ислама — суннитским и шиитским. Так, в июле 1943 г. именно Высший совет фашистской партии Италии проголосовал за отставку Муссолини (и некоторые его заслуженные члены, например Де Боно, заплатили за это головой*). В итоге Итальянское королевство в сентябре того же года замирилось с антигитлеровской коалицией, а 13 октября даже объявило войну Германии.

Во-вторых, в СССР неумеренно прославляли «всеевропейское движение Сопротивления» против нацизма, вне всякой связи с исторической реальностью придавая ему слишком большое значение. А ведь так называемое *Сопротивление* в странах старой Европы носило вполне локальный характер, воздействие его на военную машину Берлина было ничтожно малым. Более или менее масштабное партизанское движение существовало лишь на территории Сербии, а в рядах союзных армий против Гитлера воевали лишь поляки (в гораздо большем числе, нежели официальные победители — французы де Голля).

Славные легенды о французских коммунистах — героях антигитлеровского Сопротивления должны были, в частности, скрыть один бесспорный факт: люди Мориса Тореза в 1940 г. были «пораженцами», выступавшими против войны своей страны с нацистской Германией — тогдашним союзником советских коммунистов. Лишь после 22 июня 1941 г. французские коммунисты и нацисты оказались по разные стороны фронта.

Как в Париже, так и в Москве, Лондоне и Вашингтоне в послевоенные десятилетия предпочитали не вспоминать и о том, как именно появился на свет и что представлял собой известный «вишистский режим». Надо сказать, что национального героя Франции маршала Филиппа Петена (победителя битвы под Верденом) законно избранный французский парламент в 1940 г. с соблюдением необходимых формальностей наделил полномочиями главы *Французского государства*. Маршал был законным главой именно Французского государства, а не какого-то «режима Виши», и в глазах антигитлеровских союзников (как минимум до 1942 г., пока не разорвал отношения с ан-

гლოსаксами из-за их вторжения на территорию французской Северной Африки), и в глазах большинства французов (до осени 1944 г.).

Французское государство, возглавляемое маршалом Петеном, не *капитулировало* перед Германией: военные действия на францужско-немецком фронте были остановлены после подписания простого *перемирия* между Парижем и Берлином. И условия этого перемирия были много легче условий известного Брестского мира, заключённого в 1918 г. большевиками (Франции удалось при этом даже сохранить свою огромную колониальную империю).

Глава Французского государства (кстати, как и вождь Испании — генерал Франко), несмотря на давление Германии, так и не объявил войну ни США, ни СССР, т.е. фактически не был союзником Гитлера. Берлин должен был довольствоваться возможностью использовать на Восточном фронте части французских добровольцев из дивизии СС «Карл Великий»**.

Вообще говоря, граждане стран западной Европы вступали в ряды добровольцев «Ваффен СС» в гораздо большем количестве, нежели в ряды Сопротивления. В боевых частях СС этнических немцев было меньше, чем добровольцев из других европейских стран. Даже некоторые идеалистически настроенные представители нейтральных государств Европы вступали в ряды СС и отправлялись на Восточный фронт. Слава Богу, и к счастью для нас, число этих «пассионарных» адептов панъевропейского проекта Гитлера и Гиммлера измерялось сотнями тысяч, а не десятками миллионов.

Европейский коллаборационизм — это отдельная большая тема истории Второй мировой войны. И мы знаем о ней гораздо больше, чем, например, о мучениях и лишениях так называемых «перемещённых лиц», уже после войны миллионами покидавших места своего довоенного проживания или изгнанных оттуда не только советскими коммунистами, но и не-советскими либералами-антикоммунистами.

Но история историей, а сегодняшняя политическая реальность Европы вовсе не предполагает пересмотра основополагающей для послевоенного мирового миропорядка идеологии, даже если в войне *демократических наций* против нацизма и фашизма не всё было так просто, как утверждала пропаганда союзников — американская, британская и советская. И если даже относиться к ней по примеру известного немецкого историка Эрнста Нольте как к всеевропейской *гражданской* войне, то это вовсе не значит, что сегодня непременно нужно героизировать воинов Гая Мариа, проигравшего в начале I в. до Рождества Христова гражданскую войну Луцию Корнелию Сулле.

* Когда Муссолини, освобождённый из-под ареста немецкой группой специального назначения под командованием Отто Скорцени, попытался вернуться к власти на немецких штыках, создав на севере Италии так называемую *Республику Сало*, то с попавшими ему в руки бывшими соратниками, отказавшими ему в доверии, он поступил, так сказать, по законам военного времени.

** Ни в Москве, ни в Париже, ни в Берлине никогда не вспоминали о том, что воинским подразделением, до последней капли крови защищавшим рейхсканцелярию от наступающих советских частей, была именно рота этой дивизии СС.

Известно, что и в более ясных, как с моральной, так и с юридической точек зрения, случаях исторические изыскания и оценки не могут приводить и не приводят к пересмотру оценок политических. В пору американской Войны за независимость, например, десятки тысяч британских колонистов сохранили верность короне и заплатили за это, подвергшись беспощадным репрессиям после победы сепаратистов. Оставшись верными своему королю и своему государству, с современной точки зрения они пострадали совершенно безвинно. Но никакое правительство США не сможет позволить себе сомневаться в юридической и политической правоте Дж. Вашингтона и Т. Джефферсона.

Сегодня нам можно быть вполне откровенными в освещении всех без исключения трудных тем истории Второй мировой и Великой Отечественной войн. В том числе и темы русского и советского коллаборационизма. Нет таких тем, обсуждение которых может быть неудобно для нашей страны — не только правопреемницы СССР, но и наследницы Российской империи. Нет никаких причин объявлять деятельность разного рода русских и советских коллаборантов альтернативой тому антигитлеровскому сопротивлению, в котором объединилось безусловное большинство как советских граждан, так и русских антисоветски настроенных эмигрантов.

Понятно, что в условиях войны недопонимание природы гитлеровского режима и его отношения к нам, русским, можно было объяснять разного рода обстоятельствами, *бедствиями войны*, но сегодня эти объяснения неприемлемы. Смешно рассуждать о *борьбе с коммунизмом, а не с Россией* применительно к всеевропейскому походу против СССР в 1941–1945 гг.

Очевидно, что национал-революционер Гитлер не готовил для России никаких реставрационных проектов, а любой антикоммунистический проект неизбежно реставрационен, хотя бы по форме.

Сегодня можно только сожалеть о политической и человеческой наивности, с которой на «антикоммунистическую» идейную приманку клюнули многие европейские антикоммунисты, русские белоэмигранты и бывшие советские граждане, сотнями тысяч служившие как в немецких вооружённых силах, так и в различных этнических формированиях на стороне нацистов. Зимой и весной 1945 г. они вряд ли вступали в РОА и тем более шли в бой из простой трусости или каких-либо подобных чувств. Видимо, степень ненависти к режиму превышала у этих людей все возможные пределы, и можно только догадываться, какие события в их семейных историях и истории их страны послужили причиной этой ненависти. То, что в 20-е и 30-е гг. прошлого века советский режим сделал с подвластным ему народом, мы до сих пор не можем до конца понять. Похоже, никогда народы Российской империи не испытывали к своим правителям таких чувств, какие испытывали в 1920-е

или 1930-е гг. народы СССР. Если в 1914 г. латыши верноподданнейше просили Государя даровать им возможность создать национальные части латышских стрелков для борьбы с германской армией, то в 1941 г. национальные латышские части формировались уже и на немецкой стороне, в рядах «Ваффен СС». Если в 1916 г. Государь благодарил за военные подвиги на австрийском фронте *своих славных ингушей и чеченцев*, добровольно вступавших в русскую армию, то в 1944 г. маршал Сталин депортировал тех же горцев из родных мест, не будучи удовлетворён степенью их лояльности советскому режиму.

Весьма показательна в этом смысле судьба «белого» коллаборанта, видного русского писателя и героя Первой мировой войны генерала П. Н. Краснова. В 1941–1945 гг. он решил продолжить свою собственную Гражданскую войну с «красными», хотя яковинцев к тому времени уже вымели из Кремля корсиканской метлой, и из разнородного революционного сброда уже вырастали будущие сталинские маршалы.

Нужно признать фундаментальную разницу в юридической и моральной ответственности, так сказать, «белых» и «красных» коллаборантов. Ибо тот же Краснов, в отличие от Власова, определённо не предавал «нашу Советскую Родину» ни в 1941, ни в 1945 году. Присягу он давал в своё время государю императору, а не Советскому правительству. (С вполне февралистски настроенным семинаристом-коммунистом Власовым реакционер и казак Краснов, кстати, решительно не захотел иметь дела.) Поэтому Краснова можно было, в соответствии с нравами Гражданской войны, убить как политического врага советского режима, воевавшего на стороне тогдашнего противника, его можно осуждать за шашни с нацистами, но его, в отличие от Власова, не за что было судить советским судом.

С холодно-исторической точки зрения можно согласиться с тем, что у бойцов Русского корпуса генерала Штейфона, воевавшего в Югославии против коммунистических партизан Тито, как и у казаков Краснова и фон Паннвица, была своя правда в той войне. Но это совсем не отменяет того бесспорного факта, что своя правда была и у генштабистов Шапошникова, и у солдат Рокоссовского (тот и другой, кстати, были офицерами ещё царского производства). Эта-то историческая правда Шапошникова (а не Краснова) и победила в 1945 году.

Русскую судьбу в XX в. можно действительно считать трагической, потому что в высоком жанре трагедии все протагонисты правы, но итог трагедии — катастрофа. В отличие от драмы, где всем ясно — кто герой, а кто злодей. Но недаром ведь драма считается мещанским жанром. А Эсхил, Софокл и Еврипид — это что-то иное, бесконечно более высокое.

На чём нам действительно стоит настаивать в разговорах с бывшими союзниками по Второй мировой, так это на том, что последствия «мягкого» пересмотра её итогов, хотя и не столь уж очевидны

сегодня, но вполне угрожающе для существующей системы международных отношений. Это не всегда учитывают как в Риге и Таллине, так и в Вашингтоне, Париже и Лондоне.

Год 1945-й был не только годом военного торжества либерализма и коммунизма, но и годом военного поражения идеи этнического и расового национализма. Многонациональные имперские миры Вены и Петербурга, разрушенные под аккомпанемент мантр о «самоопределении» народов, были отмщены. Далеко не случайно те восточноевропейские политики, кто попробовал пересмотреть итоги Второй мировой и дать новую жизнь старым политическим проектам националистического свойства (вроде новой усташской державы 90-х гг. — Хорватии), не смогли сделать этого, не пролив реки крови.

Год 1945-й был годом прекращения внутриевропейского соперничества и противостояния, собственно, и породившего в начале века весь кошмар второй Тридцатилетней войны 1914–1945 гг. Даже будучи зажаты между Москвой и Вашингтоном, европейские страны именно тогда поверх блоковых барьеров почувствовали, наконец, свою континентальную общность.

Пересмотр политических итогов европейской гекатомбы означает восстановление под тем или иным предлогом старой парадигмы внутривидового соперничества в отношениях между европейскими державами. Европа из-за прививки ей восточноевропейского антикоммунизма рискует потратить годы на «исторические» разборки. Ведь если Рузвельт, Черчилль и Сталин были неправы в мае 1945-го, то тогда всё возможно в 2010-м или 2015-м!

Важный для нас вопрос — избавление от советских иллюзий о «всемирно-историческом значении» нашей победы во Второй мировой войне. Чтобы ощутить законную гордость за свою страну и свой народ, нам вполне достаточно сознания того, что это была *наша Великая победа в нашей Отечественной войне* и что в *такой* войне не мог добиться военной победы *никто, кроме нас*. Именно для нас и только для нас это была война на выживание. И именно мы нанесли военное поражение врагу на поле боя. Англы-американцы, канадцы и французы так никогда и не почувствовали, к счастью для них, что означают слова, выбитые на сталинских медалях: «За взятие...» (читай — Кенигсберга, Берлина, Вены и Будапешта)*.

В мире никто, кроме британцев, по большому счёту не был столь уж заинтересован в победе союзников.

Для большинства граждан США европейская война (в отличие от войны тихоокеанской) тогда представлялась не более необходимой, нежели ны-

нешняя иракская кампания. Тогдашние американские правые интеллектуалы, не только историки-ревизионисты, исходя из совершенно патриотических и консервативных соображений, оценивали действия администрации Ф. Рузвельта не менее жёстко, чем современные левые интеллектуалы оценивают действия администрации Буша-младшего. Поэтому американские исследователи могут десятилетиями обсуждать степень серьёзности причин и поводов для вступления их страны в войну как против Японии, так и против Германии.

Та часть населения британских колоний, которая тяготилась колониальным статусом и мечтала о деколонизации, явно предпочла бы победу нацистской Германии над колонизаторами из Лондона.

Иранские же интеллектуалы вряд ли радовались, что территория их страны в годы Второй мировой войны была оккупирована СССР и Британской империей и что без всякого спроса на их земле наша «Большая тройка» проводила свои встречи.

По схожим причинам националистически настроенные латиноамериканцы не особенно радовались победам североамериканских «гринго». А после войны именно в Латинской Америке укрывались бежавшие из Европы гитлеровцы.

Нам настолько привычно отмечать день 9 Мая как важнейшую дату нашего календаря, что удивительным кажется тот факт, что сам-то победитель Гитлера, генералиссимус Сталин, не считал необходимым превращать этот день в государственный и всенародный праздник, каким мы его знаем. Для него этот день был важнейшей вехой в истории страны (и, между прочим, день его личного торжества), но побеждённый в той войне враг был для него лишь побеждённым врагом, но никак не персонификацией мирового зла.

Для Брежнева, ветерана Великой Отечественной, эта война была главным в жизни событием, поэтому он и оказался в роли инициатора всенародного празднования в СССР Дня Победы. Вольно или невольно брежневская инициатива стала зримым выражением не столько сознательной *русификации*, сколько бессознательного и естественного *обрусения* коммунистического режима. И к тому же, если какое событие и могло служить основанием для разговоров о существовании *новой исторической общности людей — советского народа*, то это Победа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

Сегодня, через два десятилетия после роспуска СССР, День Победы, пусть и на территории СНГ, ежегодно даёт повод для общих воспоминаний, повод говорить об исторически существовавшем единстве — *единстве судьбы*, и настаивать на сохранении

* Немецкий комендант 18-тысячного немецкого гарнизона Ла-Рошели, за время оккупации превращенной в неприступную твердыню, после высадки союзников в Нормандии получил из Берлина приказ оборонять город до последнего, а затем взорвать его. Вполне осознавая бессмысленность сопротивления, но не желая позорного плена без боя, он в октябре 1944 г. заключил с представителем правительства де Голля соглашение о «ненападении» и спустил флаг лишь 8 мая 1945 г. Это была — другая война.

этого (континентального по масштабам!) единства. Уже по одной этой причине (так сказать, волею истории) современный посткоммунистический Кремль просто обязан продолжать эту старую, начатую в начале правления генсека Брежнева, традицию. Вне зависимости от того, насколько велико всемирно-

историческое значение нашей победы в Великой Отечественной войне для глобализирующегося мира, для одной шестой части земной суши — территории Российской империи и СССР, 9 Мая — великий день. Значение его для нас нельзя переоценить.

Это — наш праздник.

¹ Квицинский Ю. А. Россия-Германия. Воспоминания о будущем. М., 2008.

² Фоменко А. В. Выход — был! Наследие Франца-Фердинанда // Международная жизнь. 2009. № 2–3.

³ Фоменко А. В. Прибалтика как русская проблема // Международная жизнь. 2008. № 5.

⁴ Russett B. M. No Clear and Present Danger. A Skeptical View of the United States Entry into World War II. New York, Hagerstown, San Francisco, London, 1972.

⁵ Stonor S. F. Who Paid the Piper? The CIA and the Cultural Cold War. London, 2000.

**Кринко Евгений Фёдорович, доктор исторических наук,
заместитель директора Института социально-гуманитарных исследований
Южного научного центра РАН (Ростов-на-Дону)**

Русские казаки по обе стороны фронта: окончательные акценты расставила война

С момента своего прихода к власти большевики осуществляли репрессивную политику в отношении казачества. Тяжёлым следствием Гражданской войны стала вынужденная эмиграция десятков тысяч казаков. А сотни тысяч оставшихся в России с 1918 г. и до начала 1930-х гг. подвергались физическому истреблению и выселению. «Расказачивание» и коллективизация, ограничения в военной службе и ношении традиционной одежды вели к ликвидации казачества как определённой социальной группы со своими моральными нормами, ценностями и образом жизни. Только в середине 30-х гг. прошлого века политика в отношении казачества стала меняться, и в составе Рабочее-крестьянской Красной армии (РККА) появились казачьи кавалерийские дивизии. Однако в 1940–1941 гг. большую часть кавалерийских частей расформировали, а их личный состав передали в танковые и механизированные войска.

К 22 июня 1941 г. в составе РККА действовало только одно соединение, носившее название казачьего — 6-я Кубано-Терская Чонгарская красноточная кавалерийская дивизия, входившая в состав 6-го казачьего кавалерийского корпуса под командованием генерал-майора М. П. Константинова. Находясь в первых эшелонах советских войск, части дивизии уже 22 июня противостояли соединениям вермахта, наступавшим в направлении Ломжи, а затем стали отходить на Белосток. Не имевшие никакого прикрытия с воздуха части дивизии попали под удар авиации противника, были отрезаны и уничтожены.

В ходе первых боёв Красная армия понесла значительные потери, что резко сократило манёвренность её частей и соединений. Поэтому в 1941 г. были сформированы 82 кавалерийские дивизии лёгкого типа, численностью примерно по 3 тыс. человек. Система подготовки кавалерийских частей, действовавшая во второй половине 1930-х гг. в тер-

риториальных формированиях, особенно в местах компактного проживания казачьего населения, позволила в короткие сроки при минимальных затратах сил и средств создать и отправить на фронт новые соединения. Только на Северном Кавказе летом 1941 г. было сформировано и направлено в действующую армию 17 кавалерийских дивизий. В связи с тяжёлой обстановкой свой боевой путь они начинали практически одинаково, отправляясь на фронт уже через 10–15 суток после начала комплектования. Обычно кавалерийские соединения вводились в прорыв на узком участке фронта и действовали в тылу противника, сковывая продвижение его моторизованных сил и нанося им ущерб.

Один из первых таких рейдов предприняла в июле 1941 г. в Белоруссии кавалерийская группа, сформированная из 32-й (под командованием полковника А. И. Бацкалевича), 43-й (комбриг И. К. Кузьмин) и 47-й (генерал-майор А. А. Сидельников) кавалерийских дивизий. В ходе ожесточённых боёв, натолкнувшись на сильное сопротивление врага и понеся большие потери, кавалерийская группа, тем не менее, свою боевую задачу выполнила, сковав 43-й немецкий армейский корпус севернее Мозыря и задержав продвижение 35-го армейского корпуса.

В Крыму действовали 40-я (под командованием полковника Ф. Ф. Кудерова), 42-я (полковник В. В. Глаголев) и 72-я (генерал-майор В. И. Книга) кавалерийские дивизии. А 62-я (полковник И. Ф. Куц), 64-я (полковник Н. В. Симеров) и 66-я (полковник В. И. Григорович) кавалерийские дивизии вошли в состав Южного фронта и приняли активное участие в оборонительной и наступательной операциях в районе Ростова. В состав кавалерийской группы генерал-майора А. Г. Селиванова, затем кавалерийской группы полковника Л. М. Доватора вошли 50-я (под командованием полковника И. А. Плиева) и 53-я

(комбриг К. С. Мельник) кавалерийские дивизии, которые участвовали в Смоленском сражении, а позднее — в битве за Москву. Из оренбургских казаков были сформированы 8-я гвардейская Ровенская казачья кавалерийская дивизия и ополченческая казачья дивизия (в Челябинске).

Всего в годы войны в Советском Союзе было сформировано более 70 казачьих частей и соединений, многие из них впоследствии стали гвардейскими. Казачья кавалерия сыграла определённую роль в отражении ударов вермахта в первый, самый сложный период войны. Казаки продемонстрировали умение наступать и обороняться, действовать как в конном, так и в пешем строю. Однако, не имея тяжёлого вооружения, их дивизии оказывались практически беззащитными перед налётами авиации противника и несли серьёзные потери. Поэтому большая их часть была расформирована, а их личный состав передан на комплектование других воинских формирований.

Наибольшую известность среди всех казачьих частей, созданных в годы Великой Отечественной войны, получил 17-й и сформированные на его основе 4-й и 5-й гвардейские кавалерийские корпуса. Они комплектовались на добровольной основе из лиц непризывного возраста по принципу: одна сотня из района Ростовской области на одну сотню из Краснодарского края. По традиции казаки должны были явиться на призывные пункты в полном обмундировании, со всем необходимым снаряжением и на лошадях, выделенных колхозами. Однако казачье происхождение, как и в других советских казачьих частях, при этом не учитывалось: на службу принимали представителей разных национальностей, но не брали воевавших за «белых» и родственников репрессированных граждан, к которым власть сохраняла недоверие.

Первым был зачислен в кадровый состав Красной армии 17-й казачий кавалерийский корпус (4 января 1942 г.). В него вошли 12-я и 13-я Кубанские, 15-я и 116-я Донские казачьи дивизии. Командиром корпуса стал генерал-майор М. Ф. Малеев, позднее на этом посту его сменил генерал-майор Н. Я. Кириченко. Боевым крещением для казаков оказались бои в конце июля — начале августа 1942 г. с частями 17-й армии вермахта, наступавшими на Кубань с севера. Энергичные действия казаков на Северном Кавказе на фоне невыразительного сопротивления других советских частей заслужили высокую оценку командования. Ставка Верховного Главнокомандования поставила их в пример другим соединениям, указав командованию фронта: «Добейтесь того, чтобы все ваши войска действовали, как 17-й кавалерийский корпус».

Однако в условиях общего отступления корпусу пришлось отойти на юг, ведя упорные бои в горно-лесистой местности с мотомеханизированными частями противника. За проявленную доблесть 27 августа 1942 г. 17-й корпус был преобразован

в 4-й гвардейский казачий кавалерийский корпус. 12-я и 13-я кавалерийские дивизии стали соответственно 9-й и 10-й гвардейскими Кубанскими казачьими, 15-я и 116-я — 11-й и 12-й гвардейскими Донскими казачьими кавалерийскими дивизиями. Позднее, 20 ноября, был образован 5-й гвардейский Донской казачий кавалерийский корпус под командованием генерал-майора А. Г. Селиванова, куда вошли 11-я и 12-я гвардейские Донские казачьи, а также 63-я кавалерийская дивизии. 4-й гвардейский корпус стал именоваться Кубанским, в его состав вошла 30-я краснознамённая кавалерийская дивизия. В 1943 г. кавалерийские корпуса объединили с танковыми частями в конно-механизированные группы, более отвечающие требованиям современной войны.

На территории казачьих районов были сформированы и другие части. В частности, на Кубани была создана 9-я гвардейская пластунская Краснодарская Краснознамённая дивизия под командованием генерал-майора П. И. Метальникова. Сталин держал эту дивизию под своим личным контролем, и использовать пластунов можно было только с разрешения Ставки Верховного Главнокомандования. Как и другие казачьи соединения, пластуны имели соответствующее парадное обмундирование — тёмно-синюю черкеску с чёрной отделкой, красные бешмет и башлык. Но надевали их лишь во время смотров и в других торжественных случаях. Полевое обмундирование рядовых и сержантов состояло из казачьего цвета хаки, а офицеры были одеты в общеармейские гимнастёрку или китель. От других частей пластуны отличались кубанкой, которую носили наряду с пилотками и фуражками общеармейского образца, а также кинжалами. С августа 1944 г. пластуны в составе 5-й гвардейской армии 1-го Украинского фронта вели боевые действия на территории Польши, овладели важным узлом коммуникаций и крупным центром авиационной промышленности — городом Дембицы. В январе 1945 г. казачьи части прорвались к Висле и вошли в древнюю польскую столицу Краков, а затем перенесли боевые действия на территорию Германии. Завершилась война для пластунов 12 мая 1945 г. западнее Праги.

В целом в годы войны советское руководство изменило своё отношение к казачеству, признав его самостоятельным народом. Своеобразной демонстрацией этого стало участие представителей казачества Кубани, Дона, Терека и Сунжи в антифашистском митинге народов Северного Кавказа, проходившем 13 августа 1942 г. в Орджоникидзе. Создание казачьих частей стало следствием нового политического курса, направленного на единение всех народов страны в борьбе со смертельным врагом, и служило прямым подтверждением справедливости «ленинско-сталинской национальной политики».

Руководство Германии в годы войны также активно пыталось разыграть «казачью карту», получив поддержку части представителей казачьей эмиграции,

многие из которых испытывали ненависть к большевизму. При этом некоторые эмигранты связывали своё будущее с освобождением России от большевиков, другие придерживались идеи создания независимого казачьего государства. Лишь немногие признавали возможность компромисса с советской властью. Поэтому значительная часть эмигрантов восприняла нападение Германии на СССР с воодушевлением, ожидая скорого возвращения на родину.

Однако политические цели Третьего рейха не предусматривали ни сохранения единой России, ни создания на её месте новых независимых государственных образований. Первоначально Министерство по делам оккупированных восточных территорий планировало выделить населённую казаками территорию между Доном и Волгой в особый полуавтономный район, но вскоре отказалось и от этой идеи. Земли донских казаков предполагалось включить в состав имперского комиссариата «Украина», кубанских и терских — в состав комиссариата «Кавказ». Гитлер прямо утверждал: «Только немец может владеть оружием, а не славянин, не чех, не казак, не украинец!» В силу этого участие эмигрантов в войне против СССР было признано нежелательным.

Ситуация изменилась уже к концу 1941 г., когда провал «блицкрига», немалые потери на фронте и подъём сопротивления на оккупированной территории вынудили немецкое командование пойти на создание вооружённых частей из граждан СССР различных национальностей. Казаки при этом рассматривались не только как прирождённые воины, но и как наиболее убеждённые борцы с большевизмом. Идеологическим основанием для привлечения казаков к военной службе на стороне Третьего рейха стала теория об их «арийском» происхождении, в соответствии с которой они считались потомками германского племени остготов, владевшего Причерноморьем во II—IV вв.

Гитлер разрешил использовать казаков для борьбы с партизанами и в боевых действиях на фронте как «равноправных союзников» 15 апреля 1942 г. Впрочем, первые казачьи части в составе вермахта по инициативе отдельных немецких командиров появились ещё осенью 1941 г. Первоначально создавались сравнительно небольшие подразделения — сотни и эскадроны — для охраны тыла действующей армии и борьбы с партизанами. Первую относительно крупную казачью часть — 102-й (затем — 600-й) дивизион, сформированный в Могилёве из военнопленных и насчитывавший 1,8 тыс. человек, возглавил донской казак и майор Красной армии И. Н. Кононов, добровольно перешедший на сторону противника в конце августа 1941 г.

Центрами формирования казачьих частей на Украине с лета 1942 г. стали лагеря в Виннице, Славуте и Шепетовке, куда направляли всех советских военнопленных, признавших себя казаками. Здесь был создан 1-й Атаманский полк под командованием под-

полковника барона фон Вольфа, затем ещё 13 полков и другие части. Вся служба в них, включая распорядок дня, была организована по образцу дореволюционных казачьих войск. Впрочем, «природных казаков» в них оказалось немного, большинство составляли военнопленные красноармейцы, назвавшиеся казаками для того, чтобы выжить и при удобном случае перейти на сторону советских войск. Кубанские полки действовали сначала на Украине, а затем в Белоруссии, охраняли железные дороги и другие военные объекты от нападений партизан.

Немецкое командование в Сербии в 1941 г. тоже разрешило создать из эмигрантов и их детей Русский охранный корпус для действий против югославских партизан. Он включал 1-й казачий полк под командованием генерал-майора В. Э. Зборовского.

Численность казаков в вермахте возросла летом-осенью 1942 г., когда немецкие войска оккупировали прежние казачьи территории — Дон, Кубань и Терек. Там воссоздавалось казачье самоуправление во главе со станичными и окружными атаманами, возрождалась религиозная жизнь. На нижней Кубани был создан автономный казачий район, включавший территорию шести административных районов Краснодарского края с населением около 160 тыс. человек.

На созданные в кубанских станицах казачьи сотни возлагались задачи борьбы с партизанами и охрана различных объектов, некоторые впоследствии вошли в состав более крупных частей.

Из казачьих сотен, сформированных при 17-й армии вермахта, был создан полк, носивший имя героя Отечественной войны 1812 г. М. И. Платова и насчитывавший около 2 тыс. кубанских, донских, терских и уральских казаков. Полком командовал майор Томсен.

Активно участвовал на стороне оккупантов в битве за Кавказ казачий полк, сформированный в составе 1-й танковой армии вермахта и носивший имя своего командира, подполковника И. фон Юнгшуйльца. В эти и другие казачьи части вступали люди, не принимавшие советскую власть. Кроме того, германское руководство применяло различные методы вербовки. На оккупированной территории Краснодарского края семьям казаков, добровольно вступавших в вермахт, выдавали денежное вознаграждение в 500 руб. «Особо преданные» казаки зачислялись в разряд «нового казачества», представители которого получали дополнительный земельный надел из расчёта 1 га на человека и по 2 лошади на хозяйство, им также в два раза снижали налоги. Холостым казакам платили по 250 руб., женатым — по 300 руб. в месяц.

Существенное значение уделялось пропаганде, особенно в средствах печати. Специально для казаков, служивших в вермахте, издавались газеты «Казачья заря», «Казачий клич», «Казачий вестник», «Казачий клинок», журналы «На казачьем посту» и «Казачья кавалерия». Военнопленным зачитывали приказ

№ 270 Ставки Верховного Главнокомандования, объявлявший их изменниками Родины, сообщали о победах вермахта, «захватах» Москвы, Ленинграда, Сталинграда, Сочи, Тбилиси и других советских городов. Широко распространялись материалы о массовых репрессиях советского режима, о самобытности казачества, казачьих обычаях и православных обрядах, о необходимости совместной с германскими войсками борьбы против общего врага — большевизма.

К пропаганде активно привлекались эмигранты. Ещё в июле 1942 г. П. Н. Краснов составил проект обращения Гитлера к казакам, который лишь 10 ноября был опубликован за подписями Кейтеля и Розенберга. Германские руководители обещали казакам сохранение их самобытности, соблюдение прежних привилегий, неприкосновенность земельных угодий, а также обустройство казачьей жизни на востоке Европы в случае, если возвращение «на земли предков» будет невозможным. Лидеры эмиграции призывали казаков бороться вместе с немцами против большевиков, обещая создать казачье государство на Дону, Кубани и Тереке.

Тем не менее далеко не все жители оккупированных районов стремились вступить в казачьи части и воевать вместе с гитлеровцами. Поэтому немецкое командование использовало и принудительную мобилизацию, подвергая репрессиям всех, уклонившихся от неё, а также членов их семей. В целом части, сформированные из добровольцев в казачьих станицах и перебежчиков при германских полевых соединениях, оказались более надёжными, чем сотни и эскадроны из военнопленных.

Осенью 1942 г. командующий 1-й танковой армией, а затем группой армий «А» генерал-полковник Э. Клейст поручил полковнику Г. фон Паннвицу сформировать и возглавить казачью дивизию. Однако успешное контрнаступление советских войск в январе 1943 г. сорвало эти планы. Казакам, перешедшим на сторону Германии, пришлось спешно эвакуироваться с территории Северного Кавказа вместе с отступавшими немецкими войсками. С ними уходили члены их семей, а также все те, кто опасался восстановления советской власти. Впоследствии беженцы составили Казачий стан, который возглавил походный атаман С. В. Павлов, а после его гибели — Т. И. Доманов.

В апреле 1943 г. в польском городе Млау под командованием ставшего генерал-майором Г. фон Паннвица началось формирование 1-й казачьей дивизии. В неё вошли наиболее боеспособные полки под командованием Юнгшульца, Томсена и Вольфа, дивизион Кононова и другие части, сформированные по принадлежности к определённому войску. Дивизия состояла из двух конных бригад — 1-й Донской (1-й Донской, 2-й Сибирский, 4-й Кубанский полки) и 2-й Кавказской (3-й Кубанский, 5-й Донской, 6-й Терский полки), двух конно-артиллерийских дивизионов (Донского и Кубанского) и других подразделений. Все командиры полков, кроме И. Н. Кононова,

были немцами; в каждом эскадроне 12–14 хозяйственных должностей занимали немецкие солдаты и унтер-офицеры. Всего в дивизии насчитывалось 18,5 тыс. человек, в том числе 4049 немцев.

Хорошо говоривший на русском языке и прекрасно сидевший в седле фон Паннвиц поощрял в своём соединении соблюдение казачьих обычаев и церковных обрядов. Парадная форма была шита по образцу казачьей: командир дивизии и другие высшие немецкие офицеры носили черески с газырями, наборные пояса и папахи. В Млау были также сформированы учебно-запасной полк, унтер-офицерская школа и школа юных казаков для нескольких сотен подростков, лишившихся родителей.

Общее руководство всеми казачьими частями в вермахте осуществлял отдел добровольческих формирований при Главном командовании сухопутных войск Германии. В декабре 1942 г. при Министерстве по делам восточных оккупированных областей было создано специальное Казачье управление во главе с Н. А. Гимпелем, а в марте 1944 г. при нём возникло Главное управление казачьих войск (ГУКВ), которое должно было играть роль «казачьего правительства» в изгнании во главе с П. Н. Красновым. В него вошли походный атаман казачьих войск С. В. Павлов, кубанский войсковой атаман В. Г. Науменко, походный атаман Терского войска полковник Н. Л. Кулаков. ГУКВ занимался отбором казаков в лагерях военнопленных и восточных рабочих, их вербовкой в казачьи части вермахта, устройством казачьих семейств, стариков и инвалидов.

К этому времени участились случаи перехода военнотружущих коллаборационистских формирований на сторону советских войск, и в конце 1943 г. германское командование перевело большую их часть в Западную Европу. Во Франции казачьи части участвовали в охране Атлантического вала и в борьбе с югославскими партизанами. 1-ю казачью дивизию немецкое командование первоначально предполагало использовать на Восточном фронте, но изменившаяся обстановка заставила перебросить её в сентябре 1943 г. в Югославию. В междуречье Дуная и Тисы дивизия вела боевые действия против партизан, охраняла коммуникации и другие стратегические объекты. Благодаря своей манёвренности она оказалась лучше приспособлена к горным условиям Балкан и действовала более эффективно, чем немецкие пехотные и моторизованные дивизии. В течение лета 1944 г. части дивизии предприняли не менее пяти самостоятельных операций в горных районах Хорватии и Боснии, уничтожив целый ряд партизанских опорных пунктов.

В конце войны соединению Г. фон Паннвица пришлось сражаться против регулярных частей Красной армии. В декабре 1944 г. войска 3-го Украинского фронта вышли в долину реки Драва, и германское командование выдвинуло навстречу им 1-ю казачью дивизию. В районе Вировитица, на правом берегу

Дравы, заняла плацдарм 233-я Кировоградско-Знаменская стрелковая дивизия. 26 декабря 2-я Кавказская казачья бригада при огневой поддержке шести миномётных и трёх артиллерийских батарей сумела смять боевые порядки 703-го полка. Чтобы избежать окружения, советские войска отошли, потеряв 205 человек убитыми, 145 красноармейцев попали в плен. В дальнейшем казаки продолжали удерживать фронт против болгарских войск и югославских партизан, затем с боями прорвались в Австрию.

Ещё в августе 1944 г. все иностранные национальные формирования перешли в ведение СС. Пополненная переброшенным из Франции казачьим полком под командованием Рентельна, казачьими батальонами из Польши и другими подразделениями дивизия 25 февраля 1945 г. была преобразована в 15-й казачий кавалерийский корпус войск СС, что позволило улучшить её обеспечение оружием, боевой техникой и автотранспортом. Обе кавалерийские бригады были переименованы в дивизии, конно-артиллерийские дивизионы — в полки, а на базе 5-го Донского полка Кононова началось формирование Пластунской бригады из двух полков. Общая численность корпуса к этому времени достигла 25 тыс. солдат и офицеров, в том числе от 3 до 5 тыс. немцев.

В конце войны, стремясь использовать любую возможность, чтобы предотвратить надвигающийся крах, германское руководство пошло на объединение всех частей, сформированных из советских граждан, в единую Русскую освободительную армию во главе с генерал-лейтенантом А. А. Власовым. 14 ноября 1944 г. в Праге состоялось Учредительное собрание Комитета освобождения народов России (КОНР), в состав которого вошли действовавшие к тому времени национальные комитеты. Поскольку П. Н. Краснов выступил против такого объединения, в противовес ГУКВ в феврале 1945 г. были созданы Управление казачьих войск при КОНР и Совет казачьего войска, в который вошли полевые атаманы Донского, Кубанского и Терского войск, представители оренбургских, уральских, астраханских, сибирских, семиреченских, забайкальских, амурских и уссурийских казаков.

В марте 1945 г. в подчинение КОНР перешла группа генерал-майора А. В. Туркула, преобразованная в казачью кавалерийскую бригаду из трёх полков, во второй половине апреля — Казачий стан, 15-й корпус СС и учебный казачий полк А. Г. Шкуро. 22 марта 1945 г. атаман Науменко объявил о подчинении Власову кубанских казаков, а через два дня общеказачий съезд в Вировитице принял решение о немедленном подчинении КОНР всех казачьих войск, сосредоточении их в районе Зальцбурга и Клагенфюрта для создания казачьей ударной армии, отстранении всех несогласных с этим планом немецких офицеров и Краснова. Походным атаманом казаков впервые был избран иностранец — генерал-лейтенант фон Паннвиц.

К середине мая 1945 г. Казачий стан, 15-й корпус и некоторые другие части сосредоточились в долине реки Драва на стыке австрийской, итальянской и хорватской границ в Тирольских Альпах и сдались там англичанам. Первое время казаков содержали в относительно свободных условиях, отношение английских солдат к ним было подчёркнуто корректным. Однако по соглашению, подписанному в Ялте в феврале 1945 г., судьба казаков была уже предreshена. Сначала англичане разоружили их под предлогом выдачи нового оружия, затем арестовали генералов и офицеров, лишив казаков руководителей. После этого была проведена массовая депортация из долины Дравы.

Всего в казачьих частях на стороне противника в годы Великой Отечественной войны сражалось не менее 70–80 тыс. человек, из них примерно 50 тыс. составляли потомственные казаки. Весной-летом 1945 г. в СССР были насильственно репатриированы 50–55 тыс. казаков, включая не менее 3 тыс. эмигрантов, на которых Ялтинские соглашения официально не распространялись. Большинство оказалось в советских лагерях, часть по возвращении домой сразу расстреляли. В январе 1947 г. были казнены казачьи генералы П. Н. Краснов, А. Г. Шкуро, С. Н. Краснов, Т. И. Доманов и Г. фон Паннвиц, а также черкесский князь, генерал К. Султан-Гирей. Таким образом, поражение Германии в войне стало поражением и для той части казачества, которая вольно или невольно связала свою судьбу с рейхом.

Часть II

Власов и власовщина: история расставляет оценки

**Мультатули Пётр Валентинович, руководитель интернет-сайта
«Академия российской истории»**

Генерал Власов — история предательства

Личность генерала Власова сама по себе не стоит того, чтобы посвящать ей научные конференции. В истории всех стран встречаются изменники, которые предпочли служить не своей родине, а её внешним врагам. Такие примеры есть и в истории России. В этом смысле Власов ничем не отличается от князя Курбского или гетмана Мазепы. Тем более что сам Власов уже предстал перед Вечным Судией и лишь Ему принадлежит право последнего приговора. Поэтому речь должна идти не столько о прошлом, сколько о настоящем. А сегодня наблюдается очень опасная тенденция возводить измену в добродетель и оправдывать это политической целесообразностью. Под видом неприятия большевизма сегодняшние защитники Власова, по существу, занимаются реабилитацией этого самого большевизма как политического инструмента. (Ленин, как известно, желал поражения своей собственной стране в Первой мировой войне.)

Примечательно, что сегодняшние апологеты Власова одновременно восторгаются декабристами и горячо оправдывают генералов-изменников, предавших Царя в феврале 1917 года.

Но самой кощунственной, самой чудовищной, безусловно, следует назвать попытку реабилитировать предателей времён Великой Отечественной войны — самой тяжёлой и кровавой из всех войн, которые вела Россия за всю её историю. Это не только кощунственно, но и весьма опасно с точки зрения государственных интересов. Не случайно, что презентация уже неоднократно упоминавшейся книги о Георгия Митрофанова, в которой автор возводит Власова в ранг национального героя, состоялась 22 июня 2009 г., а уже 3 июля Парламентская ассамблея ОБСЕ приравнивала нашу страну к нацистской Германии. Совпадение? Может быть. Но в любом случае, героизация Власова выгодна сегодня в первую очередь нашим врагам, точно так же, как она была выгодна им 65 лет назад.

Здесь следует отметить, что вся апологетика власовцев наполнена ложью.

Первая ложь — это определение Великой Отечественной войны как войны братоубийственной. Всякие попытки представить её «второй Гражданской войной» оказываются несостоятельными, если проанализировать национальный состав советских коллаборационистов. Заметим, что на службе у нацистской Германии состояло (а не воевало!) 1 млн

200 тыс. советских граждан. Опять-таки заметим — советских граждан, а не только русских. Как мы помним, в состав Советского Союза накануне Великой Отечественной войны вошли государства Прибалтики, которые были нацигизированы прогерманской агентурой. С приходом немцев эта агентура вербовала в эсэсовские части сотни людей, по тем или иным причинам недовольных советской властью. Но ещё больше прибалтов пошли служить в эти части из-за куска хлеба. В то же время сотни тысяч советских граждан из числа латышей, литовцев и эстонцев воевали в рядах Красной армии, а на фронтах Великой Отечественной погибли 21,2 тыс. эстонцев, 11,6 тыс. латышей и 11,6 тыс. литовцев.

Кстати, число прибалтов, воевавших на стороне Рабочее-крестьянской Красной Армии (РККА), превышало число тех, кто воевал на стороне гитлеровской Германии. Что касается последних, о памяти которых так трогательно печётся о. Георгий, то они не воевали с регулярными частями РККА, а убивали мирное население. Особенно эти наёмники преуспели в уничтожении евреев. От преступлений латышских и эстонских эсэсовцев, этих «борцов со сталинским режимом», до сих пор волосы встают дыбом. Какую «боль» и за какую страну испытывали эти негодяи, у которых руки по локоть в крови невинных женщин и детей?

Другие «борцы со сталинским режимом» — украинские самостийники, главным образом с Западной Украины. Их через карательные и воинские части СС и вермахта всего прошло 250 тыс. человек из почти 30-миллионного населения тогдашней УССР! Хотя украинских пособников было ничтожное число по сравнению с общей численностью населения, «подвиги» они совершили немалые, грабя, насилая и убивая ни в чём не повинных людей, а также воюя с партизанами.

Другие пособники Гитлера из числа советских граждан по национальному признаку распределялись следующим образом:

70 тыс. белорусов, 70 тыс. казаков, 70 тыс. представителей народов Средней Азии, 12 тыс. волжских татар, 10 тыс. крымских татар, 40 тыс. азербайджанцев, 20 тыс. грузин, 25 тыс. армян, 30 тыс. выходцев с Северного Кавказа. А великороссов, которые должны были в случае новой гражданской войны составить костяк «борцов с большевизмом», оказывается, было, по самым завышенным оценкам, 310 тыс.

из 99,5 млн. населения РСФСР накануне войны*. Вот, собственно, и почти весь миллион.

Однако здесь опять-таки следует уточнить, что приведённые выше цифры — это общая численность лиц, в той или иной мере сотрудничавших с немцами, в том числе работавших на стройках, расчистке улиц и т. п. Их называли *хиви* от немецкого *хильфсвиллигер* (добровольные помощники), и их численность в конце войны составляла около 700 тыс. человек (из пресловутого миллиона). То есть с оружием в руках в составе германских войск служило всего навсего 400–450 тыс. советских граждан. Вот вам и гражданская война!

Таким образом, ни о каком противостоянии советского, а тем более русского народа с советской властью в ходе Великой Отечественной войны говорить не приходится. На стороне немцев были либо предатели, либо малодушные и сломленные пленом люди, либо враги существующего строя (и их было абсолютное меньшинство).

Ложь вторая заключается в том, что Власов был убеждённым антикоммунистом. Напротив, он был типичным образцом подлинного коммуниста-троцкиста. Не членом коммунистической партии, в которую в 30–40-е гг. вступало огромное число патриотов, а именно троцкистом с его оппортунизмом, приспособленчеством, жестокостью, вероломством и беспринципностью.

Именно эти качества толкали Власова на постоянную измену. В юношеском возрасте он поступил в духовное училище, а после его окончания — в семинарию в Нижнем Новгороде. Однако учёба была прервана революцией. Власов немедленно бросил семинарию и начал учиться на агронома, а весной 1920 г. пошёл служить в Красную армию.

Власов быстро поднимался по служебной лестнице, командовал ротой, пешей и конной разведкой, служил в штабе на оперативной работе. Его апологеты, в частности Е. Андреева, пытаются нас уверить, что «нет ни малейшего упоминания об участии Власова в коммунистической деятельности». Мы не знаем, что имеет в виду г-жа Андреева под «коммунистической деятельностью» (если участие в слёте юных пионеров, то, конечно, не занимался), но в 1937–1938 гг. Власов был членом военного трибунала Киевского военного округа, который вынес не один смертный приговор, о чём сам генерал в 1940 г. с гордостью писал в своей автобиографии. В парт-характеристике Власова от 1938 г. говорится: «Много работает над вопросами ликвидации остатков вредительства в части».

Типичными для Власова являются следующие слова из его автобиографии 1940 г.: «Всегда твёрдо стоял на генеральной линии партии, всегда за неё боролся, никаких колебаний не имел».

Любопытно, каким образом Власов оказался во главе 99-й дивизии. Инспектируя её, он выяснил, что

комдив изучал тактику боевых действий вермахта, и сообщил об этом в рапорте. Комдив был арестован, а Власов назначен на его место. Во время командования вверенной ему 99-й стрелковой дивизией Власов проявил жестокое рвение в наведении дисциплины.

К какой же категории коллаборационистов относился генерал Власов? В отличие от других пособников Гитлера, белых генералов П. Н. Краснова и А. Г. Шкуро, он никакой другой России, кроме как советской, не служил и не присягал. Только советской власти он клялся в верности и преданности. Именно советской властью Власов был награждён и возвышен, а потому действия генерала зимой 1942 г., его готовность сотрудничать с немцами нельзя расценивать иначе, как нарушение присяги.

Так почему же облаканный советской властью генерал перешёл на сторону немцев? Почему именно Власову принадлежит печальная слава «главного предателя»? Почему немцы сразу же, в 1942 г., стали «раскручивать» его как главного оппозиционера сталинскому режиму?

Обычно на эти вопросы дают два ответа: первый — он был трусом, а второй — генерал решил воспользоваться немецкой помощью, чтобы сбросить сталинский режим, но был обманут тупоголовыми нацистами, которые не оценили подарок, который сделала им судьба, послав такого человека, как Власов. Попробуем разобраться.

Начавшаяся 22 июня 1941 г. Великая Отечественная война стала суровым испытанием для Советского Союза в целом и для Красной армии в частности. Советское руководство не ожидало, что на СССР обрушится удар подобной силы, причём по всей западной границе. Вопреки досужим рассказам РККА была достаточно хорошо вооружена, но вот советский Генштаб был на тот период времени хуже подготовлен и хуже организован, чем германский, и немецкие генералы переиграли советских. Сказалось и уничтожение в России профессиональной армии (не той, которая была подвергнута пресловутым «сталинским чисткам» в 1937–1938 гг., а той русской императорской армии, которая была уничтожена в 1917–1920 гг.). РККА не представляла собой слаженного организма, её командованию не хватало выучки и опыта. Сыграло свою роль отсутствие в Красной армии унтер-офицерского состава. Вермахт же действовал как часы: каждый немецкий солдат, унтер-офицер, офицер и генерал был на своём месте, знал, что ему делать, когда и как.

В результате нанесённого удара взаимодействие советских войск было нарушено, танки зачастую посылались в бой без прикрытия пехоты и наоборот. Удары германских моторизованных частей по стыкам слабо взаимодействовавших между собой соединений советских войск, поддержанные с воздуха, позволяли окружать большие группировки.

* По данным Всесоюзной переписи населения 1939 г.

В плену у немцев к январю 1942 г. находилось уже 3 млн. 350 тыс. советских солдат и офицеров.

Естественно, что большинство красноармейцев попали в плен не потому, что стремились перейти на сторону противника по причине ненависти к Сталину. Это хорошо понимали и немецкие генералы. Так, командующий 3-й танковой группой генерал-полковник Г. Гот писал: «В германской армии, в отличие от партийных инстанций, не строили никаких иллюзий относительно стремления русского солдата бежать от большевистского режима. Было известно, что армию, особенно офицерский корпус, русские обеспечивали всеми средствами, находившимися в руках государства, хорошим снабжением, высоким жалованьем, освобождением от квартирной платы, возможностью провести отпуск на курорте, клубами, бесплатным проездом по железной дороге».

Численность советских военнопленных говорит об огромных масштабах военной катастрофы, которая поразила Красную армию летом 1941 года. При этом надо помнить, что любая армия — это прежде всего люди. Оказавшись перед лицом смертельной опасности, они ведут себя по-разному. Некоторые готовы исполнить свой воинский долг при любых обстоятельствах даже ценой собственной жизни. Таких в Красной армии 1941 г. было очень много. Другие — откровенные трусы, думающие только о спасении собственной жизни. Они тоже были, но составляли меньшинство. Многие из них стали изменниками и пошли на службу к немцам, и именно о них нынешние скрытые и явные апологеты власовщины пишут как о «борцах со сталинизмом».

Большую же часть военнопленных составляли обыкновенные люди, которые перед лицом страшной стальной машины гитлеровского вермахта просто-напросто растерялись, испугались, были ранены или контужены. Многие из них попадали в плен голодными и больными после долгого блуждания по лесам в надежде выбраться к своим. Ни у кого сегодня не хватит духу осуждать этих людей. К тому же они чаще всего вели себя в плену весьма достойно, пытались бежать и организовывали сопротивление.

А рассказы о том, как целые подразделения Красной армии с оружием в руках переходили на сторону вермахта, — это откровенная ложь.

Кстати, вопреки мифам, будто бы всех вернувшихся из немецкого плена отправляли прямоком в ГУЛАГ, отметим, что из 1 млн. 836,5 тыс. бывших военнопленных было осуждено всего 233,4 тыс. человек.

В ходе победоносной кампании лета 1941 г. немцы захватили и значительное число советских генералов. Назовём лишь некоторых из них: генерал-лейтенант Д. М. Карбышев, командующий 6-й армией генерал-лейтенант И. Н. Музыченко, командующий 12-й армией генерал-майор П. Г. Понеделин, командир 13-го стрелкового корпуса генерал-майор Н. К. Кириллов, командир 113-й стрелковой дивизии генерал-

майор Х. Н. Алавердов, командир 172-й стрелковой дивизии генерал-майор М. Т. Романов, заместитель командира 62-й бомбардировочной авиационной дивизии генерал-майор Г. И. Тхор, командир 19-й армии генерал-лейтенант М. Ф. Лукин и другие. Большинство держались в плену мужественно, отказываясь сотрудничать с оккупантами. Многие, как, например, Карбышев, Алавердов, Романов, Никитин и Тхор, были зверски убиты. Другие, такие как генералы Музыченко, Снегов, Тонконогов, Скугарев, Абрамидзе и Лукин, были в 1945 г. освобождены советскими войсками, восстановлены в званиях и продолжили военную службу.

Но были и другие. Так, в июне 1941 г. на сторону немцев добровольно перешёл начальник штаба 6-го стрелкового полка 6-й армии Юго-Западного фронта генерал-майор Б. С. Рихтер. В течение нескольких лет он служил в абвере и возглавлял обучение в школе диверсантов. В августе 1945 г. по приговору военного трибунала Рихтер был расстрелян за измену Родине. После войны по обвинению в измене были расстреляны также генералы Понеделин и Кириллов.

Таким образом, мы видим, что уже в 1941 г. у немцев было достаточно кандидатов на роль главы «антисталинского сопротивления». И тем не менее единственное, что интересовало немцев, так это расположение советских войск, номера дивизий, полков, имена командующих. Даже генерала Рихтера нацисты законспирировали и направили в разведшколу под псевдонимом «Рудаев» в режиме строгой секретности. То есть в тот момент серьёзных попыток использовать пленных генералов в политических целях не предпринималось. И хотя, казалось бы, 1941 г. был наиболее благоприятен для создания антисталинской силы из советских военнопленных, ни одного самостоятельного русского военного формирования создано не было. В тот момент нацисты не нуждались ни в «российском правительстве», ни в «русской армии». Россия должна стать просто колонией Третьего рейха.

Почему же в 1942 г., взяв в плен генерала А. А. Власова, германское командование начало активно рекламировать этого генерала? Сыграла ли свою роль личность Власова или дело было в изменившейся военно-политической обстановке на Восточном фронте?

В конце августа — начале сентября 1942 г. части Гудериана и Клейста обошли Киев с флангов и взяли в кольцо обороняющиеся советские войска. Советское командование 19 сентября приказало 37-й армии отходить, но было поздно: немцы Киев взяли, и частям 37-й армии пришлось вырываться из окружения.

Интересно, что почти весь штаб Юго-Западного фронта погиб в боях за Киев. Власов же с остатками своей армии полтора месяца блуждал по лесам, пока 1 ноября, пройдя 500 км, не вышел к своим в районе Курска, измождённый и больной. Однако позднее генерал А. Н. Сабуров, который в начале войны был офицером НКВД, с уверенностью утверждал, что

Власов перед выходом из вражеского тыла якобы уже побывал в немецком плену и был «отпущен» в обмен на обещание сотрудничать. «Особисты» якобы передали эту информацию начальству, но никакой реакции на неё не последовало, что само по себе в то время было невероятно.

Интересно, что после выхода из окружения Власова вообще не подвергли проверке. Напротив, советское руководство выказывало ему всяческое расположение. В середине ноября 1942 г. Сталин поручил Власову возглавить формирование 20-й армии, которая должна была оборонять Москву. Сам Власов в письме своей жене пишет о своей первой встрече со Сталиным: «Ты не поверишь, дорогая Аня, какая радость у меня в жизни! Я беседовал с самым большим нашим Хозяином. Такая честь выпала мне ещё первый раз в моей жизни».

С этого момента легенды вокруг имени Власова приобретают просто невиданный характер. Если им верить, то Власов, преодолевая болезнь, формирует 20-ю армию, бросает её в бой против танковых частей вермахта без танковой и авиационной поддержки и наголову громит войска генерала Моделя, отбрасывая немцев на 100 км от Москвы. «Такого в истории РККА ещё не было, — восхищается один из апологетов Власова. — Было от чего получить прозвище „спаситель“ Москвы».

Однако все эти восторги ни на чём не основаны. Непосредственного участия ни в формировании, ни в наступлении 20-й армии генерал Власов не принимал: с ноября по декабрь он находился в госпитале. Фактически командующим 20-й армией был его начальник штаба полковник Л. М. Сандалов. Именно под его руководством советские войска освободили Красную Поляну, Солнечногорск и Волоколамск. За эти успехи 27 декабря 1941 г. Сандалов получил звание генерала.

Апологеты Власова пытаются нас уверить, что это — позднее искажение фактов и что именно Власов командовал в тот момент 20-й армией. Но факты — вещь упрямая. Имеется ответ на запрос Военного совета 20-й армии, в котором начальник штаба Юго-Западного фронта Бодин сообщает, что командующий Власов сможет прибыть к войскам не ранее 25–26 ноября 1942 г. из-за воспаления среднего уха.

После битвы под Москвой Власов превратился в некую полуполулегендарную фигуру. Почему-то именно к нему потянулась вереница иностранных корреспондентов. 17 декабря 1941 г. генерал дал в штабе своей армии интервью американским журналистам. Француженка Ева Кюри встретила с ним несколькими неделями позже. Заметим, что почти все корреспонденты были американцами. В своих репортажах они писали о полководческом даровании Власова, о его популярности в войсках и т. п. Кроме них хвалу Власову воздавали и отечественные мастера художественного слова. В марте 1942 г. в 20-ю армию выезжал И. Г. Эренбург. В статье «Перед весной», опублико-

ванной 11 марта 1942 г. в «Красной звезде», он писал: «Генерал Власов разговаривает с бойцами. Любивно и доверчиво смотрят бойцы на своего командира: имя Власова связано с наступлением — от Красной Поляны до Лудиной Горы. У генерала рост метр девяносто и хороший суворовский язык».

Апологеты Власова приводят смехотворное объяснение такому интересу: мол, генерал был «любимцем Сталина», тот ему доверял, потому и допускал до него иностранцев и Эренбурга. Как будто Сталин не доверял Жукову, Рокоссовскому и тому же Сандалову!

Постоянные славословия вскружили голову и без того крайне честолюбивому и не очень умному военачальнику. В своих письмах жене он хвастливо пишет: «Ведь недаром я получил звание генерал-лейтенанта и орден Красного Знамени, и я два раза лично беседовал с нашим великим Вождём. Это, конечно, так не даётся. Тебе уже, наверное, известно, что я командовал армией, которая обороняла Киев. Тебе также известно, что я также командовал армией, которая разбила фашистов под Москвой и освободила Солнечногорск, Волоколамск и другие города и сёла, а теперь также команду ещё большими войсками и честно выполняю задания правительства и партии и нашего любимого вождя тов. Сталина».

Создаётся впечатление, что за границей явно хотели создать положительный образ Власова. Не вызывает сомнений и то, что «раскручивал» его кто-то из высоких советских кругов. Но кто это мог делать и зачем?

Для того чтобы ответить на это вопрос, нужно вернуться в 1937 год. Тогда летом НКВД объявил о раскрытии заговора военных против Сталина. С лёгкой руки Хрущёва и нынешних «прорабов перестройки» принято считать, что никакого заговора не было, а просто маньяк Сталин расстрелял цвет своей армии накануне войны. На самом деле объективные данные говорят о том, что некий заговор существовал и во главе его стояли маршал М. Н. Тухачевский, комбриг И. Э. Якир, командарм И. П. Уборевич и другие высокопоставленные военные. И в 1937–1938 гг. НКВД арестовало далеко не всех.

Любопытно, что в своё время предшественником Власова на должности советника Чан Кайши в Китае был маршал В. К. Блюхер. Его, как и Власова, китайский генералиссимус очень ценил. В 1929–1938 гг. Блюхер командовал отдельной красной армией и по своей должности и влиянию был фактически военным диктатором советского Дальнего Востока. Блюхер и Власов были лично знакомы: об этом говорит тот факт, что до августа 1938 г. в кабинете Власова висел портрет Блюхера с дарственной надписью. Кстати, вполне возможно, что в Китай Власова послали с одной целью — дать ему возможность успешно продвинуться по службе. Так же, как, например, Д. Г. Павлову, которого И. П. Уборевич направил в Испанию исключительно для этого.

Следующей весьма интересной фигурой, с которой соприкасался в своей жизни Власов, был генерал К. А. Мерецков, который близко знал многих главных заговорщиков и начинал свою военную карьеру в штабе Блюхера. В 1937 г., когда заговор был раскрыт, Уборевич, признавшись, что был завербован германской разведкой и Тухачевским, дал показания на Мерецкова. Тот их прочитал и 7 июня 1937 г. написал Сталину и Ворошилову письмо, в котором каялся, что «проглядел германского шпиона Уборевича» и отрицал своё участие в заговоре.

Тогда Мерецкова не тронули, послали воевать с Финляндией и даже представили к званию Героя Советского Союза, а затем назначали начальником Генерального штаба РККА. Однако 23 июня 1941 г. Мерецков был арестован. Следствие полагало, что он и некоторые другие военачальники ведут изменническую деятельность и тайно готовят поражение СССР в войне с нацистской Германией. Этот заговор даже получил кодовое обозначение «Заговор Героев». По делу о «Заговоре Героев» перед войной и в самом её начале были арестованы командующий ВВС МВО генерал-лейтенант авиации П. И. Пумпур, генерал-полковник Г. М. Штерн, начальник ГУ ВВС КА генерал-лейтенант П. В. Рычагов, командующий Западным фронтом генерал армии Д. Г. Павлов и др. Многие из них дали показания на Мерецкова.

В связи с этим особого изучения требует версия существования в среде высшего военного комсостава РККА остатков оппозиции, члены которой надеялась с началом войны открыть немцам фронт и осуществить в Москве государственный переворот.

В июле 1941 г. арестованный генерал Павлов дал показания против Мерецкова, заявив, что в своих разговорах тот убеждал его в желательности победы Германии над СССР в предстоящей войне. Павлов также показал, что Мерецков сознательно делал всё, чтобы провалить мобилизационный план Советского Союза, что подтверждалось реальными фактами.

Однако судьба была непонятно милостива к Мерецкову. Пройдя через жёсткие допросы и одиночную камеру, полностью признав свою вину, он, тем не менее, был «освобождён на основании указаний директивных органов по соображениям особого порядка».

Весной 1942 г. Ставка планировала операцию по прорыву к Запорожью, и Сталин отправил Власова на Юго-Западный фронт заместителем командующего. Но вдруг вместо этого его назначили заместителем командующего Волховским фронтом, т. е. заместителем Мерецкова. Кто был инициатором этого переназначения? На этот счёт имеются разные мнения.

Вскоре К. А. Мерецков направил Власова своим представителем во 2-ю ударную армию, которая должна была улучшить положение блокадного Ленинграда. Между тем эта армия находилась в критическом положении, и главная ответственность за это лежала на Мерецкове (как писал сам Мерецков, «я и штаб фронта переоценили возможности собственных

войск»). Именно он загнал 2-ю ударную в немецкий «мешок» и, не наладив снабжения, сообщил в Ставку, что «коммуникации армии восстановлены». Именно Мерецков посоветовал Сталину направить на спасение этой армии Власова (вместо раненого командарма Н. К. Клыкова). 20 марта Власов прибыл на место, чтобы организовать новое наступление. 3 апреля под Любанью это наступление началось и закончилось полным провалом — окружением 2-й ударной армии и сдачей в плен генерала Власова при весьма тёмных обстоятельствах.

Какими мотивами руководствовался Власов, сдаваясь в плен к немцам? Его апологеты стараются уверить, что, блуждая по волховским лесам, видя весь ужас и всю бесполезность гибели своей армии, Власов понял преступную сущность сталинского режима и решил сдаться.

Думается, что весной 1943 г., находясь на службе у немцев, Власов, приводя эти же мотивы своей сдачи в плен, как обычно, лгал. Во всяком случае, доверять словам бывшего командующего нет никаких оснований, так как ещё за два месяца до своего пленения, перед назначением на Волховский фронт, он в письме к жене так описывал свою вторую встречу со Сталиным: «Дорогой и милый Алики! Ты всё же не поверишь, какое большое у меня счастье. Меня ещё раз принимал самый большой человек в мире. Беседа велась в присутствии его ближайших учеников. Поверь, что большой человек хвалил меня при всех. И теперь я не знаю, как только можно оправдать то доверие, которое мне оказывает ОН...»

Вторым объяснением сдачи в плен Власова, которое нам предлагают его защитники, является утверждение, что командарм боялся выходить к своим, так как понимал, что Сталин его немедленно расстреляет за погубленную армию. При этом они не останавливаются перед самыми невероятными домыслами. «Его военной карьере, — как пишет Е. Андреева, — без сомнения, пришёл конец, он был командиром 2-й ударной армии, которая была разбита, и вне зависимости от того, на ком лежала ответственность, расплачиваться придётся ему. Другие командиры в подобных ситуациях были расстреляны».

Под «другими командирами» Е. Андреева имеет в виду расстрелянных по делу «Заговора Героев», а также по делу генерала Д. Г. Павлова. Но при этом она ни слова не говорит о том, что подлинной причиной их расстрела были не военные неудачи (многие из них даже не успели принять участия в боевых действиях), а обвинение в измене Родине и сознательном вредительстве в войсках Западного фронта.

Что же касается Власова, то он, по сути, не мог нести ответственность за гибель 2-й ударной. Главная вина за это лежала на Мерецкове или на руководстве Ставкой. Власов не мог не знать, что Сталин совсем не был склонен к расправам над невиновными подчинёнными. Тем более что после окружения под Киевом его не только не расстреляли, но послали командовать

20-й армией. К тому же, находясь в плену, Власов сам хвастливо заявлял, что Сталин послал для его спасения самолёт. Именно для спасения, потому как никаких репрессий к вырвавшимся из окружения применено не было. Например, эвакуированный начальник связи 2-й ударной армии генерал-майор А. В. Афанасьев был награждён и продолжил службу. Примечательно также, что Сталин очень долго скептически относился и к самому факту предательства Власова. Его проверка шла целый год. В это время приказом по Наркомату обороны СССР от 5 октября 1942 г. Власов был зачислен в пропавшие без вести и числился таковым до 13 апреля 1943 г., когда факт его измены подтвердился.

Третьей причиной, по которой Власов сдался в плен, могли быть его трусость и страх перед смертью. Именно это проходило красной строкой в материалах следствия, и именно малодушием объяснял на суде своё предательство сам Власов. Однако следует признать, что никаких веских причин считать его трусом нет. Напротив, на фронте он не раз демонстрировал презрение к смерти, спокойно находясь в зоне артиллерийского обстрела.

Есть, правда, ещё одна версия. В. И. Филатов полагает, что Власов был тайным сотрудником ГРУ, заброшенным нашей военной разведкой к немцам для предотвращения возможного формирования антисоветского движения. При всей внешней привлекательности этой версии она имеет несколько крупных изъянов, которые делают её невозможной. Прежде всего, заслав Власова к немцам, чтобы контролировать создание антисоветской армии, Сталин заложил бы под свою власть мину замедленного действия. Кто мог гарантировать, что Власов не стал бы играть по немецким правилам? Слишком рискованно было своими руками создавать силу, которая грозила прибавить к войне внешней войну гражданскую. Сталин же авантюристом никогда не был.

Таким образом, версия Филатова представляется полностью несостоятельной. Весьма вероятно, что Власов был действительно направлен к немцам, но теми троцкистами из числа советского партийного и военного руководства, которые надеялись в сговоре с германскими генералами свергнуть Сталина.

Тесные связи немецкого генералитета и РККА имели место ещё до прихода Гитлера к власти. Германский генерал-фельдмаршал, а затем и рейхспрезидент П. фон Гинденбург открыто благоволил командармам И. Э. Якиру и И. П. Уборевичу. Имел самые тесные связи с германскими военными кругами и маршал М. Н. Тухачевский. «Всегда думайте вот о чём, — говорил он германскому военному атташе генералу Кёстрингу в 1933 г., — вы и мы, Германия и СССР, можем диктовать свои условия всему миру, если мы будем вместе». Причём многие военачальники Красной армии, находившиеся в доверительных отношениях с германскими генералами, были обвинены в заговоре 1937 года. Тухачевский в своём предсмертном

письме к Сталину, известном как «План поражения в войне», признал существование сговора между советскими и германскими военными.

Немецкие генералы в 1935–1937 гг. преследовали аналогичную цель — свергнуть Гитлера и нацистов. Внутренние противоречия между фюрером и германским генералитетом сохранялись и в 1941 году. Многие из них, включая начальника генштаба Ф. Гальдера, полагали, что дальнейшая война с СССР губительна для Германии, что Гитлер и нацисты ведут страну к катастрофе. Закончить войну с Россией по своему сценарию, а не по сценарию Гитлера — вот каковы были планы части германского генералитета. И сговор с советской военной верхушкой, стремящейся свергнуть Сталина, был для них крайне желателен.

Со своей стороны, заговорщики из числа генералов РККА, вступая в контакт с немцами, могли надеяться, что антисоветская армия из военнопленных под командованием их сообщника Власова сможет коренным образом изменить ход войны.

Обе стороны полагали, что у Гитлера не будет причин продолжать войну в случае прихода к власти нового внешне антисоветского режима. При этом немецкие генералы считали, что заключённый по их сценарию мир будет почётным и победным для Германии и позволит сохранить Россию как подконтрольное Германии, пусть и «суверенное», государство. Такое государство, полагали германские военные, могло бы стать их союзником против Гитлера.

С другой стороны, советские заговорщики могли надеяться, что, заключив мир с Германией, они смогут создать «демократическое» правительство, которое признают США и Англия. Таким образом, «пятая колонна» в СССР, ориентированная на троцкистские круги Запада, ценой расчленения территории страны и заключения мира с его злейшими врагами расчищала себе дорогу к власти. То, что не получилось летом 1937 г., должно было получиться в 1942 или 1943 году. В 1937 г. кандидатом в «диктаторы» был Тухачевский, в 1942 г. им должен был стать Власов.

Конечно, прямых подтверждений этой версии на сегодняшний день нет. Нужно помнить, что все архивы, касающиеся процессов 30–40-х гг., до сих пор засекречены. Но даже по некоторым эпизодически всплывающим документам можно судить о масштабах заговорческой деятельности в рядах РККА. В пользу версии «Власова-заговорщика» свидетельствует также и то, что его главные опекуны из числа германских военных оказались позднее на стороне антигитлеровской оппозиции.

Итак, взятый в плен при весьма странных обстоятельствах командующий 2-й ударной армии генерал-лейтенант А. А. Власов был доставлен в Сиверскую, в штаб 18-й армии, где его немедленно принял её командующий генерал-полковник Г. фон Линдеман. Ему Власов выдал ряд важнейших сведений, составляющих государственную тайну. Затем его направили в лагерь для высокопоставленных советских

военнопленных «Променент» в Виннице, который подчинялся непосредственно главнокомандованию сухопутными силами вермахта. К моменту прибытия Власова в винницком лагере уже содержались пленные советские генералы Понеделин, Потапов, Карбышев, Кириллов, а также сын Сталина Яков Джугашвили. А руководил этим лагерем... американец немецкого происхождения Петерсон. (Потрясающие сведения даёт нам апологет Власова К. Александров. Он пишет, что лагерь в Виннице «находился под фактическим контролем представителей антигитлеровской оппозиции».)

В августе у Власова состоялась встреча с руководством лагеря, представителями германского МИД и разведки. Что примечательно: советник Министерства иностранных дел Г. Хильдер уже на этой встрече обсуждал возможность участия Власова в марионеточном правительстве России, которое должно было официально передать Германии территории Украины и Прибалтики. То есть на эту встречу прибыл высокопоставленный сотрудник МИД Германии, который беседовал с пленным советским генералом в присутствии человека из США!

И вот что интересно: Хильдер беседовал в винницком лагере ещё и с полковым комиссаром И. Я. Кернесом, который добровольно перешёл на сторону немцев в июне 1942 г. на Харьковщине. Попав в плен, тот сообщил, что после разгрома в СССР троцкистско-бухаринского блока и групп Тухачевского, Егорова и Гамарника их остатки объединились в широко разветвлённую организацию, имеющую филиалы как в армии, так и в госучреждениях, а он, Кернес, является членом и посланником этой организации.

Сведения, которые дал немцам Кернес, подтверждали, что в СССР существует антисталинская подпольная организация, стоящая на платформе «продолжения истинного учения Ленина, искажённого Сталиным». Её целями являются свержение Сталина и его правительства, возврат к НЭПу, уничтожение колхозов и ориентация во внешней политике на нацистскую Германию. На вопрос, есть ли представители «организации» в органах НКВД, Кернес ответил, что таковые имеются даже в центральном аппарате, но никого не назвал.

Любопытно и следующее: то, что рассказал Кернес о планах «организации», почти полностью совпадает с «Манифестом Комитета освобождения народов России», подписанным Власовым в ноябре 1944 года.

И хотя представитель МИД Хильдер в своём официальном рапорте усомнился в серьёзности полномочий Кернеса, нетрудно догадаться, что это было сделано для того, чтобы отвлечь от него внимание нацистского руководства, поскольку в планы германского генералитета не входило, чтобы о переговорах с «красными» заговорщиками узнал Гитлер.

Как нетрудно убедиться, с Власовым встречались те же люди, что и с Кернесом. Вполне возможно, что

на встрече они присутствовали вместе. Вполне возможно также, что они знали друг друга: оба воевали на Украине в 1941 году.

После встречи с представителями германского МИД и разведки Власов пишет следующую записку: «Офицерский корпус Советской армии, особенно попавшие в плен офицеры, которые могут свободно обмениваться мыслями, стоят перед вопросом: каким путём может быть свергнуто правительство Сталина и создана новая Россия? Всех объединяет желание свергнуть правительство Сталина и изменить государственную форму. Стоит вопрос: к кому именно примкнуть — к Германии, Англии или Соединённым Штатам? Главная задача — свержение правительства — говорит за то, что следует примкнуть к Германии, которая объявила борьбу против существующего правительства и режима целью войны. Однако вопрос будущности России неясен. Это может привести к союзу с Соединёнными Штатами и Англией, в случае если Германия не внесёт ясность в этот вопрос».

Поразительный документ! Советский генерал сидит в немецком плену, который, как известно, курортным не был, и свободно рассуждает о том, к кому должна примкнуть постсталинская Россия — к США, Англии или Германии! В конце Власов милостиво соглашается присоединиться к Германии, но предупреждает, что если последняя будет себя плохо вести, Россия может найти общий язык и с западными союзниками! Представить себе, чтобы нацисты терпели такие выходы от какого-то «унтерменша», пленного коммуниста, можно только в одном случае — если Власов писал свою записку не для нацистов, а для оппозиционных гитлеровскому режиму генералов. Записка эта есть не что иное, как обращение ко всему враждебному СССР Западу, призыв к началу немедленного сотрудничества и декларация готовности выступить против Сталина. Примечательны в связи с этим слова Власова, сказанные им немецкому офицеру русского происхождения и кадровому разведчику капитану В. Штрик-Штрикфельдту: «Мы решились на большую игру».

Тот же Штрик-Штрикфельдт, который курировал Власова, даёт нам представление о сущности этой «большой игры». Он вспоминал, что пленный генерал призывал пойти «по ленинскому пути», т. е. воспользоваться войной, чтобы «освободить народ и страну от большевистского режима». Ведь во время Первой мировой войны Ленин и Троцкий помогли немцам победить Россию, за что получили власть в стране. Почему бы и сейчас во имя свержения Сталина не вступить в соглашение с Гитлером и не купить у Германии мир, отдав ей Прибалтику, Белоруссию и Украину?

«Дадут ли нам, — вопрошал Власов Штрик-Штрикфельда, — возможность выставить против Сталина русскую армию? Не армию наёмников. Она должна получить своё задание от национального

русского правительства. Только высшая идея может оправдать выступление с оружием в руках против правительства своей страны. Эта идея — политическая свобода и права человека. Вспомним о великих борцах за свободу в США — о Джордже Вашингтоне и Вениамине ФранкLINE. В нашем случае, только если мы поставим общечеловеческие ценности над ценностями националистическими, — оправданно и согласие на вашу помощь в борьбе против большевистской диктатуры».

Эти призывы к приоритету «общечеловеческих ценностей» над «националистическими» мы уже слышали в нашей недавней истории. Нам уже кто-то твердил о «правах человека» и «о борцах за свободу» в США? Если не знать, что приведённые выше слова принадлежат изменнику Родины Власову и сказаны они в 1942 г., то можно подумать, что это речь члена Политбюро ЦК КПСС А. Н. Яковлева, произнесённая им в 1990 году.

По всей видимости, в 1942 г. германский генштаб начал крупную игру для свержения Сталина и замены его троцкистско-либеральным режимом.

Но эта игра была выиграна Адольфом Гитлером. Ему была совершенно не по вкусу вся эта возня с «русским освободительным движением». И дело здесь не только в зоологической русофобии фюрера. Он не мог не видеть, что манипуляции с «новым русским правительством» затеяны его старыми недругами из генеральского корпуса. Кроме того, формирование независимой русской армии грозило нацистской Германии непредсказуемыми последствиями. Вооружить несколько сотен тысяч советских военнопленных немецким оружием, чтобы они потом перешли на сторону Сталина и повернули это оружие против него, Гитлера?! Нет, кем-кем, а дураком Гитлер не был. Но даже в случае успеха антисталинского заговора он не выигрывал ровным счётом ничего. Напротив, его власть снова оказалась бы под угрозой. Ведь тогда пропадал главный предлог войны — большевистская угроза Европе. С «новым русским правительством» волей-неволей пришлось бы заключать мир, что означало конец всем планам в отношении русской территории и русского народа. А «новое русское правительство» при этом могло спокойно заключить мирный договор и с Западом. Тогда во имя чего надо было начинать войну? Не говоря уже о том, что такой исход делал оппозиционных генералов реальной силой, способной осуществить государственный переворот в рейхе, опираясь на помощь своих «русских союзников». Не потому ли Гитлер категорически отказывался не только видеть, но даже слышать о Власове.

Власова отправляют под домашний арест, потом отпускают, он живёт в Берлине, в хороших условиях, но всё равно остаётся на положении полупленного. Его изгоняют из большой игры.

План советских и германских заговорщиков рухнул, не начав осуществляться. Этому способствовали

сначала успехи германских войск, а с 1943 г. — успехи советских войск, которые сделали Сталина лидером Антигитлеровской коалиции.

Брошенный и своими друзьями-заговорщиками, и немецкими генералами, Власов оказался в ужасном положении. В своих честолюбивых планах он должен был стать главнокомандующим «новой русской армии», а может быть, и «диктатором» России, а стал немецкой марионеткой, одетой не то в русскую, не то в немецкую форму. Напрасно Власов продолжал носиться с идеями РОА и независимого русского правительства — всё это, по существу, было уже никому не нужно. Гитлер не дал хода формированию независимых русских воинских частей, разрешив лишь создать эсесовские национальные подразделения с русской символикой. Как манекен, Власов на парадах вскидывал руку в полунацистском приветствии, обращенном к «русским» солдатам, одетым в форму вермахта; как попугай, повторял демагогические лозунги о «свободной России без большевиков».

Между тем в этих подразделениях всё больше разочаровывались в нацистах. 16 августа 1943 г. на сторону советских партизан перешли солдаты и офицеры 1-й Русской национальной бригады СС («Дружины») во главе с бывшим подполковником Красной армии В. В. Гиль-Родионовым. За этот переход, во время которого новоявленные партизаны перебили немало немцев, он был восстановлен в армии с присвоением очередного воинского звания и, более того, награждён орденом Красной Звезды, а его подразделение было переименовано в 1-ю антифашистскую партизанскую бригаду.

Но нельзя сказать, что Власов вообще не играл никакой роли в Третьем рейхе. По воспоминаниям одного из руководителей германской разведки начальника VI отдела РСХА В. Шелленберга, «с генералом Власовым и его штабом мы заключили особые соглашения, предоставив ему даже право создать в России свою собственную разведывательную службу». Что это была за служба? Какими источниками она пользовалась? Этот вопрос ещё ждёт своего исследователя.

Во второй половине 1944 г. Власов вновь понадобился немцам в их большой игре. Теперь, однако, эта игра была внутригерманской. В июле почти все немецкие покровители Власова (фельдмаршал Т. фон Бок, генерал-полковник Г. Линдеман, полковник граф К. фон Штауффенберг и др.) оказались косвенными или прямыми участниками заговора против Гитлера. Как выясняется, Власов со своим несуществующим «войском» играл в планах заговорщиков не последнюю роль. Вот что пишет об этом куратор Власова В. Штрик-Штрикфельд: «Власов достаточно хорошо знал о той самостоятельной и активной роли, которая предназначалась заговорщиками РОА. Согласно их плану предусматривался немедленный мир на западе, а на востоке продолжение войны с превращением её в гражданскую. Для этого была нужна хорошо подготовленная и мощная власовская армия».

То есть немецкие генералы готовили для Власова всю ту же роль главаря братоубийственной войны. И тот радостно соглашается на этот план. «Я знаю, — заверяет он немецких генералов, — что ещё сегодня я могу выиграть войну против Сталина. Если бы я располагал армией, состоящей из граждан моего отечества, я бы дошёл до Москвы и закончил войну по телефону, просто поговорив с моими товарищами».

Однако и в случае с антигитлеровским заговором у Власова всё складывается непросто. 20 июля 1944 г. он настойчиво добивается встречи с рейхсфюрером Г. Гиммлером. (Встреча эта тогда не состоялась из-за покушения на Гитлера и начавшегося государственного переворота, который был подавлен Й. Геббельсом и аппаратом СС.) Что хотел сообщить Власов Гиммлеру? Сейчас сказать об этом трудно, но известно, что после провала заговора 20 июля Власов демонстративно отвернулся от своих вчерашних союзников-генералов, которые оказались заговорщиками. Эта беспринципность Власова поразила даже Штрик-Штрикфельда. Когда последний в разговоре с Власовым назвал Штауфенберга и других мятежников «наши друзья», то Власов резко перебил его: «О таких покойниках не говорят как о друзьях. Их не знают».

После провала заговора Власов понял, что дело генералов кончено и единственная реальная сила в Германии — это Национал-социалистическая рабочая партия Германии, а конкретнее — рейхсфюрер СС Г. Гиммлер, чья власть и возможности после провала путча неимоверно возросли. Власов вновь спешит на приём к «Чёрному Генриху» и просит о встрече. Такая встреча состоялась 16 сентября 1944 года. Любопытно, что проходила она за закрытыми дверями, один на один, а её результатом стало признание Власова «союзником» рейха и главнокомандующим РОА. 14 ноября 1944 г. в Праге торжественно прошло учредительное заседание Комитета освобождения народов России (КОНР), которое приняло известный «манифест». Председателем Комитета был избран Власов.

Между тем началась агония гитлеровской Германии. И Власов в очередной раз попытался сменить хозяев. Он наносит немцам удар в спину в Праге в мае

1945 г., однако оставаться там долго не может — приближается Красная армия.

Власов бежит к американцам, которые, вроде бы, согласились принять его услуги, но, выполняя один из пунктов соглашения с СССР, выдали его группе захвата СМЕРШа, вынудив следовать в составе танковой колонны якобы в американский штаб.

На этом, собственно, жизнь Власова кончилась. Страшной и чёрной она была. Этот человек всю жизнь предавал всех и вся: церковь, служению которой хотел посвятить жизнь; Сталина, которому присягал и которым «восхищался»; Родину, которой был обязан всем; солдат и командиров 2-й ударной армии, от которых сбежал; своих покровителей — немецких генералов и новых покровителей — Гиммлера и СС. Власов предавал жён и любовниц, вождей, генералов и солдат. Предательство стало для него нормой жизни, определённым внутренним её содержанием.

Но следствие и процесс над изменниками Родины Власовым и его подельниками были закрытыми, а протоколы допросов полностью не рассекречены до сих пор. Поэтому остаётся тайной, кто же стоял за спиной Власова в трагические дни 1942 г.?

В заключение хотелось бы сказать, что эта статья обращена скорее в настоящее и будущее, чем в прошлое. Там, в прошлом, всё стояло на своих местах: Верность называлась Верностью, Доблесть — Доблестью, трусость — трусостью, измена — изменой. Но сегодня появились крайне опасные тенденции к подмене этих понятий, поскольку есть желающие назвать измену — Доблестью, а трусость — Героизмом. У «власовых» появились сотни почитателей и апологетов, скорбящих об их «мученической кончине». Такие люди делают преступное дело — они оскорбляют святую память о наших воинах, подлинных мучениках, павших в годы Великой Отечественной войны за Веру и Отечество.

Когда-то в далёком 1942 г. Власов с упоением читал книгу «Грозный и Курбский», не раз восторгаясь словами и поступками князя-изменника. Ему удалось продолжить дело своего кумира, и кто бы что ни говорил, Власов и ему подобные найдут достойное место в позорном ряду предателей России.

Гагарин Анатолий Станиславович, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН, директор Института системных политических и гуманитарных проектов

Власов — «раб», не ставший «господином»

Когда мой отец, писатель Станислав Гагарин, работал в конце 1980-х гг. над романом «Мясной Бор», посвященным подвигу 2-й ударной армии, брошенной на помощь осаждённому Ленинграду, то тема предательства генерала Власова, принявшего командование этой армией в последние дни Любанской операции, не могла не возникнуть.

Я в те годы окончил философский факультет, и мы с отцом вели долгие дискуссии на темы жизни, смерти, подвига и предательства. В результате этих бесед литературный герой романа, Олег Кружилин, один из немногих вымышленных персонажей, необходимых для сюжета в этом художественном произведении, стал в романе выпускником философского

факультета. Он постоянно пытается уловить суть происходящего, осмыслить её с помощью философских категорий, которые принято называть экзистенциальными. Эти беседы обусловили также тему моей докторской диссертации, посвященной одиночеству, страху и смерти.

Роман вышел в 1991 году. Отец скоропостижно скончался в 1993-м. И сегодняшняя конференция как бы продолжает наши дискуссии. Так что я буду говорить не только за себя, но и за отца. А его позиция в оценке последних вех жизненного пути Власова была твёрдой. Она исходит из проверенной веками максимы: «Единожды предавший...»

Эта позиция и не могла быть другой, ведь Станислав Гагарин побудило написать роман именно замалчивание подвига 2-й ударной армии, а порой и откровенное шельмование её героев после Великой Отечественной войны.

Главной причиной подобного отношения стали, конечно, предательство генерала Власова и последующее создание им Русской освободительной армии (РОА). Предательство одного человека, пусть и генерала, бросило тень на всю 2-ю ударную армию, которая после гибели практически всех её бойцов (а также 52-й и 59-й армий) в Любанской наступательно-оборонительной операции Волховского фронта в 1942 г. была сформирована заново и прошла с боями до Берлина. Напомню, что знамёна 2-й ударной армии были вынесены бойцами из окружения, а 103 её воинам были присвоены звания Героев Советского Союза. И вот этих людей стали называть «власовцами», а эту армию — упорно считать «власовской».

Но были те, кто стремился восстановить правду, очистить подвиг бойцов от лежавшей на них тени предательства. Таким человеком был вице-адмирал Н. А. Шашков, сын начальника особого отдела 2-й ударной армии А. Г. Шашкова, погибшего при выходе из окружения.

Станислав Гагарин приступил к написанию романа после знакомства с этим замечательным человеком. Я видел, с каким трудом им приходилось пробивать стену молчания вокруг этой темы. И тем не менее общими усилиями удалось организовать публикации в «Советской России» и «Известиях», выпустить роман «Мясной Бор». И защитить доброе имя ветеранов, воевавших и после предательства Власова.

Почему возникает вопрос о реабилитации Власова? Ведь, по сути, это оправдание предательства. Независимо от тех мотивов, которыми руководствовался Власов. Аргумент «борьбы с большевизмом» выглядит неубедительно. Именно поэтому сегодня активно вбрасывается версия о «секретной миссии» Власова, в результате чего он выглядит неким «коктейлем» из Гесса, Зорге и Штирлица в одном лице. В изложении авторов версии, этот «суперагент» борется руками самих фашистов и наших бывших военнопленных и с фашистами, и с собственной Родиной.

Наше время — время наступающего релятивизма, при котором сильна тяга к свержению авторитетов, к желанию представить вечные истины и абсолютные ценности как относительные, амбивалентные, двойственные.

Что двигало Власовым? Почему он, преклонявшийся до плена перед Сталиным, называвший его «Большим Хозяином», постоянно подчёркивавший в разговорах его особое внимание к себе, якобы ценившего его заслуги, в новых обстоятельствах поменял полюса? Власов сам признавался в своих воззрениях, что советская власть не сделала ему ничего плохого. Этим признанием он пытался доказать, что у него с нею не личные счёты, не месть, а внутреннее, метафизическое противоречие как с тотальным врагом. Именно Сталин, «сталинизм» стал главным врагом в манифестах Власова.

В своё время немецкий философ Георг В.-Ф. Гегель в «Феноменологии духа» изложил диалектику отношений господина и раба. О ней же говорил ещё Платон, указывая, что любой тиран — сам раб, т. е. порабощение другого есть также и порабощение себя.

Марксисты часто обращались к этой диалектической взаимозависимости (имеющей отношение к процессу самосознания) для обоснования неизбежности процесса социального превращения «никого» во «что-то». У Гегеля в поединке «господина» и «раба» первый рискнул и, победив, стал хозяином. «Раб» же испугался смерти и, потерпев поражение, спасая свою жизнь, согласился с положением раба и превратился в некую «вещь», зависимую от господина. В результате господин эксплуатирует раба, принуждая его работать на себя, и довольствуется потреблением того, что производит для него раб.

Однако при таком раскладе сил возникает диалектическое движение, которое в конечном счёте приводит к изменению положения участников игры. Господин становится зависимым от вещей, которые уже не умеет производить сам, а раб тем временем получает независимость от вещей, поскольку сам же их и производит. При этом господин не способен полностью реализовать своё самосознание в силу того, что раб, низведённый до положения вещи, не может служить тем диалектическим полюсом, с которым его хозяин мог бы себя адекватно соотносить (справедливо замечено, что быть только господином значит намного меньше, чем быть личностью, наделённой самосознанием). В то же время раб в лице господина такой диалектический полюс имеет, поскольку тот — носитель самосознания, который повелевает. Так Гегель обозначил необычайную диалектическую потенцию, таящуюся в труде. По его словам, рабское сознание «именно в труде обретает самоё себя, стремясь найти собственное значение, хотя труд, как казалось, делал это значение отвлечённым».

Власов — это тот самый «раб», который (по Гегелю) хочет стать «господином».

Попав в плен, он решил использовать свой шанс стать вровень и даже выше своего прежнего господина и «Большого Хозяина» — Сталина (т. е. победить его).

Сервилизм Власова в одночасье сменяется расчётливым бунтом (предательством). «Раб» в этом случае ищет более сильного хозяина, сам рассчитывая при этом стать господином.

Фридрих Ницше (опираясь на творчество Ф. Достоевского) писал про вероломство слабых и великодушные сильных духом. Сам Власов, описывая свой поступок — переход на сторону врага, признавался: «Смалодушничал». Именно проявленное малодушие как признак внутренне слабого, но амбициозного человека стало первым толчком, импульсом в траектории падения Власова.

Для претензий на то, чтобы стать «господином», Власову нужна была сила, и такой силой, по его замыслу, должна была стать для него, мечтавшего занять место своего прежнего «хозяина» — Сталина, армия «рабов» — исполнителей честолюбивого замысла.

Поэтому ни о каком самоубийстве (как это сделал, попав в плен, генерал Самсонов в 1914 г.), или о пребывании в концлагере, или о героической смерти (вспомним смерть генерала Карбышева, отказавшегося присоединиться к предателю) сам Власов не помышлял. Он слишком высоко ценил самого себя и свой военный талант военачальника, чтобы брать смерть в том или ином виде.

Таким образом, Власов совершил ещё одно предательство — он предал своих прежних соратников, за что и был удостоен плевка в лицо от пленного советского генерала, которому он предложил вступить в РОА. Ведь фашистам Власов был нужен как советский военачальник, перешедший на сторону врага и объединивший воинские подразделения из числа перебежчиков, готовых воевать против своих соотечественников.

Власов же решил «выжать из ситуации» всё. Он решил обыграть и Сталина, и Гитлера. Поэтому он не просто перешёл на сторону нацистов, к чему подталкивали его те немецкие разведчики, которые обрабатывали его в плену. Он решил возглавить процесс *массового* перехода на сторону врага, используя своё генеральское звание, полученное в Советской армии. Власов предложил создать армию из советских пленных и бросить её в битву со Сталиным.

Замысел самонадеянный, демонстрирующий уровень дьявольски авантюрных притязаний Власова. О его честолюбии говорят многочисленные свидетели — как российские, так и немецкие. (Доста-

точно вспомнить его поучения, которые он раздавал и Гиммлеру, и Гитлеру, о том, как надо вести войну с Россией, как он мог бы взять Ленинград, если бы ему дали несколько дивизий.)

Является ли эта самая печально известная часть жизненного пути Власова активной борьбой со сталинизмом, с режимом? Только косвенно. По сути же, это была и борьба с государством, и борьба с народом, и борьба с самим собой — прежним рабом. Но на деле же это стало обретением нового рабского состояния, купленного ценой *государственной измены*, ценой перехода на сторону врага и борьбы с оружием в руках против своей Родины*.

Николай Бердяев писал, что человек должен стать не господином, а *свободным*. И самый свободный из сынов человеческих — Христос: он свободен от мира, он связывает лишь любовью**.

Что касается Власова, то он — «раб», так и не ставший «господином». Потому что была борьба Власова — «раба нового» с Власовым — «рабом старым».

Цена этого *бунта на коленях* была высока — тень предательства, которая легла на бойцов 2-й ударной армии, обман тех, кого он вовлёк своей пропагандой в РОА, предательство народа, России как Отечества и своих близких.

И сегодня этот обман продолжается, к сожалению, во всяком случае, для тех, кто не только готов обманываться сам, но и вводить в искусь относительных псевдоистин других людей.

История не знает сослагательного наклонения, но попробуйте представить, что вдруг Барклай де Толли или Багратион, оказавшись в плену, перешли бы на сторону Наполеона и оправдывали бы это «борьбой с царизмом». Возможно ли это? Думаю, что нет. Хотя скептики могут сказать, что времена были другими.

Но вот другой пример — генерал Антон Деникин, отказавшийся благословить власовцев. Ему даже приписывают фразу: «Если бы мне могли дать должность генерала в Красной армии, я бы немцам показал». Как писала историк Н. А. Нарочницкая, для таких людей, как Деникин, Россия в любом обличье оставалась Родиной, и для них сохранить её для будущих поколений было важнее, чем при жизни увидеть крах ненавистного режима. А для власовцев — наоборот, лучше бы не было никакой России, чем Россия большевистская.

Иван Ильин справедливо отметил, что Россия не есть «пустоеместилище», в которое можно механически, по произволу, вложить всё, что угодно. Россия есть живая духовная система со своими историческими дарами и заданиями. И нужно считаться с законами

* Во всех странах подобные деяния оцениваются весьма сурово. В Конституции США, например, даётся чёткое определение: «Государственной изменой Соединённым Штатам считается только ведение войны против них или присоединение к их врагам и оказание им помощи и содействия».

** «Свобода есть свобода не только от господ, но и от рабов. Господин детерминирован извне, господин не есть личность, как раб не есть личность, только свободный есть личность, хотя бы весь мир хотел его поработить» (Бердяев Н. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии).

её духовного организма. Именно национальная духовная жизнь есть то, за что и ради чего можно и должно любить свой народ, бороться за него и погибнуть за него. В ней — сущность Родины, та сущность, которую стоит любить больше себя.

Ключевые понятия здесь: Россия, Отечество, патриотизм, долг. По мнению Ильина, в основе пат-

риотизма лежит «творческий акт духовности самоопределения». Душа истинного патриота может жить только до тех пор, пока она пребывает в творческом объединении с жизнью своего народа.

Власов сделал свой выбор. Нарушив свой воинский долг, он отделил себя от народа, от Отечества, от России.

**Куртов Аждар Аширович, главный редактор
журнала «Проблемы национальной стратегии»**

Правовая оценка инициативы по реабилитации руководителей РОА

Сегодня за круглым столом собрались преимущественно представители исторической и военной наук. Однако затрагиваемая нами тема совершенно очевидно имеет также и юридический аспект. Ведь за призывами пересмотреть оценки деятельности РОА и её руководителей стоит не просто желание изменить отношение общества к событиям прошлого на уровне чисто политического, оценочного восприятия. Сторонникам данной инициативы для достижения поставленной цели необходимо добиться отмены правовой квалификации деятельности руководителей РОА, зафиксированной не просто в каком-то постановлении ЦК КПСС, а в приговоре, вынесенном государственным судебным органом.

Сам термин «реабилитация» — это прежде всего правовое понятие, предусматривающее восстановление в правах, включая восстановление утраченного доброго имени, а также (если речь идёт об уголовном аспекте) отмену вынесенного судом обвинительного приговора, как правило, в силу «отсутствия состава преступления». Именно последним реабилитация отличается от внешне схожих с ней юридических понятий — «амнистия» и «помилование», которые оставляют вынесенный приговор в силе, а помилованного — лицом, совершившим преступление.

Поскольку в нашем случае речь идёт о реабилитации руководителей РОА, осуждённых в советский период, то не лишне будет напомнить, что советское уголовное право рассматривало реабилитацию как восстановление в прежнем состоянии *невиновного* лица, которое было привлечено к уголовной ответственности *необоснованно*. В ныне действующем законодательстве России (УПК РФ) в п. 34 ст. 5 реабилитация тоже определяется как порядок восстановления прав и свобод лица, *незаконно или необоснованно* подвергнутого уголовному преследованию.

Очевидно, что сторонникам реабилитации руководителей РОА такой подход законодателя только на руку, поскольку он позволяет им надеяться, что клеймо уголовных преступников с них будет снято, без чего добиться желаемых перемен в отношении общества к РОА было бы проблематичным. Вполне вероятно, что сторонники подобных взглядов постараются представить руководителей РОА такими

же жертвами сталинского репрессивного аппарата, как и политических противников Сталина — Бухарина или Троцкого. Они с помощью имеющихся легитимных возможностей попытаются добиться отмены приговора, вынесенного руководителям РОА в далёком 1946 году. Наверняка будут звучать призывы «довести до логического завершения процесс реабилитации репрессированных в СССР лиц», начавшийся после смерти Сталина в 1953 г., сошедший на нет во времена Брежнева и возобновившийся при Горбачёве.

В связи с этим напомним, что постановлением Политбюро ЦК КПСС «О дополнительных мерах по завершению работы, связанной с реабилитацией необоснованно репрессированных в 1930–1940-е годы и начале 1950-х годов» от 11 июля 1988 года. Прокуратуре СССР и КГБ СССР было дано поручение продолжить работу по пересмотру дел в отношении лиц, репрессированных в годы сталинского режима, причём даже без подачи заявлений о реабилитации от родственников и жалоб от самих репрессированных граждан. 16 января 1989 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР, который отменял внесудебные решения, вынесенные в указанный период внесудебными «тройками» НКВД–УНКВД, коллегиями ОГПУ и «особыми совещаниями» НКВД–МГБ–МВД СССР. Однако реабилитация на основе этих решений не распространялась на изменников Родины, карателей, нацистских преступников, на работников, занимавшихся фальсификацией уголовных дел, и на лиц, совершивших убийство.

Законодательство нынешней России тоже содержит акты, посвященные реабилитации. Помимо упомянутого УПК РФ к ним можно отнести Закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» от 26 апреля 1991 г., Закон РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г., Указ Президента РФ «Об утверждении положения о Комиссии при Президенте РФ по реабилитации жертв политических репрессий» от 25 августа 2004 года.

Очевидно, что сторонники реабилитации руководителей РОА попытаются опереться именно на нормы Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий», в частности на ст. 2, где говорится,

что «целью настоящего Закона является реабилитация всех жертв политических репрессий, подвергнутых таковым на территории Российской Федерации с 25 октября (7 ноября) 1917 года...»

Не могу не отметить, что в плане воздействия на общественное мнение у сторонников реабилитации руководителей РОА имеется возможность спекулировать на некоторых правовых терминах. Это сегодня действующий УК РФ содержит нормы, лишённые идеологического содержания, даже для такого преступления, как «государственная измена» (ст. 275). А на момент суда над руководителями РОА в РСФСР действовал УК 1926 г., в котором имелись так называемые «контрреволюционные» статьи. Тем не менее речь идёт именно о возможности спекулировать на терминах, поскольку УК РФ, как и аналогичные законодательства других стран, отнюдь не отказывается от уголовного преследования за действия, направленные на подрыв государственных основ (гл. 29 УК РФ «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства»).

Отметим также, что российское законодательство позволяет подать заявление о реабилитации не только самим осуждённым (в нашем случае это невозможно, поскольку они казнены), но и членам их семей, а также любым общественным организациям и сторонним лицам.

К каким юридическим аргументам из области материального и процессуального права могут прибегнуть сторонники реабилитации руководителей РОА? Начнём с процессуального аспекта. Генерал Власов был задержан в 1945 г. и после следственных действий 1 августа 1946 г. был приговорён к смертной казни через повешение. Специально отметим, что руководителей РОА осудил именно суд, т. е. они были подвергнуты судебному, а не внесудебному преследованию, и приговор выносила высшая судебная коллегия, а не какая-то «тройка». Это обстоятельство лишает сторонников реабилитации сразу целого ряда аргументов в пользу версии о чисто политическом преследовании генерала Власова и его соратников.

Однако можно ожидать, что они попытаются всё-таки обосновать свою инициативу тем, что политическая мотивация преследования руководителей РОА просматривается в ряде процессуальных нарушений, которые должны быть установлены и послужить основанием для отмены вынесенного приговора. Как эксперт-правовед, я не могу не отметить, что с формально-юридической точки зрения необходимых и достаточных оснований для подобной позиции нет. В пользу версии, которую отстаивают сторонники реабилитации, имеются лишь определённые намёки, факты, которые можно интерпретировать не столько в чисто правовом, сколько в политическом плане.

Дело в том, что незадолго до начала судебного процесса, 23 июля 1946 г., состоялось заседание Политбюро ЦК ВКП(б), на котором было принято следующее решение:

«1. Судить Военной коллегией Верховного суда СССР руководителей созданного немцами «Комитета освобождения народов России»: Власова, Малышкина, Трухина, Жиленкова и других активных власовцев в количестве 12 человек.

2. Дело власовцев заслушать в закрытом судебном заседании под председательством генерал-полковника юстиции Ульриха без участия сторон (прокурора и адвоката).

3. Всех обвиняемых в соответствии с п. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. осудить к смертной казни через повешение и приговор привести в исполнение в условиях тюрьмы.

4. Ход судебного разбирательства в печати не освещать.

По окончании процесса опубликовать в газетах в разделе «Хроника» сообщение о состоявшемся процессе, приговоре суда и приведении его в исполнение.

Судебный процесс начать во вторник, 30 июля с.г.».

Сторонники реабилитации руководителей РОА в своих публикациях уже активно используют данный исторический факт как безусловное, с их точки зрения, доказательство того, что суд был актом политической мести, что осуждены власовцы не как уголовные преступники, а как оппоненты большевиков.

Однако давайте разберёмся в этой ситуации. Действительно, принятие фактически судебного решения высшим партийным органом до проведения процесса и вынесения приговора с позиций дня сегодняшнего предосудителен, поскольку его можно расценить как вмешательство в дела правосудия. Но с правовой точки зрения принципиальным является то обстоятельство, что приговор всё-таки был вынесен судом, а не Политбюро. Решение Политбюро не отменяло суда и не заменяло его с процессуальной точки зрения. Сам же факт рассмотрения партийным органом подобного вопроса в реально-исторических условиях той эпохи был делом вполне обычным и, кстати, не слишком расходился с действующим законодательством СССР, в котором была зафиксирована особая роль партийных органов в решении всех важных вопросов государственной и общественной жизни.

Не является значимым нарушением и решение проводить судебные заседания в закрытом порядке — это была вполне обычная для того времени практика. Конечно, часто суды над полицией и предателями в СССР старались проводить в открытых слушаниях. Но в случае с Власовым и его соратниками было принято иное решение. И даже если признать, что при этом имело место нежелание властей предоставить руководителям РОА даже малейшую возможность для публичного оглашения своих взглядов и критики в адрес советской власти, то это нельзя квалифицировать как значимое процессуальное нарушение. Решение о закрытом характере процесса выносится судом по самым разным соображениям, в том числе и исходя из необходимости защиты государственной

или военной тайны. Можно долго спорить о том, какими мотивами в данном случае руководствовалась Военная коллегия, но в любом случае правовую возможность выбора закон оставлял за ней.

То же можно возразить и на возможные обвинения в скоротечности процесса, который продолжался всего два дня. Это действительно разительно контрастирует с той практикой, которая существует в настоящее время. Но нельзя современные реалии, современное законодательство применять к событиям прошлого. Следствие по делу Власова и его соратников велось достаточно долго, доказательства его вины были собраны. Полученные сведения проверялись в том числе и в архивах Германии. Кстати, Власов на процессе признал выдвинутые против него обвинения, и это принципиально важно. Поэтому скоротечность процесса нельзя признать процессуальным нарушением.

Никаких нарушений нет и в том, что была применена норма Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. Ведь речь шла только о способе приведения приговора в исполнение и ни о чём больше. Я позволю себе процитировать данный нормативный акт. Полное название Указа — «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников».

Итак, Указ предусматривал:

«В освобождённых Красной армией от немецко-фашистских захватчиков городах и сёлах обнаружено множество фактов неслыханных зверств и чудовищных насилий, учинённых немецкими, итальянскими, румынскими, венгерскими, финскими фашистскими извергами, гитлеровскими агентами, а также шпионами и изменниками Родины из числа советских граждан над мирным советским населением и пленными красноармейцами. Многие десятки тысяч ни в чём не повинных женщин, детей и стариков, а также пленных красноармейцев зверски замучены, повешены, расстреляны, заживо сожжены по приказам командиров воинских частей и частей жандармского корпуса гитлеровской армии, начальников гестапо, бургомистров и военных комендантов городов и сёл, начальников лагерей для военнопленных и других представителей фашистских властей.

Между тем ко всем этим преступникам, виновным в совершении кровавых расправ над мирным советским населением и пленными красноармейцами, и к их пособникам из местного населения применяется в настоящее время мера возмездия, явно не соответствующая содеянным ими злодеяниям.

Имея в виду, что расправы и насилия над беззащитными советскими гражданами и пленными красноармейцами и измена Родине являются самыми позорными и тяжкими преступлениями, самыми гнусными злодеяниями, Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Установить, что немецкие, итальянские, румынские, венгерские, финские фашистские злодеи, уличённые в совершении убийств и истязаний гражданского населения и пленных красноармейцев, а также шпионы и изменники Родины из числа советских граждан караются смертной казнью через повешение...»

На наш взгляд, единственным заслуживающим внимания процессуальным моментом является тот факт, что процесс проводился без участия сторон, т. е. обвиняемые и подсудимые были лишены возможности обращаться к помощи адвокатов. Однако это обстоятельство тем не менее нельзя признать нарушением норм действовавшего в то время УПК РСФСР 1922 года. И дело даже не в том, что подобная практика в военное время была весьма распространена. И не в том, что п. 2 ст. 59 УПК РСФСР устанавливал обязательность участия защитника по делам, где обвиняемый находился под стражей. Главное в другом — дела по ст. 58 УК РСФСР рассматривались не в народных судах. И эта норма была зафиксирована в УПК РСФСР. Так, ст. 24 гласила: «Все дела о преступных деяниях подсудны народному суду, за исключением дел, отнесённых законом к ведению революционных трибуналов». А ст. 28 определяла: «Ведению революционных трибуналов исключительно подлежат дела:

а) о преступлениях государственных, предусмотренных ст. 57–73 и 119 Уголовного кодекса...»

В УПК для этого существовал специальный раздел 4, посвященный производству дел в революционных трибуналах. Для этих органов устанавливались особые процедуры. В частности, ч. 1 ст. 415 УПК гласила: «Допущение обвинения и защиты в судебном заседании по делам, рассматриваемым в революционных трибуналах, необязательно и разрешается каждый раз Ревтрибуналом в распорядительном заседании в зависимости от важности дела, доказанности преступления или особого политического или общественного интереса дела».

Если бы аналогичное событие — отсутствие адвоката и обвинителя — имело место сегодня, то только на этом основании заинтересованные лица имели бы полное право настаивать на отмене вынесенного приговора. Вот тогда как эксперт я мог бы согласиться с тем, что этот аргумент (отсутствие представителей сторон, равно как и проведение процесса без вызова свидетелей) и в случае руководителей РОА может стать поводом для юрисдикционного органа, который предположительно будет рассматривать дело о реабилитации, учесть данное обстоятельство. Я мог бы даже предположить, что с чисто формальной стороны приговор мог бы быть на этом основании отменён. Но в рамках действовавшего на момент судебного процесса над Власовым УПК всё это соответствовало нормам установленного законом процессуального порядка.

Можно отметить ещё одно процессуальное обстоятельство, которое, впрочем, ни в коем случае нельзя расценивать как существенное нарушение (т. е. как причину для отмены вынесенного судом приговора): приговор не был оглашён публично. Ведь ст. 21 УПК РСФСР 1922 г. предусматривала: «При слушании дела при закрытых дверях приговор, во всяком случае, провозглашается публично». Впрочем, публикация вынесенного судебного решения в СМИ практически заменяла такое оглашение, поскольку в этом случае общество получало информацию о результатах судебного разбирательства.

Главное — это чётко представлять себе юридическую сторону данной проблемы. Отмена приговора по основаниям совершённых процессуальных нарушений никоим образом не означает полной реабилитации. Она не отменяет необходимости дать оценку материальных аспектов, т. е. того, были ли действия подсудимых преступными, и если были, то была ли им дана правильная квалификация по Уголовному кодексу. Иными словами, если бы руководители РОА остались живы, то даже после отмены приговора по причине наличия процессуальных нарушений должен был состояться новый судебный процесс с теми же обвинениями в их адрес.

Но есть ли у сторонников реабилитации руководителей РОА аргументы, которые способны опровергнуть квалификацию Военной коллегией действий подсудимых как преступников в рамках УК РСФСР 1926 г. (а не исходя из нынешнего законодательства)?

А. А. Власов, В. Ф. Малышкин, Г. Н. Жиленков, Ф. И. Трухин, И. А. Благовещенский, Д. Е. Закутный, В. И. Мальцев, С. К. Буняченко, Г. А. Зверев, М. А. Меандров, В. Д. Корбуков и Н. С. Шатов были обвинены Военной коллегией Верховного суда СССР за совершение преступлений, предусмотренных ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г., ст. 58–1 «б», 58–8, 58–9, 58–10 ч. II и 58–11 УК РСФСР.

Чтобы было понятнее, приведу вменённые в вину власовцам нормы УК РСФСР, действовавшего на момент совершения преступлений.

«Ст. 58–1 «а». *Измена Родине*. Измена Родине, т. е. действия, совершённые гражданами СССР в ущерб военной мощи СССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территории, как-то: шпионаж, выдача военной или государственной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелёт за границу, караются высшей мерой уголовного наказания — расстрелом с конфискацией имущества, а при смягчающих обстоятельствах — лишением свободы на срок десять лет с конфискацией всего имущества...

Ст. 58–1 «б». *Измена Родине, совершённая военнослужащим*. Те же преступления, совершённые военнослужащими, караются высшей мерой уголовного наказания — расстрелом, с конфискацией всего имущества...

Ст. 58–8. *Террористический акт*. Совершение террористических актов, направленных против представителей Советской власти или деятелей революционных рабочих и крестьянских организаций, и участие в выполнении таких актов, хотя бы и лицами, не принадлежащими к контрреволюционной организации, влекут за собой меры социальной защиты, указанные в ст. 58–2 настоящего Кодекса...

Ст. 58–9. *Диверсия*. Разрушение или повреждение с контрреволюционной целью взрывом, поджогом или другими способами железнодорожных или иных путей и средств сообщения, средств народной связи, водопровода, общественных складов и иных сооружений или государственного или общественного имущества влечёт за собою меры социальной защиты, указанные в ст. 58–2 настоящего Кодекса...

Ст. 58–10. *Контрреволюционная пропаганда и агитация*. Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений (ст. 58–2–58–9 настоящего Кодекса), а равно распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания, влекут за собой лишение свободы на срок ниже шести месяцев.

Те же действия при массовых волнениях, или с использованием религиозных или национальных предрассудков масс, или в военной обстановке, или в местностях, объявленных на военном положении, влекут за собою меры социальной защиты, указанные в ст. 58–2 настоящего Кодекса...

Ст. 58–11. *Участие в контрреволюционной организации*. Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений, а равно участие в организации, образованной для подготовки или совершения одного из преступлений, предусмотренных настоящей главой, влекут за собою меры социальной защиты, указанные в соответствующих статьях настоящей главы».

Ниже привожу в точной редакции выдержку из приговора, вынесенного Военной коллегией Верховного суда СССР:

«Предварительным и судебным следствием установлено:

Подсудимые ВЛАСОВ, МАЛЫШКИН, ЖИЛЕНКОВ, ТРУХИН, ЗАКУТНЫЙ, МЕАНДРОВ, МАЛЬЦЕВ, БЛАГОВЕЩЕНСКИЙ, БУНЯЧЕНКО, ЗВЕРЕВ, КОРБУКОВ и ШАТОВ, являясь военнослужащими Красной армии и будучи антисоветски настроенными, в напряжённый для Советского Союза период Великой Отечественной войны, нарушив воинскую присягу, изменили Социалистической Родине и, в разное время, добровольно перешли на сторону немецко-фашистских войск.

Находясь на стороне противника, все подсудимые, во главе с Власовым, по заданию руководителей

немецко-фашистского правительства, на протяжении 1941–1943 гг. проводили широкую изменническую деятельность, направленную на вооружённую борьбу против Советского Союза, а в 1944 году ВЛАСОВ, ЖИЛЕНКОВ, ТРУХИН, МАЛЫШКИН, ЗАКУТНЫЙ, МЕАНДРОВ, БУНЯЧЕНКО и др. вошли в созданный Гиммлером т. н. «Комитет освобождения народов России» и по заданию германской разведки создали из числа бывших белогвардейцев, уголовников, националистов и прочих антисоветских элементов вооружённые отряды, наименовав их «Русской освободительной армией» (РОА); организовали шпионаж и диверсии в тылу советских войск, убийства офицеров и солдат Красной армии, а также подготавливали террористические акты против руководителей ВКП(б) и Советского Правительства. Подсудимый Власов и его сообщники, при помощи немцев, своей окончательной целью ставили свержение Советского Правительства, ликвидацию социалистического строя и организацию на территории Советского Союза фашистского государства. Для проведения своей преступной деятельности ВЛАСОВ и все его соучастники необходимые им материальные средства и вооружение получали от немецкого командования, а всей их практической деятельностью руководили Гиммлер и его помощники.

Собранными по делу доказательствами и личными признаниями подсудимых как на предварительном, так и на судебном следствии конкретная предательская деятельность каждого из подсудимых установлена следующая:

1). ВЛАСОВ, будучи заместителем командующего войсками Волховского фронта и одновременно являясь командующим 2-й Ударной армии того же фронта, в июле 1942 года, находясь в районе города Любань, в силу своих антисоветских настроений изменил Родине и перешёл на сторону немецко-фашистских войск, выдал немцам секретные данные о планах советского командования, а также клеветнически характеризовал Советское Правительство и состояние тыла Советского Союза. Вскоре после этого ВЛАСОВ дал согласие немецкому командованию возглавить формируемые немцами части т. н. «русской армии», изъявив при этом желание войти в состав будущего «русского правительства», и обсуждал с ответственными представителями германского министерства иностранных дел вопросы расчленения Советского Союза. В декабре месяце 1942 года ВЛАСОВ совместно с другими изменниками Родины по заданию немецкого военного командования и германской разведки создал т. н. «русский комитет», ставивший своей целью свержение советского государственного строя и установление в СССР фашистского режима. Возглавляя этот «комитет», ВЛАСОВ вербовал из числа вражеских элементов своих единомышленников, выпускал антисоветские листовки к военнослужащим Красной армии и населению СССР, разъезжал по лагерям, где содержа-

лись советские военнопленные, и по оккупированной территории Советского Союза, призывая советских граждан к вооружённой борьбе с Советским Правительством и Красной армией. В конце 1944 года ВЛАСОВ по заданию германской разведки и лично Гиммлера объединил существовавшие на территории Германии белогвардейские организации и вместе с ближайшими сообщниками — изменниками ТРУХИНЫМ, МАЛЫШКИНЫМ, ЖИЛЕНКОВЫМ и ЗАКУТНЫМ, возглавил созданный немцами т. н. «Комитет освобождения народов России» (КОНР).

Ставя своей целью при помощи немцев захват власти в СССР, ВЛАСОВ под руководством фашистов сформировал из числа белогвардейцев, уголовников и изменников Родины, т. н. «Русскую освободительную армию», организовывал шпионаж и диверсии в тылу советских войск и подготавливал террористические акты против руководителей Советского Правительства. ВЛАСОВ, возглавляя работу по вербовке в т. н. «РОА» советских военнопленных, расправлялся с лицами, подозреваемыми в антифашистской деятельности, и лично утверждал смертные приговоры.

Будучи назначен приказом Гитлера на должность главнокомандующего т. н. «РОА», направлял сформированные им воинские части на фронт для боевых действий против советских войск.

ВЛАСОВ в 1944 году, кроме Гиммлера, вступил в личную преступную связь с Герингом, Геббельсом и Риббентропом, вёл с ними переговоры и совместно намечал мероприятия по усилению деятельности, направленной против СССР.

После разгрома и капитуляции гитлеровской Германии Власов вместе со своими сообщниками пытался бежать в район, занятый американскими войсками, для продолжения борьбы против Советского Союза, но был пленён частями Красной армии...

На основании вышеизложенного Военная коллегия Верховного суда Союза ССР постановляет: признать предъявленное ВЛАСОВУ, ЖИЛЕНКОВУ, МАЛЫШКИНУ, ТРУХИНУ, БЛАГОВЕЩЕНСКОМУ, ЗАКУТНОМУ, МЕАНДРОВУ, МАЛЫЦЕВУ, БУНЯЧЕНКО, ЗВЕРЕВУ, КОРБУКОВУ и ШАТОВУ обвинение в совершении ими преступлений ст. 1-й Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 19 апреля 1943 года и ст. ст. 58-Г6», 58-8, 58-9, 58-10, 58-11 УК РСФСР доказанным.

Руководствуясь ст. ст. 319–320 УПК РСФСР, Военная коллегия Верховного суда Союза ССР

ПРИГОВОРИЛА: лишить воинских званий

1. ВЛАСОВА — генерал-лейтенанта,
2. МАЛЫШКИНА — генерал-майора,
3. ЖИЛЕНКОВА — бригадного комиссара,
4. ТРУХИНА — генерал-майора,
5. БЛАГОВЕЩЕНСКОГО — генерал-майора береговой службы,
6. ЗАКУТНОГО — полковника,
7. МАЛЫЦЕВА — полковника,
8. БУНЯЧЕНКО — полковника,

9. ЗВЕРЕВА — полковника,
10. МЕАНДРОВА — полковника,
11. КОРБУКОВА — подполковника,
12. ШАТОВА — подполковника,

— и по совокупности совершённых преступлений, на основании ст. 1-й Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 19 апреля 1943 года:

1. ВЛАСОВА Андрея Андреевича,
2. МАЛЫШКИНА Василия Фёдоровича,
3. ЖИЛЕНКОВА Георгия Николаевича,
4. ТРУХИНА Фёдора Ивановича,
5. БЛАГОВЕЩЕНСКОГО Ивана Алексеевича,
6. ЗАКУТНОГО Дмитрия Ефимовича,
7. МАЛЫЦЕВА Виктора Ивановича,
8. БУНЯЧЕНКО Сергея Кузьмича,
9. ЗВЕРЕВА Григория Александровича,
10. МЕАНДРОВА Михаила Алексеевича,
11. КОРБУКОВА Владимира Денисовича,
12. ШАТОВА Николая Степановича

— ВСЕХ ПОДВЕРГНУТЬ СМЕРТНОЙ КАЗНИ ЧЕРЕЗ ПОВЕШЕНИЕ.

Имущество всех осуждённых, лично им принадлежащее, конфисковать.

Приговор окончательный и обжалованию не подлежит».

Таким образом, главный и значимый материальный аспект рассматриваемой нами проблемы упирается в исследование составов преступления, предусмотренных ст. 58 УК РСФСР 1926 года. С нашей точки зрения, из всех четырёх элементов состава (субъект, объект, субъективная сторона и объективная сторона) сторонники реабилитации руководителей РОА почти наверняка будут пытаться доказать, что объект и субъективная сторона состава преступления были неверно квалифицированы по ст. 58.

В уголовном праве под объектом преступления понимают те общественные отношения, которые охраняются нормами уголовного права от преступных посягательств. Сторонники реабилитации руководителей РОА утверждают, что те если и покушались на общественные отношения, установленные в СССР, то только на ту их часть, которая воплощала идеологические установки коммунистов. Однако реальные действия власовцев были направлены на подрыв внешней безопасности СССР, т. е. на его территориальную неприкосновенность, военную мощь и государственную независимость.

Именно это старались сокрушить военные подразделения РОА в союзе с гитлеровцами. Но эти понятия в соответствии со ст. 58 УК 1926 г., ст. 64 более позднего УК РСФСР 1960 г. и ст. 275 ныне действующего УК РФ 1996 г. как раз и составляют объект преступных посягательств. Переход на сторону врага специалисты по уголовному праву большинства государств, как правило, квалифицируют именно так — по объекту преступных посягательств.

Основной целью атаки сторонники реабилитации почти наверняка изберут фундаментальное

понятие уголовного права — категорию «вины». Дело в том, что особенностью квалификации преступных деяний по ст. 58 является наличие в действиях преступника прямого или косвенного умысла. В уголовном праве преступление признаётся совершённым с прямым умыслом, если лицо, его совершившее, сознавало общественно опасный характер своих действий, предвидело его общественно опасные последствия и желало их наступления. С точки зрения сторонников реабилитации руководителей РОА, умысел Власова и его соратников был направлен якобы на то, чтобы избавить страну от тоталитарного репрессивного режима Сталина, а вовсе не на предательство Родины, пособничество гитлеровцам и тому подобное, отмеченное в вынесенном приговоре. В подтверждение такой позиции, скорее всего, будут приводиться цитаты из ряда обращений РОА, в частности из так называемого «Смоленского манифеста» (декабрь 1942 г.) и письма Власова «Почему я встал на путь борьбы с большевизмом» от 18 марта 1943 года. Поэтому я бы призвал участников нынешней дискуссии в своих выступлениях иметь это в виду, когда они будут касаться исторических фактов.

В самом общем плане хотелось бы перечислить некоторые контраргументы.

1. Версия сторонников реабилитации об истинных целях Власова была бы убедительной, если бы речь шла о его действиях против Сталина летом 1941 г., но никак не в период 1943–1945 гг., когда стратегическая инициатива на фронтах перешла к Красной армии. Многочисленные факты свидетельствуют, что РОА участвовала во фронтовых операциях в основном именно в 1944–1945 гг. Тогда Власов уже не мог не понимать, что в сложившейся к тому времени военной обстановке декларируемые им цели были недостижимы.
2. Временной фактор, который весьма важен в оценках общественных явлений и которым активно пользуются историки, воспринимающие хронологию событий как своеобразный «скелет» исторической науки, ещё более значим для правоведов. Ведь его изучение позволяет понять и правильно оценить причинно-следственные связи, в том числе и те, которые имеют отношение к совершению преступлений. В этом смысле нельзя не отметить, что использование гитлеровской Германией военных частей, сформированных из предателей, принадлежащих к различным национальностям народов Советского Союза, началось отнюдь не после пленения генерала Власова (июль 1942 г.) и тем более не после появления обращений РОА с призывами вступить в борьбу с большевиками на стороне Гитлера. Такие части стали создаваться гитлеровцами на Восточном фронте ещё в 1941 г., и ни РОА, ни Власов тогда не имели к этому никакого отношения. Позднее эти части влились в состав

РОА. А это означает, что смысл и цель создания подобных формирований формулировались отнюдь не руководителями РОА в их агитационных материалах.

3. Власов явно не был малообразованным или слабоумным, чтобы не понимать истинного характера режима Третьего рейха, целей Гитлера. Он не мог рассчитывать на то, что Гитлер будет относиться к нему как к равному союзнику, как к Муссолини, Хорти или Франко. Свои представления о судьбе славянских народов Гитлер изложил ещё в книге «Моя борьба», написанной им до начала Второй мировой войны. Гитлеровские планы обустройства территории завоёванного СССР тоже не были большим секретом. Можно ли, исходя из этого, признавать правовую значимость декларируемых Власовым целей его борьбы с точки зрения перспектив их реализации (т.е. были ли эти цели его настоящими целями, что могло бы изменить квалификацию «наличия умысла»)? На наш взгляд, для этого оснований нет.
4. Как соотносятся с интерпретацией власовского прямого умысла активные карательные действия против некомбатантов, т.е. мирного населения? Как соотносится с этим толкованием борьба власовцев против партизан и подпольщиков?
5. Большинство членов РОА нарушили данную ими военную присягу, а это рассматривается уголовным законодательством как действия, подпадающие под ст. 58–1 УК РСФСР. Присяга, которую давали позднее члены РОА, особенно тот её вариант, который действовал до 28 января 1945 г., недвусмысленно свидетельствует о том, что они клялись подчиняться Гитлеру как главнокомандующему. Приведём текст этой присяги: «Я, верный сын моей Родины, вступая в ряды Русской освободительной армии, торжественно клянусь: честно бороться против большевиков на благо моей Родины. В этой борьбе против общего врага на стороне германской армии и её союзников клянусь быть верным и беспрекословно

повиноваться Вождю и Главнокомандующему всех освободительных армий Адольфу Гитлеру. Я готов, во исполнение этой клятвы, не щадить себя и свою жизнь».

Позднее действовал следующий текст: «Я, как верный сын моей Родины, вступая добровольно в ряды бойцов Вооружённых сил народов России, перед лицом соотечественников присягаю — для блага моего народа под главным командованием генерала Власова бороться против большевизма до последней капли крови. Эта борьба ведётся всеми свободолюбивыми народами в союзе с Германией под главным командованием Адольфа Гитлера. Я клянусь быть верным этому союзу. Во исполнение этой клятвы я готов отдать свою жизнь».

Напомним, что Гитлер, как и Гиммлер, с которым общался по делам РОА генерал Власов, были признаны международным Нюрнбергским трибуналом преступниками.

С нашей точки зрения, Военная коллегия в целом вполне законно квалифицировала действия руководителей РОА как преступления. В вынесенном приговоре если и присутствуют политические моменты, то они явно не доминируют.

Можно добавить, что Прокуратура РФ летом 2001 г. уже рассматривала обращение с требованием реабилитировать Власова, поступившее от общественной организации «За Веру и Отечество», и в реабилитации отказала. Такую же позицию заняла и Военная коллегия Верховного суда РФ в ноябре того же года. При этом последняя исключила из обвинения Власова и его 11 соучастников ст. 50–10 УК РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда). Суд решил, что данная статья в соответствии с законом «О реабилитации жертв политических репрессий» не содержит общественной опасности, и лица, осуждённые по ней, реабилитируются независимо от фактической обоснованности обвинения*. В то же время Коллегия постановила оставить в силе обвинения Власову по статьям «измена Родине», «террористический акт», «диверсия» и «участие в контрреволюционной организации».

* Здесь следует отметить, что реабилитация по данному обвинению отнюдь не означает отказа признавать действия руководителей РОА преступными по УК РСФСР 1926 года. Просто на момент принятия Закона «О реабилитации жертв политических репрессий» в России доминировала точка зрения, что подобные деяния — антисоветская агитация и пропаганда — не представляют собой общественной опасности. Поэтому такой подход и нашёл своё отражение в тексте данного закона. Но нельзя не отметить, что схожие по содержанию нормы уголовного закона имеются и в других государствах. Например, параграф 2385 Свода законов США гласит: «*Пропаганда, направленная на свержение правительства*. Тот, кто, сознательно или умышленно, пропагандирует, поощряет, даёт совет или указывает на обязанность, необходимость, желательность или уместность свержения или уничтожения правительства Соединённых Штатов или правительства какого-либо штата, территории, округа или владения Соединённых Штатов, или правительства какого-либо их политико-административного подразделения при помощи силы или посредством убийства какого-либо должностного лица такого правительства; или имея намерение вызвать свержение или уничтожение какого-либо такого правительства, издаёт, печатает, выпускает, распространяет, продаёт, распределяет или публично демонстрирует какие-то письменные или печатные материалы, пропагандирующие, советующие или поучающие об обязанности, необходимости, желательности или уместности свержения или уничтожения какого-либо правительства Соединённых Штатов при помощи силы, либо пытается сделать это; или организует, помогает или пытается организовать какое-либо общество, группу или собрание лиц, которые учат, пропагандируют или поощряют свержение или уничтожение какого-либо такого правительства при помощи силы, становится или является членом любого такого общества, группы или собрания лиц, зная их цели, карается штрафом в размере до 20000 долларов или тюремным заключением на срок до 20 лет, либо обоими наказаниями, а также лишается права быть на службе у Соединённых Штатов или в каком-либо их министерстве или агентстве в течение пяти лет после его осуждения...»

Законодательства большинства современных государств квалифицируют переход на сторону противника, совершённый в военное время и намеренно, сопряжённый с активными боевыми действиями на стороне противника против национальной армии, с действиями, нарушающими международное гуманитарное право, как одно из *наиболее тяжких уголовных преступлений*. И такая правовая квалификация не зависит от того, относится ли правовая система к континентальной, англо-саксонской или какой-то иной правовой семье; исповедует ли доминирующая нация ислам, буддизм, индуизм или различные формы христианства; входило ли такое государство ранее в систему стран социализма или не входило. Например, в Своде законов Соединённых Штатов Америки содержится раздел 18 «Преступления и уголовный процесс», глава 115 которого именуется «Измена, призыв к мятежу и подрывные действия». Параграф 2381 этой главы содержит следующую правовую норму: «*Измена*. Тот, кто, будучи обязанным хранить верность Соединённым Штатам, начинает войну против них или примыкает к их врагам, оказывая им помощь и поддержку в Соединённых Штатах или где-либо ещё, виновен в измене и карается смертной казнью или тюремным заключением на срок не менее пяти лет и штрафом в размене не менее 10000 долларов, а также лишается права занимать какую либо должность на государственной службе Соединённых Штатов».

Таким образом, с правовой точки зрения оснований для действительной реабилитации руководителей РОА не существует.

В заключение не могу не высказать свою гражданскую позицию. В отношении к феномену предательства у народов России, конечно же, определённую роль сыграл исторический опыт. На протяжении сто-

летий время от времени из шкурных соображений кто-то из князей, гетманов или генералов способствовал вторжению иноземных орд — то монголов, то мадьяр, то крымских татар, то ляхов, то шведов, то германцев. И это не могло не отразиться на национальном менталитете, на особенностях бытия нации. Эти особенности проявляются в самых разных процессах, в том числе, например, и в языке. В том самом великом и могучем русском языке, на котором мы сегодня ведём свою дискуссию.

Мы можем провести нехитрый социологический эксперимент — выйти на улицы любого населённого пункта нашей страны и попросить граждан подобрать первое пришедшее на ум прилагательное к словам «предатель» и «предательство». И я уверен, что большинство опрошенных наверняка скажут «подлое» и «гнусное». И это далеко не случайно. В русском языке — это устойчивые и наиболее употребляемые словосочетания, демонстрирующие отношение нации к феномену предательства, которое она выработала на протяжении своей истории. Ведь что такое «гнусный» предатель? Это тот, кто внушает отвращение, кто омерзителен для окружающих. Этимология слова «гнусный» позволяет нам углубить смысл отношения нации к предательству. «Гнусный», «гнус» — паразит, досаждающий людям. Естественной реакцией на него на уровне простого инстинкта элементарной гигиены является желание раздавить, уничтожить. В этом отражается нормальное национальное восприятие и одновременно оценка феномена предательства.

А раз так, то стремление реабилитировать руководителей РОА, по существу, сродни желанию выплеснуть бочку серной кислоты на железный столб, на котором покоится наша цивилизация. Мы не должны этого допустить.

Дрожжин Сергей Николаевич, кандидат филологических наук, член экспертного совета Фонда исторической перспективы

Операция «Власов» продолжается: Власов и власовщина в глазах немецкого общества

В последнее время в России много говорят о генерале Андрее Власове и его так называемой «освободительной армии», но при этом часто из поля зрения выпадает одно очень важное обстоятельство.

Находясь в плену у немцев, основное внимание Власов уделял пропагандистской работе, а точнее — спецпропагандистской. Именно за это он получал жалованье в размере 1,5 тыс. рейхсмарок, что соответствовало пенсии отставного генерал-лейтенанта вермахта. Он подписывал подготовленные специалистами германской военной разведки листовки, прокламации и другие пропагандистские материалы, которые распространялись затем за линией фронта. И Гитлер, и Гиммлер неоднократно подчёркивали, что главной целью этой «работы» было ослабление боевого духа Советской Армии и Власов им нужен

только для этого.

Совершенно очевидно, что Власов был в нацистской Германии совершенно несамостоятельной фигурой и не мог гарантировать ничего из того, о чём писалось в распространяемых от его имени листовках. Это означает, что вся его пропагандистская деятельность строилась на обмане своих бывших товарищей по оружию. По сути дела, это было его вторым предательством.

После очередной поездки Власова на Восточный фронт Гитлер приказал его арестовать. Он считал, что в пропагандистских целях надо использовать имя Власова, но не его самого. Однако тому повезло, и приказ фюрера выполнен не был.

Пропагандистская команда Власова действовала иногда очень эффективно. Так, 20 апреля 1943 г.

на среднем участке Восточного фронта немцы начали операцию под названием «Серебряный дозор» (Unternehmen Silberstreif). Власовцы распространяли за линией фронта листовки, призывавшие советских солдат переходить на сторону Германии. Операция была успешной: в мае на сторону немцев перешли 2,5 тыс. человек, а в начале лета уже 6,5 тысячи. Руководитель разведывательного отдела Генштаба верховного командования сухопутных войск (Fremde Heere Ost) Райнхард Гелен приказал удвоить усилия в этом направлении и приставил к Власову своего человека, капитана Вильфрида Штрик-Штрикфельдта для соответствующего наблюдения и контроля.

Гиммлер был в восторге, что русского генерала удалось купить так легко. «Он получает хорошую еду, шнапс и женщин — это же страшно дешево», — сказал Гиммлер в одной из своих программных речей в начале октября 1943 года. Он имел в виду не только пропагандистскую деятельность самого Власова. Фактически рейхсфюрера СС радовало, что за 1,5 тыс. марок в месяц удалось получить целую ударную армию. Ему, конечно же, были известны обстоятельства, при которых Власов попал в плен (2-я армия в плен не сдавалась, а почти вся погибла в боях), тем не менее он намеренно подчеркнул, что именно из рук этого человека немцы «получили» 2-ю ударную армию.

Руководство Третьего рейха высоко оценивало Власова как пропагандиста, и не случайно его поселили на вилле в берлинском районе Далем, который почти не бомбили союзники по Антигитлеровской коалиции.

Непосредственным куратором Власова, как уже было сказано, был капитан В. Штрик-Штрикфельдт. Этот выходец из России и бывший офицер царской армии действовал под непосредственным контролем полковника Р. Гелена*.

В своей книге о Власове Штрик-Штрикфельдт нигде не говорит о том, что был главным специалистом по допросам. Совершенно очевидно, что Власов прошёл через многочисленные допросы и, конечно же, выдал немало военных и государственных тайн. Это также неотъемлемая часть его предательства. Косвенным образом это подтверждается высоким качеством информации, которую Гелен передавал своим начальникам. В верховном командовании сухопутных войск тогда говорили, что представленные Геленом на основе сбора информации карты ничем не отличаются от тех оперативных карт, которые лежат в кабинетах советского командования. Интересно, что Гитлер скептически относился к материалам Гелена и считал их «крупнейшим блефом со времён Чингисхана». (На оперативном совещании 9 января 1945 г. он назвал подготовленные Геленом материалы «полным идиотизмом» и предложил поместить их автора в сумасшедший дом.) Зато работу Гелена очень высоко оценивал генерал-полковник Гудериан,

который в 1944 г. был назначен начальником штаба сухопутных войск.

Постепенно разведывательный отдел Гелена, получившего в 1944 г. звание генерала, расширил сферу своей деятельности и уже не ограничивался сбором только военной информации. Его интересовали данные об экономике Советского Союза, географическом положении страны, транспортных и других инфраструктурных возможностях. Разумеется, в лучших прусских традициях весь этот громадный материал был занесён в картотеки и оформлен как образцовый архив.

Р. Гелен был уверен, что после окончания войны американцы, пусть и не сразу, но заинтересуются его архивом по военному и экономическому потенциалу СССР. Так оно и получилось. Уже летом 1945 г. американцы вывезли Гелена в Вашингтон, где долго допрашивали в здании Пентагона. Стоит отметить, что Гелен поставил американцам несколько условий, на которых был бы готов работать: он настаивал, чтобы создаваемая под его началом организация не использовалась против интересов Германии. Понятно, что сам Гелен предателем быть не хотел.

Генерал Р. Гелен не ошибся в своих расчётах: американцы достаточно быстро оценили собранные и систематизированные им сведения о Советском Союзе, а некоторые успешные операции решили продолжить.

Осенью 1950 г. известный немецкий писатель Юрген Торвальд, книги которого по истории криминалистики хорошо известны и в нашей стране, получил от бывшего главы разведывательного отдела Fremde Heere Ost германского Генштаба Райнхарда Гелена предложение написать книгу об армии Власова, а также о других советских «хиви» — так немцы презрительно называли советских коллаборационистов. Идея состояла в том, что на случай «горячей войны» («холодная» была уже в самом разгаре) следует иметь популярное пособие, рассказывающее о главном противнике — СССР.

Р. Гелен и его коллега Херре (тоже бывший генерал) пообещали Торвальду предоставить все имеющиеся в их распоряжении материалы и, кроме того, организовать интервью со всеми свидетелями, которых удастся найти. За этот труд было обещано немалое вознаграждение.

На время выполнения заказа Торвальда поселили в доме родителей Херре в Баварских Альпах. Сюда на интервью с ним привозили огромное количество бывших советских граждан, в том числе и из ГДР. В работе ему помогали, попеременно сменяя друг друга, два секретаря. Собранный материал составил несколько тысяч страниц. Часть впоследствии была передана в мюнхенский Институт современной истории. Говорят, что это был тот редкий случай, когда секретные службы внесли свой вклад в развитие исторической науки.

* Кстати, Г. Попов ошибается, когда говорит, что Гелен руководил работой военной контрразведки — абвера. Это ведомство находилось в подчинении Верховного командования вермахта.

Нельзя сказать, чтобы полученный результат полностью удовлетворил заказчиков. Собственно учебника о том, как подталкивать русских и представителей других народов СССР к предательству, не получилось. Однако получился живой рассказ о событиях, связанных с сотрудничеством генерала Власова с нацистами.

Чем руководствовался и какие цели преследовал Райнхард Гелен, делая это предложение молодому и популярному автору? Если бы нужно было только собрать и систематизировать материалы, имеющие отношение к истории Власова и его так называемой «освободительной армии», то не надо было публиковать их в виде книги, а достаточно просто передать американцам.

Очевидно, что в данном случае готовились не столько к «горячей войне» с Советским Союзом, сколько к очередной пропагандистской акции, в том числе и спецпропагандистской, так как американцы в то время не исключали возможности прямого военного нападения на Советский Союз, поэтому опыт общения с советскими гражданами мог бы им пригодиться.

Вместе с тем выбор популярного автора для реализации планов Гелена свидетельствует о том, что эта акция среди прочего была рассчитана и на обработку общественного мнения Германии. Рассказ о власовской «освободительной» армии отвлекал немцев от обсуждения преступлений, совершённых нацистами после нападения на Советский Союз. Ведь если так много русских были готовы воевать против Сталина, значит, эта война была «справедливой»: Германия защищала Европу и европейскую культуру от «варваров с востока» (кстати, так до сих пор в Германии считают многие).

В начале 1950-х гг. книга Торвальда о Власове под названием «Путь был» («Es gab einen Weg») была издана и в Соединённых Штатах. Это означает, что при непосредственном участии Гелена проводилась соответствующая обработка общественного мнения и в самих США. Книга Торвальда «Путь был» была переиздана в Германии в начале 1970-х гг., и это переиздание совпало с выходом на Западе работы Александра Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ».

Р. Гелен является «крёстным отцом» ещё одной книги о Власове. Именно он рекомендовал капитану В. Штрик-Штрикфельдту, служившему под его началом в Fremde Heere Ost, систематизировать все материалы, а также свои личные впечатления о Власове.

Некоторые исследователи на Западе считают, что Гелен переоценил возможности Власова и его «освободительной армии». Уже после войны он всё ещё думал, что с русскими можно воевать руками самих русских. Ему всё ещё казалось, что во время войны против Советской России этот шанс был упущен и в начале 50-х гг. всё это можно повторить уже с помощью американцев. На самом же деле Гелен относился к Власову очень прагматично и использовал его в первую очередь как важный источник информации.

Ещё один немецкий автор книги о Власове, Иоахим Хоффман, не служил ни в вермахте, ни в СС, но его непосредственным руководителем был полковник вермахта в отставке фон Гротте. Хоффман так и не объясняет, почему вдруг он перестал заниматься коллаборационистами-калмыками и переключился на РОА и Власова. Вероятнее всего, это произошло под влиянием фон Гротте.

Почти все эти книги изданы у нас в стране, и многие пользуются ими как источниками сведений о Власове, хотя написаны они немецкими разведчиками и пропагандистами с определёнными целями по указке генерала Гелена.

Конечно, немцам политически невыгодно вспоминать о том, что нацистская Германия вела против Советского Союза войну на уничтожение. При этом и в Германии, и у нас в стране постоянно говорят о том, что в РОА Власова состоял чуть ли не миллион человек. Это совершенно не соответствует действительности. Как известно, Власов получил от Гиммлера разрешение на формирование только двух дивизий, при этом более или менее полностью укомплектовать удалось только одну.

Когда мы говорим о Власове и его армии, то следует ещё раз напомнить о целях войны, которую нацистская Германия вела против Советского Союза. Руководство Третьего рейха планировало в кратчайший срок захватить территорию СССР до Урала. Оккупированные земли предполагалось подвергнуть «безжалостной германизации», т. е. физически уничтожить большую часть населения нашей страны. Рейхсфюрер СС Гиммлер постоянно подчёркивал, что германизацию следует понимать не как обучение немецкому языку и немецкой культуре, а как очистку завоёванных земель от «неполноценных народов» и заселение их чистокровными немцами.

Следует также напомнить, что война против Советского Союза была преступной: нацисты отказались от выполнения требования Гаагской конвенции и руководствовались «Приказом о комиссарах» и другими распоряжениями, что позволяло на месте без суда и следствия «разбираться при помощи оружия» с советскими офицерами и солдатами, а также с гражданским населением.

Советские военнопленные содержались в концентрационных лагерях и лагерях для военнопленных в тяжелейших условиях. Не случайно к середине 1943 г. немцы успели уничтожить 3,3 млн. узников.

Что касается самого Гелена, то он, чтобы оправдаться в глазах американцев, пытался доказать, будто его ведомство (т. е. военная разведка Fremde Heere Ost) якобы не разделяло некоторых установок расистской теории и целей войны на Востоке, и для этого приводил в качестве аргумента отказ Гитлера использовать РОА и Власова.

Ещё одну книгу о Власове написал известный немецкий писатель Эрих Двингер. Он родился в 1898 г. в Киле в семье офицера (мать его была

русской по происхождению), участвовал в Первой мировой войне, попал в плен к «красным», смог бежать и оказался в армии Колчака. После её разгрома через Монголию вернулся в Германию и посвятил себя литературе, став очень популярным автором.

Особой известностью ещё до Второй мировой войны пользовались его книги о мытарствах в России, об ужасах Гражданской войны и гибели армии Колчака. Можно даже сказать, что мировую славу ему принесла именно книга о России «Между белыми и красными». Живописуя кошмар Гражданской войны, Двингер не забывал предупреждать своих немецких соотечественников о вечной угрозе с востока. За это его, разумеется, очень полюбили после 1933 г. новые вожди Германии. За свои заслуги перед нацистским отечеством Двингер даже получил пост имперского сенатора по культуре.

Нацисты считали Двингера специалистом по России. В 1935 г. он был удостоен премии имени большого друга и учителя Гитлера Дитриха Экарта и одновременно получил звание оберштурмбаннфюрера СС. Во время Второй мировой войны Двингер работал фронтовым корреспондентом и пользовался особым покровительством рейхсфюрера СС Гиммлера.

После нападения на СССР Двингер был прикомандирован в качестве офицера к штабу одной из танковых армий. В основном, правда, он занимался репортёрской работой, так как к строевой службе из-за полученного ещё в Первую мировую войну ранения не был полностью годен.

После серии поражений вермахта на Восточном фронте он стал бомбардировать некоторые влиятельные нацистские ведомства, имевшие отношение к формированию германской восточной политики (в том числе и Восточное министерство Розенберга), своими многочисленными докладными записками, в которых предлагал отказаться от тезиса о так называемом «недочеловеке» и более гибко подходить к формированию политики на оккупированных землях. Если верить Двингеру, то с одной из его докладных записок ознакомился генерал-фельдмаршал фон Браухич, который якобы затем собственноручно написал на полях свою резолюцию: «Вот рецепт победы».

Сказанное выше в какой-то мере объясняет, почему бывший оберштурмбаннфюрер СС Эрих Двингер после окончания войны написал свою книгу о Власове (в которой, однако, историческая правда часто соседствует с вымыслом). В ней он утверждает, что именно его обращение к генералу Гудериану радикальным образом изменило отношение Гиммлера к Власову и тот решил встретиться с русским военнопленным. В действительности же на Гиммлера, скорее всего, повлиял главный редактор эсэсовского издания «Чёрный корпус» Гюнтер Д'Алькен. Кроме того, не следует забывать, что в тот период (после покушения на Гитлера 20 июля 1943 г.) полномочия рейхсфюрера были расширены и он стал заниматься в том числе и формированием армейского резерва.

Кстати, Д'Алькен обратил внимание на Власова только потому, что, по его мнению, пропагандистские мероприятия с его участием будут наиболее эффективными. Поэтому он соответственным образом настроил своего шефа перед встречей с пленным генералом.

Гиммлер в своей программной речи перед руководителями СС, которую он произнёс в Позене 4 октября 1943 г., достаточно много внимания уделил Власову. При этом он в несколько завуалированной форме раскритиковал балтийских и русских немцев, многие из которых в то время были весьма критически настроены в отношении войны с СССР. Возможно, Гиммлер ссылаясь в своей речи и на Двингера, имея в виду немцев, у которых были русские матери.

В то время Гиммлеру было уже хорошо известно, что Власов к месту и не к месту пытается убедить всех, будто Россию могут победить только русские, а немцам это не удавалось никогда.

Из речи Гиммлера следует, что среди офицеров вермахта был широко распространён взгляд на Россию, который был характерен для балтийских и русских немцев. Он призвал самым активным образом с такими взглядами бороться. Гиммлер не верил, что Власов во главе 500 тыс. или даже 1 млн. солдат может отправиться на Восточный фронт и там «убивать для нас русских». Оказалось, что Власов, сам того не желая, занимался пропагандой в пользу Советского Союза, что вызывало дикое раздражение у руководства Третьего рейха.

Гиммлер объяснял своим подчинённым, что достаточно немного польстить, пообещать что-нибудь — и любой русский генерал уже у вас в руках! Именно на таком подходе к Власову настаивали и Гиммлер, и Гитлер.

«Господин Власов — и это меня не удивляет — подвизался на ниве пропаганды в самой Германии, — говорил Гиммлер, — и я должен сказать, что во многих случаях позволял себе даже высмеивать нас, немцев. Я усматриваю в этом большой вред. Мы можем вести пропаганду, направленную за границу, применять любые методы, какие нам понравятся... Годаются любые средства, которые предоставляют в наше распоряжение эти дикие народы и которые приводят к тому, что вместо немца на убой идёт русский. Все меры хороши, все приемлемы перед богом и людьми. Однако произошло нечто, чего мы не хотели: с наглостью, присущей русским, славянин господин Власов принялся рассказывать сказки. Он утверждал: «Германия не могла и не может завоевать Россию, завоевать Россию под силу только нам, русским». Данная позиция, господа, очень опасна... Утром, днём и вечером немецкий солдат должен молиться: «Мы превосходим любого врага в мире». Если русский — быть может, позавчерашний подмастерье мясника, а вчерашний генерал при Сталине — приходит к нам как перебежчик, приходит и со славянской самонадеянностью разглагольствует, а потом позволяет себе заявлять, что-де только русские могут за-

воевать Россию, у меня есть что возразить: этот тип уже одним только подобным заявлением доказывает, что он есть свинья...»

Встреча Власова и рейхсфюрера СС Гиммлера состоялась 16 сентября 1944 года. Власов представил план срочного формирования 10 пехотных дивизий, одной танковой дивизии, нескольких бригад резервистов, своего собственного авиационного полка и офицерской школы. Он, очевидно, думал не столько о том, как помочь Гитлеру на Восточном фронте, сколько о том, как стать полезным Вашингтону и Лондону после окончания Второй мировой войны. Альтернативным вариантом был для немцев Борис Смысловский, в подчинении которого уже находилось около 6 тыс. солдат и который называл себя командующим «Первой русской национальной армии». Находившиеся в Югославии Русский охранный корпус и генерал Краснов отказались от какого бы то ни было сотрудничества с Власовым.

Рейхсфюрер Гиммлер не изменил своего мнения о Власове и осенью 1944 года. Но изменилась ситуация, в том числе и на Восточном фронте. Гиммлер стал ответственным за формирование резерва вермахта, а принятая уже тогда руководством Третьего рейха концепция тотальной войны позволяла использовать практически любую возможность для ведения боевых действий против наступающей Красной армии.

К величайшему разочарованию Власова Гиммлер согласился на создание только двух дивизий под непосредственным контролем СС. В конце ноября 1944 г. Генеральный штаб сухопутных войск издал приказ о формировании в Мюнзингене (Вюртемберг) 600-й русской пехотной дивизии. Оно проходило на основе так называемой «бригады Каминского», «отличившейся» при подавлении восстания в Варшаве, и завершилось 10 февраля 1945 года. Вторая русская дивизия (650-я) состояла из военнопленных, вооружённых только ручным оружием. В первую дивизию РОА входило 20 тыс. человек, а ещё 30 тыс. — в другие подразделения. Противотанковые группы РОА были уже в апреле 1945 г. разоружены своими немецкими «товарищами по оружию».

Что касается Гелена, то он 1 июля 1944 г. написал докладную записку в штаб-квартиру фюрера, в которой подчеркнул эффективность пропагандистской работы Власова и предлагал объявить о создании

русского правительства под его руководством. Ознакомившись с этой запиской, Гитлер впал в бешенство: «Я никогда не допущу создания русской армии. Это фантом первого ранга». А через несколько месяцев фюрер вообще хотел распустить все формирования с участием «хиви», так как до него дошли слухи, что эти русские «помощники» при первом удобном случае перебегают к партизанам.

Тем не менее 28 января 1945 г. Власов был назначен «главнокомандующим русских войск», и РОА формально стала союзником гитлеровской Германии. Однако Гитлер оставался при своём мнении: «Власов — это ноль».

Власов часто говорил своим высокопоставленным собеседникам в Германии, что «Россию могут победить только русские». Скорее всего, он не знал, что эти слова принадлежат немецкому поэту и драматургу Шиллеру. Они взяты из его неоконченной исторической драмы, из той её части, в которой король Сигизмунд поучает Марину Мнишек: «Завоюй сердца этих людей, и тогда ты будешь править».

Власов не понял или умышленно извратил слова великого немецкого писателя. В отличие от него, генерал призывал к тому, чтобы одни русские убивали других русских для достижения определённых политических целей, в первую очередь целей руководства нацистской Германии. И не удивительно, что его планы не нашли отклика среди многих представителей русской эмиграции, которые будучи, казалось бы, неприимыми врагами советской власти уже в первые дни после нападения Германии на Советский Союз открыто выступили в поддержку справедливой борьбы советского народа против гитлеровской агрессии.

Хороший пример всем прибалтийским немцам из окружения Власова дал финский маршал Карл Маннергейм, который по неофициальным каналам проинформировал руководство Германии о том, что готовящийся сепаратный мир Финляндии с Советским Союзом есть прежде всего следствие разочарования «восточной политикой» Германии. Он заявил, что является патриотом Финляндии, но как бывший гвардейский офицер царской России связан тесными узами с русским народом и потому не может поддерживать проводимую Гитлером военную кампанию против этой страны.

Обращение это осталось без ответа...

Василик Владимир Владимирович, диакон, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории славянских и балканских народов исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета

Власовское движение и русская православная церковь

В годы Великой Отечественной войны Русская православная церковь Московского патриархата заняла антифашистскую позицию. Устами местоблюстителя митрополита Сергия она, как известно, призвала

народ на борьбу с врагом с первого дня войны (ещё до известного обращения Сталина). В этом к ней присоединились и русские приходы Константинопольского патриархата, руководимые митрополитом Евлогием.

Гораздо сложнее было отношение к Великой Отечественной войне Русской православной церкви за рубежом (РПЦЗ). Некоторые её иерархи, в частности епископ Берлинский Серафим (Ляде), вначале поддерживали немецкое вторжение. Однако, и это следует подчеркнуть, РПЦЗ не выработала единого общецерковного документа, благословляющего нацизм. И поддержка власовского движения была далеко не безусловной: митрополит Анастасий, например, уклонился от выступления на учредительном съезде Комитета освобождения народов России (КОНР) в 1944 г., а выступавший там протоиерей Александр Киселёв в дальнейшем не занимался пастырской работой во власовских войсках.

После войны членами приходов РПЦЗ стали многие бывшие власовцы, в связи с чем в ней и разрабатывался «власовский миф». Тем не менее говорить о безусловно провласовской позиции всех членов РПЦЗ нельзя.

В 1994 г. по решению Архиерейского собора Русской православной церкви Московского патриархата и по благословию приснопамятного Святейшего Патриарха Алексия II День Победы приобрёл подлинно церковное значение, став днём молитвы и памяти о воинах, на поле брани убиенных. Отношение Русской православной церкви Московского патриархата к Великой Отечественной войне и Дню Победы, казалось, всегда было однозначным, тем более что сотни священнослужителей, в том числе такие чтимые, как архимандрит Кирилл Павлов и другие, прошли через войну. Тем удивительнее, что в недрах Санкт-Петербургской духовной академии оказался «церковный власовец» (по его собственному выражению) — протоиерей, профессор Георгий Митрофанов. В своей книге «Трагедия России», равно как и в скандальных телевизионных выступлениях, он называет «государственным победобесием» святой для нас День Победы, ставший также церковным днём поминовения воинов, павших в Великой Отечественной войне. Предателей, сотрудничавших с фашистами, о. Георгий объявляет несостоявшимися героями России, а настоящих героев — в лучшем случае беспомощными жертвами, в худшем — «служителями зла».

Автор данной книги, по-видимому, не обладает серьёзной правовой культурой. Так, вызывает удивление, что казнь генерала А. А. Власова и его сподвижников он называет незаконной (см. с. 151), хотя во всех странах мира и во всех законодательствах добровольный переход офицера на сторону врага с оружием в руках до сих пор считается изменой и карается по всей строгости закона. Не только законодательство СССР, но и законы демократических европейских стран в 1946 г. предусматривали за подобное преступление смертную казнь. Позиция автора выглядит оправданной разве что с точки зрения юстиции Третьего рейха.

Несколько сложнее ситуация с казнью П. Н. Краснова, А. Г. Шкуро и других, которые не являлись советскими гражданами. Их казнь протоиерей Георгий Митрофанов также называет незаконной (с. 141). Однако следует напомнить, что в соответствии с заключениями Главной военной прокуратуры об отказе в их реабилитации определениями Военной коллегии Верховного суда Российской Федерации от 25 декабря 1997 г. граждане Германии Краснов П. Н., Шкуро А. Г., Султан-Гирей Клыч, Краснов С. Н. и Доманов Т. И. признаны обоснованно осуждёнными и не подлежащими реабилитации. Нет особых оснований сомневаться в объективности этого вердикта, вынесенного в демократические времена, учитывая факт их сотрудничества с нацистами, принадлежности некоторых казачьих частей к СС (например, 15-го казачьего кавалерийского корпуса) и соучастия в карательных акциях против мирных жителей в Югославии и СССР.

Автор пишет об осознанном и покаянном выборе тех, кто пошёл воевать вместе с немцами против большевизма, правда, оговариваясь, что это делали не все (с. 147). Но рассмотрим, как «каялись» некоторые из тех, за кого генерал Власов взял на себя юридическую и моральную ответственность.

Одним из первых крупных формирований русских добровольцев была РОНА — Русская освободительная народная армия, созданная зимой 1941/1942 г., которой с 1942 г. командовал Б. Каминский. В июле 1944 г. бригада Каминского (10 тыс. человек) была официально включена в состав войск СС как «штурмовая бригада РОНА», а затем была переименована в 29-ю гренадерскую дивизию войск СС (1-ю русскую). В августе 1944 г. подразделения дивизии участвовали в подавлении Варшавского восстания. Известно, что творилось в то время: жителей выжигали огнёмётами прямо в их домах, раненых пристреливали, детей привязывали к танкам в качестве живых щитов... Но даже на этом фоне бригада Каминского отличалась особой жестокостью. После того как стало известно, что бойцы дивизии изнасиловали и убили двух немецких девушек, Каминский и его штаб были расстреляны немцами без суда и следствия. (Казнь состоялась 19 августа 1944 г., а позднее немцы объявили, что Каминский был убит польскими партизанами.) Оставшихся без командира каминцев включили в состав 1-й дивизии Русской освободительной армии (РОА).

Тот факт, что многие русские соединения действовали либо в составе СС, либо в составе особых разведывательно-диверсионных частей, чаще всего участвовавших в борьбе с партизанами, а точнее — в карательных акциях (среди них, например, дивизия «Р» под командованием Смысловского, бригада Боярского и др.), ставит крест на всякой попытке реабилитировать их членов и руководителей, в том числе и Власова, который, подчеркнём, взял на себя всю полноту юридической и моральной ответственности за их действия. Приведём лишь несколько

цитат из Пражского манифеста*: «Своей борьбой мы взяли на себя ответственность за судьбы народов России. С нами миллионы лучших сынов родины, взявших оружие в руки и уже показавших своё мужество и готовность отдать жизнь во имя освобождения родины от большевизма... Офицеры и солдаты освободительных войск! *Кровью, пролитой в совместной борьбе, скреплена боевая дружба воинов разных национальностей. У нас общая Цель. Общими должны быть и наши усилия. Только единство всех вооружённых антибольшевистских сил народов России приведёт к победе*». Особенно интересен следующий пассаж Пражского манифеста: «Освободительное движение народов России является продолжением многолетней борьбы против большевизма, за свободу, мир и справедливость. Успешное завершение этой борьбы теперь обеспечено наличием растущих и организующихся вооружённых сил — Русской освободительной армии, Украинского вызвольного вийска, Казачьих войск и национальных частей». Тем самым Власов взял на себя ответственность и за деятельность украинских националистов, и за их зверства как на Украине, так и в Белоруссии, в том числе и за сотни сожжённых вместе с жителями и церквями деревень.

Временами возникают законные сомнения в компетентности о. Георгия. Так, он категорично утверждает: «Мы пытаемся сделать нашу страну чуть-чуть напоминающей ту историческую Россию, которую в 1917 г. не решились защитить люди, подобные генералу Власову и его сподвижникам, и во имя которой они пошли на смерть в годы Второй мировой войны». Создается впечатление, что автор не знает, как на самом деле Власов и его сподвижники относились к той исторической России, которую, по мысли автора, мы потеряли. А ведь в Пражском манифесте чёрным по белому написано: «Они восстали *против отжившего царского строя*, который не хотел да и не мог уничтожить причин, порождавших социальную несправедливость, остатки крепостничества, экономической и культурной отсталости. Народ стихийно пошёл за теми, кто пообещал ему дать немедленный мир, землю, свободу и хлеб, кто выдвинул самые радикальные лозунги». И эта формулировка мало чем отличается от тех, которые записаны были в «Кратком курсе истории ВКП(б)».

А вот, например, как Власов и его окружение относились к единству и неделимости России: «Равенство всех народов России и действительное их право на национальное развитие, самоопределение и государственную самостоятельность» (п. 1 Пражского манифеста). Чем это отличается от ленинского «права наций на самоопределение вплоть до отделения»?

Отец Георгий пытается представить Власова и поборником православия (с. 153–154). Однако в Пражском манифесте о религии (не о правосла-

вии!) вообще сказано всего одно слово среди перечня других демократических свобод: «Введение действительной свободы религии, совести, слова, собраний, печати». Как видим, о Православной церкви — ни слова. Вопрос о предательстве генерала Власова с исторической и нравственной точек зрения очевиден. Он действительно изменил воинской присяге и предал Россию, чем нанёс вред именно ей, а не коммунистическому режиму или его вождям. Никаким сторонником царской России он по своей идеологии не был. Идеология РОА и КОНР была разработана в недрах абвера и пропагандистской машины вермахта. В случае победы этой идеологии русский народ (как и другие народы мира) попал бы под двойное иго — нацистов и бывших, но не изменившихся по духу коммунистов. В тяжёлый час крестного страдания России Власов перешёл на сторону её злейшего врага и стал служить одному из самых страшных режимов в истории человечества — оккультному фашистскому режиму Гитлера, проводившему политику расчленения нашей Родины и тотального уничтожения русского народа.

Взгляды протоиерея Георгия Митрофанова расходятся с отношением к Великой Отечественной войне со стороны Русской православной церкви Московского патриархата, с высказываниями как почившего, так и ныне здравствующего патриархов.

С нравственной точки зрения реабилитация Власова означает оправдание иудина греха и героизацию предательства, а также массовых нацистских репрессий на территории России. С политической точки зрения она означает угрозу раскола для Церкви и общества, а также осложнение церковно-государственных отношений, особенно в связи с созданием при Президенте РФ Комиссии по борьбе с фальсификацией истории в ущерб России. Если можно реабилитировать Власова, то почему нельзя — Бандеру и бандеровцев, убийц многих православных священнослужителей? Соответственно, получают своё оправдание латышские, эстонские и литовские части СС, к единению с которыми призывал генерал Власов.

Антиисторичным, аморальным и в чём-то даже кощунственным является следующее утверждение о. Георгия: «И так уж ли отличается смерть многих миллионов советских солдат на поле брани от смерти на виселице в Бутырской тюрьме руководителей власовского движения? И всё-таки отличается. Потому что в отличие от многих миллионов советских солдат, погибавших в иллюзии того, что спасение России вот-вот грядёт, они уходили на смерть с пониманием того, о чём написали впоследствии Георгий Иванов и Виктор Астафьев: прокляты и убиты». Да, действительно, смерть солдата на поле боя отличается от конца власовцев. Советские солдаты в массе своей воевали не с мирными жителями, а с реальным, коварным и жестоким врагом. Их зачастую предавали их

* Манифест освобождения народов России (Прага, 1944 г.).

военачальники, но всё же огромное их большинство не предавало никого, и умирали они за свободу своего Отечества, и если не за веру (хотя многие из них — и за неё, но это — отдельная тема), то за верность присяге, которую преступили Власов и его последователи. И нельзя отрицать, что погибали советские солдаты не за иллюзию, а за реальную жизнь русского народа, как и иных народов исторической России, ведь Гитлер планировал оставить на европейской части России лишь тридцать миллионов человек, а остальных либо переселить за Урал, либо истребить.

В настоящее время протоиерей Г. Митрофанов занимает ответственный пост заведующего церковно-историческим отделением Санкт-Петербургской духовной академии. Следует отметить, что свои взгляды он в полной мере обнаружил именно после своего назначения, развернув беспрецедентную пропагандистскую кампанию, приуроченную к такой святой для русского человека дате, как 22 июня — Дню памяти и скорби. Она продолжается и в контексте подготовки страны к 65-летию Победы — возможно, последнего юбилея, в котором смогут принять участие ветераны войны, истинные участники тех событий. Приходится констатировать и то, что под влиянием протоиерея Г. Митрофанова в Академию приходят такие одиозные преподаватели, как историк Кирилл Александров — неприкрытый апологет гене-

рала Власова, который 14 октября в Санкт-Петербурге уже вызвал скандал во время презентации в Доме писателей своей новой провласовской книги. Всё это может тяжелейшим образом сказаться на воспитании будущих пастырей, которые рискуют стать жертвами интеллектуальной агрессии «церковных власовцев» и нести своей пастве взгляды, способствующие расколу. Собственно, это уже происходит. В прошлом году в День Победы ветераны войны и блокадники были оскорблены провласовскими выступлениями ученика протоиерея Г. Митрофанова в Свято-Духовском центре Александро-Невской лавры.

Протоиерей Георгий Митрофанов является также настоятелем храма Петра и Павла при Университете педагогического мастерства, часть прихожан которого два года назад восстали против провласовских проповедей пастыря и потребовали его отставки. Наконец, стоит упомянуть скандал на ТВ 100 с участием эксперта Госдумы Б. А. Подоприморы, оскорблённого высказываниями о. Георгия.

Цепь этих скандалов вряд ли случайна, поскольку на поверхности находится связь о. Георгия Митрофанова и его сторонников с Народно-трудовым союзом (НТС) и «Посевом», жаждущими социальных потрясений. В случае если эта разрушительная деятельность не будет ограничена, последствия могут стать непредсказуемыми.

**Лавров Владимир Михайлович, доктор исторических наук,
заместитель директора Института российской истории РАН**

Попытка оправдать генерала Власова как общественное явление

В 2001 г. в Главную военную прокуратуру обратился представитель общественного движения «За веру и Отечество» с ходатайством о пересмотре приговора генералу А. А. Власову и его сподвижникам. Опубликована серия работ, в которых предпринимаются попытки оправдать его действия. Назову лишь наиболее известные: это книги К. М. Александрова «Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А. А. Власова», «Армия генерала Власова, 1944–1945» и «Создание русской армии на стороне Гитлера...»; Г. Х. Попова «Вызываю дух генерала Власова»; протоиерея Г. Митрофанова «Трагедия России: „запретные“ темы истории XX века в церковной проповеди и публицистике» и многие другие.

В сентябре 2009 г. Архиерейский синод Русской православной церкви за рубежом высказался в поддержку деятельности генерала Власова и книги о. Георгия Митрофанова. И сделано это было спустя несколько дней после того, как Патриарх Кирилл тактично отмежевался от попыток оправдать власовцев.

Судя по всему, мы имеем дело не только с мнением отдельных лиц, но и с апологией власовцев и Власова как общественно-идеологического явления в современной России и современном русском

православном мире. Поэтому представляется своевременным отреагировать на происходящее в рамках историко-теоретического анализа.

Главное видится в следующем: во время Великой Отечественной войны соотношение сил было таково, что победить могли только сталинистский Советский Союз или гитлеровская Германия. Было два гиганта: коммунистический СССР и нацистская Германия, а все остальные — вроде власовской армии или бандеровцев — располагали силёнками, только чтобы «укусить» СССР, но не одолеть ни его, ни Германию. И из этого следует исходить.

В Гражданскую войну адмирал А. В. Колчак и генерал А. И. Деникин имели шанс победить, пусть небольшой, но имели. И им стоило побороться за Россию. Причём победа Белого движения означала сохранение частной собственности, многопартийности и демократии без экстремистской РКП(б). Безусловно, не было бы ГУЛАГа, насильственной коллективизации и раскулачивания, раскрестьяничания и расказачивания, выселения целых народов и тому подобных преступлений против человечности.

Возможно, самой Второй мировой войны не было бы, поскольку могло сохраниться военное со-

трудничество с Францией, Великобританией и США как инструмент сдерживания Германии (т. е. то сотрудничество, которого так хотел Сталин, но в полной мере смог добиться только в 1944 г., когда был открыт второй фронт). Не разорвавшую союзнические договоры и не большевистскую Россию после Первой мировой войны не смогли бы отстранить от участия в мирных переговорах, и Великобритании, Франции и США было бы труднее навязать Германии те тяжёлые и унижительные условия мира, которые оказались позднее питательной почвой для восхождения к власти национал-социалистов во главе с Гитлером. Некоммунистическое руководство России не стало бы зачислять немецких социал-демократов в фашисты, как это сделал Сталин, чем сорвал их объединение немецкими коммунистами в народный фронт, который мог не допустить прихода фашистов к власти в результате выборов 1932 года. Некоммунистическому руководству России и в голову бы не пришло репрессировать командный состав собственной армии, и т. д., и т. п.

После Гражданской войны у антибольшевизма, сторонников великой исторической России, частной собственности и демократии появился подобный шанс лишь в 1991–1993 гг. К этому времени Россия переболела большевизмом, даже коммунисты перестали верить в коммунизм, и в ней победила Демократическая русская революция, а Октябрьская социалистическая потерпела историческое поражение.

Однако у Власова — каким бы он ни был — в 1942–1945 гг. не было никакого шанса. Не для того Гитлер напал на СССР, чтобы возродить историческую великую Россию. Да и кто из когда-либо нападавших на Россию делал это для её возрождения и процветания? Может быть, Батый, Наполеон или Вильгельм II? Не было, не могло быть и не будет такого — ни одного.

Даже союзники по Антанте (Великобритания, Франция и США) во время Гражданской войны вводили войска на нашу территорию не столько для того, чтобы помочь белым, сколько для того, чтобы расчленив Россию и захватить её природные богатства. А что касается Гитлера, то тот и не скрывал своих захватнических и расистских целей уже в «Майн кампф». Он открыто объявил славян низшей расой и решительно действовал в соответствии с этим.

Причём немцы разрешили создать «Русскую освободительную армию» генерала Власова лишь осенью 1944 г., а сформирована она была (две дивизии) в начале 1945 г. На что перед поражением Германии мог надеяться Власов? Лишь на антиисторическое развитие событий: Гитлер прозреет и обратит должное внимание на него, Власова, или будет убит в результате внутреннего заговора, после чего постгитлеровская Германия вместе с США и Великобританией выступит против коммунистического СССР. Однако Гитлер не мог перестать быть «гитлеровцем». Его Германия с каждым месяцем слабела и значительной

поддержки оказать власовцам не могла. А на пути объединения Запада и Германии против СССР стояли прежде всего колоссальная военно-экономическая мощь нашей страны и воля народа к полной и безоговорочной Победе, а также общественное мнение самого демократического Запада.

Что касается идеологии генерала Власова, то она изложена в его программных документах: в «Обращении Русского комитета к бойцам и командирам Красной армии, ко всему русскому народу и другим народам» (27 декабря 1942 г.), в открытом письме «Почему я стал на путь борьбы с большевизмом» (3 марта 1943 г.) и в «Манифесте Комитета освобождения народов России» (14 ноября 1944 г.). В этих документах говорится, что во власовской России будет ликвидирован сталинский репрессивный режим, освобождены политические заключённые, восстановлены религиозные свободы, свобода слова, собраний и печати, распущены колхозы. Иными словами, Власов обещает провести демократические преобразования. Вот на эту удочку и попались его современные апологеты.

Только неадекватные политики, публицисты и историки способны поверить, что гитлеровская армия несла народам мира свободу и демократию. Власовцы воевали в её составе до 1945 г., т. е. до того момента, когда с согласия гитлеровцев провозгласили себя союзной Германии армией. Но на деле (а не для агитации и пропаганды) они и тогда продолжали оставаться под контролем Гитлера. Власовцы приносили присягу на верность Гитлеру до последней капли крови, на верность союзной гитлеровской Германии.

Хочется упомянуть ещё об одном важном идеологическом моменте. Во власовских документах говорится о передаче земли в частную собственность крестьянам, содержатся расплывчатые положения о предоставлении населению возможностей для частной экономической инициативы, о неприкосновенности частной трудовой собственности. Одновременно в тех же документах указывается, что во власовской России не будет капиталистов и эксплуататоров, ведь генерал Власов называл себя социалистом.

Общественный строй без капиталистов-эксплуататоров, но с крестьянской частной собственностью на землю — эта разновидность социализма вызывает ассоциацию с Польской Народной Республикой. Подобный социализм существовал в Польше лишь потому, что советским и польским ленинцам не удалось полностью подавить польский народ, особенно крестьянство.

Словом, Власов предлагал нечто искусственное и противоречивое, малоэффективное и временное. Но кто эту власовскую социалистическую модель должен был реализовывать? «Демократ и социалист» Гитлер, который даже сохранил колхозы на оккупированных немцами территориях: таким образом гитлеровцам, как и сталинистам, было удобнее править крестьянами и обдирать их. Наконец, намечавшееся

Власовым общество без капиталистов (с доминированием государственной собственности) обязательно стало бы недемократическим и репрессивным.

Полагаю, генерал не очень-то задумывался над теоретическими проблемами. Он был готов провозгласить что угодно в пропагандистских целях и ради своего успеха. При этом его пассажи часто раздражали немецких хозяев. Например, однажды на обеде он заявил, что будет так же принимать присутствующих в Ленинграде. Фашистам взять город на Неве не удавалось, а Власову без единой дивизии было море по колено. В конце концов немцы посадили разболтавшегося перебежчика под комфортный домашний арест, но затем освободили и даже закрывали глаза на его амурные подвиги с арийкой.

В плену Власов познакомился с высокопоставленными немецкими офицерами, которые были критически настроены по отношению к Гитлеру и вынашивали планы покушения на него. Возможно, именно таким немцам было легче склонить Власова на сторону Германии. Можно вспомнить и то, что при сталинском режиме тоже имела место отчаянная борьба за выживание, в частности в командном составе Красной армии. Ведь Сталин репрессировал 95% военачальников, от командиров полков и выше. И во всём этом соучаствовал сам Власов, являясь членом Ленинградского и Киевского военных трибуналов и командиром дивизии. Вот и довели его отчаянная борьба за выживание и обыкновенная гордыня до потери чувства реальности.

Сам Власов в 1946 г. на закрытом суде объяснил свой переход на сторону агрессора не какими-то высокими материями, а банальным малодушием. Решился ли он накануне казни сказать правду или боялся пыток? Или опять на что-то надеялся?

По правде говоря, был он незаурядным человеком. Начал с духовного образования (как и Сталин), командовал одной из самых боеспособных дивизий Красной армии, раненым вышел из окружения под Киевом, был принят Сталиным и направлен защищать столицу. Войска под его командованием освободили Волоколамск и Солнечногорск. Власов был награждён орденом Ленина и двумя орденами Красного Знамени, его фотографию напечатала «Правда». (А между делом стройный и высокий генерал настаивал рога самому Чан Кайши...)

Можно ли назвать судьбу генерала Власова трагедией, вызывает ли он сочувствие и, соответственно, допустимо ли хоть какое-то оправдание его действий? Одно можно утверждать: трагедия была, но это была *русская трагедия*! Вызывает сочувствие судьба народов великой Российской империи и СССР! А генерал... что ж, кому много дано, с того много и спросится.

Мы не знаем, каков был приговор Суда Божьего. Но государственная измена, измена Родине — налицо. Причём в военное время, в самую страшную войну в истории России, когда поражение было смерти по-

добно. Станем оправдывать такую измену — рискуем остаться без государства как такового. И придут немцы, американцы или китайцы и будут нами владеть.

Одновременно нельзя не сказать о простом красноармейце, вчерашнем крестьянине, семью которого, родственников или друзей раскулачили всего несколько лет назад, в период коллективизации, а самого насильно загнали в бедный колхоз работать «на дядю». Его детей, родителей или друзей оставили умирать в голодные 1932–1933 гг. В 1939 г. этот колхозник узнал из коммунистической «Правды», что Вторую мировую войну начали Великобритания и Франция, а Германия — жертва их агрессии. Наконец, той же осенью из уст главы советского правительства он услышал, что бороться с нацизмом не надо! Однако этот человек всё-таки пошёл добровольцем в Красную армию, попал в окружение, погибал с голоду или был ранен — и оказался в плену. Оказался военнопленным низшей расы — для немцев, предателем и дезертиром — для Сталина и его подручных, которые «коллективизировали», раскулачивали, морили голодом и нагло обманывали. Как не запутаться простому крестьянину в солдатской шинели? Как не запутаться и не совсем простому красноармейцу?

Однако подавляющее большинство не запуталось, особенно после того, как стало известно о зверствах фашистов на оккупированных территориях. Ведь до этого помнили немцев по Первой мировой: они и тогда зверствовали, но не столь повсеместно и ужасающе. И когда народ почувствовал, с кем и за что воюет, началась Великая Отечественная война. И Сталин это понял. Не случайно он сказал американскому послу в Москве: «Вы думаете, они за меня воюют? Они воюют за Россию!»

В такой войне наша армия и народ стали непобедимы. И для власовцев или бандеровцев не осталось ни одного шанса захватить власть. В такой войне порядочные и неглупые антисталинисты и антикоммунисты воевали в Красной армии не потому, что она «красная», а потому, что она — за Россию!

Русским людям свойственны эмоциональность и максимализм, в нас обязательно в той или иной форме присутствуют всё те же «западничество» и «славянофильство». наших демократов заносит в такое западничество, которое равносильно отказу от суверенитета и независимости России. Говорю в первую очередь о статье Г. Х. Попова «Кризис и глобальные проблемы», опубликованной в «Московском комсомольце» 25 марта 2009 года. Здесь уже не оправдание давно казнённого генерала, а призыв передать под международный контроль наше ядерное оружие, наши нефть и газ, подчинить нашу страну мировому правительству... С другой стороны, домогренные патриоты и государственники зачастую доходят до оправдания сталинских репрессий, поскольку цель якобы оправдывает средства (говорю прежде всего об авторах школьных учебников по

истории А. В. Филиппове и А. А. Данилове). К этому же относятся и недавнее возведение памятников Сталину, открытие его музея, показ просталинского телесериала и сохранение коммунистической символики над Кремлём, на Красной площади, в названиях городов и улиц. Так, руководство Москвы стоит насмерть, отстаивая имя детоубийцы-большевика Войкова в названиях улиц и станции метро. В результате одна крайность усиливает другую, и от их взаимного стимулирования происходит «круговорот крайностей в России».

Хотелось бы сказать ещё об одном моменте, не принципиальном, но имеющем место быть.

Не так давно мне довелось беседовать с известным, интеллигентнейшим и прекрасно говорящим по-русски священником РПЦЗ. Был приятный разговор, наши взгляды совпадали и совпадали. .. пока не дошли до Власова. И вот тут этот милый священник вдруг заявляет: «А может, и неплохо было бы, если б немцы победили?» Этот образованный человек не мог не знать о планах нацистов, о соответствующих опубликованных документах. Значит, заявление его содержит внутренний грех лжесвидетельства. И многое становится ясно, если вспомнить, что отец этого священника был одним из власовских идеологов, а в РПЦЗ немало тех, кто сотрудничал с власовцами. Сотрудничала с власовцами и маленькая политическая

группа Народно-трудовой союз (НТС), лидером которого является доктор исторических наук А. Б. Зубов, а активным членом — упоминавшийся выше кандидат исторических наук К. М. Александров.

В своём докладе я упомянул действительно незаурядных людей: от одного из умнейших аналитиков страны на рубеже 80–90-х гг. прошлого века Г. Х. Попова до молодого К. М. Александрова. Да, на мой взгляд, они искажают историческую правду о Власове. Однако когда в мае этого года мне предложили составить список историков-фальсификаторов, я делать этого не стал, потому что такие игры с огнём в такой стране, как Россия, стоит только начать...

Но вернёмся в 2001 год. Тогда Военная коллегия Верховного суда РФ отказалась реабилитировать Власова и его сподвижников. При этом был отменён приговор 1946 г. в части осуждения по ст. 58 УК РСФСР за антисоветскую агитацию и пропаганду. В остальном судебный вердикт был оставлен без изменения. И решение Верховного суда представляется разумным не только с государственнической и юридической, но и с исторической точки зрения.

Наконец, о нравственном выборе. Вспомним пушкинскую «Капитанскую дочку»: можно не переходить на сторону разбойников, как капитан Миронов, а можно перейти, как Швабрин (и Власов). Каждому — своё.

Шишкин Игорь Сергеевич, кандидат педагогических наук, заместитель директора Института стран СНГ

Власов — «третья сила»?

Информационно-пропагандистская кампания по пересмотру истории Второй мировой войны, в основу которой положен тезис о равной ответственности СССР и Германии за развязывание мировой войны, не снижает оборотов. Одним из её элементов является очередная попытка оправдать изменников Родины, с оружием в руках сражавшихся против Советской армии (власовцы, бандеровцы, прибалтийские эсэсовцы и т. п.). Хорошо спланированные пиар-акции вокруг книг Гавриила Попова и Георгия Митрофанова внедряют в общественное сознание мысль о том, что эти люди были вовсе не предателями, а некоей «третьей силой» в войне. Более того, их уже преподносят как истинных героев, которые сначала «боролись с нацизмом, а потом сражались против коммунистов» (Подрабинек).

В связи с этим возникает вопрос: почему с такой маниакальной настойчивостью вновь и вновь крутят эту заезженную пластинку? Как относиться к новому витку кампании по реабилитации Власова и других изменников? Как к недостойным внимания выходкам маргиналов и отставных политиков, мечтающих через скандал привлечь к себе внимание? Но нельзя же закрывать глаза на то, что оправдание

и возвеличивание пособников Третьего рейха началось не сегодня, идёт не первый год и тесно связано с аналогичными процессами на всём постсоветском пространстве. К каким, отнюдь не безобидным, последствиям приводят эти «исторические изыскания», мы можем видеть на примере Украины и Прибалтики.

Необходимо учитывать и то, что героизация коллаборационизма происходит при молчаливой, но и нескрываемой поддержке стран Запада, а ведь во многих из них, кстати сказать, попытки ревизии истории Второй мировой войны (в их версии) уголовно наказуемы. Показательна история с принятием в 2008 г. на Генеральной Ассамблее ООН резолюции с весьма длинным и обтекаемым названием — «Недопустимость определённых видов практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости», которая была предложена Россией и принята подавляющим большинством голосов. В этом документе, хотя и без упоминания Украины и прибалтийских республик, особо подчёркивалось, что возведение монументов, проведение шествий и других мероприятий в честь эсэсовцев оскверняют память жертв фашизма и являются абсолютно

несовместимыми с обязательствами государств — членов ООН. Примечательно, что США — наш союзник по Антигитлеровской коалиции — проголосовали против этой резолюции, а все члены ЕС, в том числе представители стран, сражавшихся с фашизмом, и государств, в которых малейший намек на симпатию к национал-социализму и Третьему рейху карается тюремными сроками, — воздержались.

Однако не связь пропаганды предательства с геополитическими интересами наших партнёров на Западе представляет для нас главную опасность. Архимандриту Тихону (Шевкунову) принадлежат очень точные слова: «Пока дети в России, угадывая имя героя войны, будут называть генерала Карбышева, а не генерала Власова, у нашей страны есть будущее». Следовательно, в противном случае — будущего нет.

Апология коллаборационизма — это не история, а «историческая политика», и никакого отношения к поискам исторической правды она не имеет. Идёт большая политическая игра, ставка в которой — именно будущее России и её народа, а не та или иная трактовка событий 70-летней давности. Меняя отношение к прошлому, мы меняем будущее. Причём это не теория, а хорошо известная нам практика. Историческое оружие уже доказало свою разрушительную силу в период развала СССР, и не стоит дважды наступать на одни и те же грабли.

Сколько существуют войны — столько существует проблема предательства и измены. Причины разнообразны: месть, жажда власти, деньги, страсть, трусость — всего не перечислишь. Причём изменники всегда находят оправдания и объяснения своему поступку (от душераздирающих до самых возвышенных), так уж устроена человеческая психика. Порой появляются и «доброхоты», призывающие понять предателей, войти в их положение. Но это — призывы понять и даже простить *преступление*, факт совершения которого не отрицается.

Попытки же оправдать Власова — совершенно особое дело. Г. Попов, Г. Митрофанов и иже с ними призывают нас не «понять и простить», а «понять и *признать*». Разница здесь принципиальная: отрицается сам факт преступления, изменник объявляется героем, его действия — подвигом, поступком истинного патриота, который принял трудное решение совместно с внешним врагом сражаться за свободу и счастье своего народа. То есть он знал, на что шёл, и готов был оказаться не понятым современниками, но интересы народа и государства поставил выше. При таком подходе не войны, стоявшие насмерть под Москвой, Сталинградом и Курском, бравшие Будапешт и Берлин, а власовцы, бандеровцы и прибалтийские эсэсовцы были подлинными героями войны, на подвигах которых должно воспитывать молодое поколение.

Обосновывается столь противоестественное превращение предателя в героя с помощью чрезвычайно эффективного психологического приёма,

достаточно по примеру Остапа Бендера спросить: «Был ли покойный нравственным человеком?» Этот вопрос Великого комбинатора можно сделать эпиграфом ко всем работам апологетов коллаборационизма, а по большому счёту и ко всей информационно-пропагандистской кампании по переписыванию истории Второй мировой войны. Относится вопрос, конечно же, к Сталину, и ответ, естественно, даётся отрицательный, причём с самых разных позиций в зависимости от целевой аудитории: у Г. Митрофанова — с позиции национально-православной (а у некоторых его сторонников — даже с открыто черносотенской); у Г. Попова — с либеральной. Результат, правда, один: оправданием предательства в обоих случаях служит жестокость сталинского режима.

Именно сталинские репрессии, «сталинизм» и «тоталитаризм» положены в фундамент пересмотра истории войны в целом и героизации пособников оккупантов в частности. Схема на удивление проста: Сталин — тиран, СССР — тоталитарная диктатура («сталинизм», коммунизм), а значит:

— война на Восточном фронте — это схватка двух тиранов, двух тоталитарных империй (тиран боролся с тираном, зло сражалось со злом);

— все поработанные народы, включая русский, оказались перед трудным выбором «меньшего зла», и никто сегодня не вправе осуждать тех, кто предпочёл Гитлера Сталину;

— нашлись и истинные герои, которые, не имея иллюзий о природе обоих режимов, предприняли отчаянную попытку стать «третьей силой» в войне, превратить их столкновение на территории России в гражданскую войну против «сталинизма» (Власов), а на окраинах — в войну национально-освободительную против «красной» империи (Бандера и ему подобные);

— память о патриотах, боровшихся за свободу, надо очистить от лжи советского агитпропа, чтобы благодарные потомки узнали подлинных героев той войны, которым они во многом обязаны своим демократическим настоящим.

Утрирую? Ничуть. В строгом соответствии с этой схемой Г. Митрофанов пишет о Гитлере и Сталине как о братьях-близнецах, о том, что победа любого из них означала «очередное поражение русского народа». В полном соответствии с этой схемой на *независимой* Украине и в Прибалтике ставят памятники Бандере, латышским и эстонским эсэсовцам, а президент-демократ Ющенко присваивает звание Героя Украины гауптштурмфюреру СС Шухевичу. В рамках этой же схемы Г. Попов объявляет генерала Власова предтечей новой демократической России и предлагает поставить ему и академику Сахарову памятник.

Схема оправдания коллаборационизма при всей её примитивности служит великолепным инструментом пропагандистского воздействия. Она позволяет поймать человека в ловушку силлогизма. То есть если

вы признаете сталинские репрессии единственным и главным «достижением» всего советского периода российской истории, то должны принять трактовку войны на Востоке как схватку тиранов, признать оправданным сопротивление «сталинизму» и «тоталитаризму». А если вы такую трактовку не принимаете, значит, оправдываете раскулачивание, расказачивание, репрессии 1937 г. и... далее по списку. В самом крайнем случае вас вынуждают согласиться с тем, что то время нельзя воспринимать исключительно в «чёрно-белых» тонах. Но расплывчатость в понимании подвига и предательства, добра и зла и есть первый шаг к признанию изменников героями. «Коготок увяз — всей птичке пропасть».

В рамках «бендеровского» подхода («Были ли покойный нравственным человеком?») эта схема безотказна — ей нечего противопоставить. Положение усугубляется ещё и тем, что она ложится на хорошо подготовленную почву. Кампания по разоблачению Сталина ведётся не первый год, в том числе на материале войны, и вольно или невольно даёт дополнительные козыри апологетам «власовщины». В результате, часть российского общества уже готова согласиться с изложенной выше схемой оправдания коллаборационизма, поскольку не воспринимает СССР с его ГУЛАгами и колхозами как самодостаточную ценность, защита которой — не подлежащий обсуждению священный долг гражданина. Но вместе с тем для многих из этих людей Великая Отечественная война и Победа — величайшие события в истории народа, предмет национальной гордости. Стремление примирить здоровые, естественные чувства с навязанной схемой и являются причиной столь характерных для последнего времени попыток найти объяснение и оправдание «нелогичной» гордости за войну и столь же «нелогичного» презрения к предателям вне собственной страны.

Характерный пример — события, связанные с «Бронзовым солдатом». На волне героизации коллаборационистов как борцов с советской «империей зла» по инициативе президента Эстонии, открыто гордящегося папой-эсэсовцем, в 2006 г. из центра Таллина был убран памятник воинам-освободителям. По России тогда прокатилась волна протестов. При этом основной упор в официальных документах, выступлениях политиков и общественных деятелей делался на то, что посягнули на память солдат, сражавшихся на стороне Антигитлеровской коалиции. В заявлении российского министерства иностранных дел так и говорилось: «Какой извращённой логикой надо обладать, чтобы считать вопиющий факт пренебрежения памятью воинов Антигитлеровской коалиции, погибших на фронтах Второй мировой войны, критерием авторитета страны?» На первый взгляд — блестящий ход, на который фальсификаторам истории нечего ответить. Однако на деле подобная логика ведёт в пропасть. Оказывается, память советских солдат можно и нужно защищать только

потому, что они были союзниками лидеров свободного мира. Соответственно, и воикам из РОА, «Галичины», прибалтийских дивизий СС нет оправдания потому, что они вместе с Гитлером сражались против союзника США и Великобритании.

Сразу возникает вопрос, а если бы не было Антигитлеровской коалиции? Если бы Гитлер, как его подталкивали в Мюнхене, сразу пошёл на СССР? Если бы Рузвельт, Сталин и Черчилль не смогли подняться выше личных антипатий, «измов» и совершить почти невозможное — создать и сохранить коалицию столь разных стран во имя общей Победы? Выходит, в этом случае переход на сторону Третьего рейха был бы оправдан?

Другим примером является реакция на резолюцию Парламентской ассамблеи ОБСЕ, приравнявшую сталинизм к нацизму. Она вызвала бурное возмущение, причём не только среди коммунистов, но и среди российских официальных лиц, которые прекрасно поняли, что, говоря о сталинизме, метят в Россию. Главный довод, который проходил красной нитью через все гневные заявления, заключался в том, что нацизм — это абсолютное зло, что решения Нюрнбергского трибунала никто не отменял, поэтому нельзя ставить на одну доску нацизмом и сталинизм и тем самым оправдывать фашистских пособников. Всё, вроде бы, логично, и фальсификаторы вновь должны быть повержены, поскольку не важно, какими были Сталин и СССР, важно какими были Гитлер и нацистская Германия. Однако за внешней убедительностью опять скрывается ловушка. Получается, что, если бы нацизм не был абсолютным злом, измена была бы оправдана. Напомню, в годы «холодной войны» СССР не раз находился на грани столкновения с блоком НАТО, объединяющим демократические государства и не считающимся «абсолютным злом». Значит ли это, что Пеньковского и прочих предателей периода «холодной войны» пора реабилитировать?

Более того, доводы об «абсолютном зле» ничего и не опровергают. Апологеты коллаборационизма в большинстве своём не отрицают преступлений нацизма, как и решений международного трибунала. Напротив, они предлагают провести «второй Нюрнберг» уже над коммунизмом. В результате мы опять попадаем в заколдованный круг дискуссий о «меньшем зле» и неизбежно признаем возможность ошибки при выборе между двумя тиранами. Как видим, цепляясь за внешние «подпорки», как за соломинку, пропаганду «власовщины» не остановишь. Скорее это помогает её распространению и облегчает её восприятие, т.е. делает нас невольными соучастниками этой кампании.

Не спасает ситуацию и апелляция к воинской присяге. Да, для подавляющего большинства наших граждан нарушение присяги до сих пор является тяжким преступлением, заслуживающим самой суровой кары. Однако как быть с гражданскими

изменниками? Ведь большинство солдат и офицеров дивизии «Галичина», прибалтийских дивизий СС, полицаев и осведомителей никогда не присягали на верность СССР, но при этом они были и есть предатели и изменники.

Казалось бы, «куда ни кинь — всюду клин». Человеку, не желающему признавать правоту Г. Митрофанова и Г. Попова, но попавшему в логический капкан Остапа Бендера, остаётся только одно — доказывать, что никаких репрессий и преступлений никогда не было и быть не могло. И уже появились призывы закрыть глаза на реальную историю, объявить, что всё происходившее было прекрасно и разумно, а кто с этим не согласится — тот скрытый или явный фальсификатор. Звучит «патриотично», но ничего, кроме внутреннего признания правоты поборников власовщины и неспособности им что-либо противопоставить, за этим нет. Кроме того, нельзя забывать, что ложь — это прекрасное оружие разрушения, но построить с её помощью ничего нельзя.

Получается, что любая попытка противодействия апологетам предательства не только бьёт мимо цели, но даже на руку фальсификаторам. Где же выход? Он есть, и он прост и сложен одновременно.

В первую очередь необходимо прекратить играть по чужим правилам. Логика адвокатов коллаборационизма неопровержима только до тех пор, пока мы соглашаемся вести дискуссию в рамках их абсолютно убогой, антинаучной, но эффективной в пропагандистском плане системы координат, сводящей глобальную проблематику мировой войны к борьбе личностей и политических систем.

Однако это только первый шаг, означающий лишь отказ от фактического соучастия и игры в поддавки. Схемам фальсификаторов должно противостоять принципиально иное видение истории, то видение, при котором все их «логичные» построения разбиваются как горох об стену и вызывают в обществе брезгливое отторжение. Обязательным условием обретения такого видения истории является нравственное, духовное оздоровление общества. Давайте не забывать, что «историческая политика» во всех её проявлениях у нас, на постсоветском пространстве и на Западе стала неизбежным результатом внутреннего, духовного кризиса России. Только общество, утратившее нравственные ориентиры, может вникать в доводы пропагандистов измены. Само согласие дискутировать на эту тему — уже диагноз.

На духовные корни попыток оправдать и героизировать предателей особо указал Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, общаясь с жителями Архангельска. «Время от времени у нас вспыхивают общественные дебаты по поводу значения Великой Отечественной войны, — сказал он, — и некоторые утверждают, что выбор тех людей, которые стали сотрудничать с немцами, которые пошли во власовскую армию, вполне правомерен, поскольку „это был их выбор, они сво-

бодны. Человек свободен определять, с кем он. Вот и выбрали эти люди не защиту Родины, а борьбу со своей Родиной вместе с оккупантами“. Наивные люди, воспитанные в традиции, говорят: „Да как же так можно! Да постыдитесь вы греха, да ведь они же предатели!“ А им отвечают: „А что такое предатели? Это свободный выбор человека. Сегодня у нас разные точки зрения, сегодня у нас плюрализм мнений, и свободный, самодостаточный человек и определяет, что такое добро, а что такое зло“. Так постепенно размываются границы между добром и злом». Далее Патриарх подчеркнул: «Главная духовная трагедия переживаемого нами с вами исторического момента — утрачивается понятие нормы, нравственной нормы человеческого бытия, утрачивается понятие греха».

Третье, не по важности, а по порядку, условие состоит в том, что исторической лжи должна открыто и последовательно противопоставляться правда о войне. Нам, в отличие от апологетов измены, не нужно переписывать историю, фальсифицировать её смысл. Для нас Вторая мировая война — это Великая Отечественная. Война за существование (в прямом, физическом смысле слова) нашей страны и всех её народов без исключения. Противостоял же СССР не «изм» (нацизм, тоталитаризм), а управляемый нацистской партией Третий рейх, объединивший практически всю Европу во имя построения нового мирового порядка с безраздельным господством западной цивилизации во главе с Германией. Победа в той войне означала жизнь для народов нашей страны, возможность свободного и независимого развития всех народов мира.

При таком единственно возможном и соответствующем исторической правде подходе в контексте войны оказываются бессмысленными все рассуждения о достоинствах и недостатках политических систем или политических лидеров, о «третьей силе» и т.п. Подобно тому, как бессмысленно в рамках истории Отечественной войны 1812 г. рассуждать о превосходстве капитализма над феодализмом или о том, сколько крепостных было у Раевского и Дохтурова. «В огороде — бузина, а в Киеве — дядька».

При взгляде с этой точки зрения все логически неувязимые построения поповых и Митрофановых рассыпаются как карточный домик. Герои вновь становятся героями, а предатели — предателями. Показательно, что поборники переписывания истории войны, как чёрт от лада, шарахаются от понятия «Великая Отечественная война», всюду исподволь стараясь подменить его на «Вторая мировая война». Зачем это нужно им — ясно, но нам-то это зачем?

Отказ от игры по чужим правилам, от игры в поддавки, нравственное оздоровление общества, восстановление моральных норм, понятия греха, возвращение к пониманию войны как Великой Отечественной — таковы обязательные условия противодействия попыткам использовать историю

Сегодня это мироощущение можно было бы выразить в виде краткой латинской формулы «Где плохо, там и чужбина».

Примечательно, что сходную мысль, хотя и куда более многословно, высказали в предпоследний год Второй мировой войны составители «Пражского манифеста»: «Нет преступления большего, чем разорять, как это делает Сталин, страны и подавлять народы [имелись в виду республики и народы СССР. — *Прим. авт.*], которые стремятся сохранить землю своих предков и собственным трудом создавать на ней своё счастье». Далее в «Пражском манифесте» задавалось два риторических вопроса: «За что же борются в эту войну народы России? За что они обречены на неисчислимые жертвы и страдания?» Ответ, как это ни парадоксально, был выдержан в традиционном марксистском духе: «В революции 1917 г. народы, населявшие Российскую империю, искали осуществления своих стремлений к справедливости, общему благу и национальной свободе. Они восстали против отжившего царского строя, который не хотел да и не мог уничтожить причин, порождавших социальную несправедливость, остатков крепостничества, экономической и культурной отсталости. Но партии и деятели, не решившиеся на смелые и последовательные реформы после свержения царизма народами России в феврале 1917 г., своей двойственной политикой, соглашательством и нежеланием взять на себя ответственность перед будущим — не оправдали себя перед народом. Народ стихийно пошёл за теми, кто пообещал ему немедленный мир, землю, свободу и хлеб, кто выдвинул самые радикальные лозунги».

Коль скоро великий прагматический принцип «Где хорошо, там и отечество» не смог реализоваться ни в России царской, ни в России советской, то, с точки зрения создателей «Пражского манифеста», нужно было, естественно, переходить на сторону Германии.

Впрочем, в самом Третьем рейхе для внутреннего употребления национал-социалистами культивировалась идеология прямо противоположная власовской: «Deutschland, du wirst leuchtend stehen, mögen wir auch untergehen» (Baldur von Schirach, 1933 г.). Или возьмем слова другой популярной песни:

So will ich wacker streiten
Bis an das blut'ge End.
Dap einst in fernen Zeiten
Mein Deutschland Frieden fand.

Хочу сражаться храбро я
До страшного конца.
Чтоб мир Германия моя
Когда-нибудь нашла.

Здесь уместно напомнить, что у каждого офицера СС был кинжал с надписью «*Meine Ehre heißt Treue*» («Моя честь — верность») и в верности до гроба лично Адольфу Гитлеру клялся каждый член охранных отрядов Национал-социалистической германской рабочей партии. Как мы видим, национал-социалистическая идеология одной из высших арийских добродетелей считала верность.

Широкомасштабное оправдание всевозможного предательства начинается в нашей стране на исходе 80-х гг. прошлого века и связано оно с горбачёвской «перестройкой». Естественное желание неполных собственников (т. е. тех представителей партийно-хозяйственного актива, которые уже связали себя с «теневой» экономикой) стать собственниками полными требовало отречения от прежних идеалов социальной справедливости. Однако битва за овладение собственностью величайшей в мире страны предполагала не только разрушение всей административно-командной системы с последующим переходом к приватизации казённого имущества, но прежде всего уничтожения советской системы ценностей, которая тогда ещё имела значение для широких народных масс.

Политическая психология учит, что для вхождения общества в состояние идеологического кризиса необходимо равенство сил между противоборствующими идеалами и антиидеалами.

В результате все мероприятия взаимно блокируются, ничего не может быть реализовано, и общество оказывается в состоянии паралича. Именно такое положение наиболее благоприятно для последующего разрушения социальной системы.

Неудивительно, что к исходу XX в. в нашей стране ключевыми идеологическими фигурами становятся те, кто смог противопоставить прежним идеалам новые антиидеалы. В этом отношении весьма символично, что на всём постсоветском пространстве исключительную известность приобретает советский разведчик-перебежчик Резун (Суворов). Его «ледокольная» библиотека выходила в свет огромными тиражами, деморализуя обывателя, который терялся от таких оценок самого героического события отечественной истории и постепенно начинал путать агрессора с защищающейся стороной. Тем самым устанавливалось блокирующее равенство между «суворовским» антиидеалом и идеалами поколения победителей, объединявшими все народы бывшего СССР.

Сегодня лишь знатокам нацистской истории очевидно, что важнейшие идеи Резуна (Суворова) заимствованы из речи Гитлера от 22 июля 1941 г. Обычный постсоветский обыватель, никогда не слушавший и не читавший нацистских речей, уже готов в равной мере

* Влияние марксистских идеологов при составлении «Пражского манифеста» отмечал ещё В. Штрик-Штрикфельд, который, в частности, писал: «Для бывших советских специалистов народного хозяйства такой подход к этому вопросу был естествен. Они считали, что только государственная монополия на внешнюю торговлю может охранить слаборазвитое русское народное хозяйство от эксплуатации иностранными капиталистами» (см.: *Штрик-Штрикфельд В. К. Против Сталина и Гитлера. Генерал Власов и Русское освободительное движение* / авт. пер. И. Баха и М. Рубцовой. 3-е изд. М.: Посев, 1993. 440 с).

возлагать ответственность за Вторую мировую войну и на сталинский СССР, и на гитлеровскую Германию. Ярким примером ретрансляции гитлеровских идей в современных российских условиях может служить и последняя книжка Г. Попова «Вызываю дух генерала Власова», где от имени давно повешенного говорится: «...Нам внизу было ясно — это подготовка удара по Румынии с целью захвата нефтяных месторождений. Это поставило бы Гитлера в самую жёсткую зависимость от Сталина и повлияло бы на делёж мира между этими двумя социалистами».

Сравним это утверждение с тем, что говорил вождь Третьего рейха в день нападения на нашу Родину: «Угрожающее нападение Советского Союза на Румынию имело также главной задачей захватить в свои руки главную базу не только германской, но и европейской хозяйственной жизни».

На протяжении нескольких лет после публикации первых книг Резуна (Суворова) общество, по сути, погрузилось в безмолвные раздумья. Запоздалые книги-опровержения не принесли должного психологического эффекта. Между тем для эмоционального сокрушения «ледокольной» теории «вынужденной агрессии» достаточно было бы обратиться к сборнику песен гитлерюгенда «Uns geht die Sonne nicht unter», изданному ещё в 1936 г., или ввести в массовое сознание хотя бы одну из популярных немецких песен 1930-х гг.:

Du, kleiner Tambur, schlage ein!
Nach Moskau wollen wir marschieren!
Nach Moskau wollen wir hinnein!
Der Bolschewik soil unsre Krafte sptiren!
Am Wege wilde Rossen bltihn, ja bltihn
Wenn Hitlerleut' nach Rußland ziehn.

Ты, юный барабанщик, бей!
Мы на Москву идти желаем,
Войти в Москву хотим скорей —
Пусть силу нашу большевик узнает.
Попутно розы расцветут, да, расцветут,
Коль люди Гитлера на Русь пойдут.

Ещё раз подчеркнём, что эта песня стала широко использоваться для воспитания гитлеровской молодёжи за 5 лет до нападения Германии на нашу страну.

Публикации в 2007 и 2008 гг. коллективных монографий «Правда Виктора Суворова» и «Правда Виктора Суворова-2» свидетельствуют о том, что заинтересованность в поддержании «суворовского» антиидеала на постсоветском пространстве сохраняется до сих пор. При этом сама фигура перебежчика и сегодня недостаточно масштабна для его превращения в подлинного антигероя. Здесь препятствием является и достаточно скромное воинское звание бывшего ГРУшника, и неприязнительность его устной речи по сравнению с публикуемыми за его подписью письменными текстами. Естественно, что в услови-

ях не прекращающейся на всём постсоветском пространстве информационно-психологической войны встал вопрос и об историческом персонаже, который мог бы противостоять маршалу Победы Г. К. Жукову в качестве блокирующего антиидеала.

И таковым в год 65-летия разгрома гитлеровской Германии был избран перешедший на сторону нацистов генерал-лейтенант Андрей Андреевич Власов (1901–1946). И как тут сразу же не вспомнить антижуковские строки из нашумевшей книги священника Георгия Митрофанова «Трагедия России. „Запретные темы“ истории XX века»: «...Не изменивший своей присяге унтер Г. К. Жуков и не недоучившийся семинарист И. В. Сталин, а другой недоучившийся семинарист — А. А. Власов в годы войны, по существу, предпринял реальные и достаточно быстрые шаги, направленные на то, чтобы вернуть русскому воину память о Христе». (С этими словами можно было бы и согласиться, если трактовать их в том смысле, что всякое воспоминание о христопродавце Иуде возвращает нас к памяти о самом Иисусе Христе.)

Для людей иудина склада предпочтительность измены по сравнению с верностью лишь косвенно связана с психическими ориентациями на самосохранение и приобретение («И он, бросив серебряники в храм, удалился; и ушёл и повесился». От Матфея, 27, 3). Многочисленные факты бескорыстного предательства собственной Родины известны контрразведчикам всех стран мира.

В этой связи особо зловещее значение приобретает проповедь власовщины с церковного амвона, ибо она есть проповедь иудина греха.

Склонность к предательству в большинстве случаев относится к иррациональным человеческим влечениям, которые осмысливаются обычно уже задним числом. «Предал ли Хрущёв Сталина? — «мудро» вопрошает в своей книге «Вызываю дух генерала Власова» Г. Х. Попов. — Предательством или патриотизмом была расправа Хрущёва над Будапештом? Предательством или патриотизмом была передача Хрущёвым Мао Цзедуну списков всех наших агентов в Китае? А война Брежнева в Афганистане? А подавление им же Праги? А брошенные Горбачёвым постсоветские лидеры и десятки тысяч функционеров в странах Восточной Европы без малейших попыток защитить их — хотя бы предоставлением советского гражданства? Предавали или нет Ельцин и все мы свою партию, войдя в Межрегиональную депутатскую группу?» Все эти не лишённые глубины риторические вопросы задаются Г. Х. Поповым лишь с одной целью — чтобы под конец своей книги по отношению к изменнику Власову торжественно провозгласить: «И Вы — настоящий патриот. Вы боролись за выход из социализма».

Ну как тут не увидеть в писаниях бывшего коммуниста из Межрегиональной депутатской группы лишь вывернутые наизнанку заветные ленинские мысли о поражении своего правительства

в империалистической войне: «Революционный класс в реакционной войне не может не желать поражения своему правительству».

Вот тут-то мы и подходим к самой серьёзной проблеме, связанной с современной апологетикой коллаборационизма. Это проблема экспорта «цветных» революций на постсоветском пространстве. Подобно тому как в XX в. для организации социалистических революций жизненно необходимы были профессиональные революционеры, так и для удачного экспорта «померанцевых», «бархатных» и прочих революций необходимы коллаборационисты, способные к «конструктивному сотрудничеству» с зарубежными посольствами и спецслужбами.

Мировой финансово-экономический кризис, если он будет вызван к жизни вторично, может сильно ударить по всему постсоветскому пространству. И его естественным спутником станет «обострение выше обычного нужды и бедствий угнетённых классов» — вожаемая примета приближающейся революционной ситуации. Вот тут-то и потребуются новые лидеры масс, воспитанные на примере генерал-лейтенанта А. А. Власова в духе «конструктивного коллаборационизма» с зарубежными партнёрами.

¹ Бабичев Н. Т., Боровский Я. М. Словарь латинских крылатых слов. 3-е изд. М.: Рус. яз., 1998.

² Гитлер А. Речь 22 июня 1941 года / Волшебная гора. Т. П. М. : Пилигрим, 1994.

³ Ленин В. И. О поражении своего правительства в империалистической войне. П.с.с. Т. 25. М., 1973.

⁴ Митрофанов Г. Трагедия России. «Запретные темы» истории XX века в церковной проповеди и публицистике. СПб.: Моби Дик, 2009.

⁵ Попов Г. Х. Вызываю дух генерала Власова. М. : Международн. ун-т в Москве, 2008.

⁶ Ciceronis M. Tullii. Opera quae supersunt omnia. Vol. 17. Mannhemii. Cura et Sumptibus Societatis litteratae. 1787. p. 288.

Коллаборационисты отдельно взятого Локотского округа

В. С. Христофоров*

В 1941–1944 гг., в период оккупации СССР фашистской Германией, нацисты пытались установить свой режим в занятых ими регионах Советского Союза, используя жестокие методы насилия и террора и совершая огромное количество преступлений в отношении советских мирных граждан.

Оккупационная политика нацистской Германии на захваченной ею советской территории проводилась в соответствии с теми преступными целями и планами, которые фашисты намеревались реализовать в войне против СССР. Планы установления в Советском Союзе нацистского «нового порядка» были составлены и утверждены высшими инстанциями третьего рейха еще на этапе подготовки к большой войне на востоке.

Через несколько дней после начала войны в Берлине под руководством Г. Гиммлера стал разрабатываться план «Ост». Чтобы расчистить территорию для расселения немцев на востоке, в соответствии с первым вариантом этого плана от 15 июля 1941 г. намечалось в течение 25–30 лет изгнать с родной земли или уничтожить от 80 до 85 % поляков, 85 % литовцев, 75 % белорусов, 65 % населения Западной Украины, половину эстонцев, латышей и чехов, что в общей сложности составляло от 31 до 45 млн. человек. Второй вариант плана «Ост», переработанный в апреле 1942 г., предусматривал выселить за пределы стран проживания или уничтожить уже 46–51 млн. поляков, прибалтов, украинцев и чехов. Территорию РСФСР предполагалось превратить в германскую колонию, а ее население «искоренить» или выселить за Урал. Намечалось заселить немцами Ленинградскую, Херсонскую и Белостокскую области, Крым и западную Литву. Гиммлер одобрил этот план, но потребовал, чтобы в нем было предусмотрено «тотальное онемечивание Эстонии, Латвии и генерал-губернаторства в Польше»¹.

В отношении русского народа у нацистов были особые планы. Солдатам и офицерам вермахта вручались памятки, в которых говорилось: «Убивай всякого русского, советского, не останавливаясь, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик — убивай, этим ты спасешь себя от гибели, обеспечишь будущее своей семьи и прославишься навеки».

Реализация плана «Ост» на оккупированных территориях Советского Союза была невозможна без поддержки его мероприятий хотя бы частью местного населения. И такая поддержка была оказана. Среди советских граждан оказались те, кто с радостью встретили приход фашистских войск на территорию СССР, в той или иной форме стали сотрудничать с противником и надеялись на установление нового политического режима. В то же время некоторая часть соотечественников пошла на сотрудничество с оккупантами вынужденно, для того, чтобы заработать средства к существованию.

Французский термин «коллаборационизм», означающий сотрудничество с врагом части населения оккупированной страны в политической и социально-экономических сферах во вред своему государству, широко вошел в употребление. В настоящее время коллаборационизм представляет собой одну из наиболее сложных социальных проблем Второй мировой войны.

Проявления коллаборационизма имели место во всех без исключения 12 странах, оккупированных войсками нацистской Германии и ее союзников. Выделяются четыре основные формы сотрудничества с противником: военное, административное, хозяйственное и политическое.

В сотрудничестве в военной сфере вовлекались советские военнопленные, эмигранты первой волны, бывшие участники Белого движения, часть гражданского населения, оказавшегося в фашистской оккупации. Военный коллаборационизм был, по данным

* Василий Степанович Христофоров — доктор юридических наук. Институт Российской истории РАН.

немецкой историографии, наиболее массовым по сравнению с другими формами сотрудничества².

Административная форма сотрудничества заключалась в участии гражданских лиц в создании и функционировании местных оккупационных административных структур власти³.

Хозяйственная форма состояла в добровольной мобилизации и силовом привлечении населения оккупированных нацистами территорий в промышленное и сельскохозяйственное производство для экономики третьего рейха.

Политическая форма коллаборационизма выразилась в поддержке и поощрении германскими руководящими кругами деятельности различных организаций (эмигрантских комитетов или органов самоуправления, создававшихся на оккупированных территориях), претендовавших на роль марионеточных правительств.

Порой политическое сотрудничество с нацистами и создание различных комитетов и организаций «за освобождение России» выдаются за некую «альтернативу» советской власти. Так происходит, например, в отношении Комитета освобождения народов России (КОНР), Русской освободительной армии (РОА) и возглавлявшего их генерала А. А. Власова⁴.

Дискуссия о том, кем были лица, сотрудничавшие с оккупационными властями или служившие в вооруженных формированиях, созданных фашистской Германией в годы Великой Отечественной войны, — героями, восставшими против сталинского режима⁵, или изменниками Родины, ведутся уже длительное время.

О коллаборационистах и созданных немецким военным командованием националистических формированиях написано много работ⁶, которые отличаются степенью полноты и достоверности⁷. Некоторые публикации претендуют на право считаться серьезными исследованиями, другие — представляют собой лишь пересказы первых, третьи — по своему стилю напоминают агитационно-пропагандистские работы. Фактические ошибки и неточности кочуют из одной публикации в другую.

Аналізу причин, почему советские граждане вставали на путь измены Родине, посвящено множество исследований. Одной из причин стало недовольство части населения сталинским режимом. Это было связано с коллективизацией и раскулачиванием крестьянства, приведшими к голоду 1932–1933 гг.; физическим уничтожением «эксплуататорских классов»; массовыми политическими репрессиями 1930-х гг.; гонениями на церковь. Многими коллаборационистами двигали личные амбиции, стремление рассчитаться с советской властью и коммунистами за свои потери и унижения. До сих пор среди историков ведутся дискуссии о причинах и мотивах сотрудничества советских людей с гитлеровскими оккупантами. Часть из них придерживается мнения, что переход на сторону фашистов происходил по политическим

мотивам⁸. Другие считают, что среди коллаборационистов все же преобладали люди, которые шли на сотрудничество с врагом вынужденно, с целью выживания в условиях немецкой оккупации⁹.

Некоторые исследователи искренне сокрушаются, что в 1941 г. был «упущен шанс» заменить большевистскую диктатуру «новым порядком», который нес с собой вермахт. Этот шанс заключался в том, «чтобы Германия с помощью коллаборационистов победила бы в войне против СССР и свергла бы все-таки коммунистическую диктатуру в стране». Это «должно было бы обязательно произойти, не соверши Гитлер нескольких роковых субъективных ошибок»¹⁰.

Наряду с приведенными точками зрения возникает вопрос: а была ли в ходе Второй мировой войны какая-либо политическая сила, оказавшаяся безучастной к борьбе с фашизмом?

Само понятие «третья сила» появилось в недрах коллаборационистских организаций — в Национально-Трудовом Союзе (НТС), боровшемся за свержение советского строя в России и сотрудничавшим с нацистами. После поражений германской армии под Сталинградом и Курском всем стал очевиден приближающийся крах Германии. Поняли это и лидеры НТС. С 1943 г. они решили сделать ставку на британскую и американскую разведки и стали предпринимать попытки прервать сотрудничество с гитлеровцами. По этому поводу историк А. В. Окорочков сообщает: «Существует несколько версий о причинах ареста членов НТС. Первая, наиболее популярная, особенно в воспоминаниях членов и официальных изданиях Союза — связь с партизанами и антинемецкая пропаганда на оккупированных территориях России. Вторая — официальная немецкая — связь с западными разведками. Вероятно, эта причина первостепенна. Во всяком случае, руководство НТС пыталось завязать контакт с американской и английской разведкой и правительственными кругами еще летом 1943 г.»¹¹.

Однако гестапо, узнав о подобных попытках, не разбираясь в причинах и не церемонясь с членами НТС, отправило часть из них в концлагеря, а других — в РОА и на фронт.

Репрессии со стороны германских спецслужб дали НТСовцам повод объявить себя «жертвами нацизма» и попытаться закрепить понятие «третьей силы». С середины 1990-х гг. этот тезис, без должного исторического анализа, был подхвачен рядом отечественных историков.

В последние годы оживленные историко-политические дискуссии вызывает деятельность Локотского окружного самоуправления, действовавшего в 1941–1943 гг. на территории нескольких оккупированных районов нынешних Брянской, Орловской и Курской областей, а также Русской освободительной народной армии (РОНА)¹².

Локотскому особому округу, или, как иногда говорят, «Локотской республике», в настоящее время посвящено множество публикаций.

В воспоминаниях бывших партизан, боровшихся с германскими оккупантами на территории Орловской и Курской областей, К. П. Воскобойник¹³, Б. В. Каминский¹⁴ и их единомышленники однозначно оцениваются как предатели и изменники Родины¹⁵.

Однако некоторые авторы, в том числе уже упомянутый С. Веревкин, всерьез утверждают, что на территории Брасовского и прилегающих к нему восьми районов Орловской и Курской областей якобы царила полная идиллия: не было ни советской власти, ни НКВД, ни большевиков. Колхозы распущены, земля поделена по едокам, население платило щадящие налоги, работали школы, больницы, театры и кино-театры, была создана система социального обеспечения. Не было и принудительных угонов в Германию. Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы заменил «Перечень преступлений», на основе которого расследовались уголовные дела. Осужденные с соблюдением уголовно-процессуальных норм лица содержались в тюрьме, а не расстреливались списком. Утверждалось, что на территории Локотского округа не было никаких оккупантов, хотя на самом деле там находились связной германский штаб (в состав которого входили офицеры вермахта, абвера и службы безопасности СД), германские комендатуры, германские и венгерские воинские части.

О локотском эксперименте говорится и в популярной «Энциклопедии заблуждений» о третьем рейхе¹⁶. Причем, ее авторы вместо того, чтобы рассеивать «заблуждения», придумали новые: «После смерти К. П. Воскобойникова Локотскую республику возглавил другой инженер — Б. В. Каминский, который продолжил начинания своего предшественника. Население, связанное с оккупантами только необходимостью выплаты вполне посильного налога, было вполне довольно жизнью»¹⁷.

Изучение истории Великой Отечественной войны, вооруженной борьбы советского народа в тылу немецких войск, нацистского режима, сотрудничества с оккупационными властями местного населения невозможно без привлечения широкого круга документальных материалов, находящихся на хранении в государственных и ведомственных архивах¹⁸, документов, опубликованных в тематических сборниках, и научных статей.

В Центральном архиве (ЦА) ФСБ России хранятся документальные источники, позволяющие реконструировать события, происходившие на территории Локотского особого округа в сентябре 1941 г. — июле 1943 г.

К ним относятся документы делопроизводства органов НКВД, архивные уголовные дела на военных преступников¹⁹, периодические издания администрации Локотского округа: «Голос народа»²⁰, «Бюллетень Локотского окружного самоуправления»²¹, «Боевой путь»²².

В архиве УФСБ по Орловской области содержатся документальные материалы о Локотском окруж-

ном самоуправлении в период немецкой оккупации 1941–1942 гг. и штурмовой бригаде РОНА (литерное дело «Дмитровский 8-й карательный батальон»; дело с трофейными материалами Дмитровского караульного батальона бригады Каминского; дело с показаниями арестованных участников 8-го батальона бригады Каминского в Дмитровском районе и полиции Дмитровского района Орловской области; алфавитный журнал на бывших участников бригады СС Каминского)²³.

Большое значение для исследования имеют документы по истории партизанского движения на территории Орловской области, хранящиеся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ)²⁴.

Новая власть в Орловской области

В августе 1941 г. немецкие войска вошли на территорию Орловской области. Перейдя к обороне в полосе группы армий «Центр», они повернули на юг и разгромили группировку советских войск на Украине.

В конце сентября 1941 г. германское командование, перегруппировав войска, начало операцию «Тайфун», имевшую целью захват Москвы. 2-я танковая группа под командованием генерал-полковника Х. Гудериана²⁵, пробив на левом фланге Брянского фронта широкую брешь, ринулась к Москве. 3 октября немецкие подвижные соединения практически без боя заняли Орел. В результате армии Брянского фронта оказались расчлененными, а их тыловые коммуникации — перехваченными.

4 октября 1941 г., после скоротечного боя, немецкие войска вошли в поселок Локоть. Передовые части вермахта, не задерживаясь, двинулись на Тулу, и несколько дней центр Брасовского района оставался без власти.

В этих условиях инициативу проявил преподаватель физики Локотского лесохимического техникума Воскобойник, провозгласивший себя старостой.

За его плечами было участие в последних боях старой русской армии и в Февральской революции, школа прапорщиков и незаконченный курс юриспруденции в Московском университете. Во время Гражданской войны он служил на командных должностях в запасных кавалерийских частях Красной Армии. В 1920 г. Воскобойник был демобилизован по болезни. Тем не менее, это не помешало ему в 1921 г. вступить в отряд Попова и бороться против большевиков. В дальнейшем сам Воскобойник называл этот отряд бандой. После разгрома большевиками отряда Попова Воскобойник приобрел документы на имя крестьянина Ивана Лошакова и прожил под этим именем 10 лет. За это время он окончил электротехнический факультет Московского института народного хозяйства им. Г. В. Плеханова и поработал в должности заведующего мастерской Стандарткома в Москве. В 1931 г. Воскобойник явился с повинной на Лубянку. Учитывая

чистосердечное признание и добросовестную работу, его приговорили к 3 годам исправительно-трудовых лагерей в Сибири, а также восстановили прежнюю фамилию. После освобождения Воскобойник под надзором органов НКВД работал на промышленных предприятиях Кривого Рога и Орска. Он сумел подделать документы, в которых уже ничего не говорилось о судимости, получил по ним в Наркомате легкой промышленности направление в Локоть, прибыл туда в сентябре 1937 г. и стал преподавать физику в местном лесохимическом техникуме.

К этому времени Воскобойник уже был убежденным противником советской власти, ненавидел большевиков и с воодушевлением воспринял начало Великой Отечественной войны. Немецкая оккупация, по его мнению, давала надежду на переустройство СССР, смену политического режима и формирование альтернативной власти.

С первых дней немецкой оккупации Воскобойник приступил к активной деятельности. Он считал, что настала пора осуществить план действий «по возрождению Новой России». Немцы разрешили Воскобойнику создать небольшой отряд самообороны, первоначальная численность которого составляла 20 человек. Оружие для бойцов отряда собирали в местах недавних боев.

Стремясь придать легитимный статус самостоятельно провозглашенной должности, Воскобойник искал контакты с немецким командованием. 16 октября 1941 г. начальник тылового района 2-й танковой армии вермахта генерал-майор Бранд утвердил Воскобойника Локотским волостным старостой²⁶.

Вскоре после этого Воскобойник собрал в больнице оставшееся население поселка Локоть и объявил, что «советская власть больше никогда не вернется. Немецкие войска, ведущие борьбу только с большевиками, но не с русским народом, поручили ему возглавить жизнь в районе». Он пообещал, что будет вести беспощадную борьбу с партизанами и строго карать за неисполнение его приказов²⁷.

16 ноября 1941 г. было официально объявлено о создании Локотской особой волости. К этому времени численность вооруженного отряда Воскобойника уже достигла 200 человек, поскольку немцы разрешили формировать вооруженные отряды самообороны во всех крупных населенных пунктах.

То, что слова Воскобойника о борьбе с партизанами и лицами, им сочувствующими, не расходятся с делом, стало ясно с первых дней его прихода к власти. До оккупации в хирургическом отделении больницы поселка Локоть работала пожилая медсестра. При наступлении немецких войск, опасаясь разграбления, она забрала к себе на квартиру хирургические инструменты. На требование Воскобойника выдать инструменты женщина ответила отказом, обозвав старосту самозванцем. Медсестра была арестована и после короткого разбирательства расстреляна у стены волостного управления²⁸.

В середине декабря Локотская волость была преобразована в Локотский особый район, а Воскобойник — назначен его бургомистром. Он продолжил расправы с неугодными и подозрительными лицами. 21 декабря 1941 г. по приказу Воскобойника в коридоре тюрьмы, в которую было превращено общежитие лесохимического техникума²⁹, были расстреляны без суда и следствия шесть заключенных: трое военнопленных, в том числе комиссар полка, у которого нашли партбилет, бывший председатель Дубровского сельсовета и двое граждан из поселка Красный Колодец.

Фактическим заместителем Воскобойника стал главный инженер Локотского спиртзавода Каминский, исключенный из ВКП(б) в 1935 г. за связь с троцкистами. В 1937 г. он был арестован и через несколько месяцев административно выслан из Ленинграда в г. Шадринск Челябинской области, где занимал разные должности на местном винзаводе. В 1940 г. Каминский перебрался в Локоть. В аппарате Воскобойника он занял должность заведующего приемной, в обязанности которого входил разбор писем, заявлений и жалоб, мелких житейских вопросов.

В ноябре 1941 г. к Воскобойнику и Каминскому, пострадавшим от большевиков, присоединился директор неполной средней школы в Суземском районе С. В. Мосин³⁰. Он не был ни в лагерях, ни в ссылке, хотя и исключался из ВКП(б) в 1937 г. за критику коллективизации. В коммунистической партии перед войной его восстановили, но с прерыванием партийного стажа. В сентябре 1941 г. Мосин был мобилизован в Красную армию, но спустя месяц самовольно покинул воинскую часть, вернулся в Брасово и вскоре поступил на службу в районную управу в качестве заместителя начальника приемной.

Архивные документы свидетельствуют о том, что германское командование широко практиковало назначение на должности в оккупационной администрации бывших советских руководителей. В рядах коллаборантов оказывались и члены ВКП(б), которые по разным причинам остались на оккупированной территории. Гитлеровцы расстреливали враждебно настроенных коммунистов, а тех, кто демонстрировал лояльное отношение к немецкому новому порядку, привлекали на свою сторону.

Так произошло и в Локотском округе. На руководящие должности в окружном аппарате были назначены лица, в недалеком прошлом состоявшие в рядах ВКП(б), работавшие в местных партийных и советских органах (члены бюро райкомов, ответственные работники райисполкомов, председатели колхозов и сельсоветов, директора школ и промышленных предприятий). Многие из них хорошо знали друг друга с довоенных времен: встречались на заседаниях бюро райкомов, совещаниях райисполкомов и партийно-хозяйственного актива, слетах ударников труда. Среди сотрудников администраций многие имели педагогическое образование. Их профессио-

нальные качества: умение работать с людьми, донести до аудитории в доходчивой форме ту или иную необходимую информацию — позволяли им занимать важные посты в Локотском окружном самоуправлении, в пропагандистском аппарате подразделений охраны и в редакции окружной газеты «Голос народа».

В течение нескольких недель войска вермахта оккупировали ряд западных областей СССР. Все партийно-государственные органы были разрушены, возвращение советской власти казалось невероятным. Геббельсовская пропаганда набирала обороты, убеждая, что германские войска несут советскому народу освобождение от большевиков. Часть населения оккупированных территорий поверила обещаниям Гитлера.

К концу 1941 г. все районы бывшей Орловской области, за исключением Красненского, Чибисовского и Задонского, были оккупированы противником. В результате сложившейся сложной военной и политической обстановки, стремительного продвижения германской армии к Москве, активной работы немецких пропагандистов и энергичных действий Воскобойника некоторые группы населения Орловской области посчитали возможным встать на путь сотрудничества с оккупационными властями. Началось добровольное вступление бывших советских военнослужащих, попавших в окружение в первые дни войны, в отряды самообороны Локотского района. Вскоре покинули леса и вернулись домой некоторые партизаны из наспех созданных отрядов, не имевших ни заранее созданных баз, ни оружия, ни продовольствия. Они тоже стали поступать на службу к Воскобойнику. Лица, пытавшиеся высказать сомнение в правильности курса локотского районного старосты и его единомышленников, подвергались репрессиям.

Последние месяцы 1941 г. на оккупированных территориях Орловской области прошли сравнительно спокойно, массового сопротивления партизан и местного населения пока организовать не удавалось. Жители занимали выжидательные позиции, приглядываясь к «новому порядку» и, сравнивая его со сталинским режимом, не торопились братья за оружие. Не спешили пополнить ряды партизан и лица, оказавшиеся в окружении и осевшие в окрестных деревнях и селах. Следует сказать, что осенью и зимой 1941 г. сопротивление оккупантам и их пособникам было незначительным. Изредка происходили лишь несерьезные стычки между партизанами и отрядами самообороны.

Большое внимание в Локотском округе уделялось Еврейскому вопросу. Едва ли не в каждом номере газеты «Голос народа» встречались словосочетания «жидо-большевики», «иудо-большевизм», «жидо-комиссары» и т. п. В статье, посвященной 44-летию Каминского, в числе основных добродетелей обер-бургомистра был назван его антисемитизм³¹.

Все евреи, проживавшие в г. Дмитриеве Курской области, были согнаны на окраину и поселены в не-

скольких домах. По приказу руководства Локотского самоуправления их направляли на разминирование дорог и полей, при этом многие гибли. При отступлении отрядов Каминского из Дмитриева все уцелевшие евреи были расстреляны³².

Построение «Новой России» требовало идеологического обоснования, и поэтому в конце ноября 1941 г. Воскобойник обнародовал манифест Народной социалистической партии «Викинг», в котором предусматривалось уничтожение коммунистического и колхозного строя, наделение крестьян пахотной землей и приусадебными участками, развитие частной инициативы. Манифест партии «Викинг» предусматривал «беспощадное уничтожение всех евреев, бывших комиссаров»³³.

Воскобойник попытался распространить деятельность партии «Викинг» за пределы Орловской области. Ее эмиссары побывали в Курской, Сумской и Черниговской областях. Воскобойник надеялся на скорое приглашение в Берлин, он верил, что новой партией заинтересуется руководство рейха и лично Гитлер. В своих выступлениях Воскобойник настраивал население против советской власти, расхваливал «новый порядок»³⁴.

Он пытался заручиться поддержкой немецкого военного командования, чтобы распространить манифест своей партии в соседних областях и даже забросить за линию фронта в тыл Красной Армии. С этой целью осенью 1941 г. Воскобойник направил на переговоры с немецким командованием Каминского и Мосина. Однако они вернулись, не получив желаемой поддержки. Гитлер не намеревался создавать на оккупированных территориях какие-либо «русские партии». Немецкие войска стояли у стен Москвы, многим казалось, что война уже подходит к концу, и в покоренной России представлялось неуместным создавать национальные партии, пусть даже похожие на германскую национал-социалистическую.

Неудача по легализации партии «Викинг» не остановила Воскобойника, наоборот, она усилила его желание во что бы то ни стало организовать свою партию и доказать, что она необходима немцам. Воскобойник решил создать партию, минуя немецкие военные власти, и предложил Каминскому с Мосиным вступить в нее. Для этого было необходимо заполнить анкету, написать заявление и автобиографию (несколько позже автобиографию отменили). Рекомендаций и поручительств не требовалось. К началу 1942 г. партия насчитывала около 300 членов, в нее вступили все сотрудники самоуправления, волостных управ и полиции. В основном, это были лица, недовольные советской властью, репрессированные, раскулаченные и т. п.³⁵

В декабре 1941 г. началось советское контр наступление под Москвой, немецкому военному командованию, пожалуй, впервые пришлось организовывать отражение. Стало ясно, что план молниеносной войны и бесспорной победы Советского Союза

окончательно провалился. Красная Армия сумела отбросить немецкие части и соединения от столицы.

После провала операции по захвату Москвы, 25 декабря 1941 г., Гитлер снял с поста командующего 2-й танковой армии генерал-полковника Гудериана, и приказом верховного командования на эту должность был назначен Р. Шмидт³⁶.

В конце 1941 г. командование 2-й германской танковой армии разрешило Воскобойнику, кроме отрядов самообороны, создать вооруженные отряды для борьбы с партизанами и охраны коммуникаций, по которым шло снабжение группы армий «Центр». Серьезной угрозы для отлаженной германской военной машины эти импровизированные формирования в случае их неповиновения не представляли, зато немецких солдат можно было освободить для фронта, а не терять их в дремучих лесах и непроходимых болотах.

Организуя борьбу с партизанами и теми, кто их поддерживал, в конце декабря 1941 г. Воскобойник издал приказ: «Предлагаю всем партизанам, оперирующим в Брасовской районе и близлежащих окрестностях, а также всем лицам в недельный срок, то есть до 1 января 1942 года сдать старостам все имеющееся у них оружие, а самим явиться для регистрации к старосте в поселок Локоть. Являться небольшими группами в 2–3 человека. Все неявившиеся будут считаться врагами народа и беспощадно уничтожаться»³⁷.

Такая активность Воскобойника не могла остаться незамеченной. Орловский областной комитет ВКП(б) поставил перед управлением НКВД по Орловской области задачу ликвидировать предателя и не допустить укрепления профашистской партии. В ночь на 8 января 1942 г. партизаны на 120 санных упряжках ворвались в райцентр, окружили здание лесохимического техникума, а также Дом культуры, где находился бургомистр района. Бой шел до рассвета. Партизаны достигли своей главной цели: Воскобойник был убит. О том, как проходил партизанский налет, подробно описано в воспоминаниях³⁸ К. Ф. Фирсанова³⁹.

Еще одна версия партизанского налета и гибели Воскобойника приводится в статье А. Колокольцева «Константин Павлович Воскобойник», опубликованной в специальном выпуске газеты «Голос народа»: «Он умер в бою. 8 января 1942 года, в 6 часов утра, партизаны напали на Локоть. Он был дома, спал. При первом же выстреле КП⁴⁰ был на ногах, а через несколько минут с пулеметом в руках он вел наступление. Но это был конец, такой горький, такой тяжелый. Он был ранен в живот. Когда КП принесли в управление, он был в полном сознании, он считал, что рана не опасна, он был убежден, что будет жить, он так хотел жить, и он руководил боем до тех пор, пока партизаны не отступили. Он давал приказы, он посылал людей, он вселял уверенность в окружающих, и никто не думал, что смерть рядом. Управление окружено партизанами. Ему об этом доложили. Он

дал распоряжение: „Не сдавать здание, огонь, они отступят!“ <...> И они отступили. Но с их уходом ушла и его жизнь. В 9 часов утра Константина Павловича не стало»⁴¹.

Вместо убитого Воскобойника немцы назначили бургомистром Локотского особого района Каминского, который утвердил своим заместителем Мосина.

В ответ на партизанскую акцию и убийство Воскобойника Каминский и Мосин организовали расстрел 7 заложников, обвиненных в связях с партизанами. После этого в Локте по инициативе Каминского стали активнее создаваться отряды самообороны и специальные отряды для действий против партизан. В этих целях Каминский издал приказ о всеобщей мобилизации, в соответствии с которым призыву подлежало все мужское население Локотского особого района от 18 до 50 лет, способное носить оружие, в том числе бывшие военнопленные и окруженцы. За уклонение от приказа в условиях военного времени полагался расстрел. Призывникам надлежало прибыть в Локоть для регистрации и прохождения военно-врачебной комиссии. Мобилизация прошла организованно, быстро и успешно. На такое поведение мобилизованных повлияли и угроза расстрела, и боязнь последующих налетов партизан.

Каминский выступил с краткой речью перед собранными по мобилизации. Он подверг резкой критике коллективизацию и индустриализацию в СССР, тяжелую жизнь и нищенскую зарплату, жестокую репрессивную политику, созданную систему концлагерей и тюрем. Свою речь Каминский закончил призывом: «Если вы этого не хотите, то вы должны добровольно стать под ружье на службу мирного труда нашего народа»⁴².

После этого началась регистрация добровольцев. Лица пожилого возраста, семейные, единственные кормильцы в семье, а также слабые по состоянию здоровья зачислялись в отряды самообороны по месту жительства. Оружие для отрядов собирали по местам недавних боев.

Создаваемые отряды Каминский назвал бригадой милиции. Он считал, что слово «полиция» слишком «старорежимное». Себе Каминский присвоил звание комбрига и некоторое время подписывал документы: «комбриг милиции Каминский».

Вскоре антипартизанские отряды получили «боевое крещение». Они проводили «зачистки» населенных пунктов, выявляя партизан и тех, кто их поддерживал. Зимой 1942 г. по приказу Каминского в березовой аллее после пыток и побоев был публично повешен бывший милиционер Брасовского района. Весной того же года был схвачен и расстрелян председатель колхоза «Большевик». В марте за связь с партизанами расстрелян старшина Шаровской волости Комаричского района.

Подобные отряды самообороны начали формироваться и в соседних районах: Навлинском, Суземском и Камаричском. Командиры новых отрядов

стали приезжать в Локоть, чтобы получить необходимые разъяснения. Таким образом, перспектива объединения ряда районов в более крупную территориальную единицу стала более реальной.

Изначально создание национальных вооруженных сил в государствах, оккупированных Германией, не входило в дальновидные планы Гитлера. На совещании с руководителями фашистского рейха, проведенном 16 июля 1941 г., фюрер рассказал о целях в войне против Советского Союза. Он подчеркнул, что речь идет о занятии района, наведении в нем порядка и установлении безопасности. Для этого осуществляются и будут осуществляться все необходимые меры — расстрелы, выселения и т. п.: «Создание военной державы западнее Урала никогда не должно снова стать на повестку дня, хотя бы нам для этого пришлось воевать сто лет». Гитлер считал, что ни одно из поработанных нацистами славянских государств не должно возродиться, поскольку их население «принадлежит к низшей расе», а господствовать должны только немцы — «представители высшей»⁴³.

Первые неудачи вермахта на восточном фронте, провал операции «Тайфун» не повлияли на отношение Гитлера к вопросам создания нового русского государственного образования, даже в сравнительно небольших регионах, и тем более к формированию национальных вооруженных сил в «освобожденной от коммунистов России».

Гитлер отвергал предложения о формировании русской национальной армии и после сдачи в плен генерала А. А. Власова отказывался даже принять его. Первоначально серьезное внимание Власову весной 1943 г. уделил генеральный штаб сухопутной армии, который предложил сформировать и вооружить русские части под командованием бывшего советского генерала. Секретарь Имперской канцелярии министр Г. Г. Ламмерс в специальном письме обратил внимание фюрера на эту попытку. Гитлер, тем не менее, запретил все мероприятия по формированию русских частей и отдал приказание В. Кейтелю⁴⁴ проследить за выполнением его директивы.

Несмотря на такую принципиальную позицию Гитлера, некоторые немецкие генералы стали постепенно приходить к мысли, что формирование добровольческих частей и соединений из числа бывших советских военнопленных и лиц, добровольно перешедших на сторону Германии, позволяет получить не только моральные, но и материальные преимущества.

Вначале Гудериан, а затем сменивший его на посту командующего 2-й германской танковой армии Шмидт поняли выгоду формирования в тылу немецких частей и соединений антисоветских вооруженных подразделений, готовых бороться с партизанами, охранять тыловые районы и коммуникации. Это позволяло, во-первых, использовать весь личный состав германских вооруженных сил непосредственно для боевых действий, не отвлекая его на охрану коммуникаций и важных объектов, и тем самым увеличить состав

боевых подразделений. Во-вторых, руками коллаборационистов можно было собирать налоги и подати в пользу Германии. В-третьих, антисоветские формирования находились почти на полном самообеспечении, их не требовалось вооружать, кормить и одевать.

После нескольких удачных боевых операций против партизан, в марте 1942 г., Каминский был вызван в Орел к командующему 2-й танковой армией генерал-полковнику Шмидту. Поблагодарив за помощь, оказываемую немецким войскам, генерал ознакомил Каминского с приказом об образовании Локотского особого уезда, в состав которого вошли: Брасовский, Навлинский, Суземский, Комаричский и Севский районы Орловской области⁴⁵, а также Дмитриевск-Орловский район Курской области⁴⁶.

Каминский был назначен обер-бургомистром Локотского особого уезда и начальником вооруженных отрядов. Вернувшись, он рассказал своему заместителю Мосину, что генерал Шмидт вполне удовлетворен их действиями и помощью, оказываемой немецким властям в борьбе против партизан. Каминский назначил Мосина своим заместителем по гражданским делам и поручил ему организовать уездное самоуправление и органы власти в районах, волостях и селах. Сам Каминский сосредоточился на военных вопросах. Его заместителем по военным делам стал бывший командир Красной Армии Г. Н. Балашов, а после его смерти в январе 1943 г. — Г. Д. Белай, бывший политработник Красной Армии.

В середине июля 1942 г. на совещании в ставке Гитлера в Виннице, на котором присутствовали В. Кейтель, Г. Геринг, А. Йодль, М. Борман, Ф. Гальдер, Й. Дитрих и другие представители Верховного командования и национал-социалистической партии, а также командующие германскими армиями на советско-германском фронте, обсуждался план предстоящего наступления армейской группировки «Центр». После совещания Шмидт в присутствии М. Бормана, Г. Ютнера, Р. Шмундта и генерал-полковника Г. Рейнгарда беседовал с Гитлером о возможности создания органов русского самоуправления в некоторых районах Орловской области, оккупированных германскими войсками⁴⁷.

Именно после этого совещания произошло дальнейшее территориальное расширение и развитие Локотского уезда. Возвратившись из ставки Гитлера, 19 июля 1942 г., Шмидт издал приказ, в соответствии с которым Локотский уезд был преобразован в Локотский особый округ⁴⁸, в состав которого вошли восемь районов: Брасовский, Севский, Суземский, Навлинский, Комаричевский (Орловской области) и Дмитровск-Орловский, Дмитриев-Льговский и Михайловский (Курской области).

Административный аппарат

Для управления Локотским особым округом была создана система административных органов в районах, волостях и селах. Формирование административного

аппарата было поручено Мосину, который с энтузиазмом приступил к выполнению этого задания, и следует отметить, что с поставленной задачей он справился хорошо настолько, насколько позволяли условия военного времени и работы на оккупированной территории.

Мосин принял за основу советский принцип районирования, т.е. оставил границы административных районов по состоянию на 1929 г., когда была завершена административно-территориальная реформа. Для облегчения управления районы делились на волости примерно в тех границах, которые существовали до этой реформы. В каждом районе было по 5–6 волостей. Волости охватывали несколько сел и деревень с их земельными угодьями и насчитывали приблизительно по 10 тыс. человек. Во главе районов стояли бургомистры, в волостях — старшины. Всех этих лиц подбирал лично Мосин, и после утверждения Каминским они приступали к выполнению своих обязанностей. В селах и деревнях были сельские или деревенские старосты, избиравшиеся самим населением по рекомендации волостного старшины или из числа самовыдвиженцев. Это были действительно выборы, что давало возможность партизанам ставить на должности старост своих людей и помогать им расти по службе для проведения более эффективной разведывательной работы. Поэтому среди старост оказалось немало тех, кто был связан с партизанами или действовал по их прямым указаниям.

В окружном самоуправлении Мосин организовал отделы: административный (полиция), плановый, финансовый, земельный, заготовок и снабжения, лесного хозяйства, просвещения, ветеринарии, социального обеспечения, агитации и пропаганды, здравоохранения, промышленный, дорожный, связи, торговый, юстиции, контроля и труда (биржа труда). Начальников отделов подбирал Мосин, а утверждал Каминский. За образец была взята структура советских районных исполнительных комитетов, причем, некоторые начальники отделов заняли те же должности, на которых находились и при советской власти. К работе вернулась и часть сотрудников аппарата райисполкома.

Земельные наделы получили сотрудники окружной, районных и волостных администраций, бойцы вооруженных отрядов. Пахотная земля была поделена по едокам. Каминский сделал попытку вернуть ранее конфискованное недвижимое имущество его бывшим владельцам, в частности, мельницы. Против этого акта категорически возражал Мосин. Он обставил приказ Каминского такими дополнениями, что мельники сочли за благо отказаться от своих мельниц в пользу крестьянских обществ, чего, собственно, и добивался заместитель обер-бургомистра.

«В своей практической деятельности и политике в деревне я всегда держал курс на трудолюбивого мужичка, честного по отношению к государству, работающего в своем хозяйстве собственным трудом, любящего землю, на которой не покладая рук создает материальные блага для роста своего хозяйства и раз-

вития общества, — писал Мосин в собственноручных показаниях в апреле 1946 г. — Я любил таких мужичков, беседовал с ними»⁴⁹.

«Немецкие власти всячески поощряли проводимую нами работу в их пользу, — говорил он на следствии. — Нам это льстило, и мы стремились к еще большей активной борьбе против советского государства. Стремление к власти и желание выслужиться перед немцами толкало нас к различным изощренным методам и действиям, лишь бы это шло в угоду немцам. О доверительном отношении к нам со стороны немецких оккупационных властей может свидетельствовать факт преобразования в июле 1942 года Локотского уезда в самостоятельный административный округ в составе: Брасовского, Навлинского, Комаричского, Севского, Суземского, Михайловского, Дмитриевского и Дмитровского районов»⁵⁰. Последние три района по довоенному территориальному делению входили в состав Курской области. Несколько позже в состав Локотского округа вошел Михайловский район.

Результаты работы каждого отдела во многом зависели от руководства: одни начальники всерьез взялись за построение «Новой России», другие — не проявляли инициативы. Поэтому первые заслуживали поощрения, а вторые подвергались критике.

Высокую оценку получил плановый отдел Локотского самоуправления, который возглавил М. Г. Васюков⁵¹, бывший до войны начальником планово-экономического отдела Брасовского райисполкома. Оставленный как коммунист и ответственный работник для ведения партизанской войны в тылу врага, Васюков в силу ряда обстоятельств покинул партизанский отряд, вернулся в Локоть, был арестован полицией и в конечном счете, после недолгого разговора с Мосиным, поступил на службу новой власти. Он пользовался особым расположением Каминского. Такое отношение было обусловлено тем, что незадолго до войны комиссия райкома и райисполкома, проверив положение дел на Локотском спиртзаводе, выявила множество недостатков, за которые Каминскому, как главному инженеру, к тому же ранее репрессированному, грозили крупные неприятности. Васюков провел повторную проверку и вынес заключение в пользу Каминского.

В округе существовал отдел труда. Ввиду того, что промышленности в округе почти не было, а были лишь мастерские, отдел в целях экономии средств решили сократить, сохранив биржу труда, в аппарате которой ввели должность инспектора по труду. Начальником биржи труда был утвержден Г. Михеев, бывший военнопленный. Он разработал положения о труде, об охране труда и о системе его оплаты, об отдыхе рабочих и т.д. В его обязанности входили регистрация рабочей силы и ее предоставление по требованию окружного самоуправления, разрешение конфликтов между рабочими и администраторами, содействие повышению квалификации рабочих.

Учету на бирже труда подлежали все безработные граждане от 16 лет, не наделенные землей, без постоянной работы и не занимающиеся кустарным промыслом. От учета освобождались домохозяйки, женщины, имеющие детей дошкольного возраста, престарелые, явные инвалиды и полицейские. Всем лицам, обладавшим правом найма и увольнения, набор рабочей силы разрешался только по заявкам через биржу труда. Увольнение работника также должно было согласовываться с биржей. Уклонившийся от регистрации на бирже труда в первый раз наказывался штрафом в размере 300 рублей, а за вторичную неявку подвергался принудительным работам на срок до 6 месяцев.

На территории Локотского особого округа основным платежным средством был советский рубль. Купюрами с портретами Ленина, с изображениями «сталинских соколов», красноармейцев и шахтеров выдавались зарплата и премии, с их помощью осуществлялись товарно-денежные отношения и т. п. Денежными потоками распоряжался финансовый отдел округа. Финансовая система функционировала без перебоев, и недостатка в денежных знаках округ не испытывал.

Бюджет складывался из налогов на население округа. По свидетельству Васюкова, денежный налог брали с построек, по всем видам сельхозпродуктов, со скота, с птицы, с отхожего промысла. В среднем с каждого хозяйства брали около 600 рублей налогов в год, кроме того, брали страховку от пожара, но пого-рельцам деньги никогда не выдавали. Все эти средства оседали в банке и шли на нужды самоуправления, содержание полицейских отрядов по борьбе с партизанами: «Грабили население все, кто мог, начиная от рядового полицейского и кончая самим Каминским. За время существования бригады Каминского было истреблено только одного рогатого скота 5000 голов, не меньше, плюс к этому уведено в Германию около 4000 голов, не считая свиней, овец и птицы»⁵².

Скот и птицу главным образом отбирали у семей партизан и лиц, связанных с ними: «Обычно, когда становилось известно о том, что тот или иной житель деревни находится в партизанском отряде или помогает им, то его семья подвергалась ограблению, забирали все: скот, птицу, продукты и даже одежду. Все вещи, награбленные у населения, хранились в специальном складе у Каминского, который выдавал их своим приближенным»⁵³.

В отличие от других оккупированных территорий Советского Союза, из Локотского особого округа вплоть до эвакуации в сентябре 1943 г. не было принудительных угонов населения в Германию. Каминский был против этого, поскольку абсолютное большинство бригады РОНА состояло из жителей Локотского особого округа, и насильственный угон родственников бойцов из этого вооруженного подразделения повлиял бы на их моральное состояние. Немцы это понимали и приказов о принудительной

мобилизации населения на каторжные работы в Германию Локотскому особому округу не давали⁵⁴.

В то же время в окружной газете «Голос народа» изредка появлялись объявления о вербовке рабочей силы в Германию для строительных, сельскохозяйственных, горных, железнодорожных и других работ. Чтобы добровольцев было больше, в той же газете публиковались открытые письма о райской жизни в третьем рейхе.

Каминский надеялся, что после победы Германии в войне в России будет создано русское национальное правительство, в котором немцы предоставят руководителям Локотского округа министерские посты⁵⁵.

Руководители отделов Локотского окружного самоуправления в разговорах между собой и Каминский в официальных выступлениях, опубликованных в газете «Голос народа», называли Локотский особый округ «государством». Они представляли себя государственными деятелями будущей «Новой России», в которой будут установлены фашистские порядки и законы гитлеровской Германии⁵⁶.

Административный отдел Локотского особого округа, координировавший деятельность полицейских подразделений, возглавлял местный житель Р. Т. Иванин. По определению Мосина, это был человек бездарный и плохо разбирающийся в политике и обстановке⁵⁷. Тем не менее, Иванин организовал сбор оружия, оставленного Красной Армией, создал заставы, которые состояли из небольших групп полицейских, во всех селах в лесной местности. При появлении в этих деревнях партизан их арестовывали или расстреливали⁵⁸.

Чтобы отличаться от партизан, полицейские носили повязки, похожие на эсэсовские: красные с белым кругом, в центре которого находился черный крест с расширяющимися концами. За это они получили название «чернокрестники».

Кроме того, Иванин через начальника лесного отдела самоуправления А. И. Михеева⁵⁹ обязал лесничих, объездчиков и лесников информировать его о замеченных в лесу партизанах. Некоторые подчиненные Михеева добросовестно сообщали ему о том, что видели партизан, от других за все время существования Локотского особого округа никакой информации не поступило. Михеев передавал сообщение Иванину, тот высылал в указанное место полицейский отряд, но партизаны часто успевали скрыться. Бывали случаи, когда работники лесхоза, встретив партизан, информировали их об обстановке в Локотском округе.

Поселки Локотского особого округа были сравнительно небольшими по численности населения, здесь люди хорошо знали друг друга, советских активистов и фашистских пособников, кто из какой семьи ушел в Красную Армию, в партизаны, в бригаду РОНА, в полицию. Кроме того, была проведена регистрация и паспортизация населения. В таких условиях партизанская разведка была крайне затруднена.

Террор в отношении партийно-советского актива, работников НКВД, милиции, лиц, сочувствующих партизанам, не говоря уже о них самих, начался в первые же дни пребывания Воскобойника у власти.

Полицейские и партизаны внешне ничем друг от друга не отличались, если не считать красно-бело-черных повязок на рукавах у первых и звездочек и красных полосок на головных уборах у вторых. Полицейские под видом партизан приходили в другую деревню и просили заподозренного в связях с партизанами составить список немецких пособников. Тот составлял, после чего полицейские его расстреливали.

Отдел юстиции был создан для придания законности деятельности администрации Локотского окружного самоуправления. Начальником отдела был назначен В. Тиминский — бывший студент-юрист, который разработал специальный «Кодекс», или, как его все называли, «Перечень преступлений», состоявший из 45 статей. Впоследствии он был расширен и стал насчитывать 150 статей. «Перечнем» руководствовались при разборе гражданских дел, уголовных и политических преступлений. Статья 45 предусматривала высшую меру наказания и применялась к партизанам и лицам, связанным с ними. В отдельных случаях по статье 45 карались мародерство и грабежи⁶⁰. Максимальный срок наказания составлял 10 лет.

Через некоторое время было установлено, что Тиминский по национальности еврей, и вскоре он пропал. Вероятно, его постигла участь большинства еврейского населения⁶¹.

Отделом юстиции были организованы волостные суды, которые руководствовались отдельным положением и рассматривали дела гражданского характера, а также районные суды, рассматривавшие уголовные преступления легкой и средней тяжести. Окружной суд занимался всеми гражданскими делами.

Отдел юстиции проводил расследования по всем видам преступлений от гражданских до политических. В его ведении находились все арестованные, содержащиеся в Локотской тюрьме.

С образованием военно-следственного отдела бригады РОНА в его ведение перешли функции отдела юстиции по расследованию террористической и диверсионной деятельности со стороны партизан. В ведение окружного суда, который подчинялся непосредственно обер-бургомистру, было передано расследование гражданских дел.

Периодически назначались военно-полевые суды (трибуналы), занимавшиеся в основном разбором дел партизан, подпольщиков и лиц, связанных с ними. Военно-полевые суды обычно работали в период проведения операций бригады РОНА против партизан. О наиболее громких процессах извещал «Голос народа». Приговоры утверждались обер-бургомистром, и, зная мнение Каминского, суды обычно подгоняли деяние под ту или иную статью «Перечня преступлений».

Председателем заседания военно-полевого суда обычно назначали Мосина. Летом 1942 г. военно-полевой суд под его председательством рассмотрел дела 10 пленных партизан. Четверо из них были партизанами Курской области и были захвачены, когда направлялись для установления связи с партизанами брянских лесов. При задержании у них были изъяты пистолеты и гранаты. Трое задержанных, среди которых была женщина, обвинялись в том, что, находясь в тылу бригады РОНА, передавали партизанам сведения о дислокации подразделений РОНА, о системе обороны и видах вооружения. Трое задержанных лиц обвинялись в том, что были подрывниками-минерами. Все они были приговорены к смертной казни через повешение.

Если эти партизаны были осуждены с соблюдением видимых уголовно-процессуальных норм, то бессудные расстрелы и повешения, не говоря уже о пытках и избиениях арестованных и подследственных, в населенных пунктах Локотского округа совершались бесчисленно. Широко практиковались расстрелы заложников после покушений на лидеров Локотского самоуправления. В январе 1942 г., после убийства Воскобойника, и в марте и августе, после покушения на Мосина и Каминского, были расстреляны до 100 человек⁶².

Начальник полиции Иванин, по определению Мосина, злой и мстительный человек, избивая очередную жертву, обычно приговаривал: «А помнишь?». Полицейские избивали задержанных шомполами, палками, резиновыми дубинками, зажимали пальцы дверью. Иногда допрашиваемому давали 200–250 г водки, и если он после этого не начинал говорить, его жестоко избивали. Женщин насиловали.

Мосин, возмущавшийся действиями Иванина, считал, что начальник полиции и его подручные только дискредитируют «новый порядок» и способствуют росту партизанского движения в Локотском округе. В конечном счете он поставил перед Каминским вопрос ребром: «Я или Иванин». В июле 1943 г., перед самой эвакуацией в Лепель (районный центр Витебской обл.), обер-бургомистр заменил Иванина Ю. Воскобойником — младшим братом основателя Локотского самоуправления.

Еще более злойшей фигурой был начальник военно-следственного отдела бригады РОНА Г. С. Процюк, бывший заключенный, появившийся в Брасовском районе незадолго до войны. По свидетельству Васюкова, только при упоминании фамилии Порцюка людей бросало в дрожь. Под стать ему был и его адъютант — А. Шавыкин, сын начальника штаба бригады РОНА. Мосин настоятельно рекомендовал отцу Шавыкина убрать его от Процюка, чтобы спасти от окончательного разложения. Шавыкин-старший в ответ заявил, что и сам не знает, что делать с сыном⁶³.

Окружная тюрьма в Локте была создана в первые недели оккупации и сначала располагалась в общестроении лесохимического техникума, затем, с августа

1942 г. — в конюшне конезавода № 17. Она имела 9 камер, в том числе одну одиночную. В 8-й камере содержались солдаты бригады РОНА, арестованные за различные проступки. Камеры были рассчитаны на 8–20 человек, на самом же деле в них было гораздо больше задержанных. Опрошенный в качестве свидетеля И. К. Бородин, содержавшийся в Локотской тюрьме с октября 1942 г. по август 1943 г. по подозрению в связях с партизанами, рассказал: «В тюрьме была большая скученность и теснота. В камерах можно было только сидеть или стоять. Были случаи заболеваний сыпным и брюшным тифом. Завшивленность повальная. Питание плохое. Выдавали 400 грамм хлеба и один раз в сутки несоленой баланды. В партизанских камерах выдавали по 200 грамм хлеба. Администрация и охрана тюрьмы с советскими гражданами, содержащимися в тюрьме, обращались грубо»⁶⁴.

Локотской тюрьмой с августа 1942 по март 1943 гг. руководил, пока не был снят за систематическое пьянство, Г. М. Иванин — родственник начальника полиции, назначенный на должность по его протекции. Любимым выражением Иванина было: «Я всех этих мерзавцев-партизан перестреляю»⁶⁵. И слова не расходились с делом: после каждого расстрела он подавал Каминскому рапорт, который начинал словами: «Сегодня лично мною расстреляны...», и дальше перечислял фамилии⁶⁶.

Расстрелами и повешениями занимались и другие сотрудники тюрьмы. Туда часто наведывался и сам обер-бургомистр, особенно в те дни, когда приводили пленных партизан. Он лично принимал участие в допросах с применением пыток. С той же целью тюрьму посещали и сотрудники гестапо.

Расстрелы производились вблизи Локотского кладбища, в 300–400 м от тюрьмы, в котловане, где при каждом случае расстрела вырывались отдельные ямы, в которых закапывались казненные. Кроме того, практиковалась передача пленных партизан и подпольщиков (по 1–3 человека) из тюрьмы в полки бригады РОНА, где их расстреливали — так Каминский «связывал кровью» вновь зачисленных бойцов.

Наиболее массовые казни были проведены в марте, при подходе Красной армии к Севску (районному центру Брянской обл.), и августе 1943 г. (перед эвакуацией в Лепель).

Повешения производились на виселице, стоявшей возле тюрьмы. Впрочем, вешали не только на этой стационарной виселице, но и на деревьях. Свои виселицы, установленные на базарных площадях и центральных улицах, имелись и в райцентрах Локотского округа.

Образование, пропаганда и культурно-просветительная работа

Гражданский коллаборационизм проявлялся в Локотском округе и в системе просвещения. Каминский понимал, что война Германии и ее союзников

против Советского Союза — это не только противостояние двух армий, но битва идеологий. Поэтому он придавал большое значение идеологической работе среди населения, а также восстановлению школьного образования. В окружной администрации были созданы отделы просвещения и пропаганды, налажен выход в свет некоторых периодических изданий.

Руководители Локотского особого округа считали, что воспитание граждан «Новой России» надо начинать со школьной скамьи. Мосин, выступая на совещании старшин и старост в августе 1942 г., говорил: «Кто скажет, что школа не нужна в данный период, тот идиот»⁶⁷. Заместитель обер-бургомистра, бывший учитель, он прекрасно понимал значение воспитания подрастающего поколения. Для организации процесса обучения и контроля за его ходом был образован отдел народного просвещения, который возглавил Д. Н. Смирнов.

В условиях военного времени школы испытывали недостаток в учебниках, инвентаре и учительских кадрах. Многие школьные здания были разрушены, часть из них использовалась не по назначению. Несмотря на это, стараниями Мосина и Смирнова в Локотском особом округе было открыто более 300 школ различных уровней, в Севске организованы спецгимназия и ремесленное училище с общим числом учащихся 25 тыс. человек⁶⁸, принимались меры по ликвидации детской беспризорности.

Одной из мер, принятых Мосиным для «правильного» обучения в школах Локотского особого округа, стало исключение из школьных программ курса «История». Предмет «География» свелся к изучению лишь природно-климатических условий стран и континентов. Из школьных библиотек были изъяты все общественно-политические издания, не разрешалось использовать советскую литературу.

Для организации агитации и ведения пропаганды в Локотском окружном самоуправлении существовал специальный отдел, сотрудники которого успешно использовали как методы советских идеологических работников, так и последние достижения ведомства Й. Геббельса.

Руководство Локотского особого округа уделяло большое внимание печатным средствам массовой информации. С конца марта 1942 г. в Локте на базе типографии довоенной газеты «Брасовский коммунар» стала издаваться газета «Голос народа». Идея ее создания принадлежала Воскобойнику, название предложил Мосин, он же стал ответственным редактором (в августе 1942 г. его сменил Н. Ф. Воцило). Типография испытывала затруднения с расходными материалами. Некоторые номера газет были отпечатаны на оберточной бумаге. Бумагу администрация Локотского окружного самоуправления получала от немцев бесплатно. Содержание сотрудников типографии осуществлялось за счет средств, вырученных от продажи газет, брошюр, плакатов и из бюджета самоуправления⁶⁹.

В газете обнародовались приказы Каминского и Мосина, печатались сводки о положении на фронтах, повседневной жизни Локотского особого округа, его политических деятелях, борьбе с партизанами (существовала отдельная рубрика «Борьба с партизанщиной»), публиковались приговоры суда, открытые письма к партизанам с призывом переходить на сторону бригады РОНА, сообщалось о служебных перемещениях и награждениях. Печатались статьи о состоянии дел в системе народного образования и здравоохранения, о культурных событиях, о выдающихся деятелях русской литературы и искусства (Г. Р. Державине, А. Н. Островском, М. Горьком; в одном из номеров был помещен некролог по случаю смерти В. И. Немировича-Данченко). Кроме того, публиковались фельетоны и карикатуры антисоветского и антисемитского содержания. Вначале газета выходила под лозунгом «Трудолюбивому крестьянину — своя земля!», затем — «Все — для народа, все — через народ!».

Размещение материалов в газете делало «Голос народа» похожим на советские «Известия» или «Правду»: передовая статья, сводки с театров военных действий, внутри- и внешнеполитические события, официальная хроника, юмор и «разное» на последней странице. Названия некоторых передовиц напоминали довоенные советские публикации: «Новый урожай», «О финплатежах и натуралогах», «Хозяйственный план», «Борец за счастье родины и народа» (имелся в виду Каминский), «Приближается горячая пора», «Воспитание новых кадров» и т. п.

«Голос народа» был достаточно информативным, особенно для тех, кто умел читать между строк. Это имело большое значение в том информационном вакууме, в котором отводилось место лишь пропаганде Геббельса и его русских последователей. В газете творчески применялась тактика подачи правдивой, полуправдивой информации и откровенных «уток». Фрагмент из обзора военных действий на германо-советском фронте с 25 по 31 марта 1943 г. выглядел таким образом: «На Кавказском побережье германские воздушные силы атаковали порт Геленджик, железнодорожные объекты в большевистском тылу и промышленные объекты в Ленинграде»⁷⁰. Автор сводки, рассказав в одном предложении о воздушных налетах на Геленджик и Ленинград, а также на малоизвестные железнодорожные объекты в советском тылу, невольно давал понять читателям, что немцы до сих пор не оккупировали упомянутые города.

Еще более показателен экземпляр газеты за 30 июля 1943 г. На одной и той же странице были опубликованы приказ о подготовке к эвакуации и сводка о боевых действиях на Курской дуге, в которой сообщалось о советских потерях за период с 10 по 20 июля 1943 г.: 350 тыс. убитых, 50 тыс. пленных, 6 тыс. танков. О раненых не сообщалось. Если верить «Голосу народа», их число должно было приближаться к миллиону. Умевший читать между строк

читатель, если и верил в эти фантастические цифры, убеждался в неисчислимости советской силы, поскольку Красная Армия, даже при таких чудовищных потерях, могла наступать и вынуждала руководство округа принимать решение об эвакуации.

В «Бюллетене Локотского окружного самоуправления», издававшемся дважды в месяц, публиковались приказы, указания, директивы и инструкции обер-бургомистра.

Благодаря партизанской разведке, «Голос народа» и «Бюллетень Локотского окружного самоуправления» регулярно поступали в партизанские отряды и Управление НКВД по Орловской области, передислоцированное в Елец на период оккупации областного центра. Эти издания доставлялись и в НКВД СССР. Аналитики из НКВД внимательно изучали публикации, что позволяло взять на учет руководителей Локотского окружного самоуправления, командный состав бригады РОНА, бургомистров районов, лиц, награжденных за успехи в борьбе с партизанами, и авторов статей. Отдельные экземпляры газет стали вещественными доказательствами при проведении следствия над лидерами Локотского окружного самоуправления. «Откровенно говоря, я не рассчитывал, что следственные органы располагают такими документами и будут ими меня изобличать»⁷¹, — признавался Мосин на следствии и поэтому несколько позже на очной ставке посоветовал другому обвиняемому, Васюкову, «не записываться».

Одним из примеров пропагандистской работы стала поездка в сентябре 1942 г. группы функционеров Локотского окружного самоуправления в Германию. Они побывали в Берлине, Штутгарте, Нюрнберге, Лейпциге, Мюнхене, Вене, на заводах, в деревнях, встретились с представителями «Трудфронта», посетили театры. По возвращении из Германии функционеры выступили с докладами в Локте и других районных центрах, восторженно поделившись с местными жителями своими положительными впечатлениями о поездке.

На сотрудничество с оккупантами шла часть художественной интеллигенции. В период оккупации в Локте работал драматический театр.

12 августа 1942 г. Каминский издал приказ о преобразовании бывшего клуба конезавода в Городской художественно-драматический театр имени К. П. Воскобойника. Через несколько дней приказ обер-бургомистра был опубликован в «Голосе народа». Газета сообщала о возросших национально-русских культурных требованиях, потребности граждан окружного центра Локоть и жителей окружающих населенных пунктов в развлечениях в свободное от работы время, необходимости их приобщения к западноевропейской культуре.

Спустя три месяца, после проведения мероприятий по преобразованию, театр был открыт. На его сцене ставились русская и зарубежная классика, пьесы, написанные современными авторами, давались

эстрадные концерты, проходили торжественные собрания и награждения немецкими орденами и медалями, выпущенными для восточных народов.

15 июля 1943 г. «Голос народа» сообщил о сотовой постановке: шла пьеса Н. Куличенко «Сады цветут»; зал, рассчитанный на 400 мест, был полон. В статье подчеркивалось, что поначалу в труппе театра было всего 7 актеров, а теперь стало 108. Наряду с драматической труппой появилась балетная, а также ансамбль, оркестр и акробаты.

Для более широкого распространения гражданского коллаборационизма на захваченных территориях немецкие оккупационные власти использовали в своих целях религиозную тематику и гонения на церковь в Советском Союзе. Оккупационные власти увидели в церкви активного помощника в установлении «нового порядка». Населению стали передаваться церковные здания, начали открываться ранее закрытые большевиками храмы, проводилось их восстановление и реставрация. Тема религии была представлена на страницах коллаборационистских газет. Главной мыслью этих публикаций стало выражение благодарности германской армии за освобождение населения от власти большевиков-безбожников.

Каминский вел усиленную работу по увековечиванию памяти основателя Локотского округа Воскобойника. Его имя уже было присвоено городскому театру. А специальным приказом по окружному самоуправлению от 21 ноября 1942 г. заместитель обербургомистра Мосин распорядился объявить день гибели Воскобойника — 8 января — нерабочим днем, днем памяти погибших и запретить увеселительные мероприятия (концерты, спектакли и вечера художественной самодеятельности) во всех театрах и клубах. В населенных пунктах, в клубах и театрах, в школах и на предприятиях 7 и 8 января до наступления темноты требовалось провести траурные заседания, беседы и доклады на тему: «Год упорной работы без Константина Павловича» (окружному отделу агитации и пропаганды надлежало обеспечить докладчиков необходимым материалом). 8 января следовало организовать в Локте траурную процессию на могилу Воскобойника, разрешив участвовать в процессии учащимся местной школы, если погода не будет слишком морозной. Был объявлен конкурс на сочинение национального гимна, для чего окружному финансовому отделу было предложено выделить 11 премий за лучшие произведения, размер которых варьировался от 1 до 10 тыс. рублей. Художникам и живописцам рекомендовалось с разрешения окружного административного отдела к 1 января 1943 г. изготовить портреты Воскобойника любого размера.

Еще один приказ состоялся после траурного собрания, посвященного памяти Воскобойника. В соответствии с решением собрания Каминский приказал воздвигнуть на могиле Воскобойника памятник «Битва народов» по образцу монумента в Лейпциге. Локотская окружная больница стала носить имя

«Павших героев 8 января 1942 года». Поселок городского типа Локоть был переименован в город Воскобойник. Однако новое название не прижилось. Город по-прежнему назывался Локтем.

Впрочем, одним Воскобойником дело не ограничилось. В ознаменовании памяти бойцов бригады РОНА, погибших в партизанской засаде, Каминский приказал переименовать деревню Тарасовку в Паново, поселок Пьявичи — в Беляково, деревню Осотское — в Молочниково⁷². Такие инициативы не приветствовались немецким командованием, которое в середине 1943 г. запретило официальное переименование городов и населенных пунктов.

Бригада РОНА

Полицейские батальоны и группы самообороны не могли решать поставленные задачи по борьбе с партизанами, и летом 1942 г. Каминскому удалось переформировать их в 15 батальонов. Кроме того, были сформированы зенитный и бронетанковый дивизионы, а также кавалерийский эскадрон. В январе 1943 г. эти подразделения были сведены в 5 полков, составивших основу бригады РОНА⁷³.

Структура бригады была построена по войсковому принципу: отделение–взвод–рота–батальон–полк. В составе батальона было три стрелковые роты, каждая из которых состояла из трех стрелковых взводов. Офицерские звания остались как в Красной Армии, например, старший лейтенант, а не поручик, как у Власова, и не обер-лейтенант, как в вермахте. Правда, младшие командиры носили воинские звания унтер-офицеров и фельдфебелей, как в старой русской армии или в германских вооруженных силах. Существовал и институт политработников: в бригаде РОНА они назывались шефами (пропагандистами или агитаторами), в обязанности которых входило ведение воспитательной и пропагандистской работы с личным составом. Пропагандисты снабжались для этого соответствующей литературой. Со временем в бригаде РОНА появилась своя войсковая газета — «Боевой путь», столь же тенденциозная, как и «Голос народа». Имелся и своеобразный гимн — «Походная песня», слова которой практически без каких-либо изменений или изъятий вполне подошли бы и для красноармейского строя. Кроме того, сын капельмейстера духового оркестра написал марш «Комбриг Каминский»⁷⁴.

Численность бригады в разное время была различной, одни исследователи называют цифру 6–8 тыс., другие — около 12 тыс., а третьи, с учетом полицейских и вспомогательных формирований, насчитывали в бригаде РОНА до 15–20 тыс. человек⁷⁵.

Комплектование вооруженных отрядов Локотского округа осуществлялось как за счет добровольцев, так и путем мобилизации местного населения. Добровольцы писали заявления с просьбой принять их на работу или на службу. Анализ документов (заявления, рапорта, автобиографии), которые

хранятся в трофейном деле Дмитровского караульного батальона, свидетельствуют, что лица, их писавшие, обладали низким уровнем образования. В документах содержится большое количество грамматических ошибок даже у тех кандидатов, которые претендовали на офицерские должности⁷⁶.

Бойцам вооруженных подразделений выдавались удостоверения, в которых указывалось право на ношение огнестрельного оружия. Бланки удостоверений печатались в типографии либо полностью на русском языке, либо на русском языке с одной стороны и немецком — с другой. Удостоверения заполнялись в местной немецкой комендатуре и заверялись печатью, на которой неизменно красовался орел, державший в своих когтях свастику⁷⁷.

Мужчины 1905–1922 гг. рождения, не желавшие добровольно идти на службу в батальоны полиции или в бригаду Каминского, подлежали мобилизации. Как свидетельствуют трофейные документы Дмитровского караульного батальона Локотского округа, лица, подлежащие мобилизации, скрывались или сбегали уже после их вызова на пункты сбора либо во время следования в составе маршевых колонн к местам службы⁷⁸.

Для того, чтобы избежать призыва в полицейские батальоны и бригаду Каминского, местные жители предоставляли справки с просьбой освободить их от воинской службы в связи с занятостью на предприятиях, работавших в интересах германской армии, по состоянию здоровья или семейным обстоятельствам⁷⁹.

За период с 13 февраля по 13 ноября 1942 г. в Дмитровском районе были мобилизованы 2 тыс. 184 человека. Из этого числа 821 человек был признан годным для службы в Дмитровском батальоне, 251 — направлен в Локоть, 380 — предоставили отсрочки, 90 — убыли по вербовке в Германию, 104 — дезертировали, 16 — погибли в боях с партизанами, 519 — были признаны негодными к службе⁸⁰.

Лица, призванные на службу по мобилизации, давали обязательства «перед лицом Германского командования добросовестно выполнять все возложенные обязанности, беспрекословно выполнять приказы командиров, беречь оружие и казенное имущество и до последней капли крови бороться с партизанами и всякими врагами обновленной Родины и германского командования»⁸¹.

Согласно приказу районного управления № 13 от 5 февраля 1942 г. на каждого призывника для несения службы в Дмитровском караульном батальоне заполнялась анкета (фамилия, имя, отчество, год рождения, национальность, социальное положение, партийность, подвергался ли репрессиям, гражданская служба при советской власти, семейное положение и состав семьи, местожительство)⁸².

Некоторые лица после поступления на службу в полицию добровольно подавали заявления для выезда на работу в Германию и после оформления документов покидали Локотский округ⁸³.

Штаб и политуправление находились в Локте, полки и батальоны дислоцировались в местах их формирования с таким расчетом, чтобы при нападении партизан как можно быстрее собраться в главных силах и отразить удар. 1-й полк дислоцировался в хуторе Холмецком, 2-й — в райцентре Комаричи, 3-й — в райцентре Навля, 4-й — в Севске, 5-й — в селах Тарасовка и Хомечи.

Связь между немецким командованием и бригадой РОНА была налажена через специально созданный штаб, находившийся непосредственно при бригаде, который контролировал и направлял ее боевые операции в нужных для немцев направлениях. На местах связь с немцами поддерживалась командирами полков. Кроме того, при каждом штабе полка находился связной фельдфебель, который осуществлял связь между командирами полков и немецким связным штабом, находившимся в поселке Локоть при штабе бригады.

Основу бригады РОНА на первых порах составляли бывшие военнослужащие Красной Армии, оказавшиеся в окружении и плену и прошедшие идеологическую обработку. Бригада имела политуправление, в частях и подразделениях, вплоть до роты, были штатные пропагандисты (шефы). Помимо наглядной агитации и распространения среди личного состава бригады антисоветских газет, всевозможных брошюр и листовок, велась устная пропаганда. Бойцам внушалось, что они в союзе с немцами воюют за «Новую Россию», за «новую жизнь», что выполнение приказов командования вермахта в борьбе с партизанами и Красной Армией и получение за это от немцев боевых наград — не измена и не предательство.

Важную роль в повышении уровня организованности сыграл Дисциплинарный устав, который разработал помощник начальника штаба бригады И. Д. Фролов⁸⁴, а также введение воинских званий и обеспечение бойцов немецким или чешским трофейным обмундированием. Сам Каминский в основном носил немецкую эсэсовскую форму, на которой были прикреплены германские награды.

На вооружении полиции были винтовки, пистолеты, станковые и ручные пулеметы, орудия и минометы, а также техника: несколько танков (КВ, Т-34 и устаревшие БТ разных модификаций), броневики и автомашины.

Поначалу в бригаде сложились панибратские отношения между бойцами и командирами, была слабая дисциплина. Это объяснялось недостатком кадровых офицеров и отсутствием дисциплинарного устава. Несмотря на многочисленные попытки германского командования подобрать в бригаду РОНА офицеров из числа бывших советских военнопленных, им удалось направить в распоряжение Каминского только 30 человек.

Бригада РОНА весь период своего существования испытывала острый недостаток в командных кадрах. Каминский неоднократно просил немецкое

командование прислать ему офицеров из числа военнопленных. Немцы их присылали, но также в очень незначительном количестве. На командные должности в бригаде приходилось ставить старшин, сержантов и даже рядовых красноармейцев. В бригаду поступало вооружение и обмундирование, бывшее в употреблении. Боец бригады РОНА получал дежное содержание в несколько раз меньшее, чем немецкий военный служащий.

Недостаток питания и обмундирования бригада РОНА компенсировала за счет местных жителей. Об этом рассказали на следствии бывшие функционеры Локотского окружного самоуправления. Например, во время допроса 20 июня 1946 г. Васюков показал: «Продовольствием „РОНА“ обеспечивалась за счет местных ресурсов. С разрешения немецких властей Локотское самоуправление проводило заготовки всех видов сельхозпродуктов, жиров и мяса в семи районах, входивших в округ. Все это продовольствие и в довольно большом количестве оставалось в распоряжении бригады, кроме того, в больших количествах изымались продукты и скот у населения партизанских зон, когда бригада проводила в этих районах операции. Остальными видами довольствия и вооружением бригада обеспечивалась немцами. <...> Непосредственно от немцев „РОНА“ получала винтовки, автоматы, пулеметы, боеприпасы и горючее, но в каком количестве, мне неизвестно, кроме того, весь личный состав „РОНА“ был обмундирован в немецкую военную форму»⁸⁵.

В целях скорейшей помощи населению в случае партизанских налетов приказом по Локотскому окружному самоуправлению от 31 октября 1942 г. «О борьбе с бандитизмом» предписывалось образовать при штабе бригады механизированную роту в 150 человек, передать ей 5 автомашин, 2 танка БТ-7 и одно 76-мм орудие. Кроме того, всем старостам, волостным старшинам и районным бургомистрам Каминский приказывал при приближении партизан «немедленно сообщать об этом в ближайший телефонный пункт, для чего в каждом селе следовало иметь дежурную лошадь со всадником»⁸⁶.

Между тем, советское контрнаступление, начатое 19 ноября 1942 г. под Сталинградом, в конце зимы 1943 г. дошло до пределов Локотского округа.

2 марта 1943 г., после упорных боев, части 2-го гвардейского кавалерийского корпуса освободили Севск. 4-й полк бригады РОНА понес большие потери.

5-й полк бригады РОНА, воевавший в районах Курской области, присоединенных к Локотскому округу, также понес большие потери — до 70 % личного состава⁸⁷. В дальнейшем он был пополнен и восстановлен как структурная единица бригады.

В этих условиях руководство округа начало готовиться к эвакуации, некоторые жители, в том числе сотрудники аппаратов районных управлений, стали эвакуироваться самовольно. Чтобы пресечь начинавшуюся панику, 9 марта 1943 г. Мосин издал

приказ по округу, в котором все рабочие и служащие, самовольно оставившие работу по личным мотивам, объявлялись трусами, паникерами и дезертирами трудового фронта и считались уволенными со дня самовольного оставления ими работы. Полученный авансом хлебный паек за март, апрель и май требовалось немедленно конфисковать, кроме того, их семьи выселялись из занимаемых квартир. Рабочих и служащих, дезертировавших с трудового фронта в условиях напряженной военной обстановки, предписывалось привлечь к судебной ответственности по законам военного времени. Предпринятые меры позволили предотвратить стихийное бегство.

Командование вермахта сумело выправить положение, бросив к месту прорыва немецкие и венгерские части. 27 марта советские войска вновь оставили Севск⁸⁸.

Близость фронта, действия партизан в населенных пунктах, прилегающих к лесному массиву, их диверсии на железнодорожных путях и грунтовых дорогах заставляли обер-бургомистра Каминского уделять большое внимание укреплению своих вооруженных формирований.

Пропагандисты полков, батальонов и рот под руководством начальника политуправления бригады Бакшанского агитировали личный состав на беспощадную борьбу с советской властью, воспитывали его в духе преданности немецким оккупационным властям. Формы и методы агитационной работы оставались такими же, как в Красной Армии: коллективное чтение газет «Голос народа» и «Боевой путь», листовок и воззваний, использование наглядной агитации, индивидуальные и коллективные беседы. Проводились инструктивно-методические совещания политработников. В июне 1943 г. штаб бригады РОНА организовал недельные курсы шефов полков, батальонов и рот. На этих курсах читались лекции и доклады, в которых возводилась клевета на советскую власть и Конституцию СССР, восхвалялся фашистский строй. Кроме того, политработники обучались методам проведения агитационно-пропагандистской работы⁸⁹. Для поднятия боевого духа практиковались выезды в батальоны концертных бригад Локотского театра.

Для награждения бойцов бригады РОНА использовались германские награды — ордена для восточных народов с мечами («За боевые заслуги») и без мечей («За трудовое отличие»), знаки участников штурмовых пехотных и танковых атак. За особые успехи в борьбе с партизанами и Красной Армией германское командование вручало им Железные кресты. Награждения проводились германским руководством по представлению Каминского.

В июле 1943 г. в одно из подразделений 5-го полка приехали Мосин, Васюков, Бакшанский и пленный капитан Красной Армии в полной офицерской форме. Собрав всех бойцов, Бакшанский заявил, что этот капитан всего несколько дней тому назад с группой

красноармейцев добровольно перешел на сторону бригады РОНА и сейчас расскажет о положении на фронтах. В своем выступлении капитан говорил, что Красная Армия несет большие потери, что на фронтах только старики и дети, большое количество красноармейцев дезертировало. В тылу передовых частей стоят заградительные отряды автоматчиков, которые расстреливают всех уходящих в тыл. Кроме того, издан приказ вылавливать всех подозрительных лиц, намеревавшихся перейти на сторону врага или дезертировать. За поимку такого красноармейца выдавался орден. При занятии сел, где ранее дислоцировались подразделения бригады РОНА, красноармейцы истребляют всех членов семей лиц, находящихся на службе в бригаде, и полицейских, не говоря уже о самих бойцах и полицейских, которых красноармейцы немедленно расстреливают или вешают. Кроме того, капитан ознакомил бойцов с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. Это выступление произвело очень тяжелое впечатление на солдат. Один из них покончил жизнь самоубийством. Когда бойцы 5-го полка спросили капитана, в какой части он служил, тот не смог дать вразумительного ответа, что вызвало подозрения. Впоследствии стало известно, что выступающий был переодетым пропагандистом политуправления бригады РОНА⁹⁰.

Оперативно-разведывательный отдел штаба бригады использовал пропагандистов для выявления настроений бойцов и командиров, а также тех, кто намеревался перейти к партизанам.

Среди бойцов бригады РОНА постепенно стали появляться лица, осознавшие, что допустили ошибку, поступив на службу к оккупантам. Зимой 1942–1943 гг. на сторону партизан и Красной Армии перешли более тысячи человек из бригады Каминского. Часть из них предварительно уничтожила немецкие гарнизоны, склады с боеприпасами и вооружением.

В начале января 1943 г. в НКВД поступили агентурные данные о том, что в одном из батальонов Каминского в поселке Локоть среди солдат растет недовольство фашистскими порядками, и что 12 солдат во главе с командиром 4-й роты Н. И. Соловьевым намерены перейти на сторону партизан. В поселок Локоть был отправлен агент НКВД с письмом и указаниями на имя Соловьева об организации восстания к 18 января 1943 г. Соловьев и агенты НКВД подготовили и провели восстание. 200 человек восставших уничтожили командира и начальника штаба батальона, а затем перешли к партизанам⁹¹.

В конце января 1943 г. в адрес заместителя наркома внутренних дел В. С. Абакумова пришло сообщение от начальника 4 Управления НКВД СССР комиссара госбезопасности 3-го ранга П. А. Судоплатова о том, что 1-я и 2-я роты 4-го батальона бригады Каминского, общим количеством до 200 человек, восстали и, расстреляв командира и начальника штаба батальона, ушли к партизанам. По состоянию на 21 января 1943 г. руководители восстания — ко-

мандир 1-й роты и шеф батальона, оба в прошлом военнослужащие Красной Армии, с 36 бойцами, вооруженными винтовками и 4 пулеметами, пробившись к партизанам⁹².

«В одном из боев с партизанами был ранен и захвачен в плен командир взвода партизан Сидоренко, который, несмотря на то, что им было подписано антисоветское обращение к партизанам, после выздоровления, не пожелав оставаться в бригаде, ушел к партизанам. Сотрудник отдела продовольственного снабжения бригады Петров, не пожелавший служить в бригаде, ушел в партизаны и увел с собой группу бойцов, а через несколько дней вернулся и забрал семью и имущество. Водитель грузовой машины Шелков ушел в партизаны вместе с семьей и увел с собой машину. Таких случаев было много»⁹³.

Сторонники Каминского стали все чаще сомневаться в своем лидере и его действиях во время эвакуации бригады РОНА на запад, а также в период ее пребывания в Лепеле и Дятлове. Каминский жестоко расправлялся с инакомыслящими. Так, за попытку перейти к партизанам были казнены командир 2-го полка бригады и его помощник, расстреляны несколько солдат.

В результате агентурной работы только в июле–сентябре 1943 г. из бригады РОНА на сторону Красной армии перешли свыше 700 человек⁹⁴.

Уход из бригады РОНА колеблющихся и ненадежных бойцов, как это ни странно, укреплял ее моральный дух. Те, кто остался в бригаде РОНА, не имели ни моральных принципов, не чувства сострадания к мирному населению, они были готовы идти до конца.

Каминский ведет борьбы с партизанами

В 1942 г. Верховное командование германских вооруженных сил отдало приказ об обращении с партизанами, который был разослан ОКВ во все соединения германской армии вплоть до дивизии и командующего тылами. В этом приказе Гитлера говорилось, что партизаны находятся вне законов, что впредь их нужно называть «бандитами» и беспощадно уничтожать. Далее указывалось, что солдат, который считает, что житель в партизанской области подозрителен в каком-либо действии, направленном против него — солдата, должен принять все меры, вплоть до уничтожения этого жителя.

Активная деятельность партизанских отрядов под руководством Д. В. Емлютина⁹⁵ доставляла много хлопот германскому командованию и держала в постоянном напряжении Каминского, его вооруженные отряды и бригаду РОНА. Карательные акции против партизан проводились с применением авиации, бронетехники и тяжелой артиллерии. В этих операциях отряды Каминского выступали в качестве проводников и разведчиков, наводя карателей на партизанские лагеря и ушедших в лес мирных жителей, проводили окончательную зачистку местности.

Бригада Каминского, как и любое другое антисоветское формирование, действовавшее на временно оккупированной территории СССР, представляла собой для немецких спецслужб практически неиссякаемый источник для подбора и подготовки разведчиков, диверсантов, террористов с последующей их заброской в партизанские отряды или в тыл советских войск. Каминский и его вооруженные формирования были надежными союзниками Германии.

В период с января 1942 г. по март 1943 г. 2-я германская танковая армия вела позиционно оборонительные бои в районе Орла, Брянска, Курска, Волхова, Сухиничей, Ефремова, Димитровска и Новоархангельска. Одновременно шла борьба с партизанами. Карательными экспедициями против партизан в тылу 2-й танковой армии руководили подчиненный генералу Шмидту командующий тылом 2-й танковой армии генерал-лейтенант Агрикола (до апреля 1942 г.), а затем сменивший его генерал-лейтенант Бернгард.

Как впоследствии рассказывал генерал-полковник Шмидт, командующий тылом 2-й танковой армии генерал-лейтенант Бернгард отвечал за обеспечение снабжения и безопасности тыла 2-й танковой армии и имел в своем распоряжении несколько охранных батальонов, предназначенных для проведения карательных экспедиций против партизан и охраны железных дорог, разведывательный батальон и около двух особо укомплектованных рот из состава 47-го танкового корпуса с броневиками и легкими танками, а также особый административный аппарат и суд. В распоряжение Бернгарда иногда выделялись «восточные батальоны»⁹⁶, состоявшие из украинцев, армян, азербайджанцев и туркмен. Эти батальоны использовались, главным образом, для охраны дорог и оцепления тех или иных участков. В районе Брянска в распоряжении Бернгарда находилось 6 «восточных батальонов». Кроме того, ему подчинялись местные коменданты городов и населенных пунктов в тыловой области армии, а также Локотская районная администрация, которой руководил Каминский⁹⁷.

В феврале 1942 г. в г. Дмитровске Курской области был сформирован караульный батальон в количестве 120 человек. Он находился в оперативном подчинении начальника полиции, а в административном — районного старосты⁹⁸.

Батальон организовывал заставы вокруг Дмитровска и по селам, приближенным к лесам, где находились партизаны. Эти заставы не пропускали партизан к населенным пунктам и районному центру. Батальон нес службу в Дмитровске, охраняя районное управление, квартиру бургомистра и командира батальона, столовую и казармы, где находились бойцы батальона⁹⁹.

В июне 1942 г. в связи с усилившейся деятельностью партизанских отрядов в брянских лесах по приказу Шмидта генерал-лейтенант Бернгард провел карательную экспедицию против партизан в районе севернее, северо-восточнее и южнее Брянска под ко-

довым названием «Птичья песнь». В этой операции принимали участие и отряды Каминского. Командование 2-й немецкой танковой армии поставило перед обер-бургомистром конкретные задачи: очистить леса от партизан и обеспечить охрану тыла и коммуникаций, по которым шло снабжение фронтовых войск. Демонстрируя свою заинтересованность в русских вооруженных формированиях, немцы силами механизированных частей вывезли с мест прошлогодних боев подлежащую ремонту советскую боевую технику и передали ее Каминскому, поделились с ним стрелковым вооружением и немецким обмундированием, обеспечили продовольствием по нормам немецких фронтовых частей и денежным содержанием. Кроме того, бригада РОНА полностью получила от немцев горючее, 70–80 % боеприпасов, ей было передано 600 винтовок, 50–60 пулеметов и 2 легковые автомашины¹⁰⁰.

В ноябре 1942 г. для участия в крупной карательной экспедиции севернее и северо-западнее Кирова, которой руководил генерал-лейтенант М. фон Шенкендорф, Шмидт направил несколько охранных батальонов из 2-й танковой армии, один пехотный батальон и несколько легких танков. В этой операции принимали участие части 4-й армии и авиация, выделенная армейской группировкой «Центр». Кроме того, генерал-лейтенант Бернгард неоднократно проводил карательные экспедиции и облавы на партизан в тыловой области армии, в которых принимали участие части тыла и 47-го танкового корпуса.

В результате карательных операций против партизан, проведенных под руководством генерал-лейтенанта Шенкендорфа, а также других карательных экспедиций было сожжено несколько деревень, разрушено много лесных партизанских лагерей, захвачено большое количество партизан.

6 августа 1945 г. оказавшись на скамье подсудимых, генерал-лейтенант Бернгард дал показания о борьбе германских войск против советских партизан на временно оккупированных территориях Орловской области в 1942–1943 гг. Он также рассказывал о деятельности Каминского в районе Локтя. По поручению командования германской 2-й танковой армии и с ее помощью Каминский организовал свою собственную охранную часть, насчитывавшую примерно 2 тыс. человек: «Немцы оказали ему помощь оружием, но большую часть оружия он добывал сам. Район Локоть был передан Каминскому в качестве его собственного района управления, в котором он пользовался также территориальной командной властью. <...> Насколько мне известно, его методы были грубы и жестоки. <...> Каминский подчинялся непосредственно армии и обязан был самостоятельно охранять железную дорогу у Локтя и весь подчиненный ему участок»¹⁰¹.

В Локотском округе практически постоянно размещались немецкие и венгерские охранные батальоны, основной задачей которых была борьба с партизанами.

Антипартизанская борьба велась жестокими методами: каратели жгли села и деревни, часто со всеми их обитателями, расстреливали всех подозреваемых в связях с партизанами¹⁰².

В начале августа 1942 г. Каминским было выпущено специальное обращение: «Граждане и гражданки сел и деревень, занятых партизанами! Партизаны и партизанки, находящиеся еще в лесах и в отдельных населенных пунктах бывших Навлинского и Суземского районов!

К вам в последний раз обращается все население Локотского округа, а также окружное Управление и весь командный состав и ставит в известность о том, что власть большевизма окончательно рухнула. В последнее время германской армией взяты Воронеж, Луганск, Макеевка, Ростов и многие другие населенные пункты. Германские части находятся сейчас на подступах к Царицину. Кавказ и Кубань уже отрезаны от центральной части России. Народ за жидов и коммунистов воевать не хочет. Красноармейцы при каждом удобном случае стараются сдать в плен и этим — спасти свою жизнь.

Только за последние два месяца насчитывается больше миллиона пленных. На не освобожденных еще от жидовского ига областях России наблюдаются массовые выступления против режима Сталина; голод царит невероятнейший. Вас же жидовские комиссары убаюкивают близким фронтом и мнимыми победами Красной Армии. Не верьте им! Переходите к нам! Этим только вы спасете свою жизнь! В недалеком будущем германские и венгерские части совместно с Локотской бригадой милиции предпримут решительные меры по уничтожению лесных банд. С целью лишения бандитов экономической базы будут сжигаться все населенные пункты, в которых находятся партизаны. Население будет эвакуировано, а семьи партизан будут уничтожены, если их родственники (отцы, братья и сестры) не перейдут к нам до 10 августа с.г. Все жители, а также партизаны, не желающие терять зря своей головы, не теряя ни одной минуты, должны перейти к нам со всем имеющимся у них оружием. Это обращение и предупреждение — последнее. Используйте возможность спасти свою жизнь»¹⁰³.

Однако подобные обращения не оказывали влияния на партизан, и постепенно партизанское движение расширялось.

При этом нередко и сами «народоармейцы» отрядов Каминского переходили на сторону партизан. Об этом свидетельствуют приказы по Локотскому уезду. Так, в приказе от 25 апреля 1942 г. указывалось: «Наряду с мужественно сражающимися за свое будущее бойцами и командирами в некоторых случаях проявлялись также элементы паники и трусости, неуверенности и дезертирства, вроде бывшего начальника Шемякинского отряда Левицкого, а временами трусость и дезертирство переходили в открытое предательство, как это имело место 20 апреля с.г. со сто-

роны 4-х бойцов-военнопленных Хутор-Холмецкого отряда. Аналогичное предательство было допущено и в Святковском отряде со стороны бойца Зенченкова Сергея Гавриловича, который 22 апреля с.г. не выполнил приказа командира и покинул пост на железнодорожном мосту. Этим самым он сделал большую услугу врагу, за что и был в тот же день по приказу бургомистра расстрелян».

1 мая 1943 г. несколько полицейских в гарнизонах деревень Шемякино и Тарасовка во главе со своим командиром перешли на сторону партизан. При их помощи часовые и патрули в селах были бесшумно сняты, а гарнизоны разгромлены. Каминский выслал в восставшие Шемякино и Тарасовку отряд карателей, который учинил зверскую расправу над семьями полицейских, перешедших к партизанам и местными жителями.

Для того, чтобы скрыть факты перехода «народоармейцев» на сторону партизан, Каминский решил в этом кровавом преступлении обвинить партизан. 15 июля 1943 г. в газете «Голос народа» вышла статья «Жуткие тайны Кокоревского леса», где был опубликован акт обследования Комиссии по расследованию «преступления» партизан: «8 июля 1943 г. в присутствии обер-лейтенанта полевой жандармерии г-на Шифера Комиссия Локотского окружного Самоуправления в составе Мосина С. В., Вошило Н. Ф., Заборы Ф. Н., Бакшанского П. Д., Капкаева Ф. А., Смирнова Д. Н. обследовала место зверской расправы партизан над бойцами Народной армии и мирными жителями дер. Тарасовки, Шемякино и др. <...> Комиссией с несомненностью установлено, что погибшими являлись бойцы Народной армии, а также мирные жители Тарасовки, Шемякино и др. сел. Разбитые черепа, сломанные кости и прочее свидетельствуют о том, что кровожадные сталинские бандиты мучили и издевались над невинными жертвами. Среди замученных есть подростки, женщины и старики»¹⁰⁴.

В действительности, все происходило с полной противоположностью. В протоколе допроса бывшего начальника Михайловской полиции, а затем командира взвода связи РОНА М. Говядова от 15 августа 1946 г. зафиксировано:

«Вопрос: Вам предъявляется акт, опубликованный в газете „Голос Народа“ 15 июля 1943 г., в котором говорится о том, что в селе Шемякино и деревне Тарасовка была обнаружена яма, в которой зарыто около 150 трупов, якобы расстрелянных партизанами бойцов РОНА и мирных жителей. Скажите, вам известно что-либо об этом факте?

Ответ: Да, об этом факте я знаю. Опубликование этого акта вызвало большое возмущение не только среди местного населения, но и бойцов РОНА и полицейских. Дело было так: в мае 1942 г. рота полицейских, дислоцировавшаяся в деревнях Шемякино и Тарасовка, восстала — убила своих командиров, перерезала связь и перешла к партизанам. В отместку за это Каминский организовал карательную экспеди-

цию, в числе которых были мадьяры. Эту экспедицию возглавляли зам. обербургомистра Мосин, начальник военно-следственного отдела Працюк и представитель газеты „Голос Народа“ Васюков. По прибытии на место каратели расстреляли около 150 человек, членов семей полицейских, которые ушли к партизанам, и часть полицейских, которые были захвачены в Шемякино и Тарасовке. В числе расстрелянных были женщины, дети и старики. В июле месяце 1943 года по приказу Каминского была создана комиссия под председательством Мосина с целью произвести раскопки могилы расстрелянных ими же советских граждан, для того чтобы приписать эти действия партизанам и озлобить солдат РОНА против партизан. Мне известно, что эта комиссия выезжала, производила раскопки, составила соответствующий акт, который был опубликован вместе с большой статьей в газете „Голос Народа“, в которой указывалось, что расстрел этих лиц, якобы, произведен партизанами.

Вопрос: Каким образом вам стало известно о том, что расстрел этих 150 человек был произведен карательным отрядом РОНА?

Ответ: Во-первых, мне лично говорили непосредственные участники этого жуткого злодеяния — Цымбулов Федор, Черняков Алексей, Балашева Анна — жена заместителя командира дивизии, и, во-вторых, об этом случае говорило почти все население района и солдаты бригады, которые были возмущены этой наглой выходкой Каминского, Мосина и их подручных, которые свою зверскую расправу с народом хотели выдать как расправу партизан»¹⁰⁵.

В 1942–1943 гг. в результате проведения карательных акций против партизан германскими частями под командованием Бернгарда в тыловом районе 2-й германской танковой армии партизанские отряды ежемесячно несли потери в среднем по 60–70 человек убитыми и попавшими в плен. Общая численность потерь среди партизан, по мнению Бернгарда, составляла около 2 тыс. партизан. Однако сам Бернгард отмечал, что эти цифры весьма условны, поскольку, во-первых, партизаны стремились уносить с собой своих убитых и раненых, а во-вторых, данные германских частей нередко были преувеличены¹⁰⁶.

С 16 мая по 6 июня 1943 г. германским командованием была спланирована и проведена антипартизанская операция под кодовым наименованием «Цыганский барон». Ее целью была очистка от партизан тыловых районов германской армии и создание зоны безопасности вдоль коммуникаций в районе Брянского леса. Пользуясь относительным затишьем на фронте, немцы сосредоточили против партизанского края 6 дивизий 7-й армии, в том числе одну танковую, активно использовалась германская авиация. Кроме того, в операции участвовало 4 полка и бронедивизион бригады Каминского, другие антисоветские формирования и вооруженные отряды полиции. По данным, имевшимся у партизан, немецкое командование выставило силы, вдвое превышавшие их чис-

ленность¹⁰⁷. Следует иметь в виду, что части и соединения 7-й армии были обучены ведению боя в лесных массивах и болотистых местах, а в национальных формированиях служило множество уроженцев этих мест, хорошо знавших район предстоящих боевых действий.

Бои шли несколько недель. Партизаны понесли большие потери, но сумели прорвать кольцо блокады. Вместе с ними вышла из окружения часть мирных жителей. Остальных — свыше тысячи человек, в основном стариков, женщин и детей, немцы объявили партизанами и свезли на станцию Брасово, где был организован лагерь. В дальнейшем часть заложников была вывезена в Германию, а остальные расстреляны в Погребском лесу¹⁰⁸.

Национал-социалистическая трудовая партия России

Борцам за «Новую Россию» требовалось идеологическое обеспечение, и Каминский решил, что необходимо создать партию.

Подготовительные мероприятия продолжались весь 1942 г., а в марте 1943 г., возвратившись из Орла, обер-бургомистр вызвал Мосина, Васюкова и Вошило и заявил, что ему стало известно о существовании в Праге русской партии, созданной белоэмигрантами, которая, несмотря на запрещение немцев, проводила большую работу на оккупированной территории. Имелся ввиду Национально-трудовой союз нового поколения (НТСНП). Каминский высказал опасение, что эта партия может стать опасным конкурентом, не исключена возможность, что она станет руководящей партией и попытается использовать бригаду как вооруженную силу для захвата власти.

29 марта 1943 г. Каминский и Мосин подписали приказ о формировании оргкомитета по созданию партии. Оргкомитету было поручено разработать устав, программу и структуру партийных органов. Кроме того, требовалось начать прием новых членов, организовать агитационно-пропагандистскую работу среди населения по разъяснению значения и задач партии. В конце апреля 1943 г. проекты документов были готовы, а в мае утверждены Каминским.

Целями партии провозглашались: уничтожение ВКП(б), вооруженное свержение советской власти и установление нового демократического государства, основанного на развитии частной инициативы. Россия должна была стать самостоятельным государством. Основным средством борьбы против советской власти называлась бригада РОНА. В области хозяйственных вопросов предусматривалась ликвидация колхозов и укрепление частной собственности.

В соответствии с уставом членом партии мог стать любой человек, достигший 18-летнего возраста (только не еврей), признающий программу партии, без различия пола, вероисповедания, политических убеждений, социального происхождения и прошлой

политической деятельности. Вступление в партию бывших коммунистов не возбранялось, если они, помимо общих требований к кандидатам, рассказали в своем большевистском прошлом и верой и правдой служили «новому порядку». Партия строилась по централизованному принципу, ее высшим органом был съезд, затем — Центральный организационный комитет (ЦОК), областные, районные и низовые партийные организации. Бюджет партии складывался из вступительных и членских взносов.

Организационная работа по строительству партии, проводившаяся в Локте, ограничилась принятием программы и устава, поскольку администрация, самоуправление и командование бригады с мая 1943 г. готовились к эвакуации. После размещения эвакуированных по квартирам в Лепеле, примерно в октябре 1943 г., представилась возможность заняться партийной работой.

Вскоре партия стала называться «Национал-социалистической партией России» (НСПР), а в ноябре 1943 г. переименована в «Национал-социалистическую трудовую партию России» (НСТПР). В связи с изменением названия партии ее программа и устав были незначительно пересмотрены.

Программа НСТПР включала в себя четыре основных положения: «1. Свержение кровавого большевистского строя в России. 2. Создание суверенного государства, объединяющего народы России. 3. Признание за отдельными национальностями России, созревшими к самостоятельному существованию, права на самоопределение. 4. Путем создания в Новой России справедливого социального трудового строя ликвидировать искусственно созданную большевиками классово-сословную рознь».

Во введении к программе партии торжественно провозглашалось: «Война с Германией, с одной стороны, и политика в этой войне сталинского правительства — с другой, привели страну к полному обнищанию, к полному уничтожению всех производительных сил страны. <...> В такой тяжелой обстановке приходит к власти Русская народная национал-социалистическая партия. Она берет на себя ответственность за судьбы Великого Русского Народа и Русского Государства. Она верит, что наша Родина воскреснет и станет цветущей. <...> Она помнит помощь дружественного германского народа, освободившего Россию от варварского сталинского ига, и уверена в дальнейшей помощи великого германского народа с ее испытанной в боях дружественной нам по духу и идеям Народной национал-социалистической партией и ее бессмертным руководителем Адольфом Гитлером»¹⁰⁹.

В Манифесте НСТПР также указывались экономические цели «локотской партии»: «1. Земля должна быть передана в частное пользование крестьянам. 2. Рабочий из крепостного пролетария должен быть превращен в свободного труженика, участника создаваемых им прибылей. 3. Творчество интеллиген-

ции должно быть свободно от политических оков. Полная свобода печати. 4. Все имущественные права бывших помещиков и капиталистов (русских, а также иностранных) считать утерянными. Еврейским интернациональным идеям мы противопоставляем силу национальных идей — любовь к своей Родине и к своему Народу!».

При НСТПР была создана и молодежная организация — «Союз российской молодежи» (СРМ). В ее уставе содержались следующие политические цели и задачи: «1. Воспитание у молодого поколения россиян чувства любви к Родине, к своему народу. 2. Всемерная помощь и активное участие в борьбе за свержение и установление нового национально-трудового строя в России. 3. Разоблачение учения Маркса, как вредного и антинародного, выгодного только еврейству, не имеющему родины. 4. Привитие любви ко всякому труду, направленному на благо государства и нации, помня, что труд — источник собственности, трудовая собственность — залог свободы. 5. Воспитание любви к науке и искусству. 6. Воспитание высоких моральных и нравственных качеств, честности и солидарности. 7. Всемерное развитие физической культуры и спорта, направленное на укрепление здоровья»¹¹⁰. СРМ строился по территориально-производственному признаку при наличии от трех до 10 членов Союза. Собрания членов должны были созываться не менее трех раз в месяц и проводиться в дружеской обстановке, весело и с пользой для дела. Ячейки СРМ имелись и в вооруженных отрядах РОНА. Членам Союза вменялось в обязанность всеми мерами пропагандировать идеи «Русского Дела».

В партию в обязательном порядке вступили все руководящие работники самоуправления и командный состав бригады РОНА. Максимально НСТПР насчитывала до 400 членов. Попытки создать партийные организации за пределами территории, контролируемой бригадой РОНА, успехов практически не имели: к тому времени фамилия «Каминский» и слово «палач» стали синонимами, и даже непримиримые враги советской власти постарались дистанцироваться от столь одиозной фигуры. После гибели Каминского партийная работа начала сходиться на нет, а после передачи дивизии РОНА в Русскую освободительную армию вообще прекратилась за ненадобностью: генерал Власов совершенно не был заинтересован в этой партии. Впрочем, члены НСТПР расстались со своей партией без сожаления.

Преступления полицейских отрядов

Подробные свидетельства о злодеяниях отрядов Каминского содержатся в показаниях бывших полицейских и немецких пособников, материалах Орловской областной и районных чрезвычайных комиссий по учету ущерба и злодеяний немецко-фашистских захватчиков, их сообщников и причиненного ими ущерба государственным предприятиям, учреждени-

ям, общественным организациям, колхозам, совхозам, МТС и гражданам Орловской области¹¹¹, а актах судебно-медицинских экспертиз¹¹² и осмотров мест массовых расстрелов местных жителей¹¹³.

Так, во время допроса полицейского Дмитриевской полиции Т.Е. Скрипкина 5 августа 1943 г. ему был задан вопрос: «Назовите населенные пункты Дмитриевского и Михайловского районов, которые были сожжены и ограблены Дмитриевской полицией при непосредственном вашем участии». Скрипкин на это ответил: «В июле 1942 года Дмитриевская полиция в количестве 60 человек во главе с Бердниковым, Ерешко, совместно с немцами, около 15 человек, в дер. Жадеевка сожгла около 15–20 домов, забрала у жителей 6 коров, 9 лошадей, примерно 50 гусей, кур, сколько хотели, столько и брали. Я лично поджег два дома и забирал птиц. <...> В сентябре 1942 года Дмитриевская полиция в количестве 50 человек во главе с Бердниковым, Ерешко, совместно с немцами — 10 человек, ограбила село Чернявку, где было отобрано у жителей 12 лошадей, 8 коров, около 100 кур и гусей. Я лично брал кур, гусей и привел одну лошадь. <...> Также в сентябре 1942 года Дмитриевская полиция в количестве 40 человек, сожгла поселок Хохли. Лично я сжег один дом. <...> Всего было забрано: 6 лошадей, 2 свиньи. <...> После избиения и допроса Бердников арестованных направлял в жандармерию, откуда они уже не выходили — вешали или, очень часто, расстреливали»¹¹⁴.

На допросах бывшие полицейские подробно рассказывали где и когда, кто и как убивал и грабил население.

О нравах, которые существовали в «Локотской республике» подробно рассказал А. И. Михеев на допросе 5 сентября 1946 г.: «Мне приходилось лично видеть, когда Мосин неоднократно выезжал с полицейскими отрядами на борьбу с партизанами. В Брасовском районе было сожжено село Крупец, сожгли они две или три избы в селе Трестное. Одним словом, Мосин и Каминский грабили и сжигали села, убивали советских граждан»¹¹⁵.

На очной ставке между Мосиным и Михеевым 21 октября 1946 г. Михеев, отвечая на вопрос следователя, рассказал, что весной 1942 г. полицейские отряды, возглавляемые Мосиным, с участием мадыарских частей в селе Павловичи расстреляли 60 человек и 40 человек сожгли живыми: «Летом 1942 г. Мосин говорил мне, что он при допросе гражданки (фамилии не помню) из Холмецкого хутора применял по отношению к ней различного рода пытки, в результате чего она созналась в связи с партизанами и выдала склад оружия, находившийся в Кокоревском лесу. Осенью 1942 г. при участии Мосина в деревне Холмечи была расстреляна группа партизан (более 10 человек), осужденных окружным судом. В начале 1943 г. была расстреляна группа молодежи якобы за организованное покушение на Мосина. В августе 1943 г. перед нашей эвакуацией из Локотя в Лепель

производилась т.н. разгрузка Локотской тюрьмы. Существо этой „разгрузки“ сводилось к тому, что ежедневно расстреливались советские граждане, находившиеся в этой тюрьме. Расстрел производился открыто на плацу Локотского кладбища. В одном случае я лично был очевидцем этих расстрелов. В течение 1942–1943 гг. при участии Мосина были сожжены: село Крупец, деревни Шемякино, Гавриловка, Холмечи, Красный Колодец, хутор Холмецкий, поселок Бендирка и лесные сторожки: Невбоч, Дубровская, Буян и Красноколодецкая. В процессе подготовки и во время самой эвакуации из Локтя, в порядке зачистки, в лесах Кокоревском, Владимирском, Шемякинском и Вороний Лог были обнаружены свыше одной тысячи советских граждан, в том числе старики, дети и женщины. Все они были объявлены партизанами и на протяжении нескольких дней расстреляны в Погребском лесу»¹¹⁶.

Мосин подтвердил этот факт. Зачистка производилась немецкими передовыми частями, всех обнаруженных граждан свозили на ст. Брасово, где был организован лагерь.

Бывший партизан бригады им. Ворошилова Я.Е. Руев 23 июля 1946 г. также рассказал об известных ему фактах зверств бригады Каминского: «Начав свое наступление по уничтожению партизан от станции Локоть, бригада Каминского под видом партизан уничтожала мирное население и населенные пункты в районах Суземский, Трубчевский, Навлинский и других Брянской области. По имевшимся разведанным, полученным партизанской разведкой на Локотском направлении, бригада Каминского действовала в составе четырех батальонов РОА из полка Дета, руководил батальонами лично Каминский. <...> Власовцы из бригады Каминского жестоко издевались над ранеными партизанами при захвате ими партизанских госпиталей. Раненые партизаны добивались ударами ножа, винтовки. Часто встречались трупы партизан с выколотыми глазами, оторванными конечностями, распоротыми животами и т.д.»¹¹⁷.

Бывший член Военно-полевого суда при окружном самоуправлении Смирнов 13 ноября 1944 г. рассказал следователям МГБ СССР: «В конце 1942 года по доносу были арестованы 8 человек жителей села Борщово Брасовского района. Из этой группы я помню председателя Борщовского сельсовета Полякова с дочерью 22 лет, молодую женщину Чистякову, жителя села Борщово Болякова 23 лет и остальных фамилии забыл. Знаю, что там были три женщины и пять мужчин. В результате суда председатель сельского совета был повешен, его дочь и Чистякова были расстреляны, а остальные осуждены на сроки. <...> Кроме того, была повешена <...> молодая девушка 20–22 лет, фамилии ее я не знаю. Повешена она была только лишь за то, что огорчалась неудачами партизан и не скрывала этого. Расстрелов проводилось очень много, но фамилии расстрелянных я сейчас не помню»¹¹⁸.

Подробные сведения о преступлениях «народармейцев» привел М. Говядов 10 августа 1946 г.:

«Вопрос: Покажите об известных вам фактах зверской расправы бригады „РОНА“ над советскими гражданами на территории Локотского округа?»

Ответ: В июне 1942 года после налета партизан на с. Михайловка, когда были убиты 18 полицейских и 2 немца, командир 9 батальона „РОНА“ Бердников Михаил во главе отряда численностью в 100 с лишним человек прибыли в Михайловский район и учинили зверскую расправу с мирным населением. В самом селе Михайловке по приказу Бердникова было повешено 2 человека, ограблено и сожжено 12 домов партизан. После расправы в Михайловке отряд выехал в дер. Веретенниково Михайловского района, где расстрелял до 50 человек из числа членов семей партизан, была сожжена почти вся деревня и угнан скот. В тот же день отряд поджег 15 домов в деревне Разветье и ограбил семьи партизан. <...> 7 октября 1942 года в селе Остапово „каминцами“ — Борисовым Иваном Ивановичем, Тариновым Михаилом и другими были арестованы члены партии Чумакова, Шерснев и комсомолец Гришин. Через 2 дня Чумакова была повешена на базарной площади в Михайловке, а Шерснев и Гришин расстреляны. <...> При операции, происходившей с 11 октября по 6 ноября 1942 г., 13 батальон „РОНА“ вместе с немцами и казаками учинили массовую расправу с мирным населением деревень Макарово, Холстинка, Веретенино, Большой Дуб, Уголек и других, названия которых не помню. <...> Мне известно, что половина дер. Макарово была сожжена, а из населения расстреляно около 90 человек. Такое же количество было расстреляно в Веретенино, и деревня окончательно сожжена. В селе Холстинка часть населения, в том числе женщины и дети, были заперты в сарай и заживо сожжены. В селах Большой Дуб и Уголек также были расстреляны мирные жители и, главным образом, семьи партизан, а поселки уничтожены. <...> В марте 1943 года за покушение на Мосина было расстреляно в Локотской тюрьме 40 человек заложников»¹¹⁹.

Говядов также дал показания о карательных операциях, которые бригада РОНА проводила совместно с германским командованием: «В октябре 1943 года, после того, как бригада переехала в Лепель, Каминским была организована карательная экспедиция против партизан и их семей в районе Сенно, Бешенковичи и Лепель. Перед походом Каминский издал приказ — расстреливать за каждого убитого офицера „РОНА“ 20 человек заложников, а за каждого убитого рядового — 10 человек, причем в тех деревнях, где будет хотя бы один выстрел по „роновцам“, предоставлять право бесконтрольного грабежа и расправ над населением. В результате, когда дивизия находилась на марше и проходила населенные пункты, „РОНА“, пользуясь этим приказом, чинила зверские расправы над населением, и деревни подвергались грабежу. В тех случаях, ко-

гда не было никаких признаков того, что население относится к бригаде враждебно, организовывалась провокация, и населенные пункты уничтожались. В результате этой операции, которая длилась около 20 дней, было убито 300 и захвачено в плен около 500 партизан. <...> Вторая крупная операция была организована в районе Ушачи, которая продолжалась с 15 апреля 1944 года на протяжении полутора месяцев. В боях против партизан участвовала вся бригада „РОНА“, 3 дивизии немцев, с применением авиации и танков. В результате боев было убито около 3 тысяч партизан и 7 тысяч взято в плен. <...> Перед самой операцией весь личный состав бригады получил по 400 грамм водки и по бутылке вина. <...> Кроме того, мне известны случаи, когда „роновцы“ и сам Каминский насиловали пленных партизанок, а затем их расстреливали. По окончании боя, перед строем всей бригады Каминский, Шавыкин и Бакшанский выдавали немецкие ордена и водку отличившимся в бою против партизан»¹²⁰.

Еще одним документальным свидетельством «Локотского эксперимента» Каминского следует назвать акты судебно-медицинских экспертиз, в которых приводятся факты массового уничтожения мирных жителей.

Из акта судебно-медицинской экспертизы от 6 сентября 1943 г.: «Мы, нижеподписавшиеся полковник Пожитков Ф. Т., подполковник Хвостович Н. С., майор юстиции Дунаевский П. И. и военврач 3-го ранга Буторина А. В., гвардии старшина Пожитков Б. Ф. и ефрейтор Мартынов В. Г. составили настоящий акт в том, что на освобожденной от немецких захватчиков территории, в лесу Шемякинская дача Брасовского района Орловской области обнаружены 2 группы зверски расстрелянных пятого сентября 1943 года советских гр-н, спасавшихся в лесу от урона в немецкое рабство в период отхода мерзавцев под натиском нашей Красной армии. При детальном осмотре обнаружено, что в одной группе находилось 44 трупа, в том числе 16 детских в возрасте от 6 месяцев до 10 лет, во второй группе — 21 труп, в том числе 9 детских. Кроме того, вблизи от этих групп расстрелянных обнаружены семь трупов, из них три детских и четыре женских. Осмотром трупов и подтверждением оставшихся в живых установлено, что зверский расстрел производился из двух пулеметов на расстоянии 5–8 метров разрывными пулями, после чего гитлеровские мерзавцы свои жертвы забросали ручными гранатами, а у тех, у которых были еще какие-либо признаки жизни, добивали из винтовок, о чем свидетельствуют гильзы в местах, где стояли пулеметы, взрывы гранат и отдельно лежащие гильзы возле трупов расстрелянных. Трупы сильно обезображены, у многих черепа переломаны и оторваны конечности, куски мягких тканей, мозговое вещество от разрыва гранат разбросано около расстрелянных и даже на стволах и сучьях деревьев. По положениям трупов видно, что матери, у которых были грудные дети,

спасая их, прижимали к груди и закрывали своим телом. <...> Гитлеровские изверги расстреляли гр-ку дер. Гаврилова Гута Суземского района Орловской области Ивановку Анну Степановну, 25 лет, на глазах ее маленьких детей: Вити — 2 лет, Вани — 6 лет, Клавды — 3 лет, очередью из автомата в голову, в момент, когда Иванькова умоляла, стоя на коленях, не расстреливать ее детей. <...> Старший из малышей Ваня и подошедшая вовремя, спасшая его бабушка рассказывали, что гитлеровцы, застрелив мать, дали им по конфете, чтобы дети не плакали. Настоящий акт составлен на месте обнаружения трупов в лесу Шемякинской дачи вблизи дер. Воронов Лог Брасовского р-на Орловской области»¹²¹.

Еще одним свидетельством злодеяний стал акт осмотра места массовых расстрелов советских патриотов в пос. Локоть Брасовского района Орловской области от 18 сентября 1945 г.: «При осмотре места расстрела установлено, что расстрелы партизан, коммунистов и советских активистов производились в котловане, расположенном в 400 метрах от конезавода № 17, который при немецкой оккупации был переоборудован в окружную Локотскую тюрьму. Размер котлована 575 метров. В котловане обнаружено 22 ямы, в которых закапывались расстрелянные. Из 22 ям — 4 ямы размером 10 метров на 5 метров; 3 ямы — 5 метров на 3 метра и 15 ям — 3 метра на 2 метра. По показаниям участника расстрела Иванчикова Ивана Семеновича и гр-н Губина, Гордеева и Залетовой как очевидцев расстрелов, указанные ямы были глубиной от 2 до 2,5 метров. <...> К акту прилагается фотоснимок трупов, обнаруженных при вскрытии ямы»¹²².

Страшная цена, которую заплатили жители за «Локотскую альтернативу», отражена и в акте от 27 сентября 1945 г. комиссии исполкома Брасовского райсовета по учету ущерба и злодеяний немецко-фашистских захватчиков, их сообщников и причиненного ими ущерба государственным предприятиям, учреждениям, общественным организациям, колхозам, совхозам, МТС и гражданам Брасовского района Орловской области: «За время пребывания немецко-фашистских захватчиков на территории Брасовского района с 4 октября 1941 года по 5 сентября 1943 года уничтожено мирного населения 5395 человек, из них: расстреляно 5245 человек в местах: поле конезавода № 17 — 2000 человек, в Вороновом Логу Городищенского с/с № 1 — 800 человек, в противотанковых рвах с. Хутор Холмецкий Крупецкого с/с — 15 человек, в лесу Погребской дачи — 2500 человек. Повешено на территории района — 150 человек, угнано в немецкое рабство 6985 человек»¹²³.

Всего на территории Брянской и Витебской областей в 1941–1943 гг. бригадой РОНА были расстреляны, повешены и замучены более 10 тыс. советских граждан, заживо сожжены 203 человека. Гитлеровскими пособниками полностью сожжено 24 деревни и 7 тыс. 300 колхозных дворов, разрушено 767 обще-

ственных и культурных учреждений. Общий убыток, причиненный советскому государству и колхозам составил более 900 млн рублей¹²⁴.

Партизаны против Каминского

Формирование первых партизанских отрядов в Орловской области, как и в других прифронтовых областях¹²⁵, началось в начале Великой Отечественной войны. Густые, трудно проходимые брянские леса, пережеванные болотами, давали возможность создать партизанские базы и не позволяли командованию вермахта использовать здесь крупные войсковые соединения. Лесные массивы, через которые проходили железные и грунтовые дороги, облегчали устройство засад и проведение диверсионных действий.

21 августа 1941 г. начальник Управления НКВД по Орловской области К. Ф. Фирсанов доложил Л. П. Берия: «Всем районам области по линии УНКВД были даны указания о том, что если с того или иного района части Красной Армии вынуждены будут отойти, то начальник райотдела НКВД самостоятельно решает вопрос о переводе проверенной части истребительного батальона в партизанские отряды. Они остаются в тылу у врага и действуют в зависимости от местных условий. В ряде районов, захваченных врагом (Мглин, Дубровка, Унечи и др.), такие отряды уже организованы и уже действуют в тылу у противника. Как правило, в партизанские отряды вливается ряд наших работников, а остальные работают в смежных районах и осуществляют руководство оставленной агентурой». Фирсанов сообщал, что в Орловской диверсионной школе «уже подготовлены и завтра будут выпущены 50 человек инструкторов, которые выедут в районы для обучения людей, отобранных партийными и нашими органами для выполнения диверсионных заданий. <...> Кроме этого, в школе будет проведено обучение отобранных людей примерно в количестве 500 человек, которые нами будут переброшены в тыл противника с конкретными задачами. Школой приняты меры по изготовлению средств вооружения диверсионных групп (гранаты, мины, бомбы и т. п.), которыми будут снабжены как группы диверсантов, так и одиночки»¹²⁶.

В августе 1941 г. в тыл врага было заброшено 18 отрядов (около 1 тыс. чел.) и 5 диверсионных групп (51 чел.). К тому времени Орловская спецшкола НКВД подготовила 435 человек, в том числе 289 диверсантов, в лабораториях было изготовлено около 5 тыс. бомб¹²⁷.

Для установления «нового порядка» в Локотском уезде на его территории был введен жесткий административно-полицейский режим. Тем не менее, Каминскому не удалось подавить народное сопротивление оккупантам и партизанское движение.

Партизаны укреплялись организационно: для координации действий их отрядов в южных районах Орловской области в тыл противника в сентябре

1941 г. была направлена оперативная группа во главе с бывшим начальником Мглинского райотдела НКВД Емлютиным.

В октябре Емлютин приступил к установлению связи с разрозненными партизанскими отрядами. К концу 1941 г. в 63 районах области действовало 72 партизанских отряда общей численностью 3 тыс. 257 человек и 86 диверсионных групп численностью 615 человек¹²⁸.

После зимнего контрнаступления Красной Армии Брянский фронт стабилизировался на линии Киров — Болхов — Новосиль — Ливны. Весь 1942 г. здесь шли бои местного значения, которые не оказывали существенного влияния на общую стратегическую обстановку.

В ноябре 1941 г. в районе г. Дятьково Орловской области партизанский отряд под командованием Д. Медведева провел несколько нападений на немецкие гарнизоны. В результате партизанских акций были уничтожены два самолета противника (находившихся на земле), несколько грузовых автомашин и более 50 германских военнослужащих.

В январе 1942 г. Емлютин объединил под своим управлением 6 партизанских отрядов общей численностью более 3 тыс. человек¹²⁹. Результатом деятельности его оперативной группы и объединенных отрядов (налеты на немецкие гарнизоны и их разгром) стало создание в южном массиве Брянского леса обширного партизанского края, протянувшегося на 260 км с севера на юг и на 40–50 км на запад и восток. Партизаны освободили в тылу противника 379 населенных пунктов, в которых проживали свыше 200 тыс. человек. Здесь были восстановлены партийные и советские органы, работали предприятия и колхозы, школы и медицинские учреждения, имелось четыре аэродрома, издавалась газета «Партизанская правда». Здесь партизаны готовились к боевым операциям, отдыхали после их проведения, отправляли раненых на лечение, пополнялись людьми, получали вооружение, боеприпасы, продовольствие.

Четкой границы между партизанским краем и районами, контролировавшимися отрядами Каминского, не существовало: в одной и той же местности в одних населенных пунктах находились партизаны, в других — хозяйничали сторонники Каминского, третьи — переходили из рук в руки.

Например, в феврале 1942 г. 350 партизан совершили налет и освободили г. Трубчевск, но через сутки оставили его, не принимая боя¹³⁰.

Командир 200-й стрелковой дивизии генерал Блауман в феврале 1942 г. писал: «Разведкой установлено большое количество партизан¹³¹. Партизаны хорошо одеты, имеют хороших лошадей, сани, лыжи, маскировочные халаты. Хорошо вооружены. Население им сочувствует и помогает. В селах нет ни старост, ни полицейских»¹³².

В феврале 1942 г. партизанские отряды под командованием М. И. Дука освободили от полиции

и оккупационных органов власти Дятьково и прилегавшие к нему районы. В Дятькове была восстановлена советская власть, работали райисполком, милиция, суд. Город был объявлен на военном положении¹³³.

С февраля 1942 г. советские самолеты стали доставлять на партизанские аэродромы Орловской области специалистов по партизанской войне, оружие, боеприпасы, медикаменты, почту, вывозили раненых. 20 апреля через линию фронта в партизанские отряды юго-западных районов Орловской области, руководимые Емлютиным, был командирован представитель 4 управления НКВД СССР Забельский. Он предпринял меры по повышению эффективности деятельности партизанских отрядов, их координации и взаимодействия. Забельский участвовал в разработке нескольких боевых операций по ликвидации отрядов полиции в населенных пунктах Шемякино и Тарасовка. В результате была обезоружена вся полиция, захвачены 156 полицейских, 3 пушки, несколько минометов 28 пулеметов, 200 винтовок, 400 ящиков патронов, снаряды, мины и другое снаряжение¹³⁴.

Весной 1942 г. был создан партизанский край в южных массивах Брянского леса, он смыкался с Дятьковской «Малой землей». Под контролем партизан оказалась большая территория, на которой находилось около 400 пунктов с населением 200 тыс. человек. В партизанском крае были созданы райкомы ВКП(б), райисполкомы, сельсоветы и колхозы, работала почта. Телефонная связь имела протяженность около 600 км. На освобожденной территории работали кожевенные заводы, швейные мастерские, предприятия по выработке скипидара, дегтя. В партизанском крае был создан постоянно действующий аэродром, на который принимались и легкие, и тяжелые самолеты, доставлявшие для партизан боеприпасы, продовольствие, газеты и книги¹³⁵.

Значение края для развития партизанского движения на оккупированных территориях Орловской области хорошо понимало и германское командование. Бывший генерал-полковник германской армии К. Типельскирх в своей книге «Вторая мировая война» отмечал: «В тылу 2-й танковой армии, где в начале октября 1941 г. бушевал огонь Брянского сражения, возникла большая партизанская область, вскоре достигшая ста семидесяти километров в ширину и семидесяти километров в глубину. Она была первой из областей, которые планомерно создавало и поддерживало русское командование в тылу группы армий «Центр», вплоть до 1944 года»¹³⁶.

С апреля 1942 г. руководство органов госбезопасности стало проявлять повышенный интерес к происходящему в Локотском уезде. К тому времени партизанские отряды южного массива Брянского леса насчитывали около 10 тыс. бойцов и командиров, на вооружении которых имелось стрелковое оружие, артиллерия и боевая техника. Для руководства этими силами был создан специальный штаб. Командиром объединенных партизанских отрядов был утвержден

Емлютин. Приказом по объединению для каждого района был определен головной партизанский отряд, которому подчинили все отряды, действовавшие в данном районе¹³⁷. Следующим шагом стало создание централизованных органов управления партизанскими бригадами и отрядами, назначение на руководящие должности кадровых сотрудников органов государственной безопасности и внутренних дел. К маю 1942 г. в партизанских отрядах, руководимых Емлютиным, находились 18 сотрудников органов госбезопасности и милиции Орловской области¹³⁸.

В мае 1942 г. был создан Центральный штаб, а в июне — Орловский штаб партизанского движения, координировавший деятельность 84 партизанских отряда и групп (13 тыс. 804 чел.). Кроме того, в населенных пунктах, освобожденных партизанскими отрядами под командованием Емлютина, было организовано 199 групп самообороны (11 тыс. 900 чел.). Партизаны вели борьбу с немецкими подразделениями и отрядами Каминского, регулярно наносили удары по населенным пунктам, совершали диверсионные акты на железных дорогах.

В августе 1943 г. в руки партизан попал интересный документ — брошюра «Политические задачи немецкого солдата в России в свете тотальной войны», изданная в немецкой армии¹³⁹. В предисловии отмечалось, что брошюра предназначена для занятий с личным составом германских частей и подразделений. Издание состояло из нескольких разделов: «Необходимость этой задачи», «Русский народ и его историческое развитие», «Русский человек», «Общением с русскими», «Русские рабочие в Германии». В разделе «Русский человек» авторы подчеркивали: «Нельзя отрицать талантов русского народа. Только этим и можно объяснить отдельные выдающиеся достижения русских. Характерной чертой русских является богатство чувств и аффектов, иначе говоря, интенсивность внутренней жизни. Честность, правдивость, доброта и верность у них сочетаются с замкнутостью, ложью, хитростью, насилием, жестокостью и фанатичной ненавистью. Русский живет не умом, а чувством. Он следует своему сердцу. Этим и объясняется его большая религиозность. Русские веруют, они хотят верить во что-нибудь или кого-нибудь: это надо понимать не только в религиозном смысле. Если нам не удастся заставить русских поверить в нас, то вряд ли подействуют разумные аргументы. Поэтому основное: своим поведением завоевать неограниченное доверие русских. При этом они очень хорошо отличают естественное от фальшивого. Одной из характерных черт русских является выносливость, непонятная для немцев. Русский привык переносить страдания и обиду. Это не значит, что у него атрофировалось чувство обиды: причиненная несправедливость вызывает глубокие моральные переживания, хотя внешне это незаметно. В то время как европеец старается отомстить за обиду, русские научились переносить страдания с фанатич-

ным трепетом. Если же чаша переполнена, русский восстает и долгое терпение разражается с бешеной, безумной силой. Они радостно следуют за дерзким, энергичным и признанным ими вождем, который личным примером и теплым чувством сумеет завоевать их доверие. Они готовы на жертвы и являются храбрыми бойцами. Особенно русские благодарны за доверие и теплоту со стороны руководства. Каждому русскому свойственна глубокая любовь к Родине и Матушке России. Русские по природе не шовинисты, ненависть на национальной почве среди русских непопулярна. Их гигантское государство состоит из множества народов и рас, и общение с людьми других обычаев и культуры для них привычно»¹⁴⁰.

3 июня 1942 г. начальник Управления НКВД по Орловской области Фирсанов направил донесение начальнику 2 Управления НКВД СССР П. В. Федотову и начальнику 3 Управления Н. Д. Горлинскому. Фирсанов сообщал, что, несмотря на противодействие партизан и убийство Воскобойника, контрреволюционная организация в Локте продолжает свое существование, а сам Локоть превратился в крупный узел сопротивления, и попытки партизан разгромить его не увенчались успехом. В партизанских отрядах, руководимых Емлютиным, в результате проведенной агентурно-оперативной работы в течение мая 1942 г. были разоблачены и после следствия и утверждения командованием приговоров расстреляны 67 изменников Родины. Задания обезвреженным агентам противника давались, например, такие: внедриться в отряд под видом окруженца или бежавшего из плена и уничтожить его командование; под видом партизан заниматься бандитизмом и мародерством и тем самым дискредитировать народных мстителей; разведать места дислокации партизанских сил и высадки советских парашютистов. В ходе следствия один из агентов дал ценные сведения на ряд своих «коллег», что дало чекистам возможность их обезвредить¹⁴¹.

11 июня 1942 г. Фирсанов доложил Федотову об итогах оперативной работы контрразведывательного отдела УНКВД по Орловской области за май 1942 г. В частности он отметил, что при штабе Емлютина создано оперативно-чекистское отделение. В некоторых районах партизанского края, в том числе в Брасовском, Суземском и Навлинском, были воссозданы райотделы НКВД, как правило, из их бывших работников, которые развернули по своим районам оперативно-чекистскую работу. Кроме того, при партизанских отрядах из работников НКВД были созданы 15 оперативных групп, занимавшихся контрразведывательной работой в партизанских отрядах и близлежащих населенных пунктах. Контрразведчикам удалось завербовать 31 агента для разработки противника, внедрения в административные органы уездного самоуправления и в полицию¹⁴².

В ночь на 25 августа 1942 г. на партизанский аэродром прибыли самолеты, чтобы вывезти в Елец группу командиров партизанских отрядов, отличившихся

в боях в брянских лесах, для доклада командованию фронта и получения указаний о дальнейших боевых действиях. После беседы у члена Военного Совета фронта, первого секретаря Орловского обкома ВКП(б) А. П. Матвеева и секретаря обкома партии Н. Г. Игнатова командиры партизанских отрядов узнали, что их приглашают в Москву в Центральный штаб партизанского движения и ЦК ВКП(б). В Москве с партизанами встречались руководители Коммунистической партии и советского правительства, а также они были приняты председателем ГКО И. В. Сталиным.

Указами Президиума Верховного Совета СССР в 1942 г. 1 тыс. 18 партизан брянских лесов были удостоены правительственных наград, семи командирам партизанских отрядов, в том числе Емлютину, было присвоено звание Героя Советского Союза. Награды партизанам вручил в Кремле М. И. Калинин¹⁴³.

В последних числах декабря 1942 г. Фирсанов, обобщив агентурные и разведывательные данные, а также информацию из открытых источников, направил во 2 Управление НКВД СССР очередное донесение о положении в Локотском самоуправляющемся округе, которое заставило руководство органов госбезопасности активизировать работу по противодействию Каминскому и главным деятелям окружного самоуправления и бригады РОНА. Фирсанов писал, что полученные официальные материалы дают основание полагать, что партия «Викинг» представляет собой основу создания русской национально-социалистической партии. В качестве примера он привел выдержку из газеты «Голос народа» о том, что благодаря стараниям Каминского и Мосина манифест этой партии был отпечатан и распространен среди населения Орловской, Смоленской, Курской, Черниговской и ряда других областей. 20 ноября 1942 г. Каминский вместе с руководящими работниками округа и бригады РОНА был принят командующим 2-й танковой армией генерал-полковником Шмидтом и его штабом, и после приема обер-бургомистр заявил: «По всей вероятности, в ближайшем будущем мы получим официальное разрешение на создание русской национал-социалистической партии»¹⁴⁴.

Органы госбезопасности принимали меры, чтобы убедить бойцов бригады Каминского перейти на сторону партизан. Зимой 1943 г. на сторону партизан перешли около 1 тыс., в июле–сентябре 1943 г. около 700 человек¹⁴⁵.

Органы НКВД неоднократно принимали меры по похищению или физическому устранению Каминского. Однако все попытки оказались безуспешными. Из партизанских засад Каминский выходил невредимым.

Так, 18 февраля 1943 г. на большаке Брасово-Локоть партизаны обстреляли автомобиль обер-бургомистра. Вскоре выяснилось, что в машине ехал не Каминский, а его заместитель Мосин в сопро-

вождении сотрудника военно-следственного отдела бригады РОНА А. Свинцова. Мосин не пострадал, а Свинцов получил тяжелое ранение руки. В ответ на эту акцию Каминский приказал расстрелять 40 заложников¹⁴⁶.

В середине августа 1943 г., незадолго до эвакуации бригады РОНА в Лепель, на Каминского было совершено еще одно покушение. Сделал это А. Лешуков, солдат одного из националистических формирований, действовавших на Брянщине. Лешуков был снабжен «миной-книгой», запечатанной в пакет с адресом на имя Каминского и рассчитанной на моментальный взрыв при открытии пакета либо лицевой стороны обложки книги. Лешуков, одетый в соответствующую униформу, снабженный подлинными и фиктивными документами, беспрепятственно прошел в Брасово и вручил пакет Каминскому. Обер-бургомистр надорвал пакет, прочел лежавшую внутри него записку, не стал вынимать книгу и расписался в ее получении. После этого сел в машину и уехал в Локоть. Прибыв из Брасова, Каминский в сопровождении начальника штаба бригады РОНА И. П. Шавыкина и начальника военно-следственного отдела бригады Г. С. Процюка пришел на свою квартиру. Он извлек из пакета книгу и, открыв ее с угла, крикнул: «Мина! Уходите!». По каким-то причинам взрывное устройство не сработало. Обер-бургомистр вызвал саперов, которые взорвали «мину-книгу». Взрыв, по свидетельству очевидцев, был большой силы. После этого, вечером, во время заключительного концерта по поводу эвакуации округа, Каминский выступил перед собравшимися и подробно рассказал о происшедшем. Один из перебежчиков, присутствовавший на этом мероприятии, впоследствии свидетельствовал, что многие солдаты бригады РОНА, восхищаясь действиями советских патриотов, высказывали сожаление, что обер-бургомистр остался невредимым¹⁴⁷. В Локте были расстреляны несколько десятков заложников.

Летом 1943 г. Каминский обратился к партизанам с личным посланием, в котором пытался убедить их в бессмысленности и бесполезности сопротивления, предлагал сложить оружие. Те составили ответ, огласили его в боевых подразделениях и передали текст локотскому обер-бургомистру. И Каминскому, и немцам стало окончательно ясно, что партизаны не помышляют о сдаче.

В июле 1943 г. советские войска, измотав противника в тяжелых боях на Курской дуге, перешли в решительное контрнаступление. Среди бойцов и командиров бригады РОНА все чаще стали вестись разговоры, свидетельствующие об их антигерманских настроениях. Агентура органов госбезопасности приводила характерные примеры: «У партизан силы все растут и растут, а что будет дальше? Побьют нас здесь, как блох. Черт знает, что за время пришло, лупим брат брата по бокам, а немцы в стороне». «За что мы воюем? В первом бою перебьем немцев и уйдем к пар-

тизанам». «Если бы мы точно знали, что партизаны нас не будут расстреливать, то мы давно бы перешли к ним и вместе стали бы защищать советскую Родину». В то же время, правда, можно было услышать и другие разговоры: «Пей, гуляй, наслаждайся жизнью сегодня, а завтра нам, быть может, поотрывают головы»¹⁴⁸.

Участились случаи индивидуальных и групповых переходов к партизанам или на сторону Красной Армии. Контрразведка Каминского все чаще вскрывала подпольные антифашистские группы в частях и подразделениях бригады РОНА, участников которых, как правило, расстреливали.

15 августа 1943 г. начальник 2 Управления НКГБ СССР Федотов получил спецсообщение 4 Управления о том, что Каминский 29 июля издал приказ об эвакуации бригады РОНА и населения Локотского округа в Витебскую область — в район Лепеля и Бешенковичей. Здесь же сообщалось о том, что гарнизон деревни Чернь в количестве 940 человек перешел на сторону партизан¹⁴⁹.

О кризисных явлениях в бригаде Каминского свидетельствовали и данные, полученные по линии военной контрразведки. Так, о стремлении многих сторонников Каминского перейти на сторону партизан или Красной Армии говорилось в подброшенном письме, обнаруженном красноармейцами при освобождении села Каменка Орловской области: «Товарищи командиры и красноармейцы Красной Армии, русских, которые находятся в немецкой армии, вы называете изменниками Родине. Товарищи, мы с радостью желаем влиться в ряды своей армии, но трудно очень уйти из немецкой армии разбоя и грабежа. Кроме того, немцы нам говорят, что если мы перейдем к русским, то нас расстреляют. Мы хотим перейти к своим и боимся: так смерть, и придишь — смерть. Просим вас через листовки сообщить нам все положение, чтобы мы и все русские знали точно и не боялись за свою жизнь. Тогда вы увидите, как русские хлынут со всех концов к своей родной армии. Мы не изменники и не добровольцы, как они нас называют. Нас насильно загнали, чтобы мы били своих братьев и отцов. Немецкие войска отступают всюду и все и везде минируют, будьте осторожны. Настанет день, когда мы вместе с Красной Армией будем беспощадно бить фрицев. С приветом. Ваши братья».

Информируя об этом письме Государственный комитет обороны, В. С. Абакумов сообщал о принятых мерах: «Главным управлением „Смерш“ даны следующие указания органам контрразведки фронтов и армий: всех перебежчиков из числа советских военнопленных, состоявших на службе в национальных формированиях и так называемой „Русской освободительной армии“, немедленно на месте тщательно проверять, после чего через командование направлять в штурмовые батальоны и штрафные роты. Лиц, о которых будут данные об

их шпионской или активной предательской деятельности, арестовывать и вести следствие, выявляя их преступные связи»¹⁵⁰.

Начальник УКР «Смерш» Центрального фронта А. А. Вадис доложил своему руководству о добровольной сдаче в плен двух групп бойцов и командиров гвардейского батальона бригады РОНА, в том числе командира взвода и пропагандиста роты. По словам перебежчиков, многие желали бы перейти на сторону Красной Армии или партизан, но это было сопряжено с большими трудностями. Молодежь пополняла бригаду только под угрозой оружия и репрессий по отношению к семьям. Невзирая на это, дезертирство росло. Так, из 300 призывников 1925–1926 гг. рождения, направленных на пополнение гвардейского батальона, примерно 100 человек разбежались сразу, частью уйдя к партизанам. Из-за массового бегства распалась учебная рота этого батальона. Дезертирству способствовал приказ Каминского о передислокации бригады из Локотского округа в Лепель. Из вышеизложенного Вадис делал вывод о том, что бригада Каминского совершенно развалилась и как боевая единица перестала существовать¹⁵¹.

Этот вывод советских военных контрразведчиков был преждевременным и не соответствовал действительности. Переход на сторону партизан некоторой части бойцов из бригады РОНА неожиданно положительным образом повлиял на качественное укрепление: из бригады уходили колеблющиеся и ненадежные лица, а также те, кто не запятнал себя кровью соотечественников. Оставшиеся понимали, что им не оставалось иного пути как идти с Каминским до конца. Они осознавали, что если германская армия потерпит поражение, то всех помощников и пособников оккупантов ждет суровое советское правосудие, наказание от различных сроков лишения свободы до высшей меры наказания. Кроме того, уход бойцов из бригады РОНА вовсе не означал, что они спешили присоединиться к партизанам или войти в состав частей Красной Армии. Некоторые из них, организовав самостоятельные группы и укрывшись в лесах, переходили к «партизанским действиям» и доставили местным органам госбезопасности много забот и после освобождения ранее оккупированных территорий.

Часть бойцов из бригады РОНА перешла на сторону партизан и Красной Армии вовсе не для того, чтобы искупить свою вину перед Родиной в боях с немецкими захватчиками. В конце августа 1943 г. советская контрразведка получила информацию: групповые переходы полицейских на сторону партизан немцы начали использовать для засылки в партизанские отряды агентуры с заданиями террористического характера. Так, начальник 1-го отдела 4 Управления НКГБ СССР Шарок сообщал Федотову, что у него находится немецкий агент К., направленный с заданием ликвидировать командира партизанской бригады Дука¹⁵².

Заместитель начальника 2 Управления НКГБ СССР комиссар госбезопасности Л. Ф. Райхман со ссылкой на данные 4 Управления НКГБ в сентябре 1943 г. информировал начальника Управления НКГБ по Орловской области подполковника госбезопасности А. Д. Домарева о подготовке немцами из военнотружущих бригады Каминского групп для бандитской деятельности в советском тылу и для внедрения агентуры в партизанские отряды с разведывательными целями и заданиями террористического характера. Ориентируя об этом, Райхман предлагал усилить работу по разоблачению агентуры этой категории и ликвидации бандитских группировок в тылу¹⁵³.

После того как в сентябре 1943 г. советские войска освободили территорию бывшего Локотского округа, советские контрразведчики приступили к розыску агентуры противника, оставленной на оседание в данном регионе. Наряду с лицами, активно сотрудничавшими с немецкими оккупантами, выявлялись и те, кто занимался антисоветской агитацией и пропагандой. Так, Домарев докладывал Федотову, что оперативной группой Управления НКГБ по Орловской области, выехавшей в Локоть для очистки района от антисоветского элемента, по состоянию на 15 сентября 1943 г. были задержаны 199 человек, из них арестованы — 100, в том числе изменников Родины — 4, подозрительных по шпионажу — 4, разоблаченных агентов немецкой разведки — 3, полицейских, служащих и работников гестапо — 64, старост — 10, руководящих работников оккупационных учреждений — 5, других служащих — 10. В результате оперативной работы «по разложению бригады Каминского из 3-го батальона перешли к партизанам 200 человек, из 11-го — 140. Перешедший к партизанам командир 4-го батальона Хомченко заявил, что по приказу нашей агентуры привел 50 человек для сдачи в плен»¹⁵⁴.

В акте от 22 апреля 1944 г., составленном районной комиссией по учету ущерба и злодеяний немецкофашистских захватчиков, их сообщников и причиненного ими ущерба государственным предприятиям, учреждениям, общественным организациям, колхозам, совхозам, МТС и гражданам Брасовского района Орловской области, были указаны факты массового истребления советских граждан. «Гитлеровцами и их пособниками в последние дни своего существования в Брасовском районе в 1943 году, в лесу Погребской дачи истреблено более 2500 человек, на поле конесовхоза № 17 метрах в 600 от тюрьмы «Крапина» свыше 1500 человек, в Вороновом логу (Шемякинская лесная дача) и противотанковом рву (с. Хутор Холмецкий Купецкого сельсовета) — 825 человек, по неполным данным гитлеровские мерзавцы уничтожили в Брасовском районе ни в чем не повинных мужчин, женщин и детей 4895 человек»¹⁵⁵.

Согласно зарегистрированным данным, по спискам, представленным в мае 1944 года в Орловскую областную комиссию по учету грабежа и злодеяний, общее количество злодейски уничтоженного

населения составляет 1119 человек, в том числе повешено 12 человек, сожжено 83 человека, расстреляно 1024 человека, из них: женщин — 427 человек, детей — 227 человек. Персональных списков лиц, совершавших злодеяния, не имеется. Все злодеяния совершались под руководством немецкого и мадьярского командования и их представителей на местах, фамилии которых для комиссии неизвестны¹⁵⁶.

Бесславный исход на запад

В конце июля 1943 г. Каминский предпринял энергичные меры, чтобы спасти и себя, и своих единомышленников из бригады РОНА от разгрома наступавших частей Красной армии. Он предпочел эвакуироваться вместе с германскими войсками.

В начале августа Каминский обратился к населению Локотского округа. Говоря о предложении германского командования об эвакуации, он убеждал жителей округа добровольно переехать в Белоруссию. Каминский надеялся, что работники Локотского окружного самоуправления с радостью встретят это якобы лестное предложение германского командования. Тех, кто не пожелает поехать в Белоруссию, Каминский предупреждал, что они будут эвакуированы германским командованием в административном порядке.

В августе 1943 г. бригада РОНА была эвакуирована в Лепель. Вместе с Каминским из Локотского особого округа эвакуировались около 30 тыс. человек. Это были те, кто активно сотрудничал с германскими оккупационными властями в административных органах или состоял в отрядах полиции. Они обоснованно опасались преследования со стороны советской власти. На территории Лепельского и Дятловского районов германским командованием были образованы самоуправляющиеся округа, но этот эксперимент оккупационных властей вскоре завершился полным провалом.

По мере наступления частей и соединений Красной Армии и отступления германских войск на запад отходила и бригада РОНА. В феврале 1944 г. она стала называться «передовой штурмовой бригадой РОНА».

В августе 1944 г. сводный полк бригады в количестве 1 тыс. 600 человек под командованием И. Д. Фролова принял активное участие в подавлении Варшавского восстания, в ходе которого проявил особую жестокость, его отличали широкий размах грабежа и мародерства. Рассказывая о боевых эпизодах в Варшаве, Фролов вспоминал, как вместе со своими подчиненными он врвался в кварталы польских граждан и лично расстреливал польских граждан, пытавшихся скрыться. О размерах грабежа польского населения в Варшаве можно было судить по тому, что у каждого бойца сводного полка после возвращения с Варшавской операции можно было найти до 15–20 золотых часов.

Бывший офицер штурмовой бригады СС РОНА А. С. Перхуров на допросе 8 июля 1946 г. сообщил:

«Методы подавления восстания были настолько неслыханно зверскими, садистскими, что этот факт возмутил все общественное мировое мнение»¹⁵⁷.

Дальнейшая судьба солдат и офицеров РОНА весьма незавидна. Зверства сводного полка РОНА под командованием Фролова в подавлении Варшавского восстания 1944 г. стали последней каплей, переполнившей чашу терпения даже немецкого командования, уставшего от садистских выходок роновцев. По приказу обергруппенфюрера СС Э. фон дем Баха-Зелевского Каминский с несколькими своими соратниками были расстреляны, а бойцам бригады РОНА сообщили, что они погибли в партизанской засаде.

Дивизию РОНА сняли с занимаемых позиций и расформировали. С октября 1944 по март 1945 гг. в районе г. Мюнзинген (Германия) оставшиеся подразделения РОНА были переформированы и включены в состав 600-й дивизии РОА. В апреле 1945 г. 600-я дивизия РОА занимала оборону против наступающих частей Красной Армии на западном берегу Одера, а в первых числах мая 1945 г. была переброшена в местечко Кузоед (Чехословакия). Командир 600-й дивизии РОА провел расширенное совещание комсостава дивизии, на котором объявил о своем решении не подчиняться приказам немецкого командования. Через несколько дней в дивизию прибыл Власов, и примерно 5 мая были выпущены листовки с его приказом, которые призывали военнослужащих дивизии начать вооруженную борьбу против немцев и помочь чешскому народу освободить Прагу. 6–7 мая дивизия прибыла в предместье чешской столицы и включилась в боевые действия на стороне восставших. 11–12 мая недалеко от Праги дивизия сдалась в плен советскому командованию, при этом часть комсостава покончила жизнь самоубийством.

В отношении лиц, которые в период временной оккупации Орловской области немецкими захватчиками, сотрудничали с оккупантами: служили на ответственных административных должностях (бургомистры, начальник полиции, коменданты и т. п.), выдавали или преследовали партизан, военнослужащих Красной Армии, советских активистов и членов их семей; принимали непосредственное участие в убийствах и насилиях над населением, грабежах и истреблении имущества граждан и имущества принадлежавшего государству, колхозам, кооперативным и общественным организациям, были проведены следственные действия, после чего их дела были переданы в судебные инстанции. Решением Военной коллегии Верховного суда СССР от 30–31 декабря 1946 г. Мосин, Фролов, Васюков и Захарцов были признаны виновными в совершении преступлений и приговорены к расстрелу, остальные — к различным срокам заключения. Финал вполне закономерный для военных преступников, которые не могут быть реабилитированы за свои злодеяния.

Ни РОА Власова, ни РОНА Каминского, ни какое-либо иное национальное формирование, состоявшее на службе в германской армии и способствовавшее воплощению человеконенавистнических планов Гитлера, не могло стать «альтернативой» в защите Родины от агрессора. Такого рода преступления не знают сроков давности, и лица, их совершившие, не подлежат реабилитации.

В тоже время еще 25 ноября 1943 г. Пленум Верховного суда СССР дал указание судам о квалификации действий советских граждан по оказанию помощи врагу в районах временно оккупированных немецкими захватчиками. Пленум определил, что «не подлежат привлечению к уголовной ответственности: советские граждане, занимавшие административные должности при немцах, если будет установлено, что они оказывали помощь партизанам, подпольщикам и частям Красной Армии или саботировали выполнение требований немецких властей, помогали населению в сокрытии запасов продовольствия и имущества, или другими способами содействовали борьбе с оккупантами; а также мелкие служащие административных учреждений, рабочие и специалисты, занимавшиеся своей профессией (врачи, ветеринары, агрономы, инженеры, учителя), если они не совершили преступных действий»¹⁵⁸.

Е. М. Малышева, исследовавшая вопросы коллаборационизма в период Великой Отечественной войны, говорит о том, что коллаборационизм и лояльное отношение к оккупационным властям не были характерной чертой многомиллионных масс советских людей. Кроме того, «коллаборационизм как сложное социальное явление и объект исследования находится на новом историографическом этапе. Требуется расширение круга источников, более высокий аналитический уровень работ, демифологизация проблемы «борьбы против сталинского режима власти», детальное исследование социальных аномалий в советском обществе в годы войны, таких как депортация, репатриация, военнопленные, репрессии, карательные органы, деятельность силовых структур военного периода»¹⁵⁹.

Разумеется, говорить о «локотской альтернативе», чей опыт можно было бы использовать на территории всей России, нельзя. Каминский и его приспешники, прославившиеся зверствами, ужасавшими даже нацистов, понесли заслуженное наказание. Их псевдогосударственный строй, экономическая и образовательная системы могли существовать, только если бы СССР был захвачен гитлеровской Германией. Поэтому Локотское самоуправление было не альтернативой, а продолжением фашизма. Уинстон Черчилль сказал: «Любой человек или государство, которые борются против нацизма, получают нашу помощь. Любой человек или государство, которые идут с Гитлером, — наши враги». Каминцы не шли своим собственным путем, они следовали за Гитлером.

- ¹ Мировые войны XX века. Кн. 3. Вторая мировая война. М., 2005. С. 397.
- ² Малышева Е. М. Патриотизм и коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны // Россия в XX веке. Война 1941–1945 годов: современные подходы. М., 2005. С. 313.
- ³ О формировании органов самоуправления на оккупированных территориях РСФСР, административном коллаборационизме и историографию этого вопроса см.: Ермолов И. Г. Органы самоуправления на оккупированных территориях РСФСР // Российская история. 2009. № 1. С. 133–140.
- ⁴ Власов Андрей Андреевич (1901–1946), заместитель командующего фронтом — командующий 2-й Ударной армией Волховского фронта, генерал-лейтенант. 13 июля 1942 г. находясь в окружении, перешел на сторону немецких войск. Под немецким руководством сформировал Русскую освободительную армию и был назначен ее главнокомандующим. После капитуляции Германии взят в плен офицерами Красной армии. Постановлением Военной коллегии Верховного суда СССР от 1 августа 1946 г. приговорен к смертной казни с конфискацией имущества и лишением воинских званий. Приговор приведен в исполнение в тот же день. Определением Военной коллегии Верховного суда России от 1 ноября 2001 г. приговор от 1 августа 1946 г. отменен в части осуждения по ст. 58–10 ч. 2 УК РСФСР, в остальном — оставлен без изменения.
- ⁵ Например, Синод Русской православной церкви за рубежом (РПЦЗ) считает, что генерал Власов был и остается символом сопротивления безбожному большевизму во имя возрождения исторической России, а все, что им было предпринято, делалось для отечества. См.: Клиш Б. Зарубежная церковь объявила Власова патриотом // Известия. 2009. 10 сентября. С. 1–2.
- ⁶ Историографию вопросов, связанных с различными формами сотрудничества населения России с нацистским оккупационным режимом, см.: Ковалев Б. Н. Проблемы изучения истории отечественного коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны // Исторические чтения на Лубянке: 1997–2008. М., 2008. С. 270–281.
- ⁷ Гилязов И. А. Легион «Идель-Урал». Представители народов Поволжья и Приуралья под знаменем «третьего рейха». Казань, 2005; Журавлев Е. И. Гражданский коллаборационизм на Юге России в годы Великой Отечественной войны // Российская история. 2009. № 6. С. 70–78; Ковалев Б. Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России 1941–1944. М., 2004; Литвин А. М. К вопросу о казачьих формированиях вермахта на Беларуси (1941–1944) / Война. Народ. Победа: материалы междунар. науч. конф. Москва, 15–16 марта 2005 года. М., 2008; Литвинов М. Ю., Седунов А. В. Шпионы и диверсанты: Борьба с прибалтийским шпионажем и националистическими бандформированиями на Северо-Западе России. Псков, 2005; «Уничтожить как можно больше...»: Латвийские коллаборационистские формирования на территории Белоруссии, 1941–1944 гг. М., 2009.
- ⁸ Журавлев Е. И. Гражданский коллаборационизм на Юге России в годы Великой Отечественной войны // Российская история. 2009. № 6. С. 71.
- ⁹ Гилязов И. А. Коллаборационистское движение среди тюрков-мусульманских военнопленных и эмигрантов в годы Второй мировой войны. Дисс. ... д-ра ист. наук. Казань, 2000; Кринко Е. Ф. Оккупационный режим на Кубани (1942–1943 гг.): Дисс. ... канд. ист. наук. Краснодар, 1997.
- ¹⁰ См.: Веревкин С. Самая запретная книга о Второй мировой. М., 2009. С. 191.
- ¹¹ О कोरोков А. В. Фашизм и русская эмиграция (1920–1945 гг.). М., 2002. С. 497.
- ¹² Дробязко С. И. Локотский автономный округ и Русская освободительная народная армия // Материалы по истории Русского освободительного движения. Вып. 2. М., 1998. С. 168–216; Он же. Под знаменем врага. М., 2004.
- ¹³ Воскобойник (Воскобойников) Константин Павлович (1895–1942), староста Локотской волости, бургомистр Локотского особого административного района (4 октября 1941 г. — 8 января 1942 г.). Убит партизанами.
- ¹⁴ Каминский Бронислав Владиславович (1899–1944), бургомистр Локотского особого административного района, обер-бургомистр Локотского особого округа (1942–1943), командир бригады РОНА, бригадефюрер СС, кавалер двух Железных крестов. Расстрелян эсэсовцами в сентябре 1944 г.
- ¹⁵ Фирсанов К. Ф. Как ковалась победа / За линией фронта. Тула, 1968. С. 77; Фирсанов К. Ф. Ради жизни: Записки чекиста. Куйбышев, 1973. С. 32–34.
- ¹⁶ Лихачева Л. Б., Соловей М. А. Энциклопедия заблуждений. Третий рейх. Москва–Донецк, 2006. С. 59–61.
- ¹⁷ Лихачева Л. Б., Соловей М. А. Энциклопедия заблуждений. Третий рейх. Москва–Донецк, 2006. С. 60.
- ¹⁸ Центральный архив ФСБ России, архив УФСБ России по Орловской области.
- ¹⁹ В ЦА ФСБ России хранится 10-томное следственное дело «По обвинению Мосина С. В., Васюкова М. Г. и других», в котором сосредоточены документы о руководителях Национал-социалистической трудовой партии России (НСТПР) и командном составе бригады РОНА.
- ²⁰ Газета «Голос Народа» печаталась на базе типографии довоенной газеты «Брасовский коммунар». Первый номер газеты тиражом 250 экз. вышел 26 марта 1942 г. С начала 1943 г. газета выходила два раза в месяц тиражом 8 тыс. экз., с марта 1943 г. — шесть раз в месяц тиражом 14 тыс. экз.
- ²¹ Бюллетень издавался с начала 1943 г. и выходил 2 раза в неделю. В нем публиковались нормативные документы Локотского обер-бургомистра.
- ²² Газета «Боевой путь» (печатный орган бригады РОНА) по структуре и рубрикам напоминала газету «Красная Звезда». «Боевой путь» стал издаваться уже после эвакуации бригады РОНА в Лепель.
- ²³ Архив УФСБ по Орловской области. Ф. 19. Оп. 1. Д. 12–16.
- ²⁴ О сопротивлении в тылу немецко-фашистских войск на территории Центрально-Черноземного района наиболее полно говорится в документах фонда № 69 РГАСПИ («Центральный штаб партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандования»). См.: Коровин В. В. Документальные источники о сопротивлении немецко-фашистским оккупантам на территории Центрального Черноземья России // Вестник архивиста. 2009. № 1. С. 80–92.
- ²⁵ Гудериан Хайнц Вильгельм (1888–1954), германский военачальник, генерал-полковник. С июня 1940 г. — командующий 2-й танковой группой, с октября 1941 г. — 2-й танковой армией, с 1943 г. — генерал-инспектор танковых войск, с 1944 г. — начальник генштаба сухопутных войск. В 1945 г. уволен в запас. Взят в плен американскими войсками.

- 26 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 913. Л. 71.
- 27 См.: ЦА ФСБ России. Д. Н-18757. Т. 7. Л. 208.
- 28 См.: ЦА ФСБ России. Д. Н-18757. Т. 7. Л. 212–212об.
- 29 В августе 1942 г., в конюшне Локотского конезавода № 17 была организована Локотская окружная тюрьма.
- 30 Мосин Степан Васильевич (1904–1947), заместитель обер-бургомистра Локотского округа, председатель Центрального организационного комитета НСТПР, начальник отдела агитации и пропаганды Локотского самоуправления, ответственный редактор газеты «Голос народа», награжден 4 немецкими медалями. Арестован УМВД СССР по Брянской области 1 апреля 1946 г. 31 декабря 1946 г. Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к высшей мере наказания по ст. 58–1 «б» (измена Родине, совершенная военнослужащим) и ст. 58–11 (контрреволюционная организационная деятельность) УК РСФСР. Расстрелян 24 января 1947 г. Не реабилитирован.
- 31 Леонидов. Национал-социалист России // Голос народа. 1943. 15 июня. С. 3.
- 32 См.: ЦА ФСБ России. Д. Н-18757. Т. 7. Л. 92.
- 33 Христофоров В. С., Макаров В. Г. Дети генерала Шмидта. Миф о «Локотьской альтернативе» // Родина. 2006. № 10. С. 87.
- 34 Фирсанов К. Ф. Ради жизни: Записки чекиста. Куйбышев, 1973. С. 32–33.
- 35 См.: ЦА ФСБ России. Д. Н-18757. Т. 1. Л. 67.
- 36 Шмидт Рудольф (1886–1957), немецкий военный деятель, генерал-полковник. С 25 декабря 1941 г. по 10 апреля 1943 г. — командующий 2-й танковой армией.
- 37 Фирсанов К. Ф. Ради жизни: Записки чекиста. Куйбышев, 1973. С. 33.
- 38 Фирсанов К. Ф. Как ковалась победа / За линией фронта. Тула, 1968. С. 77–79; Фирсанов К. Ф. Ради жизни: Записки чекиста. Куйбышев, 1973. С. 32–34.
- 39 Фирсанов Кондратий Филиппович (1902–1993), в 1939–1944 гг. — начальник Управления НКВД по Орловской области, в 1944–1949 гг. — начальник УНКВД–УМВД по Брянской области.
- 40 Константин Павлович.
- 41 Колокольцев А. Константин Павлович Воскобойник // Голос народа. 1942. 4 октября. С. 1.
- 42 ЦА ФСБ России. Д. Н-18757. Т. 1. Л. 332.
- 43 См.: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. М., 2000. С. 610.
- 44 Кейтель Вильгельм Бодевин Иоганн Густав (1882–1946), начальник штаба Верховного главного командования вооруженными силами Германии (ОКВ); генерал-фельдмаршал. После провала Июльского заговора 1944 г. руководил мероприятиями по ликвидации участников покушения на фюрера. 8 мая 1945 г. Кейтель, генерал Г. Штумпф и адмирал Г. Фридебург подписали акт о безоговорочной капитуляции Германии. 16 октября 1946 г. Кейтель был повешен в Нюрнбергской тюрьме.
- 45 В настоящее время эти районы входят в состав Брянской области.
- 46 См.: РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 913. Л. 71.
- 47 См.: ЦА ФСБ России. Д. Н-21139. Т. 2. Л. 16.
- 48 Местные жители часто называли свое административное образование Локотским окружным самоуправлением.
- 49 ЦА ФСБ России. Д. Н-18757. Т. 1. Л. 337об.
- 50 ЦА ФСБ России. Д. Н-18757. Т. 1. Л. 201.
- 51 Васюков Михаил Георгиевич (1900–1947), начальник планового отдела Локотского окружного самоуправления, член оргкомитета НСТПР, председатель комиссии по эвакуации населения, начальник особого отдела бригады РОНА. В конце войны работал в штабе генерала Власова. Арестован УНКВД СССР по Брянской области 22 октября 1945 г. 31 декабря 1946 г. Военной коллегией Верховного суда СССР по ст.ст. 58–1 «б» (измена Родине, совершенная военнослужащим) и 58–11 (контрреволюционная организационная деятельность) УК РСФСР приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян 24 января 1947 г. Не реабилитирован.
- 52 ЦА ФСБ России. Д. Н-18757. Т. 2. Л. 51.
- 53 ЦА ФСБ России. Д. Н-18757. Т. 2. Л. 51–51об.
- 54 ЦА ФСБ России. Д. Н-18757. Т. 1. Л. 182.
- 55 См.: ЦА ФСБ России. Д. Н-18757. Т. 1. Л. 315.
- 56 См.: ЦА ФСБ России. Д. Н-18757. Т. 4. Л. 77.
- 57 См.: ЦА ФСБ России. Д. Н-18757. Т. 1. Л. 339.
- 58 См.: ЦА ФСБ России. Д. Н-18757. Т. 7. Л. 213.
- 59 Михеев Алексей Ильич (1893–1953), начальник лесного отдела Локотского окружного самоуправления. 3 августа 1946 г. арестован. 31 декабря 1946 г. Военной коллегией Верховного суда СССР по ст.ст. 58–1 «а» (измена Родине) и 58–11 (контрреволюционная организационная деятельность) УК РСФСР приговорен к 10 годам лишения свободы и 5 годам поражения в правах с конфискацией имущества. Умер в лагере 2 апреля 1953 г. Не реабилитирован.
- 60 См.: ЦА ФСБ России. Д. Н-18757. Т. 1. Л. 179.
- 61 См.: ЦА ФСБ России. Д. Н-18757. Т. 7. Л. 209.
- 62 См.: ЦА ФСБ России. Д. Н-18757. Т. 2. Л. 207.
- 63 См.: ЦА ФСБ России. Д. Н-18757. Т. 1. Л. 219.
- 64 ЦА ФСБ России. Д. Н-20820. Т. 2. Л. 245об.
- 65 ЦА ФСБ России. Д. Н-20820. Т. 2. Л. 188.
- 66 См.: ЦА ФСБ России. Д. Н-20820. Т. 2. Л. 188.

- ⁶⁷ И. Б. Еще раз о школах // Голос народа. 1942. 25 августа. С. 3.
- ⁶⁸ См.: ЦА ФСБ России. Д. Н-18757. Т. 1. Л. 338.
- ⁶⁹ См.: ЦА ФСБ России. Д. Н-18757. Т. 1. Л. 46.
- ⁷⁰ Германскими войсками штурмом взят город Севск // Голос народа. 1943. 31 марта. С. 1.
- ⁷¹ См.: ЦА ФСБ России. Д. Н-18757. Т. 1. Л. 205.
- ⁷² Приказ № 1 по Локотскому окружному управлению // Голос народа. 1942. 5 августа. С. 4.
- ⁷³ См.: РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 913. Л. 62.
- ⁷⁴ ЦА ФСБ России. Д. Н-18757. Т. 1. Л. 146.
- ⁷⁵ Веревкин С. Самая запретная книга о Второй мировой. М., 2009. С. 130.
- ⁷⁶ Архив УФСБ по Орловской обл. Ф. 19. Оп. 1. Д. 9. Л. 106–116, 120–121, 123, 128.
- ⁷⁷ Угловой штамп официального бланка Дмитровского районного управления Курской области также на немецком и русском языках. См.: Архив УФСБ по Орловской обл. Ф. 19. Оп. 1. Д. 9. Л. 147, 180, 190–243.
- ⁷⁸ См.: Архив УФСБ по Орловской обл. Ф. 19. Оп. 1. Д. 9. Л. 82.
- ⁷⁹ См.: Трофейные документы Дмитровского караульного батальона. Архив УФСБ по Орловской обл. Ф. 19. Оп. 1. Д. 9. Л. 252, 255.
- ⁸⁰ См.: Трофейные документы Дмитровского караульного батальона. Архив УФСБ по Орловской обл. Ф. 19. Оп. 1. Д. 9. Л. 283–284.
- ⁸¹ Трофейные документы Дмитровского караульного батальона. См.: Архив УФСБ по Орловской обл. Ф. 19. Оп. 1. Д. 9. Л. 285.
- ⁸² См.: Архив УФСБ по Орловской обл. Ф. 19. Оп. 1. Д. 9. Л. 441–446.
- ⁸³ См.: Архив УФСБ по Орловской обл. Ф. 19. Оп. 1. Д. 9. Л. 131–137, 138–142.
- ⁸⁴ Фролов Иван Денисович (1906–1947), начальник строевого отдела, помощник начальника штаба бригады РОНА, командир сводного полка РОНА, участвовавшего в подавлении Варшавского восстания. Награжден 2 Железными крестами и 3 медалями. Арестован 31 мая 1946 г. Отделом контрразведки «Смерш» 256-го лагеря. 31 декабря 1946 г. Военной коллегией Верховного суда СССР по ст.ст. 58–1 «б» (измена Родине, совершенная военнослужащим) и 58–11 (контрреволюционная организационная деятельность) УК РСФСР приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян 24 января 1947 г. Не реабилитирован.
- ⁸⁵ ЦА ФСБ России. Д. Н-18757. Т. 2. Л. 94–65.
- ⁸⁶ Приказ № 114 по Локотскому окружному самоуправлению // Голос народа. 1942. 5 ноября. С. 1.
- ⁸⁷ См.: ЦА ФСБ России. Д. Н-18757. Т. 1. Л. 321.
- ⁸⁸ Окончательно Севск был освобожден войсками Центрального фронта в ходе Черниговско-Припятской операции в августе 1943 г.
- ⁸⁹ См.: ЦА ФСБ России. Д. Н-18757. Т. 4. Л. 218.
- ⁹⁰ См.: ЦА ФСБ России. Д. Н-18757. Т. 7. Л. 89–90.
- ⁹¹ Карабанов И. В Орловско-брянских лесах // Орловский комсомолец. 2009. 30 июня. С. 4.
- ⁹² См.: ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 1. Д. 198. Л. 1.
- ⁹³ ЦА ФСБ России. Д. Н-18757. Т. 1. Л. 308.
- ⁹⁴ Карабанов И. В Орловско-брянских лесах // Орловский комсомолец. 2009. 30 июня. С. 4.
- ⁹⁵ Емлютин Дмитрий Васильевич (1907–?), начальник Комаричского и Мглинского районных отделений УНКВД, Суражского межрайонного отдела УНКГБ Брянской области, Герой Советского Союза (1942). В сентябре 1941 г. назначен начальником оперативной группы по организации партизанских отрядов и руководству ими в районе Брянской и Орловской областей. В 1942–1943 гг. — командир объединенного партизанского отряда, в 1943–1944 гг. — заместитель начальника штаба партизанского движения на Центральном фронте.
- ⁹⁶ «Восточные батальоны», по мнению генерал-лейтенант Бернгарда, не обладали высокой боевой готовностью и боевой способностью. С одной стороны это было вызвано недостаточной благонадежностью, а с другой — недостатками вооружения и снабжения боеприпасами. См.: ЦА ФСБ России. Д. Н-18292. Т. 1. Л. 5.
- ⁹⁷ См.: ЦА ФСБ России. Д. Н-18292. Т. 1. Л. 5–6.
- ⁹⁸ В трофейных документах Дмитровского батальона милиции Локотского округа формируемые батальоны называются немецко-русскими. См.: Архив УФСБ по Орловской обл. Ф. 19. Оп. 1. Д. 9. Л. 278–279.
- ⁹⁹ См.: Архив УФСБ по Орловской обл. Ф. 19. Оп. 1. Д. 9. Л. 280–282.
- ¹⁰⁰ См.: ЦА ФСБ России. Д. Н-18757. Т. 1. Л. 105об–106.
- ¹⁰¹ ЦА ФСБ России. Д. Н-18292. Т. 1. Л. 6.
- ¹⁰² После войны органы безопасности СССР провели большую работу по выявлению и аресту командования бригады РОНА и сотрудников Локотского окружного самоуправления. Допрошенные по одному, в разное время, в разных местах, они называли одни и те же населенные пункты, сожженные полицейскими отрядами.
- ¹⁰³ Обращение // Голос народа. 1942. 5 августа. С. 3.
- ¹⁰⁴ Жуткие тайны Кокоревского леса // Голос народа. 1943. 15 июля. С. 3.
- ¹⁰⁵ ЦА ФСБ России. Д. Н-18757. Т. 7. Л. 91.
- ¹⁰⁶ См.: ЦА ФСБ России. Д. Н-18292. Т. 1. Л. 5.
- ¹⁰⁷ Незримого фронта солдаты. Тула, 1971. С. 187.

- 108 См.: ЦА ФСБ России. Д. Н-18757. Т. 1. Л. 318.
- 109 Программа Русской народной национал-социалистической партии // *Голос Народа*. 1942. 15 апреля. С. 3.
- 110 Христофоров В. С., Макаров В. Г. Дети генерала Шмидта. Миф о «Локотской альтернативе» // *Родина*. 2006 г. № 10. С. 87.
- 111 ЦА ФСБ России. Д. № Н-18292. Т. 5. Л. 97–99, 131–136.
- 112 ЦА ФСБ России. Д. Н-18757. Т. 8. Л. 44.
- 113 ЦА ФСБ России. Д. Н-18757. Т. 4. Л. 171.
- 114 ЦА ФСБ России. Д. Н-18757. Т. 7. Л. 231–233.
- 115 ЦА ФСБ России. Д. Н-18757. Т. 4. Л. 46об.
- 116 ЦА ФСБ России. Д. Н-18757. Т. 4. Л. 107–108
- 117 ЦА ФСБ России. Д. Н-18757. Т. 7. Л. 12об.–13.
- 118 ЦА ФСБ России. Д. Н-18757. Т. 7. Л. 210.
- 119 ЦА ФСБ России. Д. Н-18757. Т. 7. Л. 79–83.
- 120 ЦА ФСБ России. Д. Н-18757. Т. 7. Л. 85–86.
- 121 ЦА ФСБ России. Д. Н-18757. Т. 8. Л. 44.
- 122 ЦА ФСБ России. Д. Н-18757. Т. 8. Л. 48–48об.
- 123 ЦА ФСБ России. Д. Н-18757. Т. 4. Л. 171.
- 124 Христофоров В. С. Дети генерала Шмидта // *Время новостей*. 2009. 16 ноября. С. 6.
- 125 Указом Президиума Верховного Совета СССР 22 июня 1941 г. Орловская область была объявлена на военном положении.
- 126 ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 8. Д. 150. Л. 24–25.
- 127 См.: ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 8. Д. 150. Л. 29.
- 128 См.: ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 3. Д. 2190. Л. 240.
- 129 См.: ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 3. Д. 2190. Л. 243; *Незримого фронта солдаты*. Тула, 1971. С. 93.
- 130 В Трубчевске партизанам удалось захватить полицейский архив и список агентов, работавших на оккупантов. См.: Абрамович И. Е. Шумел сурово Брянский лес / *За линией фронта*. Тула, 1968. С. 118–119.
- 131 На 10 апреля 1942 г. партизанские отряды южного массива Брянского леса насчитывали около 10 тыс. бойцов и командиров. Они имели 12 тыс. 300 винтовок, 112 станковых и 195 ручных пулеметов, 136 минометов, 73 орудия различных калибров, 3 танка КВ, 10 танков Т-34, 3 танкетки, 5 бронемашин. См.: Фирсанов К. Ф. Как ковалась победа / *За линией фронта*. Тула, 1968. С. 38.
- 132 Фирсанов К. Ф. Указан. изд. 1968. С. 45.
- 133 Фирсанов К. Ф. Указан. изд. С. 45–46.
- 134 См.: ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 3. Д. 2190. Л. 254.
- 135 *За линией фронта*. Тула, 1968. С. 45, 133.
- 136 Фирсанов К. Ф. Указан. изд.. С. 53.
- 137 *Незримого фронта солдаты*. Тула, 1971. С. 93–94.
- 138 См.: ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 9. Д. 2556. Л. 17–18.
- 139 См.: ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 10. Д. 174. Л. 271–278.
- 140 «Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки. М., 2003. С. 371–372; Алоян А. *Неизвестная война* // *Просторы России*. 2009. 5 августа. С. 5.
- 141 См.: ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 9. Д. 2556. Л. 23.
- 142 См.: ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 9. Д. 2556. Л. 28.
- 143 Емлютин Д. В. В южном массиве брянских лесов / *За линией фронта*. Тула, 1968. С. 109.
- 144 ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 9. Д. 2556. Л. 80–80об.
- 145 См.: ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 3. Д. 2190. Л. 267.
- 146 См.: ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 3. Д. 2214. Л. 16.
- 147 См.: ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 3. Д. 2214. Л. 45–49.
- 148 ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 3. Д. 2214. Л. 29.
- 149 См.: ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 1. Д. 198. Л. 71.
- 150 ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 5. Д. 1. Л. 38–39.
- 151 См.: ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 1. Д. 198. Л. 87–89.
- 152 См.: ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 1. Д. 198. Л. 73.
- 153 См.: ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 1. Д. 198. Л. 97.
- 154 ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 1. Д. 198. Л. 109.
- 155 ЦА ФСБ России. Д. № Н-18292. Т. 5. Л. 97–99.
- 156 ЦА ФСБ России. Д. Н-18292. Т. 5. Л. 131–132.
- 157 ЦА ФСБ России. Д. Н-18757. Т. 3. Л. 199.
- 158 См.: *Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне*. Т. 4. Кн. 2. М., 2008. С. 572–573.
- 159 Малышева Е. М. Патриотизм и коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны // *Россия в XX веке. Война 1941–1945 годов: современные подходы*. М., 2005. С. 334.

Документы

Из докладной записки командующему войсками Закавказского фронта генералу Армии И. Тюленеву о национальных формированиях в составе германской армии, не ранее 12 октября 1942 г.¹

(...) Грузинский полк «Георгиен легион» (в донесениях его иногда называли батальоном) состоит из 4-х рот по 230 человек в каждой... Вооружение: русские винтовки, пулеметы, минометы. Форма одежды: немецкая. Взводами и ротами командуют грузины из военнопленных. Полком командует грузин полковник Маглакелидзе, приехавший в Германию 7 лет тому назад и прошедший учебу в Берлине. Штабные офицеры — немцы.

Легион формировался из военнопленных грузин в Варшаве в ноябре прошлого года. В марте этого года легион получил пополнение 100 человек из лагеря города Лиды. Эту группу в Варшаве обучали с марта по август 1942 г. При вербовке в легион применялось запугивание со стороны грузин-вербовщиков — немецких агентов. В своем выступлении перед солдатами полка в Варшаве полковник Маглакелидзе заявил: «После того как немцы освободят Кавказ, легион придет туда наводить порядок». Говорилось также о том, что Грозный и Махачкала захвачены немцами, будто немцы дошли уже до Баку, что Красная Армия уничтожена и от нее остались отдельные небоеспособные группы. Немцы и полковник Маглакелидзе старались внушить солдатам легиона страх перед русским пленом.

Дисциплина в полку была слабая. Имели случаи невыполнения приказаний, за что провинившихся отправляли обратно в лагерь для военнопленных. Во время следования полка на фронт из него дезертировали 10 человек, в десятых числах сентября из легиона разбежались 50 человек.

Солдаты полка говорили между собой, что незачем воевать против своих братьев и отцов и что, если они узнают, что против них воюют грузины, они воевать не будут. Среди грузин были люди гестапо, подтверждением чего служит предательство замысла перехода на сторону Красной Армии (...)

В составе армянского легиона — 3 батальона. Дисциплина в легионе строгая. В наказание провинившегося при полной выкладке и в противогазе заставляют выполнять команды: «бегом», «ложись», «встать».

¹ С конца 1941 г. командование германской армии стало создавать в своем тылу боевые формирования, в состав которых включались представители различных национальностей Советского Союза. Информация о национальных частях в составе вермахта, которая приводится в документе, основана на показаниях перебежчиков из «Грузинского легиона».

Или заставляют влезать на дерево и там стоять по команде «смирно» на ветке. Применяется также метод круговой поруки, когда за поступок одного солдата наказывается вся рота.

Идеологическая обработка армянского и других легионов направлена на пропаганду национал-социализма, разжигание национальной вражды между солдатами и распространение провокационных выдумок о Советском Союзе и положении на Восточном фронте. Несколько раз в неделю с солдатами проводились занятия «немецкого языка», на которых переводчики в порядке «информации» сообщали солдатам, что Тифлис взят немцами, Баку окружен и скоро так же будет у них и т. п.

В первом батальоне работает подпольный комитет, который был связан с польскими революционерами. Комитет получал от них информацию об истинном положении на фронтах, а также о последних сообщениях Совинформбюро.

1 октября по решению комитета должны были сбежать 30–40 процентов солдат всего батальона.

Кроме грузинского и армянского легиона в районе Моздока оперирует так называемый Кавказский батальон. Он состоит из пяти рот. По национальному составу смешанный: 1-я рота — грузины и немцы, 2-я рота — смешанные национальности Дагестана, 3-я рота — азербайджанцы и немцы, 4-я рота — грузины и армяне, 5-я рота — штабная, укомплектована была белоэмигрантами (около 30 человек). Командный состав штабной роты целиком состоял из немцев.

Для вербовки в Кавказский батальон в лагерь приезжали фашистские агенты из азербайджанцев, армян и грузин, одетые в немецкую форму. Вербовщики обещали армянам: «Когда мы завоюем Кавказ, отнимем землю у азербайджанцев и будем жить хорошо»...

Немцы обещали солдатам после взятия Кавказа самоуправление и землю. Солдаты же азербайджанцы, армяне и грузины говорили между собой о том, что им незачем воевать за немцев и стрелять в своих братьев, но, боясь расстрела со стороны русских, они не переходят на сторону Красной Армии.

В батальоне есть агенты гестапо. В Митенвале было расстреляно по доносу 12 человек, которые говорили о том, что на Кавказе им надо перейти на сторону Красной Армии.

Дисциплина в батальоне строгая. Солдаты батальона получают в месяц по 30 марок.

В Польше формировались также азербайджанский, узбекский, казахский, русский и украинский легионы.

Начальник 7-го отдела Политического управления Закавказского фронта

старший батальонный комиссар ПЕТРОВ

Военно-исторический журнал. 1991. № 8. С. 35–38

Документ № 34

Сообщение наркома внутренних дел СССР Л. П. Берия И. Сталину о работе по выявлению агентуры противника, изменников Родины и другого антисоветского элемента в Крыму, май 1944 г.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ

товарищу С Т А Л И Н У И. В.

«...» мая 1944 г.

Органами НКВД и НКГБ проводится в Крыму работа по выявлению агентуры противника, изменников Родины, пособников немецко-фашистских оккупантов и другого антисоветского элемента.

По состоянию на 7 мая с.г. арестовано таких лиц 5.381 человек.

Изъято незаконно хранящегося населением оружия: 5.395 винтовок, 357 пулеметов, [?]50 автоматов, 31 миномет и большое количество гранат и винтовочных патронов.

Кроме того, оперативно-войсковыми группами НКВД собрано и сдано в трофейные части значительное количество брошенного оружия и боеприпасов.

Следственным и агентурным путем, а также заявлениями местных жителей установлено, что значительная часть татарского населения Крыма активно сотрудничала с немецко-фашистскими оккупантами и вела борьбу против Советской власти. Из частей Красной Армии в 1941 году дезертировало свыше 20 тысяч татар, которые изменили Родине, перешли на службу к немцам и с оружием в руках боролись против Красной Армии.

Немецко-фашистские оккупанты, при помощи прибывших из Германии и Турции белогвардейско-мусульманских эмигрантов, создали разветвленную сеть так называемых «татарских национальных комитетов», филиалы которых существовали во всех татарских районах Крыма.

«Татарские национальные комитеты» широко содействовали немцам в организации и сколачивании из числа дезертиров и татарской молодежи татарских воинских частей, карательных и полицейских отрядов для действий против частей Красной Армии и советских партизан. В качестве карателей и полицейских татары отличались особой жестокостью.

На территории Крыма немецкие разведывательные органы, при активном участии татар, проводили большую работу по подготовке и заброске в тыл Красной Армии шпионов и диверсантов.

«Татарские национальные комитеты» принимали активное участие вместе с немецкой полицией в организацию угона в Германию свыше 50 тысяч советских граждан, проводили сбор средств и вещей среди населения для германской армии и проводили в большом масштабе предательскую работу против местного нетатарского населения, всячески притесняя его.

Деятельность «татарских национальных комитетов» поддерживалась татарским населением, которому немецкие оккупационные власти предоставляли всяческие льготы и поощрения.

Учитывая предательские действия крымских татар против советского народа и исходя из нежелательности дальнейшего проживания крымских татар на пограничной окраине Советского Союза, НКВД СССР вносит на Ваше рассмотрение проект решения Государственного Комитета Обороны о выселении всех татар с территории Крыма.

Считаем целесообразным расселить крымских татар в качестве спецпоселенцев в районах Узбекской ССР для использования на работах как в сельском хозяйстве — колхозах и совхозах, так и в промышленности и на строительстве.

Вопрос о расселении татар в Узбекской ССР согласован с секретарем ЦК КП(б) Узбекистана т. ЮСУПОВЫМ.

По предварительным данным в настоящее время в Крыму насчитывается 140–160 тысяч татарского населения.

Операция по выселению будет начата 20–21 мая и закончена 1-го июля.

Представляя при этом проект постановления Государственного Комитета Обороны, прошу Вашего решения.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
Союза ССР (Л. БЕРИЯ)

ГАРФ. Ф. 9401. Он. 2. Д. 265. Т. 2

Книга двенадцатая

**СУДЬБА
ЛИМИТРОФНОЙ
ПРИБАЛТИКИ**

Латыши по разные стороны фронтов Великой Отечественной войны

Л.М. Воробьева*

Смена режима в Латвии

Начавшаяся Вторая мировая война не только внесла коренные изменения в международную обстановку, но и сильно повлияла на экономическое и политическое положение Прибалтики, включая Латвию. В условиях вызванного войной прекращения судоходства на Балтийском море Латвия оказалась отрезанной от рынка сырья и сбыта. Торговля с Великобританией была почти полностью парализована. Германия стала основным внешнеторговым партнёром. Из-за нехватки топлива и сырья начался процесс свёртывания промышленного производства в стране.

Кризис затронул все отрасли промышленности. Он вызвал закрытие предприятий или перевод их на неполную рабочую неделю при сокращённом рабочем дне. Безработица снова стала приобретать массовый характер. Чтобы снять политическую напряжённость в городах, латвийские власти стали в принудительном порядке посылать рабочих на торфоразработки и лесозаготовки, а также в деревню, где они должны были за мизерную зарплату работать на хуторах у зажиточных хозяев. Эти меры регулировались изданным в мае 1938 г. «Законом об обеспечении работой и размещении рабочей силы». В соответствии с этим законом был создан правительственный орган — Латвийская централь труда. Без её разрешения ни один рабочий, не достигший 65-летнего возраста, не мог самостоятельно трудоустроиться. В мае 1940 г. был издан новый закон об обязательной трудовой повинности, по которому безработные, а также учащиеся и служащие подлежали отправке на работу в деревню. Эти меры усилили недовольство режимом Улманиса и были расценены как возврат к крепостничеству. Многие горожане отказывались уезжать в деревню.

Большие трудности испытывали и крестьяне. Порождённый войной и поставками в Германию по-

вышенный спрос на продукты сельского хозяйства и увеличение цен на них были выгодны крупным землевладельцам и главным образом монополистическим объединениям, которые скупали продукты у крестьян по низким ценам. Кроме того, «ножницы» между ценами на сельскохозяйственную и промышленную продукцию также складывались не в пользу крестьян. В 1939 г. было объявлено о продаже с молотка 5106 разорившихся крестьянских хозяйств¹.

Начавшаяся Вторая мировая война несла с собой не только экономические проблемы. Для Латвии и других прибалтийских стран значительно возросла угроза подвергнуться оккупации со стороны немецких войск, стать плацдармом для наступления на восток и быть втянутыми в осуществление военных целей нацистов. Первоначально Гитлер планировал нападение на СССР осенью 1940 г. В качестве составной части «плана Барбаросса» предусматривалось, что северная группа германских войск, сосредоточенная в Восточной Пруссии, должна будет прежде всего захватить Прибалтику².

По свидетельству английского посла в СССР Криппса, в новых обстоятельствах политика Советского Союза становилась исключительно реалистичной³. Благодаря поступавшим спецсообщениям внешней разведки СССР советское руководство было в курсе того, что представители правящей элиты Латвии вели секретные переговоры с Германией, а правительство Эстонии исходило из неизбежности аншлюса страны. То, что Прибалтика виделась нацистами как плацдарм для развёртывания германских армий, становилось совершенно очевидным.

В этих крайне тяжёлых исторических условиях Советский Союз продолжил политику укрепления восточного фронта против Германии и обеспечения безопасности в районе Балтики. В конце сентября и начале октября 1939 г. правительство СССР

* Людмила Михайловна Воробьева — ведущий научный сотрудник РИСИ (Российский институт стратегических исследований), доктор политических наук.

настояло на заключении пактов о взаимопомощи с правительствами Эстонии, Латвии и Литвы.

Ввиду нараставшего недовольства масс внешней и внутренней политикой режима, а также перед лицом приближавшейся экономической катастрофы правительство Улманиса не посмело противиться давлению СССР, настаивавшего на заключении пакта о взаимопомощи и дружбе. Согласно подписанному 5 октября 1939 г. в Москве советско-латвийскому пакту, Советский Союз получил право разместить на территории ЛР ограниченный контингент вооружённых сил. Советская сторона считала это необходимым для обеспечения безопасности границ обоих государств и предупреждения попыток втянуть договаривающиеся стороны в развертывающуюся на континенте войну. Москва и Рига обязались не заключать каких-либо союзов и не участвовать в коалициях, направленных против одной из них.

Заклѳченный пакт не ущемлял суверенные права Латвии и не затрагивал её государственного устройства. 18 октября 1939 г. в Москве было подписано также советско-латвийское торговое соглашение. Его реализация активизировала экономические связи между обоими государствами. В результате более одной трети внешнеторгового оборота Латвии стало приходиться на Советский Союз. Латвия получила право транзита через советские порты Белого и Чѳрного морей. А дополнительные поставки из СССР сырья, горючего, материалов облегчили её хозяйственное положение и помогли смягчить последствия нарушенных в результате войны торговых связей с западными государствами. Заключение договоров с Москвой было одним из требований народного антифашистского фронта. Оно приободрило левую оппозицию, видевшую в договорах определенную гарантию недопущения новой немецкой оккупации.

Эмигрантские деятели из прибалтийских стран, историки ФРГ, США и других западных государств, а также сегодняшние прибалтийские политические элиты пытаются представить дело так, будто пакты с Латвией, Эстонией и Литвой, заключѳнные осенью 1939 г., были «противоправно» навязаны им и противоречили национальным интересам этих стран. При этом совершенно игнорируется международное право и военно-политическая обстановка того времени, побудившая СССР выступить с такой настоятельной инициативой. Необходимость подготовки отпора Гитлеру была в интересах не только Прибалтики, но и всей Европы. Это хорошо понимал, в частности, народ Латвии, не желавший снова оказаться под германским гнетом и отдавать свои жизни во имя реализации целей немецкого фюрера. Или гибельный путь подчинения гитлеровской Германии, или путь национального развития в союзе с Москвой — другой альтернативы в условиях начавшейся Второй мировой войны не было.

Пакт от 5 октября 1939 г., действительно, не отвечал интересам режима Улманиса, который прежнее

лабирование между западными столицами сменил в течение 1938–1939 гг. устойчивым и нараставшим креном в сторону Берлина. Это находит подтверждение, например, в письмах посланника Латвии в Бельгии М. Валтерса к К. Улманису. Валтерс свидетельствует: «Неоспоримо то, что Латвия в своих доктринах ближе к Германии, чем к любой другой стране... Латвия потихоньку играет роль духовной провинции Германии»⁴. Прогерманские симпатии Валтерса разделяли и другие представители улманисовского режима. Например, министр финансов А. Валдманис (1938–1939), впоследствии тесно «сотрудничавший» с нацистскими оккупантами. «Друзьями Германии» в армейской верхушке были генералы К. Беркис, М. Хартманис, О. Данкерс и другие⁵.

Среди приверженцев режима Улманиса пакт вызвал недовольство и замешательство ещё и потому, что теперь, в отличие от ситуации 1919 г., латвийская буржуазия уже не могла рассчитывать на внешнюю военную поддержку в случае угрозы антиправительственных выступлений. Против заключения пакта было и правительство Германии, ведь срывались планы подготовки плацдарма в Прибалтике для нападения на Советский Союз. Однако занятая войной на западе и вынужденная во избежание открытия второго фронта выполнять свой договор с Москвой, Германия не смогла тотчас ответить на просьбы о помощи со стороны близких ей режимов и была вынуждена отодвинуть во времени реализацию своей политики на прибалтийском направлении.

Имеется достаточно свидетельств того, что правящая элита Латвии, враждебно настроенная к Советскому Союзу, не желала честно выполнять договор. Путѳм бесчисленных проволок она намеренно препятствовала осуществлению мероприятий по укреплению обороноспособности побережья Балтийского моря и всеми средствами стремилась ослабить боевую мощь советских гарнизонов и, прежде всего, в главных опорных пунктах — Лиепаяе и Вентспилсе.

Латвийские власти не только саботировали полномасштабную реализацию пакта, но и стремились активизировать деятельность Балтийской Антанты, оформившейся в 1934 г. и носившей явный антисоветский характер. Представители всех трёх прибалтийских государств в рамках «отрадного углубления дипломатического сотрудничества», подробно информировали друг друга по всем вопросам, связанным с размещением советских военных баз, включая секретные сведения о дислокации войск, их боеготовности и т. д. Эти сведения по «закрытым» каналам передавались другим иностранным государствам, включая Германию и Финляндию. Так, в ноябре 1939 г. прошла тайная встреча командующего Беркиса и начальника штаба латвийской армии Розенштейнса с руководителем эстонского и финского отдела Абвера А. Целлариусом⁶.

В период реализации пакта власти пытались пресекать любые контакты граждан Латвии с красноармейцами. Согласно директивам министерства внутренних дел от 16 и 21 ноября 1939 г., все граждане Латвии, вступавшие в какие-либо разговоры с советскими военнослужащими, подлежали аресту. Резко усилилась антисоветская пропаганда среди населения, в армии, в школах. Всё это происходило на фоне строгого исполнения инструкций из Москвы, предписывавших советскому дипломатическому корпусу и командирам Красной Армии не вмешиваться во внутренние дела Латвии.

Самый сильный всплеск пропагандистских акций против Советского Союза пришёлся на период советско-финской «зимней войны» (ноябрь 1939 — март 1940 года). Советский полпред в Риге в декабре 1939 г. сообщал в Москву, что «с ведома властей и по их почину в Латвии распространяются самые нелепые и враждебные слухи о Красной Армии» и что властями создаётся «атмосфера грязи и злопахательства»⁷. Примечательно, что Англия и Франция, по-прежнему не проявлявшие никакой активности на фронте против гитлеровской Германии, за три месяца советско-финской войны передали Финляндии большое количество вооружения и снаряжения, а также прорабатывали планы возможного нападения на СССР через Финляндию и со стороны Баку.

Если бы произошёл конфликт западных союзников с СССР из-за Финляндии Улманис, несомненно, был бы на стороне Лондона и Парижа, но, конечно, с оглядкой на Берлин. Он имел все основания полагать, что дело идёт к общей войне Запада против СССР. В своём выступлении 10 февраля 1940 г. по радио и в печати Улманис призвал к тому, чтобы в каждой усадьбе один мужчина готов был надеть военную форму и обеспечить себя по крайней мере «двумя рубашками и сменами белья, двумя полотенцами и добротными сапогами». Давая понять, что каждый день может разразиться война против Советского Союза, Улманис добавил: «Я не стал бы об этом говорить сегодня, если бы дело не было весьма серьёзным»⁸.

В стране началась вербовка добровольцев в финскую армию. Не остался в стороне и отдел латвийской армейской радиоразведки. Он оказывал практическую помощь Финляндии, переправляя перехваченные радиogramмы советских воинских частей⁹. Офицеры, верные режиму Улманиса, грозили, что принудят части Красной Армии оставить территорию Латвии. Капитуляция финских войск, которой Англия и Франция безуспешно пытались воспрепятствовать, и подписание 12 марта 1940 г. советско-финского мирного договора поменяли расклад сил в регионе. Благодаря заключённому советско-финскому договору СССР улучшил свои оборонительные позиции против гитлеровской агрессии с отодвижением линии обороны на 150 км севернее Ленинграда до Выборга включительно. Это было

сделано исключительно своевременно, поскольку в марте 1940 г. Гитлер ввёл свои войска в Финляндию.

Взвешенную оценку действий СССР дал английский посол в Москве Криппс. Он, в частности, писал: «Несомненно, что советское правительство было намерено использовать занятость великих держав войной для урегулирования вопроса в отношении своих северо-западных границ тем методом, который она считала нужным перед лицом грозящих СССР опасностей. Мирный договор, заключённый с Финляндией 12 марта 1940 года, подтверждает это. Этот договор не преследовал цели мщения. СССР, по существу, взял территорию немного большую, чем он требовал до начала войны, причём никакой контрибуции наложено не было. [...] было ясно, что в случае войны она (т.е. Финляндия) будет на стороне Германии. Тем не менее советским правительством были сделаны некоторые усилия заставить финнов избрать правительство, которое было бы антигерманским и просоветским. Но эти усилия потерпели неудачу, так как немцы, более искушённые в пропаганде, сумели привлечь на свою сторону наиболее важные финские круги, которые могли непосредственно взять контроль над страной в случае опасности»¹⁰.

В апреле 1940 г. немцы заняли Данию и Норвегию, а в середине мая вторглись в Голландию, Бельгию и Люксембург.

В этой обстановке прибалтийские государства возобновили попытки по формированию сколько-нибудь дееспособного антисоветского блока. Важными вехами такой политики стали состоявшиеся в декабре 1939 г. и марте 1940 г. конференции министров иностранных дел Эстонии, Латвии и Литвы и наряду с ними, втайне от СССР — встречи и совещания высших офицеров армий всех трёх прибалтийских стран, посвящённые координации военного сотрудничества. Фактически к антисоветскому военному союзу Эстонии и Латвии, заключённому в 1923 г., присоединилась также Литва. Впрочем, каких-либо серьёзных результатов, выходящих за рамки консультаций по военно-политическим вопросам и обмена секретной информацией, к июню 1940 г. достигнуто ещё не было.

30 апреля 1940 г. правительство Улманиса, рассчитывая на скорое нападение Гитлера на СССР, утвердило закон о защите государства. В нем предусматривалась тотальная мобилизация всех ресурсов и средств страны для ведения войны. Разумеется, военные действия предполагались не на стороне Советского Союза — партнёра Латвии по пакту о взаимопомощи и дружбе. Новый закон давал широкие права и полномочия президенту, который, по сути дела, мог облегчить Гитлеру захват Латвии с последующим предоставлением в распоряжение воюющей Германии всех материальных и людских ресурсов страны.

В этот период, т.е. с осени 1939 г. по начало лета 1940 г. режим Улманиса предельно обнаружил свою неспособность решать нараставшие проблемы в стране. Растерянность и недовольство основной части

населения ещё более усилились в сложной международной и внутривнутриполитической обстановке начала Второй мировой войны.

В решении от 8 октября 1939 г. ЦК КПЛ указывал, что правительство Улманиса не пользуется поддержкой народа, и что оно не может надеяться на помощь других стран. «Моральная сила латышского народа, — подчёркивалось в решении, — теперь превосходит вооружённую силу клики К. Улманиса. Если массовое движение против ненавистной фашистской клики начинается в таких условиях, то репрессиями такое движение ликвидировать нельзя»¹¹.

Слабость режима осознавали и его сторонники. Так, в октябре 1939 г. начальник отдела военного министерства Латвии А. Кондратовский писал в армейской газете: «Мы с явным разочарованием смотрим вокруг и вдруг видим, что круг наших приверженцев внезапно сократился»¹².

М. Валтерс, посланник Латвии в Бельгии и один из ближайших друзей президента, в частных письмах к К. Улманису убеждал его в необходимости проведения реформ, чтобы спасти власть¹³. Считая, что крах режима неизбежен, если не будет решена конституционная проблема, Валтерс писал Улманису: «Не отмахивайся, друг, от этого словами, что создать народное представительство во время войны невозможно. С такими разъяснениями, самоуспокоением погибли уже различные режимы и такие слова давно известны». Валтерс не скрывал страха перед нараставшим недовольством масс и предупреждал: «Верь мне — настоящий май ещё впереди, намного ближе голосу народа, который теперь молча думает совсем иначе, чем это проявляется в праздничных торжествах»¹⁴.

Весной 1940 г. военный министр Я. Балодис и министр путей сообщения Б. Эйнберг в целях стабилизации политической ситуации решились на верхушечный переворот, предполагавший введение новой конституции и изменение состава правительства Улманиса. Однако переворот не удался. Новый проект конституции, разработанный в тайне и предназначенный для передачи в кабинет министров, по неосторожности «заговорщиков», попал в руки Улманиса, и оба министра лишились своих постов.

В целях сохранения своего господства «верхи» предпочли усилить репрессивно-охранительные меры. Были увеличены полицейские штаты и средства на их содержание, силовому аппарату вменялось в обязанность не допускать никаких обсуждений населением политических событий и действовать самым строгим образом. По стране прокатилась волна обысков и арестов. В апреле 1940 г. эти акции приняли широкий размах. Было репрессировано более 300 человек — члены КПЛ, СРКПЛ, СТМЛ и другие антифашисты. Политическому управлению удалось арестовать члена ЦК КПЛ А. Яблонского и ряд других активных деятелей партии. Полиция также сумела обнаружить нелегальную типографию газеты «Циня».

В связи с арестом большинства членов ЦК КПЛ был создан Временный оргкомитет КПЛ, в состав которого вошёл остававшийся на свободе член ЦК Я. Салнис, а также кандидат в члены ЦК И. Винхольде.

В целом в период с января 1939 г. по май 1940 г. в Латвии было репрессировано 2506 антифашистов¹⁵. Несмотря на кадровые потери, левые противники режима осознавали важность момента и продолжали готовить решающий удар по диктатуре Улманиса.

О ситуации, сложившейся в Латвии к началу лета 1940 г., свидетельствуют донесения политуправления. Так, в обобщающей информации от 1 июня 1940 г. отмечалось, что «в целом настроение рабочих неважное, среди них царит большое недовольство, и они открыто стали презирать существующий государственный строй Латвии... В мае 1940 г. настроение рабочих стало ещё левее». Политуправление также докладывало, что рабочие симпатизируют коммунистам и Советскому Союзу, что они уверены в неизбежности скорых перемен¹⁶. В результате состоявшейся 30 апреля 1940 г. беседы с министром общественных дел Латвии А. Берзиньшем посланник США в Риге Уайли писал своему правительству, что в Латвии резко возрасла антиправительственная деятельность левых сил¹⁷.

Спасение режима Улманис видел не только в усилении репрессий, но и в приближающейся войне Германии против Советского Союза. Выступая с декларациями о «дружбе и сотрудничестве» с Москвой, он на деле стремился разжечь в народе ненависть к Красной Армии и советскому государству. На случай, если режим падёт до начала войны против СССР, кабинет министров ЛР принял 17 мая 1940 г. секретный закон о чрезвычайных полномочиях латвийского посла в Лондоне. В соответствии с этим законом посол Зариныш получал право представлять и защищать за рубежом интересы латвийского государства, а также распоряжаться находившимися за границей золотым и валютным фондом, движимым и недвижимым имуществом Латвии. Окружение Улманиса рассчитывало оплатить из этих средств восстановление своей власти в стране. (Забегая вперёд стоит сказать, что после Второй мировой войны на эти средства содержались латышские эмигрантские организации и оставшиеся не у дел бывшие послы Латвии в Западной Европе).

В мае 1940 г. Гитлер в присутствии своих приближённых заявил: «Все балтийские государства должны быть включены в состав рейха»¹⁸. Латвийский посланник в Берлине Криевиньш сообщил в Ригу в конце мая 1940 г., что в Германии получили широкое распространение карты так называемой «новой Европы», на которых прибалтийские государства включены в состав Германии¹⁹.

В то же время СССР не предпринимал никаких других решающих шагов на прибалтийском направлении до нападения Гитлера на Францию и до того момента, когда стало совершенно очевидно, что результатом немецкого вторжения будет полный крах Франции. Капитуляция перед Гитлером этой круп-

нейшей державы Европы, обладавшей значительным военным потенциалом, оказалось для СССР такой же неожиданностью, как и для других стран. Никаких надежд на истощение германских армий Францией и Великобританией больше не оставалось. Германия была полнейшим хозяином в Европе и в случае необходимости могла двинуть все свои армии против Советского Союза. По свидетельству английского посла в Москве Криппса, в тот момент советское правительство имело перед собой исключительно серьёзную ситуацию. В результате этого оно пошло на изменение своей политики в том направлении, которое было найдено наилучшим. С точки зрения Криппса, эта новая политика имела четыре основных аспекта:

- Продвинуть, где только возможно, советские границы, чтобы отделить от них жизненные центры русской промышленности и получить большее пространство для манёвра в случае немецких атак.
- Угрозами или лестью добиться сотрудничества лимитрофных стран с Советским Союзом.
- Умиротворить немцев экономически во всём, за исключением поставок оружия.
- Не разрывать отношений с США и Великобританией, но и не сближаться с ними, чтобы не возбуждать немецкой враждебности²⁰.

Из вышеизложенного следует, что в оставшийся предвоенный год СССР действовал, сообразуясь с ухудшавшейся ситуацией и неотвратимой угрозой, нависшей над страной. Его политика не была результатом прямых соглашений с Гитлером, как это пытаются преподнести критики советско-германского договора. Если бы советские войска не вступили в Польшу, то, несмотря на договор, вся она была бы оккупирована гитлеровцами. Если бы СССР не отодвинул советско-финскую границу на 150 км от Ленинграда и Выборга, то это пространство контролировали бы немецкие войска. То же самое относится и к Прибалтике.

Падение режима К. Улманиса

Угроза превращения Латвии в плацдарм военных действий против СССР катастрофически нарастала, а дислоцированные на латвийской территории части Красной Армии подвергались всё большей опасности быть окружёнными и уничтоженными. Советское правительство, осознававшее все риски складывавшейся ситуации, 16 июня 1940 г. вручило латвийскому правительству ноту. В ней оно указало на нарушения правительством Улманиса условий пакта о взаимопомощи и дружбе, потребовало формирования нового кабинета, способного обеспечить честное выполнение пакта и ввиду усиления опасности со стороны Германии подняло вопрос об увеличении численности советских гарнизонов на латвийской территории, с тем чтобы они были в силах обеспечить защиту рубежей СССР и Латвии.

16 июня, после получения советской ноты, кабинет министров Латвии на своём чрезвычайном заседании принял решение удовлетворить требования советского правительства и уйти в отставку. Оставшийся на посту главы государства Улманис поручил всем бывшим министрам продолжить свою деятельность до образования нового правительства. Улманис не инициировал дипломатические протесты и не отдал приказ о военном сопротивлении в ответ на высказанные в советской ноте требования. Не собиравшись он это делать и после пересечения войсками Красной Армии латвийской границы. Обладая огромным опытом политического выживания в труднейших ситуациях, Улманис, по-видимому, решил не плыть против течения, надеясь удержать ситуацию в рамках благоприятных для своей власти сценариев.

Ночью 17 июня уполномоченный латвийской армии выехал на советско-латвийскую границу, чтобы договориться с представителями вооружённых сил СССР о порядке введения дополнительных частей советских войск на территорию Латвии. Предполагая, что население Латвии устроит новым воинским частям Красной Армии дружественную встречу, министр внутренних дел ещё 16 июня 1940 г. поставил перед полицией задачу: не допустить демонстраций, ибо это будет препятствовать «поддержанию порядка».

17 июня 1940 г. дополнительные части Советской Армии пересекли латвийскую границу. Вечером того же дня Улманис выступил с радиообращением к народу. Он объявил об отставке правительства и о том, что сохраняет за собой пост президента. Он также заявил, что вступление советских войск «происходит с ведома и согласия правительства и это, в свою очередь, вытекает из существующих дружественных отношений между Латвией и Советским Союзом»²¹.

Поскольку ввод дополнительных контингентов советских войск произошёл с согласия правительства Улманиса и при организационно-технической поддержке латвийских властей, то заявления о якобы имевшей месте «оккупации» юридически некорректны. Не вписывается в картину «оккупации» и реакция населения.

По призыву Временного оргкомитета КПЛ и активистов народного антифашистского фронта, а также по собственному почину многие жители Риги, Даугавпилса, Валмиеры и других городов с цветами в руках выходили на улицы, выстраивались вдоль дорог, движимые не только любопытством, но и искренним желанием приветствовать красноармейцев.

Воодушевление и ликование внушительной части народа передают кадры кинохроники и многочисленные фотографии, запечатлевшие это событие. Современные латышские историки предпочитают делать акцент на то, что особенно радовались приходу советских войск представители латгальской, русской и еврейской национальностей. Остаётся только непонятным, как им удалось дифференцировать

национальный состав значительных масс населения, вышедших встречать красноармейцев, и определить процент латгальцев, русских и евреев. В отношении же русских следует сказать, что определенная их часть имела белогвардейское прошлое и радоваться приходу советской армии уж точно не могла.

Безусловно, советские представители были заинтересованы в той благожелательной встрече, которая была оказана красноармейцам. Однако сами «организовать» массовую поддержку населения в принудительном порядке в тех условиях, конечно, были не в состоянии. Точно так же они не смогли бы предотвратить возможные нападения на колонны бронетехники по пути их передвижения. Но таких случаев просто не было (за исключением одного пограничного инцидента накануне, носившего, по-видимому, случайный характер).

Дружественный характер встречи были вынуждены признать и члены дипломатических миссий. Так, английский посланник Орд в телеграмме в Лондон от 18 июня отмечал, что «значительная часть населения встретила советские войска приветственными возгласами и цветами»²².

Встречи частей Советской Армии перерастали в демонстрации и митинги с требованиями создать новое демократическое народное правительство. Ситуация, явно, выходила из-под контроля властей, обескураженных стремительным развитием событий. Чтобы разогнать демонстрации в Риге и не допустить их возобновления, власть использовала полицейских и айзсаргов, а к концу дня вызвала воинские части. В результате 29 демонстрантов были ранены, двое из них скончались. Количество избитых и арестованных исчислялось сотнями. Понесли потери и защитники режима Улманиса. По их данным, 57 полицейских получили ранения от брошенных камней, а трое — колотые раны. 17 июня 1940 г. в Риге было введено осадное положение. Жителям столицы не разрешалось покидать квартиры с 10 часов вечера до 4 часов утра и собираться на улицах группами более 4 человек. 19 июня осадное положение было распространено на всю Латвию.

Официальная печать, комментируя события в Риге, заявила, что инциденты и жертвы в Риге произошли по вине самого населения, якобы нарушившего движение красноармейцев и недружественно отнёсшегося к приходу Советской Армии²³. Советское полпредство в Латвии выступило со специальным опровержением этих пропагандистских выпадов. В нем подчеркивалось, что население не нарушало движения советских войск, и командование полностью удовлетворено сердечной встречей и приветствиями жителей²⁴.

В попытке предотвратить радикальные изменения в системе власти под давлением масс, режим Улманиса использовал привычные репрессивные меры. Полиция и айзсарги в городах и сёлах производили аресты активных участников политических

акций и избивали задержанных. Но переломить ход событий они уже не могли. На действия обанкротившегося режима рабочие отвечали забастовками и новыми массовыми демонстрациями.

Бывшие правые лидеры ликвидированной социал-демократической партии, а также экс-активисты буржуазных партий, не участвовавших в государственном перевороте 1934 г., попытались с помощью закулисных махинаций перехватить власть. Они выступили с проектом отстранения Улманиса от власти и создания коалиционного правительства во главе с бывшим председателем сейма правым социал-демократом П. Калныньшем. Однако представителям прежнего центристского и правого политического спектра не удалось реализовать свои предложения по новому составу правительства потому, что, отсидевшись долгие годы в тени режима Улманиса и не оказывая ему сопротивления, они растеряли своё влияние на политические процессы в стране. Они не стали мощной подпольной силой, с которой Москве в лице её представителей²⁵, видевших правительство ЛР значительно левее, пришлось бы считаться в июне 1940 г. Следует отметить, что бывшее руководство ряда легальных партий, существовавших до 15 мая 1934 г., охотно шло на контакты с советскими представителями, но не могло представить убедительных аргументов своей политической состоятельности в новых условиях²⁶.

При общей деморализации среди бывших парламентских партий стремительно набирал силу «народный антифашистский фронт», идейным ядром которого выступала КПЛ. В июньские дни 1940 г. он продемонстрировал, что может предложить актуальные лозунги и вывести на улицы критические массы народа, способные поддержать смену власти. Под давлением массовых народных выступлений и прагматично оценивая новый расклад сил, Улманис уже вечером 20 июня был вынужден утвердить новое правительство Латвии, готовое к тесному сотрудничеству с СССР.

Это правительство, выступившее под названием народного, возглавил известный учёный и общественный деятель, активный участник революции 1905–1907 гг. профессор А. Кирхенштейн. В состав правительства вошли видные представители демократической интеллигенции — известный писатель В. Лацис (министр внутренних дел), генерал Р. Дамбитис (военный министр), журналист П. Блаус (министр общественных дел), журналист Ю. Лацис (министр народного благосостояния, и.о. министра просвещения), адвокат Ю. Паберз (министр юстиции), инженер Я. Ягарс (министр путей сообщения), общественный деятель В. Латковский (товарищ министра внутренних дел). В последующем состав нового правительства был расширен.

В формировании «народного правительства» была задействована Компартия Латвии. Так, в его состав сразу же вошли тесно сотрудничавшие с ЦК

КПЛ В. Лацис и В. Латковский, а затем — коммунисты А. Табакс (государственный контролёр), Я. Ванагс (министр земледелия) и К. Карлсонс (министр финансов). Некоторые члены нового правительства прежде состояли в различных парламентских партиях, однако после государственного переворота 15 мая 1934 г. все эти партии были распущены и прекратили свою деятельность. Так что на момент формирования «народного правительства» никаких других партий, помимо вышедшей из подполья КПЛ, не существовало. Этот факт уже в июне 1940 г. служил объяснением того, почему же, кроме коммунистов, представителей каких-либо других политических партий в новом правительстве не оказалось. Отсутствие на политическом ландшафте других политических партий облегчило Компартии Латвии борьбу за власть.

21 июня 1940 г. КПЛ организовала в Риге 70-тысячную демонстрацию в поддержку нового правительства. Вначале демонстранты двумя мощными потоками двинулись к зданиям Рижской срочной и центральной тюрем, чтобы приветствовать политзаключённых, освобождаемых законом об амнистии, принятом на первом заседании нового правительства и вступавшим в силу в 13 часов. Среди вышедших на свободу политзаключённых были члены ЦК КПЛ О. Аугусте, К. Гайлис, Я. Калнберзин, А. Нуржа, Ж. Спуре, А. Яблонский, члены Рижского комитета партии и местных парторганизаций.

После митингов у зданий тюрем колонны демонстрантов направились к центру города и слились в один многолюдный поток длиной в несколько километров. По пути следования демонстрантов состоялись митинги вначале у посольства СССР в Латвии, а затем у здания правительства.

На втором митинге министр внутренних дел В. Лацис зачитал декларацию, принятую новым кабинетом. В ней было сказано, что правительство считает своей задачей повышение материального благосостояния народа и уровня его образования, а также обеспечение политической свободы всем, кто был её лишён во время фашистского режима. В декларации указывалось, что во внешней политике кабинет будет стремиться обеспечить мирные и дружественные отношения со всеми государствами и в первую очередь — с Советским Союзом. Первоочередной задачей правительства будет честное выполнение пакта о взаимопомощи и дружбе, заключённого между Латвией и Советским Союзом 5 октября 1939 г.

Представители КПЛ и рижских рабочих — Э. Бриедис, А. Кадикис и др. вручили правительству от имени участников демонстрации трудящихся Риги требования КПЛ. Они были оглашены перед демонстрантами. Министр-президент А. Кирхенштейн сказал, что платформа КПЛ «не противоречит декларации правительства», и обещал выполнить содержащиеся в ней требования.

Первое заседание правительства открыл президент Улманис. Своё обращение к новому кабинету

он закончил словами: «Убедительно призываю благожелательно содействовать размещению находящихся в нашей стране воинских частей Советского Союза и урегулированию условий их жизни»²⁷. Этот политический жест, в искренность которого мало кто мог поверить, отражал желание экс-диктатора самосохраниться при новом режиме, проявив «гиперлояльность» перед Москвой.

22 июня 1940 г. Франция капитулировала перед Германией. Это был полный провал политики умиротворения, отказа от коллективной безопасности и курса на изоляцию СССР. В этот же день на страницах газеты «Циня» была опубликована платформа КП Латвии. Она предусматривала тесное экономическое, политическое и культурное сотрудничество с Советским Союзом, ликвидацию фашистских организаций и разоружение их членов, равноправие всех национальностей, демократизацию политического строя, государственного и судебного аппарата, обеспечение политических свобод трудовому народу, создание народной армии и милиции, улучшение материального и правового положения рабочих, служащих, мелких крестьян, ремесленников, рыбаков, совершенствование системы народного образования и медицинского обслуживания населения, проведение выборов народного представительства на основе всеобщего и прямого избирательного права при тайном голосовании.

Наряду с общедемократическими в июньской платформе КПЛ содержались и социалистические требования, которые предполагалось осуществить в ближайшем будущем. Так, например, предусматривалось ввести контроль над крупными частными банками и промышленными предприятиями (вопрос о национализации крупных предприятий решит избранный народом парламент). Было также указано, что подлежит конфискации собственность крупных земельных собственников, причём считалось целесообразным оставить прежним владельцам землю и постройки в размере среднего хозяйства (30 га), а остальное использовать для наделения безземельных и малоземельных крестьян. Следует отметить, что данный вариант решения земельного вопроса коренным образом отличался от проведённой позднее коллективизации латвийского сельского хозяйства (в основном завершена в конце 1940-х гг.).

С образованием нового правительства КПЛ фактически легализовалась, формально же это произошло 28 июня, когда был изменен закон об обществах и союзах. 21 июня состоялось заседание ЦК КПЛ, избранного в феврале 1939 г. на XXVI конференции. Первым секретарём стал Я. Калнберзинь, вторым секретарём — Ж. Спуре, редактором центрального печатного органа КПЛ газеты «Циня» — А. Яблонский. Секретариат ЦК КПЛ действовал до октября 1940 г. Затем вместо него было создано бюро ЦК КПЛ в составе 7 человек.

К моменту легализации в рядах КПЛ насчитывалось около 1000 человек. После 21 июня число

членов партии значительно увеличилось, поскольку в парторганизации вернулось несколько сотен освобождённых из заключения коммунистов, а также участники гражданской войны в Испании, вынужденные во время правления Улманиса жить в эмиграции в странах Западной Европы. Кроме того, ряды партии стали пополняться за счёт участников нелегальной деятельности КПЛ из числа сочувствующих, за счёт левых социал-демократов, рабочих, крестьян, представителей интеллигенции. В связи с ростом количества членов партии создавались новые кружки и ряд новых районных организаций.

Президент К. Улманис, сохранявший свои полномочия до 21 июля 1940 года²⁸, продолжал действовать в духе требований текущего момента. Так, он распорядился выделить крупную сумму денег для компартии и коммунистов, оказавшихся жертвами политических репрессий в годы его правления. Историк Гатис Круминьш недавно обнаружил в латвийских архивах новое свидетельство политического оппортунизма «вождя» латышского народа. Это — уведомление в адрес ЦК КПЛ от 12 июля. В нём сообщалось, что «президент государства К. Улманис, учитывая внезапное увеличение количества лиц, нуждающихся в поддержке по линии Латвийской Красной помощью, сегодня внес на эти нужды 5000 латов, поручив перечислить эту сумму на текущий счет Латвийской Коммунистической партии на почте № 12545»²⁹. Этот жест К. Улманиса вызвал бурную дискуссию в сегодняшнем латвийском обществе, которому трудно примирить мифологический образ Улманиса как «отца-основателя» с его ролью «могильщика» независимой Латвии. В связи с этим следует сказать, что свою роль «могильщика» Улманис сыграл не в июньские дни 1940 г., когда он уже ничего не мог изменить, а гораздо раньше, совершив государственный переворот 15 мая 1934 г. и взяв курс на сближение с гитлеровской Германией.

Первые недели работы правительства Кирхенштейна ознаменовались оживлением и либерализацией общественной жизни Латвии. Было возвращено гражданство политическим эмигрантам, аннулированы прежний договор с Эстонией и соглашение о создании Балтийской Антанты, прекращена деятельность наиболее одиозных структур авторитарного режима (разоружены айзсарги, ликвидированы Трудовая централь и система «камер»), отстранён от должности ряд сотрудников репрессивных органов, отменены для горожан принудительные трехмесячные работы в сельской местности, повышена на 10–15 % зарплата промышленным рабочим. Эти действия обеспечивали популярность нового кабинета.

Легитимность нового правительства для различных сегментов расколотого войной международного сообщества была подтверждена состоявшейся 26 июня официальной церемонией представления А. Кирхенштейну (совмещавшему пост премьера с должностью министра иностранных дел) глав дипломати-

ческих миссий, аккредитованных в Риге: Ф. де Селиоса-Фансона (Бельгия), Ч. Ф. Орда (Великобритания), Дж. Уайли (США), Г. фон Котце (Германия) и др.

Установление советской власти

Важнейшим политическим событием начавшихся преобразований в Латвии стали выборы в Народный сейм, который должен был решить вопрос о будущем государственном устройстве страны. Выборы были проведены 14 и 15 июля 1940 г. на основе принятых правительством законов о проведении выборов в сейм и о внесении изменений в избирательный закон Латвии от 9 июля 1922 г. Изменения сводились к снятию недемократических ограничений избирательных прав граждан. Было установлено, что выборы Народного сейма должны быть всеобщими, равными, прямыми, при тайном и пропорциональном голосовании. Избирательное право получили все граждане Латвии, достигшие к дню выборов 21 года. Равенство выборов обеспечивалось, например, тем, что, в отличие от периода до 1934 г., каждый избиратель имел один голос. Право голоса получили военнослужащие. Ранее в выборах принимали участие только те из них, кто проходил службу по месту своего постоянного жительства. Активное и пассивное избирательное право предусматривалось и для представителей свергнутого режима Улманиса. Кандидатов в депутаты могли выдвигать общественные организации и группы граждан, предоставившие в избирательные комиссии списки, подписанные не менее 100 избирателями.

Официозные историки современной Латвии оценивают этот закон как нарушение Конституции 1922 года. Они считают, что для его принятия было необходимо «пересозывать» состав сейма, распущенного Улманисом в 1934 году³⁰. При этом они не хотят принимать во внимание тот факт, что легитимный срок старого депутатского корпуса давно истёк. Кроме того, правительству Кирхенштейна приходилось в срочном порядке ликвидировать многие последствия антидемократического и антиконституционного переворота 15 мая.

Сразу же после опубликования 5 июля 1940 г. законов о проведении выборов развернулась избирательная кампания. Коммунисты впервые после 20 лет пребывания в подполье в полной мере использовали легальные возможности агитации и убеждения масс. В ходе предвыборной кампании был сформирован (с участием в конфиденциальных консультациях советских представителей) Блок трудового народа Латвии. Он объединил все 26 созданных к тому времени отраслевых профсоюзов, Союз трудовой молодёжи Латвии, «Красную помощь», представителей армии, культурные, спортивные и другие общества и организации.

6 июля 1940 г. была опубликована избирательная платформа Блока трудового народа, которая предусматривала коренное улучшение положения

населения. В название этого документа был вынесен лозунг «За мир, за хлеб, за свободу народа!». 350 тыс. экземпляров избирательной платформы Союза трудового народа Латвии было разослано по всей стране. О признании платформы население заявляло на многотысячных манифестациях, митингах, собраниях. Некоторые активисты выступали с прямыми лозунгами установления в Латвии советской власти.

Объектом критики является крайне малый срок, отведенный на избирательную кампанию. Но ведь в Европе шла война, и стремительные темпы изменения международной обстановки требовали быстрых и оперативных решений. Оставлять Латвию на неопределённый срок без законодательных органов власти, когда враг стоял у ворот, только ради того, чтобы дать передышку представителям свергнутого режима, ожидавшим прихода Гитлера, было бы не только неразумно, но и политически наивно.

Конечно, коммунисты в полной мере использовали то привилегированное положение, в котором они оказались к июлю 1940 г. после 20 лет подполья. Они быстро развернули свои организационные структуры и составили внятную предвыборную программу. И даже если бы полностью отсутствовало «подыгрывание» им со стороны Москвы, всё равно у сил, противостоявших КПЛ, не было реальных шансов в той обстановке жажды перемен получить весомое представительство в сейме. Решающую роль при этом сыграл фактор ненависти значительной части населения к режиму Улманиса. В обстановке эйфории и непримиримости на них смотрели как на свергнутых, проигравших, бывших политических игроков. Кроме того, антикоммунистические силы были дезорганизованы и деморализованы стремительным ходом событий. Они не имели единого плана и общего руководства в предвыборной борьбе, поскольку буржуазных партий не существовало, а фашистские и профашистские организации в конце июня — начале июля 1940 г. были распущены. Попытки прибегнуть к подкупу, угрозам и запугиванию населения только вредили им. Так, бурю негодования вызвали изготовленные на гектографе листовки, в которых избиратели предупреждались, что через несколько дней в Латвию вступят войска гитлеровской Германии и расправятся со всеми голосовавшими за представителей Блока трудового народа. Обратный эффект имели и случаи преследования прокоммунистически настроенных солдат со стороны офицеров. Несмотря на их противодействие, в полках состоялись собрания солдат, которые в массовом порядке переходили на сторону Блока трудового народа.

Из 17 списков кандидатов, поступивших в Центральную избирательную комиссию Латвии, только 5 списков Блока трудового народа отвечали всем требованиям избирательного закона. Остальные были признаны недействительными, поскольку не были поддержаны ни на одном предвыборном собрании. Фигурировавшие в них кандидаты вызывали оттор-

жение у большинства избирателей, так как они или представляли прежнюю власть на всех её уровнях, или, как считалось, смогли при ней хорошо устроиться. В результате кандидаты, воспринимавшиеся в народе как представители улманисовского режима, не смогли воспользоваться пассивным избирательным правом. Безусловно, это было отсечение слабых конкурентов, но не по формальным, а скорее по неформальным признакам. С позиций сегодняшнего дня можно говорить о слабо развитом правосознании латвийских граждан и тех же коммунистов. Но эта критика, чтобы быть справедливой, должна быть направлена не в адрес населения Латвии, а в адрес её этнополитических элит. На заре латвийской государственности они заявили о своей приверженности демократии, но приняли закон о запрете компартии и выдавили её из легального политического процесса. Они не встали на защиту парламентаризма, когда Улманис совершил государственный переворот и установил профашистскую диктатуру в стране. Несомненно, политические последствия улманисовского авторитарного правления сказались и на избирательной кампании лета 1940 г. Тогда мало кто сочувствовал политикам, прежде не перечившим воле «вождя», а теперь не допущенным к пользованию пассивным избирательным правом. Тем более что эти политики из числа правых, националистов и центристов не могли упрекнуть левые силы в том, что в своё время вели себя иначе, т. е. относились к идейным противникам, руководствуясь демократическими ценностями, и были более терпимыми. Так что в те июньские дни улманисовский авторитарный режим без особых проблем начал трансформироваться в государство «диктатуры пролетариата», которым был в то время СССР³¹. В этих условиях выборы превращались в референдум о доверии правительству и кандидатам Блока трудового народа.

За два дня до выборов с речью по радио выступил глава правительства проф. А. Кирхенштейн. Обращаясь к народу, он сказал, что «все настоящие патриоты Латвии должны отдать свои голоса кандидатам Союза трудового народа Латвии». Он заявил также, что правительство выполнит задачи, возложенные на него народом, а избранники трудящегося народа — депутаты нового сейма — разработают конституцию, которая самыми тесными узами свяжет Латвию с её великим историческим соседом Советским Союзом³².

В выборах в Народный сейм Латвии приняли участие 94,8% граждан, имевших право голоса. За кандидатов Блока трудового народа Латвии отдали свои голоса 97,8% пришедших на участки избирателей. Представители сил, бывших опорой режима Улманиса, в день выборов намеренно портили бюллетени. Около 60% испорченных бюллетеней приходилось на избирательные округа Видземе и Земгале. Именно в этих районах Латвии было сосредоточено наибольшее количество зажиточных крестьянских хозяйств, которые больше всех выиграли от аграрной

реформы Улманиса. Так, в Видземе из 12086 испорченных бюллетеней на сельскую местность пришлось 10771, а на город всего 1315 бюллетеней³³.

Исход выборов был предрешен большим доверием народа к правительству Кирхенштейна, широкой агитацией в печати и по радио, самим фактом проведения голосования после 6 лет авторитаризма. Задним числом современные латышские историки указывают ещё на одну причину столь высокой явки — опасения остаться без штампа в паспорте от избирательной комиссии. М. Вирсис в этой связи отмечает: «Правда, отметка в паспорте об участии избирателя в выборах соответствовала прежнему порядку выборов в сейм, однако настойчивые призывы участвовать в них вызвали у избирателей опасения о возможных репрессиях в связи с отсутствием подобной отметки»³⁴. В то же время М. Вирсис не говорит о том, что избиратели в условиях тайного голосования незаметно могли испортить бюллетени — некоторые именно так и поступили.

Депутаты Народного сейма Латвии по роду занятий распределились следующим образом: 22 человека — рабочие, 3 — сельскохозяйственные рабочие, 13 — крестьяне, 17 — работники свободных профессий, 14 — общественные деятели, 5 — военнослужащие, 14 — служащие, 11 — преподаватели высших учебных заведений и учителя, 1 человек — торговец³⁵. Депутатами были избраны коммунисты — Я. Калинберзин, Ж. Спуре, Р. Нейланд, Ф. Деглав, М. Биркенфельде, П. Плесум, И. Палдынь, А. Матисон и др., известные общественные деятели, учёные, писатели — А. Кирхенштейн, В. Лацис, В. Латковский, Ю. Паберз, П. Галеник, Ю. Лацис, А. Упит, А. Рудевиц и др.

Выборы в Народный сейм стали своего рода плебисцитом, подведшим черту под старым режимом. Они явились важной вехой на пути восстановления советской власти в Латвии, дважды насильственно свергнутой — в 1918 г. и 1919–1920 г. — с иностранным военным участием.

Правительство Латвии 20 июля приняло поправки к закону о полномочиях президента страны, согласно которым с момента созыва сейма обязанности президента страны исполняет министр-президент (председатель правительства). Таким образом, К. Улманис отправлялся в отставку. Протестов с его стороны не последовало. 22 июля Улманис направил в Министерство благосостояния уже Латвийской СССР прошение о предоставлении ему пенсии, в котором в качестве основания для просьбы указывал на свою «политическую деятельность в освободительном движении» с 1905 г. и статус «преследуемого царским правительством»³⁶.

21 июля 1940 г. в Риге Народный сейм Латвии собрался на своё первое заседание. Оно проходило в обстановке широкой гласности. На заседании присутствовали многочисленные делегации рабочих, крестьян, интеллигенции, представителей ар-

мии, корреспонденты газет. В повестку дня были включены вопросы, ставшие основными лозунгами многотысячных демонстраций: о восстановлении советской власти в Латвии, о вступлении Латвии в состав СССР, о национализации земли, банков, крупных промышленных и торговых предприятий. После принятия повестки дня, когда стало ясно, что будет решаться вопрос о восстановлении советской власти, присутствовавшие на открытии заседания дипломатические представители иностранных государств покинули зал заседания Народного сейма.

После обстоятельного обсуждения Народный сейм принял декларацию «О государственной власти». В ней провозглашалось установление советской власти на всей территории Латвии, а Латвия объявлялась Советской Социалистической Республикой. Одновременно с вопросом о власти был решён вопрос о вступлении Латвии в состав Союза ССР в качестве равноправной союзной республики. Необходимость вступления обосновывалась общностью исторических судеб с народами СССР, общностью революционной борьбы, идеалов и целей этой борьбы. Кроме того, в СССР проживало значительное количество латышей. Поскольку почти каждая латышская семья имела здесь родственников, то вхождение Латвии в Советский Союз означало для многих и возобновление родственных связей.

Среди обстоятельств, обусловивших вступление Латвии в Союз ССР, важную роль играла конкретная международная обстановка лета 1940 г. Опыт 1919 г. учил, что одно только провозглашение советской власти не даёт твёрдой гарантии защиты социалистической государственности от внешних покушений на её существование. «Каждый из нас понимает, — говорил писатель и министр В. Лацис, — что есть только один путь, который обеспечит суверенность нашего государства, расцвет нашей страны... — это вступление Латвии в состав Союза Советских Социалистических Республик»³⁷.

Декларация Народного сейма Латвии гласила: «Наш народ связан с братскими народами Союза Советских Социалистических Республик прочными узами многих и многих лет революционной борьбы с царизмом, капиталистами и помещиками, угнетавшими русских и латвийских рабочих и крестьян. Настал час эти узы закрепить навечно. Латвийский народ, вступив в братскую великую семью счастливых народов страны социализма, развернёт все свои богатые творческие силы и рука об руку с трудящимися Советского Союза пойдёт вперёд по пути строительства новой жизни. Только в составе Союза Советских Социалистических Республик латвийский народ сможет залечить раны, нанесённые ему долгими годами порабощения. Только с помощью своего великого друга — Советского Союза и как равноправный член братской семьи советских республик латвийский народ сможет поднять своё хозяйство, развивать свою национальную культуру, обеспечить

национальное равноправие, обеспечить мир, хлеб и подлинную свободу трудящимся Латвии»³⁸. Началось созданию социалистической экономики в Латвии было положено декларацией Народного сейма об объявлении земли всенародным достоянием и о национализации банков и крупной промышленности.

5 августа 1940 г. Верховный Совет СССР, заслушав заявление полномочной комиссии сейма Латвии, постановил удовлетворить просьбу Сейма Латвии и принять Латвийскую Советскую Социалистическую Республику в Союз Советских Социалистических Республик в качестве равноправной союзной Советской Социалистической Республики³⁹.

24–26 августа 1940 г. состоялась вторая сессия Народного сейма Латвийской ССР. Парламент был переименован в Верховный Совет Латвийской ССР. Председателем Президиума Верховного Совета был избран проф. А. Кирхенштейн. Главой нового правительства — Совета Народных Комиссаров Латвийской ССР — был назначен В. Лацис.

Безусловно, ввод советских войск в Латвию серьёзно ослабил моральный дух правящего режима, радикализировал настроения всех оппозиционно настроенных к нему сил. Однако было бы абсолютно неоправданно отрицать, что события лета 1940 г. в Латвии были результатом выступлений самого латышского народа, большая часть которого активно или пассивно поддержала линию КПЛ на коренные преобразования внутренней жизни и вхождение Латвии в СССР.

Значение Восточного фронта

22 июня 1941 г. в соответствии с планом «Барбаросса» Германия напала на СССР. Целью войны являлись не борьба с коммунизмом за восстановление «старой России», а раздел территории СССР, присоединение одних областей (Прибалтика, Крым, Кольский полуостров, Баку) к Германии и превращение других в её колониальные владения. Началась война, которую Гитлер называл борьбой на уничтожение: большевизма, советских вооружённых сил, СССР как государства. Жестокость на востоке провозглашалась благом будущего⁴⁰.

Италия, Румыния, Венгрия, Финляндия вступили в войну против Советского Союза на стороне Германии.

Одним из важных факторов, воспрепятствовавших реализации германского плана молниеносной войны против СССР, явилось формирование советским правительством Восточного фронта против гитлеровской агрессии от Балтийского до Чёрного моря. Создание Восточного фронта было завершено присоединением к СССР 27 июня 1940 г. Бессарабии и Северной Буковины, что не было результатом договорённостей с Германией, а явилось самостоятельным волевым решением Советского правительства⁴¹.

Умиротворители Гитлера, проводя политику международной изоляции Москвы и подталкивая

Гитлера к нападению на СССР, подняли пропагандистскую шумиху по поводу ущемления национальных прав Финляндии, Литвы, Латвии, Эстонии, Польши, Румынии. Они намеренно игнорировали тот факт, что накануне решительного столкновения с Гитлером Советское правительство отдавало себе ясный отчёт в том, что эти государства в лице своих лидеров были готовы согласиться с нацистским господством и порядком. В чрезвычайно опасной предвоенной обстановке абсолютным, первоочередным и крайне важным приоритетом было предотвратить превращение бывших российских провинций в плацдарм для нападения на СССР, оставленного один на один с германским агрессором, и не допустить реализации захватнических, колониальных и расистских целей гитлеровского рейха. Поэтому все усилия Советского Союза были направлены на то, чтобы создать преграду продвижению немецких войск во всех районах, где только это было возможно, обеспечить надёжную оборону, а потом перейти в контрнаступление, разбить гитлеровские войска и освободить Европу от нацистской угрозы.

Реализовать эти цели можно было только путём организации Восточного фронта и размещении своих войск как можно дальше от Москвы, Ленинграда и Киева.

Западные политологи и историки, а за ними и представители сегодняшних прибалтийских, польских, украинских, молдавских националистических элит вкупе с некоторыми ангажированными российскими исследователями и журналистами намеренно не считают с фактами, чтобы доказать неоправданность передвижения фронта от старой советской границы и обвинить СССР в «ущемлении национальных прав» граничащих с ним государств. Выходит, что расчленять Россию в ходе реализации немецкой оккупационной политики и иностранной интервенции можно, а восстанавливать стратегически важную историческую целостность страны для организации отпора агрессору, подчинившего всю континентальную Европу, нельзя. В этой связи заслуживает внимания доклад «Некоторые исторические тенденции русской внешней политики», подготовленный 17 апреля 1945 г. Исследовательским отделом английского МИДа. В этом докладе сделан, в частности, вывод, что границы СССР, сформировавшиеся к 1940 г., «представляют собой на всём своём протяжении на западе не результат притязаний, а исторически обусловленную стратегическую и географическую черту»⁴².

Советское информационное бюро (Совинформбюро) сразу же после окончания войны дало развёрнутый ответ на то, что было бы, если бы фронт против гитлеровской агрессии проходил не по линии Выборг — Каунас — Белосток — Брест — Львов, а по старой советской границе Ленинград — Нарва — Минск — Киев. Это дало бы возможность войскам Гитлера выиграть пространство на сотни километров,

приблизив немецкий фронт к Ленинграду, Москве, Минску, Киеву на 200–300 километров. Это позволило бы немцам гораздо быстрее продвигаться в глубь СССР, ускорило бы падение Киева и Украины, привело бы к захвату Москвы и Ленинграда и заставило бы СССР перейти к длительной обороне в глубине своей территории. В результате немцы получили бы возможность высвободить на востоке дивизий пятьдесят для высадки на английские острова и для усиления немецко-итальянского фронта в районе Египта. Вполне вероятно, что английскому правительству пришлось бы эвакуироваться в Канаду, а Египет и Суэцкий канал попали бы под власть Гитлера.

Но это не всё. СССР был бы вынужден перебросить большую часть своих войск с маньчжурской границы на восточный фронт для укрепления своей обороны, а это дало бы возможность японцам высвободить до 30 дивизий в Маньчжурии и направить их против Китая, против Филиппин, против Юго-Восточной Азии вообще, в конечном счёте — против американских вооружённых сил на Дальнем Востоке.

Всё это привело бы к тому, что война могла затянуться по крайней мере ещё года на два. Это обернулось бы дополнительными миллионами человеческих жертв и ещё большими материально-техническими разрушениями.

К сказанному можно добавить, что японские дивизии могли вторгнуться не только в Китай, но и на территорию СССР, как это было в годы Гражданской войны. Тогда под угрозой было бы поставлено военнотехническое сотрудничество СССР и США со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Кроме того, если бы война затянулась, то Гитлер мог бы не только получить атомное оружие нужной мощности, но и применить его⁴³. В общем, если бы погиб так ненавидимый на Западе большевистский Советский Союз, то вместе с ним, судя по всему, закатилась бы цивилизованная, высокомерная и лукавая Европа.

Следует сказать, что и через многие десятки лет после начала Великой Отечественной войны российские аналитики подтверждают судьбоносную важность создания Восточного фронта, отодвинувшего советские государственные границы как можно дальше на запад от крупных военно-промышленных и политических центров СССР⁴⁴. Главный редактор журнала «Международная жизнь» Б. Пядышев, подытоживая содержание статьи «Прибалтика и геополитика», подготовленной для журнала генералом внешней разведки Л. Ф. Соцковым, приходит к следующему выводу: «Для меня совершенно ясно, что несколько дней, которые немцы потратили на то, чтобы пройти литовские и прибалтийские земли, дорого стоили. Наши успели прийти в себя, улеглась паника. Когда немцы прошли Литву, в Белоруссии начались уже настоящие бои. На Москву немцы накатились к холодам, к зиме. Русские прочно встали на ноги. И Ленинград был спасён тем, что немецкая атака по-

шла не в прямую, а через прибалтийские территории, которые германскому командованию ещё предстояло захватить, тратя силы и, главное, время»⁴⁵.

По разные стороны фронтов

В планах германского командования Прибалтика играла роль одного из важнейших плацдармов нападения гитлеровских войск на СССР.

Политические вопросы, касавшиеся дальнейшей судьбы Прибалтики, разработал один из теоретиков нацизма прибалтийский немец Альфред Розенберг, назначенный Гитлером уполномоченным по центральному контролю над вопросами, связанными с восточноевропейскими областями. В документах, подготовленных Розенбергом, Прибалтика объявлялась «жизненным пространством Великой Германии». Предусматривалось создание в Эстонии, Латвии и Литве германского протектората с последующим превращением этих регионов в составную часть Великой Германской империи. Балтийское море должно было стать внутренним германским морем. Что касается населения Прибалтики, то предполагалась «серьёзная германизация и освежение крови» «подходящих в расовом отношении элементов» и выселение или уничтожение «нежелательных элементов». Планировалась широкая колонизация Прибалтики немецкими солдатами — участниками войны против России в Первую мировую войну, а также ветеранами так называемого балтийского похода 1919 г., т.е. бывшими солдатами и офицерами армии фон дер Гольца⁴⁶.

С первых дней войны территория Латвии стала ареной ожесточённых боёв. На латышской земле немцам пришлось столкнуться с упорным сопротивлением. Героической страницей первых дней войны явилась оборона города-порта Лиепаи, длившаяся в полном окружении с 23 по 29 июня. Здесь небольшой гарнизон красноармейцев, поддержанный рабочими городских предприятий во главе с Артурсом Петерсонсом и латышскими комсомольцами во главе с Микелисом Букой и Янисом Зарсом, сковал на неделю одну из лучших дивизий врага и нанёс ей существенные потери, что сказалось на темпах наступления немцев в Курляндии. Оборона Лиепаи стала латвийской Брестской крепостью и дала пример мужества и стойкости в трудные, трагические дни начала войны.

1 июля после двухдневных боёв враг овладел Ригой. К 8 июля Латвия была полностью оккупирована нацистами. Под названием «генеральный округ Латвия» территория Латвийской ССР была включена в состав так называемого Восточного края (Остланда) с центром в Риге. 27 августа 1941 г. командующий немецкими войсками в Остланде издал распоряжение о передаче с 1 сентября представителями военного командования всей власти в Латвии в руки немецкой гражданской администрации. Рейхскомиссаром Остланда был назначен гауляйтер Лозе, а генеральным комиссаром Латвии — немецкий чиновник Дрекслер.

На территории Латвии гитлеровцы установили оккупационный режим. 18 августа 1941 г. все предприятия и земли Латвии как военные трофеи были объявлены собственностью Германии.

Великая Отечественная война углубила водораздел среди латышей, принявших июньские события 1940 г., и теми, кто сохранял надежды на реставрацию свергнутого режима Улманиса (впрочем, оставались и слои населения, на первых порах индифферентно относившиеся к любой новой власти).

Первые были готовы вместе с Красной Армией отстоять свой выбор, сделанный в июне-июле 1940 г.

Рижские рабочие создали истребительные батальоны. Вначале они сражались на улицах Риги, затем отошли в Эстонию, где из них были сформированы два добровольческих латышских полка в составе Красной Армии. В июле-октябре 1941 г. они сражались на территории Эстонии и участвовали в обороне Ленинграда.

Из Латвии, главным образом, из её восточных районов успело эвакуироваться только 45 тыс. человек. Вместе с 150 тыс. латышей, проживавших в то время в СССР, они трудились на оборонных предприятиях, а также принимали участие в военных действиях на фронтах Великой Отечественной войны. Активными участниками борьбы с гитлеровскими захватчиками на фронте и в тылу врага стали примерно 125 тыс. латышей и граждан Латвийской ССР.

По предложению Я. Калнберзина и В. Лациса и памятуя о красных латышских стрелках, Сталин согласился создать латвийские национальные части, которые в качестве 201-й Латышской стрелковой дивизии были включены в состав Северо-Западного фронта. Первый состав дивизии почти на 70% состоял из добровольцев.

Латышские части участвовали в обороне Москвы. Они стойко и мужественно сражались в кровопролитных боях против немецких войск под Наро-Фоминском, у Старой Руссы, на Демьянском плацдарме (г. Демьянск). В ознаменование этих событий железнодорожная станция Московской железной дороги под Наро-Фоминском получила название «Латышская». За бои под Москвой и у Старой Руссы 201-й Латышской дивизии (командир Я. Вейкин, комиссары Э. Бирзитис, П. Зутис) было присвоено наименование «43-я Гвардейская латышская стрелковая дивизия». Летом 1943 г. в составе Советской Армии была создана ещё одна латышская национальная часть — 1-й Латышский бомбардировочный авиационный полк, активно включившийся в боевые действия. А в 1944 г., на базе размещавшегося в Гороховецких лагерях запасного полка была создана вторая — 308-я Латышская стрелковая дивизия. Она образовала вместе с 43-й гвардейской (бывшей 201-й) Латышской стрелковой дивизией 130-й Латышский стрелковый корпус (командир Д. Бранткалн). Латышские воинские части участвовали в боях в районе Великих Лук и в освобождении Латвии. За участие в операциях

по освобождению Даугавпилса и Риги Латышский стрелковый корпус награждён орденом Суворова II степени.

Латыши, сражавшиеся в дни Великой Отечественной войны в рядах Советской Армии, служили не только в её латышских национальных формированиях. Они принимали участие в боях на многих участках протянувшегося на несколько тысяч километров фронта. Ряд латышей был, в частности, среди высших командиров Советской Армии, стоявших во главе армий, корпусов, дивизий и бригад. Некоторые из них были удостоены звания Героя Советского Союза.

Так, генерал-майор Э. Я. Магон (Магоне) командовал 45-м стрелковым корпусом 13-й армии. Пал смертью героя в одном из боёв в Могилёвской области.

Генерал-полковник М. А. Рейтер командовал 20-й армией. За успешно проведённую Погорелого-Городищенскую операцию (под Ржевом) награждён орденом Ленина. Затем он был командующим Брянским фронтом, а в последующем командовал войсками Степного и затем Южно-Уральского военного округа.

В начале войны уполномоченным ставки Главного командования по воинским формированиям на Украине был генерал-майор Я. П. Дзенит. Он организовывал оборону Днепропетровска в августе 1941 г. Под его командованием в июле 1944 г. была уничтожена значительная группировка гитлеровцев, окруженная в районе Минска.

Генерал-майор А. И. Штромберг в качестве начальника штаба 6-й гвардейской танковой армии участвовал в Яссо-Кишинёвской и Будапештской операциях и в освобождении Праги. В августе 1945 г. участвовал в разгроме японской Квантунской армии.

С операциями танковых войск Советской Армии связаны также имена генералов танковых войск К. Улманиса, А. Нэмме, полковников П. Армана-Тилтыня и К. Андерсона.

Среди воинов-латышей, удостоенных звания Героя Советского Союза, были: лётчик капитан Александр Груздинь (посмертно), политрук роты тяжёлых танков 2-й танковой бригады Южного фронта Владимир Витынь (посмертно), старый латышский стрелок, командир 120-й гвардейской стрелковой дивизии, генерал-майор Ян Фогель (посмертно), командир 6-й понтонно-мостовой бригады Резерва Главного командования гвардии полковник Ян Берзинь, проявившие героизм при форсировании Днепра осенью 1943 г. Иван Круминь и Альберт Кронит, командир батальона 233-й стрелковой дивизии капитан Александр Блау, командир 98-й тяжёлой гаубичной артиллерийской бригады полковник Павел Пуринь, отличившийся при форсировании Одера в Силезии⁴⁷.

Помнит ли сегодня Латвия о своих героях? Или же они для неё пособники «оккупантов»? А ведь приведённые фамилии представляют лишь отдельные случаи массового героизма, который проявил латышский народ, боровшийся на стороне Советской Армии против гитлеризма и за Советскую Латвию.

В тылу врага, на территории Латвии, оккупированной немцами, постепенно стали разворачивать свою деятельность латышские партизаны (в основном, в 1943–1944 гг.). Им оказывали помощь партизаны с «большой земли» и соседних районов РСФСР и БССР. В Ленинградской области летом 1942 г. был создан и начал действовать латышский партизанский полк «За Советскую Латвию», весной 1943 г. — латвийская партизанская бригада. В феврале 1943 г. создан штаб партизанского движения Латвии. Весной и летом 1943 г. на территории Латвии были организованы подпольные партийные и комсомольские комитеты. Они возглавили освободительную борьбу. Партизаны нападали на небольшие гитлеровские гарнизоны, уничтожали предателей, препятствовали утону людей в Германию. Летом 1943 г. партизаны Латвии участвовали в «Рельсовой войне» и других военных операциях, содействуя советским войскам в борьбе с гитлеровцами. В первой половине 1944 г. в Латвии действовали 3 партизанские бригады: 1-я Латвийская под командой В. Самсона в северной и северо-восточной Латвии; 2-я Латвийская под командой П. Ратиня в Мадонских и Лубанских лесах; 3-я Латвийская под командой О. Ошкарна в лесах Земгале. В Курземе (Курляндия) действовали партизанские отряды А. Мацпана «Саркана Булта» («Красная стрела») и др., а также десятки разведгрупп. В целом на территории Латвии сражалось около 20 тыс. партизан, включая невооружённые резервы. Они пустили под откос 350 воинских эшелонов, вывели из строя 87 танков и бронемашин, убили и ранили 45 тысяч гитлеровцев. За героизм и отвагу командирам Отмару Ошкарну, Вилису Самсону и одному из организаторов рижского подполья Иманту Судмалису (посмертно) присвоено звание Героя Советского Союза.

Большинство латышского народа в момент немецкого вторжения в Латвию было настроено к немцам враждебно-настороженно. Однако были группы и организации, которые ожидали немцев. Из сторонников «вождя» К. Улманиса они превратились в верных пособников оккупантов, совершивших неисчислимые злодеяния на территории Латвии. Среди жителей Латвии, встречавших гитлеровцев летом 1941 года с цветами, были и люди, наивно верившие в восстановление досоветских порядков. Немало было и тех латышей, кто оказался готовым при подстрекательстве немецких нацистов выплеснуть свою ненависть к советской власти (или, как указывают иные историки, к сталинскому режиму) на своих соседей — русских и евреев.

Важно отметить, что социальные преобразования в Латвии в 1940–1941 гг. протекали в обстановке острой классовой борьбы. Часть населения — представители частного предпринимательства, управленческого, военного, полицейского аппарата свергнутого режима Улманиса, застигнутые врасплох событиями июня 1940 г., стали постепенно организовываться и оказывать сопротивление советской

власти. В арсенал использовавшихся ими средств борьбы входили: распространение провокационных слухов, акты саботажа, вредительства, поджоги лесных массивов, поощрение националистических и антисемитских настроений среди населения, агитация против советской власти, угрозы советским активистам, террористические акты и т.д. Осенью 1940 г. при непосредственном участии органов разведки и пропаганды третьего рейха стали возникать отдельные националистические подпольные группировки и организации, такие как «Тевияс саргс» («Стражи отечества»), «Латвияс саргс» («Стражи Латвии»), «Военная организация освобождения Латвии», «Латвийское народное объединение», «Латышский национальный легион». Они объединяли бывших айзсаргов, полицейских, офицеров, чиновников, националистически настроенных студентов и крестьян, бывших членов фашистских организаций. Нацистская агентура готовила в Прибалтике гражданскую войну. Она должна была начаться одновременно с вторжением германских войск в Советский Союз.

В обстановке непрекращавшихся вылазок сторонников свергнутого режима и с учётом реальной угрозы войны 16 мая 1941 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление «О мероприятиях по очистке Литовской, Латвийской и Эстонской ССР от антисоветского, уголовного и социально опасного элемента». Аресту и направлению в лагеря на срок от 5 до 8 лет с последующим поселением в отдалённых местностях СССР подлежали: активные члены контрреволюционных организаций, участники антисоветских националистических белогвардейских организаций, руководящий состав бывших полицейских и тюремщиков, рядовые полицейские и тюремщики в случае наличия компрометирующих их материалов, бывшие крупные помещики, фабриканты и крупные чиновники, бывшие офицеры национальных и белой армий, на которых имеются компрометирующие материалы, уголовный элемент, продолжавший заниматься преступной деятельностью. Члены семей лиц указанных категорий направлялись в ссылку в отдалённые районы Советского Союза (Казахстан, Красноярский край, Новосибирская область). Направлявшиеся в лагеря арестованные, а также ссыльные составляли контингент депортированных. Согласно указанию НКВД СССР от 21 апреля 1941 г., ссыльным разрешалось брать с собой к месту высылки личные вещи не свыше 100 кг на каждого члена семьи, бытовые ценности (ювелирные украшения, часы, портсигары и т.д.), деньги без ограничения суммы⁴⁸.

Всего, по данным НКГБ СССР от 17 июня 1941 г., за 3 дня с 14 по 17 июня 1941 г. в Латвии было арестовано 5625 человек и подвергнуто административной высылке 9546 человек, всего репрессировано 15 171 человек⁴⁹.

Первоначально депортацию планировалось провести лишь с территории Литвы. Эстония и Латвия

были включены в проект постановления в самый последний момент, под давлением текущих обстоятельств. Как констатировал посол Великобритании в СССР Криппс, советское руководство не хотело, чтобы их пограничные районы были заселены «пятой колонной», связанной с нацистскими спецслужбами, и людьми, подозрительными в смысле враждебности к советскому режиму⁵⁰. Преступления, совершённые латышскими подручными Гитлера в оккупационный период, позволяют утверждать, что предпринятые меры сами по себе были оправданными. В то же время не следует забывать и о том, что часть людей пострадала необоснованно, а многим будущим пособникам нацистов удалось ускользнуть от предвостановленной чистки. Это, например, «префект полиции» Риги Р. Штиглиц и самые кровавые организаторы Холокоста на территории Латвии — полковник В. Вейс и майор В. Арайс.

Следует сказать и о том, что в годы войны к депортациям прибегали и другие страны. Например, в США выселению в глубь страны были подвергнуты американцы японского происхождения. Важно также напомнить, что латышские власти в период первой независимости жёстко и твёрдо расправлялись с социально и идеологически чуждыми элементами из числа своих соотечественников, т. е. коммунистами, комсомольцами, членами левых профсоюзов и прочими «инакомыслящими». Их убивали, высылали в захолустные районы Латвии, а также из страны, бросали в тюрьмы и концлагеря, лишали политических прав, увольняли с работы.

В годы Великой Отечественной войны немецкие оккупационные власти и их латышские пособники использовали акцию высылки, проведённую накануне войны, в пропагандистских целях. Они хотели настроить население против Советского Союза и воспрепятствовать развёртыванию партизанского и антифашистского подпольного движения. Следует отметить, что принятые в июне 1941 г. меры не сопровождались необходимой разъяснительной работой среди населения, и это имело отрицательные последствия. Оккупированная Латвия стала ареной информационно-психологической войны, развёрнутой немецкой пропагандистской машиной против СССР и сторонников советской власти. Гитлеровцы не жалели красок для изображения «зверств» «жидобольшевиков» в Прибалтике в течение года существования ЛССР. Они распространяли слухи о якобы «повальных арестах», устраивали экскурсии в подвалы ЧК, рассказывая, что там-де творилось, показывали боксы, где якобы велись расстрелы, в разы завышали число депортированных. Эти пропагандистские приёмы были взяты на вооружение латышскими коллаборационистами.

Поведение латышских этнополитических элит и их сторонников в годы Великой Отечественной войны явилось кульминацией политического падения. Эти силы, подпиравшие и обслуживавшие ре-

жим Улманиса и вместе с ним оказавшиеся в разряде свергнутых и проигравших, с приходом немцев спешили взять реванш. Они в такой степени дали увлечь себя чувству ненависти, что проигнорировали судьбу, которую уготовили для жителей Латвии немецкие захватчики. Этнополитические круги Латвии и тесно связанный с ними кадровый корпус сломанной государственной машины Улманиса предоставили в распоряжение завоевателей послушных чиновников для аппарата оккупационных властей, жестоких и исполнительных служаков для гитлеровских полицейских органов разных наименований, а также «интеллектуальный ресурс нации», включившийся в пропагандистские акции Гитлера и Геббельса под знаменем шовинизма, антисемитизма и антикоммунизма. Приобретённый в годы улманисовского правления пропагандистский опыт, обогащённый и развитый под началом фашистских идеологов, будет использован «борцами за независимость Латвии» в годы холодной войны и в перестроечный период в СССР. Влияние этого опыта различимо и в настоящее время в политической практике сегодняшней Латвии. Здесь уместно вспомнить о пропагандистском фильме латышского режиссёра Э. Шноре «The Soviet Story», переполненном историческими фальсификациями, в том числе нацистского производства. За этот фильм «кинодокументалист» был удостоен высшей государственной награды Латвии — «Ордена Трёх Звёзд».

Уже в самом начале оккупации добровольные слуги фашистского рейха совершили невиданные злодеяния против своих же соотечественников и тем самым «наглухо приковали себя к военной колеснице гитлеровской Германии и тащились за ней вплоть до её окончательного краха»⁵¹.

Как и в 1918–1919 гг., под прикрытием армии оккупантов националистические круги прибегли к неограниченному террору против инакомыслящих, физически уничтожая не только самую активную в политическом отношении часть своих противников (коммунистов, советских служащих, военнопленных бойцов Красной Армии, участников подпольного движения сопротивления, партизан), но и мирное население, сочувствовавшее Красной Армии, а также просто советских граждан (женщин, стариков, детей), угонявшихся немцами с оккупированных территорий в рабство. Уничтожающую характеристику верхушке латышских коллаборационистов дал группенфюрер СС Фридрих Йеккельн на судебном процессе в Риге в 1946 г. Он, в частности, сказал: «Все они были большими друзьями немцев. Эти люди руководствовались только немецкими интересами и нисколько не задумывались о судьбе своих народов. Из разговоров с ними я понял, что они хотят уничтожить большевиков не меньше, а может быть больше, чем мы, немцы. Эти люди считали, что даже если Германия и проиграет войну, то всё равно будет очень хорошо, ибо мы ликвидируем всех советских патриотов, всех

коммунистов. А без патриотов и коммунистов им гораздо легче будет запродать свои народы другим сильным державам»⁵².

В таких условиях в ходе Отечественной войны против гитлеровских захватчиков разворачивалась гражданская война между свергнутыми силами, решившимися вернуть утраченные позиции с помощью немецких штыков, и населением, принявшим советскую власть и ожидавшим прихода Советской Армии. Отечественная война стала гражданской для латышских национальных частей в составе Советской Армии, латышских медсестёр на фронтах Великой Отечественной, для латышей, работавших на неоккупированной территории СССР на оборону и победу, для партизан и подпольщиков, для крестьян, с риском для жизни прятавших военнопленных и снабжавших партизан продовольствием.

Гражданская война началась уже в самые первые дни оккупации Латвии, когда новоявленные латышские подручные Гитлера заявили о себе массовыми чистками и погромами среди мирных и безоружных соотечественников. Согласно терминологии немецких оккупантов, эти банды преступников назывались «антикоммунистическими и антиеврейскими кругами», а также местными «кругами самообороны». Немцы старались использовать в свою пользу их иллюзии о независимой национальной Латвии. До полного оформления оккупационной власти немцы не чинили им никаких препятствий. Где это требовалось, они интенсифицировали погромы и направляли их в нужное русло, заставляя вместо себя выполнять «очищение Латвии от большевиков и жидов». Это «очищение» производили и сами немцы; однако чаще всего привлекались латыши в сопровождении какого-нибудь немца. Гитлеровцам было важно не оставить никаких своих следов, чтобы эти местные «круги самообороны» не могли позже сослаться на какое-либо распоряжение или данное им политические обещание⁵³.

Так, уже в конце июня 1941 г. в районе Добеле — Ауце — Салдус организовалась большая группа айзсаргов, которая чинила расправу над местными активистами⁵⁴. В Туйской, Лиепупской и Дунтеской волостях действовала банда под предводительством лиепупского пастора Э. Берзиньша⁵⁵. В районе Гулбене активизировалась довольно значительная группа бывших военнослужащих армии Улманиса, возглавлявшаяся подполковником К. Аператсом⁵⁶.

После того как в Ригу 1 июля 1941 г. вступили передовые части немецко-фашистской армии, на радио явился бывший военный атташе Латвии в Эстонии В. Вейс и приказал диктору зачитать воззвание к «истинным латышам» с призывом приступить к уничтожению «внутреннего врага», т. е. бывших советских служащих, коммунистов и членов их семей, антифашистов, а также всех евреев независимо от их политических убеждений. Сам Вейс организовал «батальон смерти», участвовавший в расстрелах со-

ветских граждан. Впоследствии этот батальон немцы использовали не только в Латвии, но и в Литве, Белоруссии, Польше.

Банды «истинных латышей» врываются в квартиры мирных жителей, грабят их имущество, а самих жертв избивали и арестовывали. Особой активностью отличалась «боевая группа» бывшего полицейского В. Арайса, называвшая себя «парни Арайса». Эти «парни» носили на рукаве зелёную повязку с вышитым черепом и скрещёнными костями и стремились превзойти в жестокости всех других «истинных латышей» на службе Гитлера. Каждую ночь члены этой группы уводили свои жертвы на расстрел в Бикерниекский лес, где уже в ночь с 1 на 2 июля 1941 г. появилась первая массовая могила умерщвлённых мирных жителей⁵⁷. За заслуги в установлении гитлеровского «нового порядка» Арайс получил официальную немецкую полицейскую должность начальника управления полиции безопасности, звание майора и крест за заслуги. Согласно свидетельским показаниям, в 1941 г. карательная команда Арайса осуществляла все расстрелы еврейского населения на территории Латвии, а также всех других советских граждан, уничтожавшихся оккупантами. Это было прямое назначение команды Арайса, так как её участники за редкими исключениями на фронт не посылались. Позднее их стали отправлять на фронт, а также в другие республики Союза ССР для проведения карательных операций⁵⁸.

Только за первые десять дней оккупации в Риге было арестовано и зверски уничтожено свыше 9000 человек⁵⁹. В Риге расстреливали каждого, кто не нравился, на кого был подан донос или кто просто вёл себя на улице не так, как это нравилось немцам. В первую очередь расстреливали тех, кто при советской власти занимал какую-либо должность, а также евреев. Расстреливали в квартирах и на улицах. При расстреле евреев немцы собирали всякий сброд из латышских «антикоммунистических и антиеврейских кругов», спаивали его, выдавали каждому бандиту по три патрона, отводили арестованных евреев к набережной Даугавы, ставили у берега и расстреливали. Когда же не хватало патронов, оставшихся в живых закалывали штыками. Усердствующим в деле «очищения» разрешалось грабить свои жертвы⁶⁰. Символом ужасов Холокоста в этот же период стали пылающие синагоги. В них предварительно насильно загоняли евреев, которых сжигали живьём⁶¹.

Решение «еврейского вопроса» в Латвии по нацистским лекалам произошло ещё до Ванзейской конференции⁶², на которой высшее гитлеровское руководство поставило задачу тотального уничтожения европейского и советского еврейства. На оккупированной территории Латвийской ССР нацисты создали 18 гетто, которые, как правило, служили местом концентрации еврейского населения накануне казни (в Айзпите, Бауске, Балви, Вараклянах, Вентспилсе, Виляке, Даугавпилсе, Екабпилсе, Елгаве, Зилупе,

Карсаве, Краславе, Лудзе, Прейли, Яунелгаве). Лишь в Риге и Лиенае гетто просуществовали длительный период. Самым активным образом в Холокосте участвовали местные коллаборационисты, в том числе бывшие офицеры латвийской армии. Именно они совместно с немецкими карателями за летние месяцы 1941 г. успели уничтожить примерно половину латвийских евреев (35–40 тыс. человек)⁶³.

Из тактических соображений гитлеровцы предпочитали скрывать от населения свои цели и планы. Военное наступление и террор оккупантов шли в ногу с идеологическим наступлением. В целях пропаганды немцы при пособничестве «истинных латышей» развернули клеветническую антисоветскую кампанию об «ужасах ЧК». Для добывания «фактов большевистских зверств» в Риге, сразу же после оккупации, была создана «Комиссия по расследованию зверств большевиков в Латвии». Руководили работой комиссии начальник пропаганды рейхскомиссариата Латвии Дреслер и начальник рижского гестапо Ланге. В состав комиссии вошли бывшие чиновники и военные периода правления Улманиса: Крепшманис, Зутис, Пукитис, Грузис. Через печать и радио комиссия широко оповестила население, что в г. Риге и его окрестностях обнаружены массовые могилы латышей, «зверски замученных ЧК». Немецкая пропаганда активно использовала «материалы» указанной комиссии для клеветнической антисоветской кампании по всей Прибалтике. Организовывались торжественные похороны «жертв большевиков», проводились антисоветские митинги, публиковались статьи в газетах и журналах, были изданы книги под названием «Год ужасов» и «Обвинительные доказательства», выпущен документальный фильм «Красный туман», который с некоторыми изменениями был также сделан для Эстонии и Литвы. Более того, пропагандистская книга «Год ужасов» переиздана в современной Латвии, а фотогорафические иллюстрации к ней размещены в Интернете. Таким образом, информационная война с опорой на пропагандистские приёмы нацистов продолжается теперь в отношении современной России. И в соответствии с канонами информационной войны, сформулированными Геббельсом, ставка делается на большую ложь. Эту ложь опровергает выявленная в Центральном архиве ФСБ и опубликованная рядом изданий Службная записка НГКБ СССР о фальсификации гестапо «большевистских зверств» в Прибалтике за подписью наркома государственной безопасности Меркулова⁶⁴. Записка, носившая секретный и исключительно внутренний характер, датирована апрелем 1945 г., что повышает её достоверность даже в глазах изначальных скептиков. В этой служебной записке приведены результаты следствия НКГБ ЛССР. В частности, было установлено, что в распоряжении «Комиссии по расследованию зверств большевиков в Латвии» находилась специальная команда Зутиса в количестве 40 человек, которая занималась специальной «обработкой» тру-

пов, всячески их уродуя, а члены комиссии на этом основании составляли и подписывали фиктивные акты о «зверствах» большевиков. Чтобы скрыть факт умышленного изуродования трупов, предназначавшихся для широкой демонстрации населению, немцы расстреляли и закопали в местечке «Болтозер» близ Риги 10 евреев, взятых ими из гетто для работы в специальной команде Зутиса. Кроме того, документально и показаниями свидетелей было установлено, что основные кадры «документального» фильма «Красный туман» были сделаны лабораторным путём, а «камера смертников в тюрьме НКВД с надписями осуждённых» была бутафорно сооружена и заснята на Рижской киностудии.

В ходе проводимых пропагандистских акций немцы выдавали себя за друзей латышского народа и его освободителей. Они целенаправленно поощряли национализм и шовинизм, разжигали вражду латышей против других народов, в первую очередь славянских. Немцы всячески пытались натравить латышей на русских, привить презрение к ним. Культивируя презрение к военнопленным, русским дали прозвище «Ваньки».

Что касается евреев, то в оккупированной Латвии, как и везде, немцы прибегали к грубой антисемитской пропаганде. Они всячески поддерживали возникший в обывательской среде миф о «жидах-чекистах» на том основании, что заместителем руководителя НКВД Латвийской ССР был еврей Семён Шустин. Кроме того, немцы активно тиражировали утверждения представителей улманисовских элит о том, что якобы именно лица еврейской национальности с наибольшим восторгом приветствовали вхождение прибалтийских государств в Советский Союз и пополняли ряды коммунистов и служащих советских учреждений⁶⁵. На евреев возлагали вину за все несчастья и все недостатки и в ходе Холокоста пытались полностью уничтожить как народ.

Важно обратить внимание на то, что латышские националисты спешили помочь своим немецким хозяевам и на идеологическом фронте. В своих речах, статьях и книгах они заявляли, что немцы якобы являются лучшими друзьями латышского народа, что долгие годы они помогали латышам создавать их культуру и что всё достигнутое в Латвии в области культуры и экономики является «исторической заслугой» немцев. Историки Гинтер, Помер и др. «доказывали», что немцы сыграли якобы огромную роль в истории латышского народа, поскольку сам он не способен к самостоятельному историческому развитию. Они стремились оправдать длившееся столетиями господство немецких баронов в Латвии и отрицали или замалчивали положительное влияние русской культуры и реформ Александра II и Александра III на культурную, экономическую и общественно-политическую эмансипацию латышей. Одновременно они пытались очернить положительные результаты хозяйственного развития СССР

и разжигали ненависть к советскому народу. Отголоски пропаганды того времени до сих пор заявляют о себе в современной Латвии: и на бытовом уровне, и в высказываниях политиков.

Однако реальности немецкой оккупации всё представляли по своим местам. Хотя почти нигде немцы откровенно не говорили и не писали о том, что относятся латышей к низшей расе и зачастую замалчивали этот вопрос, однако не только латышское население, но и латышские пособники оккупантов не могли не чувствовать, что к ним относятся как к низшей расе. Так, немцы подчёркивали, что латыши — это крестьянский, деревенский народ. Полномочия латышской полиции не распространялись на немцев. Латышей не пускали в магазины, предназначенные для немцев. Использовали их на менее «престижной» и менее ответственной работе. Латышский язык был оттеснён на второстепенные роли, а латышские названия местностей были переделаны в немецкие.

В целях установления и поддержания «нового порядка» немцы создали сравнительно широкую сеть местных полицейских органов: шуцманскую службу во главе с бывшим руководителем фашистской организации «Перконкрустс» Г. Целминьшем, полицию порядка, начальником которой стал Р. Осис, латышскую службу полиции безопасности. Все эти службы были подчинены руководителю СС и полиции безопасности в Латвии Шрёдеру. В одном из интервью он заявил, что в распоряжении полиции СС в Латвии имеется около 14 тыс. человек, добровольно поступивших на службу в полицию⁶⁶. На самом деле по доброй воле в полицию шли главным образом участники погромов первых дней оккупации, а также те, кому не досталось другого места в немецких оккупационных учреждениях. Таких людей было сравнительно немного. Основной же состав латышских полицейских формировался за счёт вербовки. Латыши ставились перед выбором: или быть отправленными на работу в Германию и Эстонию, чего они боялись как смерти, или записываться в полицию. В целях уклонения от отправки в Германию выбиралось последнее. Некоторых к службе в полиции подталкивало стремление получить кое-какие привилегии, в том числе и материального характера. Время от времени из числа полицейских формировались так называемые «добровольческие» батальоны, точнее батальоны полицейских, которых посылали на фронт или на борьбу с партизанским движением. В условиях плохого снабжения, разочарования в собственных ожиданиях от немцев, а также с учётом побед Советской Армии в 1943–1944 гг. стали отмечаться случаи дезертирства и даже перебежек к партизанам.

И всё же значительная часть бойцов латышских полицейских батальонов, составленных из бывших айзсаргов, полицейских, военнослужащих латвийской армии, были добровольными соучастниками нацистских преступлений и, несмотря на свойственную латышам ненависть к немцам, выступали их по-

собниками. Эти же батальоны боролись с партизанами активно и со злостью. Согласно свидетельствам, если бы в Латвии не было полицейских групп СС и батальонов полицейских, то с учётом дислокации в Латвии небольших немецких гарнизонов можно было бы организовать целые партизанские округа⁶⁷.

Латышские полицейские батальоны действовали не только на территории Латвии, но и за её пределами: на оккупированной территории РСФСР, Белоруссии, Украины и даже в Польше⁶⁸. Там они участвовали в карательных акциях: расстреливали мирных граждан, уничтожали целые деревни и сёла, ликвидировали гетто под прямым руководством немецких нацистов и совместно с иными пособниками. Все эти преступления совершались якобы во имя «спасения от большевизма» и «возвращения независимой Латвии».

Убеждённые в скорой победе, немцы в начале войны высокомерно пренебрегали латышскими подручными. Им доверялись лишь обязанности палачей и карателей. Однако после разгрома немецких войск под Сталинградом гитлеровцы, планируя массовую мобилизацию мужского населения Латвии для нужд фронта, решили создать видимость «самоуправления». Так называемое общелатвийское «самоуправление» не было единым и самостоятельным политическим институтом, осуществлявшим правящие функции. Оно было всего лишь придатком немецкого гражданского управления, послушным орудием в руках гитлеровских захватчиков и исполнителем их воли. Все важнейшие вопросы решались в немецких учреждениях.

Руководствуясь своими шкурными интересами, бывшие «столпы» режима Улманиса поспешили занять бутафорские посты марионеток в «самоуправлении». Генерал Данкерс, многократно награждавшийся Улманисом, стал генеральным директором по внутренним делам, позднее первым генеральным директором. Бывший министр финансов А. Валдманис, до прихода немцев скрывавшийся в видземских лесах, получил «тёплое местечко» генерального директора юстиции и финансов. Ближайший друг Улманиса М. Приманис был назначен генеральным директором просвещения и культуры. Генерал Р. Бангерскис (Бангерский), в прошлом офицер русской императорской армии, участник Русско-японской войны 1905 г., командир дивизий и корпусов в армии Колчака, военный министр в «левом» правительстве в 1927 г., сделался при оккупантах генеральным инспектором Латышского легиона СС. Он не только участвовал в проведении мобилизаций, но и утверждал смертные приговоры латышским солдатам, которые дезертировали или уклонялись от службы Гитлеру⁶⁹. Представители старого государственного аппарата и чиновничества буржуазной Латвии также сотрудничали с немцами. Они использовались в низовых инстанциях оккупационной администрации.

В ряду преступлений, которые совершило так называемое латышское самоуправление по отноше-

нию к своему народу, особое место занимает создание Латышского легиона СС. То, что международное право запрещает оккупантам мобилизовывать в свои вооружённые силы население захваченных территорий, не могло остановить ни Гитлера, ни его латышских пособников.

Легион создавался с целью подготовки мобилизации. Латыши как бы получали своё подразделение, и таким образом стимулировалась известная национальная заинтересованность. В данном случае немцы использовали хорошо им известные стремления национально настроенных латышей к самостоятельной Латвии и не препятствовали возникновению иллюзии, что такой легион может быть шагом к самостоятельности.

Латышский легион был создан в соответствии с опубликованным 27 февраля 1942 г. приказом Гитлера, в котором указывалось, что в легион вступают добровольно в возрасте с 17 до 45 лет. Чёрную работу по формированию легиона взяли на себя генерал Данкерс и генерал Бангерскис. Они опубликовали многочисленные объявления и призывы вступить в легион и немецкую армию вообще. Обращаясь к латышам, Данкерс требовал: «Вы не смеее отставать от немцев. Ваше место в легионе»⁷⁰. Поскольку вербовка никаких результатов не давала, то легион пришлось создать из существующих батальонов полицейских. В середине марта были созданы первые части (один полк). Командующим Латышским легионом был назначен немец, руководитель бригады СС Ганзен. Легионеры давали присягу. Её текст следующий: «Именем бога я торжественно обещаю в борьбе против большевизма неограниченное послушание главнокомандующему немецких вооружённых сил Адольфу Гитлеру, и за это обещание я, как храбрый воин, готов отдать свою жизнь».

Командиры полков легиона назначались из числа бывших полковников и подполковников латвийской армии. Они непосредственно подчинялись одному из командиров обеих составлявших легион 15-й и 19-й дивизий (эти посты занимали немецкие высшие офицеры СС), которые, в свою очередь, подчинялись командиру 6-го корпуса СС. Таким образом, Латышский легион СС не имел своего командира, т. е. практически не существовал как единое соединение. С точки зрения немцев, такое положение обеспечивало им лучшую возможность осуществлять контроль над латышскими частями. Следует сказать и о том, что, объявив Латышский легион добровольческим эсэсовским формированием, немцы действовали изошённо и с дальним прицелом. Чтобы укрепить и безальтернативно привязать мобилизованных латышей к гитлеровской военной машине, они использовали принадлежность Латышского легиона к СС в целях запугивания и шантажа легионеров: мол, с эсэсовцами у большевиков разговор короткий, так что не надейтесь, что сдача в плен позволит вам заслужить их прощение.

Благодаря созданию легиона стали возможны мобилизации, которые, в свою очередь, давали пополнение легиону. Таким образом, легион был создан не на добровольческой основе, а в результате мобилизаций. Всего было проведено четыре мобилизации, в результате которых в гитлеровскую армию были зачислены десятки тысяч латвийских граждан, начиная с мужчин рождения 1906 г. вплоть до юношей рождения 1927 и 1928 гг.

Для подготовки мобилизации немцы распускали слухи, что будет основана самостоятельная Латвия и выберут президента. Однако после мобилизации эти слухи стихали. Нацисты мобилизации провели, но никакого, даже фиктивного «национального правительства» или хотя бы подобия «самостоятельного государства» не дали.

О том, что латышский народ в своём большинстве не хотел служить гитлеровцам, свидетельствуют факты дезертирства, уклонения от призыва, ухода призывников прятаться в леса и на хутора, перехода к партизанам и в ряды участников сопротивления. В борьбе немцев с дезертирством не помогало ни создание в феврале 1944 г. особых военных судов для рассмотрения дел «о преступлениях, связанных с уклонением от воинской повинности», ни расстрел многих пойманных дезертиров⁷¹. Не в последнюю очередь массовый саботаж мобилизаций был результатом разъяснительной работы, которую проводили с призывниками латвийские партизаны и участники антифашистского подполья.

С началом деятельности оккупационных учреждений немецкие власти приступили к систематическому и планомерному уничтожению советских людей. В Латвии, помимо 18 еврейских гетто (как упоминалось выше), было создано 18 тюрем и 23 концентрационных лагеря. Все латвийские тюрьмы были переполнены. Центральная тюрьма в Риге была превращена в политическую тюрьму. В неё заключали людей, обвинявшихся в приверженности коммунистическим убеждениям. В число политических попали также латышские националисты, в особенности старые офицеры и бывшие члены организации «Перконкрустс», а также дезертиры. Последних держали до тех пор, пока они не соглашались ехать на фронт.

Режим содержания в тюрьмах был исключительно бесчеловечным. В сборнике архивных документов «Латвия под игом нацизма» (М.: «Европа», 2006) приведены свидетельства заключённых, воссоздающие жуткие картины преступлений против человечества, которые были совершены немцами и их латышскими подручными. Массовая гибель заключённых была связана не только с ежедневными расстрелами, но и с голодом, с антисанитарией, эпидемиями, избиениями, истязаниями и другими «культурными» немецкими приёмами. Возвратиться с допроса значило быть избитым, высеченным, с выбитыми зубами, поломанными челюстями и другими тяжёлыми травмами. Во всевозможных пытках и истязаниях

особенно изощрялись над женщинами и евреями. Свою лепту в функционирование «фабрик смерти» внесли и латышские надзиратели, которые в пьяном виде приходили в камеры и беспощадно избивали заключённых резиновыми дубинками.

Особенно трагичным было положение заключённых в Лиепайской следственной тюрьме, которую в народе называли «тюрьмой смерти». Советские граждане, осуждённые на смерть «латышской политической полицией», попадали в руки начальника тюрьмы садиста Ф. Класона, который в буржуазной Латвии дважды судился за воровство, один раз — за хулиганство и один раз — за бродяжничество. За четыре года оккупации из стен этой тюрьмы отправились в свой последний путь свыше 6 тыс. жителей Лиепай и её окрестностей⁷². Тысячи советских граждан были замучены в тюрьмах Даугавпилса, Лудзы, Екабпилса и др.

Важнейшее место в системе гитлеровского оккупационного режима занимали концентрационные лагеря. На территории Латвии было создано большое число концлагерей. Только в Риге находилось несколько концлагерей — центральный распределительный лагерь в Межапарксе, лагеря в Милграмсе, Страздумуйже, Бишумуйже. Концлагеря были также в Даугавпилсе, Лиепае, Валмиере, Мадонне, Тукумсе (два лагеря), а также в других местах. Для всех них были типичны жестокое обращение с заключёнными и каторжный труд, голодное существование и издевательства, невероятная скученность и эпидемические заболевания, массовые расстрелы, безжалостное уничтожение людей, не способных к тяжёлому труду.

Самым крупным и особенно жестоким по режиму был лагерь Саласпилс, в котором было уничтожено 53 700 мирных граждан⁷³. Сюда под видом «эвакуированных» и «беженцев» доставлялись советские граждане, угнанные из оккупированных областей СССР. Кроме того, сюда же привозили евреев из стран Европы. Всех заключённых ждали муки, издевательства и смерть. Старики, инвалиды, все, кто не мог работать, а также евреи были обречены. Их вывозили ночью на автомашинах и расстреливали. В окрестностях Саласпилса располагался и лагерь для советских военнопленных, где свою мучительную смерть под открытым небом нашли десятки тысяч человек.

В Саласпилском лагере разыгрывались ужасные сцены насильственного разлучения матерей и их детей, в том числе младенческого возраста. Дети в Саласпилсе содержались отдельно и строго изолированно и массами гибли мученической смертью не только от голода, эпидемий, но и от проводившихся на них «медицинских» экспериментов, в частности, «лечения» больных детей мышьяком. Кроме того, при питании, состоявшем в сутки из 100 грамм хлеба и ½ литра жидкости наподобие супа, дети использовались как доноры для немецких госпиталей. Для многих детей дозы забираемой крови оказались несовместимыми с жизнью. Таким способом в тюрьмах и концлагерях Латвии было загублено до 40 тыс. детей.

Взрослое население лагеря немцы заставляли заниматься непосильным каторжным трудом по 16 часов в сутки. Запрягшись по 20 человек в тяжёлый каток, заключённые укатывали дороги. У них также брали кровь до тех пор, пока человек не падал в обморок.

Помощником коменданта лагеря был латыш Видуш, зверски истязавший заключённых лагеря. В качестве врача практиковал латыш Какис, пользовавшийся почётом у немцев⁷⁴.

Как отмечалось в советской историографии, через тюрьмы, концлагеря и гетто Латвии прошло не менее 536 тыс. мирных граждан Советской Латвии, других республик СССР, а также ряда европейских стран. Из этого числа 314 тыс. было уничтожено, среди них 40 тыс. детей. Среди жертв гитлеровцев было более 100 тыс. мирных граждан Латвийской ССР. Полностью было уничтожено латгальское село Аудрини, жители его расстреляны. Было истреблено также почти всё цыганское население Латвии. Кроме того, на территории Латвии немецкие оккупанты и их пособники уничтожили 330 тыс. советских военнопленных. Около 280 тыс. граждан было угнано в Германию на принудительные работы⁷⁵. Некоторые историки пытаются оспорить эти данные, отмечая их недостаточную точность, а также оценочный метод подсчёта жертв в послевоенный период. При этом сам характер и полинные масштабы трагедии, развернувшейся на латвийской земле в период немецкой оккупации, в современной Латвии чаще замалчивают, чем прямо отрицают.

На территории Латвии уничтожению подверглось не только местное еврейское население, но и многие евреи, привезённые из разных стран Европы (Германии, Чехословакии, Австрии, Венгрии, Голландии, Франции и других стран)⁷⁶. Большие группы иностранных евреев были расстрелены в Бикерниекском лесу и замучены в Саласпилском «трудовом» лагере. Согласно свидетельствам, в расстреле евреев, производимым под немецким руководством, принимали участие главным образом латыши — «мальчишки со школьной скамьи и разный сброд из полицейских». Эти убийства вызывали недовольство даже у сторонников немцев из числа местных жителей, считавших, что латышам не следовало бы по желанию немцев быть палачами населения чужих стран⁷⁷.

На территории Латвии найдено до 700 мест массового захоронения убитых. Общая их площадь превышает 40 гектаров. Массовые могилы найдены в Румбулях, Дрейлинях, Саласпилсе, Бикерниекском лесу, в Зиепниеккалне под Даугавпилсом, а также в районе Шкеде возле Лиепай, где вдоль крутого морского берега на протяжении двух километров тянется массовая могила в восемь метров шириной.

В январе 1946 г. на процессе военных преступников в Риге группенфюрер СС Ф. Йеккельн показал: «Истребление советских граждан проводилось

по прямым указаниям и директивам германского правительства и его органов. Это делалось с целью быстрого покорения захваченной нами советской территории, исходя из нацистской программы захвата жизненного пространства»⁷⁸.

В этом контексте особо следует сказать о позиции деятелей бывших буржуазных партий Латвии. С первых дней оккупации они служили в гитлеровских учреждениях и даже не помышляли о сопротивлении. Один из эмигрантских авторов О. Фрейвалд отмечает, что «в первые годы немецкой оккупации оставшиеся ещё деятели партий не проявляли никакой организованной активности»⁷⁹.

С приближением окончательного разгрома гитлеровской Германии они всё же решили как-то отмежеваться от нацистов, чтобы иметь возможность, как и в 1919 г., перейти от немцев к новым покровителям: англичанам и американцам. С этой целью в 1943 г. было создано несколько небольших групп националистического толка, которые выпустили небольшое количество подпольных листовок с призывами «национально мыслящим латышам» воздерживаться пока от оказания нацистам поддержки в войне и копить силы «для решающего момента», т. е. для борьбы — но не против гитлеровцев, а против Советского Союза. Одной из таких групп был так называемый «Латвийский центральный совет» (ЛЦС). В его состав входили некоторые лидеры латышских правых социал-демократов во главе с Паулсом Калныньшем, а также некоторые бывшие деятели буржуазных партий, группировавшиеся вокруг профессора Константина Чаксте — сына первого президента Латвии.

Начиная с августа 1943 г. ЛЦС собирался несколько раз для обсуждения обстановки и принятия политических документов. Выработанная программа действий сводилась к тому, что «следует отклонять всякое сотрудничество с немецкими оккупационными властями и точно также следует отклонять оказание поддержки советским партизанам»⁸⁰. По существу дела такая позиция отвечала интересам гитлеровцев в их борьбе с партизанским движением. А сами «оппозиционеры» не были опасны. Ведь «фактически персональная и политическая база ЛЦС была всё же весьма ничтожной» и он оказался не в состоянии развить какую-либо деятельность⁸¹. Ареста нескольких членов ЛЦС как потенциальной англо-американской агентуры было достаточно, чтобы эта группа перестала существовать.

Аналогичным был конец и некоторых других подобных групп. За их деятельностью внимательно следила служба безопасности оккупационных властей, и, как только немцам становилось ясно, что необходимой отдачи от соответствующей группы нет или что кто-то из числа «оппозиционеров» действительно подумывает об организации сопротивления оккупантам, такая группа без промедления ликвидировалась. Но и сами «оппозиционеры» бдительно следили за чистотой своих рядов и доносили полиции

безопасности на отдельного своего соратника как на «большевика», если он хотел начать активную борьбу против захватчиков. Сказанное в полной мере относится и к ЛЦС, о деятельности и руководителях которого немецкая служба безопасности была осведомлена достаточно хорошо. Например, Константин Чаксте был отправлен в лагерь смерти в Штуттоффе, где и умер, а другой руководитель группы Паулс Калныньш после ареста в 1944 г. удостоился привилегированного и мягкого обращения и потому смог выжить и эмигрировать в Швецию, откуда позднее переехал в Германию. Умер в Австрии.

Среди «оппозиционеров» оказался и Союз латышских националистов (ЛНС), возникший в подполье ещё до начала войны. Его руководителями были главным образом члены профашистской организации «Перконкрустс», принявшие с первых дней войны активное участие в расправе над соотечественниками. Большинство персонального состава ЛНС составляли латыши, служившие в разного рода полицейских подразделениях оккупационного режима. В первой половине 1942 г. ЛНС выпускал подпольный листок «Таутас балсс» (Голос народа), авторы которого убеждали читателей избегать «подпольной романтики» и «коммунистической, а также англофильской деятельности». Целью этой группы было помешать образованию в оккупированной Латвии руководимого коммунистами антифашистского подполья и объединить латышей в борьбе против общего врага (т. е. против коммунизма). За свою деятельность они стремились добиться от оккупационных властей права создания в Латвии национального правительства. Эти цели так и не были реализованы. Именно осенью 1942 г. в Риге, где действовал ЛНС, развернулось столь широкое подпольное антифашистское движение, что полный провал замысла ЛНС объединить латышей в борьбе против коммунизма стал очевидным. К этому одновременно добавилось и то, что среди активистов ЛНС стал выдвигаться некий унтер-офицер — якобы агент английской разведки. В этой ситуации гестапо сочло за благо арестовать 17 ноября 1942 г. ряд активистов ЛНС. После этого деятельность группы прекратилась сама собой. «Патриоты» из ЛНС были помещены в Саласпилский концлагерь, где были назначены комендантом на разные привилегированные посты в лагерном «самоуправлении». Свои привилегии они отрабатывали стукачеством на заключённых лагеря и участием в издевательствах над ними.

В целом к лету 1944 г. буржуазно-националистическая «выжидающая оппозиция», так и не захотевшая перерасти в антифашистское движение сопротивления, прекратила своё существование и полностью исчезла со сцены. Деятели групп «оппозиции», покинув Латвию, бежали в Германию и Швецию, где в послевоенный период предстали перед мировым общественным мнением в позе несчастных «политических беженцев» и попытались лозунгом

независимости прикрыть кровавую, фашистскую сущность латышского коллаборационизма⁸².

Война стала испытанием на прочность и для латышской интеллигенции. Многие латышские писатели и деятели культуры приняли непосредственное участие в борьбе с немецкими агрессорами. На улицах Риги, в Эстонии и под Ленинградом воевали А. Балодис, Ж. Грива и другие. В конце лета 1941 г. бойцами Латышской стрелковой дивизии стали В. Лукс, Ф. Рокпелнис, И. Леманис, Я. Грант, А. Григулис, Ю. Ванаг, В. Калпинь, К. Краулинь, Э. Дамбур, И. Муйжниек, А. Иммерманис, В. Берце, Ц. Динере и другие. Многие из них впоследствии стали корреспондентами дивизионной газеты «Латвиешу стрелникс» («Латышский стрелок»). Э. Сокол, Я. Грант, П. Силс и другие после создания в 1944 г. второй латышской дивизии работали в её газете «Падомью Латвию» («За Советскую Латвию»), которая доставлялась в оккупированную немцами Латвию. Основанный в Иванове Художественный ансамбль Латвийской ССР регулярно выезжал на фронт для выступлений перед латышскими воинскими частями. В нём работали поэты М. Кемпе и М. Рудзитис.

Многие деятели культуры и науки, не успевшие эвакуироваться и оставшиеся в оккупированной Латвии, не пошли в услужение к нацистам и были подвергнуты репрессиям. В рижской центральной тюрьме погибли молодые поэты Э. Дрезиньш, Я. Атверс, художник и декоратор Государственного театра оперы и балета Я. Айженс, драматург Лукс, видный работник просвещения, депутат Верховного Совета Латвийской ССР Я. Лиекнис. Расстреляна была также жена Я. Лиекниса — заключённая срочной тюрьмы учительница Э. Лиекне-Витенберг. В Валмиере гитлеровцы расстреляли известного врача по лёгочным заболеваниям Л. Кирхенштейн, которую обвинили в том, что она оказывала медицинскую помощь раненым советским воинам. До последних дней войны в заключении находились оперный певец Э. Микельсон, генерал Р. Дамбитис, ужасы фашистской тюрьмы пережили известный врач П. Страдыньш, учёный-лесовод Арв. Калниньш, оперный певец А. Вилюманис, литературовед Р. Эгле, учёный-ботаник П. Галениекс, писатель П. Вилипс и др.

Активные участники культурной жизни Советской Латвии в 1940–1941 гг. Э. Бирзниек-Упитис, А. Чак, Я. Плаудис, Я. Грот, Р. Эгле, А. и П. Биркертис, Р. Селис остались верными своей родине, не скомпрометировали себя сотрудничеством с оккупантами, перестали печататься и жили в крайней нужде. В то же время ряд писателей, например, такие как А. Эглитис, активно печатались в фашистских изданиях, а в конце войны вместе с отступавшими немцами покинули родину. Вместе с немцами ушли и некоторые демократически настроенные писатели, например, Я. Яунсудрабинь.

Летом и осенью 1944 г. потерпели провал планы немцев использовать латышские воинские соедине-

ния для удержания фронта в Прибалтике. Не помогла и демагогическая аргументация о «защите границ отечества от красной опасности».

Перед началом наступления Советской Армии летом 1944 г. советское командование с помощью разбрасываемых листовок и радиообращений прилагало все усилия к тому, чтобы помочь насильно мобилизованным латышским legionерам найти выход из создавшего положения и избежать напрасных жертв. В марте 1944 г. была распространена листовка за подписью «Латыши — гвардейцы Красной Армии». В ней напоминалось, что многие поколения латышей боролись против гнёта немецких захватчиков, что в период Первой мировой войны латышские стрелки гибли в сражениях с немцами на Пулемётной горке, Острове смерти, в Тирельских болотах. Далее подчёркивалось, что сейчас тысячи латышей как в тылу, так и на фронте ведут решительную борьбу против гитлеризма, причём Латышская дивизия за проявленный в битвах героизм удостоена высокого звания гвардейской. Борясь против гитлеровцев, отмечали латышские гвардейцы, мы поднимаем на весь мир славу латышского народа, сражаемся за освобождение латвийской земли. Листовка заканчивалась словами: «Вы в это суровое для нашей Родины время находитесь в рядах той армии, которая приносит рабство, вы позорите имя латышей ... Приближается час полного разгрома гитлеровской армии... Что вы тогда будете делать? Куда вы денетесь? Надеяться на немцев не стоит. В час своей гибели они выбросят вас на свалку как ненужные вещи. Мы говорим вам: уходите из немецкой армии; в ваших руках оружие — направьте его против немцев. Организованно, с оружием в руках, переходите на сторону Красной Армии или партизан»⁸³.

По состоянию на 1 июля 1944 г. в Латышском легионе СС (включая учебные части) «по спискам числилось» 31446 человек и в шести полках «пограничной охраны» — 12118, а в полицейских полках и батальонах — 14884 человека; помимо того на так называемую вспомогательную службу (в качестве обслуживающего персонала зенитных батарей, а также обозников, личного состава разного рода военных хозяйственных организаций и т. п.) было привлечено до 20 тыс. человек, в основном подростков, которые лицемерно именовались «Hilfswillige der Wehrmacht» («добровольные помощники вермахта»). Однако списочный состав был далеко не идентичен их действительной численности. Бывший офицер легиона А. Блакис признавал: «Две трети находились в легионе, а одна треть — каждый третий — были внесены в списки разыскиваемых, т. е. являлись дезертирами»⁸⁴. Наиболее надёжными немцы считали полицейские батальоны — сборище садистов и палачей, тесно связанных с оккупантами общими преступлениями против человечества. Однако в начале 1944 г. и в эти подразделения были зачислены тысячи мобилизованных «добровольцев», что не замедлило

сказаться на устойчивости этих батальонов: массовое дезертирство стало и для них обычным явлением. Так что, характеризуя ситуацию лета 1944 г., А. Блакис констатировал, что, несмотря на все пропагандистские заявления о «большевистской угрозе», «немцы не надеялись выставить какую-либо более или менее значительную боевую единицу из таких латышей, которые добровольно пошли в их части, не говоря уже о двух многократно пополнявшихся дивизиях. Но на территории Латвии нет также мест, куда десятки тысяч людей могли бы бежать и где они нашли бы укрытие»⁸⁵.

Немецкое командование, чтобы удержать латышских солдат на позициях, пускало в ход всё: посулы, прибавка жалования для офицеров, улучшение питания и увеличение нормы спиртных напитков для солдат, угрозы, запугивание советским пленом и т. п. Несколько групп солдат и офицеров были расстреляны по обвинению в нарушении воинской присяги.

Несмотря на предпринятые меры, в июле 1944 г., когда немецкий фронт от Пскова до Минска стал распадаться под ударами Красной Армии, дезертирство из легиона и латышских полков «пограничной охраны» приняло невиданные до тех пор размеры. Перед лицом начавшегося наступления советских войск и испытывая мощное пропагандистское воздействие политорганов Советской Армии, полки обеих 15-й и 19-й латвийских дивизий и все шесть полков «пограничной охраны» практически прекратили существование как войсковые части: не оказывая почти никакого сопротивления, они бежали и бросали оружие. Чтобы ликвидировать прорыв, штаб группы армий «Север» издал приказ о подчинении латвийских дивизий СС 23-й и 93-й немецким пехотным дивизиям. Первым из средств исправления «плохого морально-политического состояния» латышских солдат явилась пуля. Отряды полевой жандармерии вылавливали бросивших свои части солдат обеих латышских дивизий и без всякого суда и следствия расстреливали. Однако в условиях нарастающего натиска частей Советской Армии уже ничто не могло остановить бегство легионеров. Командование 6-го корпуса СС было вынуждено констатировать негодность обеих латвийских дивизий СС как пехотных соединений и нецелесообразность их использования для активных операций, а также «для защиты их собственного отечества».

17 июля 1944 г. отступавшие в смятении остатки обеих дивизий легиона оказались на территории Латвии. Так совпало, что они вернулись на её землю практически одновременно с 43-й Гвардейской Латышской стрелковой дивизией. Но вернулись в родные места по-разному. Одни как добровольные, а большей частью, вынужденные сообщники ненавистных оккупантов, переживающие крушение вместе с гитлеровской военной машиной. Другие — как победители, с честью выдержавшие суровые испытания войны, и как хозяева своей страны.

Части легиона развалились в такой степени, что возродить 15-ю дивизию немцам не удалось. Из остатков же 19-й Латвийской дивизии СС, ядро которой в своё время составили шесть полицейских батальонов, были сколочены три «боевые группы» силой в один полк. В него было включено также то, что осталось от распавшихся полков «пограничной охраны». Понеся значительные потери в боях под Цесвайне и Нитауре, «боевые группы» 19-й Латвийской дивизии СС отступили вместе с немецкими частями в Курземе. Небольшая территория Курземского полуострова была буквально запружена частями двух немецких армий, тысячами полицаяв и других пособников оккупантов вместе с их семьями. Они сбежались сюда со всей Прибалтики и нескольких областей Северо-Запада РСФСР. «Курземский котёл» гитлеровцы пытались превратить в последнюю твердыню против большевизма на востоке. Здесь немецкое командование, чтобы сохранить видимость «латвийской» дивизии (что было важно прежде всего с политической точки зрения), перевело в неё несколько тысяч немецких солдат. В результате немцы составили почти две трети всех военнослужащих Латвийской дивизии⁸⁶. Этот факт фальсификаторы истории из эмигрантского лагеря умышленно замалчивают и всячески превозносят «подвиги» солдат этой дивизии, называя их «героями Курземской твердыни». На самом деле гитлеровское командование всё меньше доверяло солдатам-латышам, а те, мобилизованные большей частью насильно, не желали воевать против Красной Армии в интересах фашистской Германии и при первой же возможности дезертировали или переходили на сторону советских войск. Это вынуждены признать и сами эмигрантские авторы. Например, в изданной в Стокгольме Латвийской энциклопедии мы читаем следующее: «После этой битвы (речь идёт о боях в октябре 1944 г.) в 19-й дивизии наступил моральный кризис, который проявлялся в частом дезертирстве. Неоднократно солдаты перебежали к врагу. Внешне дисциплина была безупречной; нигде не наблюдалось развала или признаков, характерных для слабой армии... Но всё же солдаты тайком по два или небольшими группами исчезали: из боевых частей — около 500 человек, а из резервной части, которая находилась в районе Дундаги и состояла из молодёжи, призванной на обучение — около 2000 человек»⁸⁷.

Неустойчивость части солдат 19-й Латвийской дивизии СС подтверждают также оперативные донесения штаба 130-го Латышского стрелкового корпуса. Например, в конце декабря 1944 г. отмечалось, что во время боя часть солдат 19-й дивизии воевала слабо и при первой возможности сдавалась в плен. Командование Латышского корпуса в специальном воззвании, подписанном его командиром генерал-майором Д. Бранткалном, призывало жителей оккупированных гитлеровцами районов Курземе скрывать «латышских солдат, дезертировавших из немецкой армии»⁸⁸.

Человеческий ресурс латышских «добровольных» воинских частей истощался с катастрофической для немцев скоростью. После объединений и переформирований к августу-сентябрю 1944 г. от всего латышского воинства остались только Рижский полицейский полк и «Курземский» полицейский полк. От последнего, как свидетельствует один из командиров легиона, произведённый в чин оберфюрера СС А. Силгайлис, по пути из Риги в Дундагу «отбилась» до 40% личного состава⁸⁹. Оба полка были перевезены в Германию, где вместе с некоторыми солдатами 15-й дивизии из схваченных по мобилизации подростков составили три строительных полка, которые были направлены на рытвё траншей в Померанию.

Так бесславно закончился путь латышского легиона, созданного оккупационными властями по приказу Гитлера и при поддержке латышского «самоуправления». Сегодня бывшие легионеры, присягавшие Гитлеру, снова поднимают в Латвии голову. Только непонятно, что они демонстрируют и чем гордятся. Скорее всего, в современной обстановке перелицовки истории Латвии с позиций латышского этнонационализма, запятнавшего себя связью с оккупантами, эти демонстрации и марши носят конъюнктурный характер. Не вызывает сомнений, что кто-то, действительно, храбро сражался и хотел, опираясь на военную машину нацистов, восстановить «старую» Латвию. Однако, подчинив свои наивные стремления циничному принципу «Цель оправдывает средства», эти «герои» не только не достигли цели, ибо она не вписывалась в планы немецких хозяев, но и стали отщепенцами среди своего собственного народа, который не одобрял ни полицейских батальонов, ни мобилизаций в легион, что выразилось в массовом уклонении от призыва и в массовом дезертирстве, часто с риском для жизни.

До конца с немецкими хозяевами оставались «руководство» и персонал так называемого «самоуправления» и полицейских служб, повязанные с захватчиками общими преступлениями и иллюзорной надеждой получить из их рук независимость. Они пережили все этапы агонии немецких оккупантов, которая стала и их собственной агонией. 27 сентября 1944 г., когда большая часть территории Латвийской ССР была освобождена Советской Армией, все генеральные директора «самоуправления» были вызваны в Германию, где им сообщили, что «самоуправление» ликвидируется. Оно сыграло свою роль послушного придатка немецкого оккупационного управления и больше не было нужно. Однако его персонал ещё потребовался немцам, чтобы закрепить за собой стратегический плацдарм в Латвии. На какой-то момент немцы, сообразуясь с собственными планами, даровали своим подручным надежду на независимость. Но в конечном итоге всё вылилось лишь в насмешку и фарс.

20 февраля 1945 г., несмотря на то, что гитлеровцы в Латвии сохраняли в своих руках только лишь

Курземе (Курляндию), в Потсдаме была разыграна комедия провозглашения «независимости» Латвии. В Потсдам было вызвано 50 верных пособников оккупантов из числа офицеров полиции и СС, а также чиновники бывшего «самоуправления». Им было приказано объявить о создании «Латвийского национального комитета». Президентом «комитета» по рекомендации немецких властей стал генеральный инспектор «латышского легиона СС» Бангерскис. Потсдамская комедия началась троекратно возглашённой Бангерскисом здравицей в честь «любимого фюрера» и окончилась зачитанием поздравительной телеграммы Гимmlера в адрес латышских соратников, которые «на протяжении целого ряда лет, верно соблюдая братство по оружию, вместе с немецким народом и его вооружёнными силами мужественно борются против большевиков и их пособников — англичан и американцев»⁹⁰. Поскольку с помощью этого фарса гитлеровцам не удалось мобилизовать латышский народ к оказанию поддержки немецкой армии, то явившемуся в Курземе Бангерскису было прямо сказано, что создание «Латвийского национального комитета» было актом пропаганды, представляющей события в слишком розовом свете⁹¹.

Вторая попытка провозглашения независимости Латвии состоялась по инициативе командующего немецкими войсками СС в Курземе обергруппенфюрера Крюгера, который, как и Гитлер, был одержим идеей продолжить войну в западной части Латвии даже после разгрома Германии. В сущности он выполнял приказ Гитлера, который категорически требовал удерживать Курземе, подчёркивая, что этот полуостров должен будет сыграть выдающуюся роль в дальнейшем ходе войны и рассчитывая на благоприятный для Германии поворот событий⁹². 3 мая 1945 г. в Лиепае собрались 73 офицера полиции и СС, в том числе 23 бывших латышских политических деятеля и провозгласили себя «Латвийским народным советом», а 4 мая образовали «временное правительство Латвийской республики» во главе с «министром-президентом» полковником СС и полиции Р. Осисом и его заместителем, агентом гестапо Я. Андерсоном. Однако скорая капитуляция немецкой группы армий «Курланд» поставила крест на этой авантюре. Интересно, что остатки 19-й Латвийской дивизии СС, которые вместе с немцами вплоть до 8 мая 1945 г. вели оборонительные бои в Курземе, были разоружены частями 130-го Латышского стрелкового корпуса Красной Армии. Что касается «Временного правительства», то оно исчезло так же быстро, как и появилось. 9 мая 1945 г., в день капитуляции фашистской Германии, оно отбыло из Лиепаи на катерах гитлеровского вермахта.

В мае 1945 г. вся территория Латвии была освобождена от оккупантов.

За подвиги, совершённые в боях на территории Латвийской ССР, примерно 250 воинам Советской Армии, людям разных национальностей, было при-

своено звание Героя Советского Союза, а многие тысячи были награждены орденами и медалями. Около 20 тыс. воинов латышского корпуса и партизан награждено орденами и медалями, звания Героя Советского Союза удостоено 28 человек.

Около 150 тыс. советских воинов, среди них 82 Героя Советского Союза, погибло, освобождая латвийскую землю.

В годы войны латышский народ понёс большие людские и материальные потери. Тысячи жителей Латвии пали на фронтах Великой Отечественной войны, многие десятки тысяч были умерщвлены немецко-фашистскими оккупантами и их прислужниками, около 280 тыс. человек силой и обманом было оторвано от родины и увезено в Германию. В целом к концу войны численность населения республики сократилась более чем на 400 тыс. человек, или более чем на одну пятую.

Население оккупированной Латвии понимало, что с победой Красной Армии будет восстановлена советская власть. Согласно информации, собиравшейся и анализировавшейся руководителями партизанского движения Латвии, по мере военных успехов Красной Армии возрастали симпатии в народе по отношению к советской власти. Партизаны и подпольщики зафиксировали значительное количество фактов, свидетельствовавших о лояльных настроениях населения по отношению к приходу Советской Армии⁹³.

Конечно, настроения в пользу советской власти не были однородными. Среди населения было много и таких, которые ожидали Советскую Армию главным образом потому, что ненавидели немцев, а вопрос политического строя на тот момент не имел для них принципиального значения. Были и такие, кто, ненавидя немцев, ожидал прихода Красной Армии и надеялся, что после войны не будет тех явлений, которые им не понравились в период 1940–1941 гг.

Антисоветски была настроена часть населения (националистические слои в городе и деревне), которая хотела восстановления «старой Латвии» и надеялась, что, после того как союзники истощат свои силы в борьбе с Гитлером, Швеция станет гарантом независимой Латвии. Вместе с тем эти силы осознавали бесперспективность своего положения и нереалистичность борьбы с победителями. Поэтому с приближением Красной Армии к территории Латвии представители высшего эшелона немецких пособников, а также «выжидающей оппозиции» ушли с немцами или эмигрировали в Швецию, Данию и другие страны. Рядовой состав полиции с оружием в руках ушёл в леса. Часть бывших полицейских перешла к партизанам, а затем легализовалась, сдав оружие органам советской власти. Другая часть составила базу маргинальных террористических групп, которые действовали в Латвии до начала 1950-х гг.

Именно представители этих сил, запятнавших себя сотрудничеством с нацистскими преступниками, в годы холодной войны стали раздувать миф об «оккупации» Латвии.

Уволенные же в запас из 130-го Латышского стрелкового корпуса воины, а также бывшие партизаны и подпольщики составили в послевоенные годы основной костяк национальных кадров Советской Латвии. Вскоре после войны в феврале 1946 г. состоялись выборы в Верховный Совет СССР, на которых латышский народ получил возможность выразить свою волю. Подавляющее большинство коренного населения Латвии, несмотря на угрозы и террор «лесных братьев», приняло участие в этих выборах и такой формой волеизъявления доказало де-факто своё желание жить, трудиться и участвовать в общественных процессах в составе Союза ССР. Подтвердилось мнение Рузвельта, предложившего Сталину провести плебисцит в прибалтийских республиках в виде выборов и не сомневавшегося, что «народы этих стран будут голосовать за присоединение к Советскому Союзу так же дружно, как они сделали это в 1940 г.»⁹⁴.

Заключение

Современные латышские элиты характеризуют процессы, связанные с вхождением Латвии в состав СССР, как оккупацию. Международно-правовая несостоятельность мифа о «советской оккупации» наряду с экспертами МИД России доказана многими авторами⁹⁵. Представляется важным обратить внимание на другое, а именно: латышам (будь то истеблишмент, конструирующий политические мифы, или «рядовые» граждане Латвии, впитавшие эти мифы в свою плоть и кровь), вероятно, стоит всё же обратиться не мифологизированный, а взвешенный и самокритичный взгляд на прошлое своей страны. И тогда бы они увидели, что обвинения в адрес СССР/России построены на песке, а всё дело — в них самих и тех решениях, которые им иногда доводилось принимать на судьбоносных поворотах истории. Пришлось бы признать, что латыши сыграли активную роль во всех трёх российских революциях и выдвинули из своей национальной среды красных латышских стрелков, не раз спасавших большевистский режим в РСФСР от поражения. Пришлось принять тот неоспоримый факт, что у истоков латвийской государственности стояли большевики, и возникла она впервые как советская социалистическая республика. При этом смена власти в Латвии произошла насильственным путём и, что немаловажно, с опорой на германские штыки и помощь Антанты. Пришлось бы согласиться, что, несмотря на репрессии против левых сил и инакомыслящих, борьба за советскую власть и союз с Россией в обретшей независимость Латвии была продолжена и в конечном итоге позволила с опорой на активную часть, а также на молчаливое большинство населения переломить ситуацию в июньские дни 1940 г.

Что касается президента Улманиса и поддерживавших его режим этнополитических элит, то трудно было бы утверждать, что они оказались на

высоте требований, предъявляемых к лидерам формирующихся наций. Посаженные на власть немцами и англичанами в качестве марионеток Запада, они в той или иной степени пребывали в этой роли все двадцать лет, весь период, относимый ныне к эпохе государственной независимости. Не удивительно, что с утратой западных покровителей в связи с начавшейся Второй мировой войной их авторитарно-националистический режим был сметён левыми силами, сумевшими воспользоваться изменившимся соотношением сил внутри страны и за её пределами.

Более того, ни сам Улманис, ни его политическое окружение не оказали никакого сопротивления надвигавшимся на них роковым событиям: не было сделано никаких политических заявлений с целью выразить своё несогласие с якобы происходившей «оккупацией» и тем самым привлечь внимание международной общественности, не было сформировано правительство в изгнании, а сам Улманис своим сотрудничеством с новой властью способствовал тому, что все радикальные перемены произошли в рамках правового поля. Российский историк А. А. Чапенко обратил внимание на одну очень интересную деталь: оформляя в 1991 г. выход из состава СССР, все три прибалтийские республики, при всей риторике о «советской оккупации», приняли декларации о восстановлении независимости, а не о снятии оккупационного режима⁹⁶.

В общем, на что ни обратишь внимание в аргументации сегодняшних латышских элит, везде увидишь противоречия, натяжки, недомолвки, фальсификации и просто политический расчёт.

Раскручивание ими «оккупационной» риторики происходит при забвении того факта, что советское военное присутствие было согласовано с Улманисом и его правительством, которые к тому же оказали содействие благополучному размещению в Латвии советских воинских контингентов.

Их указания на недопустимость проведения выборов в Народный сейм в присутствии иностранных войск не подтверждается международной практикой. В качестве примера можно привести ситуацию в ФРГ до объединения Германии. Там и после снятия оккупационного режима в течение десятилетий оставались воинские формирования западных держав-победительниц. Никому не приходит в голову подвергать сомнению результаты выборов в Западной Германии, равно как и выборы в других странах, где сегодня размещены военные базы США. Можно также напомнить об участии военных контингентов нынешней Латвии в антитеррористических операциях США в Ираке и Афганистане, где после свержения старых режимов были проведены выборы в присутствии иностранных войск.

Весьма спорна квалификация акта вхождения Латвии в состав Союза ССР как аннексии⁹⁷. Все шероховатости этого процесса следует рассмотреть исключительно в научной дискуссии, равно как

и обстоятельства выхода ЛССР из СССР в 1990–1991 гг., которые, кстати сказать, не вписывались в существовавшие в тот период законодательные нормы.

Можно лишь признать справедливыми упреки в том, что латышский народ серьезно пострадал от сталинских репрессий, на которые никак не рассчитывал летом 1940 г. Не следует, по-видимому, забывать и об улманисовских репрессиях, которые проводились жёстко и твёрдо в отношении левых сил.

«Оккупационная» риторика затрагивает не только события 1940 г., но и освобождение Латвии от немецких захватчиков в 1944–1945 гг. Такие обвинения выдвигают представители сил, которые ни в 1940 г., ни в 1944–1945 гг. не имели ни моральных, ни политических прав на власть. Улманис потерял власть в довоенной Латвии, потому что его профашистская диктатура как во внутренней, так и во внешней политике дискредитировала себя в глазах народа. Латышские национальные элиты, выпестованные «отцом-основателем», не могли претендовать на политическое лидерство в послевоенной Латвии, потому что запятнали себя сотрудничеством с гитлеровцами или в качестве так называемых «англофилов» просто выжидали, чья возьмёт. Их надежды на повторение ситуации 1918–1919 гг., когда Улманис получил власть из рук немцев, а затем англичан, были опрокинуты ходом Великой Отечественной и Второй мировой войны, приведших, среди прочих важных результатов, к победе антифашистов и сторонников советской власти во внутрилатвийском противостоянии. В раскручиваемом сегодня мифе о советской «оккупации» Латвии в 1944–1945 гг. сквозит претензия на право пособников нацистов и горстки «англофилов» определять судьбу освобождённой от фашистов ЛССР сразу после 1945 г. Нигде в послевоенной Европе коллаборационисты не выступали и не могли выступать с такими претензиями, пусть и в завуалированной форме. Их уделом была денацификация и практически неизбежная маргинализация.

Конечно, СССР, как и Запад, пытался в своих интересах оказывать влияние на ситуацию в прибалтийских странах. Однако вызревание объективных и субъективных предпосылок для перемен в конкретной стране происходит независимо от внешней воли какого-либо одного государства. Поэтому остаётся повторить уже высказанный тезис: латышам следовало бы, наконец, «без гнева и пристрастия» разобраться в своих собственных делах и решениях, а не трактовать не устраивающие их сегодня эпизоды в своей истории в контексте обвинений в адрес СССР/России. И поминать то сложное и трагическое время, бывшие жертвы, потери и достижения всех участников внутрилатвийского противостояния — латышских правых и коммунистов, местных русских и балтийских немцев, не забывая, что каждая из сторон имела своих внешних покровителей.

- ¹ Mēneša Biletens Statistikai un Konjunkturai. — 1940. — № 6. — 408. lpp.
- ² Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов. — Т. 1. — М., 1957. — С. 473.
- ³ Конфиденциальный доклад английского посла в СССР Крипса. — С. 126.
- ⁴ Valters M. Mana sarakste ar K. Ulmani un V. Munteru. Printed in Sweden. — 1957. — 144. lpp.
- ⁵ Симиндей В. В. «Антисоветский флирт» авторитарной Латвии (1934–1940): между Лондоном, Парижем, Римом и Берлином // Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну? / Н. А. Нарочницкая, В. М. Фалин и др. — М.: Вече, 2009. — С. 250.
- ⁶ Rislaki J. Kur beidzas varavīksne. Krišjānis Berķis un Hilma Lehtonen. — Rīga, 2004. — 138. lpp.
- ⁷ История внешней политики СССР. — Ч. I. — С. 358.
- ⁸ Brīvā Zeme. — 1940. — 12. II. — № 35
- ⁹ Latvijas arhivi. — 1999. — Nr. 1. — 121., 122. lpp.
- ¹⁰ Конфиденциальный доклад английского посла в СССР Криппса от 27 сентября 1941 г. Идену. — С. 127, 130.
- ¹¹ Cīņa. — 1939. — XI. — № 8.
- ¹² Latvijas Kareivis. — 1939. — № 230.
- ¹³ Valters M. Mana sarakste ar K. Ulmani un V. Munteru. Printed in Sweden, 1957. — 90., 129. lpp.
- ¹⁴ Там же, 129., 131. lpp.
- ¹⁵ Дризул А. Латвия под игом фашизма. — С. 318–319.
- ¹⁶ Цит. по: Социалистические революции 1940 г. в Литве, Латвии и Эстонии. Восстановление Советской власти. — М.: «Наука», 1978. — С. 276 — со ссылкой на Центральный государственный исторический архив Латвийской ССР, ф. 3235, оп. 1/22, д. 523, л. 19–20, 48–50, 64, 72–74; д. 848, л. 37; оп. 1/7, д. 625, л. 201.
- ¹⁷ Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers, 1940. Vol. 1. Washington, 1959. — P. 362.
- ¹⁸ Вторая мировая война. Кн. 1. Общие проблемы. — М., 1966. — С. 302.
- ¹⁹ Сиполс В. Тайная дипломатия. — Рига, 1968. — С. 336.
- ²⁰ Конфиденциальный доклад английского посла в СССР Криппса от 27 сентября 1941 г. на имя Идена. — С. 128 — 129.
- ²¹ Очерки истории Латвии (с 1940 года до наших дней). III брошюра / Под ред. М. Вирсиса. — Рига: «Звайгзне», 1991. — С. 4, 6.
- ²² Public Record Office, F.O. 419/34 — P. 272.
- ²³ Сегодня. — 1940. — № 163; Jaunākās Ziņas. — 1940. — № 136.
- ²⁴ Valdības Vēstnesis. — 1940. — № 137.
- ²⁵ 18 июня 1940 г. в Ригу прибыл спецпредставитель — заместитель председателя СНК СССР А. Я. Вышинский, продолжали выполнять свои функции советский полпред В. К. Деревянский и военные представители.
- ²⁶ Например, Я. Брейкш (лидер партии «Демократический центр» до переворота), А. Кениньш (министр просвещения в 1931–1933 гг.).
- ²⁷ Очерки истории Латвии (с 1940 года до наших дней). III брошюра / Под ред. М. Вирсиса. — Рига: «Звайгзне», 1991. — С. 11.
- ²⁸ Работники секретариата президента Латвии сохраняли свои должности до ликвидации этого органа в октябре 1940 г.
- ²⁹ Diena. — 2009. — 15. feb.; Час. — 2009. — 15 мая.
- ³⁰ Очерки истории Латвии (с 1940 года до наших дней). III брошюра / Под ред. М. Вирсиса. — Рига: «Звайгзне», 1991. — С. 23.
- ³¹ По мнению немецкого историка Эрвина Оберлэндера, авторитарные практики президентских диктатур в Прибалтике оказались «идеальными предпосылками» не для постепенной демократизации, а для быстрого коммунистического государственного переворота общественной жизни и экономики. См.: Oberländer E. Die Präsidialdiktaturen in Ostmitteleuropa — «Gelenkte Demokratie?» // Oberländer E. (Hrsg.) Autoritäre Regime in Ostmittel- und Südosteuropa. 1919–1944. S. 17.
- ³² Valdības Vēstnesis. — 1940. — N 155.
- ³³ Правда. — 1940. — 19 июля.
- ³⁴ Очерки истории Латвии (с 1940 года до наших дней). III брошюра / Под ред. М. Вирсиса. — Рига: «Звайгзне», 1991. — С. 27, 28.
- ³⁵ Sociālistiskās revolūcijas uzvara Latvija 1940. gadā. (20.VI–5.VIII). Dokumenti un materiāli. — 1963. — 308. lpp.
- ³⁶ Diena. — 2009. — 18. sept.; Вести сегодня. — 2009. — 19 сент.
- ³⁷ Sociālistiskās revolūcijas usvara Latvijā 1940. gadā (20. VI–5. VIII). — Rīga, 1963. — 293. lpp.
- ³⁸ Седьмая сессия Верховного Совета СССР. Стенографический отчет. — М., 1940. — С. 102.
- ³⁹ Там же, с. 204.
- ⁴⁰ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. Т. 1. — М., 1963. — С. 357–358.
- ⁴¹ Пользуясь ослаблением России, вызванным Первой мировой войной и революцией, Румыния в декабре 1917 г. оккупировала Бессарабию, а в ноябре 1918 г. — Северную Буковину, входившую в состав Австро-Венгрии и стремившуюся в соответствии с решением Буковинского народного вече к воссоединению с Советской Украиной. «Изменение западной границы России на румынском участке» было узаконено державами-победительницами в Парижском договоре 1920 г., но никогда юридически не признавалось Советским Союзом.
- ⁴² Соцков Лев. Прибалтика и геополитика // Международная жизнь. — 2007. — № 3. — С. 122

- ⁴³ В аналитической телепередаче «Постскриптум» от 18 апреля 2009 г., а также в статье «Гитлер бы победил, если бы учёные III рейха успели доделать атомную бомбу (Аргументы и факты. — 2009. — 1–7 июля. — С. 47) прозвучала версия, согласно которой в конце войны Гитлер планировал предотвратить поражение рейха и взять реванш, нанеся ядерные удары по США, Великобритании, Франции и по позициям на Восточном фронте. В марте 1945 г., за два месяца до конца войны, в Тюрингии было произведено испытание немецкой атомной бомбы. Она была гораздо меньше американских бомб, сброшенных на Хиросиму и Нагасаки, поскольку её размеры были подогнаны под боеголовку баллистической ракеты Фау-2, способной доставить это оружие массового уничтожения до главных врагов Гитлера. Одновременно шла работа над ракетой Фау-3, обладавшей большей, чем у Фау-2, массой боеголовки и способной нанести ядерный удар по Нью-Йорку. Наступлением на Берлин Советская Армия сорвала планы нацистского фюрера, не позволив усовершенствовать бомбу и средства доставки. Если бы война затянулась хотя бы на несколько месяцев, то прозвучавшая в «Постскриптуме» и «АиФ» версия обрела бы вес реально существовавшей угрозы.
- ⁴⁴ Соцков Л. Прибалтика и геополитика // Международная жизнь. — 2007. — № 3. — С. 115–144
- ⁴⁵ Соцков Л. Прибалтика и геополитика. — С. 124.
- ⁴⁶ Нюрнбергский процесс. Т. II.–М., 1958. — С. 550–551.
- ⁴⁷ Военно-исторический журнал. — 1962. — № 12. — С. 25; 1964. — № 11. — С. 74; Кацен В. Кавалеры Золотой Звезды. — Рига, 1948. — С. 28, 59–60.
- ⁴⁸ Дюков Александр. Миф о геноциде: Репрессии советских властей в Эстонии (1940–1953). — М.: Алексей Яковлев, 2007. — С. 31, 32, 34, 51, 53.
- ⁴⁹ Крысин М. Латышский легион СС: вчера и сегодня. — М.: Вече, 2006. — С. 187.
- ⁵⁰ Цит. по: Дюков А. Миф о геноциде: репрессии советских властей в Эстонии. — М.: Алексей Яковлев, 2007. — С. 61.
- ⁵¹ Борьба латышского народа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 — С. 390.
- ⁵² Цит по: Крысин М. Латышский легион СС: вчера и сегодня. — М.: Вече, 2006. — С. 193.
- ⁵³ Телеграмма начальника 4-го управления СД от 29 июня 1941 г. / Латвия под игом нацизма. Сборник архивных документов. — М.: «Европа», 2006. — С. 15–16.
- ⁵⁴ Tēvija. — 1941. — 5.VII.
- ⁵⁵ Tēvija. — 1941. — 10.VII.
- ⁵⁶ Silgailis A. Latviešu leģions. 2. izd. — Kopenhāgenā, 1964. — 9. lpp.
- ⁵⁷ Arklāns B., Dzirkalis J., Silabriedis J. Viņi bez maskas. — Rīgā, 1966. — 50. lpp.
- ⁵⁸ Протокол допроса обвиняемого Каминскиса С.Я. от 7 марта 1949 г. / Латвия под игом нацизма. — С. 237.
- ⁵⁹ Борьба латышского народа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. — Рига: «Зинатне», 1970. — С. 299.
- ⁶⁰ Сообщение Секретарю ЦК КП(б) Латвии Т. Калнберзиню о положении в оккупированной немцами Латвии и о борьбе Латышского народа против немецких захватчиков, не ранее декабря 1942 г. / Латвия под игом нацизма. — С. 264.
- ⁶¹ Заявление свидетеля Раге М.Л. в Государственную чрезвычайную следственную комиссию от 10 сентября 1944 г./ Латвия под игом нацизма. — С. 45.
- ⁶² сноска: Собрание представителей министерств и ветвей власти нацистской Германии, состоявшееся 20 января 1942 года на вилле «ванза», расположенной на улице Am Grossen Wannsee в Берлине
- ⁶³ Сноска: См.: Латвия// Холокост на территории СССР: Энциклопедия / гл. Редактор И. А. Альтман, М.: РОССПЭН; Научно-просветительный центр «Холокост», 2009. — С. 509.
- ⁶⁴ Служебная записка НКГБ СССР о фальсификации гестапо «большевистских зверств» в Прибалтике. Не ранее апреля 1945 г. / Латвия под игом нацизма: сборник архивных документов. — М.: Европа, 2006. — С. 65–66; Дюков А. Миф о геноциде: репрессии советских властей в Эстонии (1940–1953). — М., 2007. — С. 78–79).
- ⁶⁵ Чапенко А. А. История стран Балтии (Эстония, Латвия, Литва) в первый период независимости и годы Второй мировой войны. — Мурманск: МГПУ, 2008. — С. 133.
- ⁶⁶ Tēvija. — 1942. — 26.I.
- ⁶⁷ Латвия под игом нацизма. — С. 288.
- ⁶⁸ см., например, Сборник документов «Уничтожить как можно больше...» Латвийские коллаборационистские формирования на территории Белоруссии, 1942–1944 гг. — М.: Фонд «Историческая память», 2009.
- ⁶⁹ Следует сказать, что в дальнейшем его «заслуги» будут оценены не только фашистской Германией, но и современной Латвией. В 1990-е гг. его останки были перевезены из ФРГ в Латвию и перезахоронены на Братском кладбище в Риге у статуи Матери Латвии.
- ⁷⁰ Мишке В. Кто такие латышские буржуазные националисты. — С. 130.
- ⁷¹ Мы обвиняем. — Рига, 1967. — С. 277, 279–282.
- ⁷² Silabriedis J., Arklāns B. «Politiski bēgli» bez maskas. — Rīgā, 1963. — 55. lpp.
- ⁷³ Борьба латышского народа в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. — С. 308.
- ⁷⁴ Протокол допроса свидетеля Лаугалайтиса К. А. от 2 ноября 1944 г.; Акт об истреблении немецко-фашистскими захватчиками на территории Латвийской ССР 35000 советских детей /Латвия под игом нацизма. — С. 61–63, 82–87.
- ⁷⁵ Борьба латышского народа в годы Великой Отечественной войны. — С. 319, 320.
- ⁷⁶ Судебный процесс по делу о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории Латвийской, Литовской и Эстонской ССР. — Рига, 1946. — С. 127–128.

- ⁷⁷ Латвия под игом нацизма. — С. 270–271.
- ⁷⁸ Судебный процесс по делу о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории Латвийской, Литовской и Эстонской ССР. — Рига, 1946. — С. 124.
- ⁷⁹ Freivalds O. Latviešu politiskās partijas 60 gados. — Kopenhāgenā, 1961. — 133. lpp.
- ⁸⁰ Kalniņš B. Latviešu sociāldemokrātijas 50 gadi. — Stokholmā, 1956. — 294. lpp.
- ⁸¹ Freivalds O. Latviešu politiskās partijas 60 gados. — Kopenhāgenā, 1961. — 150. lpp.
- ⁸² Борьба латышского народа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. — С. 893–900.
- ⁸³ Борьба латышского народа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. — С. 656–657.
- ⁸⁴ Blāķis Ā. Medālas otrā puse. — Buenosairesā. — 72. lpp.
- ⁸⁵ Blāķis Ā. Medālas otrā puse. — Buenosairesā. — 41. lpp.
- ⁸⁶ Борьба за Советскую Прибалтику в Великой Отечественной войне. 1941–1945. Книга третья. Рига, 1969. — С. 247, 832.
- ⁸⁷ Latviju enciklopēdija. II sēj. — Stokholmā, 1952–1953. — 1138. lpp.
- ⁸⁸ Samsons V. Kurzemes partizāņi. 2. izd. — Rīgā, 1959. — 316–317. lpp.
- ⁸⁹ Silgailis A. Latviešu leģions. 2. izd. — Kopenhāgenā, 1964. — 248. lpp.
- ⁹⁰ Blāķis Ā. Medālas otrā puse. — Buenosairesā. — 137. lpp.
- ⁹¹ Samsons V. Kurzemes partizāņi. Rīgā, 1959. — 305–306. lpp.
- ⁹² Ганкевич В. М. Конец группы «Норд». — Л., 1965. — С. 217.
- ⁹³ Латвия под игом нацизма. — С. 290–295, 331–332.
- ⁹⁴ Запись беседы И. В. Сталина с Ф. Рузвельтом от 1 декабря 1943 года/ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Тегеранская конференция руководителей трёх союзных держав — СССР, США и Великобритании. 28 ноября — 1 декабря 1943 г.
- ⁹⁵ Например: Черниченко С. В., Чигарев В. М. Континуитет, идентичность и правопреемство государств. — М.: Изд. ДА МИД РФ, 1996; Чапенко А. А. История стран Балтии (Эстония, Латвия, Литва) в первый период независимости и годы Второй мировой войны: Очерки. — Мурманск: МГПУ, 2008; Никифоров И. Нарушение прав национальных меньшинств в Эстонии / Современная европейская этнократия: Нарушение прав национальных меньшинств в Эстонии и Латвии. Фонд «Историческая память». — М., 2009.
- ⁹⁶ А. А. Чапенко. История стран Балтии (Эстония, Латвия, Литва) в первый период независимости и годы Второй мировой войны: Очерки. — Мурманск, 2008. — С. 115.
- ⁹⁷ Тезиса об аннексии Литвы, Латвии и Эстонии Советским Союзом придерживаются и некоторые российские ученые. См., например: Зубкова Е. Ю. Прибалтика и Кремль. 1940–1953. — М., 2008. — С. 19.

Эстонские и латвийские дивизии «Ваффен-СС» на северо-западе СССР в 1941–1945 гг.

А. Г. Шляхтунов*

Одним из наиболее серьезных российско-латвийских разногласий на современном этапе является отношение к престарелым участникам латвийских формирований СС, созданных немцами в годы Второй мировой войны. В России не без оснований их считают эсэсовцами, виновными в уничтожении участников антифашистского Сопротивления и евреев. Латвийские власти говорят, что это борцы за независимость Латвии, воевавшие с оружием в руках прежде всего против большевиков. Кто же на самом деле были эти люди и за что воевали?

Нынешний рост национализма в Латвии и Эстонии проявляется и в печати: на основе выбранных отдельно взятых фактов прослеживается стремление обелить дивизии «Ваффен-СС»** и представить латвийские и эстонские формирования как борцов за национальную независимость в рамках военной политики третьего рейха.

Документы и материалы, хранящиеся в российских архивах, дают право с уверенностью говорить о том, что ни о какой независимой военной политике в период оккупации Латвии, Литвы и Эстонии не может быть и речи и очередная кампания подстегивания национального сознания призвана не просто уйти от исторических реалий, а сыграть на руку ярым националистам.

Настоящая статья на базе ранее опубликованных и новых архивных материалов раскрывает предпосылки и условия создания национальных воинских формирований в составе вермахта и войск СС на территории Эстонии и Латвии в 1941–1943 гг., ана-

лизирует вопросы подготовки и участия регулярных воинских формирований (национальные дивизии СС) из представителей эстонского и латвийского населения в боевых действиях на Восточном фронте (1941–1945 гг.), а также в карательных акциях против советских граждан и партизан на оккупированной противником территории.

В конце статьи даются документы и материалы, представляющие период с начала Великой Отечественной войны и до ее завершения. Они призваны воссоздать более объективную и целостную картину того периода и позволить исследователям и широкому кругу читателей расширить свои познания по данной проблеме. Документы даются в хронологической последовательности, а текст документов и материалов воспроизводится по подлинникам.

Предпосылки и условия создания национальных воинских формирований в составе вермахта и войск СС на территории Эстонской и Латвийской Советских Социалистических республик

После аннулирования Советским правительством Брестского договора в ноябре 1918 г. вывод германских войск с оккупированных территорий сопровождался падением установленных немецкими властями режимов, например, гетмана Скоропадского на Украине, Белорусской рады в Минске¹. Однако в некоторых случаях оккупантам удалось перед своим уходом передать власть режимам, сохранявшим связь с Германией. В частности, незадолго до прекращения германской оккупации 11 ноября 1918 г. в Эстонии

* Андрей Геннадьевич Шляхтунов — кандидат исторических наук, полковник Академии Генерального штаба ВС РФ.

** Waffen-SS — так назывались все инославянские формирования, включенные в состав вермахта и войск СС с 1944 г. Иностранные, главным образом восточноевропейские, части «Ваффен-СС», хотя и подчинялись рейхсфюреру СС, частью организации СС не были, а рассматривались только как вспомогательные войска. Их командиры никогда не входили в «германскую элиту».

было создано прогерманское Временное правительство во главе с К. Пятсом.

В формировании новых правительств, создаваемых на захваченных немцами территориях, участвовали и силы Антанты: так, при поддержке Англии и Франции 18 ноября того же года в Латвии было создано правительство во главе с К. Ульманисом.

Однако под влиянием Октябрьской революции в России в Прибалтике была установлена советская власть, которая просуществовала там недолго.

Активность западных государств в Латвии, Литве и Эстонии была связана с планами расчленения России. Английский посол во Франции лорд Ф. Бертаи в своем дневнике писал 6 декабря 1918 г.: «Нет больше России! Она распалась. Если только нам удастся добиться независимости буферных государств, граничащих с Германией на востоке, т.е. Финляндии, Польши, Эстонии, Латвии и т.д. И сколько бы их ни удалось сфабриковать, то, по-моему, остальное может убираться к чёрту и вариться в собственном соку»².

В это же время премьер-министр Франции Ж. Клемансо выдвигает идею создания «санитарного кордона» вокруг советской страны.

Цель — отделить буржуазные демократии от «большевистской России» буферными государствами, силами которых проводить разведывательно-диверсионную и подрывную пропагандистскую деятельность против Советской России.

В число стран так называемого кордона планировалось включить и Прибалтийские государства.

Постепенно упомянутые выше западные державы перешли от слов к делу.

В период с ноября 1918 по январь 1920 г. при поддержке США и Англии советская власть в Эстонии, Латвии и Литве была свергнута. На это правительства США и Англии в 1918–1920 гг. выделили свыше 5 миллионов долларов и 1,3 миллиона фунтов стерлингов³.

Западные державы все последующие годы усиливали борьбу против молодого Советского государства. На состоявшейся в январе 1920 г. в Хельсинки конференции пяти стран (Эстонии, Латвии, Литвы, Финляндии и Польши) была принята резолюция о совместной политике в отношении РСФСР, которая обязывала страны-участницы сообразовываться в своих действиях с указаниями держав Антанты. Следующим шагом в реализации стратегии США, Англии и Франции против РСФСР стал созданный в 1923 г. Союз Балтийских стран.

Униженная Версальской системой Германия также не собиралась уступать США, Англии, Франции своего бывшего влияния на Прибалтийские государства*, активно вмешиваясь в процесс их развития.

С победой фашизма в Германии сотрудничество буржуазных правительств Латвии, Литвы и Эстонии

с Берлином все больше отражалось на их общественном устройстве, характеризовавшемся более жесткими военизированными чертами, чем это происходило в родственных по типу западноевропейских странах.

Такому сближению способствовали и исторические предпосылки: в Латвии, например, традиционно сильны были прогерманские тенденции. Несмотря на то, что в 1935 г. немецкое меньшинство в республике составляло всего 3,2% (62 тыс. человек), сформированное в его рамках общество под названием «Латвийское братство» провозгласило своей целью включение всех Прибалтийских государств в состав третьего рейха⁴.

Зерна новых политических течений развивавшегося в Италии фашизма и зреющего в Германии национал-социализма упали на благодатную почву.

В период с 1922 по 1934 гг. на территориях Литвы, Эстонии и Латвии были установлены авторитарные режимы, во многом перекликающиеся с фашистской диктатурой.

Основными их оплотами явились «общественные» вооружённые организации для борьбы с «внутренним врагом»: в Эстонии — «Кайтселийт» (гражданская гвардия), «Омакайтсе» (союз защиты), в Латвии — «Айзсарги» (защитники), в Литве — «Шаулис» (стрелки).

Новые режимы проводили политику репрессий против левых сил. Представителей левых партий, и прежде всего коммунистов, преследовали, арестовывали, а некоторых из них расстреливали. Так, в мае 1922 г. был арестован и расстрелян один из руководителей компартии Эстонии — В. Кингисепп. Подобные акции произошли в Литве 27 декабря 1926 г., а в Латвии в 1934 г.⁵

Правительства Латвии, Литвы и Эстонии оставались зависимыми от воли ведущих империалистических государств, фактически контролировавших их экономику. Например, на долю Англии и Германии приходилось две трети экспорта Латвии, а удельный вес капиталов банков США, Англии и Германии составлял 60% в сводном балансе всех частных банков этой страны⁶.

Оказавшись вовлеченными в сферу мирового капиталистического хозяйства и подчинившись гегемонии ведущих империалистических держав, Прибалтийские государства неизбежно попадали в зависимость от Запада, становились сырьевым и сельскохозяйственным придатком западных держав.

В 1940 г., разоблачая планы Англии, Франции, США и Германии по экономическому, политическому поглощению и культурной ассимиляции прибалтийских народов, а также готовность правящей верхушки Литвы, Эстонии и Латвии оказать помощь ведущим западным державам в реализации их планов, депутат-социалист Государственной думы Эстонии

* Прибалтийские государства — Эстония, Латвия и Литва до присоединения к СССР в 1940 г. [От пакта Молотова и Риббентропа до договора о базах. Документы и материалы. Таллин. 1990. С. 123–124].

Н. Руус заявил: «В течение последних 2-х лет английские и французские империалисты открыто говорили о необходимости ликвидации самостоятельности малых стран и народов, пропагандировали идеи неопределённой Европейской Федерации, в которой все народы будут подчиняться их власти»⁷.

События после Мюнхена утвердили правителей Литвы, Эстонии и Латвии в убеждении, что не следует надеяться на помощь Англии и Франции, а лучше ориентировать политику своих государств на более тесное сотрудничество с Германией.

7 июня 1939 г. Эстония и Латвия подписали договоры о ненападении с Германией, а в августе того же года — секретные соглашения о гарантиях их границ⁸.

В ночь на 24 августа 1939 г. Председатель Совета Народных Комиссаров СССР, народный комиссар иностранных дел В. Молотов и министр иностранных дел Германии Иоахим фон Риббентроп подписали в Кремле советско-германский договор о ненападении с секретными дополнительными протоколами. Заключение договора, известного под названием «пакта Молотова–Риббентропа», явилось заметным событием в предыстории Второй мировой войны.

Это соглашение вместе со своим логическим продолжением — договором о советско-германской дружбе и границах, также с секретными приложениями, подписанными 28 сентября 1939 г., — оказали определяющее влияние на дальнейшие судьбы прибалтийских народов.

20 сентября 1939 г. литовское правительство согласилось с проектом секретного договора, предложенного Германией и предусматривающего определение статуса Литвы как «протектората германского рейха».

Одновременно в Латвии, Литве и Эстонии усиливались военные приготовления. Так, например, по линии МИД СССР сообщалось, что в этих государствах проведен в жизнь закон о создании в промышленности и торговле двухмесячных запасов сырья и фабрикатов, а среди населения двухмесячных запасов продовольствия⁹.

В 1939 г. агрессивная политика Германии вступила в новую фазу: Берлин взял курс на развязывание войны и начал планомерную дестабилизацию международной обстановки.

В начале Второй мировой войны, когда еще не был ясен ее дальнейший ход, Прибалтийские государства приняли меры по укреплению своих восточных границ¹⁰.

Молниеносная победа Германии над Польшей привела к тому, что авторитарные правительства этих государств, тяготевшие к Германии, были вынуждены изменить свою политику быстрой сменой настроений уже не в пользу победительницы. Поочередно правительства Эстонии (28 сентября 1939 г.), а затем Латвии (5 октября 1939 г.) и Литвы (10 октября 1939 г.) подписали предложенные советской стороной договоры о взаимной помощи, которые соответствовали

интересам безопасности как СССР, так и Прибалтийских государств¹¹.

Создание советских военных баз и вступление в эти страны советских воинских контингентов (25 тыс. — в Латвии, 25 тыс. — в Эстонии, 20 тыс. — в Литве) для их охраны, учитывая обстановку в Европе, получили у большей части населения прибалтийских народов поддержку.

Достаточно дружелюбный прием частей Красной Армии в Риге и Нарве, Таллине и Лиепае, Вильнюсе и других городах свидетельствовал о том, что в этот период вступление советских войск воспринималось подавляющим большинством местного населения как наименьшее зло, как защита от небезопасного германского «соседа» с его «новым порядком»¹².

Вступление Прибалтийских государств в СССР в 1939–1940 гг. наряду с некоторыми позитивными преимуществами (улучшение положения батраков, малоземельных и безземельных крестьян, ликвидация безработицы и т. д.) нанесло значительный моральный ущерб отдельным слоям населения, так как фактически были ликвидированы традиционные социально-политические институты, а также оказано грубое давление на церковь.

Прибывшие в Литву замнаркома иностранных дел В. Деканозов, в Латвию — заместитель председателя Совнаркома А. Вышинский — и в Эстонию — секретарь ЦК ВКП(б) А. Жданов стали жестко устанавливать административно-бюрократическую систему. Начались репрессии и депортации, которые продолжались вплоть до начала Великой Отечественной войны, то есть социалистическое строительство и здесь сопровождалось извращением его принципов¹³.

Июньские события 1940 г.: взятие германскими войсками Парижа, капитуляция Франции, переброска крупных сил немецких войск в Польшу, в Восточную Пруссию — вызывали обеспокоенность Советского правительства, так как был возможен такой же вариант развития ситуации в Литве, Эстонии и Латвии. Возникла необходимость решительного укрепления стратегического положения СССР на западе, в том числе и в прибалтийских странах.

По требованию СССР в них были увеличены контингенты советских войск, прежние авторитарные правительства заменены демократическими, национальными, а затем и просоветскими. 14–15 июля в Литве, Эстонии и Латвии состоялись выборы, в результате которых на территориях этих государств была провозглашена Советская власть.

Мотивы действий СССР были понятны многим зарубежным политикам. Так, германский посланник в Риге фон Котце писал: «Вступающие войска столь многочисленны, что... невозможно представить, чтобы только для подчинения Латвии необходима была такая обширная оккупация. Я думаю, что в русских мероприятиях сыграла свою роль мысль о Германии и имеющихся у нее возможностях и что планы

русских имеют оборонительный характер»¹⁴. Его коллега в Каунасе Э. Цехлин докладывал в Берлин: «Совершенно очевидно, что столь внушительная демонстрация силы не может проводиться только с целью оккупации Литвы. С учётом всей политической обстановки становится ясно, что Советский Союз направил сюда такое огромное количество войск из недоверия к Германии с чисто оборонительными целями»¹⁵. Аналогичного мнения придерживался и глава британского МИД Э. Галифакс. В те дни он заметил, что «концентрация советских войск в Прибалтийских государствах является мероприятием оборонного характера»¹⁶.

Действительно, к середине июля, по данным советской разведки, в Восточной Пруссии и Польше было сосредоточено 48 дивизий вермахта¹⁷, а в восточных районах Германии была объявлена дополнительная мобилизация. Проводились и другие мероприятия, которые свидетельствовали об активизации немецких войск на восточных границах Германии.

Но не только резко выраженные интересы СССР определяли ввод дополнительных советских войск в Латвию, Литву и Эстонию. Сильное влияние оказали и динамически развивающиеся события в этих государствах. Левые круги интеллигенции приветствовали замену правящих режимов и требовали радикальных изменений в жизни этих стран, которые должны были создать новые демократические правительства¹⁸. Как показали многочисленные митинги, значительная часть народа настаивала на вступлении в состав СССР.

Ввод дополнительных соединений РККА и смена правительств в Латвии, Литве и Эстонии большинством зарубежных государств были встречены как вполне объяснимые меры, продиктованные интересами безопасности СССР, о чём свидетельствует признание их многими странами. Включение же Прибалтийских государств в состав СССР на Западе было расценено как аннексия, как проявление «имперских амбиций коммунистического тоталитарного государства», как стремление «множить число советских республик». Реакция была незамедлительной: ухудшились отношения Советского Союза с Англией и США, то есть с теми странами, которые являлись потенциальными союзниками СССР, причём как раз в тот момент, когда все явственнее обозначались противоречия Москвы с Берлином, и сама обстановка требовала всемерного укрепления отношений с западными державами.

Включение народов Прибалтики в состав Советского Союза, а главное, внедрение там модели сталинского социализма резко осложнили внутриполитическую ситуацию. В Советской Прибалтике*

стала нарастать неприязнь к советской власти даже со стороны тех, кто при более мудрой правительственной политике остался бы нейтральным.

Нарастало размежевание между противниками и сторонниками нового строя.

С вводом частей Красной Армии на территорию Прибалтийских государств и установлением советской власти националистические организации Литвы, Эстонии и Латвии были распущены. В Эстонии 27 июня 1940 г. вместе с «Кайтселиитом» была сформирована и входившая в него юношеская организация. В Литве 13 июля была распущена организация «Шаулис», члены которой несли вспомогательную службу в полиции. Та же участь постигла организацию «Айзсарги» в Латвии 25 июня 1940 года¹⁹.

Однако формальный роспуск этих организаций не привёл к их исчезновению. Во многом они сохраняли свою боеспособность, уйдя в подполье и имея тайные склады оружия. Так, в Латвии почти полностью сохранились кадры распущенной военно-фашистской организации «Айзсарги», насчитывавшей в своих рядах около 60 тыс. человек. В Литве действовал Литовский фронт активистов, имевший в своих рядах более 30 тыс. человек²⁰.

Именно они — члены националистических организаций «Айзсарги», «Шаулис», «Омакайтсе» — полицейские, реакционные офицеры бывшей буржуазной армии и другие группы националистов составили накануне Великой Отечественной войны внутренние силы реакции.

Руководители этих организаций после их роспуска, опасаясь преследований на родине, бежали в Германию, где попали в сферу немецкой разведки, которая использовала их для подрывной деятельности уже против Советских Прибалтийских республик.

Готовясь к нападению на СССР, фашистская Германия начала подбирать так называемые «национальные кадры будущей администрации» Латвии, Литвы и Эстонии. С этой целью немецкая разведка установила личные контакты с рядом буржуазных националистов: бывшим генералом буржуазной Латвии О. Данкером, бывшим сотрудником Генерального штаба эстонской армии полковником Маазингом, бывшим руководящим работником МВД буржуазной Эстонии О. Ангелуссом, бывшим послом Литвы в Германии полковником К. Шкирпа²¹.

Из числа «активистов» центров по подготовке диверсий, созданных в Германии, забрасывались на территорию Латвии, Литвы и Эстонии агенты, имевшие задачи не только по сбору разведывательной информации, но и по организации и объединению профашистских сил, оставшихся на местах.

Разведывательно-диверсионную деятельность на территории Эстонии, например, возглавляли бывшие

* Советская Прибалтика — называли территории Эстонской, Латвийской и Литовской Советских Социалистических республик до Великой Отечественной войны [Борьба за Советскую Прибалтику в Великой Отечественной войне 1941–1945. В трёх книгах. Книга первая. Рига. 1966. С. 25].

высшие офицеры буржуазной армии Маазинг, Линнеберг, Кург, Саарсен²². Что касается Латвии, то к началу нападения гитлеровской Германии на СССР только в Риге под руководством резидента немецких спецслужб подполковника-лейтенанта Грампаниса было создано 200 групп «пятой колонны». Всего же в подпольных, частично вооружённых формированиях весной 1941 г. насчитывалось около 30–40 тыс. боевиков²³.

Процесс создания высшим военно-политическим руководством третьего рейха различных эстонских воинских формирований, включая полицейские, проходил с опорой на националистическую вооружённую организацию «Омакайтсе». Согласно характеристике бригаденфюрера СС А. Штонера, эта организация была создана из «добровольческих отрядов надежных граждан». Структура «Омакайтсе» походила на структуру гражданской гвардии буржуазной Эстонии («Кайтселийт») периода до 1940 г. Поэтому и во главе ее были бывшие военнослужащие либо деятели упомянутой организации.

Таким образом, серьёзные промахи советского высшего партийного руководства в проводимой политике по отношению к населению Советской Прибалтики способствовали тому, что вторжение фашистской Германии на территорию СССР 22 июня 1941 г. часть граждан Советской Прибалтики встретила с энтузиазмом.

В 1939–1941 гг. в националистическом подполье шёл активный процесс подготовки к дестабилизирующим действиям в тылу Красной Армии на территории Латвии, Литвы и Эстонии «Абвер II» (восточно-прусское управление Германской военной разведки) 21 мая 1941 г. докладывал в Берлин: «Восстания в Прибалтике подготовлены... Подпольное движение в своём развитии прогрессирует настолько, что его трудно удерживать от преждевременных акций»²⁴.

На тайных собраниях обсуждались планы действий, на недоступных для органов советской власти участках территории создавались склады оружия, проводилось обучение подрывному делу и действиям по нападению на военные объекты. Основным лозунгом националистического подполья был следующий: «Ясно, что Германия скоро будет воевать с Советским Союзом, и на случай войны мы должны как один с оружием в руках выступить против Советской власти и Красной Армии и вместе с немцами изгнать Красную Армию с наших земель, установить свободу для литовцев, эстонцев и латышей»²⁵.

Однако планы высших руководителей третьего рейха расходились с планами руководителей как подпольных организаций, так и глав правительств Прибалтийских государств, находившихся за границей. Между тем в Прибалтике фашистами планировалось полное уничтожение всего, что может напоминать о существовании латышей, литовцев, эстонцев как народов, их культуры. В меморандуме германского

уполномоченного по централизованному решению проблем восточноевропейского пространства от 2 апреля 1941 г. в разделе «Эстония, Латвия, Литва» говорилось: «Следует решить вопрос, не возложить ли на эти области особую задачу как на будущую территорию немецкого расселения, призванную ассимилировать наиболее подходящие в расовом отношении местные элементы...

Необходимо будет обеспечить отток значительных слоёв интеллигенции, особенно латышской, в центральные русские области, затем приступить к заселению Прибалтики крупными массами немецких крестьян, чтобы через одно или два поколения присоединить эту страну, уже полностью онемеченную, к коренным землям Германии».

Данные положения затем были закреплены и утверждены Гитлером 15 июля 1941 г. в плане «Ост»²⁶.

Учитывая многочисленность националистических организаций на территории Латвии, Литвы и Эстонии, хорошую организованность и достаточную их оснащённость, многие информаторы НКВД оценивали эту так называемую «пятую колонну» как реальную серьёзную «помеху» для советских войск в случае войны с Германией. Кроме того, упомянутые выше организации являлись хорошей базой для создания национальных прогерманских воинских формирований.

Уже в первые месяцы Великой Отечественной войны в так называемых «оборонительных батальонах», созданных фашистами в Латвии, Литве и Эстонии, служило около 20 тыс. литовцев, 10 тыс. эстонцев и около 15 тыс. латышей²⁷. Почти все батальоны были направлены на советско-германский фронт, сначала для вспомогательной службы в тылу, а затем на передовую. Некоторые из этих национальных частей использовались на территориях Польши, Югославии, Италии. В их задания, как правило, входили контрольные и карательные функции: проверка гражданского населения и проведение операций против партизан. В дальнейшем «оборонительные батальоны» стали основой для создания более крупных национальных воинских формирований.

Частичная реструктуризация националистических, полицейских и бывших воинских подразделений буржуазных армий Прибалтийских государств не требовала у высшего военно-политического руководства третьего рейха особых усилий при создании национальных воинских формирований. Однако, несмотря на активную позицию национальных лидеров в этом вопросе, оно не торопилось создавать прибалтийские вооружённые силы в составе вермахта (на правах полноправных воинских частей).

В отличие от Розенберга, который предлагал установить к населению Прибалтики более мягкое отношение, чем к русским, действуя по принципу «разделяй и властвуй», Гитлер был убеждён, что германская армия сможет выполнить свою колониза-

торскую миссию самостоятельно. Что же касается участия в войне представителей советских народов под какими-либо политическими лозунгами, будь то борьба за уничтожение большевизма или восстановление национальной независимости, то оно, в свете объявленных фюрером целей, было просто немисливо²⁸.

Дело в том, что еще накануне вторжения на территорию СССР, 16 июня 1941 г., на совещании руководителей фашистского рейха Гитлер, заявляя о целях предстоящей войны, уточнил: «Железным законом должно быть: никогда не должно быть позволено, чтобы оружие носил кто-либо иной, кроме немцев! Это особенно важно. Даже если в какое-то время нам казалось бы более легким привлечь какие-либо чужие, подчиненные народы к вооруженной помощи, это было бы неправильным. В один прекрасный день это непременно и неизбежно обернулось бы против нас самих. Только немец вправе носить оружие, а не славянин, не чех, не казах, не украинец»²⁹.

Первое совещание, на котором был рассмотрен вопрос о добровольцах для борьбы против СССР, состоялось 30 июня 1941 г. с участием представителей Министерства иностранных дел, верховного командования вермахта (ОКВ), главного управления войск СС и управления по внешнеполитическим связям Национал-социалистской партии Германии. На нем рассматривались общие директивы о подчинении вермахту или войскам СС подразделений и частей национальных формирований. При этом отмечалось, что воинские формирования будут комплектоваться по национальному признаку; было также установлено, что национальные кадры имеют право носить немецкую форму с национальными знаками различия регулярных войск, но без предоставления им немецкого гражданства³⁰.

Однако уже с первых дней войны, вне всякой зависимости от политических установок гитлеровского руководства, германские вооруженные силы столкнулись с проблемой использования в своих рядах советских граждан и эмигрантов. Прежде всего это касается немецкой военной разведки (абвера), формировавшей и направлявшей в распоряжение штабов немецкой армии группы уроженцев советских республик, в том числе латышей и эстонцев, насчитывавшей до 25 человек под командованием немецких офицеров. Используя для прикрытия трофейное советское обмундирование и вооружение, группы должны были проникать в советский тыл на глубину от 50 до 300 км, с тем чтобы сообщать по радио результаты наблюдения. Основными пунктами докладов были данные о состоянии железных дорог и автомагистралей, сведения о резервах советских войск³¹.

В начале войны, в 1941 г., на территории Эстонии активно действовал сформированный немецкими спецслужбами в Финляндии батальон «Эрна II». Одна его группа была сброшена на парашютах в район действий националистических отрядов («зеленых брать-

ев») с целью возглавить их борьбу против советских войск. Другая группа высадилась с моря на северном побережье Эстонии и осуществляла диверсионную деятельность в советском тылу³².

Формирование упомянутых групп всецело находилось в ведении абвера. Соответственно, на них не распространялись установки политического руководства, однако, с другой стороны, их существование никоим образом не влияло на гитлеровскую восточную политику в части использования советских граждан в вооруженной борьбе.

Куда более важным в этом отношении было использование армией так называемых «хиви» (сокр. от нем. *Hilfswillige* — добровольные помощники)³³. Несмотря на значительные успехи, достигнутые вермахтом в ходе приграничных сражений, и оккупацию значительных территорий, война против Советского Союза не стала шестинедельным блицкригом, а потери в живой силе и технике превысили все расчетные данные. В течение первых 8 недель войны германская армия потеряла только убитыми и пропавшими без вести более 100 тыс. человек³⁴. Это столько же, сколько во всех предшествующих кампаниях, начиная с сентября 1939 г. Вследствие этого некомплект личного состава к концу августа 1941 г. достигал: в 14 дивизиях свыше 4000 чел., в 40 — свыше 3000 чел., в 30 — свыше 2000 чел. и в 58 — несколько менее 2000 чел.³⁵. Прибывавшее пополнение не могло возместить этих потерь: до конца ноября 1941 г. из строя вышло 740 тыс. солдат и офицеров, в то время как пополнение составило не более 400 тысяч³⁶.

Эту проблему командирам немецких частей на Восточном фронте пришлось решать своими силами путём привлечения советских военнопленных и лиц гражданского населения для выполнения вспомогательных работ в тыловых частях. Зачисленные в состав частей военнопленные заносились в списки, содержавшие следующие данные: имя и фамилию, дату рождения, последнее место жительства и личные приметы. Каждый из них получал паёк немецкого солдата, а после двухмесячного испытания и официального зачисления в качестве «добровольцев вспомогательной службы» — денежное содержание и дополнительное довольствие³⁷.

Партизанская война в немецком тылу стала вторым важным фактором, повлиявшим на привлечение в ряды вермахта граждан Прибалтийских республик и создание из их числа особых вооруженных формирований. Исходя из предпосылки победоносного окончания Восточной кампании через несколько недель, германские армии и командование тыловых районов групп армий имели в своём распоряжении весьма ограниченные охранные и полицейские силы. Дело в том, что большую их часть немецкому командованию приходилось использовать на советско-германском фронте. Так, из 34 охранных батальонов в группе армий «Север» по назначению использовалось лишь 4 подразделения³⁸. Поэтому

уже в конце июля 1941 г. командующим тыловыми районами было разрешено формировать во взаимодействии с соответствующими начальниками СС и полиции «вспомогательные охранные части». Первоначально это были прежде всего литовцы, эстонцы, латыши, белорусы и украинцы³⁹.

25 августа 1941 г. командующий группой армий «Север» генерал-фельдмаршал фон Лееб официально разрешил принимать на службу в вермахт литовцев, эстонцев и латышей и создавать из них особые команды и добровольческие батальоны для антипартизанской борьбы⁴⁰. Зимой 1941/42 г. были созданы балтийские охранные батальоны — первоначально с целью заменить в тылу немецкие войска для использования последних на Восточном фронте, однако начиная с 1942 г. эстонские батальоны наравне с немцами сражались на передовой линии⁴¹.

Противоречие таких мер установкам гитлеровской восточной политики разрешалось приказом начальника штаба верховного главнокомандующего вооружёнными силами генерал-фельдмаршала В. Кейтеля о подавлении «коммунистического повстанческого движения» от 16 сентября 1941 г. В приказе, в частности, указывалось, что «политические установки Германии относительно указанных территорий не должны влиять на действия военных оккупационных властей». Однако в том же документе говорилось, что «силы из местного населения не годятся для проведения... насильственных мероприятий», а «увеличение этих сил создаёт повышенную угрозу для собственных войск, и к нему поэтому не следует стремиться»⁴². Однако военная обстановка диктовала местным командным инстанциям вермахта свои условия.

Многочисленные охранные и антипартизанские формирования создавались усилиями руководства вермахта — от командующих тыловыми районами групп армий до начальников гарнизонов. Мелкие команды сводились в роты и батальоны, получали немецкое обмундирование и армейское вооружение, проходили военную подготовку под руководством немецких офицеров и затем выполняли боевые задачи — от охраны объектов до проведения карательных экспедиций в партизанских районах. За такими подразделениями закрепилось название «восточные батальоны». В составе каждого из них имелось несколько (2–5) рот по 100–200 чел. в каждой, взводы: управления, миномётный, противотанковый, артиллерийский, объединённые в составе штабной роты. На вооружении имелись 76-мм орудия (2), 82-мм (2) и 50-мм (4–7) миномёты, станковые и ручные пулемёты, винтовки и автоматы⁴³.

Большая часть восточных батальонов носила стандартные номера: 601–621, 626–630, 632–650 и т. д. до 681. Другие батальоны носили номера армейских (510, 516, 517, 561, 581, 582), корпусных (308, 406, 412, 427) и дивизионных (207, 268, 285) частей, в зависимости от того, где они формировались⁴⁴.

Никем не контролируемый рост числа так называемых «туземных» воинских подразделений вызвал негативную реакцию у Гитлера, который 24 марта 1942 г. запретил их дальнейшее формирование с сохранением уже имеющихся частей в необходимом количестве и в рамках батальонного звена⁴⁵.

Факт признания фюрером существования таких частей знаменовал собой важный сдвиг в вопросе привлечения граждан прибалтийских и других республик на службу в германскую армию. И хотя Гитлер говорил ещё и о том, что «самая большая глупость, которую можно допустить в оккупированных восточных областях, — это дать в руки покорённым народам оружие», шаг за шагом он делал уступки требованиям военной необходимости⁴⁶.

Фактически с конца марта 1942 г. началось крупномасштабное по замыслу создание национальных легионов, в частности в Прибалтике, хотя фюрер ещё в течение года оттягивал решение де-юре данного вопроса. В своём военном дневнике Ф. Гальдер пометил выдержкой из оперативного приказа фюрера № 5 от 16.03.1943 г.: «...Исходя из создавшейся на Востоке обстановки, на период после 15.4[1943] переносятся сроки... оснащения оружием и техникой 3-х дивизий СС, состоявших из литовских, латышских и хорватских добровольцев»⁴⁷.

Первый общий документ, регулирующий статус формирований из числа советских граждан, был разработан вторым (организационным) отделом Генерального штаба сухопутных войск вскоре после выхода директивы № 46 верховного командования вермахта. В соответствии с характером использования «местных вспомогательных сил на Востоке» приказ начальника Генерального штаба генерал-полковника Гальдера № 8000/42 (без даты) выделял следующие категории граждан:

1. Представители тюркских народов и казаки;
2. Местные охранные части из добровольцев, включая освобождённых военнопленных из числа эстонцев, латышей, литовцев, финнов, украинцев, белорусов;
3. Части из местных добровольцев, используемые в качестве полиции;
4. Граждане, помогающие на фортификационных работах⁴⁸.

Приказ содержал инструкцию по использованию в частях вермахта «хиви». Основные положения данной инструкции были разработаны с учётом нацистской политики дифференцированного подхода к представителям различных народов. В частности, существовало неравенство в денежном содержании и продолжительности отпусков. Так, если солдат балтийских охранных частей получал месячное жалование в размере оклада ротного командира восточных легионов — 72 германские марки, то русский «доброволец» — 24 марки (примерно 240 рублей). Эстонские, латвийские и литовские солдаты получали дополнительное вознаграждение

за каждый день фронтовой службы в размере одной марки, тогда как русские «добровольцы» были этого лишены⁴⁹. Аналогично было с отпусками, которые предоставляли прибалтам без ограничений, а русским, украинцам и белорусам — только женатым и лишь в том случае, если их семьи проживали на территории, занятой немецкими войсками⁵⁰. Упомянутый выше приказ № 8000/42 также содержал разъяснения по воинским званиям, знакам различия и т. д.

Вместе с тем процесс создания гитлеровским верховным командованием национальных воинских формирований для службы в составе вермахта и войсках СС при целом ряде общих условий имел некоторые особенности применительно к каждому из упомянутых выше государств.

После оккупации Германией Советской Прибалтики там сразу же появилось стремление к восстановлению государственной самостоятельности. Вермахт и абвер воспользовались этими тенденциями⁵¹. Преимущественно на должности в местную администрацию назначались выходцы из эмиграции. Главы самоуправления были уполномочены отдавать распоряжения с разрешения генерального комиссара⁵².

После захвата Эстонии на её территории вся власть была сосредоточена в руках главнокомандующего группой армий «Север» фельдмаршала фон Лееба. 15 сентября 1941 г. начальник тыла группы армий «Север» генерал фон Рон от имени фельдмаршала фон Лееба отдал приказ об образовании так называемого «эстонского самоуправления». В соответствии с этим решением была создана и администрация этого самоуправления, в состав которой вошли Х. Мяэ, О. Ангелус, А. Вендт, О. Леэсмент и Х. Саар⁵³.

По распоряжению Гитлера в начале декабря 1941 г. Эстония выводится из-под управления начальника тыла группы армий «Север» и входит в состав рейхскомиссариата «Остланд»⁵⁴. Генеральным комиссаром Эстонии, то есть высшим представителем гитлеровской Германии, был назначен К. Литцман.

По данным зарубежных исследователей, подтвержденным сведениями из отечественных архивов, уже в конце 1941 г. на базе «Омакайтсе» было создано 25–27 полицейских и охранных батальонов неполного состава общей численностью около 10 тыс. человек⁵⁵. В январе 1942 г. в ходе объявленной первой «добровольной» мобилизации эстонской молодежи в возрасте от 18 до 25 лет численность личного состава в батальонах увеличилось до 40 тыс.

Как правило, этим подразделениям давались наименования по месту формирования, например, Нарвский, Тартусский, Вильяндский и др. батальоны. Командирами батальонов и рот были немецкие, а также «проверенные» эстонские офицеры. Однако всегда при эстонском командире находился немецкий офицер связи⁵⁶.

По социальному составу полицейские батальоны комплектовались в основном из бывших членов

профашистских студенческих организаций или из числа бывших полицейских⁵⁷.

Однако надеждам эстонских националистов на создание национальных вооружённых сил не суждено было сбыться, хотя 28 августа 1942 г., в первую годовщину немецкой оккупации территории Эстонии, генеральный комиссар К. Литцман на площади Свободы в Таллине и объявил приказ Гитлера об образовании добровольческого эстонского легиона войск СС. Он был создан как часть немецких войск СС, подчиненная рейхсфюреру СС Г. Гиммлеру⁵⁸.

Однако формироваться эстонский легион начал только 8 февраля 1943 г., а до этого проводилась подготовительная работа усилиями оккупационных властей и местных представителей власти на территории Эстонии. Например, было создано «Общество друзей эстонского легиона», которое занималось агитацией за вступление в него добровольцев.

Прием в легион производился полицейскими учреждениями в Таллине, Тарту, Пярну, Вильянди, Хаапсалу, Раквере, Кохтла-Ярве, Нарве, Курессаре и Петсери. Специальным уполномоченным по вербовке в легион СС был назначен майор А. Мере как старший по званию эстонский офицер, вступивший в легион. Непосредственно прием легионеров производила команда «Остланд» таллинского отделения войск СС.

Всеми вопросами организации, вербовки и снабжения занималась также специально созданная для этой цели генеральная инспекция эстонского легиона СС во главе с оберфюрером И. Соодла. Однако проведенные подготовительные мероприятия по комплектованию эстонского легиона СС на добровольческой основе ожидаемых результатов не дали: во всей Эстонии набралось всего около 500 добровольцев, и поэтому германским властям пришлось провести уже мобилизацию мужского населения Эстонии 1919–1922 гг. рождения⁵⁹. При этом особо учитывались требования устава войск СС к легионеру: здоровье, полная идейная надежность, обязанность служить в легионе до конца войны. Лицам, зачисленным в легион и уже имевшим офицерские и унтер-офицерские звания, присваивались соответствующие им воинские звания войск СС, после испытательного срока.

Кроме того, по мнению оккупационных властей, основу легиона должны были составить 15 % личного состава из эстонских «восточных» и полицейских батальонов⁶⁰. Таким образом, удалось мобилизовать ещё 2 тыс. чел.

Оккупационными властями и органами «эстонского самоуправления» периодически производилась дополнительная вербовка «добровольцев» в ряды эстонского легиона. В связи с каждой вербовкой проводилась усиленная агитация вступать в легион, а семьям легионеров предоставлялись определенные материальные льготы и привилегии.

После поражений немецкой армии зимой 1942/1943 г. на Восточном фронте вербовка стала

принимать все более принудительный характер. Так, например, таллинское радио от 9 марта 1943 г. сообщало: «В комиссии по распределению рабочей силы можно изъявить желание о направлении в ряды эстонского легиона или просить об участии во вспомогательных работах при войсковых частях. Не желающие выполнять свой долг будут привлекаться к ответственности и тюремному заключению»⁶¹.

В конце марта 1943 г. была объявлена мобилизация всех бывших эстонских офицеров, а с 3 по 10 ноября 1943 г. была объявлена мобилизация мужчин 1925 г.р., но она не дала желаемых результатов из-за большого числа «уклонистов».

В результате всех этих действий, по официальным данным «эстонского самоуправления», удалось довести численность легиона до 15000 чел., включая все «охранно-полицейские» формирования. Из этого числа приблизительно 11000 чел. было послано на Восточный фронт⁶².

Власти, ускоряя участие эстонцев в активных боевых действиях, создавали на базе легиона различные подразделения и соединения. В начале 1943 г. из добровольцев был сформирован батальон «СС — Нарва» и включен в состав немецкой дивизии «СС — Викинг»⁶³. В ноябре 1943 г. в Дембице под Краковом начала формироваться эстонская бригада СС.

Эстонская бригада получила название «Третьей добровольческой бригады» и организационно состояла из двух батальонов, в каждый из которых входило четыре роты (три стрелковые и одна тяжелого оружия); командовал бригадой штандартенфюрер Аугсбергер, немец по национальности. Остальными командирами были эстонцы.

В октябре 1944 г. в г. Неухаммере (Германия) была создана 20-я эстонская добровольческая дивизия СС, организованная на основе расширения упомянутой выше 3-й добровольческой эстонской бригады. В состав дивизии входили три гренадерских полка СС — «Эстланд».

Кроме того, как показывают архивные документы, определённая часть населения Эстонии, не желавшая служить в немецкой армии, но активно стремившаяся к борьбе за независимость своей страны, прежде всего от коммунистического режима, переходила на службу в армии соседних государств. Например, в Финляндии, в армии Маннергейма, существовал 200-й учебный полк, целиком укомплектованный эстонцами, бежавшими от мобилизации в немецкую армию. Всего же в боевых действиях против Красной Армии на стороне Финляндии принимали участие около 3 тыс. эстонских граждан⁶⁴.

Оккупировав в 1941 г. Латвию, немецкое командование объявило её собственностью «Великой Германии» и включило в состав восточных областей под наименованием «Остланд».

На территории Остланда военно-политическое руководство Германии ввело институт рейхс-комиссаров, которые подчинялись рейхсминистру

и руководили гебитс-комиссарами (т. е. комиссарами уездов или районов). Непосредственно восточной областью Остланда управлял бывший немецкий барон А. Розенберг через рейхс-комиссариат в Риге во главе с рейхс-комиссаром Г. Лозе⁶⁵.

Для демонстрации показной независимости Латвии немцами было создано «латвийское самоуправление», состоящее из директоратов, которые в свою очередь состояли из департаментов и управлений. Номинальное руководство этим органом власти осуществлял генеральный директор внутренних дел Латвии, генерал бывшей латвийской армии О. Данкер⁶⁶.

Германской службой безопасности в границах Остланда был сформирован главный округ СС под руководством обергруппенфюрера СС генерала полиции Ф. Йеккельна со штаб-квартирой в г. Риге. Непосредственно в Латвии службу безопасности возглавлял бригаденфюрер СС, генерал-майор полиции У. Шрёдер, прибывший в латвийскую столицу в августе 1941 г. и, среди прочего, принявший командование над латышской городской и сельской полицией⁶⁷.

Немецкое командование нуждалось в национальных полицейских подразделениях, которые могли бы высвободить немецкие воинские части от необходимости поддерживать оккупационный режим в Латвии, что предполагало активную и тяжёлую борьбу с советскими партизанами.

Формирование таких полицейских подразделений проходило на базе уже действовавших с первых дней немецкой оккупации Латвии так называемых «отрядов самообороны», которых было шесть, каждый численностью до 150 чел. Общее руководство ими осуществлял подполковник бывшей латвийской армии Вейс⁶⁸. За короткий срок, с сентября по октябрь 1941 г., было создано 26 полицейских батальонов, большая часть которых формировалась в Риге⁶⁹.

Некоторую часть латвийской полиции составили деклассированные элементы. Например, по свидетельству документов в Даугавпилсской префектуре из 227 сотрудников на 22.11.1941 г. насчитывалось 28 ранее судимых за различного рода уголовные преступления⁷⁰.

Вступившие принимали присягу на верность германскому военному командованию. Однако нарушение принципа добровольности немецкими оккупационными властями при отборе кандидатов сказалось в дальнейшем на боеспособности этих формирований.

В связи с тяжёлым положением немецкой армии после поражения под Москвой командование вермахта в начале 1942 г. по согласованию с высшим руководством «Айзсаргов» стало повторно⁷¹ готовить латышские полицейские батальоны для отправки на передовую и создавать новые полицейские подразделения и части. Таким образом был сформирован в конце апреля 1942 г. 281-й отдельный добровольческий рижский полицейский батальон, который был отправлен на фронт под номером 881. Затем были сформированы

313, 282, 316-й и другие латышские полицейские батальоны, а также полицейский полк «Рига»⁷².

Архивные документы указывают на некоторые моменты формирования этих подразделений. Например, встречается много заявлений латышских граждан о принудительной мобилизации либо обмане при отправке. По показаниям пленных солдат из 15 пд СС (лат.) и 2 бр СС (лат.) в Риге в марте 1943 г. было распространено распоряжение начальника латвийских частей СС и полиции Вейса о необходимости явиться на призывные пункты всем мужчинам 1919–1924 года рождения⁷³. При них должны были быть личные документы, они должны были соответствующим образом одеты, иметь запас еды на один день. Тому, кто не повинуется этому распоряжению, говорилось в тексте, грозило наказание по законам военного времени⁷⁴.

По показаниям пленных солдат из этих формирований, а также 16-го, 313-го батальонов полицейского полка «Рига», при отправке на фронт немецкое командование заверило их, что они будут использованы только для несения гарнизонной службы по охране дорог, мостов, железнодорожных станций и т. п. А это, по мнению латышей, не являлось прямым сопротивлением частям Красной Армии, и потому они выбирали такой вариант службы в германской армии⁷⁵. Интересен тот факт, что немцы до конца не доверяли латышам и поэтому вооружали их устаревшим оружием французского образца с ограниченным количеством боеприпасов⁷⁶.

Каждый латышский полицейский батальон состоял из четырёх рот и в среднем насчитывал до 350–400 чел. Рядовой состав — в основном латыши, но в некоторых подразделениях имелось небольшое количество русских (уроженцев Латвии), украинцев и т. п. Командный состав (до командиров рот) был преимущественно латышским. Иногда батальоном командовал латыш, но при этом к нему для контроля непременно был приставлен немецкий офицер. Чаще всего офицеры-латыши привлекались на командные должности с большим понижением: взводом командовал капитан, ротой — майор. Всего в 41-м латвийском батальоне служило до 15000 чел.

Первоначально и достаточно малое время они использовались для обеспечения внутреннего порядка в Латвии. Но затем немцы стали привлекать так называемые «шума-батальоны» для борьбы с партизанами на Украине, в Белоруссии, а также «затыкали» ими брешы на передовых позициях в боях с Красной Армией. Из всех батальонов только один — № 20 — оставался в Риге и наряду с другими объектами нёс охрану еврейского гетто и Саласпилского концлагеря⁷⁷.

Однако действия этих подразделений, особенно на передовой, не удовлетворяли немецкое командование, прежде всего из-за недостаточной снаряжённости и плохой обученности личного состава.

Следует также сказать, что наряду с реструк-

туризацией полицейских батальонов создавались и охранные батальоны на основе призыва под видом работы в строительных подразделениях. Выбирать предлагали из двух «зол»: или работы в Германии, или службу в тылу немецкой армии. Зная по слухам, что в Германии жизнь для так называемых «гостевых рабочих» близка к каторжной, многие латыши выбирали работу в армейском тылу. Вместе с обмундированием и лопатой солдаты получали винтовки для самообороны.

Вот как свидетельствует об этом пленный Бауманис из 8-го Двинского пехотного полка: «В феврале 1942 г. я, как и другие безземельные крестьяне, получил извещение, что 1 марта должен в обязательном порядке явиться в г. Либаву для отправки на работы, причём можно было выбирать — или в Германию, или в тыл немецкой армии. Так как всегда говорили, что в Германии очень тяжёлые условия, я выбрал 21-й либавский батальон, причём сказали, и я был в этом уверен, что это именно рабочий батальон. В первые дни марта нас обмундировали в форму бывшей латвийской армии, выдали лопаты и винтовки. В течение марта нас обучали военному делу. На мой вопрос сержанту, почему нам выдали винтовки, если мы являемся рабочим батальоном, он ответил, что это распоряжение немецкого командования и что мы, вероятно, поедем работать на Украину»⁷⁸.

В марте 1942 г. 21-й либавский и 39-й охранный батальоны были отправлены на Восточный фронт в район Ленинграда. Численность каждого из них достигала к тому времени 450 чел.

Сформированные почти одновременно 16-й, 17-й и 19-й латышские батальоны уже частично комплектовались на основе призыва и первоначально предназначались для несения караульно-конвойной службы. Однако все они были отправлены на фронт: 16-й и 17-й батальоны зимой (в район озера Ильмень), 19-й — в мае.

В дальнейшем подобные латышские подразделения проходили кратковременное обучение военному делу, и их отправляли на советско-германский фронт.

В феврале 1942 г. на базе 16-го, 19-го, 21-го и 24-го «шума-батальонов» была создана 2-я механизированная бригада СС двухбатальонного состава, которая осенью 1942 г. была отправлена на Восточный фронт. Бригадой командовал немецкий офицер войск СС Шульц, командирами батальонов были полковник Лобе и подполковник Вейс⁷⁹.

После того как стало известно о решении Гитлера сформировать в Эстонии части СС, сторонники создания национальных вооружённых сил в Латвии во главе с генералом Р. Бангерским обратились с просьбой к Г. Лозе о согласии на формирование 100-тысячной латвийской армии. Личный посланник рейхсфюрера СС Г. Бергер провёл тщательное изучение политических взглядов и настроений ближайшего окружения Р. Бангерскиса и доложил

Гиммлеру, что последний подобным шагом хочет добиться прежде всего личных политических выгод. Вместо формирования какой-либо самостоятельной латвийской армии, он предложил сформировать латвийский легион в составе СС для борьбы с советскими партизанами⁸⁰.

Латыши, несмотря на то что, с точки зрения Гиммлера, не соответствовали арийским стандартам, могли стать достаточно надёжными союзниками для совместной борьбы против Красной Армии. Гиммлер представил соответствующее предложение Гитлеру и получил принципиальное согласие на формирование «Латвийского добровольческого легиона СС» (Lettische SS-Freiwilligen-Legion).

В качестве основы для будущего легиона Гиммлер выбрал четыре латвийских «шума-батальона» (16-й, 19-й, 21-й и 24-й), входивших тогда в состав 2-й механизированной бригады СС (2. SS-Infanterie-Brigade (mot.)), сражавшейся под Ленинградом⁸¹. 10 февраля 1943 г. Гитлер подписал официальный приказ о формировании латвийского легиона, где отметил, что его численность будет зависеть от наличия соответствующего человеческого материала.

Вынужденный реагировать на многочисленные обращения латвийских представителей, рейхсфюрер СС поставил перед Гитлером вопрос о предоставлении если не независимости, то хотя бы автономии прибалтийским народам на том основании, что в соответствии с Гаагской конвенцией 1897 г. всеобщая мобилизация несовместима со статусом оккупированной территории⁸². Гиммлер предложил предоставить Латвии суверенитет под протекторатом рейха. В феврале 1943 г. Гиммлера в этом вопросе поддержал и Розенберг, однако Гитлер 8 февраля 1943 г. проект категорически отверг.

По замыслу немецкого высшего военно-политического руководства латвийский легион с самого начала должен был стать наиболее крупным по численности из формирований подобного рода⁸³.

В конце февраля — начале марта 1943 г. началось формирование добровольческого латышского легиона СС. Несмотря на большую агитационную кампанию, дело провалилось. Тогда немцы вызвали повестками в полицейские участки мужчин 1919–1924 гг. рождения, и после медицинского осмотра лиц, признанных годными к службе, направляли по выбору кандидата: в латышский легион СС, в обслуживающий состав немецких войск, на оборонные работы⁸⁴. При этом в легион зачислялись только мужчины ростом не ниже 164 см⁸⁵. От призыва в легион освобождались занятые на заводах, выполняющих заказы немецкой армии и работающие в военизированных учреждениях (полиция).

После мобилизации мужского населения 1919–1924 гг. рождения Бергер в донесении к Гиммлеру от 15 апреля 1943 г. констатировал, что из запланированного 15-тысячного состава набрано только 2478 чел.⁸⁶. Остро ощущалась нехватка опытных во-

енных специалистов-инструкторов, а также казарм для новобранцев.

Гиммлер ради поддержания национального достоинства латышей принял решение предоставить ключевые командные должности в легионе латышам по рождению. 1 марта 1943 г. генерал Р. Бангерскис был назначен командиром, как указывалось в приказе, «1-й дивизии латвийского добровольческого легиона СС». Ему было присвоено звание бригаденфюрера и генерал-майора латвийского легиона. Этим же приказом полковник латвийской буржуазной армии А. Силгайлис был назначен начальником штаба этой дивизии с присвоением звания штандартенфюрера.

В конце марта, после того как Р. Бангерскис развернул активную работу по набору в формирующуюся дивизию, ему было присвоено звание группенфюрера СС и генерал-лейтенанта латвийских войск. Одновременно он был назначен генеральным инспектором латвийского добровольческого легиона СС⁸⁷.

Для подготовки очередной мобилизации немцы распространили слухи о том, что будет создана суверенная Латвия во главе с избранным президентом. Кроме того, многих латышей прельщало то, что в легионе командирами предполагалось назначать латышей, то есть они попадали в чисто латышскую войсковую часть, плюс ко всему легионерам обещали существенное по отношению к другим гражданам Латвии преимущество в продовольственном и материальном обеспечении.

На деле оказалось, что командовал легионом немецкий генерал Хансен⁸⁸. Высший командный состав был представлен, за исключением двух упомянутых выше латышских генералов, немецкими офицерами. Средние командные должности в легионе занимали бывшие офицеры латвийской армии.

Легион строился по принципам немецкой армии, обмундирование было частично бывшей латвийской армии, частично войск СС. Вооружены легионеры были немецким, чешским, французским и румынским оружием⁸⁹.

Руководство Остланда продолжало создавать латышские воинские формирования под знамёнами легиона. Стало окончательно ясно, что понятие «латвийский легион» употребляется в качестве коллективного обозначения для всех латышей, проходивших службу в латвийских воинских формированиях, включая полицейские батальоны⁹⁰.

В течение весны 1943 г. и зимы 1944 г. немецким верховным командованием в Латвии были созданы 15-я и 19-я добровольческие дивизии. Они подчинялись командованию немецкой армии, их генеральным инспектором был назначен генерал Р. Бангерскис. Пополнение частей дивизий проводилось мобилизационным отделом при его штабе, а снабжение оружием, боеприпасами и продовольствием шло по линии командования немецкой армии⁹¹.

Процесс формирования латышских дивизий практически поглотил все людские ресурсы легио-

на. Несколько улучшила ситуацию объявленная в декабре 1943 г. мобилизация мужского населения 1918–1922 гг. рождения.

Непосредственно в состав 15-й латышской «добровольческой» дивизии СС входили: штаб, 32-й, 33-й и 34-й пехотные полки, артополк, противотанковый батальон, дивизион ПВО, батальон связи, разведывательный и сапёрный батальоны. Командиром дивизии был назначен бригаденфюрер СС и генерал-майор латвийских войск СС К. фон Пюклер-Бургхаус⁹².

В состав 19-й латышской «добровольческой» дивизии СС входили такие же подразделения, что и в 15-ю дивизию, только нумерация полков была 42-й, 43-й и 44-й. Командовал дивизией генерал-майор Штрекенберг⁹³.

Остальной командный состав дивизии состоял из бывших офицеров латвийской армии, но при них находились немецкие офицеры связи. Пехотные

полки были трёхбатальонного состава. По штату в дивизиях числилось: личного состава 5000 чел., 420 автоматов, 250 ручных пулемётов, 55 станковых пулемётов, 25 противотанковых орудий, 17 орудий, 65 миномётов, винтовки и пистолеты⁹⁴.

Таким образом, процессу создания национальных воинских формирований в Латвии, Литве и Эстонии в составе вермахта и частей СС способствовали исторические, экономические и социально-политические предпосылки, основными из которых являлись: обострение социально-политической обстановки в связи со вступлением Латвии, Литвы и Эстонии в состав СССР; депортация части населения в восточные районы Советского Союза; крупное финансирование западными державами существующих профашистских режимов; увеличение доли немецкого представительства в административном аппарате; в целом профашистская ориентация лидеров Латвии, Литвы и Эстонии.

¹ Емельянов Ю. Большая игра. Ставки сепаратистов и судьбы народов. М., 1990. С. 33. (далее — Емельянов Ю. Большая игра...)

² Там же. С. 34.

³ Там же. С. 38.

⁴ Борьба латышского народа в годы Великой Отечественной войны. Рига, 1970. С. 14.

⁵ Емельянов Ю. Большая игра... С. 45.

⁶ Советская историческая энциклопедия: В 16-ти т. М., 1961–1976 гг. Т.11. С. 351.

⁷ Первая сессия Государственной думы Эстонии второго созыва. Стенографический отчёт. Таллин, 1940. С. 26.

⁸ Auten zur deutschen ausmartigen politik 1918–1945 (далее АДАР). Güttingen. 1981, Bd. 5. S. 384.

⁹ Емельянов Ю. Большая игра. С. 161.

¹⁰ Орлов А. С. СССР — Германия август 1939 — июнь 1941. М., 1991. С. 15.

¹¹ Орлов А. С. Третий Рим и «третий рейх». М., 1993. С. 161.

¹² Орлов А. С. СССР — Германия август 1939 — июнь 1941. С. 15.

¹³ Зюзин Е. Малоизвестные страницы войны. М., 1990. С. 27.

¹⁴ Архив внешней политики Российской Федерации (далее АВП РФ). Ф. 6. Оп. 3. П. 21. Д. 285. Л. 16.

¹⁵ Churchill and Roosevelt: the Complete Correspondence. Vol.1. P. 239.

¹⁶ АВП. РФ. Ф. 6. Оп. 3. П. 21. Д. 285. Л. 16.

¹⁷ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: Документы и материалы: В 2 т. М., 1984. Т. 1. С. 107.

¹⁸ Там же. С. 126–127.

¹⁹ История Эстонской ССР. Изд. 2-е. Таллин, 1958. С. 593.

²⁰ Центральный архив Федеральной службы безопасности (далее ЦА ФСБ). Ф. 14. Оп. 5. Д. 1303. Л. 147.

²¹ Ионг Л. Немецкая «пятая колонна» во Второй мировой войне. М., 1958. С. 356.

²² Мартинсон Э. Слуги свастики. Таллин, 1962. С. 254.

²³ Янченков В. Пятая колонна // Труд. 1999, 25 июня. С. 6.

²⁴ Там же. С. 6.

²⁵ ЦА ФСБ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 932. Л. 2.

²⁶ Алов Г. Палачи. Военно-исторический журнал. 1990. №6. С. 23.

²⁷ Емельянов Ю. Большая игра... С. 191.

²⁸ Материалы по истории русского освободительного движения 1941–1945 гг. (Статьи, документы, воспоминания). Вып. 1. М., 1997. С. 19.

²⁹ Зюзин Е. Малоизвестные страницы войны. С. 30.

³⁰ Der Angriff auf die Sowjetunion. Fr./a. M., 1991. S. 1083.

³¹ Ионг Л. Немецкая «пятая колонна» во Второй мировой войне. С. 355.

³² Война в тылу врага. М., 1974. С. 434–435.

³³ Романичев Н. Сотрудничество с врагом. Очерки военной истории. В 4 т. М., 1999. Кн. 4. С. 154.

³⁴ Гальдер Ф. Военный дневник. М., 1973. Т.3. Ч.1. С. 315–316.

³⁵ Там же. С. 336.

- ³⁶ Muller — Hillebrand B. Das Heer, 1933–1945. Fr./a. M., 1969. Bd 3. S. 19.
- ³⁷ Центральный архив Министерства обороны РФ (далее ЦАМО). Ф. 407. Оп. 9839. Д. 39. Л. 79.
- ³⁸ Howell E. The Soviet partisan movement 1941–1944. Washington, 1956. P. 85.
- ³⁹ Материалы по истории русского освободительного движения. М., 1997. С. 22.
- ⁴⁰ Hoffman J. Die Ostlegionen 1941–1943. Freiburg, 1976. S. 17.
- ⁴¹ Jbid. S. 18–19.
- ⁴² Дашичев В. Банкротство стратегии германского фашизма. В 2 т. М., 1973. Т. 2. С. 432.
- ⁴³ Российский Государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф. 69. Оп. 1. Д. 746. Л. 224.
- ⁴⁴ Дробязко С., Карашук А. Русская освободительная армия. М., 1998. С. 7.
- ⁴⁵ Hoffman J. Die Ostlegionen 1941–1943. S. 24; Der Angriff auf Sowjetunion. S. 1257.
- ⁴⁶ Дашичев В. Банкротство стратегии германского фашизма. Т. 1. С. 79.
- ⁴⁷ ИВИ МО РФ. Документы и материалы. Дневник военных действий верховного главнокомандования вермахта. Оп. 191. Д. 45. Л. 383–384.
- ⁴⁸ Newland S. Cossacks in German army 1941–1945. London, 1991. P. 58.
- ⁴⁹ Hoffman J. Die Ostlegionen. S. 55–56; Schulte T. The German army and nazi policies in occupied Russia. Oxford. New, York-Munich, 1989. P. 163.
- ⁵⁰ Там же. P. 165.
- ⁵¹ Даллин А. Немецкое господство в России 1941–1945. Исследование оккупационной политики. Дюссельдорф, 1958. С. 229.
- ⁵² Германский рейх и Вторая мировая война. Штутгарт, 1988. Т. 5. С. 171.
- ⁵³ Эстонский народ в Великой Отечественной войне. В 2 т. Таллин, 1973. Т. 1. С. 444.
- ⁵⁴ Там же. С. 445.
- ⁵⁵ Thomas N. Partisan Warfare 1941–1945. Osprey Publ. Ltd. London, 1983. P. 16.
- ⁵⁶ Jbid. P. 17.
- ⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 703. Л. 15.
- ⁵⁸ РГВА. Ф. 451, Оп. 7. Д. 123. Л. 299.
- ⁵⁹ The Baltic States. P. 58.
- ⁶⁰ Thomas N. Partisan Warfare 1941–1945. P. 19.
- ⁶¹ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 742. Л. 47.
- ⁶² ЦА ФСБ. Ф. 14. Оп. 5. Д. 1076. Л. 123.
- ⁶³ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 742. Л. 48.
- ⁶⁴ ИВИ МО РФ. Документы и материалы. Глав ПУРККА, 7-й отд. Ф. 254. Оп. 504. Д. 8. Л. 427.
- ⁶⁵ ЦА ФСБ. Ф. 40. Оп. 17. Д. 146. Л. 49–51.
- ⁶⁶ Борьба латышского народа в годы Великой Отечественной войны. Рига, 1970. С. 131.
- ⁶⁷ Bender R. I. and Tailor H. Uniforms, Organization and History of the Waffen-SS. San Jose, Calif, 1986. Vol. 4. P. 83–84.
- ⁶⁸ Мюллер Н. Вермахт и оккупация. М., 1974. С. 153.
- ⁶⁹ Windrow M. The Waffen-SS (Revised Ed). Osprey Publ. Ltd. London, 1989. P. 81.
- ⁷⁰ ЦА ФСБ. Ф. 14. Оп. 5. Д. 1076. Л. 146.
- ⁷¹ Первый латвийский «шума» — батальон был послан на Восточный фронт 16.10.1941 г.
- ⁷² Thomas N. Partisan Warfare 1941–1945. P. 43.
- ⁷³ За период гитлеровской оккупации всего призывалось 30 возрастов (1898–1928 гг.).
- ⁷⁴ ЦА ФСБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 477. Л. 115–117.
- ⁷⁵ ИВИ МО РФ. Документы и материалы Глав ПУ РККА, 7-й отд. Ф. 254. Оп. 504. Д. 6. Л. 195.
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ ЦА ФСБ. Ф. 40. Оп. 17. Д. 146. Л. 64–65.
- ⁷⁸ ИВИ МО РФ. Документы и материалы. Глав ПУ РККА, 7-й отд. Ф. 254. Оп. 504. Д. 7. Л. 575.
- ⁷⁹ Bender R. I. and Tailor H. P. Uniforms, Organization and History of the Waffen-SS. P. 71–72.
- ⁸⁰ Windrow M. The Waffen-SS. P. 65.
- ⁸¹ Bender R. I. and Tailor H. P. Uniforms, Organization and History of the Waffen-SS. P. 71–72.
- ⁸² Дашичев В. Банкротство стратегии германского фашизма. С. 430.
- ⁸³ В Скандинавских странах подобные формирования создавались на батальонной основе, за исключением Датского легиона, насчитывавшего 3 батальона.

⁸⁴ ЦА ФСБ. Ф. 16. Оп. 312. Д. 308. Л. 156.

⁸⁵ Bender R. I. and Tailor H. P. Uniforms, Organization and History of the Waffen-SS. P. 72.

⁸⁶ Ibid. P. 75.

⁸⁷ Windrow M. The Waffen-SS. P. 64.

⁸⁸ Хансен командовал легионом вплоть до начала мая 1943 г. 15.5.43 г. он был командирован в Италию для руководства итальянским легионом СС.

⁸⁹ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 450. Л. 92–93.

⁹⁰ Windrow M. The Waffen-SS. P. 64.

⁹¹ Bender R. I. and Tailor H. P. Uniforms, Organization and History of the Waffen-SS. P. 70.

⁹² ЦА ФСБ. Ф. 16. Оп. 312. Д. 308. Л. 158.

⁹³ Там же. Ф. 40. Оп. 16. Д. 110. Л. 87.

⁹⁴ ЦА ФСБ. Ф. 16. Оп. 312. Д. 308. Л. 161.

Подготовка и участие воинских формирований из представителей эстонского и латвийского населения в боевых действиях на Восточном фронте (1941–1945 гг.)

Идеологи германского фашизма ещё до нападения на Советский Союз разработали программу покорения народов Восточной Европы, по которой Литве, Эстонии и Латвии предстояло стать колониями Великой Германии. Большая часть населения Прибалтийских республик подлежала депортации.

Вместе с тем немцы собирались проводить её в Прибалтике, в отличие от других народов, «в более смягчённой форме, а именно как «добровольную» эмиграцию в Западную Силезию»¹.

В полном соответствии с общими директивами центральных учреждений гитлеровской Германии планы германизации и колонизации разрабатывались в стенах рейхскомиссариата «Остланд», под властью которого находилась оккупированная Прибалтика. Так, в «Принципах обращения с латышами» подчёркивалось: «Прибалтийские страны подлежат онемечиванию: из этого следует, что населяющие их народы частью должны быть ассимилированы, частью — эвакуированы на Восток»².

Однако до поры до времени оккупационные власти старались скрывать свои истинные намерения в отношении будущего латышей, литовцев, эстонцев. На этот счёт даже существовала секретная инструкция Геббельса от 15 февраля 1943 г., в которой, в частности, говорилось, что руководителям нацистской партии недопустимо, особенно в публичных речах и заявлениях, отзываться о «восточных народах» как о «животных», «варварах», категорически воспрещалось говорить о том, что Германия собирается основать на востоке колонии и вести колониальную политику, запрещалось также публиковать теоретические исследования по вопросу германизации, требования о высылке коренного населения и т. д.³.

Всё это диктовалось объективными условиями — общей политической обстановкой, положением дел на фронтах, возможностями получения из оккупированных областей дополнительных мате-

риальных и людских ресурсов. Расчёт на созданные марионеточные «органы самоуправления» в качестве эффективных распространителей демагогической пропаганды не оправдался и не приносил желаемых результатов. Поэтому уже в феврале 1942 г. Розенберг был вынужден выпустить декрет о наказаниях для населения Остланда. Однако и эта мера положения не улучшила.

Сохранился доклад начальника полиции безопасности и СД в «Эстланде» Зандберга Гиммлеру, в котором даётся достаточно объективная характеристика ситуации: «Влияние пропаганды, ведущейся эстонским самоуправлением, весьма ограничено. Причина этого заключается, с одной стороны, в том, что эту пропаганду считают подверженной немецкому влиянию, и, с другой стороны, в том, что у неё нет своей собственной идеологической базы»⁴.

Фашистские идеологи, особенно после Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Англии, усилили антисоветскую пропаганду, пытаясь внушить коренному населению Литвы, Эстонии и Латвии, что гитлеровская армия на советско-германском фронте отстаивает «самостоятельность и независимость» этих государств, и поэтому так необходимо активное участие прибалтов в войне против Красной Армии в одном строю с немецкими солдатами.

Вот как, например, обращался к латышам руководитель германской службы безопасности и полиции обергруппенфюрер СС и генерал полиции Ф. Еккельн в газете «В.Р.» № 10 от 12.02.1942 г.: «Латыши! Великая Германия взяла в свои руки внутреннюю и внешнюю безопасность Вашей страны. И Вам, верным сынам своего народа, предоставляется возможность выполнить свои задачи...»⁵.

Для определённой части населения Прибалтики, действительно, было страшнее вернуться к периоду правления Советов, чем терпеть лишения оккупации. Кроме того, у большинства гражданского населения и личного состава национальных воинских формирований не меркла надежда на то, что, прогнав руками немцев советскую власть, они затем прогонят и самих оккупантов, опять обретя независимость⁶. И в этом

плане националистические организации вели усиленную работу на территории всей Прибалтики.

Например, в Латвии националистическая организация «Спасение Латвии» в конце сентября 1943 г. — в период активного формирования «добровольческого легиона» и 15-й «добровольческой» дивизии СС — распространяла среди жителей г. Риги следующее постановление латвийских национальных объединений: «Латыши! Воины, охрана, айзсарги, партизаны-националисты! Эта война началась в 1939 г., и с этого времени над Латвией нависла тень опустошения. 17 июня 1940 г. с момента вторжения в Латвию Красной Армии, руководимой выродками рода человеческого, эта тень, казалось, поглотит солнце.

Германия начала военные действия против России 22.6.1941 г., и латышские партизаны-националисты, не задумываясь, брались за оружие, громили Красную Армию. Но хотя они показали большое желание бороться, наш народ требовал мобилизации в национальную армию против ненавистного государства убийц, а что получил практически от германских руководителей? Ему преподнесли гаулейтеров, рейскомиссаров и т. п. «фюреров».

Над Латвией вновь расстилается тень, на сей раз покорности судьбе, взаимного недоверия. Латыши! Излишне повторять замыслы красных негодяев, а также немцев о Латвии. Нам не по пути с «Новой Европой», так как доброта этой завуалированной дамы предназначена только для немцев.

Латыши! В эти грозные времена только большая сплочённость, любовь к отечеству и твёрдая воля являются нашей верной силой. Боже, благослови Латвию!»⁷.

Насаждаемая верховным немецким командованием идеология потерпела поражение не только среди гражданского населения, но и среди военнослужащих национальных воинских формирований.

Классовый состав сформированных национальных частей был неоднороден: наряду с антисоветскими и уголовными элементами определённая часть личного состава этих формирований состояла из заблуждавшихся или поставленных перед крайним выбором граждан. И если первые две категории ожесточённо боролись против Красной Армии, то среди последних росли пацифистские настроения, боязнь русского плена и нежелание помогать немцам в этой войне.

Двуличие идеологии лидеров третьего рейха проявлялось на всех уровнях власти, в том числе и среди военного командования и просто немецких солдат.

Унижение военнослужащих национальных воинских формирований начиналось со вступления их в ряды германской армии. Так, например, существовала стандартная для всех коренных представителей Остланда «Памятка для добровольцев», в которой говорилось буквально следующее:

«Доброволец должен соблюдать строгую дисциплину как при исполнении службы, так и вне её, беспрекословно подчиняться в выполнении приказов, быть непоколебимо верным и молчаливым; в разговорах с гражданскими лицами и добровольцами других частей ему запрещается затрагивать военные темы; удаление от своей части без разрешения — дезертирство и карается смертью; доброволец обязан активно участвовать в борьбе против большевистских шпионов; доброволец обязан носить знаки отличия»⁸.

Вместе с тем немцы пытались посеять национальную рознь среди военнослужащих Прибалтийских стран, выделяя, например, эстонцев и латышей из всей массы коллаборационистов, пренебрегая литовцами и другими национальностями. Это ярко подтверждает приказ верховного немецкого командования «Об отчислении из воинских частей германской армии солдат-власовцев» от 23 декабря 1943 г., в котором, в частности, сказано: «Принадлежащие к национальным воинским частям, зачисленные на длительное время в немецкую армию для несения вспомогательной службы (за исключением эстонцев, латышей и финнов) солдаты, виновные в каком-нибудь проступке или преступлении, или в неоднократном тяжёлом нарушении солдатской дисциплины и порядка, могут быть отчислены из немецкой армии. Приказ довести до рот всех армий»⁹.

На деле же немцы не доверяли никому. Привлекаемые гитлеровцами офицеры — латыши и эстонцы, как правило, получали назначение, как уже сказано выше, со значительным понижением. Кроме того, они должны были беспрекословно подчиняться немецким офицерам, даже младшим по званию. Так, например, 8 июля 1944 г. командир 2-го гренадёрского полка 19-й добровольческой дивизии полковник Плеснер за неподчинение немецкому обер-лейтенанту был предан немецкому военно-полевому суду¹⁰.

Немецкое командование пыталось всячески поддерживать высокий моральный дух легионеров, в частности, ведя среди них постоянную пропагандистскую работу. Однако чаще всего она не достигала цели, главным образом потому, что строилась на нагнетании страха у личного состава национальных формирований за совершённые проступки или их видимость.

Одним из идеологических приёмов немецкого командования было более либеральное отношение к членам буржуазных, националистических формирований. К ним чаще применяли материальное стимулирование, выплачивая денежное вознаграждение за несение охранной службы, за членство в этих формированиях, за убийство антифашистки настроенных людей. Например, при поимке советского парашютиста, партизана, коммуниста задержавший получал все средства задержанного или убитого, а также мог быть представлен к соответствующей медали¹¹.

Но с большинством «добровольно» мобилизованного в немецкую армию населения Прибалтики отношения у немцев так и не сложились. Взаимная

неприязнь сквозила во всём: позднее в ряде материалов-допросов немецких солдат и офицеров советскими органами безопасности было выявлено, что легионеры делились как бы на две группы: одни старались угодить немцам из страха, другие ненавидели немцев и не скрывали этого.

На политико-моральном состоянии солдат-прибалтийцев (особенно из крестьян) отрицательно сказывались информация о произволе, чинимом немецкими оккупантами в их сёлах и деревнях, а также попытки привлечь их самих для уничтожения земляков, пусть даже партизан.

Также практически во всех формированиях росло недовольство из-за явного обмана: насильственной посылки на Восточный фронт вместо охраны и защиты своих границ.

Нередко между немецкими военнослужащими и представителями национальных воинских формирований возникали ссоры, драки, а в конце августа 1943 г., например, в г. Долессала, в 8 км юго-восточнее г. Риги, между добровольцами из латышского легиона СС и немцами произошло вооружённое столкновение, в результате которого было убито 54 латыша и 24 немца¹².

В результате понижения политико-морального состояния «легионеров» уже в первые дни наступления наших войск были отмечены случаи индивидуальной и групповой сдачи солдат-прибалтийцев в плен Красной Армии. Так, 12 января 1944 г. в районе западнее Невеля сдалась в плен большая группа солдат-латышей во главе с командиром взвода, а из двух пограничных эстонских полков за время с 10.5. по 17.6.1944 г. дезертировало 400 солдат¹³. В феврале 1944 г. О. Данкер отдал указание об образовании особого военного суда для рассмотрения дел дезертиров.

Немецкое командование незамедлительно отреагировало на обстановку по всем инстанциям. В 15-й добровольческой дивизии СС был издан приказ по латышской дивизии «О борьбе с дезертирством» за № 161/44 от 31.3.1944 г. В нём сказано, что количество отлучек солдат без разрешения в дивизии возросло, а это требует принятия жёстких мер для их пресечения. Поэтому каждому командиру вменялось в обязанность в случае дезертирства или трусости подчинённых принимать самые суровые меры и виновных расстреливать¹⁴.

Не надеясь на стойкость легионеров, находящихся на передовой, немцы выставляли у них в тылу заслоны из немецкой полевой жандармерии. При этом меры пресечения дезертирства легионеров, как и было обещано, были самые жестокие. Так, на дороге Опочка — Водобежка 10.7.1943 г. немецкий жандармский патруль задержал 25 латышей-дезертиров. Начальник заслона приказал им построиться, затем выйти из строя десятому и двадцатому. Они немедленно были расстреляны, а остальные предупреждены, что если они попытаются ещё раз уйти, то расстреляют уже всех¹⁵.

Наконец, ввиду ненадёжности солдат-легионеров их целыми подразделениями вливали под видом «приобретения боевого опыта» в немецкие части. В 83-ю немецкую пехотную дивизию, например, было направлено пять рот из 15-й добровольческой латышской дивизии СС¹⁶. Прибывших немецкий офицер построил и сказал, что они присланы для приобретения боевого опыта, будут находиться здесь вместе с немецкими солдатами, слушать их и делать всё так, как делают немецкие военнослужащие. Как вспоминают пленные латыши из 83-й пехотной дивизии, в отделениях было по 10 немцев и 3 латыша, причем латышей даже не ставили одних на посты, а только вместе с немцами¹⁷.

Следует отметить, что фашистская пропаганда усиленно внушала легионерам страх расплаты за совершённые ими вместе с немцами злодеяния. При этом в распространяемых среди легионеров листовках говорилось, что русские подвергают пленных пыткам, выкалывают легионерам глаза, вырывают ногти и т. д. Это вызывало естественный страх и удерживало часть солдат-прибалтийцев от дезертирства.

Несмотря на подобные факты, свидетельствовавшие о нежелании многих представителей Прибалтики воевать на стороне Гитлера, необходимо отметить, что значительная их часть, особенно полицейские, сражалась против войск Красной Армии упорно и ожесточённо. Многие свидетельства советских партизан, солдат и офицеров подчёркивают при этом хорошую обученность легионеров.

Немецкое командование уделяло вопросам боевой подготовки солдат, унтер-офицеров национальных прибалтийских воинских формирований достаточно серьёзное внимание, при этом не ослабляя контроля и создавая условия для мгновенной реакции на любые негативные ситуации.

Верховным командованием вермахта был разработан ряд документов по вопросам подготовки коллаборационистов. Например, в «Основных направлениях по обучению добровольных помощников» от 19.6.1943 г. говорилось о том, что обучение добровольцев проводится с целью подготовки их в качестве надёжных соратников в борьбе с большевизмом, поэтому при отборе добровольцев в лагерях и др. местах их необходимо собирать вместе, представляя им соответствующий персонал для надзора и преподавателей (в том числе и переводчиков); затем на территориях, занимаемых немецкими дивизиями, создавать учебные роты (не более двух), с тем чтобы дивизионное командование само регулировало все вопросы, связанные с подготовкой новобранцев и их дальнейшим распределением по частям¹⁸.

Для облегчения обучения необходимо иметь литературу и пособия на двух языках, планирование занятий должно проходить как минимум за четыре недели до начала обучения, а в течение всего подготовительного срока «добровольцам» обеспечивать максимальную учебную нагрузку. Там же сказано,

что на содержание учебных программ могут влиять различия в составе и оснащении, численности учебного персонала, положение противника, потребность в добровольцах при немецких войсках¹⁹.

Для дифференцированного подхода к процессу обучения предполагаемые местные вспомогательные силы, как называли их сами немцы, делились на: добровольных помощников («хиви»), службу порядка («оди»), шуцманшафтов («шума»), полицейские и оборонные команды помощников в общинах («гема»). При этом в подготовке учитывалось их дальнейшее назначение и характер возлагавшихся на них задач. Так, хиви предполагалось использовать для выполнения служебных заданий в войсках. Они должны были нести охранную и индивидуальную службу, а полицейские в общинах предназначались для помощи бургомистрам и начальникам районов в решении задач местного значения. Оборонные команды помощников предполагалось применять только в экстренных случаях: при появлении «банд» для местной обороны, для борьбы с «бандитами» в своём районе, а обычно они должны были заниматься хозяйственной деятельностью²⁰.

Для качественной подготовки национальных прибалтийских формирований немцы создали целую сеть учебных лагерей, баз, при этом использовались как оккупированные территории, так и собственно германские земли.

На территории Польши в Травниках (Люблинское воеводство) был создан учебный лагерь, где проходили обучение литовские и латышские националисты, которые впоследствии использовались немецким командованием для вспомогательной службы в СС и полиции, в качестве охранников и надзирателей в концлагерях, при усмирении деревень, ликвидации гетто и т.д.²¹. В Польше же, у местечка Дембица, что под Краковом, находился учебный лагерь, состоявший из 100 бараков, в каждом из которых размещалось от 70 до 80 чел. Здесь проходили обучение будущие военнослужащие добровольческого эстонского легиона. После трёх месяцев учёбы солдаты принимали присягу и отправлялись в строевые части войск СС. Наиболее достойные унтер-офицеры и офицеры бывшей эстонской армии направлялись на офицерские курсы во Франкфурт-на-Одере. Там после четырехмесячного дообучения они отправлялись в уже сформированные эстонские части и принимали на себя командование различными подразделениями. Кроме указанных, офицерские учебные школы для латышей и эстонцев существовали в Чехии (г. Бенешау) и Голландии²². Первый выпуск был в апреле 1944 г.

Как показали архивные документы, в учебных центрах и лагерях «добровольцев», как правило, обучали строевой подготовке, тактике (действия солдата в бою), ведению карательных операций против партизан, а также осуществлению документального контроля (жандармерия). Примечательным

был тот факт, что в лагерях оружие добровольцам в постоянное пользование не давали, а только для учебных целей.

В г. Фюрстенберг (Германия) находилась школа по подготовке национальных кадров для полиции безопасности, в которой в течение четырех месяцев обучались наиболее достойные, с точки зрения немцев²³. Затем выпускники отправлялись в подразделения полиции на всей территории Остланда. Кроме этих центров подготовки легионеров, в г. Нойхаммер (Германия) находился учебный лагерь для переподготовки выводимых с фронта подразделений. Так в сентябре–октябре 1944 г. в этом лагере проходила переподготовку 3-я эстонская пехотная бригада СС, ставшая после обучения и пополнения 20-й эстонской дивизией СС.

Иногда для кратковременной переподготовки, особенно военнослужащих охранных батальонов, использовались непосредственно территории Остланда. Латышские батальоны охраны частично проходили обучение в местечке Болдерес, в казармах сапёрного полка бывшей латвийской буржуазной армии. В Латвии же, недалеко от местечка Палкакс, существовал учебный лагерь для подготовки добровольцев в 15-ю и 19-ю дивизии СС²⁴. По воспоминаниям бывших её солдат, взятых в плен частями Красной Армии, обучение длилось в течение двух месяцев, затем их распределяли по немецким ротам на передовой.

Существовала и такая форма доподготовки, как направление в действующие на передовой немецкие части или в пограничные учебные полки. Там в течение трех недель проходило ускоренное обучение легионеров. Основными предметами на так называемых «курсах» были уставы, строевая подготовка. Затем за два дня до отправки курсантам давали оружие и направляли обратно в часть.

Широко использовался немецким командованием метод поощрения за хорошую учёбу: присвоение унтер-офицерских званий бывшим рядовым, особенно уже повоевавшим на фронте, отправка их в национальные части на должности командиров отделений и т.д.²⁵.

Такая организация обучения будущих и действующих военнослужащих прибалтийских национальных воинских формирований позволяла немецкому командованию с определённой эффективностью использовать латышские, эстонские подразделения, части и соединения на Восточном фронте, в карательных операциях против партизан и мирного населения, для работ в тылу своих войск.

Ухудшение положения на Восточном фронте и в собственном тылу (в связи с ростом партизанской войны) вынудило высшее военно-политическое руководство Германии сформировать, а затем и применить в боевых условиях различные прибалтийские воинские формирования в составе немецких вооружённых сил и войск СС.

После начала оккупации Эстонии в августе 1941 г. по приказу фельдмаршала фон Лееба командующий 18-й немецкой армией генерал-полковник Кюхлер создал полицейские эстонские батальоны, основу которых составили члены военно-фашистской организации «Омакайтсе» и бывшие сотрудники полиции Эстонии. В августе-сентябре 1941 г. было сформировано 6 таких батальонов (с № 181 по № 186).

Осенью 1942 г. в результате боёв с частями Красной Армии число батальонов уменьшилось, их остатки были объединены в три батальона: № 658 (командир — капитан А. Ребане), № 659 (командир — капитан И. Соодла) и № 660 (командир — майор Эллан)²⁶. Однако затем 659-му и 660-му батальонам были поставлены задачи по участию в карательных операциях против советских партизан на территории Белоруссии, и они были выведены с передовой.

На советско-германском фронте из эстонских воинских формирований оставались до ноября 1943 г. лишь 658-й батальон и батальон «Нарва», созданный из числа эстонских легионеров, прошедших обучение на территории Польши.

До конца 1942 г. батальоны участвовали в боях против частей Красной Армии на территориях Ленинградской и Псковской областей.

В начале 1943 г. батальон «Нарва» вошёл в состав немецкой дивизии «Викинг» и был направлен в район Курска, где был разбит. А 658-й батальон продолжал участвовать в боях на Нарвском участке советско-германского фронта и на побережье Чудского озера, где понёс большие потери²⁷.

В ноябре 1943 г. на базе остатков упомянутых батальонов и за счёт пополнения новобранцами из лагеря подготовки легионеров в г. Дембице немецким командованием группы армий «Север» была сформирована 3-я эстонская добровольческая бригада СС под началом оберфюрера Аугсбергера, немца по национальности. Она состояла из двух батальонов, в каждом из которых было по 4 роты: три стрелковые и одна тяжёлого оружия. Кроме командира бригады, все остальные командные должности в подразделениях занимали эстонцы.

Бригада первоначально была направлена в район г. Невеля и Себежа для участия в боевых действиях против Красной Армии. Однако реально до конца декабря 1943 г. она участвовала в карательных операциях против советских партизан и мирных жителей на территории БССР²⁸, и лишь в январе 1944 г. под командованием уже генерала Аугсбергера была вновь переброшена на нарвский участок фронта, где вела ожесточённые бои с советскими войсками, в том числе и с частями эстонского стрелкового корпуса Красной Армии в районе г. Рандере. Вместе с тем многие военнослужащие эстонской национальности старались дезертировать, не желая дальше воевать за победу Германии. Так, в ходе отступления группы армий «Север» из Эстонии в сентябре 1944 г. в донесении начальнику генерального штаба сухопутных войск вермахта Гу-

дериану о состоянии дел на фронте командующий группой армий «Север» Шернер сообщал: «Сегодня в районе Тарту значительными силами наступление началось. Фронт безнадежно разбит. Кое-что можно сделать, но эстонцы разбежались, это никуда не годится, они просто расходятся по домам»²⁹. Ещё одним примером резкого снижения политико-морального состояния военнослужащих эстонской бригады может служить замечание начальника оперативного отдела штаба группы армий «Север», высказанное им начальнику оперативного отдела генерального штаба вермахта при обсуждении плана вывода немецких войск с территории Эстонии. Он, в частности, заметил следующее: «Солдаты 3-й эстонской бригады СС не имеют должного желания сопротивляться. Следует реорганизовать эстонские части и ввести их в состав немецких механизированных частей. По крайней мере тяжёлое оружие должно находиться в руках немцев и надежных эстонцев»³⁰.

В этих тяжёлых и продолжительных боях 3-я эстонская добровольческая бригада понесла большие потери, её остатки в сентябре 1944 г. были отправлены в учебный лагерь в г. Нейхаммер (Германия). Через месяц оттуда ушла на фронт 20-я эстонская добровольческая дивизия СС, составленная из остатков бригады, участников эстонских полицейских батальонов № 23, 30, 33, 35, 37, 41, 42, 44, 187, 192, 282, 286, 289 и членов организации «Омакайтсе» под командованием генерала Аугсбергера³¹.

До января 1945 г. части дивизии участвовали в боях в Восточной Пруссии. 13 января 1945 г. дивизия в полном составе была направлена в район г. Виттенберг (Германия), где вместе с другими немецкими частями была окружена войсками Красной Армии. Во время этих боёв генерал Аугсбергер был убит, и вместо него назначен подполковник А. Ребане.

С боями дивизия вышла из окружения и затем отступила на территорию Чехословакии. 11 мая 1945 г. под г. Мельник, недалеко от Праги, дивизия сдалась частям Красной Армии³². После капитуляции вермахта многие уцелевшие военнослужащие дивизии ушли на запад, к англичанам, другие вошли в состав подпольных националистических вооружённых формирований, действовавших против советской власти на территории Эстонии уже после Великой Отечественной войны вплоть до 1951 г.

В Латвии многие латыши, стремясь во что бы то ни стало воспрепятствовать возвращению советских войск на территорию своей республики, присоединились к немецким войскам в их «крестовом походе против большевиков». Около 166 тыс. латышей в той или иной форме принимали участие в боевых действиях против Красной Армии на стороне вермахта. При этом большая часть их стала членами латвийских СС.

Первый латвийский «шума»-батальон был послан на Восточный фронт 16 октября 1941 г. Однако уже 22 октября вместе с другими латвийскими подразделениями был выведен с фронта из-за

неудовлетворительной снаряжённости, плохой обученности личного состава и больших потерь³³. В ноябре 1941 г., по разным источникам, в госпиталях Риги находилось около 500 раненых латышских солдат из полицейских батальонов. После неудачных боёв полицейские подразделения латышей через некоторое время были заменены немецкими армейскими подразделениями и частями.

Тяжёлые потери, которые немецкая армия понесла в ходе зимнего (1941–1942 гг.) контрнаступления Красной Армии под Москвой, вынудили Гитлера передать полицейские латвийские подразделения германскому военному командованию в качестве резервных подразделений. В последующем ими «затыкали» бреши на передовой.

Первое боевое крещение 15-я добровольческая латвийская дивизия СС, созданная в марте 1943 г., вошедшая в состав 16-й армии (группа армий «Север»), получила в ноябре 1943 г., когда была срочно переброшена на северный участок Восточного фронта с задачей задержать наступление советских войск на невельском направлении³⁴.

Наступление частей Красной Армии началось 18 ноября 1943 г. Латвийские подразделения 15-й дивизии оказали им достаточно серьёзное сопротивление и после больших потерь в декабре того же года были вновь переформированы в национальную дивизию (в составе немецкого 33-го армейского корпуса) для удержания обороны по рубежу Пустошка, Новосokolьники. Затем на протяжении января 1944 г. дивизия вела тяжёлые оборонительные бои в районе Пскова³⁵.

В начале февраля 1944 г. дивизия, оставив 34-й и часть 33-го пехотного полка в составе 6-го корпуса СС (16-я армия) под Новосokolьниками, была переброшена на северо-восток к г. Белебел, расположенному в 30 км к югу от Старой Руссы. Здесь она вошла в состав 10-го армейского корпуса (16-я армия)³⁶.

На невельском направлении дивизия вела оборонительные бои вплоть до 15 февраля 1944 г. Двумя днями позже командование дивизии принял оберфюрер СС Н. Хейлманн, бывший начальник штаба 6-го корпуса СС, отдавший приказ об отступлении.

В течение последующих 10 дней дивизия вела тяжёлые аррьергардные бои, откатившись от рубежа Полист, Чикачево вплоть до г. Новоржева.

Потери дивизии были огромны. И лишь её остаткам удалось добраться к 28 февраля до оборонительной позиции (так называемая «позиция «Пантера»»), образованной вдоль берега р. Великой, в 40 км к югу от г. Остров. На этой позиции 15-я дивизия, собрав остатки собственных 33-го и 34-го пехотных полков у Новосokolьников, соединилась с 19-й латвийской дивизией СС и отдельными подразделениями, влившимися в своё время в состав 6-го корпуса СС³⁷.

Две латвийские дивизии впервые за весь период боёв объединились. Здесь они удерживали 30-километровый оборонительный рубеж Новый путь,

Пушкинские горы вдоль р. Великой. Как свидетельствуют боевые сводки, латыши оказывали ожесточённое сопротивление возобновившемуся наступлению советских войск.

В марте 1944 г. 15-я и 19-я дивизии вошли в состав 6-го корпуса СС, который в свою очередь был включен в состав 18-й армии (группа армий «Север»). В период между 4 по 12 марта она удерживала позиции по берегу р. Великой к северу от г. Остров и Псков³⁸.

26 марта советские войска возобновили наступление к северу от г. Опочки, и 15-я дивизия СС была переброшена в этот район, где вела боевые действия до 11 апреля включительно.

16 апреля части дивизии отошли вместе с другими соединениями в направлении Кудевера, Бардово, в 50 км к юго-востоку от Опочки. Дивизия вела в этом районе позиционные бои вплоть до 21 июня 1944 года³⁹.

В то время как 15-я дивизия вела ожесточённые бои, в Берлине решался ряд вопросов, касающихся её предназначения и основных структурных компонентов. Ещё в мае было решено, что основным соединением из двух латвийских дивизий, входящих в состав 6-го корпуса СС, станет 19-я дивизия СС. Поэтому в ходе происшедшей перенумерации полки 19-й дивизии получили обозначения «латвийские № 1 и 2», а полки 15-й дивизии — «латвийские № 3, 4 и 5».

В июне 1944 г. наименование «добровольческая» (Freiwilligen) для 15-й дивизии было заменено на «Waffen», обозначавшее её принадлежность к инонациональным формированиям. Соответственно, полное наименование 15-й дивизии звучало теперь так: «15. Waffen-Grenadier-Division der SS (lettische Nr. 1)». Её пехотные полки получили обозначение Waffen-Gren.-Rgt. 32 (латв. № 3), 33 (№ 4) и 34 (№ 5)⁴⁰.

13 июня 1944 г. на основании приказа оккупационных властей всех потенциальных офицеров «Ваффен-СС» отправили из Латвии в специальную школу СС в г. Бад-Тольце для обеспечения непрерывной замены офицерского состава двух латвийских дивизий СС. Однако отсутствие необходимого количества казарменных помещений и неудовлетворительное снабжение стало причиной массового дезертирства среди латышских гренадеров.

Наступление советских войск в июле 1944 г. вынудило командование группы армий «Север» отдать приказ на отход к латвийской границе.

21 июля командование 15-й дивизией принял оберфюрер Г. фон Обвурзер⁴¹. Состояние дивизии было плачевным как по укомплектованности (она была почти полностью уничтожена под г. Остров), так и по оснащённости необходимым вооружением. Тем не менее после германской инспекции 15-й дивизии выяснилось, что, несмотря на огромные потери, кадровый состав её во многом уцелел. В связи с этим было принято решение о выводе дивизии в тыл для последующего переформирования. Часть кадрового состава была передана 19-й дивизии, ко-

торая к этому времени входила в состав 18-й армии группы армий «Север». Исключение было сделано для хорошо сохранившегося артиллерийского полка, который остался воевать на Восточном фронте в составе 6-го корпуса СС 18-й армии группы армий «Север».

В середине августа кадровый состав 15-й дивизии был переброшен в г. Кёниг, в военно-тренировочный лагерь «Западная Пруссия». Там же был собран и личный состав, предназначенный для пополнения 15-й, 19-й латвийских и 20-й эстонской дивизий.

23 июля 1944 г. фон Ф. Еккельн, получив расширенные полномочия от Г. Лозе в праве на мобилизацию местного населения, отдал приказ об обязательном призыве латвийской молодёжи в возрасте 18–19 лет. Мужчины 1919 г. рождения, согласно этому приказу, утрачивали право на отсрочку. Кроме того, приказ обязывал явиться на сборные военные пункты в г. Лиепая всех кадровых офицеров и офицеров резерва 1906–1918 г. рождения⁴².

8 сентября 1944 г. был отдан приказ о переформировании 15-й дивизии под командованием оберфюрера СС фон Обвурзера.

Численность личного состава, размещённого в г. Кёниг, позволила сформировать дополнительно 5 батальонов 4-ротного состава к августу 1944 г. Однако, как никогда, остро встал вопрос о нехватке вооружения для этих подразделений, что не позволило сделать их полностью боеспособными. В конце концов немецкое командование было вынуждено сформировать соединение на трёхполковой основе.

Боевой состав перереформированной 15-й дивизии отличался от первоначального во многих отношениях: наиболее существенным стал перевод пехотных полков с двух- на трёхбатальонный состав.

В то время, как шёл процесс перереформирования 15-й дивизии, советские войска в завершающие месяцы 1944 г. продолжали наступление в Латвии, в результате которого в середине октября 1944 г. была освобождена Рига. Однако немецкая группировка (в её составе была 19-я латвийская дивизия СС) продолжала удерживать оборонительные позиции в Курляндии.

Боевое слаживание 15-й дивизии так и не было в полной мере завершено, когда началось январское 1945 г. наступление советских войск. Германские войска постепенно откатились к г. Кёниг, и слабоподготовленная 15-я дивизия была введена в бой в качестве резерва.

20 января 1945 г. 15-я дивизия СС в составе 3-й танковой армии вела оборонительные бои в районе Шлауфензее, Накель, Иммеенхейм, Вансбург (Западная Пруссия). 26 января в г. Накеле командир дивизии фон Обвурзер был взят в плен. Его обязанности были возложены на оберфюрера СС А. Акса⁴³.

Раненые и больные солдаты 15-й дивизии отправлялись в г. Кёниг. Отсюда они были эвакуиро-

ваны вместе с частью прибалтийских полицейских подразделений в г. Данциг (Гданьск) и г. Пилау (Балтийск). Те из них, кто сохранил возможность держать оружие, приняли участие в ожесточённых боях за удержание этих портов, через которые проходила основная эвакуация остатков немецкой северной группировки. Некоторым военнослужащим 15-й латвийской дивизии удалось уйти, к примеру, одна из прибалтийских команд без потерь добралась до Дании, но большинство легионеров сдались наступающим советским войскам⁴⁴.

Те, кто смог избежать плена, в конце января были сосредоточены немецким командованием на рубеже Вилькенсвальде, Флатов, где в начале февраля 1945 г. велись позиционные бои в районе г. Ястров.

В период между 3 и 5 февраля остатки 15-й дивизии сражались у г. Фледерборн, с 10 по 13 февраля под временным командованием оберфюрера СС К. Бурка ожесточённо оборонялись в районе г. Камин. Вплоть до 24 февраля шла череда бесконечных отступлений: Петерсвальде, Долмслафф, Хаммерштайн, Шпарзее, Дебель, Вюстербарт и далее⁴⁵.

24 февраля дивизия на пути отступления оставила Бад-Пользин, Неммин, Гейглиц, Зедлин и Дивенов. Затем отдельные ее подразделения были приданы боевым группам СС (SS-Kampfgruppen)⁴⁶.

На протяжении февраля–марта 1945 г. части дивизии последовательно входили в состав 18-го горного армейского корпуса, корпуса «Теттау» 3-й бронетанковой армии из группы армий «Висла» и 2-й армии той же группы армий. 14 марта 1945 г. разрозненные части дивизии оказались в г. Свиномюнде, откуда к 25 марта они были переброшены в г. Нойбранденбург.

Немецкое командование планировало к 15 апреля после краткого отдыха в Померании привести 15-ю дивизию в боевую готовность. Но уже 4 апреля дивизии было приказано соединиться с 19-й дивизией в Курляндии. Её численный состав к этому времени насчитывал 250 офицеров и 8 тыс. солдат.

19 апреля дивизия в составе боевой группы, состоящей из двух полков, под командованием штандартенфюрера СС В. Янумса (до этого командира 33-го пехотного полка) была переброшена на берлинское направление, в район г. Фюрстенберга, к югу от немецкой столицы.

20 и 21 апреля дивизия несколько раз входила в боевое столкновение с советскими войсками в г. Экнер, Буххорст и Ной-Циттау. Затем она выдвинулась к юго-западу от Берлина в направлении г. Гутергольц⁴⁷.

27 апреля оставшиеся подразделения и части дивизии сдались в плен американскому командованию в г. Гютерглюк, в 6 км от р. Эльбы.

Подразделения дивизии, которые не вошли в состав боевой группы, оставаясь на другом участке фронта, сдались в начале мая частям Красной Армии под г. Нейрупин.

Боевой путь 19-й латвийской дивизии начался в ноябре 1943 г. Из состава 39-го и 40-го латышских добровольческих полков была создана 2-я латвийская добровольческая бригада. Она стала впоследствии базовой для формирования 19-й латвийской дивизии СС. 2-я латвийская добровольческая бригада СС участвовала в боевых действиях против частей Красной Армии с ноября 1943 г. по 18 января 1944 г. на различных участках группы армии «Север». Затем 1 марта 1944 г. на автомашинах бригада была переброшена в полном составе в район северо-западнее Пушкинских гор, где заняла оборону по рубежу Куство, Сопроково, сменив 21-ю легкую пехотную дивизию немцев.

В период с 16 по 19 марта 1944 г. бригада вела ожесточённые оборонительные бои, прикрывая отход немецких войск на участке Танды, Позолотино.

В середине марта 1944 г. бригада получила название 19-й латышской дивизии СС, и уже 26 марта в связи с прорывом ее оборонительной полосы участок обороны 39-го пехотного полка дивизии был расширен, а 40-й пехотный полк переброшен на западный берег р. Великой⁴⁸. В ходе апрельских оборонительных боёв, понеся большие потери, части дивизии были отведены для отдыха и пополнения⁴⁹. После этого в начале мая 1944 г. 19-я латвийская добровольческая дивизия СС вновь была переброшена из района северо-западнее Пушкинских гор на опочкинское направление, восточнее населённого пункта Кудеверь. Но и здесь, несмотря на упорное сопротивление, она долго не удержалась: потеряв до 5 тыс. убитыми и ранеными, в июле 1944 г. она была выбита с занимаемых позиций и отброшена в район г. Опочки, а оттуда остатки дивизии были выведены на доукомплектование в районы г. Лубана и Мадона, где и находились до августа 1944 г.⁵⁰. В середине августа части дивизии были переброшены на первую линию немецкой обороны в районе северо-восточнее Мадоны.

В сентябре и октябре 1944 г. дивизия под ударами частей Красной Армии с упорными боями отходила на запад. За время оборонительных боёв в районах г. Сунтажа, Рига и юго-восточнее Тукумса части дивизии потеряли до 6 тыс. чел. убитыми и ранеными.

В октябре и ноябре свыше 2 тыс. чел., мобилизованных в запасные латвийские части, пополнили её состав. В декабре дивизия оборонялась на тукумском направлении, в районе юго-восточнее г. Джуксте (на 1 декабря она состояла из 4700 чел.). Командиром 19-й латышской дивизии СС в то время был генерал-лейтенант Штреккенбах, командиром 42-го пехотного полка — подполковник Гаудыньш, 43-го пехотного полка — полковник Лобе, 44-го пехотного полка — полковник Капиньш, 19-го артиллерийского полка — майор Гравелис⁵¹.

В 1945 г. дивизия разделила судьбу терпящей окончательное поражение немецкой армии. 8 мая 1945 г. в 13.45 в расположение командного пункта 19-й латышской дивизии СС прибыл командир 6-го армейского корпуса СС генерал Крюгер и доставил приказ за подписью генерала Гильберга (командующего Курляндской группировкой) о прекращении боевых действий⁵². 8 мая в 16:00 над боевыми порядками дивизии появились советские бомбардировщики, и к 20.00 8 мая 1945 г. 19-я латышская дивизия как войсковая единица перестала существовать⁵³. Упомянутый выше командир 19-й дивизии СС группенфюрер СС Штреккенбах пытался избежать возмездия, переодевшись в мундир унтер-офицера, но, спустя две недели, был разоблачен⁵⁴.

Согласно данным Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации с 9 по 12 мая 1945 г. в имении Плани у р. Амула личный состав 19-й пехотной дивизии СС был разоружен частями 130-го латышского стрелкового корпуса Красной Армии. В общей сложности в плен сдалось 1477 человек (16 офицеров, 170 унтер-офицеров, 1291 солдат) из латышской дивизии «Ваффен-СС»⁵⁵.

¹ Борьба латышского народа в годы Великой Отечественной войны. С. 278.

² Там же. С. 279.

³ Борьба латышского народа в годы Великой Отечественной войны. С. 282.

⁴ Мартинсон Э. Слуги свастики. С. 254.

⁵ ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 93. Д. 3695. Л. 173.

⁶ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 742. Л. 49.

⁷ ЦА ФСБ. Ф. 40. Оп. 16. Д. 115. Л. 37–39.

⁸ ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 93. Д. 3695. Л. 93.

⁹ ИВИ МО РФ. Документы и материалы. Глав ПУ РККА, 7-й отд. Ф. 254. Оп. 504. Д. 6. Л. 384.

¹⁰ Рассказ гренадёра. Родник. 1990. № 3. С. 63.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 739. Л. 8.

¹² ИВИ МО РФ. Документы и материалы Глав ПУ РККА, 7-й отд. Ф. 254. Оп. 504. Д. 8. Л. 267.

¹³ Там же. Л. 269.

¹⁴ Там же. Л. 267.

¹⁵ Там же. Д. 9. Л. 149.

¹⁶ ЦА ФСБ. Ф. 40. Оп. 16. Д. 110. Л. 12.

¹⁷ ИВИ МО РФ. Документы и материалы Глав ПУ РККА, 7-1 отд. Ф. 254. Оп. 504. Д. 9. Л. 150.

- 18 Война Германии против Советского Союза 1941–1945 гг. Документальная экспозиция. Берлин, 1992. С. 143.
- 19 Там же. С. 143–144.
- 20 Там же. С. 142.
- 21 Борьба латышского народа в годы Великой Отечественной войны. С. 286.
- 22 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 742. Л. 47.
- 23 Там же. Л. 117.
- 24 Там же. Л. 117–118.
- 25 ЦА ФСБ. Ф. 40. Оп. 17. Д. 153. Л. 354–355.
- 26 РГВА. Ф. 451. Оп. 5. Д. 149. Л. 145.
- 27 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 742. Л. 66.
- 28 Thomas N. Partisan Warfare 1941–1945. P. 21–22.
- 29 Калво А. Изгнание фашистов из Южной Эстонии. Таллин, 1976. С. 193.
- 30 Там же. С. 196.
- 31 Thomas N. Partisan Warfare 1941–1945. P. 21–22.
- 32 Ready J. Lee. The Forgotten Axis. Germany's Partners and Foreign Volunteers in World War II. Jefferson, North Carolina and London, 1987. P. 491.
- 33 Bender R. I. and Tailor H. P. Uniforms, Organization and History of the Waffen-SS. P. 71–72.
- 34 Ibid. P. 16.
- 35 Ibid.
- 36 ЦА ФСБ. Ф. 40. Оп. 16. Д. 110. Л. 85–87.
- 37 Windrow M. The Waffen-SS. P. 14.
- 38 ЦА ФСБ. Ф. 40. Оп. 16. Д. 110. Л. 86.
- 39 Там же. Л. 87.
- 40 Windrow M. The Waffen-SS. P. 44.
- 41 Bender R. I. and Tailor H. P. Uniforms, Organization and History of the Waffen-SS. P. 42–44.
- 42 Ibidem.
- 43 Ibidem.
- 44 Bender R. I. and Tailor H. P. Uniforms, Organization and History of Waffen-SS. P. 172.
- 45 Ibidem.
- 46 Ibidem.
- 47 Ibid. P. 42–44.
- 48 ЦА ФСБ. Ф. 40. Оп. 16. Д. 110. Л. 12.
- 49 Зюзин Е. Малоизвестные страницы войны. М., 1990. С. 38–39.
- 50 Zee Ready. P. 368.
- 51 ЦА ФСБ. Ф. 40. Оп. 16. Д. 113. Л. 16.
- 52 Там же. Ф. 500. Д. К-99476. Л. 44. С. 104.
- 53 Там же. Ф. 40. Оп. 16. Д. 113. Л. 18–19.
- 54 Советская Эстония, 1965. 15 апреля.
- 55 ЦА МО РФ. Ф. 130-го ЛСК. Оп. 156719. Д. 9. Л. 141.

Использование немецким командованием эстонских и латвийских формирований в карательных акциях против советских граждан в 1941–1945 гг.

В Эстонии с приходом немецких оккупантов вышли из подполья члены военно-фашистской организации «Омакайтсе», бывшие полицейские и т. п. Из них, как указывалось выше, были сформированы полицейские батальоны.

Эстонские полицейские использовались немецким командованием для охраны лагерей и тюрем на территории Остланда, а также для охраны гетто в Польше, Югославии и даже в Италии¹. Кроме того,

они активно участвовали в карательных операциях против партизан на территории Ленинградской области, в Литве, Белоруссии и на Украине, отличаясь особой жестокостью по отношению к местному населению.

Оценивая деятельность эстонских полицейских, преподаватель русского и немецкого языка средней школы г. Выру Р. Якобсон в статье «Преступники или нет?» («Правда» от 19 июня 1945 г.), в частности, отмечал, что очень часто контингенты полицейских из местного населения, привлечённые германскими властями, исполняли задания вне пределов своих территорий, как, например, эстонские и латышские

полицейские на территории Псковской, Новгородской областей, в Литве, Польше. Эти подразделения по жестокости обращения с местным населением превосходили своих немецких хозяев².

Архивные документы свидетельствуют, что только за период 1941–1942 гг. эстонские полицейские батальоны провели около 5 тыс. облав на скрывавшихся в лесах красноармейцев, партрудотников и активистов, а также на бежавших из лагерей советских военнопленных.

Эстонские полицейские участвовали в карательных операциях против мирного населения в районах г. Кингисеппа и дер. Керотово (Ленинградская область), где совершили зверские убийства, расстреляли и повесили многих мирных жителей. Только в Ленинградской области ими были сожжены полностью деревни Бабино, Хабалово, Чигиринка³.

Кроме этих полицейских подразделений, из числа эстонцев был создан специальный батальон «Остланд». Он был сформирован в октябре 1941 г. в г. Франкфурт-на-Одере, и в том же году в количестве 500 чел. направлен на Украину, где действовал во Львовской, Киевской, Житомирской областях, выполняя карательные функции⁴.

В ноябре 1942 г. батальон «Остланд» вместе с тремя немецкими полицейскими батальонами и артиллерийским полком под командованием генерала Хальтермана принимал участие в операции по борьбе с партизанами в районе г. Овруч, где в результате совместных действий карателями было сожжено более 50 деревень, расстреляно свыше 1500 жителей. В одной из деревень за убийство лейтенанта СС Тырна были заживо сожжены 40 местных жителей⁵.

В феврале 1943 г. карательный батальон «Остланд» с награбленным имуществом прибыл в г. Киев, а в марте был переведён в Польшу в г. Тебич, где слился с эстонским легионом СС и принимал участие в боях против Красной Армии в районах г. Невель, а затем г. Нарва.

В ноябре 1943 г. в карательных операциях против мирных жителей оккупированных территорий и партизан принимала активное участие и 3-я эстонская бригада СС, которая вместе с другими немецкими частями была задействована в операциях «Хейнрик» и «Фриц» в районе Полоцк, Невель, Идрица, Себеж.

Карательные операции проводились в октябре–декабре 1943 г. Кроме личного состава эстонской бригады, в операциях участвовали 288-й, 286-й, 313-й эстонские полицейские батальоны. Личный состав перечисленных выше подразделений совершал расстрелы, грабежи и уничтожал деревни на территории БССР, а также массовую отправку мирных жителей в Германию⁶.

По показаниям солдат и офицеров бывшего 286-го эстонского полицейского батальона и 3-й эстонской бригады СС, находившихся под следствием после ареста органами НКГБ ЭССР, в ходе этих карательных операций, проводившихся в Литве, Бе-

лоруссии, в районе ст. Идрица и в Себеже, личный состав вёл борьбу с партизанами, прочёсывал леса и проводил облавы в деревнях, одна из которых была полностью сожжена (20–30 домов). Карательные налеты 3-й эстонской бригады СС продолжались до конца декабря 1943 года⁷.

В Латвии основу для создаваемой немецким оккупационным командованием охранной полиции или так называемых «отрядов самообороны», составили члены вышедшей из подполья военно-фашистской организации айзсаргов. В Риге было создано 6 «отрядов самообороны», численностью по 150 чел. каждый. Штаб их находился в Риге⁸.

По замыслу немецкого оккупационного командования предполагалось использовать созданные подразделения для обысков, арестов, облав и прочёсывания лесов. Во главе этих отрядов был поставлен подполковник бывшей латвийской армии З. Вейс.

Одним из кровавых «показателей их работы» могут служить массовые расстрелы советских граждан в Риге. Как правило, им предшествовала специальная подготовка: накануне на совещаниях собирались руководители полицейских команд, представители националистических организаций, где обсуждались способы и методы ареста и уничтожения людей. Каждый из участников массового расстрела должен был четко знать свое место и функции в предстоящей акции, проводившейся всегда по одному сценарию: в заранее назначенное место и время собирались её участники из числа полицейских, айзсаргов. Всех поили водкой, затем на городскую площадь немцы с полицейскими выгоняли арестованных и гнали их в ближайший лес, где заранее были вырыты ямы и установлены пулемёты. Более 3000 чел. стали жертвами этих акций⁹.

Кроме Риги в июле 1941 г. на территории Прейльской волости Двинского уезда такие карательные группы расстреляли 900 советских граждан, в том числе все еврейское население г. Прейли. В этом же уезде в августе 1941 г. было расстреляно 110 жителей селения Дагла. Руками карателей-латышей на окраине г. Субатэ Илукского уезда 21 июля 1941 г. было расстреляно 700 советских граждан, в том числе женщины и дети. При этом во всех случаях все имущество расстрелянных делилось поровну между палачами¹⁰.

В среднем каждый батальон состоял из 300 чел., хотя численность отдельных колебалась от 200 до 600 чел. Кроме непосредственного участия этих подразделений в боевых действиях против частей Красной Армии, как уже было сказано, они использовались оккупационным командованием для «наведения порядка в тылу», то есть борьбы с партизанами в Латвии, на Украине, в Белоруссии и др. регионах. Даже на Кавказе летом 1942 г. для «наведения порядка» в тылу немецких войск действовали 18-й и 27-й латвийские полицейские батальоны¹¹.

Основные категории граждан, предназначавшиеся для уничтожения на местах, как и во всех зонах

оккупации были — евреи, коммунисты, советские активисты, лица, сочувствующие советской власти. Основными местами расстрела арестованных, в основном евреев, в Латвии стали территории между станциями Румбуле и Саласпилс, где был расположен один из самых страшных лагерей истребления людей, а также в Лудзе (лес Гарба), в Карсаве (гора Майту Калнс), в Резекне (гора Анчупана) и в лесах между Катлакалном и Бишунуйжа.

Предназначенных к расстрелу везли на ст. Румбуле или Саласпилс отовсюду: из Риги, из Австрии, Чехословакии, Франции и др. Масштабы истребления росли из месяца в месяц. Так, если в декабре 1941 г. в гетто г. Риги было около 30 000 евреев, то в августе 1942 г. их оставалось приблизительно 3000 чел.¹².

Как правило, в расстрелах принимали участие латвийские каратели из полицейских батальонов и члены молодёжной организации айзсаргов. Общее руководство возлагалось на немецкую администрацию. Ряд документов проливает свет на факты уничтожения латвийскими полицейскими и латышей.

12 июня 1943 г. в телефонограмме № 33 помощник шефа окружной полиции сообщал областному руководителю СС и полиции, что в соответствии с установкой, данной на 11.06.1943 г. на совещании в Риге, командиром жандармерии Латвии и руководителем опорного пункта СД в д. Шкауне была произведена эвакуация (так в рапортах назывались расстрелы) семейств, один или несколько членов которых перешли к «бандитам».

Эвакуации были подвергнуты деревни: Шкауне, Рундени, Паспене и Брити. В общем было расстреляно 224 чел. по плану в течение трех часов, а сделали это полицейские из 273-го батальона латвийской полиции¹³. Такие акции были нередки: власти Остланда всячески старались подавить любое инакомыслие.

Латвийские полицейские батальоны «проявили себя» не только на родине, но и за её пределами. Они действовали на территории РСФСР, Белоруссии, Украины, Польши, повсюду уничтожая деревни и сёла, истребляя мирных граждан.

Каратели 22-го Даугавпилсского полицейского батальона безжалостно действовали в районах Житомира и Луцка; 23-го Гауйского полицейского батальона — в районах Днепропетровска и Керчи, 25-го Абавского полицейского батальона — в районах Коростеня и Овруча, а 28-го Бартского полицейского батальона — в районе Кривого Рога¹⁴.

Летом 1942 г. немецкая полиция безопасности передала охрану г. Слоним в Белоруссии 18-му латвийскому полицейскому батальону. Командир его Рубенис буквально в тот же день отдал приказ об уничтожении гетто (2000 чел.)¹⁵.

По замыслу немецкого командования в интересах защиты границы бывшей Латвии от нападения партизан с сопредельной белорусской территории генерал Еккельн, командующий силами полиции и СС в Остланде, в период с начала февраля по середину

апреля 1943 г. предпринял полицейскую операцию с целью создания нейтральной зоны шириной 40 км. Эта полоса земли без жителей и населенных пунктов должна была лишить партизан их опорных пунктов. Партизаны перед проникновением в Латвию должны были бы, таким образом, дополнительно преодолеть это 40-километровое расстояние. Операцией руководил лично генерал Еккельн. Войсковые части были разделены на две группы:

- группа генерала Шрёдера — 3 латвийских батальона, одна украинская рота, одна литовская рота.
- группа полковника Кнехта — 4 латвийских батальона.

Кроме того, им были приданы специальные подразделения. Общая численность составляла примерно 4000 чел., при них было 700 колесных машин.

Оперативное пространство лежало между Дриссой на юге, Зилупе и Смольнаталь на севере. За год до этого немецкие комендатуры из-за опасности партизанских нападений оставили эту территорию. Полосы шириной 5 км вдоль железной дороги оставались под контролем вермахта. Отступая, комендатуры предоставляли жителям-мужчинам право выбора: либо уйти вместе с немецкими войсками, либо остаться. Многие ушли и чаще всего несли затем охранную службу.

Операция разворачивалась следующим образом: войдя в деревню (вначале никакого сопротивления не оказывалось), солдаты немедленно расстреливали всех, кого можно было подозревать в принадлежности к партизанам. Таковыми считались практически все жители-мужчины в возрасте от 16 до 50 лет. Основывалось это тем, что они в свое время не ушли из этих мест, когда уходили комендатуры. Вслед за регулярными войсками появлялись части СД, которые действовали примерно так: всех подозрительных среди тех, кто остался, расстреливали, в том числе стариков и инвалидов, которым был не по силам долгий пеший марш. Остальные — в основном женщины с детьми — направлялись пешком к месту так называемого второго шлюзования. Тех, у кого в пути отказывали силы, расстреливали. Из сборных лагерей людей направляли в другие лагеря, например в Саласпилс под Ригой, где женщин отделяли от их детей и направляли на работу в Германию. Дети в возрасте от грудного до 16 лет распределялись среди латышского населения.

Деревни в большинстве случаев ещё до прибытия хозяйственных команд с целью сбора оставшихся ценностей, подвергались разграблению и сожжению. При этом пропало большое количество льна, шерсти, зерна, строительного лесоматериала и т.д. В ходе продолжающейся операции сопротивление все возрастало. В отдельных случаях разыгрывались настоящие сражения, во время которых пускали в ход и артиллерию. Всего было уничтожено несколько сотен деревень, среди них и такие, где насчитывалось до тысячи и более жителей. Только в районе Мациевичи было уничтожено 1247 мирных жителей¹⁶. С целью

выявления реальной ситуации по этому вопросу на передовую и в тыловые районы были посланы офицеры власовской армии — РОА. Ряд доказательств жестокости латвийских карателей содержит доклад поручика В. Балтиньша адъютанту А. А. Власова полковнику В. Позднякову, находившемуся в 1943 г. в Риге для координации идеологической работы по разложению войск Красной Армии.

«Господин полковник, после личного моего доклада Вам относительно зверств латышских и эстонских СС на занятой немцами российской территории, я позволяю себе подать Вам этот письменный доклад.

В середине декабря 1943 г. по делам службы мне пришлось (с несколькими сотрудниками) быть в районе Белоруссии (быв. Витебской губернии), в деревнях Князево (Красное), Барсуки, Розалино и др. Эти деревни занимали немецкие части и терпимо относились к населению, но когда им на смену пришли латвийские части СС, сразу начался беспричинный страшный террор. Жители были вынуждены по ночам разбегаться по лесам, чтобы не быть убитыми. Вокруг этих деревень лежало много трупов женщин и стариков. От жителей я узнал, что этими бесчинствами занимались латвийские СС.

23 апреля 1944 г. мне пришлось быть в деревне Морочково. Вся она была сожжена. В погребках хат жили эсэсовцы-латыши. В день моего прибытия туда их должна была сменить немецкая часть, но мне всё-таки удалось поговорить по-латышски с несколькими из них, правда фамилий их не знаю. Я спросил у одного из них, почему вокруг деревни лежат трупы убитых женщин, стариков и детей, сотни непогребенных трупов, а также убитые лошади. Ответ был таков: „Мы их убили, чтобы уничтожить как можно больше русских“.

Когда эта латышская часть уходила, она взяла с собой в качестве наложниц нескольких русских женщин и девушек. Им вменялось в обязанность, кроме того, стирать бельё солдатам, топить бани, чистить помещения и т.п.

На следующий день мы перешли маленькую речку и нашли вблизи неё несколько уцелевших хат и жителей. При виде нас последние испугались, но нам удалось быстро успокоить их. Мы показали им семь свежих крестов на могилах, в которых мы захоронили трупы, и рассказали о том, что видели. Крестьяне горько рыдали и рассказывали о том, что им пришлось пережить за время пребывания здесь латвийских СС.

В начале мая в районе деревни Кобыльники в одной из ложбин мы видели около 3 тыс. тел расстрелянных крестьян, преимущественно женщин и детей. Уцелевшие жители рассказывали, что расстрелами занимались „люди, понимавшие по-русски, носившие черепа на фуражках и красно-бело-красные повязки на левом рукаве“, то есть это были латвийские СС.

На такие же факты пришлось натолкнуться и в бывшей Псковской губернии со стороны эстонских СС.

Представляя вышеуказанный доклад на Ваше рассмотрение, я надеюсь, господин полковник, что будут приняты меры для ограждения русского населения от повторения описанных зверств»¹⁷.

Специально для проведения карательных акций оккупационные власти создали так называемую «команду Арайса». Бывший капрал латвийской армии, выпускник Рижского университета, на момент формирования отряда возглавлял всю рижскую полицию. В. Арайс создал батальон шестиротного состава общей численностью до 600 чел. в каждой. Общая численность батальона доходила до 3000 чел.¹⁸.

Немецкое командование возложило на это подразделение следующие функции: проведение арестов антифашистски настроенных лиц по всей территории бывшей Латвийской ССР; массовые расстрелы советских граждан; карательные экспедиции против партизан; несение охранной службы в гетто и концентрационных лагерях. Большинство лиц, служивших в батальоне, направлялись на учёбу в Фюрстенбергскую школу СД, после окончания которой они становились официальными сотрудниками, правомочными исполнять карательные функции.

Личный состав «команды Арайса» носил обмундирование бывшей латышской армии, на рукаве была повязка с изображением черепа и перекрещенных костей с надписью: «Вспомогательная полиция безопасности», впоследствии отряд экипировали формой войск СС.

С июля по декабрь 1941 г. систематически вместе с другими полицейскими батальонами личный состав этого подразделения производил расстрелы евреев в Бикерниекском лесу (общее число жертв — 46 500 чел.), а также в Либаве, в местечке Талси и на станции Царниково (более 10 тыс. чел.). Батальон участвовал в массовых расстрелах в Румбульском лесу (за всю оккупацию — около 38 000 чел.).

Во время некоторых расстрелов убивали до 2 тыс. чел. По показаниям члена «команды Арайса» Литониса, только с января по март 1943 г. в Бикерниекском лесу латышскими полицейскими было расстреляно более 10 тыс. чел. Палачи постоянно «совершенствовали» способы расстрелов. Сначала это выглядело так: обречённых на смерть людей ставили небольшими группами на край рва, и стрелки по команде производили залпы, а затем следующие жертвы, раздетые до нижнего белья, а иногда донага, должны были спуститься на трупы ранее убитых людей и встать так, чтобы их тела ложились ровными рядами¹⁹.

Сам Арайс активно участвовал в расстрелах и требовал того же от своих подчинённых. В 1942 г. за проявленное усердие гитлеровское командование присвоило Арайсу звание штурмбанфюрера, а в июле 1943 г. он был награждён крестом с мечами за боевые заслуги²⁰.

В последние периоды Великой Отечественной войны отряд периодически выезжал в так называемые командировки в районы городов Великие Луки, Ба-

рановичи, Слуцк, Минск. Продолжительность таких выездов колебалась от одного до трёх месяцев.

Кроме того, полицейские «отряда Арайса» охраняли концлагерь в г. Саласпилс, где в результате массовых расстрелов, чинимых администрацией и охраной лагеря, за весь период оккупации было истреблено 101 100 советских граждан²¹. Безусловно, «команда Арайса» занимала первое место среди всех полицейских формирований Латвии по количеству преступлений.

Согласно данным Чрезвычайной республиканской комиссии по злодеяниям немецко-фашистских захватчиков и их пособников, только на территории Латвии было замучено 313 798 мирных жителей (в том числе 39 835 детей) и 330 032 советских военнопленных.

По данным архивов в 1942 г. в результате карательных экспедиций 2-й бригады латвийских СС были сожжены деревня Фёдоровка Чудского района Новгородской области, село Осино. Кроме того, личным составом бригады проводились в 1941–1943 гг. массовые поджоги и расстрелы в населённых пунктах: Лубницы, Осец, Кречно в 60 км северо-западнее Новгорода, а также в концлагере под г. Красное Село Ленинградской области.

19-я латышская дивизия СС, кроме общих функций на Восточном фронте, выполняла следующие задачи: борьба с советскими партизанами в тыловых районах немецких войск; проведение облав на мирных жителей, заподозренных в помощи партизанам; уничтожение мирных советских граждан; конфискация у населения скота, зерна, продуктов питания; сожжение населённых пунктов. В основном эти задачи выполнялись силами роты полицейской жандармерии, организационно входившей в штат 19-й латышской дивизии СС, но часто для их решения привлекался дополнительно и личный состав других боевых частей и подразделений соединения²².

Дивизия принимала непосредственное участие в карательных акциях против советских граждан на территориях Ленинградской, Новгородской областей.

В 1943 г. части дивизии участвовали в карательных операциях против советских партизан в районах г. Невель, Опочка, Псков (расстреляно 560 чел. в 3 км от Пскова). 18 декабря 1943 г. в д. Заля-Гора, западнее Новгорода, было расстреляно 250 чел. мирных жителей. Силами роты полицейской жандармерии в начале января 1944 г. массовые расстрелы проводились в г. Чудово Ленинградской области²³. А в д. Глухая 21.01.1944 г. латышские каратели загнали в сарай 200 чел. и расстреляли из пулемётов. Этими же силами было расстреляно 500 чел., содержащихся в концлагере под г. Порохово в Белоруссии. Всего с 18 декабря 1943 г. по 2 апреля 1944 г. личным составом 19-й латышской дивизии СС при проведении карательных акций было уничтожено 23 деревни, из которых в 13 расстреляно 1300 чел.²⁴.

Также военнотружущие 19-й латышской дивизии сопровождали эшелоны новобранцев в качестве

охранников. При этом, по воспоминаниям некоторых из них, жестоко пресекали малейшие попытки побегов. Так, в начале января 1944 г. при сопровождении эшелона с мобилизованными в Ригу охрана из числа солдат роты фельджандармерии дивизии расстреляла 25 человек²⁵.

Немецкое военное командование, привлекая силы и средства национальных воинских формирований прибалтийских государств, стремилось решить тем самым несколько задач: обеспечить безопасность своих тыловых районов от активных действий советских партизан; высвободить часть сил регулярной немецкой армии от выполнения карательных и вспомогательных задач с целью усиления группировок войск на передовой; использовать национальные прибалтийские формирования, чтобы закрыть бреши на менее ответственных участках восточного фронта.

Анализ многочисленных отечественных и зарубежных источников, специальной литературы позволил выявить следующие особенности процесса использования национальных формирований Латвии и Эстонии.

1. В силу определённых, прежде всего исторических условий, большая часть населения Прибалтики не приняла активного участия в борьбе с частями Красной Армии, предпочитая оставаться нейтральными, либо вступать в небоевые (охранные, строительные, пограничные) части и подразделения. Часть эстонцев и латышей боролись в этой войне прежде всего за восстановление буржуазных государств довоенного типа в своих странах. И поэтому на завершающем этапе войны были готовы к ведению боевых действий как против немцев, отходящих под ударами частей Красной Армии, так и против советских войск. Впоследствии они составили костяк формирований так называемых «лесных братьев».
2. Наиболее активно участвовали в боевых действиях на различных участках советско-германского фронта на стороне немцев латышские и эстонские подразделения, части и соединения.
3. Непосредственно в боевых действиях против частей Красной Армии на стороне вермахта участвовали прибалтийские полицейские, охранные подразделения, две пехотные бригады (2-я и 3-я латышская и эстонская соответственно) и три добровольческие дивизии СС, причём две из них — 15-я и 19-я — были латышскими, а 20-я — эстонской.
4. Эти прибалтийские подразделения, части и соединения применялись в основном против войск Волховского, Ленинградского, 1-го, 2-го Прибалтийских и Белорусских фронтов. Прибалтийские формирования вермахта использовались также на территориях РСФСР, Украины, Белоруссии, Польши, Югославии, Чехословакии, Италии и Прибалтики.

5. По данным различных источников, личный состав особенно этих бригад и соединений ожесточенно сражался против советских войск. При этом потери как в личном составе, так и в вооружении были значительными: 15-я латышская добровольческая дивизия СС за период с ноября 1943 г. по ноябрь 1944 г. два раза отправлялась на доукомплектование и отдых; 19-я латышская добровольческая дивизия СС только в сентябре–октябре 1944 г. потеряла в боях 6 тыс. человек убитыми и ранеными; после короткого периода боёв (декабрь 1943 — январь 1944 гг.) 3-й эстонской бригаде пришлось выходить в тыл для полного восстановления, а затем переформирования.
6. Для «наведения порядка» на оккупированных территориях Прибалтийских государств и ряда других территорий немецкое командование активно привлекало национальные полицейские батальоны. Такие подразделения были созданы во всех прибалтийских республиках. Основными задачами, решаемыми личным составом этих батальонов были: аресты антифашистски настроенных лиц по всей территории Остланда; проведение массовых расстрелов советских граждан; карательные экспедиции против советских партизан; несение охранной службы в гетто и концентрационных лагерях. Кроме этих подразделений карательные операции против партизан и мирных жителей проводились частями и подразделениями 3-й эстонской добровольческой бригады, 2-й латвийской бригады и 19-й латышской добровольческой дивизии СС, а также специально созданными для решения подобных задач батальоном «Остланд» и «командой Арайс».
7. Как правило, каратели из полицейских батальонов привлекались для уничтожения мирных жителей в смешанном составе и производили расстрелы под руководством немецкой админи-

страции. Однако известны факты самостоятельных, инициативных действий эстонских и латышских карателей при истреблении еврейских кварталов и гетто, а также в операциях против партизан. Все карательные операции прибалтийских полицейских формирований отличались особой жестокостью. Причём подобные операции проводились как на территории собственно Прибалтики, так и на Украине, в Белоруссии, Польше, в Ленинградской областях, на Кавказе и даже в Италии и Югославии.

8. Немецкое командование активно использовало национальные кадры Прибалтики для решения специфических задач в тыловых районах. Солдаты охранных, строительных батальонов следили за сохранностью железнодорожных и автомобильных мостов, важных узлов дорог, предприятий, участвовали в акциях по изъятию у местных жителей продуктов и фуража; охраняли колонны с военнопленными при следовании к месту определения и сопровождали колонны мирных жителей, угоняемых в Германию на каторжные работы; охраняли концентрационные лагеря и работавших на различных объектах военнопленных.

Таковы лишь некоторые запечатлённые в документах факты истории, освещающие действия эстонских и латвийских дивизий «Ваффен-СС» на северо-западе СССР в 1941–1945 гг. Минуло много лет, а те, кто скрывал свое прошлое из страха перед возможным возмездием, теперь проходят с эсэсовской символикой парадом по центрам Риги и Таллина. По меньшей мере, удивляет такая «забывчивость» официальных учреждений Латвии и Эстонии. И это при том, что приговор Нюрнбергского трибунала, определивший СС как «преступную организацию», не имеет ни срока давности, ни обратной силы.

Хочется верить, что разум людей не допустит возрождения фашизма, а нацистские шествия в Прибалтике позорно канут в Лету.

¹ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 742. Л. 51.

² ГА РФ. Ф. 7021. Оп. 97. Д. 882. Л. 18–19.

³ РГВА. Ф. 451п. Оп. 5. Д. 149. Л. 144–145.

⁴ Там же. Л. 145.

⁵ ЦА ФСБ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 152. Л. 249–258.

⁶ Там же. Л. 258.

⁷ Там же.

⁸ ЦА ФСБ. Ф. 14. Оп. 5. Д. 1075. Л. 313.

⁹ Там же. Ф. 4. Оп. 5. Д. 535. Л. 108–113.

¹⁰ Там же. Л. 122.

¹¹ Емельянов Ю. Большая игра. С. 191.

¹² Палачи // ВИЖ. № 7. 1990. С. 34.

¹³ ГА РФ. Ф. 7021. Оп. 93. Д. 3695. Л. 88–89.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 450. Л. 74–90.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Палачи // ВИЖ. 1990. № 6. С. 32.

¹⁷ Источник // 1998, № 2. С. 74–75.

¹⁸ ЦА ФСБ. Ф. 16. Оп. 312. Д. 308. Л. 147–152.

¹⁹ Колганов А. Дело № 2783: Военные преступления не забыты // Независимое военное обозрение 2000. № 16. С. 7.

²⁰ Там же.

²¹ ЦА ФСБ. Ф. 16. Оп. 312. Д. 308. Л. 147–152.

²² РГВА. Ф. 451. Оп. 6. Д. 96. Л. 221–222.

²³ Там же. Л. 236.

²⁴ Там же.

²⁵ РГВА Ф. 451. Оп. 7. Д. 123. Л. 299.

Документы

№ 1

Из сборника инструктивных материалов министерства оккупированных восточных областей о границах, территории и административном делении бывших прибалтийских государств

Берлин 1941 г.¹

1. ГРАНИЦЫ И ТЕРРИТОРИЯ

Рейхскомиссариат Остланда состоит из окраинных государств, ставших впоследствии социалистическими советскими республиками, — Литвы, Латвии, Эстонии, а также расширенной Белорутении².

Резиденцией рейхскомиссара является Рига. Рейхскомиссариат занимает площадь примерно 512 000 кв. км, с населением примерно 19,2 миллиона.

Северную и западную границы образуют Финский залив, Балтийское море, граница Восточной Пруссии, до юго-восточной оконечности Сувалков, затем граница проходит вдоль Немана, до Мостов (Гродно включительно) и далее на юг, через Волоковиск (исключительно) и Пружаны (исключительно). Восточная граница рейхскомиссариата Остланда начинается у Финского залива, западнее Петербурга, идет на юг до северо-восточного притока озера Ильмень, далее — по восточному берегу озера Ильмень, до устья Ловати (Волхова), проходит по Ловати до Холма, затем вдоль дороги Наговье — Торопец — Етсина — Белый — Хорошенки, пересекает в южном направлении железную дорогу Смоленск — Москва, идет по Днепру к Дорогобужу, проходит отсюда на Ельню, от Ельни — в южном направлении по западному притоку Десны до Брянска и далее вдоль Десны до Трубчевска. Южная граница, общая с рейхскомиссариатом Украины, проходит от Трубчевска на запад и идет вдоль дороги на Сураж, по реке Ипуть и упирается восточнее Навогромык, примерно в 30 км севернее железной дороги Гомель — Брянск, в бывшую административную границу Белорусской ССР и РСФСР. Затем граница всюду проходит в восточно-западном направлении, приблизительно 20–30 км севернее железной дороги Гомель — Брест, к границе генеральной губернатуры.

¹ Датируется по содержанию документа.

² Так гитлеровцы именовали Белорусскую ССР.

2. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ДЕЛЕНИЕ

Рейхскомиссариат делится на следующие 4 генеральных округа³:

1. **Эстонский генеральный округ.** Резиденция: Таллин. Площадь: 112 550 кв. км. Численность населения: 2,8 миллиона.
Территория:
 - а) бывшая Эстонская ССР: 47 550 кв. км, 1,1 миллионов жителей.
 - б) Ленинградская область (зап. часть): 65 000 кв. км, 1,7 миллионов жителей.
 Округа:
 - а) город Таллин;
 - б) сельская окрестность Таллина;
 - в) Пярну;
 - г) Тарту;
 - д) Нарва;
 - е) (возможны расширения границ).
2. **Латвийский генеральный округ.** Резиденция: Рига. Площадь: 110 800 кв. км. Численность населения: 3,5 миллиона.
Территория:
 - а) бывшая Латвийская ССР: 65 800 кв. км, 2 миллиона жителей;
 - б) Калининградская область (западная часть): 45 000 кв. км, 1,5 миллионов жителей. Граница проходит по лежащему южнее Белорутенскому генеральному округу, от восточной границы рейхскомиссариата примерно 10 км южнее железной дороги Москва—Рига, вплоть до бывшей латвийской государственной границы.
 Округа:
 - а) город Рига;
 - б) сельская окрестность Риги;
 - в) Лиепая;
 - г) Елгава;
 - д) Валмиера;
 - е) Даугавпилс;
 - и) Великие Луки;
 - з) (возможны расширения границ).
3. **Литовский генеральный округ.** Резиденция: Каунас. Площадь: 63 500 кв. км. Численность населения: 3,04 миллиона жителей.
Территория:
 - а) бывшая Литовская ССР: 59 500 кв. км, 2,9 миллиона жителей;
 - б) Вилейская область (небольшая северо-западная часть) 4000 кв. км, 140 000 жителей. На юго-востоке эта часть Вилейской области ограничивается линией Шунск — Свирь — Поставы — Полово, до пункта приблизительно 20 км восточное города Педрум.
 Округа:
 - а) город Каунас;
 - б) сельская окрестность Каунаса;
 - в) Шяуляй;
 - г) город Вильнюс;
 - д) сельская окрестность Вильнюса.
4. **Белорутенский генеральный округ.** Резиденция: Минск. Площадь: 225 300 кв. км. Численность населения: 9,85 миллиона. Сюда не входит Белостокский округ, который управляется обер-президентом Восточной Пруссии.
Территория:
 - а) бывшая Белорусская ССР (кроме включенных в рейхс-комиссариат Украины южных частей Гомельской, Полесской, Пинской и Брестской областей и присоединенной к Литовскому генеральному округу северо-западной части Вилейской области): 10 000 кв. км, 0,5 миллиона жителей;

³ Во главе генеральных округов стояли генерал-комиссары, во главе округов — гебитскомиссары.

- б) Орловская область (северо-западная оконечность): 10 000 кв. км, 0,5 миллионов жителей;
- в) Смоленская область (западная часть, включая город Смоленск): 24 300 кв. км, 0,9 миллиона жителей.

Главные округа:

- а) Минск (3 городских, 27 сельских районов), 8 уездов;
- б) Барановичи (33 сельских района), 8 уездов;
- в) Могилев (36 сельских районов), 7 уездов;
- г) Витебск (20 сельских районов), 10 уездов;
- д) Смоленск (3 городских, 20 сельских районов), 6 уездов.

Печ. по кн.: Мы обвиняем. Рига, 1967. С. 31–34

№ 2

Из распоряжения командующего вермахтом в Остланде⁴ о системе немецкой военной администрации

Каунас 24 июня 1941 г.

Секретно

1. С 25 июля 1941 г., 12 час., я декретом фюрера и верховного командующего вермахтом назначен командующим вермахтом в Остланде и облечен верховной военной властью и полномочиями.

Моя ставка сейчас находится в Каунасе.

Мне временно подчиняется территория западнее Даугавы (Рига исключительно, Екабпилс включительно, Даугавпилс исключительно, Друя включительно) и севернее линии Друя — Молети — Румшишки — Виштитис...

2. Рейхскомиссаром Остланда фюрер назначил гаулейтера⁵ и оберпрезидента⁶ Хинриха Лозе⁷. Ему доверена гражданская администрация.

Для обеспечения полицейской безопасности на территории Остланда, по указанию рейхсфюрера СС, рейхскомиссару непосредственно и лично подчиняется высший руководитель СС и полиции для данной территории.

Резиденцией рейхскомиссара временно является Каунас.

Рейхскомиссару подчиняются главы земель и главы областей, в городах — главы городов, которым приданы руководители СС и полиции.

3. Для управления хозяйством на территории командующего вермахтом в Остланде рейхсмаршал⁸ назначил подчиняющуюся хозяйственному штабу «Ост» хозяйственную инспекцию «Норд»⁹, которой в свою очередь подчиняются хозяйственные управления в Каунасе и Риге, а также хозяйственные группы IV при полевых комендатурах.

Печ. по кн.: Мы обвиняем. С. 38–39

⁴ Командующий вермахтом в Остланде (Wermachtsbefehlshaber Ostland) — командующий немецкими вооруженными силами на территории Остланда. В 1941–1944 гг. главнокомандующим вермахта в Остланде был генерал от кавалерии В. Бремер, участвовавший в установлении режима террора в оккупированных прибалтийских советских республиках и Белорусской ССР.

⁵ Гаулейтер — руководитель областной организации нацистской партии.

⁶ Обер-президент — административный руководитель провинции (земли) в Германии, непосредственно подчиненный министру внутренних дел.

⁷ Хинрих Лозе — депутат гитлеровских фашистов в рейхстаге. Группенфюрер (генеральское звание) СА (Sturmabteilung — ударные группы нацистской партии), гаулейтер и эбер-президент земли Шлезвиг—Гольштейн. Декретом Гитлера от 17 июля 1941 г. назначен рейхскомиссаром Остланда. В 1944 году бежал на Запад, где позднее попал в плен к американцам. Был осужден на 10 лет тюремного заключения, однако через 3 года был освобожден и проживал в Федеративной Республике Германии, где боннские власти выплачивали этому военному преступнику пенсию, как «служащему в отставке». Умер в 1964 году.

⁸ Рейхсмаршал — имеется в виду Герман Геринг — один из нацистских главарей, с 1922 года руководитель СА, организатор гестапо и первых концентрационных лагерей, организатор провокационного поджога рейхстага 28 февраля 1933 г. Решением международного военного трибунала в Нюрнберге как один из главных военных преступников приговорен к смерти через повешение. 15 октября 1946 г., за день до приведения приговора в исполнение, отравился.

⁹ Хозяйственная инспекция «Норд» (Wirtschaftsinspektion Nord) — одна из пяти хозяйственных инспекций, созданы Герингом для экономического ограбления советской территории. Хозяйственная инспекция «Норд» впоследствии имела 5 хозяйственных команд (Wirtschaftskommando), которые были размещены в Риге, Каунасе, Таллине, Пскове и Минске.

№ 3

Из воззвания рейхскомиссара Остланда Х. Лозе к населению

Каунас 28 июля 1941 г.

Указом от 17 июля 1941 г. фюрер Великогерманской империи Адольф Гитлер назначил меня рейхскомиссаром Остланда. В эту территорию включена и бывшая Латвийская Республика.

Приказом того же дня фюрер назначил генеральным комиссаром¹⁰ бывшей Латвийской Республики господина государственного советника обер-бургомистра доктора Дрекслера¹¹. Генеральный комиссар доктор Дрекслер ответственен передо мною как представителем правительства за выполнение в Латвии всех приказов и распоряжений имперского правительства, а также моих собственных. Его собственные приказы и распоряжения в границах указанной территории также обязательны.

Рейхскомиссар Остланда Лозе

Печ. по кн.: *Мы обвиняем*. С. 40–41

№ 4

Распоряжение генерального комиссара Дрекслера относительно латвийских евреев

Рига 1 сентября 1941 г.

I

Евреи всегда должны носить на видном месте на левой стороне груди и посередине спины желтую шестиугольную звезду размером не менее 10 см.

II

Евреям запрещается: 1) менять место жительства без разрешения гебитс (городского) комиссара; 2) пользоваться тротуарами и публичными средствами транспорта (например, железной дорогой, трамваем, автобусами, пассажирскими пароходами, извозчиками); 3) пользоваться предусмотренными для отдыха жителей публичными насаждениями и заведениями (например, лечебными заведениями и плавательными бассейнами, парками, зеленой зоной, площадками для игр и спорта); 4) посещать кинотеатры, театры, библиотеки и музеи; 5) посещать любого вида школы; 6) быть владельцами автомобилей и радиоприемников; 7) резать скот по еврейскому ритуалу.

III

Еврейские врачи и дантисты могут лечить и консультировать пациентов только еврейской национальности. Евреям-аптекарям и ветеринарам практика запрещена.

IV

Кроме того, евреям запрещено: 1) быть адвокатами, нотариусами и судебными советниками; 2) заниматься банковскими, меновыми и ломбардными операциями; 3) быть представителями, агентами и посредниками; 4) торговать недвижимым имуществом; 5) заниматься любым ремеслом, связанным с передвижением.

V

Это распоряжение вступает в силу сегодня в 12 часов дня.

Печ. по кн.: *Мы обвиняем*. С. 71–72

¹⁰ Генеральный комиссар — руководитель организованной гитлеровцами администрации (генерального комиссариата) в пределах определенной территории, которая включала в себя несколько областей со своими администраторами (гебитс-комиссарами).

¹¹ Отто Генрих Дрекслер — до назначения гитлеровским генеральным комиссаром «генерального округа Латвия» был обер-бургомистром Любека в звании государственного советника (Staatsrat). Для осуществления политики массового террора и разграбления территории Остланда было назначено еще три генеральных комиссара; Рентелен — для генерального округа Литва, Лицман — для генерального округа Эстония и Кубе — для генерального округа Белорутения.

№ 5

Объявление командующего вермахтом в Курземе населению о мерах наказания в случае нападения на личный состав вермахта

Лиепая 11 октября 1941 г.

В последнее время вновь имели место случаи обстрела по ночам немецких постов.

Поэтому я приказал, что в каждом случае, если известное или неизвестное лицо будет стрелять в немецких солдат или немецкие сторожевые посты, определенная часть населения Лиепай будет схвачена и немедленно расстреляна на основании законов военного времени. Кроме того, впредь, в случае попытки или совершения любого вида саботажа, часть латышского населения, проживающая по соседству с местом саботажа, будет схвачена и также расстреляна.

Командующий вермахтом в Курземе, морской комендант Лиепай, морской капитан д-р Кавельмахср

Печ. по кн.: Мы обвиняем. С. 47

№ 6

Из приказа рейхскомиссара Остланда Х. Лозе о еврейском имуществе

Рига 13 октября 1941 г.

§ 1. Все движимое и недвижимое имущество еврейского населения в областях, управляемых рейхскомиссаром Остланда, подлежит аресту, после чего передается в управление комиссарам и конфискуется соответственно следующим предписаниям.

§ 2. Имуществом являются движимые и недвижимые предметы вместе со всеми принадлежностями, претензиями, правами участия, разного рода правами и интересами.

§ 3. 1) Арест налагается рейхскомиссаром Остланда или уполномоченными им властями. Арест может быть произведен на основании распоряжения отдельным лицом или на основании общего воззвания, а также может быть ограничен отдельными предметами.

2) Аресту не подлежат: а) часть домашней утвари, служащей скудным жизненным потребностям; б) наличные деньги, активы в банках и сберегательных кассах, как и ценные бумаги, общей ценностью до ста рейхсмарок...

§ 11. Распоряжение вступает в силу в день опубликования.

Рейхскомиссар Остланда Лозе

Печ. по кн.: Мы обвиняем. С. 72–73

№ 7

Распоряжение гебитскомиссара¹² города Риги относительно перемещения евреев

Рига 23 октября 1941 г.

1. В Риге существует гетто¹³. Его граница проходит по улицам Латгалес, Витебскас, Жиду, Лауву, Лиела Кална, Лаздонас, Католю, Екапилс и Лачплеша. Гетто огорожено проволокой.

¹² Гебитскомиссаром г. Риги и «комиссарским обер-бургомистром» города был нацист Х. Витрок.

¹³ Гетто — строго изолированные кварталы в городах средневековой Европы, отведенные для принудительного поселения еврейского населения. Гитлеровцы возродили гетто и превратили их в лагеря уничтожения еврейского населения.

Рижское гетто начали создавать в августе 1941 г. и оно существовало до осени 1943 г. Вначале в гетто было заключено более 30 000 человек. После массовых расстрелов в конце ноября и начале декабря 1941 г., когда из прежних обитателей гетто в живых осталось лишь несколько тысяч человек, здесь стали размещать евреев, привезенных из других стран. После приказа Гиммлера от 21 июля 1943 г. о ликвидации всех гетто (в связи с восстанием в Варшавском гетто) нетрудоспособные и дети были расстреляны, а остальные помещены в концентрационные лагеря.

2. Неевреям строжайше запрещено входить на территорию гетто. Посещать гетто позволяется только с разрешения гебитскомиссара города Риги.

3. Любая связь с евреями вне границ гетто запрещена. Виновные в преднамеренном или по небрежности несоблюдении данного пункта будут приговорены к тюремному заключению, а в более тяжких случаях и к заключению в исправительном доме.

4. Поста́м охраны дан приказ стрелять без всякого предупреждения при любой попытке установить связь с евреями поверх или сквозь ограду гетто.

5. Требования на еврейскую рабочую силу подаются в управление труда в соответствии с изданными им распоряжениями.

6. Каждый, использующий у себя на работе направленных биржей труда евреев, должен доставить их из гетто до места работы в сомкнутой колонне и таким же образом обратно.

7. Работодатель обязан следить, чтобы правила о сношениях с евреями соблюдались и по отношению к тем, кого он использует на работе.

Лица, виновные в нарушении этого распоряжения будут оштрафованы на сумму до 1000 рейхсмарок, если не предусмотрено более тяжелое наказание.

Гебитскомиссар города Риги

Печ. по кн.: Мы обвиняем. С. 73, 74

№ 8

Распоряжение командира охранной полиции в Латвии командиру жандармерии

Рига 13 ноября 1941 г.

В соответствии с распоряжением командира охранной полиции Латвии подлежат аресту все российские подданные¹⁴, приехавшие в Латвию после 17 июня 1940 г. Они должны быть доставлены в соответствующие учреждения немецкой полиции безопасности для интернирования.

О произведенных арестах докладывать мне в очередных сообщениях о положении.

Флик

Печ. по кн.: Мы обвиняем. С. 69–70

№ 9

Из обзора действий 2-й оперативной команды оперативной группы «А», СД и полиции безопасности

*В начале 1942 года*¹⁵

К моменту вступления немецких войск в Латвию насчитывалось около 70 000 евреев. Во время большевиков в Латвии евреев жило значительно больше, однако значительная часть их бежала с большевиками.

Цель, стоявшая в самом начале перед 2-ой оперативной командой, заключалась в радикальном решении еврейской проблемы путем поголовной экзекуции¹⁶ всех евреев. Для этой цели во всем районе действия с помощью зондеркоманд¹⁷ и отборных сил латышской вспомогательной полиции..., проведены обширные акции по очистке. Примерно к началу октября в районе действия команды подвергли экзекуции 30 000 евреев. К этому следует прибавить еще несколько тысяч евреев, уничтоженных по инициативе самих отрядов зельбштутца¹⁸, после того как им был сделан соответствующий намек...

До конца октября сельские районы Латвии были полностью очищены.

¹⁴ Имеются в виду граждане СССР, кроме советских республик Прибалтики.

¹⁵ Датируется по содержанию.

¹⁶ То есть уничтожение.

¹⁷ Зондеркоманда (Sonderkommando) — специальные карательные отряды полиции, СС и СД, которые формировались для проведения массовых расстрелов мирных граждан и советских военнопленных.

¹⁸ Зельбштутц (самоохрана) — так гитлеровские оккупанты называли вооруженные банды латышских буржуазных националистов, которые после прихода гитлеровцев явились организаторами массовых убийств, зверски расстреливали тысячи граждан.

Чтобы полностью исключить из общественной жизни еще необходимых для работы евреев, они собраны в гетто, устроенные в Риге, Даугавпилсе и Лиепеае.

Одновременно было отдано распоряжение ввести для евреев опознавательный знак — еврейскую звезду. Полиция безопасности в отношении гетто ограничила себя чисто полицейскими функциями, в то время как изоляция района гетто и управление им, как и оплата труда, и снабжение заключенных, возложены на гебитскомиссаров, а использование евреев на работе — на управление труда.

В начале ноября 1941 года в рижском гетто насчитывалось еще около 30 000, в Лиепеае — около 4300 и в Даугавпилсе — около 7000 евреев. После этого подвергнуты экзекуции 400–500 евреев... Кроме того, по ходу больших акций гетто было очищено от ограниченно трудоспособных, а также не нужных для работы евреев. Так, 9 ноября 1941 г. были подвергнуты экзекуции в Даугавпилсе 11034 еврея, в начале декабря 1941 года в Риге, во время большой акции, проведенной по распоряжению и под руководством высшего руководителя СС и полиции, — 27 800, и в середине декабря 1941 г. в Лиепеае, по желанию рейхс-комиссара, — 2350. Остальные евреи (в Риге — 2500, в Даугавпилсе — 950 и в Лиепеае — 300) были из этой акции исключены, поскольку они представляли собой квалифицированную рабочую силу, незаменимую для поддержания хозяйства, особенно военного хозяйства.

С декабря 1941 года, через короткие промежутки времени, из рейха поступают транспорты евреев. Всего до сих пор из рейха и протектората¹⁹ перевезены в Ригу 19 000 евреев. Они размещены частично в гетто, частично во временном приемном лагере, частично во вновь устроенном барачном лагере под Ригой²⁰. Среди евреев, прибывших из рейха, только немногие трудоспособны. Среди них приблизительно 70–80 % женщин и детей, а также престарелых нетрудоспособных мужчин. Смертность среди эвакуированных евреев, которые уже не обладают достаточной сопротивляемостью, чтобы перенести необычайно суровую зиму, особенно велика.

Чтобы заблаговременно предотвратить всякую угрозу эпидемии в гетто и в обоих лагерях, заразно больные евреи (дизентерия и дифтерия) в отдельных случаях отобраны и подвергнуты экзекуции. Для скрывания этого мероприятия от местных евреев и евреев в рейхе больных вывезли под видом отправки в еврейский приют для престарелых и больных. Таким же образом были выделены несколько душевнобольных евреев.

Печ. по кн.: Мы обвиняем. С. 77–79

№ 10

Донесение начальника 2-го участка резекненской уездной полиции вице-прокурору 2-го участка даугавпилсского окружного суда

Резекне 9 января 1942 г.

В дополнение к моему донесению № 613–11 от 19 декабря 1941 г. сообщаю, что продолжались операции против коммунистов-бандитов, которые 18 декабря прошлого года в селе Аудрины Макашенской волости убили старшего полицейского той же волости Альфонса Лудборжа. В окружении Маявского леса и наступлении 21 декабря прошлого года участвовали полицейские 1-го и 2-го участков Резекненского уезда вместе с членами группы Б и Ц, а также полицейскими 2-го участка и групп Б и Ц Лудзенской уездной полиции. Во время наступления, приблизительно в 12 часов, погиб член группы Ц Макашенской волости Антон Мугин, родившийся в 1907 году в Макашенской волости, католик, женат. Семья: жена и двое детей в возрасте 4 и 5 лет, имеет 5 га земли, проживал в селе Малые Чакчи Макашенской волости. При повторном наступлении в тот же день, в 13.30, погибли члены группы Б вверенного мне участка Виктор Глейзд, родившийся 18 июля 1906 г. в Макашенской волости, католик, недвижимостью не владел, в полиции служил с 21 сентября 1941 г., проживал в селе Глейзды Макашенской волости, и Андриус Пурмал, родившийся 2 июля 1913 г. в Макашенской волости, католик, холост, недвижимостью не владел, в полиции служил с 21 сентября 1941 г., проживал в селе Силиниеки Макашенской волости.

Во время наступления бандиты оборонялись на труднодоступном холме, поросшем мелкой, непросматриваемой порослью, причем применяли автоматическое и полуавтоматическое оружие. Полицейские же располагали сильно изношенными винтовками русского образца с ограниченным запасом патронов. Лес размером около 50 га охранялся затем до полудня 22 декабря, когда прибыло подкрепление. При прочесывании леса бандиты обнаружены не были. Возможно, что они, воспользовавшись темнотой и метелью, ушли.

¹⁹ Протекторат — так гитлеровцы именовали часть оккупированной Чехословакии (без Словакии и Судетской области).

²⁰ Имеется в виду Саласпилсский концентрационный лагерь и особый лагерь в Юмправмуйже, существовавший в 1941–1942 гг.

22 декабря прошлого года на основании распоряжения гебитскомиссара в Даугавпилсе все жители села Аудрины были арестованы, само село 2 января с. г. сожжено, а жители расстреляны²¹, причем 30 из них смертная казнь приведена в исполнение публично в Резекне, на базарной площади²².

Начальник участка Б. Майковский²³

Уголовный надзиратель К. Ритиных

Печ. по кн.: *Мы обвиняем*. С. 140–141

№ 11

Из отчета руководителя СС и полиции Латвии

Рига 9 января 1942 г.

Общее положение.

Политическая обстановка за отчетный период ухудшилась. Предпринятый на восточном фронте отвод выдвинутых вперед сил на заранее подготовленные зимние позиции и постоянные атаки советских войск расцениваются коммунистической и польской частью населения как слабость и используются для пропаганды. Эта пропагандистская деятельность главным образом была отмечена в Латгалии. Политическая обстановка за отчетный период, после того как она в ноябре и еще в первой половине декабря стабилизировалась, стала там довольно беспокойной. Уже в то время распространялись слухи, что большевики на Рождество проявят усиленную активность. Часть населения, сочувствующая большевикам, надеется на то, что большевистские войска вскоре опять войдут в Латвию. Под влиянием этих надежд в Даугавпилсском округе происходили неоднократные выступления коммунистических элементов.

18 декабря 1941 г. в селе Аудрины Макашенской волости Резекненского уезда были обнаружены 5 красноармейцев. При попытке захватить бандитов обершущман Альфонс Лудборж застрелил одного из красноармейцев, но и сам был убит...

Ход событий.

Обершущман Лудборж шел со своими помощниками через село. Их внимание привлек один дом. Они подошли к нему и, поскольку дверь была заперта, взломали ее. В доме оказалось пять красноармейцев, на которых обершущман сразу набросился, вырвал у одного из них винтовку и тут же застрелил его. Поскольку в винтовке обершущмана было только два патрона, он вскоре оказался безоружным и был красноармейцами убит. Помощник обершущмана хотел выстрелить, но в решающий момент у него отказала винтовка. Он был вынужден отступить. Красноармейцы некоторое время преследовали его, стреляя ему вслед, но не попали. С убитого обершущмана они сняли шубу и пытались стянуть сапоги, после чего бежали в направлении Наутрен.

Когда об этом стало известно, резекненская полиция выслала на место происшествия 35 шущманов. 19 декабря в дело было введено еще 80 человек. Поиски оказались безуспешными.

21 декабря 1941 г. в 12:30 шущманский патруль из трех человек в лесу под Зачами Макашенской волости натолкнулся, очевидно, на тех же красноармейцев. Патруль вышел у впадины к расположенному выше лесу и был обстрелян из автоматов залегшими в кустах красноармейцами. Все три шущмана были убиты.

Во время этого преследования 21 декабря 1941 г. был застрелен еще один шущман.

Убиты шущманы: Антон Мугин, 34 лет, 2 детей; Викторс Глейзд, не женат, 25 лет, и Андриис Пурмал, 28 лет.

Установлено, что в доме, в котором произошла стычка 18 декабря, в подполье красноармейцами было оборудовано укрытие, из которого вел подземный ход, кончавшийся в яме. Укрытие было подготовлено ранее и, очевидно, служило красноармейцам убежищем. Хозяйка дома была сразу же арестована, сын ее бежал вместе с красноармейцами.

Далее было установлено, что жители села поочередно прятали красноармейцев. Все 235 жителей, среди них женщины и дети, были арестованы и, кроме 30 мужчин, 3 января 1942 г. расстреляны. Село было подожжено и сгорело дотла. 30 мужчин для устрашения населения были расстреляны на рыночной площади в полдень 4 января 1942 г.

Печ. по кн.: *Мы обвиняем*. С. 142–143

²¹ Жители села Аудрины были расстреляны около Анчупанской горы, приблизительно в 5 км от Резекне.

²² В числе этих 30 публично расстрелянных человек был и подросток 12 лет.

²³ Болеслав Майковский — начальник 2-го участка Резекненской уездной полиции, капитан полиции. В первые месяцы гитлеровской оккупации участвовал в убийстве советских активистов и евреев в Резекне и окрестностях. Один из организаторов убийства жителей села Аудрины. Позже Майковский руководил еще несколькими массовыми арестами и убийствами жителей Резекненского уезда. 17 декабря 1943 г. за эту кровавую деятельность заслужил гитлеровский крест II степени «За заслуги». 30 октября 1965 г. в Риге на судебном процессе над фашистскими военными преступниками Б. Майковский заочно был приговорен к смертной казни.

№ 12

Объявление старшины города Апе населению

Апе 26 января 1942 г.

10 января²⁴ с. г. было обнаружено, что жители села Аудрини Резекненского уезда и села Мордуки Рунденской волости скрывали и всячески поддерживали коммунистов и беглых русских военнопленных, снабжая их оружием и продовольствием. Пособники коммунистов из села Аудрини — 30 человек — за это были расстреляны и село сожжено, а в селе Мордуки Рунденской волости было расстреляно 47 человек, поддерживавших и скрывавших коммунистов, а село уничтожено, т. е. сожжено. Поэтому каждый предупреждается, что за укрытие или поддержку в какой-либо форме коммунистов или бежавших русских военнопленных грозит смертная казнь и сожжение дома. Предупреждение: в случае нападения на лицо, состоящее на службе у государства или самоуправления — немца или латыша, порчи телефонных проводов, порчи или уничтожения важных для экономической жизни предприятий или поджога запасов, фуража — от каждого города или волости, где произойдут перечисленные преступления, будет взято в качестве заложников и расстреляно 20 человек.

За старшину города Апе Х. Петерсон

Печ. по кн.: Мы обвиняем. С. 144–145

№ 13

Из распоряжения шефа печати оккупированных восточных областей

Берлин 5 марта 1942 г.

Только для служебного пользования

[...] Для того чтобы избежать неверное толкование и внедрить правильное употребление для определенных понятий Востока, особенно в публицистических сочинениях, устанавливается следующая терминология:

7. *Остланд*. Вопреки старой привычке и учитывая историческое прошлое (колонизация Востока, переселенцы и т. д.) называть заселённые немцами восточные области «Остландом», это понятие впредь следует употреблять исключительно для обозначения территории теперешнего рейхскомиссариата Остланда, подчиненного министерству оккупированных восточных областей, включающих преобразованные в генеральные округа территории бывших прибалтийских государств Эстонии, Латвии, Литвы и бывшей советской территории Белорутении, причем следует учесть, что с одной стороны эти территории расширены на восток, как например, восточнее озера Пейпус, с другой стороны — урезаны, как например, Белостокская область в Белорутении.

8. *Прибалтийские государства*. Выражение «прибалтийские государства», а также «бывшие прибалтийские государства» или «бывшие лимитрофы» следует избегать. Исключение допускается для сочинений по государственному праву или сочинений строго исторических. Вместо этих выражений следует пользоваться обозначениями «прибалтийские земли», «области прибалтийских народов» и т. п.

Печ. по кн.: Мы обвиняем. С. 34–35

№ 14

Особый приказ верховного командования сухопутных армий (П № 8000/42 от 8.1942 г.) «Положение о местных вспомогательных силах на востоке» (по документу, захваченному у немцев в районе Касторное 31.1.1943 г.)

1. Подбор

Подбором добровольцев из местных жителей и русских солдат (военнопленных) ведает батальон.

Принимает присягу на верность фюреру — штаб батальона.

²⁴ Так в документе. Аудринская трагедия разыгралась с 18 декабря 1941 г. по 4 января 1942 г., а в селе Мордуки — в первых числах января.

2. Использование

Подбор добровольцев преследует цель заменить немецких солдат добровольцами.

Из добровольцев создаются строительный батальон, вспомогательные части по борьбе с партизанами и т. п. Немецких солдат использовать в действующих частях.

Запрещается постоянное использование добровольцев деньщиками, древоколами и т. п. (всякое использование на нештатных должностях).

3. Личный учет

Ведется список добровольцев, принявших присягу и регистрация учётных карточек в батальоне.

На каждого добровольца до получения им учётной книжки составляется учетная карточка в 2-х экз. (один экз. у добровольца, второй — в его личном деле). На учетной карточке ставится номер полевой почты батальона. Номер учётной карточки служит номером (личным) добровольца.

На каждого добровольца составляется анкета, которая по миновании надобности ликвидируется.

В анкете записываются личные наклонности, ранее занимаемая должность и спецобразование (слесарь, шофёр, повар и т. п.).

4. Руководящие указания по обращению с добровольцами

Добровольцы идут к нам, чтобы создать себе лучшие условия в настоящем и будущем, а поэтому необходимо создать для них лучшие жизненные условия. Воспитывать их в духе борцов с большевизмом. Прививать им «воинскую гордость» (путём выдачи обмундирования и знаков различия). Немецкий солдат должен быть образцом для добровольцев. Младший комсостав специально подбирать для обслуживания добровольцев. Препятствовать панибратству. Немецкий солдат должен оставить за собой превосходство, но в то же время проявлять заботу о добровольцах.

Добровольцев, говорящих по-немецки, назначать доверенными лицами.

5. Осуществление власти, дисциплина, взыскания

Дисциплинарные взыскания на добровольцев накладывать, как и на немецких солдат. (Денежные взыскания не налагать). Полученные наказания добровольцев заносить в его анкетный лист.

Самым большим наказанием должно быть направление в лагерь военнопленных. (Бывших гражданских лиц направлять в гражданский лагерь). Знаки отличия изымать.

6. Одежда и знаки различия

Добровольцы носят свою русскую военную форму или гражданское платье с повязкой на левой руке с подписью «На службе немецкой армии».

В отдельных случаях выдаётся старая форма немецкой армии.

Единообразие формы соблюдать необязательно.

7. Денежное содержание

Денежный вопрос урегулирован в «Положении о местных вспомогательных силах на востоке».

Добровольцы получают содержание по 3-м разрядам:

1 разряд — 30 марок (375 руб.)

2 -»- — 36 -»- (450 руб.)

3 -»- — 42 -»- (525 руб.)

Первый разряд могут получать все добровольцы. Второй разряд до 20 % всего состава добровольцев. Третий разряд 10 % добровольцев.

Каждый перевод во 2-й и 3-й разряд должен быть подтвержден письменным распоряжением командира батальона.

8. Продовольствие

Добровольцы получают продовольствие бесплатно в таком же количестве, как и солдаты данного подразделения.

9. Расквартирование

Квартиры бесплатно. Добровольцы размещаются отдельно от немецких солдат, обеспечить охрану особенно на случай налёта русских солдат и партизан.

10. Медицинская помощь

Медпомощь добровольцам оказывается бесплатно.

11. Обучение и вооружение

Вооружение добровольцам выдается не всегда. Запрещается выставлять добровольцев на охрану складов с боеприпасами и оружием.

12. Отпуск

Отпуск санкционируется только батальоном в деревню, занятую немцами (к родным) после проверки.

13. Надзор в целях предотвращения шпионажа

Надзором за добровольцами, в целях предотвращения шпионажа, ведают, в первую очередь, главные фельдфебели (главные вахмистры) подразделений. К добровольцам необходимо по возможности засылать тайных агентов.

Постоянный надзор за добровольцами необходим ввиду засылки русских агентов в ряды добровольцев. Батальонный офицер по контрразведке должен наблюдать за связями добровольцев среди местного населения.

Установить обязательную 2-месячную проверку добровольно оставшихся и перебежчиков.

14. Бегство добровольцев

Чтобы затруднить бегство добровольцев, главные фельдфебели (гл. вахмистры) делают перекличку утром и вечером всех добровольцев, а также проверяют в ночное время.

15. Награды

О награждении добровольцев указано в «Общеармейских известиях» пункт № 667.

16. Хранение военной тайны

Главные фельдфебели (гл. вахмистры) обязаны ежемесячно инструктировать добровольцев отдельно от немецких солдат по вопросу хранения военной тайны.

РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 833. Л. 11–13

№ 15

Распоряжение командования группы «Берта»²⁵ латышским шуцманским батальоном²⁶

18 февраля 1943 г.

Проведение необходимых экзекуций должно быть по возможности предоставлено СД, с тем чтобы после расстрелов не оставалось никаких следов. В случаях, когда из-за отсутствия в непосредственной близости СД расстрелы необходимо производить при помощи войск, экзекуции должны происходить в домах. Трупы следует покрывать соломой или сеном и там же сжигать.

Группа «Берта»

Печ. по кн.: Мы обвиняем. С. 55–56

№ 16

Из объявления населению Латвии

Рига 27 февраля 1943 г.

Фюрер Великой Германии дал согласие на создание добровольческого латышского легиона СС²⁷. Во вновь созданный латышский легион как ядро уже волилась часть добровольческих соединений²⁸.

²⁵ Группа «Берта» — условное обозначение одного из карательных отрядов.

²⁶ Латышские шуцманские батальоны — карательные отряды, созданные гитлеровцами из латышских буржуазных националистов и уголовных элементов. Шуцманские батальоны использовались для массовых расстрелов мирного населения и для борьбы с советскими партизанами. В мае 1943 г. шуцманские батальоны приказом Гиммлера были переименованы в «полицейские батальоны»

²⁷ «Латышским добровольческим легионом СС» гитлеровцы называли войсковую часть германской армии, в которую насильно мобилизовали латышскую молодежь.

²⁸ Имеются в виду так называемые «полицейские батальоны» латышских буржуазных националистов.

Легион организован как единая боевая группа, входящая в состав вооруженных частей СС, и его подразделения будут командовать латышские офицеры.

В легион могут вступать все мужчины латышской национальности в возрасте от 17 до 45 лет. Служебные обязательства остаются в силе до конца войны. Снабжение, вознаграждение и обмундирование такое же, как в немецких вооруженных частях СС. Снабжение и обеспечение родственников соответствует снабжению вермахта согласно закону о снабжении и обеспечении СС.

Регистрация в латышский добровольческий легион СС производится устно или письменно в следующих местах:

- 1) регистрационный пункт СС в Остланде, Рига, улица Плескавас, 16, 1 этаж, телефон 33279;
- 2) во всех учреждениях немецкой полиции и жандармерии;
- 3) во всех учреждениях латышской полиции.

Печ. по кн.: Мы обвиняем. С. 268

№ 17

Из донесения командующего полицией безопасности²⁹ и СД³⁰ в Остланде³¹ политическому отделу рейхскомиссариата Остланда

Рига 18 марта 1943 г.

Уже неоднократно отмечалось, что не применяются, особенно в печати, единые определения для прибалтийских генеральных округов и их населения, что может иметь неблагоприятные политические последствия. Так, например, в издании³² от 12 марта 1943 г. под заголовком «Лондон предаст маленькие народы» в последнем абзаце говорится о «балтийских государствах», что, несомненно, весьма желательно для политических претензий местных шовинистических кругов...

Я считал бы желательным на это обстоятельство особо указать печати, а также заботиться о том, чтобы впредь употреблялось единое обозначение.

Подписал: штурмбанфюрер³³ СС

(подпись неразборчива)

Печ. по кн.: Мы обвиняем. С. 35–36

№ 18

Из распоряжения начальника латвийских частей СС и полиции³⁴

Рига 19 марта 1943 г.

Распоряжение всем мужчинам города Риги, Рижского и Мадонского уездов 1919, 1920, 1921, 1922, 1923 и 1924 годов рождения.

В последние недели всем мужчинам указанных годов рождения, зарегистрировавшимся в полиции или в управлении труда, послан вызов явиться на комиссию. Каждый родившийся в эти годы мужчина, который до сего времени не получил или в ближайшие дни не получит такого вызова, настоящим извещением приглашается явиться в нижеупомянутые дни и указанные часы в соответствующие помещения, имея при себе личные документы, чисто одетым, с запасом еды на один день.

Тому, кто не повинуется этому последнему призыву, грозит наказание по существующим военным законам.

Начальник латвийских частей СС и полиции

Печ. по кн.: Мы обвиняем. С. 269

²⁹ Полиция безопасности (Sicherheitspolizei) — один из основных карательных органов фашистов.

³⁰ СД — сокр. от Sicherheitsdienst — служба безопасности при рейхсфюрере СС.

³¹ Командующим полицией безопасности и СД в Остланде был бригадефюрер СС Вальтер Шталекер. В марте 1942 г. Шталекер был казнен советскими партизанами. На место Шталекера был назначен бригадефюрер СС Гейнц Иост.

³² Имеется в виду «Deutsche Zeitung im Ostland» (немецкая газета в Остланде) — издавалась в Риге в период оккупации.

³³ Штурмбанфюрер СС — майор СС.

³⁴ За период гитлеровской оккупации всего призывалось 30 возрастов (1898–1928 гг.).

№ 19

Донесение заместителя начальника эстонского штаба партизанского движения начальнику центрального штаба партизанского движения о мобилизации мужского населения оккупированной Эстонской ССР

№ 00752

6 ноября 1943 г.

Генерал-лейтенанту ПОНОМАРЕНКО

Согласно сообщению командира эстонского партизанского отряда тов. Ю., действующего на временно оккупированной территории Эстонской ССР, в уезде Пярнумаа:

1. По распоряжению директора внутренних дел самоуправления Эстонии Ангелуса, от 20-го октября с.г., все мужское население оккупированной Эстонии, способное носить оружие, проходит медицинский осмотр у местных врачей «Омакайтсе» и зачисляется в ряды «Омакайтсе». (До сих пор эта военная фашистская организация состояла из добровольцев обоего пола и выполняла разные задания по борьбе с партизанами, по охране жел. дорог, фабрик и заводов и т.д.) Освобождаются только те, которые по состоянию здоровья признаются негодными для службы в «Омакайтсе».

2. В связи с эвакуацией немцами оборудования, заводов и т.д. из Эстонии среди части населения усиливаются антифашистские настроения. Часть «зеленых легионеров» (эстонцы, скрывающиеся от немецкой тотальной мобилизации в лесах) и трудового крестьянства уже высказываются за активное вооруженное выступление против оккупантов при приближении Красной Армии к эстонским границам.

3. Генеральным инспектором всех эстонских подразделений (карательные отряды и легион), представителем Гиммлера назначен Соодла, который одновременно получил звание группенфюрера СС.

4. В ближайшие дни все эстонские части, находящиеся вне пределов Эстонии, должны возвратиться на родину.

5. С 3 по 10 ноября с.г. по всей Эстонии проводится мобилизация в легион мужчин 1925 г. рождения.

Ответственным за проведение мобилизации назначен генерал-инспектор, группенфюрер СС — Соодла.

Зам. нач. Эстонского штаба

партизанского движения

подполковник г/б:

(Штамм)

РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1041. Л. 19. Подлинник

№ 20

Специальная сводка эстонского штаба партизанского движения о профашистских эстонских военных и националистических формированиях на территории Эстонской ССР

№ 00643 3 декабря 1943 г.

С конца 1941 года германские оккупационные власти и т.н. «Самоуправление» начали проводить добровольную и принудительную мобилизацию людских резервов, как в целях их непосредственного использования на советско-германском фронте, так и в германском тылу для действий против партизан, охраны военных объектов, коммуникаций и т.д. Для этого создавались эстонские военные формирования, которые разделяются: на полицейские батальоны, эстонские легионы и «Омакайтсе».

1. Полицейские формирования

В конце 1941 года немцы приступили к организации полицейских формирований, а в январе 1942 г. была объявлена первая добровольная мобилизация молодежи от 18–25 лет. Мобилизуемые должны были

соответствовать всем требованиям приема, предъявляемым при вербовке в немецкие части СС. Из мобилизованных были сформированы батальоны Нарвский, Тартуский, Вильяндский и другие. В ходе военных действий формировались также из более старших возрастов новые батальоны, из которых известен сформированный в гор. Тарту весной 1942 года 36-й полицейский батальон.

Кроме 36-го батальона, сформированы по имеющимся данным 2-й, 37-й, 39-ый и 40-ой батальоны.

Командирами батальонов и рот являлись немецкие офицеры, а также проверенные немецким командованием бывшие эстонские офицеры, многие из которых (1939–1941 г.) оптимировались в Германию.

Командиром Нарвского батальона был майор Соодла, который сейчас назначен генеральным инспектором эстонских воинских частей.

Командиром Вильяндского батальона — немецкий офицер обер-лейтенант Вульф, 36-го батальона — эстонские офицеры Рентер и Рипалу и т. д.

В случаях, когда командиром батальона назначался эстонский офицер, офицером связи при нем находился всегда немецкий офицер.

По социальному составу батальоны комплектовались в основном из бывших активных бандитов, из членов профашистских студенческих организаций, сверхсрочников буржуазной эстонской армии, полицейских, пограничников и других.

Нарвский батальон весной 1943 г. участвовал в военных действиях на Восточном фронте, где был разбит. Вильяндский батальон, в составе 180-ти человек, получил военную подготовку с января до февраля 1942 г. в гор.Риге, откуда последовал в район ст.Дно, где находился до конца марта 1942 года, выполняя охранную службу на дорогах и аэродроме, после чего был направлен в Лужский район против партизан.

Тартуский батальон был направлен в южные районы Ленинградской области. 36-ой полицейский батальон, в составе более 500 человек, был сформирован 14 апреля 1942 г. в гор. Тарту. После подготовки, 1-го августа был направлен в Белоруссию, в район Новогруджи для действий против партизан. Не имея успеха в действиях против партизан, якобы, из-за недостаточной подготовки, батальон был в сентябре 1942 г. направлен в Донбасс, в район гор.Сталино для охраны лагеря военнопленных, а оттуда в ноябре 1942г. отправлен на фронт в излучину реки Дон, где был полностью разгромлен.

38-й и 40-й эстонские батальоны в октябре месяце 1943 года находились в Ленинградской области, в составе 285-й немецкой охранной дивизии.

Части 37-го батальона в октябре 1943 г. находились в районе Савино (в гор.Псков).

2. Эстонский легион

В конце августа 1942 года генеральный комиссар Эстонии — Лицман издал приказ о создании эстонского легиона. Поступающие в легион должны отвечать всем требованиям приема в отряд СС, будучи в возрасте не старше 35-ти лет.

Военная подготовка легионеров происходит главным образом в Германии. 5-го октября 1942 г. в Германию был отправлен первый отряд эстонского легиона. Обучение проходило в районе Карпатских гор. В марте 1943 г. отряд принял присягу Гитлеру. На присяге присутствовали генеральный комиссар Эстонии Лицман, начальник «Самоуправления» Эстонии Мяэ и другие фашистские чиновники.

В конце марта 1943 года эстонский легион, представляющий собою моторизованное соединение и входящий в состав войск СС, был направлен на северный участок Восточного фронта.

По последним данным, эстонский легион в ноябре месяце с.г. находился в районе гор. Невель, где участвовал в боях против Красной Армии.

В мае месяце 1943 г. вышел первый номер еженедельной газеты эстонского легиона «Ринделехт» («Фронт-овой листок») со статьей генерала Лицмана.

По официальным данным эстонских кругов «Самоуправления», численность эстонского легиона доходит до 15 000 человек; но можно полагать, что в это число, кроме легиона, входят еще полицейские и карательные формирования. Из этого числа около 11 000 человек участвуют в военных действиях на Восточном фронте.

Оккупационными властями и органами «Самоуправления» периодически производилась дополнительная вербовка «добровольцев» в ряды эстонского легиона. В связи с каждой вербовкой, проводилась усиленная агитация к вступлению в эстонский легион. Семьям легионеров представлялись известные материальные льготы и привилегии.

После поражений немецкой армии зимой 1942–1943 года на Восточном фронте, вербовка стала принимать все более принудительный характер.

Так, например, Таллинское радио от 9 марта 1943 г. сообщает: «В комиссии по распределению рабочей силы можно изъявить желание о вступлении в ряды эстонского легиона, или о желании участвовать во вспомогательных работах при войсковых частях. Не желающие выполнять свой долг — будут привлекаться к ответственности и к тюремному заключению или посылке в трудовые лагеря».

В конце марта 1943 г. была объявлена мобилизация всех бывших эстонских офицеров. Так как к осени 1943 года профашистские резервы, пригодные для пополнения эстонского легиона, уже были исчерпаны, то оккупационные власти перешли к методу всеобщей мобилизации.

С 3-го по 10-е ноября 1943 года была объявлена мобилизация мужчин 1925 года рождения. Мобилизация не дала желаемых результатов — многие призывники уклоняются от мобилизации.

В итоге этой мобилизации удалось призвать не более 2500–3000 человек, которые будут проходить военную подготовку также в Германии. Последнее обстоятельство вызвало большую тревогу в народных массах и заставило выступить генерального инспектора Соодла с «успокоительной» речью по радио.

3. «Омакайтсе»

Немцы начали сколачивание добровольной военизированной организации «Омакайтсе» («Самозащиты») с первых дней оккупации Эстонии, по примеру бывшей эстонской буржуазной военизированной организации «Кайтселит», подобно «Шюцкору» в Финляндии и СА в Германии.

«Омакайтсе» имеет целью активно бороться со всеми антигитлеровскими проявлениями, главным образом, с советски настроенными лицами, коммунистами, партизанами и пр.

В последнее время руководители «Омакайтсе» стали вести пропаганду об участии «Омакайтсе» против частей Красной Армии, в случае приближения военных действий к границам Эстонии.

При организации «Омакайтсе» — туда вошли в первую очередь бандитские элементы, которые в начале военных действий нападали из-за угла на мелкие группы Красной Армии, убивали местных активистов, нарушали связь, подрывали мосты и т. д.

Отчасти эти группы ушли в подполье ещё во время роспуска Кайтселита, в июле 1940 г., и многие из них сохранили свою организационную форму.

Основное ядро «Омакайтсе» составляют зажиточные и кулацкие слои крестьянства, городской буржуазии, бывшего офицерства и госчиновников, отличавшихся все время контрреволюционным, антисоветским характером своей общественно-политической деятельности.

Кроме этих элементов, в ряды «Омакайтсе» вербуются некоторая часть рабочих и трудового крестьянства воздействием служебно-репрессивных мер со стороны администрации и местных органов власти.

Так, например, рабочим предприятий, железных дорог и т. д. делаются со стороны администрации репрессивные предложения о вступлении в «Омакайтсе».

В отношении политически отсталой части рабочих и крестьян ведется яростная националистическая пропаганда для вступления в «Омакайтсе» для борьбы с большевизмом, который, якобы, имеет целью выселить из Эстонии в Сибирь 700 тысяч эстонцев и т. д.

Кроме городов и промышленных предприятий, «Омакайтсе» сохранила структуру «Кайтселита», т. е. члены «Омакайтсе» на хуторах и в деревнях по территориальным признакам образуют взводы, роты, отряды и батальоны (в волостном масштабе — рота, в уездном и городском масштабе — отряд или батальон).

Во главе городской или уездной организации находится уездный начальник «Омакайтсе», который подчиняется с одной стороны — немецкому окружному комиссару, а с другой стороны — начальнику «Омакайтсе». Последний, в свою очередь, подчинен непосредственно немецкому генерал-комиссару Эстонии — Лицману.

По последним данным, начальником «Омакайтсе» Эстонии являлся майор Мере (бывший Мейер), начальником «Омакайтсе» уезда Сааремаа — капитан Кальдро, уезда Петсеримаа — подполковник Лехт, уезда Харьюмаа — Лепп, города — Тарту — капитан Нилэндер, уезда Пярнумаа — майор Роозилехт.

Все члены «Омакайтсе» вооружены по преимуществу — английскими винтовками, при взводах имеются пулеметы. Члены «Омакайтсе» обычно живут дома. Оружие находится при них, они периодически собираются на сборы в волостные и уездные центры. Кроме того, члены «Омакайтсе» несут дежурство в волостях и в наблюдательных пунктах за воздухом и движением на дорогах.

На крупных промышленных предприятиях военного значения организации «Омакайтсе» называются «Тээкайтсе» («Защита труда»). Члены «Тээкайтсе» охраняют заводы и предприятия, также несут службу по охране заключенных, работающих на этих предприятиях (напр. цементный завод «Кунда», сланцеперегонные заводы «Кивинли», «КохтлаЯрве» и т. д.).

В последнем случае члены «Тээкайтсе» освобождены от другой работы, находятся на казарменном положении, получают зарплату и квартиру за счет предприятия.

Задачей «Омакайтсе» является также выявление бывших активных советских работников, коммунистов и комсомольцев, работников милиции и НКВД и передача их в руки оккупационных властей.

Например, в уезде Тартумаа таким образом впервые дни оккупации были переданы в руки немецких властей более 1500 советских активистов.

Общее количество добровольцев «Омакайтсе» обоего пола достигало по последним официальным данным «Самоуправления» Эстонии — до 44 тысяч человек.

В связи с планами немецкого командования использовать людские резервы Эстонии при возникновении военных действий в районе Прибалтики, распоряжением директора внутренних дел «Самоуправления» Эстонии — Ангелуса, от 20 октября 1943 г. все мужское население оккупированной Эстонии от 19–46 лет проходило медосмотр в комиссиях «Омакайтсе». Способные к несению службы в рядах «Омакайтсе» зачисляются в организацию и проходят курс военного обучения без отрыва от работы.

Исходя из данных переписи населения 1943 г. и последующих событий (частичная мобилизация в ряды Красной Армии, эвакуация в тыловые районы СССР, количество павших во время военных действий 1941 года и т. д.) можно предполагать, что контингент мобилизуемых в ряды «Омакайтсе» мужчин достигает до 45–50 тысяч человек.

Таким образом — общая численность членов организации «Омакайтсе» будет около 90–95 тысяч человек (из них женщин не более 20 тысяч).

В последнее время на политические настроения в «Омакайтсе» оказывают большое влияние события на советско-германском фронте и эвакуация материальных ценностей из Эстонии.

В связи с поражением немцев на восточном фронте, среди некоторой части «Омакайтсе» усиливаются антигитлеровские настроения. Среди руководящих кругов «Омакайтсе» заметно усиление националистической пропаганды и ведутся разговоры: «Выгоним немцев, но будем сопротивляться Красной Армии».

«Найскодукайтсе» («Женская защита дома») является секцией «Омакайтсе». Имеет свою структуру и начальников — женщин. В ее функции входят хозяйственные работы, организация питания на маневрах и сборах, санитарная помощь, оказание помощи раненым и немцам и их семьям, и т. д.

4. Националистические организации

Кроме вышеназванных военных формирований, в Эстонии организованы: «Ээсти Малева» — фашистский союз эстонской молодежи, «ЭРЮ» — «Взаимопомощь эстонского народа» и «Общество друзей эстонского легиона». «Ээсти Малева» была малочисленной, но в последнее время вербовка молодежи в эту организацию усилилась.

В ее задачи входит воспитание молодежи в фашистском духе и оказание содействия хозяйственным и политическим мероприятиям оккупационных властей.

«ЭРЮ» проводит разные сборы деньгами и вещами в пользу германской армии, легионеров, их семей, родственников, репрессированных при советской власти лиц и т. д.

Также проводит сбор цветных металлов, утиля и пр. Сборы и «пожертвования» имеют принудительный характер. Председатель «ЭРЮ» — бывший руководитель «Красного Креста» — доктор Лесмент.

«Общество друзей эстонского легиона» — ведет пропаганду к вступлению в легион и организует помощь легионерам.

Врид Нач. Эстонского Штаба
Партизанского Движения
Подполковник ГБ (ШТАММ)

и.о. Нач. Разведотдела ЭШПД
ст.лейтенант (КУЗИК)

РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1041. Л. 27

№ 21

Информация начальника разведотдела центрального штаба партизанского движения начальнику разведотдела о составе, вооружении и маршруте продвижения эстонского легиона СС

№ 4220 сс
9 декабря 1943 г.

29.11 в районе оз. Нещедро (40 км ю.-в. Идрицы) частями Красной Армии захвачен пленный эстонского легиона СС, который показал, что легион состоит из двух полков — 42-го эстонского и полка неизвестной ему нумерации.

17.11 партизанами в районе южнее Себеж взяты пленные, показавшие свою принадлежность 1-му эстонскому легиону (бригаде) СС. По их показаниям легион насчитывает 3–4 тыс. чел., состоит из двух полков. Командир 1-го полка Курт, 2-го полка — полковник Туллинг. Командир легиона генерал-лейтенант Соодла. Полки имеют в своем составе по три батальона четырехротного состава. В батальонах имеются роты тяжелого оружия, на вооружении в остальных ротах: 15 пулеметов, 2 миномета, 10 автоматов, винтовки.

26–27.10 легион проследовал через Себеж, один полк направлялся в р-н Пустошка, а один должен якобы следовать на Волховский фронт. В пути следования легион имел задачей вести борьбу с партизанами. Сообщается для сведения.

Начальник разведотдела ЦШПД
полковник С. АНИСИМОВ

РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1041. Л. 25. Заверенная копия

№ 22

Донесение временно исполняющего должность начальника эстонского штаба партизанского движения начальнику разведотдела центрального штаба партизанского движения об уточнении звания генерал- инспектора эстонских воинских частей

№ 00664
11 декабря 1943 г.

По имеющимся у нас данным среди эстонцев, сотрудничающих с немецкими фашистами, нет генерал-лейтенанта Соодла, но имеется майор Соодла (который в свое время эвакуировался в Германию, а теперь опять находится в Эстонии). Он был до последнего времени командиром полицейского батальона «Нарва». С 10 ноября с.г. он назначен представителем Гимmlера обергруппенфюрером СС Еккеном на вновь учрежденную должность генерал-инспектора эстонских воинских частей (полицейских батальонов, легионов и б-нов «самозащиты»). Его постоянная резиденция гор. Таллин. В связи с новым назначением ему присвоено звание «группенфюрер СС».

Врид нач. ЭШПД
подполковник г/б (ШТАММ)

И.о. нач. разведотд. ЭШПД
ст. лейтенант (КУЗИК)

РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1041. Л. 26. Подлинник.

№ 23

О латвийских националистических формированиях³⁵

без даты

Латвийские контрреволюционные националисты под руководством немецкого генерала Ханзена с первых дней оккупации начали создавать местную самоохрану. Созданием отрядов, а затем батальонов самоохраны занимался Вейс, бывший полковник латвийской армии. В эти формирования включались главным образом члены контрреволюционной организации «Айзсаргов», которая была легализована по указанию немецкого командования к февралю месяцу 1943 г. Вейсом было организовано 25 латвийских батальонов за счёт «добровольцев» общей численностью около 15 тыс. человек. Потом был сформирован добровольческий латвийский батальон СС, во главе которого был поставлен генерал Рудольф Бангерский, участник русско-японской войны, боровшийся против Красной Армии в Сибири.

³⁵ Из личного архива начальника Центрального штаба партизанского движения П. К. ПОНОМАРЕНКО.

В 1943 и 1944 гг. разведкой партизан были установлены действующие на оккупированных сов. территориях следующие латвийские формирования:

латвийская дивизия СС — 1
латв. легион СС — 1
латв. бригада — 1

Латвийских полицейских и охранных батальонов — 48 (16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 105, 116, 117, 235, 251, 257, 266, 267, 268, 269, 270, 271, 272, 273, 274, 275, 276, 277, 280, 315, 317, 318, 372, 383, 385, 467, 468, 776, 515, 546, 615, 678, 815).

Кроме этих частей, разведкой были установлены латвийские рабочие батальоны, носившие немецкую форму, занимавшиеся строительством различных сооружений для немецкой армии и оборонительных линий.

Ф. 625. Оп. 1. Д. 45. Л. 621, 622

№ 24

Донесение заместителя начальника эстонского штаба партизанского движения начальнику центрального штаба партизанского движения о переходе 9 человек из эстонского батальона на сторону партизан

генерал-лейтенанту товарищу ПОНОМАРЕНКО

№ 0010

6 января 1944 г.

Командир эстонского партизанского отряда тов. Вяльцев сообщает из Ленинградской области 4 января с.г., что разведгруппа отряда связалась ночью на 11 января с солдатами эстонского батальона № 290 «RV».

В результате переговоров 9 человек из состава батальона перешли с полным вооружением на сторону партизанского отряда. Перешедшая группа пойдет для проверки на спецзадание с отрядом бригады, при которой дислоцируется эстонский партизанский отряд.

Зам.нач. Эстонского штаба
партизанского движения
подполковник г/б (Штамм)

И.о. нач. разведотдела ЭШНД
ст. лейтенант (Кузик)

РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1041. Л. 29. Подлинник

№ 25

Из отчета о работе разведотдела центрального штаба партизанского движения за период май 1943 — январь 1944 гг., утвержденного начальником центрального штаба партизанского движения при ставке верховного главнокомандования генерал-лейтенантом П. Пономаренко

февраль 1944 г.

Националистические формирования

Создание немцами изменнических частей из других национальностей относится к концу 1942 года. В мае — декабре 1943 года установлены националистические формирования:

а) <u>Латвийские</u> —	Латвийский	легион «СС»
	Латвийская	бригада «СС»
	Латвийская	дивизия «СС»
	Латвийский	полиц. б-н
	Латвийский	строит. б-н
	Латвийский	саперн. б-н

В 1941–1942 гг. в Латвии на базе отрядов самообороны, выполнявших полицейские функции, стали создаваться полицейские батальоны. Было сформировано 20–25 батальонов численностью от 200 до 600 чел. каждый. В феврале 1943 года немцы стали формировать латвийский легион СС. Базой его формирования явились 16-й, 19-й, 21-й и 22-й полицейские батальоны уже показавшие свою преданность немцам участием в боях с Красной Армией на Ленинградском фронте. Легион был переименован впоследствии в 15-ю латвийскую дивизию СС.

б) <u>Эстонские</u> —	эстонская	бригада СС
	-»-	полиц. батальон

...Из всех националистических формирований на фронте и в борьбе с партизанами выделяются активностью латышские части.

РГАСПИ. Ф. 69. Он. 1. Д. 721. Л. 37, 38

№ 26

Дислокация националистических латвийских и эстонских формирований, установленных разведкой партизан

с 1942 ПО 1944 гг.³⁶

июнь 1944 г.

Латвийские батальоны

16 Латв. б-н	4.2.43	перед Калининским фронтом
16 Латв. полиц. б-н	12.8.42	
17 -»-	24.9.42	Шолоково
17 Латв. б-н	4.2.43	перед Калининским фронтом
18 Латв. охр. б-н	4.2.43	Минск, перед Калининским фронтом
18 Латв. полиц. б-н	16.5.42	Вост. Минска
19 Латв. б-н	4.2.43	перед Калинин. фронтом, р-н оз.Ильмень
20 Латв. б-н	4.2.43	перед Калининским фронтом
21 Латв. полиц. б-н	18.8.42	
21 Латв. охр. б-н	4.2.43	перед Калининским фронтом
22 Латв. полиц. б-н	15.8.42	
22 Латв. охр. б-н	4.2.43	перед Калининским фронтом
23 Латв. б-н	4.2.43	-»-
23 Латв. полиц. б-н	18.8.43	Кривой Рог
24 -»-	16.6.42	Вост. Минска
	24.9.42	Столбцы
24 Латв. б-н	4.2.43	перед Калининским фронтом
25 -»-	4.2.43	-»-
25 Латв. полиц. б-н	18.8.42	Вост. Минска
26 -»-	18.8.42	
27 Латв. б-н	4.2.43	перед Калининским фронтом
27 Латв. полиц. б-н	23.10.42	Проскуров
28 Латв. б-н	4.2.43	перед Калининским фронтом
105 -»-	29.9.43	Пушкинские Горы
116 -»-	3.5.44	Болдерая
117 -»-	3.5.44	-»-

³⁶ Из личного архива начальника Центрального штаба партизанского движения П.К. Пономаренко.

257 -»-	25.9.43	Остров
266 -»-	4.2.43	перед Калининским фронтом
267 -»-	19.8.43	р-н Дедовичи
267 -»-	4.2.43	перед Калининским фронтом
	18.8.42	-»-
	43.43.43	ж.д. Белошкино — Железная
268 -»-	4.2.43	перед Калининским фронтом
	42.42.42	Картуз — Береза 17/450
269 -»-	4.2.43	перед Калининским фронтом
	18.2.42	
270 -»-	4.2.43	-»-
271 -»-	4.2.43	-»-
	43.43.43	Белоруссия
	44.44.44	Докшицы
272 -»-	4.2.43	перед Калининским фронтом
	43.43.43	р-н Зилуппе
	43.43.43	Красногорская, Себеж
273 Латв. б-т	4.2.43	перед Калининским фронтом
	43.43.43	Красногорская, Себеж
275 -»-	16.10.43	Рига
279 -»-	18.6.43	р-н Зилуппе
	43.43.43	Резекне — Лудза
	43.43.43	Идрица
315 -»-	15.3.44	Клясницк
317 -»-	15.3.44	Клясницк
318 -»-	23.12.43	р-н Зилуппе
	43.43.43	-»-
372 -»-	18.5.43	Карсава 500 ч.
383 -»-	31.12.43	р-н Резекне
385 -»-	10.4.44	Полудевичи, 12 км. ю.-з. Дисны
367 -»-	4.2.43	перед Калининским фронтом
468 -»-	4.2.43	-»-
476 -»-	4.2.43	-»-
476 -»-	4.2.43	-»-
515 Латв. полиц. б-н	18.8.43	Остров
546 Латв. б-н	27.5.44	р-н Глубокое
615 Латв. полиц. б-н	8.9.43	Псков
678 Латв. б-н	19.8.43	р-н Дезовичи
815 Латв. б-н	25.9.43	Остров
277 -»-	23.11.43	Идрица
15 Латв. дивизия СС	10.12.43	Остров
	5.5.44	Прозороки
38 Латв. бригада	28.10.43	Струги Красные
999 Латв. легион СС	18.5.43	Латвия
Латв. легион СС	18.9.43	Латвия (1, 2, 3, 4 и 5 полки)
Латв. добр. легион	1.6.43	Латвия
1 Латв. п.п.	5.6.44	Медум Латвия
33 -»-	16.5.44	
<u>Эстонские батальоны</u>		
3 Эстонская бр. СС	19.12.43	р-н Дриссы
Эстонский батальон		
«Нарва»	20.10.43	Ленингр. обл.
29. Эст. полиц. б-н	18.8.42	
33 -»-	18.8.42	
33 Эст. б-н	3.10.43	Псков
36 Эст. полиц. б-н	26.10.42	Донец. р-н Сталино
37 Эст. охр. б-н	15.4.43	Сомихино Ленингр. обл.

37 Эст. полиц. б-н	21.10.43	р-н Пскова
38 -»-	28.10.43	Псков
38 Эст. спец. б-н	13.8.43	р-н Струги Красные
39 -»-	18.8.42	р-н Алушково, с.-в. Пустошки
40 Эстонский б-н	28.10.43	Псков
40 Эст. охр. б-н	19.5.43	р-н Чихачево
255 Эст. полиц. б-н	8.11.43	р-н Полоцка

РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 45. Л. 27–30

№ 27

Из инструктивного указания генерального директора внутренних дел Данкера

Рига 9 февраля 1944 г.

§1

Для рассмотрения дел о преступлениях, связанных с уклонением от воинской повинности, учреждается особый военный суд при генеральном инспекторе латышского легиона³⁷.

Особый военный суд рассматривает дела о преступлениях, предусмотренных двенадцатым разделом уголовного кодекса (издание 1942 года).

§2

Предусмотренную законом меру наказания за преступления, указанные в предыдущем (1) параграфе, особый военный суд может увеличить, применяя высшую меру наказания — смертную казнь в порядке части первой военного уголовного кодекса (издание 1937 года).

§10

Особый военный суд приступает к судопроизводству по письменному приказу генерального инспектора (обвинительному приказу).

§19

Приговор особого военного суда приводят в исполнение представители обвинения генерального инспектора в общем порядке.

§20

Настоящее распоряжение вступает в силу в день его опубликования.

Генеральный директор внутренних дел Данкер

Печ. по кн.: Мы обвиняем. С. 277–278.

№ 28

Из объявления населению

26 февраля 1944 г.

Распоряжением от 24 февраля с. г. префект Риги Р. Штиглиц объявил призыв в легион СС латвийских граждан, родившихся в 1906–1916 и 1919–1921 годах.

Этим и предыдущими освидетельствованиями окончательно закончится проверка латвийских граждан, родившихся в 1906–1924 годах.

Префект Риги указывает, что освидетельствование и призыв по отдельным промышленным предприятиям закончатся 26 февраля с. г. Начиная с воскресенья, 27 февраля с.г., освидетельствование будет произво-

³⁷ На должность был назначен Рудольф Бангерский. Свою карьеру он начал как царский офицер. После Октябрьской революции пробрался в Красную Армию, в 1918 г. перебежал к Колчаку, где командовал дивизией. В 1921 г. вернулся в Латвию, с 1924 г. — генерал, командир дивизии в армии буржуазной Латвии, дважды был военным министром. «Прославился» жульническими коммерческими махинациями. В годы гитлеровской оккупации верой и правдой служил нацистам, стал доверенным лицом высшего руководителя СС и полиции Остланда Еккельна и рейхсфюрера Гиммлера. Для маскировки принудительной мобилизации в фашистский легион оккупанты назначили Бангерского в 1943 г. генеральным инспектором латышского «добровольческого» легиона СС в звании группенфюрера СС и генерал-лейтенанта войск СС. Бангерский усердно участвовал в насильственной мобилизации латышской молодежи в гитлеровскую армию, в отправке мирного населения на принудительные работы в Германию. В конце войны бежал на Запад, жил впоследствии в ФРГ, в Ольденбурге, получал пенсию от боннских властей. Погиб в автокатастрофе в 1958 г.

даться в алфавитном порядке, согласно распоряжению префекта от 24 февраля с.г. В Риге освидетельствование и призыв будут полностью закончены 3 марта с.г.

Вместе с тем начнется генеральная проверка всех мужчин призывных возрастов. Проверку произведут в отдельных домах, в целых городских кварталах, на промышленных предприятиях, на улицах, в общественных местах скопления людей и других местах.

Соответствующие органы надзора указывают, что несознательные граждане, уклонившиеся в решающий момент от исполнения своих обязанностей перед народом и не подчинившиеся распоряжениям, не смогут оставаться на свободе. Рано или поздно они понесут заслуженное наказание.

Префект Риги повторно в последний раз предупреждает и призывает всех граждан Латвии указанных возрастов, которые по каким-либо причинам не прошли освидетельствования, немедленно сделать это. Этим им еще раз дается возможность выполнить свои обязанности и обязательства.

Лица, не принявшие во внимание это последнее предупреждение, за неявку на проверочную комиссию и уклонение от призыва в латышский легион будут преданы особому военному суду, и им грозит наказание по законам войны и военного положения.

Печ. по кн.: Мы обвиняем. С. 279–280

№ 29

Распоряжение первого и внутренних дел генерального директора Данкера

Рига 27 июля 1944 г.

1. На основании постановления Латвийского самоуправления от 26 июля с. г. предлагаю Латвийской молодежной организации³⁸ завербовать латышских юношей 1927 года рождения на один год во вспомогательную службу воздушных сил, расположенную в Латвийском генеральном округе.

2. Инструкцию к сему распоряжению издает шеф штаба Латвийской молодежной организации.

3. Настоящее распоряжение вступает в силу 27 июля 1944 г.

Первый и внутренних дел генеральный
директор Данкер

Печ. по кн.: Мы обвиняем. С. 270

№ 30

Телефонограмма начальника лудзенского уезда начальнику 1-го участка лудзенской уездной полиции

Лудза

2 мая 1944 г.

Прошу довести до сведения всего населения, что каждый, кто открыто или тайно поддерживает бандитов и дезертиров, отвечает за это своей жизнью.

Начальник Лудзенского уезда Акменькалнс

Печ. по кн.: Мы обвиняем. С. 145

³⁸ Латвийская молодежная организация, сокр. ЛМО (Latvju jaunatnes organizācija, LJO) — фашистская военизированная молодежная организация. Распоряжение о создании ЛМО было издано генеральным комиссаром Дрекслером уже 17 августа 1942 г., однако практически к организации ЛМО было приступлено лишь в 1943 г. Во главе организации («начальником штаба ЛМО») был поставлен матерый фашист А. Матеас, бывший капитан армии буржуазной Латвии. Впоследствии место Матеаса занял другой латышский буржуазный националист — Э. Руллис. Попытки гитлеровцев и их прислужников с помощью насильственных мер превратить ЛМО в массовую организацию потерпели полную неудачу — большая часть латвийской молодежи активно бойкотировала фашистскую организацию. ЛМО окончательно развалилась в 1944 г.

№ 31

Из распоряжения генерального директора внутренних дел Данкера³⁹ населению

Рига 25 июля 1944 г.

§ 1

1. Все работодатели, за исключением учреждений и предприятий латышского самоуправления и городского управления, в отношении которых издано особое распоряжение, должны выделить на проведение работ по строительству укреплений не менее 50 % от общего числа работающих мужчин.

2. Выделенные лица должны быть в возрасте от 16 до 55 лет, а также в состоянии работать на строительстве укреплений.

3. Указания о числе выделенных лиц для мероприятий по линии вооруженных сил и для нужд военных частей, а также для учреждений государственной дирекции сообщений, следует запрашивать в местном управлении труда.

§ 8

Настоящее распоряжение не затрагивает и не отменяет обязанности, которые определены согласно распоряжению о трудовой помощи летом 1944 года («Rikojumu Vēstnesis»⁴⁰, № 51 за 1944 год) и инструкцией к ней («Rikojumu Vēstnesis», № 166 за 1944 год).

§ 9

Лицам, не выполнившим настоящее распоряжение, грозит уголовная ответственность.

§ 10

Настоящее постановление вступает в силу 25 июля 1944 г.

Первый и внутренних дел генеральный

директор генерал О. Данкер

Печ. по кн.: Мы обвиняем. С. 252–254

№ 32

Справка начальника отдела политического управления 2-го Прибалтийского фронта о латышских частях немецко-фашистской армии, действующих перед вторым Прибалтийским фронтом

январь 1944 г.

В ноябре 1943 года немецкое командование, готовясь к наступлению в районе Невеля, перебросило сюда ряд частей с других, относительно спокойных участков фронта, и из тыла — охранные и полицейские части, в том числе латышские.

Перед 2-м Прибалтийским фронтом в первой линии и в ближайшем тылу отмечены следующие латышские части противника:

1. 313-й латышский полицейский батальон, в состав которого были влиты остатки расформированного 282-го латышского полицейского батальона;

2. 316-й латышский полицейский батальон;

³⁹ Оскар Данкер — в прошлом офицер царской армии. В 1918 г. участвовал в карательной экспедиции в Финляндии, которой руководил генерал фон дер Гольц. Позднее — генерал армии буржуазной Латвии, командир Курземской дивизии и начальник Лиепайского гарнизона. В 1939 г. ездил в Берлин поздравить Гитлера с днем рождения. Был награжден нацистским орденом «Орла со звездой». Гитлеровский тайный агент. После восстановления советской власти в Латвии репатриировался в Германию. Вернулся в Латвию вместе с гитлеровскими захватчиками летом 1941 г., когда по заданию Розенберга начал создаваться придаток немецких оккупационных властей — так называемое «самоуправление». В марте 1942 г. гитлеровские оккупанты назначили Данкера первым генеральным директором и генеральным директором внутренних дел марионеточного «самоуправления генеральной области Латвия». Данкер активно поддерживал преступные действия оккупантов в Латвии, участвовал в их злодеяниях. В конце войны он бежал в Германию. После войны проживал в Западной Германии, в Канаде.

⁴⁰ «Rikojumu Vēstnesis» («Вестник распоряжений») — официальное периодическое издание на латышском языке, выходившее в Риге в годы оккупации.

3. Латышский полицейский полк «Рига»;
4. Отдельные подразделения (5 и 7 роты) 3-го полка латышской дивизии СС, прибывшие с Волховского фронта.

По данным партизан, в ноябре 1943 года в Себеже насчитывалось до 9000 латышей и эстонцев, находящихся на службе в гитлеровской армии.

Немецко-фашистские оккупанты, захватив Советскую Латвию, создали там сеть охранной полиции, которая делится на три группы — «А», «Б» и «Ц»

Основным костяком полиции являлись члены латышской военно-фашистской организации «Айзсарги» — бывшие латышские полицейские и лица, которые в первые дни захвата немцами Латвии принимали участие в зверствах гитлеровцев. Кроме того, несколько позже многие латыши вступили в полицию, чтобы пользоваться преимуществами в получении промтоваров и продуктов, и, главное, чтобы избежать отправки на работу в Германию.

Вступавшие в полицию принимали установленную немцами присягу, в тексте которой особенное ударение делалось на обязательстве «честно служить» и «быть особенно старательным в борьбе с большевиками».

Из латышских полицейских гитлеровцы сформировали ряд добровольческих охранных батальонов, которые носят название «полицейских».

Для комплектования и пополнения охранных батальонов немецкое командование провело в Латвии широкую кампанию по вербовке добровольцев.

Наиболее распространенным коварным способом привлечения «добровольцев» была явка на дом к вербуемому с требованием высказать свое отношение к вербовке («за» или «против»), причем это высказывание оформлялось письменно. Опасаясь расправ со стороны немцев, многие латыши писали, что они «за» вербовку. Впоследствии этим лицам заявляли, что высказываясь «за» вербовки, они тем самым уже вступили в ряды «добровольцев» и им следует явиться в часть. Не желавших вступить в число «добровольцев» немцы арестовывали, а затем предлагали: или сидеть в тюрьме, или стать полицейскими. Практиковалась также вербовка под угрозой отправки на работу в Германию. Военнопленный капрал 313-го латышского полицейского батальона Петерс Яканс показал:

«Осенью 1941 г. немцы свели в полицейские группы «Б» бывших младших командиров и офицеров латвийской армии. Это производилось в известной мере принудительным порядком, ибо отказавшихся записаться в полицейские немцы, как правило, отправляли на работу в Германию. А этого все боятся хуже смерти.

Латышские полицейские батальоны использовались гитлеровцами для охраны мостов, дорог, предприятий, для изъятия у местных крестьян продуктов и насильственного угона советских граждан в рабство в Германию, а также для расправы с мирным населением и борьбы с партизанами.

Военнопленный унтер-офицер 281-го охранного латышского батальона Мицкевич на допросе заявил: «Наш охранный батальон сформирован в октябре 1942 г. и предназначен был для борьбы с партизанами, охраны мостов, ж.-д. станций и складов. Два месяца тому назад был сформирован латышский полицейский полк, в состав которого вошел 281-й охранный батальон».

В начале 1943 года ввиду тяжелых потерь, понесенных немецко-фашистской армией на советско-германском фронте, гитлеровцы начали подготавливать полицейские батальоны для отправки их на передовую, и в то же время объявили в Латвии мобилизацию, для создания новых латышских формирований.

Военнопленный солдат 881-го отдельного Рижского полицейского батальона Криш Дейтриц заявил: «881-й Рижский батальон сформирован в апреле 1943 г. и получил наименование «281-й отдельный добровольческий Рижский полицейский батальон». Впоследствии этот батальон был направлен на фронте под номером 881. Батальон состоит из мобилизованных латышей 1919–1922 гг. рождения. Мобилизация была проведена немцами по их приказу, который был развешен в местечке, где я проживал. Почему назвали батальон «добровольческим» — я не знаю. По-моему, об этом не знают и другие солдаты, так как в батальон никто добровольно не вступал».

То же самое утверждает военнопленный солдат Андрей Славенских (прибывший на фронт из «латышской добровольческой дивизии СС на пополнение 83-й немецкой пехотной дивизии).

«Немцы насильно провели в Латвии мобилизацию и сформировали из мобилизованных латышей «латышскую добровольческую дивизию СС».

Под влиянием крупных поражений немецко-фашистских войск на Восточном фронте и приближения Красной Армии к территории Советской Латвии, гитлеровцы и предатели латышского народа усиливают антисоветскую пропаганду и всячески пытаются внушить населению Латвии, будто гитлеровская армия на советско-германском фронте отстаивает «самостоятельность и независимость» Латвии, и что в этой борьбе должны участвовать и латыши.

Эта фашистская демагогия приняла особенно широкие размеры после Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Англии.

В середине ноября 1943 года гитлеровцы провели в Латвии новую мобилизацию. Но, чтобы прикрыть ее насильственный характер, она была объявлена от имени так называемого латышского «самоуправления». Выступая 16 ноября 1943 г. в Большом зале Рижского университета, генеральный директор внутренних дел Данкерс заявил, что самоуправление латвийской генеральной области — Остланда — приняло решение провести мобилизацию мужчин 1915–1925 гг. рождения. При этом фашистский сатрап — Данкерс — указал, что советские войска приближаются к Латвии, и латыши должны выступить против них с оружием в руках.

Однако, латыши, хорошо зная цену немецко-фашистской демагогии и не желая служить своим исконным врагам — немцам, всячески уклонялись от призыва в гитлеровскую армию.

Некий Карлис пишет своему знакомому солдату-латышу Лиепайниеску на фронт 14.12.1943 года: «Все родившиеся в 1922 году, 17 числа должны явиться на комиссию. Все монетки надо брать с собой, так как домой больше никого не отпустят. Арвидс должен был явиться 13-го числа, но у них как раз был обмолот, и он не явился. Сегодня слышно, что несколько человек арестовали и увели в Вентспилс. Но ребята не дают себя запугивать. Все говорят, что никто не пойдет».

О сопротивлении латышей проводимой немцами насильственной мобилизации говорится и в других письмах.

Одному из солдат-латышей пишет отец 16.12.1943 г.: «На этой неделе в Вентспилсе начнет работать призывная комиссия. Призываются родившиеся в 1924, 1923, 1922 и 1918 гг. Говорят, будто некоторые не явятся даже на комиссию».

Солдату Лиепайниеску пишет мать 1.11.1943 г.: «Может быть, рассказать тебе как у нас дела с „Ц“ группой? Для отправки должны были явиться 7 человек, но никто не явился. Тогда начали пугать арестом. Говорят, что некоторых взяли и насильно увезли. Сашкин брат тоже был взят, но он бежал».

Неизвестному солдату пишет сестра 15.8.1943 года: «Во вторник Женис и Эдгар должны явиться в волостную управу для дачи пояснений, почему они не уезжают на фронт».

Каждый латышский полицейский батальон состоит примерно из 4-х рот и насчитывает 350–400 человек. Вооружены латышские батальоны французским, русским и английским оружием.

Военнопленный из 313-го латышского полицейского батальона Петерс Яканс показал: «Наш батальон вооружен французскими карабинами. В каждом взводе имеется 2-3 французских ручных пулемета системы «Максим». Офицеры вооружены французскими пистолетами».

Военнопленный из 881-го отдельного Рижского полицейского батальона солдат Дейтриц на допросе заявил: «Вооружение батальона исключительно русского производства. Пулеметы — системы «Максим», винтовки — русские, образца 1891/30 г., автоматы «ППШ».

Военнопленный фельдфебель 16-го немецкого полицейского полка Георг Фухтман показал: «Мне известно, что в Латвии сформированы латышские эсэсовские и полицейские части. Латышские части «СС» носят форму немецкой армии, а полицейские части — форму латышской полиции и вооружены английскими карабинами».

Рядовой состав батальонов в большинстве своем — латыши, в некоторых подразделениях имеется небольшое количество русских, уроженцев Латвии. Командный состав до командира роты включительно также латыши. В случае если батальоном командует латыш, при нем имеется немецкий офицер для контроля.

Привлекаемые гитлеровцами офицеры-латыши, как правило, получают назначение со значительным занижением. Нередко взводами командуют латышские капитаны, а ротами — майоры.

Отношение латышских полицейских и солдат к немцам враждебное. Между немцами и латышами часто происходят стычки. Характерен следующий случай: в декабре 1942 г. в 12-м полицейском участке в Риге был устроен «вечер дружбы» между немцами и латышами. Одна латышская девушка танцевала с немцем, потом она пригласила на танец полицейского-латыша, но тот ответил: «Смой с рук немецкую грязь». Это услышали немцы, возникла ссора, которая кончилась перестрелкой — два немца было убито. После случившегося, все полицейские латыши этого участка были арестованы.

По данным партизан, в конце августа 1943 г. в Долессала, в 8 км ю/в. г. Рига, между добровольцами из латышского легиона СС и немцами произошло вооруженное столкновение, в результате которого было убито 54 латыша и 24 немца.

Отмечен также и ряд других случаев вооруженных столкновений латышей с немцами.

По имеющимся сведениям, командиром латышской дивизий «СС» является генерал-майор фон Кютлер-Бурхауз, генеральным инспектором латышского легиона «СС» — генерал-лейтенант Бангерскис, высшим начальником всех полицейских батальонов — генерал Еккель.

На политико-моральное состояние солдат-латышей прежде всего оказывает влияние враждебное отношение латышского народа к немецко-фашистским оккупантам. Захватив Латвию, гитлеровцы установили там режим кровавой диктатуры. Десятки тысяч латышей были истреблены, брошены в концентрационные

лагеря или отправлены на каторгу в Германию. Немецко-фашистские мерзавцы отняли у латышского народа свободу и национальную независимость, разграбили его культурные богатства и разрушили исторические памятники Латвии. В то же время немцы систематическими налогами и поборами ограбили население Латвии и создали невыносимые условия для жизни.

Военнопленный солдат латыш Яканс по этому поводу заявил:

«В Латвии все недовольны немецкой властью. В начале войны некоторые латыши приветствовали приход немцев, но в скором времени разочаровались в них. После прихода немцев в Елгаву они начали грабить и расстреливать мирных жителей. В Елгавинской тюрьме немцы расстреляли моего знакомого — рабочего Петерис Венгрис за то, что он при советской власти был членом МОПРа».

О враждебном отношении населения Латвии к немцам военнопленный фельдфебель Фухтман показал: «По отношению к немцам латыши делятся на две группы: одни стараются нам угодить из страха, другие редко ненавидят нас и не скрывают этого. Многие латыши спрашивают:

«Когда в Латвию придут русские?»».

На настроения солдат, особенно крестьян, оказывает влияние произвол, чинимый немецкими оккупантами в селах и деревнях Латвии. Многим солдатам становится об этом известно через письма, получаемые от своих родных.

Неизвестному солдату-латышу пишут родные 2 сентября 1943 г.:

«Завтра крейсландвиртшафтсфюрер многих вызывает в волостную управу для дачи объяснений, почему они не выполняют нормы поставки сливочного масла и яиц. Лиепкала и Швейцер также должны идти. Всего вызваны 70 владельцев крестьянских дворов... Мне надо вырубить 50 кубометров леса и этой зимой вывезти (речь идет о трудопвинности по рубке и возке леса). Как я смогу вывезти столько лесоматериала — не знаю. Я уже и так замучен работами».

В связи с переброской латышских батальонов настроения солдат резко ухудшились. Многие солдаты проявляют недовольство тем, что их насильно мобилизовали в немецкую армию и обманным путем пригнали на фронт.

Военнопленный Штейнгард показал: «Солдаты-латыши не хотят воевать, так как нас обманули и насильно пригнали на фронт. Между собой солдаты говорят, что следует убежать к русским, но боятся, что их поймут».

Другой военнопленный — солдат латыш 4-го взвода 2-й роты 313-го охранного батальона Жанис Душа заявил: «Все солдаты батальона хотят домой. Солдаты 4-го взвода 2-й роты ефрейтор Шульц, солдат Фогельман и ефрейтор Видзес 12 ноября дезертировали. Вечером 11 ноября солдаты 1-й роты, находящиеся в резерве, собрались, надели ранцы и сообщили, что они отправляются домой. Узнав об этом, в роту пришел командир батальона и пообещал, что через несколько дней весь батальон будет отправлен домой. Он уверял солдат что позорно оставлять другие роты в опасности на огневых позициях. После этого солдаты 1-й роты остались».

Военнопленный солдат Дейтриц на допросе заявил: «Солдат Ландерс при мне ругал немцев за то, что они бросают латышей на самые опасные участки, а сами остаются за нашими спинами».

Перешедший на сторону партизан солдат 1-го полка латышской дивизии СС показал: «Настроение солдат-добровольцев плохое. Все обозлены на немцев. Многие солдаты не хотят воевать против Красной Армии. Отправка на фронт производится насильственно. Так, например, 23 сентября 1943 г. большое количество добровольцев было отправлено на фронт в закрытых вагонах под охраной немецких автоматчиков. На другой день в пути на фронт на перегоне в районе Пскова 25 латышей из этого эшелона взломали вагон и сбежали».

Этим и объясняется то, что, отправляя латышские части на фронт, немцы всячески скрывают это от солдат — латышей.

Солдат 4-го взвода 2-й роты 313-го латышского полицейского батальона Подкуп показал: «В конце октября батальон был отправлен в район Себеж для выполнения задания немецкого командования по борьбе с партизанами. О том, что нас направляют на фронт, нам не говорили».

Военнопленный солдат-латыш Штенгард на допросе заявил: «Когда наш батальон находился в Польше, нам говорили, что скоро отправят в Ригу. Вскоре нас погрузили в эшелон и вместе с немцами повезли, но не в Ригу, а в Себеж, а оттуда на фронт».

В результате понижения политико-морального состояния латышских частей уже в первые дни наступления наших войск отмечены случаи индивидуальной и групповой сдачи солдат-латышей в плен Красной Армии.

12 января в районе западнее Невеля сдалась в плен группа солдат-латышей во главе со своим командиром взвода Гольмсом. После артиллерийской подготовки, когда наступавшие бойцы очутились в 100–150 метрах от окопов противника, командир взвода Гольмс приказал солдатам сдаться в плен. Группа вышла из своих окопов и направилась навстречу нашим бойцам, сложила оружие и сдалась в плен.

20 декабря 1943 года в районе Себеж партизаны встретили вооруженную группу латышей в количестве 43 человек. Как выяснилось, это были солдаты из 32-го арtpолка 32-й немецкой пехотной дивизии. Они сообщили партизанам, что дезертировали, так как не желают воевать за немцев. Среди них было несколько бывших членов латвийского комсомола.

Группа двигалась из д. Загуть, где расположена 32-я немецкая ПД, по направлению в Латвию. Все солдаты были вооружены и от линии фронта они шли колонной под видом воинской части. Встретив партизан, перебежчики выразили желание остаться в партизанском отряде и сейчас все они находятся в одной из латвийских партизанских бригад.

Отмечен также и ряд других случаев, когда «добровольцы»-латыши бегут с фронта, скрываются в лесах Латвии и являются в партизанские отряды с просьбой дать им оружие для совместной борьбы против немецких оккупантов.

Ослабление политико-морального состояния солдат-латышей приводит к тому, что немцы, не надеясь на стойкость латышских подразделений, находящихся на передовой, прикрывают их надежной охраной из немецкой полевой жандармерии.

Следует также отметить и то, что в последнее время гитлеровцы ввиду неустойчивости латышских солдат из неполицейских формирований, вливают их под видом «приобретения боевого опыта» в немецкие части.

Кроме уже вышеприведенного факта наличия латышей, в 32-й немецкой ПД в последнее время отмечено прибытие до пяти рот латышей из латышской дивизии СС в 83-ю немецкую ДП.

Военнопленный унтер-офицер санитарной службы 9-й роты 547 ШП 83-й ПД немец Пауль Феддерсен показал: «За несколько дней до боя накануне нового года к нам в 9-ю роту прислали 20 человек латышей из латышской добровольческой эсэсовской дивизии. Они были присланы к нам на время для приобретения боевого опыта.

Латыши одеты в новую форму, хорошо выглядят, возраст 20–22 года, с оружием обращаться умеют. Форма на них немецкая — на воротнике знаки «СС». Нашивка — Орел — не на груди, а на рукаве, как у немецких эсэсовцев. На другом рукаве — латвийский герб.⁴¹ Большинство латышей не понимает по-немецки. Их распределили по отделениям с таким расчетом, чтобы в каждом отделении был по крайней мере один человек, хотя бы немного понимающий по-немецки. Латыши говорят о себе, что они добровольцы».

Другой военнопленный немецкий ефрейтор 1-й роты 257 ПП 83-й ПД Ганс Швеен, взятый в плен 4 января 1944 г., показал: «В середине декабря в наш полк прислали группу латышей из латышской добровольческой дивизии. Из них в нашу роту присланы 8 человек».

Добровольно сдавшийся в плен солдат — латыш из 83-й ПД Славенских показал: «Когда мы прибыли на передовую, немецкий офицер сказал нам, латышам: «Вас прислали сюда, чтобы приобрести боевой опыт, здесь вы будете находиться вместе с немецкими солдатами, присматривайтесь, что они делают, слушайте их и делайте так, как делают немецкие солдаты».

Несмотря на вышеуказанные факты, свидетельствующие о нежелании многих латышей воевать на стороне Гитлера, необходимо также учитывать и то, что значительная их часть, особенно полицейские, дерутся против наших войск довольно упорно и ожесточенно. Следует также отметить, что фашистская пропаганда усиленно внушает латышским солдатам страх расплаты за совершенные ими вместе с немцами злодеяния, и создает у них чувство безвыходности.

В связи с этим, значительная часть солдат-латышей, находясь под влиянием фашистской пропаганды, боится перехода на нашу сторону. Военнопленный Петерс Яконс показал: «Русский плен немецкая пропаганда рисует в самом страшном свете. Немцы говорят, что русские выкалывают пленным глаза, сдирают ногти и т. д. Наше положение настолько тяжелое, что мы смерти не боимся, нас страшат только пытки.

Все считают наше положение безвыходным — назад нельзя, перейти к русским тоже нельзя, остается сидеть в своей канавке. Если бы мы знали, что русские пленных латышей не мучают, мы давно перешли бы на их сторону».

Другой военнопленный показал: «Солдат Швейде говорил однажды: «Возьмем водки, хлеба и уйдем к русским». Но ему другие возразили, утверждая, что русские отрывают у пленных руки и ноги».

Военнопленный солдат 3-й роты саперного батальона латвийской СС дивизии «Латвия» Иосиф Даукшит на допросе заявил: «Солдаты не хотят воевать на стороне немцев. Однако, под влиянием немецкой пропаганды, которая измышляет и распространяет всевозможные слухи с жестокостях русских о пленных, опасаются переходить на сторону Красной Армии».

⁴¹ Группа «А» — полицейские, несущие службу в определенном городе или волости, получающие месячное жалованье, а также обмундирование. Группа «В» — полицейские, несущие службу по охране фабрик, мостов, дорог и т. п. Как правило, полицейские этой группы форменной одежды не имеют, но носят нарукавную ленту с надписью «шуцман» («охранник»). Холостые «шуцманы» получают поденную плату в размере 3.20 марок, семейные — 4 марки. Группа «Ц» — это лица, получившие от немцев оружие. Живут они у себя дома и по мере надобности вызываются для выполнения полицейских функций по борьбе с партизанами и проч. — жалованья не получают. Иногда группы «Б» и «Ц», в отличие от группы «А», называются «вспомогательной полицией».

Учитывая наличие латышских частей в противостоящих нам войсках противника, 7 отдел организовал систематическую работу по их разложению. К латышам, находящимся на службе в немецкой армии, издано обращение командира дивизии генерал-майора г.Бранткан, а также две листовки к солдатам и офицерам 313-й и 316-й полицейских батальонов и к латышскому полку «Рига».

За январь латышским частям заброшено 235 000 экз. листовок и 25 000 экз. газеты «За Советскую Латвию» на латышском языке.

Кроме того, на участках против латышских батальонов организовано вещание на латышском языке. Через звукоустановки передаются тексты листовок, сообщение Совинформбюро о победах Красной Армии, а также оперативные материалы. К устным передачам привлекаются военнопленные — латыши.

В листовках и устных передачах к латышским частям немецкой армии пропагандируется положения о том, что:

а) Вековыми врагами латышского народа являются немцы, которые, захватив Латвию, грабят и истребляют латышский народ, уничтожают его культуру и хотят осуществить старинную цель немецких баронов — заселить латвийскую землю немецкими колонистами.

б) Постоянная дружба латышского народа со своим старшим братом — великим русским народом, всегда помогала латышам отстаивать свою государственную и национальную независимость от немецких поработителей. При этом широко популяризируются советские латышские полки и дивизии, борющиеся вместе со всей Красной Армией за освобождение Латвии от гитлеровских захватчиков.

Подчеркивая то, что многие латыши вовлечены в гитлеровскую армию насильем и обманом, нами указываются конкретные пути как порвать с немцами, популяризируя при этом случай индивидуальной и групповой сдачи в план солдат — латышей к Красной Армии.

ИВИ МО РФ. Документы и материалы Глав ПУРККА.
7 отд. Ф. 25. Оп. 504. Д. 8. Л. 229–244

№ 33

Документы расследования чрезвычайной республиканской комиссии

*Декабрь 1944 года*⁴²

Саласпилсский концентрационный лагерь был организован в 1942 году⁴³ на территории стрельбища, общей площадью 3024 гектара. Лагерь находился примерно в 2,5–3 километрах не доезжая станции Саласпилс, с левой стороны железной дороги Рига—Даугавпилс. Территория лагеря была обнесена двухрядной изгородью из колючей проволоки высотой до 3 метров; по углам лагеря стояли вышки дежурных постов, где находились пулеметы и прожектора.

Режим содержания заключенных

На территории лагеря самими заключенными были выстроены бараки разного размера. В этих бараках содержали фашисты заключенных. В каждом бараке содержалось 350–900 человек, при норме не более 100–150 человек. В бараках находились совместно мужчины и женщины, а также дети. В зимнее время бараки не отапливались. Постоянно были сырость и холод. Внутри бараков не было ничего, кроме четырех-пятирусных нар, на них можно было только лежать. Заключенных в лагере было так много, что не все могли поместиться, поэтому часть из них постоянно вынуждена была находиться под открытым небом.

Работать заключенных заставляли по 12 часов в сутки и более, подъем был в пять часов утра, и рабочий день оканчивался в 8–9 часов вечера. Работа была непосильная, каторжная. Часть заключенных была занята на строительстве железнодорожного полотна. Последнее укатывалось тяжелыми катками, в которые впрягались по 20 человек. Вторая часть заключенных работала на торфяных болотах. Работать заставляли всех, как здоровых, так и больных, а кто не мог работать, того направляли к врачу в амбулаторию. Задача врача заключалась в том, чтобы установить правильный диагноз, т.е. может ли заключенный работать или нет. Если по заключению врача больной не мог выдержать режим лагеря, тогда его выводили на расстрел.

Питание заключенных состояло из хлеба и супа. Хлеба выдавали по 150–200 граммов в день, причем он наполовину был смешан с опилками, поэтому был тяжелый и на вкус горький. Супа давали пол-литра в сутки, его варили из сгнивших отходов овощей и листьев деревьев; иногда в суп добавляли мясо с червями от дохлых лошадей. Заключенные прозвали этот суп «зеленый ужас» или «новый порядок».

⁴² Датируется по смежным документам дела.

⁴³ Строительство Саласпилсского лагеря было начато в октябре 1941 г.

Вот что говорит свидетель Вейнберг:

«Питание было исключительно плохое. Дневная норма состояла из 200 граммов хлеба и пол-литра водянистого супа, содержавшего гнилую капусту и шелуху картофеля».

Это обстоятельство подтверждается свидетельствами Секунд, Трофимовым и другими.

В начале 1943 года в лагерь начали массами привозить граждан, насильно вывезенных немцами из оккупированных районов Советского Союза. Лагерь был и без того переполнен, а прибытие новых людей создало чрезмерное скопление людей, поэтому образовалась сплошная грязь, голод, что вызвало вспышку тифа и дизентерию.

Чтобы усилить издевательства над больными, фашисты организовали так называемый «карантин».

Вот что показывают свидетели Лаутулайтис, Яскевич и другие.

«Немцы объявили карантин, всех заставили раздеться, потом голых за 600–800 метров погнали в баню по грязи и снегу. Во дворе бани у женщин ножницами стригли волосы, при этом издевательски — клочья волос оставляли, а местами до кожи выстригали. Стригли, как овец. В бане мыли холодной водой. После мытья всех заключенных пригнали обратно в эти же бараки, где оставили одежду, но последней не оказалось, и так раздетых людей продержали в бараках с открытыми окнами. По истечении четырех дней фашисты выдали заключенным разное тряпье, а всю хорошую одежду присвоили. Потом все бараки опрыскивали каким-то ядовитым составом большой концентрации, а окна закрыли, в бараках скопились какие-то отравляющие газы, от которых многие заключенные умерли.

После так называемого «карантина», т. е. издевательства и ограбления, всех вновь прибывших граждан Советского Союза, которых немцы называли «беженцы», выгнали из бараков, построили и объявили, что теперь надо идти на работу, но чтобы дети не мешали работать, их отобрали у матерей. Последние детей не отдавали, немцы насильно вырывали из рук, дети подняли крик, некоторые матери теряли рассудок».

Фашисты и их сообщники всячески издевались над заключенными и подвергали их пыткам. За малейшие проступки заключенных наказывали карцером, избивали резиновой дубинкой, переводили в штрафную группу, а также расстреливали или вешали во дворе лагеря.

Бывший заключенный лагеря С. Лаукс показывает:

«Сажали в карцер за пустяки: за попытку иметь связь с волей, за разговор со знакомыми заключенными, курение и т. д. Карцер представлял узкое помещение, в котором можно было только стоять, лежать нельзя, так как не хватало для этого места. Карцер был сырой, холодный, имел сквозняки. Провинившихся в таком карцере держали до двух недель, давали хлеб и воду, горячую пищу заключенный не получал. Многие такой режим не выдерживали и умирали.

Лицам, которые были переведены в штрафную группу, запрещалось общаться с другими заключенными, держали их в отдельных бараках, посылали на самые тяжелые работы, а работать должны были по 12 часов без перерыва; если кто-либо сделал минутный перерыв, немедленно подвергался избиению. Многие не выдерживали этого каторжного режима и умирали от истощения и побоев.

Немцы в 1942 году практиковали и такую меру наказания тех, кто пытался бежать из лагеря: задержанному на груди и на спине привязывали доску, где было написано «беглец». С этой доской человек должен был ходить на работу и спать в течение месяца. Через некоторое время немцы этот вид наказания отменили и задержанного расстреливали. На территории лагеря и в бараках было запрещено все: нельзя было ходить без сопровождения полицейского, запрещено курить, разговаривать с другими заключенными, а также нельзя было оказывать помощь другому лицу.

Заключенные обвинялись во всем, что взбредет в голову оголтелому фашисту. Если кто-либо, по мнению фашиста, задержался более продолжительное время в уборной, немедленно был за это наказан».

Вот что говорит бывшая заключенная Э. Виба:

«Независимо от времени года заключенного заставляли ложиться на землю и моментально вставать и прыгать на корточках. Раздавалась команда: «ложись», «вставай», «прыгай», а в это время собака коменданта Краузе нападала на заключенного и рвала его. Комендант лагеря Краузе и другие фашисты наблюдали и смеялись. Такое иногда продолжалось часами. Часто после такой «гимнастики» заключенный не мог подняться. Тогда полицейский подходил к нему и избивал резиновой дубинкой. Были очень часты случаи, когда люди погибали».

Этой мерой наказания фашисты не были удовлетворены и применяли разные другие меры, как например, показывает очевидец Эльтерман, что «фашисты били заключенных до потери сознания. После этого их обливали водой и, когда они приходили в себя, снова продолжали избиение резиновой дубинкой. Как правило, если после истязания заключенный не умирал, то его расстреливали».

Кроме того, немецкие фашисты и их сообщники разбивали заключенных на группы «а», «б», «в». Например, группа «в» означала «штрафники». Эта группа на груди должна была носить белый круг. Все эти люди использовались на самых тяжелых работах и заняты были не менее 14 часов в сутки. Кроме того, получали уменьшенную норму скудного пайка.

В лагере были установлены свои законы и суды. Судьями обычно являлись следователи. Они единолично выносили «приговоры». По такому «приговору» заключенный подвергался порке до 100 ударов резиновой дубинкой и другим видам наказания и также расстреливался.

Массовые расстрелы и захоронения.

Вот что показывают очевидцы, бывшие заключенные Лаугулайтис, Эльтерман, Виба, Купец и другие.

«Отобранных от родителей детей в возрасте до 5 лет поместили в отдельный барак, там они заболели корью и массами умирали. Больных детей уносили в больницу лагеря, где их купали в холодной воде, от чего они через два-три дня умирали. Таким путем в Саласпилском лагере немцами было умерщвлено детей в возрасте до 5 лет более 3000 в течение одного года».

Свидетель Эльтерман показывает, что в августе 1944 года в Саласпилский лагерь для мирных граждан пригнали военнопленных — инвалидов около 370 человек, а в конце этого же месяца их расстреляли в лесу, недалеко от лагеря, трупы сожгли. Далее она же показывает, что 25 сентября 1944 г. из больницы Саласпилского лагеря забрали всех больных и расстреляли в лесу.

Администрация лагеря и охрана расстреливали заключенных и просто так, ради развлечения и садизма.

Так, свидетель Виба показывает:

«Как комендант лагеря Краузе, так и другие фашисты и их приспешники брали девушек к себе и их насиловали, а затем расстреливали.

В центре лагеря помещалась виселица. По субботам на ней кого-либо вешали в назидание другим».⁴⁴

Начальник гражданско-судебного
отдела Прокуратуры ЛССР Гартман

Печ. по кн.: Мы обвиняем. С. 128–133

№ 34

Из показаний бывшего политического заключенного Я. Вейде чрезвычайной республиканской комиссии

22 января 1945 г.

1 июля 1941 г., после занятия Риги гитлеровскими оккупационными войсками, начались массовые аресты рабочих и трудовой интеллигенции Советской Латвии. Приспешники гитлеровцев — перконкрустовцы⁴⁵, айзсарги, бывшие полицейские, офицеры и вновь сформированные шуцманы вынюхивали повсюду — на фабриках, на местах работы, по домам, арестовывая каждого, кто казался им подозрительным. Арестовывали и доставляли в ближайший полицейский участок, из участков — целыми грузовыми машинами в Центральную тюрьму, а из крупнейших фабрик арестованных рабочих отправляли прямо в тюрьму. Такая картина наблюдалась без перерыва целых две недели.

Таким образом, тысячи рижских рабочих и трудовой интеллигенции попали в руки разъяренных гитлеровцев и на основании указаний оккупационных властей подвергались истязаниям, а затем были расстреляны.

17 августа я попал в 30-ю распределительную камеру 1-го корпуса центральной тюрьмы. 19 августа впервые попадаю на прогулку, на маленькую площадку возле 2-го одиночного корпуса. Оттуда слышны тяжелые стоны, глухие удары и грубые окрики. В первый момент не понимаю, что там происходит, но идущий рядом со мной объясняет, что там допрашивают заключенных. Прибыв в тюрьму, я узнал, что в камерах нижнего этажа 12-го корпуса происходят допросы; допросы там начаты только 26 июля 1941 г., а с 3 по 26 июля допросов не было, туда вызывали заключенных только для того, чтобы их тяжело избить, а ночью вывезти в Бикерниекие сосны для расстрела...

С 26 июля 1941 г. во 2-м корпусе начались изощренные пытки заключенных латышами. Немцы устроили застенки для допросов в 1-м корпусе рядом с кабинетом Биркана.

Находясь в 30-й распределительной камере 1-го корпуса, окна которого выходят в сторону камер для допроса 2-го корпуса, каждый день я слышал громкие стоны мужчин и женщин, лязг различных орудий пыток. Встав на наше окно, можно было видеть, что из 2-го корпуса на носилках выносят многих допрошенных политических заключенных. Там были мужчины, а также и женщины. Здесь пытали только латыши. Была организована особая команда истязателей, которые с засученными рукавами и «черным

⁴⁴ По данным Чрезвычайной республиканской комиссии в Саласпилском концентрационном лагере убито 53 700 чел.

⁴⁵ Перконкрустовцы — члены крайне националистической фашистской организации «Перконкрустс» (Громовой крест), которая была организована по образцу нацистских штурмовиков. В годы немецко-фашистской оккупации перконкрустовцы участвовали в кровавых преступлениях нацистов.

угрем» спешили туда, куда их на помощь вызывали электрическим звонком. Особенно здесь выделялся известный конькобежец Табак. Вначале всем этим делом руководил спортсмен Упениек. Еще хуже было, если вызывали на допрос к немцам. Никто оттуда не выходил без исколотой спины и без выбитого глаза, сломанной челюсти или разбитой головы. Очень часто из камер этих чудовищ допрошенные выталкивались без сознания, нередко мертвыми. Стены в этих комнатах были, как в скотобойне, залиты кровью; стены здесь часто белили.

Особенно зверски действовал один плешивый немец высокого роста, его видел и я и опознал бы и среди тысяч. О нем говорила вся тюрьма. В кабинете упомянутого немца видели следующие инструменты для пыток: резиновые стеки различных размеров, хлысты для собак, боксерские перчатки. Этими предметами для пыток били куда попало, не глядя, но чаще всего по голове. Заключенные, которых во время допроса били по ступням ног, больше не могли ходить и впоследствии оставались калеками на всю жизнь. Одного такого политического заключенного я знаю, он живет в Риге, на улице Пионеру. От того же немца вернулись двое комсомольцев с выбитыми зубами, разбитыми носами и потерянным слухом.

Приблизительно в начале сентября в 1-м корпусе двое немцев вытолкнули из 29-й камеры избитого уже в предыдущий день Калвишкиса. Он не мог даже идти, но оба немца хлыстами гнали его в застенки для допросов, откуда он живым уже не вернулся.

В это же время в одиночках 2-го корпуса сидел учитель — член Верховного Совета тов. Лиекнис, который на допросах держался как подлинный представитель выборной Советской власти и с презрением относился к допрашивавшим его негодям; вскоре его включили в группу направляемых на расстрел в Бикерниецкие сосны.

10 сентября в нашу распределительную камеру вошел старший тюремный надзиратель Озолс, прозванный впоследствии «Черным ангелом». Этот палач руководил сбором расстреливаемых из камер, сопровождал все транспорты в сосны, участвовал в повешении и других насилиях над политическими заключенными. Нас распределили по корпусам. Меня зачислили в группу IV корпуса, прозванного корпусом смерти, и поместили в 13-ю подвальную камеру...

Налево от нас была 12-я камера, где находились евреи; количество заключенных в камере всегда было около 120 человек, но состав камеры менялся через каждые 5 дней — регулярно увозили на расстрел, а где пахло кровью, там всегда поблизости оказывался «Черный ангел».

Справа от нас, через коридор, находилась 14-я камера смертников, ее состав комплектовался из всех корпусов тюрьмы. Многие приходили из одиночных камер. После того как смертников увозили в Бикерниецкие сосны, в их камере происходило нечто необычное: дежурные надзиратели, ссорясь между собой, делили оставленные вещи в качестве военных трофеев, так как перед вывозом всех раздевали догола, и вещи оставались в камере. Случалось и так, что в дежурных вещах участвовали дежурные корпуса, которых тщательно подбирали и проверяли политически.

В первые дни октября, когда я был в 13-й камере, произошел такой случай. Около 9 часов вечера, когда мы лежали на своих жестких железных нарах, на тюремном дворе, недалеко от окон камеры мы слышали перепуганные женские голоса, к которым присоединились крики мужчин; раздались глухие удары резиновых дубинок, затем резкие револьверные и автоматные выстрелы — выстрелы стали реже, затем все смолкло. В нашей камере все страшно возбуждено, ждем, что будет дальше. Кто-то в штатском открывает дверь камеры и освещает нас ярким электрическим фонарем — затем все затихло.

На следующее утро, идя на прогулку, в кирпичной стене видим следы пуль, а брусчатка засыпана свежим песком, под которым еще виднеются следы крови. Позже мы узнали, что из одиночных камер вели на расстрел несколько партизанок и парашютистов.

В середине октября нашу камеру расформировали. Меня поместили в камеру на 3-м этаже, где нас было 75 человек. Норма камеры была 25 человек, спали на полу, под кроватями и на любом свободном месте. 24 октября была ужасная ночь. В 10 часов вечера в коридоре раздались тяжелые шаги нескольких человек, было видно, что приближается «Черный ангел». Из шести камер 3-го этажа вызвали около 30 человек со всеми вещами. «Казенное имущество сдать, личные вещи взять с собой», — раздался голос «Черного ангела». В эту ночь по всей тюрьме было собрано 250 человек, которых утром, раздетых догола, в несколько приемов увезли в «Черной Берте». Зато старшие надзиратели и надзиратели корпуса получили богатую добычу, а остатки — дежурные корпуса.

Расстрелы происходили регулярно. Каждый месяц перед этим освобождали подвальный этаж и туда помещали заключенных из оккупированных районов Советского Союза, мирное население и красноармейцев. Все они считались в «распоряжении немцев» — так было написано на черной дощечке в коридоре — состав камер здесь часто менялся.

В такой обстановке мы встретили январь 1942 года. Все заключенные сильно исхудали, ходили, поддерживая друг друга. Началась страшная эпидемия тифа, распространению которой способствовали переполненные камеры, вши, клопы и невообразимо плохое питание. Хлеба мы получали 200 граммов в день, на

обед немного сваренных в воде зеленых листьев из силосных ям для скота и немного ободранных телячьих костей. Положение было критическим, к врачу никого не пускали. 12 января объявили полный тюремный карантин, который продолжался до 16 марта. Поэтому за период с 1 января 1942 г. до середины мая каждый день от различных эпидемий и голода умирало 30–40 заключенных...

10 сентября 1942 г. был массовый расстрел. Из всех корпусов взяли помногу заключенных. На этот раз на расстрел увозят 300 заключенных. В октябре повторяется такая же акция, на этот раз число увезенных около 200.

18 ноября 1942 г. из тюрьмы в Саласпилский лагерь увозят 700 человек. Проходит несколько дней, и отправляют партии в лес...

С сентября 1943 года начинаются очень частые расстрелы, жертвы поступают из 1, 2 и 3 корпусов, особенно много расстреляно из изолятора и одиночных камер. В это время был расстрелян член партии Крастыньш. В 1944 году увоз на расстрел немцы производили замаскированно: подлежащих вывозу вызывали в дневное время со всеми вещами, проводя через выход 1 корпуса, где вещи приказывали сложить в сторону, у выходных ворот, а далее уже стояли немцы, наручниками связывали по двое и толкали в «Черную Берту». Для того чтобы у тюремных надзирателей не возникло подозрений, в последнее время на расстрел увозили со всеми вещами, также со скованными руками. В последние дни сентября расстрелы происходили через каждые два дня.

Я. Вейде

Печ. по кн.: Мы обвиняем. С. 117–122

№ 35

Из расследования материалов чрезвычайной республиканской комиссии

17 февраля 1945 г.

Расследованием установлено, что во время временной оккупации немецко-фашистскими властями на территории Бауского уезда по приказу немецких властей проводились массовые расстрелы ни в чем не повинных советских граждан.

Так, в мае 1942 года немецкие оккупационные власти совместно со своими помощниками — латышскими шуцманами в лесу Юнсаульской волости Бауского уезда, расположенном в 1 километре от Юнсаульской волости, проводили расстрел советских граждан, по национальности цыган.

Вот что об этом расстреле рассказывает допрошенный свидетель Тумашевич Казимир Казимирович:

«С приходом немецких властей в Бауский уезд Латвийской ССР в конце июля 1942 года я вступил в группу шуцманов, которая была создана немцами в нашей Бауской волости. Являясь членом этой группы шуцманов, я стал невольным свидетелем зверского расстрела мирных граждан цыганской национальности. Это было в мае 1942 года. Нам, шуцманам Бауской волости, старший нашей группы лейтенант Берзинь дал приказ идти в Юнсаульскую волость Бауского уезда для охраны арестованных цыганских семей. Придя в эту волость, мы ночью были расставлены на посты по дорогам вокруг Юнсаульского леса. Некоторая часть шуцманов, фамилии которых я не помню, изъявили свое желание идти в Юнсаульскую волость и привести оттуда цыганские семьи сюда, в лес, который находился от самой волости на расстоянии одного километра. На посту я простоял всю ночь, когда уже стало светать, около 5 часов утра. Примерно часов в пять утра ко мне на мотоцикле подъехал старший нашей группы Берзинь, который предупредил меня, чтобы я никого не пропускал в сторону этого леса. Через несколько минут по моей дороге, где я стоял на посту, прошла немецкая грузовая автомашина, в которой сидели вооруженные немецкие солдаты и, насколько мне помнится, были и латыши, тоже вооруженные. Машина эта ушла в лес, и через полчаса в лесу слышались длинные автоматные очереди. Все это продолжалось в течение часа. После этого, когда все кончилось, нас отпустили по домам. Идя домой, в разговоре с шуцманом Скалдером, жителем города Бауски, мне стало известно, что были расстреляны цыгане в количестве 200 человек. Он рассказал мне, что расстреливали их в одном месте и закопали в одной яме».

Допрошенный свидетель Андруш Август Иванович показал: «Это было в начале мая 1942 года, к нам на хутор Яунмемель приехал помощник начальника полиции Бауского уезда Бурковский, и вместе с ним был помощник старшины Скайсткалнской волости Силинь. Они осмотрели эту усадьбу и, ничего не сказав, уехали. Прошло два дня, после этого я видел, что к нашей усадьбе ехало четыре подводы, на которых сидели люди — женщины, дети и мужчины, их охраняли вооруженные шуцманы. Когда подъехали они к усадьбе, шуцманы мне сказали, что будут привозить рабочих. Я увидел на подводах сидевших цыган — их поместили в этот

дом. После этого, примерно в течение четырех дней, к нашей усадьбе стали в день приезжать по 10 и более подвод, на которых привозились цыганские семьи. Охраняли их шуцманы.

Так находились они под стражей около пяти-шести дней. На седьмой день нам, жителям этой усадьбы, помощник начальника полиции Бурковский объявил, чтобы мы после заката солнца на улицу не выходили, пока они будут находиться в этой усадьбе, а если кто выйдет, то будет без предупреждения расстрелян. На другой день я уехал в Скайсткалнскую волость, чтобы получить продовольственные карточки, вернувшись оттуда, я узнал от своего соседа Варакана, что сегодня ночью будут расстреливать цыган, которые находятся в усадьбе; я ему не поверил, но он сказал мне, что об этом он узнал от шуцманов, охранявших цыган. И действительно, в эту ночь все цыгане, которых было около 250 человек, были уведены в лес Яунсаульской волости, где рано утром были все расстреляны».

Аналогичные показания дают допрошенные свидетели Варакан М. А., Древинская А. К., Бэка В. М. и другие.

Как установлено свидетельскими показаниями, в данном месте, в лесу Яунсаульской волости, расстреляно около 250 цыган. На месте расстрела имеется одна могила, размер которой 20 метров в длину, 3 метра в ширину.

Раскопки трупов и сжигание не производились.

Уполномоченный Народного Комиссариата
внутренних дел ЛССР и Чрезвычайной
республиканской комиссии капитан Бундзис

Следователь Боковой

Печ. по кн.: Мы обвиняем. С. 196–198.

№ 36

Воспоминания Клавдии Эмильевны Пурите

6 июля 1963 г.

Мои родители Кронис Эмиль и Нинела поселились в Грини в 1935 году, переселившись туда из Видземе. Завели небольшое хозяйство Вадземниеки в Сакской волости. Я сама оставалась еще в Видземе и только тогда, когда в 1942 году немецкие оккупанты стали посылать из Видземе на работу в Германию, приехала сюда к родителям.

В 1944 году мои братья Янис, Леонард и Эмиль Кронис были в Гриньской партизанской группе⁴⁶. Ими командовал Янис Кронис, мой старший брат. В партизанскую группу Леон и Эмиль попали, убежав из легионерских казарм, Янис пришел, убежав из легиона с фронта в районе Великих Лук.

Наша семья помогала своим партизанам как только могла. Давали продукты, доставляли их в лес, много раз я ездила туда на лошади, чтобы доставить сведения.

Каким-то путем о нашей связи с партизанами и конкретно с моими братьями-партизанами стало известно. Местные шуцманы стали нас преследовать. Неоднократно врывались в дом, допрашивали, допуская всякие грубости. Помню, как однажды шуцманы, ворвавшись в очередной раз к нам в дом, стали искать партизан, а мои братья тогда, как мне было известно, находились на соседнем хуторе. Мне удалось тогда вовремя убежать на тот хутор в Грини Сакской волости к Иванову и своевременно предупредить партизан.

Потом в 1944 году получила через волостного старшину распоряжение волостного правления идти работать прислугой к хозяину усадьбы Вецвагари, местному шуцману. Я отказалась выполнить это унижительное распоряжение и после этого ушла работать в усадьбу Куки к Бриедисам, которые потом тоже стали помогать партизанам.

Позднее, 24 августа 1944 г., шуцманы зверски расправились с моими родителями. Случилось это так: какой-то русский мальчик, который во время войны попал в наши края и остался у моих родителей, в то утро, как обычно, пас у нас в усадьбе Видземниеки коров. Вдруг он заметил, что вся окрестность вокруг усадьбы окружена. На всех дорогах и тропинках по одному и по несколько, тихонько притаившись у домов, стояли шуцманы. Это были местные немецкие приспешники Янис Нельсон из усадьбы Брувери, Кристаксон, Пинтикис, Приедол и др. Были также шуцманы из Айзпуте. Двое из них направились к дому и опросили мальчика, дома ли старики. Мальчик ответил, что хозяева, а не старики, дома. Мальчик убежал, чтобы пригнать обратно окруженных слепнями коров, и слышал, что у дома прозвучало два выстрела. Тут же

⁴⁶ Упомянутая группа партизан входила в руководимый А. Мацпаном Леяскурземский партизанский отряд.

загорелись жилой дом и хлев. Возможно, что их зажгли трассирующими пулями. Мальчик слышал, что все время, пока горел дом, моя мать ужасно кричала. Но мальчик не мог себе представить, что ее сожгли живой, он думал, что она во дворе кричит, видя, как сжигают дом. Но мои отец и мать сгорели в подожженном доме, из которого их не выпустили. Мальчик пригнал в обед домой скотину, когда усадьба еще горела. Не видя нигде хозяев, он в страхе прибежал ко мне в Бриежи. Мы тогда побежали в волостное правление и опросили, почему подожгли дом. Никакого определенного ответа никто нам не дал.

В это же время Баланда из Зиёмупе, идя в гости к своему другу в эту сторону, увидел пожар и направился к объятый пламенем усадьбе Видземниеки. Там между горящими балками дома он увидел хозяина Эмиля Крона, лежащего без признаков жизни. У него уже сильно обгорела голова, сгорела рука. Баланда вытащил останки Эмиля Крона из объятых пожаром дома.

Позже, когда я подошла к сгоревшему уже дому, мы нашли и мою мать посреди дома. От нее осталось лишь несколько ребер и небольшая часть позвоночника. Уже в волостном правлении нас строго предупредили, что нельзя устраивать никаких похорон и доставать гробы. Все же гробы достали. В сколоченных из простых досок гробах похоронили останки моего отца и матери там же, во дворе сожженного дома. Только после войны, 15 мая 1945 г., они были перевезены на Платерское кладбище. Там же похоронен и мой брат Янис, павший как партизан в бою против фашистов в Зиёмупском лесу 14 декабря.

Воспоминания представила К. Пурите

Воспоминания записал Т. Вильциньш

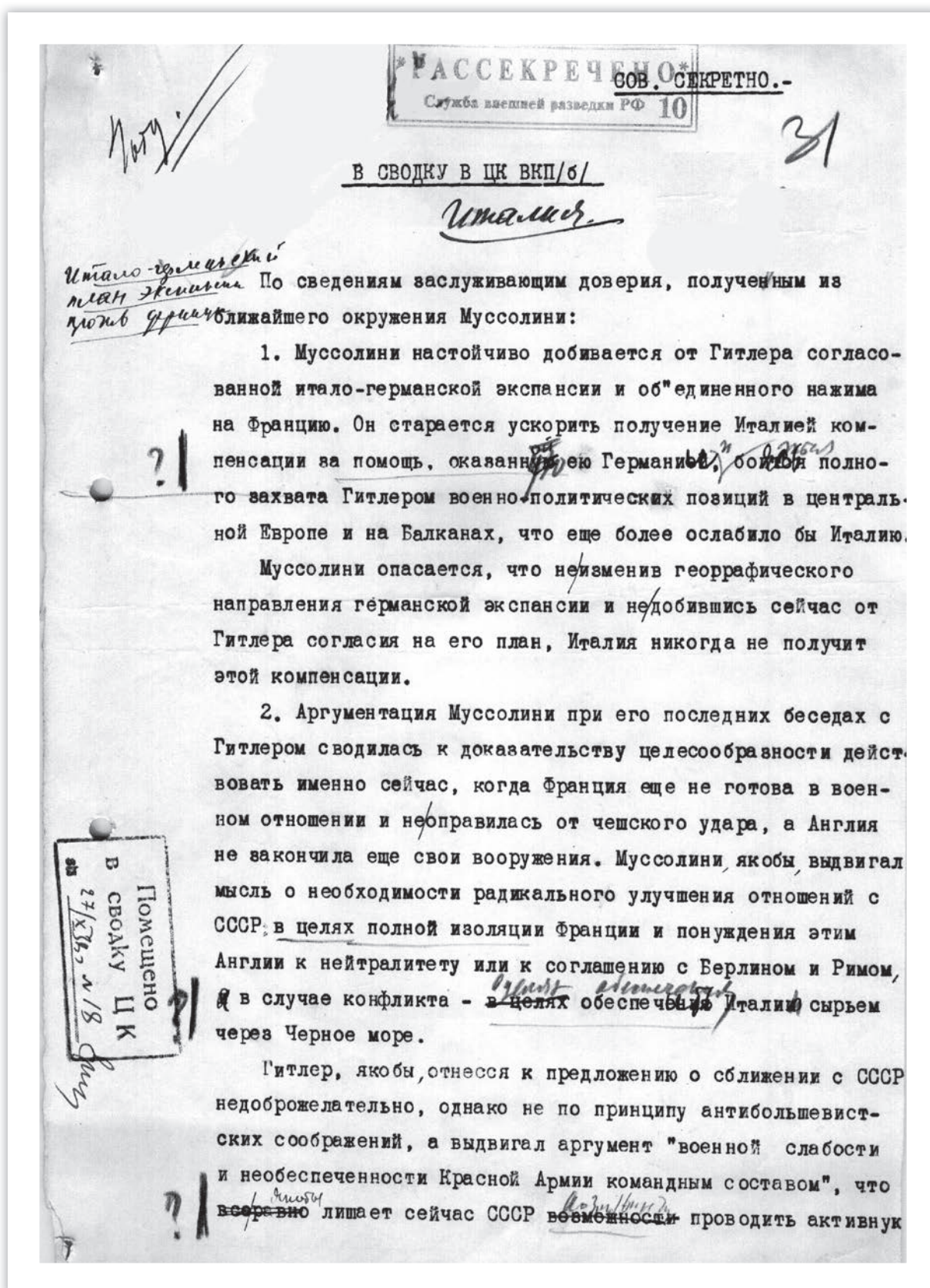
Печ. по кн.: Мы обвиняем. С 151–153.

Материалы VI республиканской экспедиции историков, 1963 г.

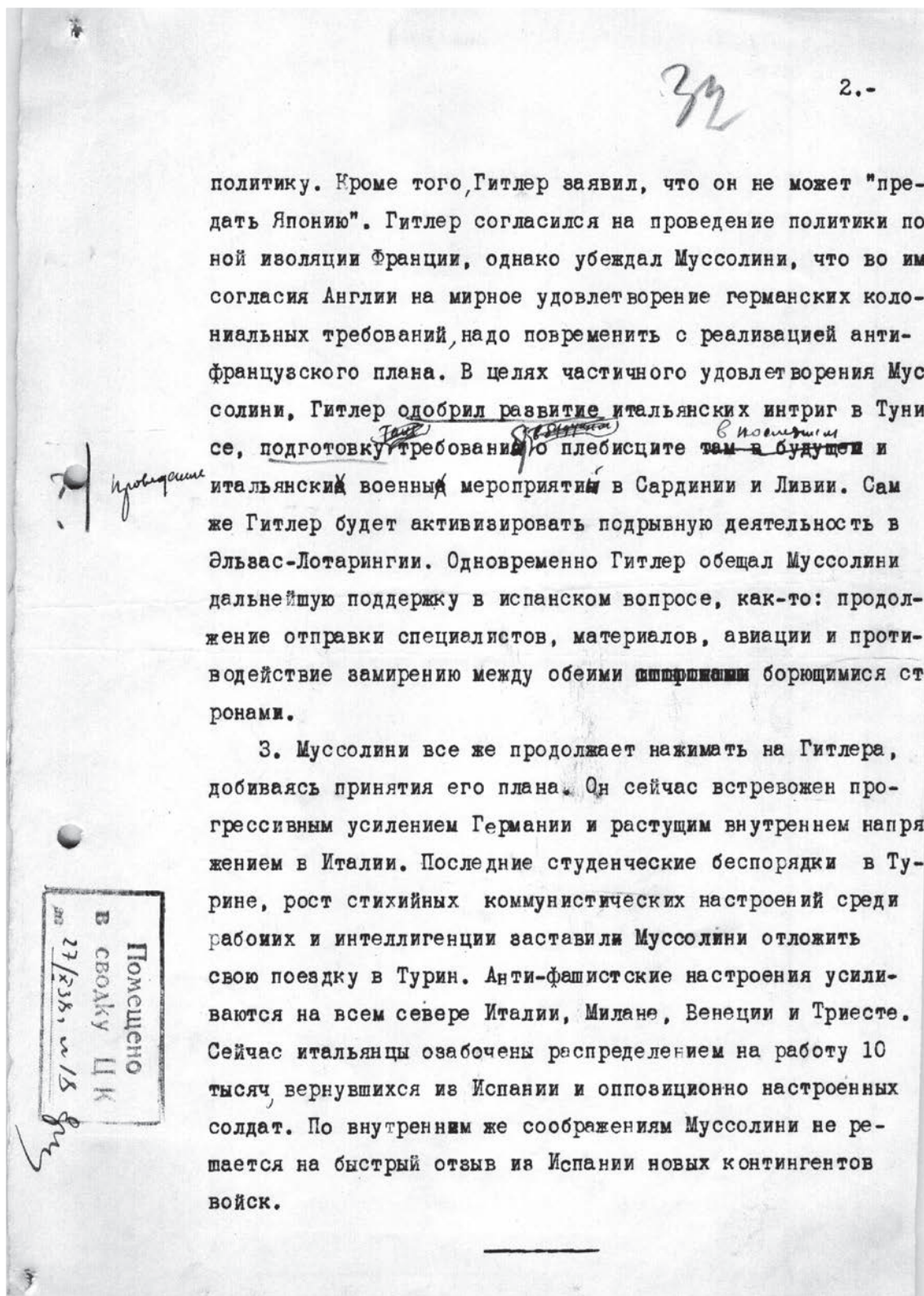
Опрос К. Пурите. Перевод с латышского

РАССЕКРЕЧЕНО

Сводка ЦК ВКП(б) о переговорах Муссолини
с Гитлером

Сводка ЦК ВКП(б) о переговорах Муссолини
с Гитлером. Стр. 2

Спецсообщение 5 отдела ГУГБ НКВД из Рима
по вопросам внешней политики Италии. Стр. 1-2

тб-5

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО.

5 ОТДЕЛ ГУГБ НКВД
"6" ноября 1938г.
732724

РАССЕКРЕЧЕНО
Служба внешней разведки РФ 10

39

- 1) Борис
- 2) Берис
- 3) _____
- 4) _____
- 5) _____

ИО НАЧ 5 ОТДЕЛА ГУГБ
КАПИТАН ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
(Судоплатов)

СПЕЦСООБЩЕНИЕ.

5-м отделом ГУГБ НКВД СССР получены из Рима от источников, заслуживающих доверия, следующие информации по вопросам внешней политики Италии:

1. Испанская проблема и англо-итальянские переговоры.

Со второй половины октября активно возобновлены итальянские отправки материалов и специалистов в Испанию. К 15-му октября уже отправлена целая артиллерия для корпуса, включая резервы, что составляет около 180 орудий разных калибров. Этот артиллерийский комплект почти полностью снабжен людским персоналом.

По сведениям из военного министерства, у Франко нет достаточного количества артиллеристов. Отправлены танки, продолжается отправка самолетов и летного персонала. В министерстве авиации называлась цифра в 75 аэропланов, отправленных за 10 дней (с 5 по 15 октября).

Наряду с отзывом незначительного количества солдат, находящихся свыше 18 месяцев в Испании, возвращение которых выгодно Муссолини со всех точек зрения, к Франко в

40
2.-

усиленных темпом отправляется снаряжение, военные материалы и разные специалисты. Это обстоятельство показывает, что Муссолини отнюдь не намерен выпустить полностью из своих рук испанскую карту и что в нынешних англо-итальянских переговорах он ведет безпроигрышную игру.

Существо англо-итальянских переговоров и планы Муссолини рисуются на основании данных разных источников в следующем виде:

Муссолини частично отозвал, частично согласен еще отозвать итальянских солдат, пребывание которых в Испании сейчас не оправдывается ни требованиями военной обстановки, ни настроениями Франко, ни связанными с их присутствием в Испании громадными расходами. С ними или без них война будет продолжаться еще весьма длительный промежуток времени. Для продолжения операций Франко нуждается в материалах и специалистах. Вокруг последнего вопроса и идет преимущественно торг с Англией: Лондон добивается прекращения поставки итальянских материалов в Испанию и отзыва специалистов; Муссолини, как бы этому противится, стремится получить английские гарантии о прекращении снабжения Барселоны через Францию, а в действительности, прекрасно понимая, что Италия, в учете ее географического положения сможет всегда снабжать Франко специалистами и материалами. Сопротивляется Муссолини предварительной ликвидации своих баз на Балеарах, поскольку такая ликвидация

Спецсообщение 5 отдела ГУГБ НКВД из Рима
по вопросам внешней политики Италии. Стр. 3-4

44

3.-

была предусмотрена в результате введения в действие англо-итальянского соглашения. Муссолини, наконец, стремится обеспечить себя английским обязательством финансовой помощи с тем, чтобы в скрытом виде за счет Лондона покрыть много-миллиардные расходы, понесенные Италией до сих пор на испанскую авантюру. Добиваясь соглашения и его ратификации английским парламентом, Муссолини получает признание абиссинского захвата, денежную помощь, укрепляет позиции Чемберлена и ни чем не рискует в испанском вопросе. Если снова политические настроения в Англии изменятся, падет Чемберлен или возникнет очередное обострение англо-итальянских отношений, Муссолини сможет немедленно полностью возобновить интервенцию в Испании. По этим соображениям, Италия решительно противится перемирию, или, тем более, - миру между борющимися сторонами в Испании. В интересах Муссолини и Гитлера - продолжение испанской войны и ее затяжка, поскольку победа Франко сейчас обеспечена быть не может.

2/Гитлер и Муссолини. Отношение к чехословацкому вопросу, Венгрии, Франции и общим проблемам европейской политики.

По сведениям источника беседовавшего в Берлине с чешским мининделом Хвалковским, Гитлер не рекомендовал чехам проявлять излишнюю уступчивость перед лицом венгерских притязаний. Таким образом, есть дополнительное показание, говорящее: а) о нежелании Гитлера

42 4.-

допускать дальнейшего ослабления Чехословакии, а, главное, усиления Венгрии и общей границы ее с Польшей. Гитлер явно не собирается делиться своей центрально-европейской добычей с Муссолини;

б) о безуспешности нажима Муссолини в пользу удовлетворения полностью венгерских притязаний и установления путем общей венгеро-польской границы некоторого барьера против дальнейшей германской экспансии;

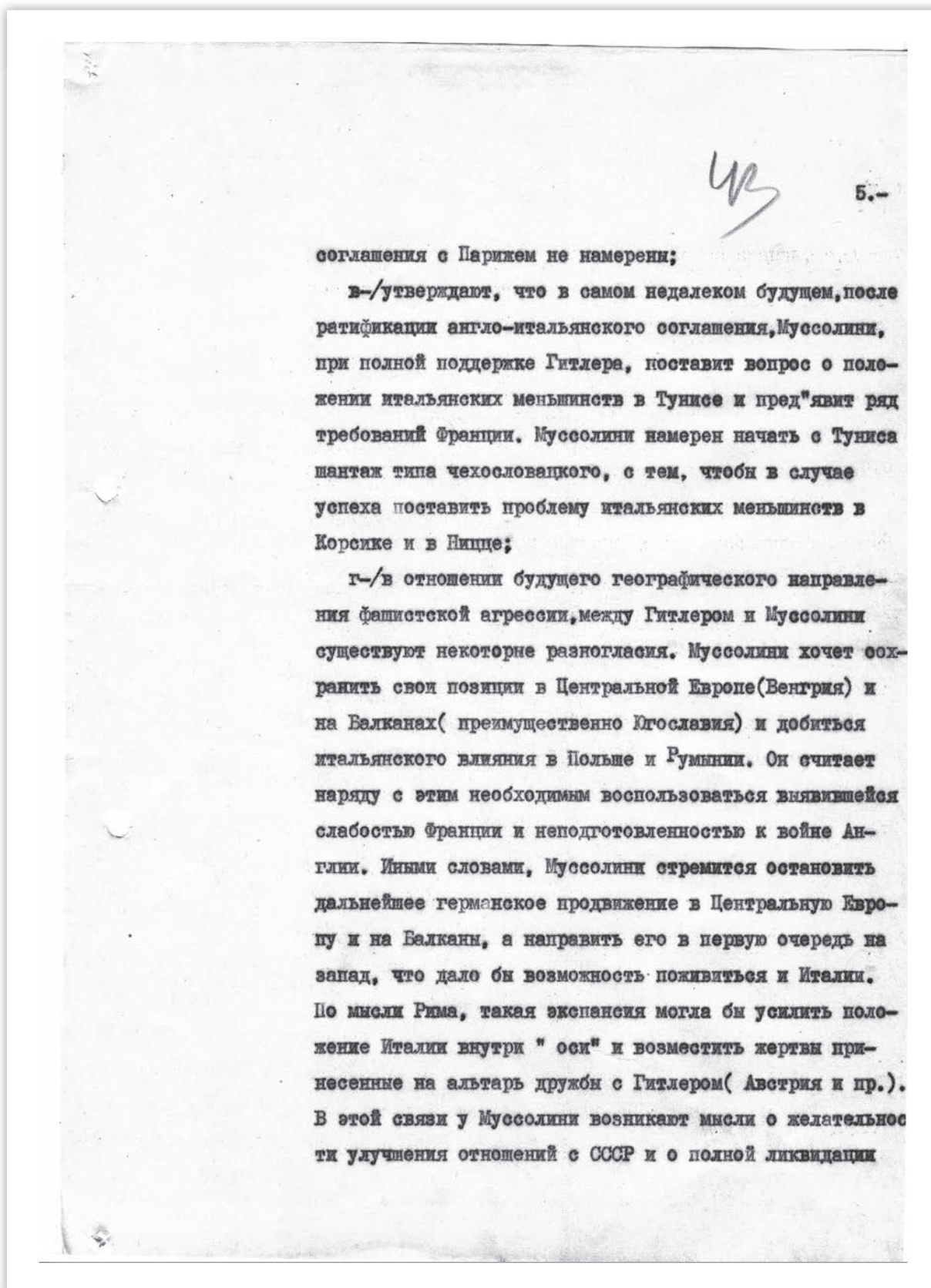
в) о наличии других областей, где Муссолини обещана германская поддержка в целях его компенсации за активное содействие захватническим планам Гитлера как в отношении Австрии в прошлом, так и Чехословакии в последнее время. Венгрия, при содействии Муссолини, получит больше, чем предлагали ей чехи, но вряд ли добьется общей границы с Польшей, чего не хочет Гитлер.

По данным ряда авторитетных источников германская поддержка Муссолини сведется в ближайшее время к следующему:

а-/согласованность политики в отношении Англии, которая для Муссолини была и остается главным потенциальным врагом;

б-/при сохранении на данном этапе линии Берлина и Рима в пользу соглашения с Англией, полная согласованность в отношении политики на изоляцию Франции и на максимальный отрыв Лондона от Парижа. Ни Италия, ни Германия сговариваться или заключать какие либо

Спецсообщение 5 отдела ГУГБ НКВД из Рима
по вопросам внешней политики Италии. Стр. 5-6

III

6.-

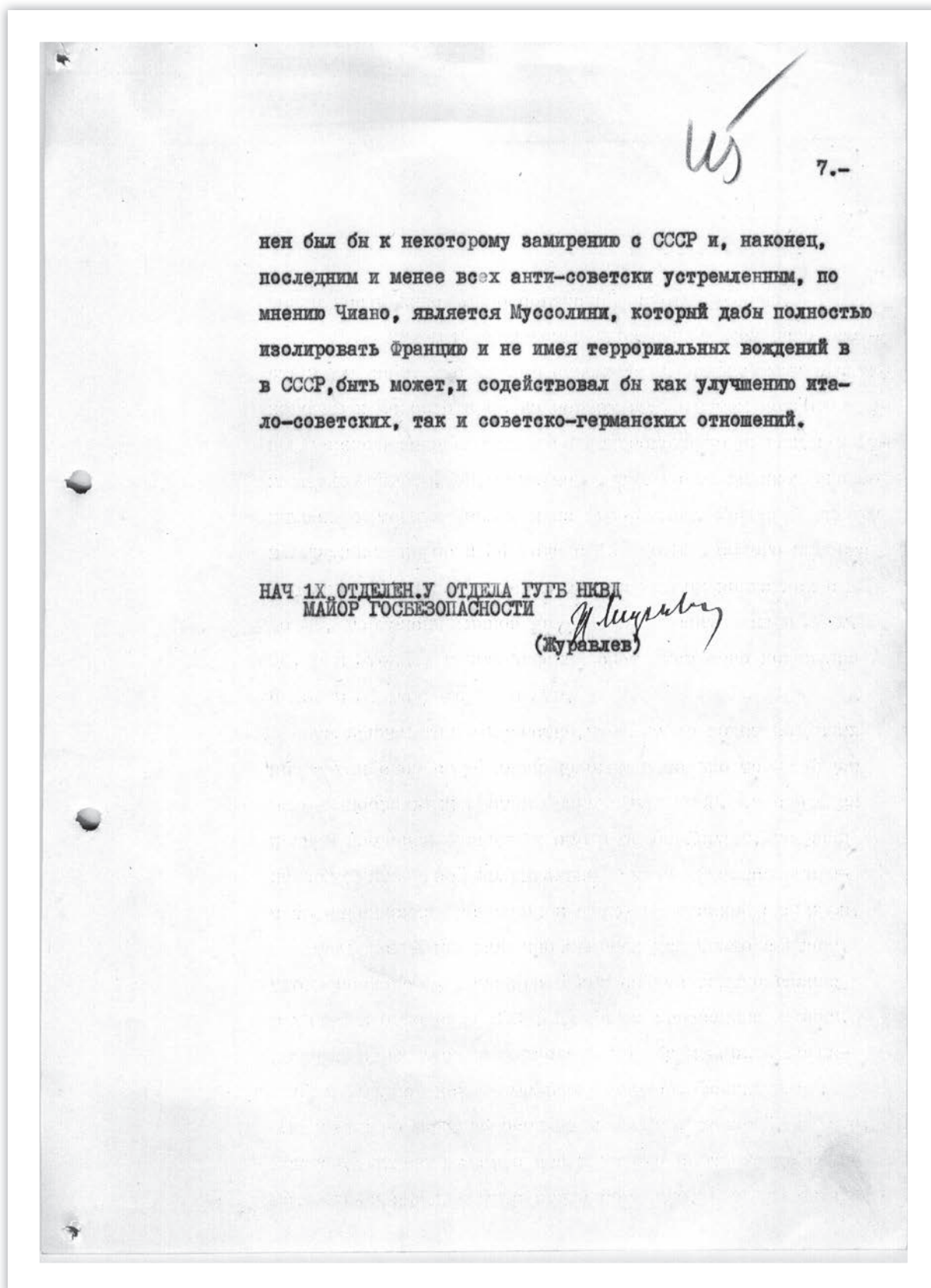
возможности какой либо советской помощи Франции.

В итальянском министерстве иностранных дел ясно представляют себе, что Гитлер стремится к дальнейшему проникновению в Чехословакию на первом этапе путем полного экономического закабаления и политического подчинения; в Румынию и Венгрию. Он, кроме того, уже почти целиком экономически вытеснил Италию и из Юго-Славии. Германский импорт в Югославию вырос с 34 года с 15% до 33% общего импорта Югославии, а итальянский в тот же период понизился с 15% до 8%, германский вывоз из Югославии составлял в 34 г. 9%, а в 37-22%, а итальянский соответственно понизился с 25% в 34 году до 9% в 37г.

Итальянцам также известно, что Гитлер хочет получить при английском содействии колонии и только тогда будет решать воевать ли против Франции или СССР. Он стоит за полную изоляцию Франции и отрыв ее от Англии, но дабы не осложнять своей колониальной акции пытается отсрочить стремление Муссолини к анти-французской аванюре.

Итальянский министр иностранных дел Чиано считает, что в составе фашистского блока сейчас налицо разные течения в отношении СССР. Наиболее агрессивна Япония, которая стремится использовать дружбу и блок с Германией и Италией исключительно в антисоветских целях. Следующим по враждебности идет Гитлер, который, однако, ввиду стремления своего итальянского союзника действовать на Западе и нажима этого союзника, быть может, скло-

Спецсообщение 5 отдела ГУГБ НКВД из Рима
по вопросам внешней политики Италии. Стр. 7

Выписка из оперативного письма о совещании
созванном Гитлером в октябре 1938 г.

КЗ-2.

РАСЕКРЕЧЕНО
Служба внешней разведки РФ 10

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

89

В Ы П И С К Аиз оперативного письма № 718 от 17.XII-1938 года

1. " — " приезжал сюда в связи с болезнью папы. Центральной его резиденцией является Берлин. Однако, он посылается во все невралгические пункты Европы, где происходят события. Во время чешского кризиса он сидел в Праге и Судетской области, был в Мюнхене во время конференции, в Вене в момент "арбитража" Чиапо и Риббентропа и т.д. Папа поправился и он вернулся в Берлин. Здесь " — " имел со мной несколько свиданий. Он рассказывал, что никто решительно из наших ни разу не пытался с ним связаться. После долгого ожидания он решил зайти к т.МЕРЕКАЛОВУ. Из свидания ничего не вышло, ибо разговаривать пришлось через переводчика, к тому же МЕРЕКАЛОВ никакого интереса к политическим вопросам не проявил. " — " восстановил все свои старые берлинские связи и приобрел новые. Рассказывал, что лицам его национальности легче сейчас работать в Германии, чем это было в Италии. В частности у " — " есть серьезные информаторы в кругах партии и рейхсвера. Он получил точные сведения о совещании, созванном ГИТЛЕРОМ в октябре. ПРИСУТСТВОВАЛИ ГЕРИНГ, ГЕББЕЛЬС, ГЕСС, РИББЕНТРОН, ГИМЛЕР — представители рейхсвера.

ГИТЛЕР публично обрушился на ГЕРИНГА и на представителей рейхсвера, которые в момент чешского кризиса, призы-

Сделано стик.
Содержание
Срочно

Выписка из оперативного письма о совещании
созванном Гитлером в октябре 1938 г. Стр. 2-3

-2-

90

вали его к умеренности. Он заявил, что во всем были правы РИББЕНТРОП, ГЕББЕЛЬС и ГИМЛЕР и что если бы он — ГИТЛЕР их послушался полностью, то не пришлось отдавать части Чехословакии другим, оставлять прикарпатскую русь и ныне терять время и силы для подготовки дальнейшего продвижения. Германия имела, мол, возможность получить еще больше и находиться в более выгодных условиях. Винаваты ГЕРИНГ и рехсверовцы. Вообще, по словам "_____" положение ГЕРИНГА немного пошатнулось. Формально он остается вторым человеком Германии. Фактически же все более и более оттесняется. В его руках полностью осталась экономика. Он еще пользуется влиянием в некоторых кругах рейхсвера. Однако, почти полностью вытеснен и отстранен от руководства партией, ударниками, внутриполицейскими делами. ГЕББЕЛЬС и ГИМЛЕР ведут против ГЕРИНГА систематическую борьбу.

Констатировал "_____" известный сдвиг и в настроениях рейхсвера. Это вызвано и обще международной обстановкой и переменами в головке рейхсвера. Сейчас нельзя уже сказать, что военные круги против интервенции на восток — против нас. Они считаются с реальной невозможностью остановить агрессивный пыл ГИТЛЕРА и лиц непосредственно его окружающих и на него влияющих. Из двух зол рейхсвер предпочитает, мол, выбрать меньшее. Менее опасно сейчас по их мнению заняться украинской авантюрой, чем нападать на Францию, вызвать вмешательство Англии и, следовательно, европейскую войну. По словам "_____" внутреннее положение Германии чрезвычайно напряжено, запасы на случай

-3-

91

войны недостаточны, стремление ГИТЛЕРА к блефу и к ультрамоторризации армии пагубно отражаются на ее боеспособности. В широких кругах офицерства ширятся оппозиционные настроения. Эти настроения, однако, пока не принимают опасных для режима форм. Систематическая пропаганда о слабости Красной Армии делает свое дело. Рейхсвер поэтому мирится с подготавливаемой украинской авантюрой и рассчитывает на одновременное выступление Японии. Представители последней видны в Германии повсеместно. Особенно много японцев на военных заводах, да и в военных частях. " _____ " видел их, сопровождая германскую армию при занятии укреплений судетских районов.

Таково кратко существо его информации. Настроен " _____ " в отношении войны весьма пессимистически, а лично чрезвычайно антифашистски. Большинство получаемой им информации он по цензурным условиям не использует. О своем посольстве отзывался неодобрительно. Человек он серьезный и может быть весьма полезен. Я, на всякий случай, снова договорился, что от моего имени с ним кто-либо из соработников свяжется. Терять такой источник информации, по моему, нельзя. При правильном подходе со " _____ " можно договориться о планомерном использовании его людей. Сделать это следует в Берлине, ибо в других пунктах он бывает лишь наездами, не регулярно. Если здоровье папы снова ухудшится он снова приедет в Рим.

ВЕРНО:

Спецсообщение 5 отдела ГУГБ НКВД. Текст доклада итальянского посланника в Эстонии в МИД Италии по вопросу об отношении Эстонии к Мюнхенской конференции четырех держав. Стр. 1-2

ЛБ5 Н.К.В.Д.-С.С.С.Р. Служба внешней разведки РФ 10

РАССЕКРЕЧЕНО

5 ОТДЕЛ ГУГБ

"3" декабря 1938г.

№ 433157

С П Е Ц С О О Б Щ Е Н И Е

И. ин. Терин

2. _____

3. _____

4. _____

5. _____

НАЧ. 5 ОТДЕЛА ГУГБ
(Деканозов)

Документально.

Перевод с итальянского.

Адресовано: посольство - Берлин, Лондон, Париж, Москва, Варшава.
и с с и я - Прага, Ковно, Рига.
Ген. Кон-во - Женева.
Главн. Управ. по делам Европы и Средиземн. моря
отдел II здесь.
Главн. Управ. общих дел, отдел I - здесь.

ЭСТОНСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ И ОТЗЫВЫ О МЮНХЕНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
ЧЕТЫРЕХ ДЕРЖАВ.

Соглашение в Мюнхене приветствовалось также в балтийских странах с чувством действительного облегчения. Русское наступление в помощь Чехословакии не исключалось совершенно в случае конфликта. Он мог повлечь проход советской армии через балтийские страны с опасностью окончательной военной

3/10 1938
Ст. г. Берия

128

2.-

их оккупации и, вследствие этого, потерю их независимости. Но если даже эта оккупация осуществилась бы то, как заметил г.ЭПИК - товарищ министра иностранных дел, в разговоре, имевшем место с ним - теперь навсегда устранена гипотеза, что Советский Союз может путем военного вмешательства укрепиться в центральной Европе или на вооруженных участках и аэродромах Чехословакии.

Может быть правильно мнение, разделяемое многими, что если бы вспыхнул конфликт, СССР держался бы вдалеке или ограничил бы свою деятельность помощью, аналогично помощи оказываемой в Испании. Но в этом случае, после войны, которая могла продолжаться 4 или 5 лет, СССР, в отличие от других государств, сохранив свои силы и свои средства нетронутыми, мог бы стать крепостью торжествующего коммунизма и источником неопреодолимой опасности. Здесь г.ЭПИК подтвердил мнение своего правительства, которое он уже имел случай выразить мне о том, что первыми жертвами наступающего и сильного коммунизма стали бы малые балтийские государства на границах России. До сих пор большевистское правительство не перестает создавать инциденты и заставляет их унижаться.

Поэтому, причиной по которой здесь в руководящих сферах соглашение в Мюнхене было принято с большим удовлетворением, является то обстоятельство, что это со-

Спецсообщение 5 отдела ГУГБ НКВД. Текст доклада итальянского посланника в Эстонии в МИД Италии по вопросу об отношении Эстонии к Мюнхенской конференции четырех держав. Стр. 3–4

129

3.-

глашение представляет собой дальнейшее ослабление мощи большевизма. Здесь с удовлетворением думают о причинах разложения внутри СССР, о неспособности к действию уже выявленной на Дальнем Востоке, и о том что СССР будет все более удаляться от европейских дел. С этой точки зрения можно констатировать полную идентичность взглядов трех балтийских стран.

Основные претензии националистической Германии до сих пор ограничивались присоединением немецких территорий. Глава Рейха публично заявил об отсутствии дальнейших территориальных притязаний Германии в Европе. Он следует политике слишком реальной для того, чтобы мечтать о присоединении 50.000 немцев из балтийских стран, так как для этого нужно было бы включить в состав Германии народы разных рас.

В Эстонии и Литве положение совершенно отлично от положения Чехословакии. В них нет территорий, населенных исключительно или почти одними немцами.

Эстонское правительство как правительство маленького государства, даже не попыталось сопротивляться или вставать в оппозицию идее возрождения пакта четырех.

На недавнем совещании в Мюнхене права Чехословакии, как однородного государства были уважены. Была признана законность принципа свободного самоопределения, но применения такого принципа к Эстонии не следует бояться.

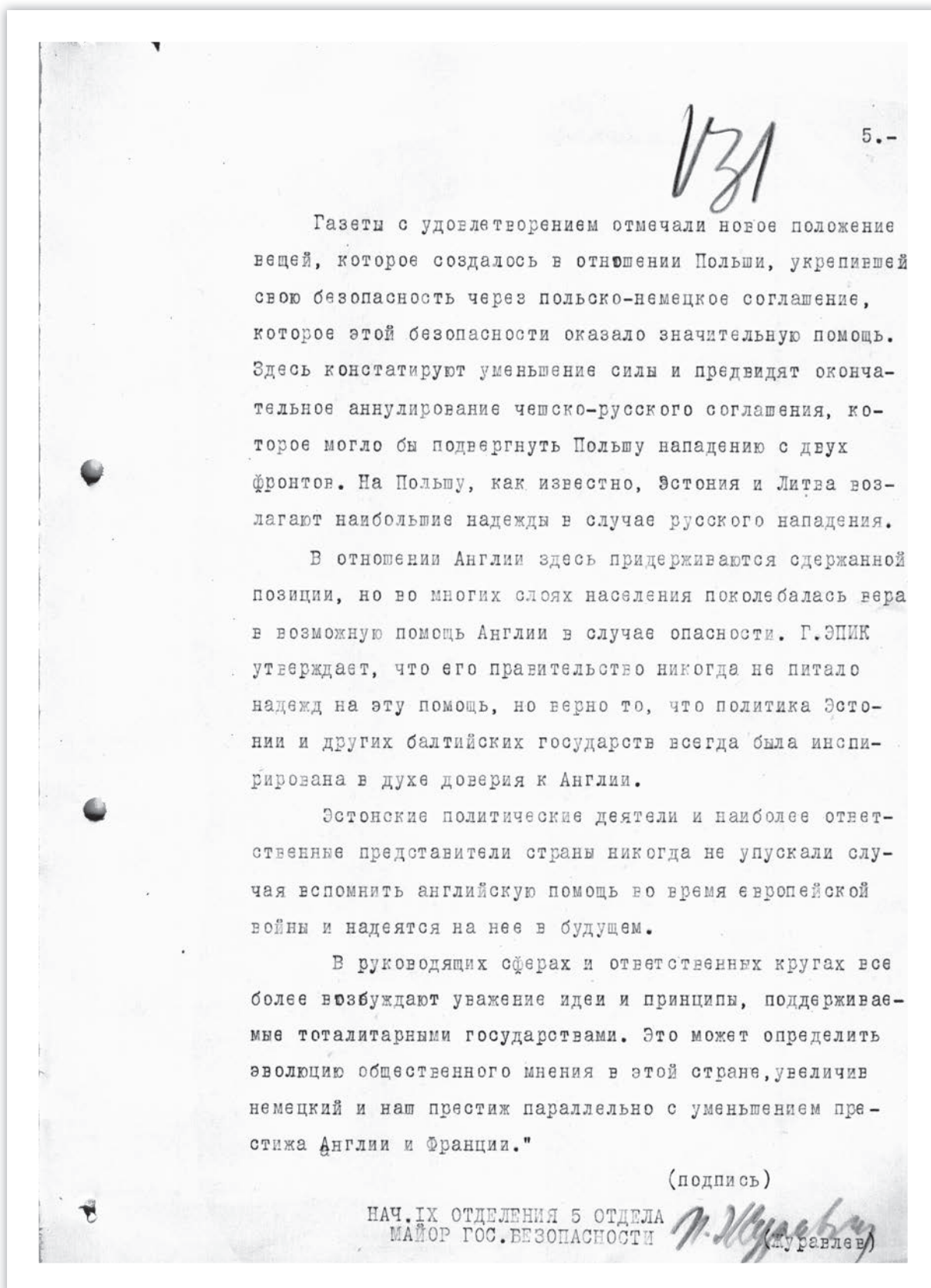
4.-

Она всегда расположена допустить плебисцит. Национальные меньшинства на территории государства незначительны. Если сопротивление возрождению пакта четырех должно иметь место, то оно последует, скорее, не от малых государств, а от Польши и от СССР. До сих пор они не поддерживали в решительной форме систему совещаний, ограниченных четырьмя великими державами.

Признавая провал женеvской идеологии и системы коллективной безопасности г.ЭПИК отметил, что внешняя эстонская политика не располагает большими возможностями и сказал мне, что его правительство не думает в настоящий момент оставлять Лигу наций. Однако, должно быть совершенно ясно, что последующее пребывания Эстонии в Лиге Наций совсем не означает безусловного присоединения к политике великих держав, которые являются ее членами и что направление внешней эстонской политики будет враждебно политике великих держав, которые уже не являются больше членами Лиги Наций.

Деятельность, развитая эстонским правительством в вопросе об условном характере военных и экономических санкций и категорическое заявление, сделанное по этому вопросу мин.ин.дел являются в этом смысле симптоматическими.

Спецсообщение 5 отдела ГУГБ НКВД. Текст доклада итальянского посланника в Эстонии в МИД Италии по вопросу об отношении Эстонии к Мюнхенской конференции четырех держав. Стр. 5

Спецсообщение 5 отдела ГУГБ НКВД о подготовке
к нападению на Советскую Украину Германией

5 ОТДЕЛ ГУГБ НКВД
С.С.С.Р.
№ 433104
" 1 " декабря 1938 г.

1. Шов Берия
2. _____
3. _____
4. _____

Нач. 5 Отдела ГУГБ НКВД
(Деканозов) *Деканозов*

Т. Сидорову
1. Копию донести т. Ко-
вченко.
2. 2207 745-15244 с/м/м.
3. 745
4. 745

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО.
РАСЕКРЕЧЕНО
Служба внешней разведки РФ 10
М2

СПЕЦСООБЩЕНИЕ.

5-м Отделом ГУГБ НКВД получено сле-
дующее агентурное сообщение по данным ис-
точников, заслуживающих доверия:

По сведениям, полученным из кругов рейх-
сверовцев, ГИТЛЕР и РИББЕНТРОП решительно подготавли-
вают нападение на Советскую Украину весной будущего
года для чего в качестве основного плацдарма будет
использована Прикарпатская Украина.

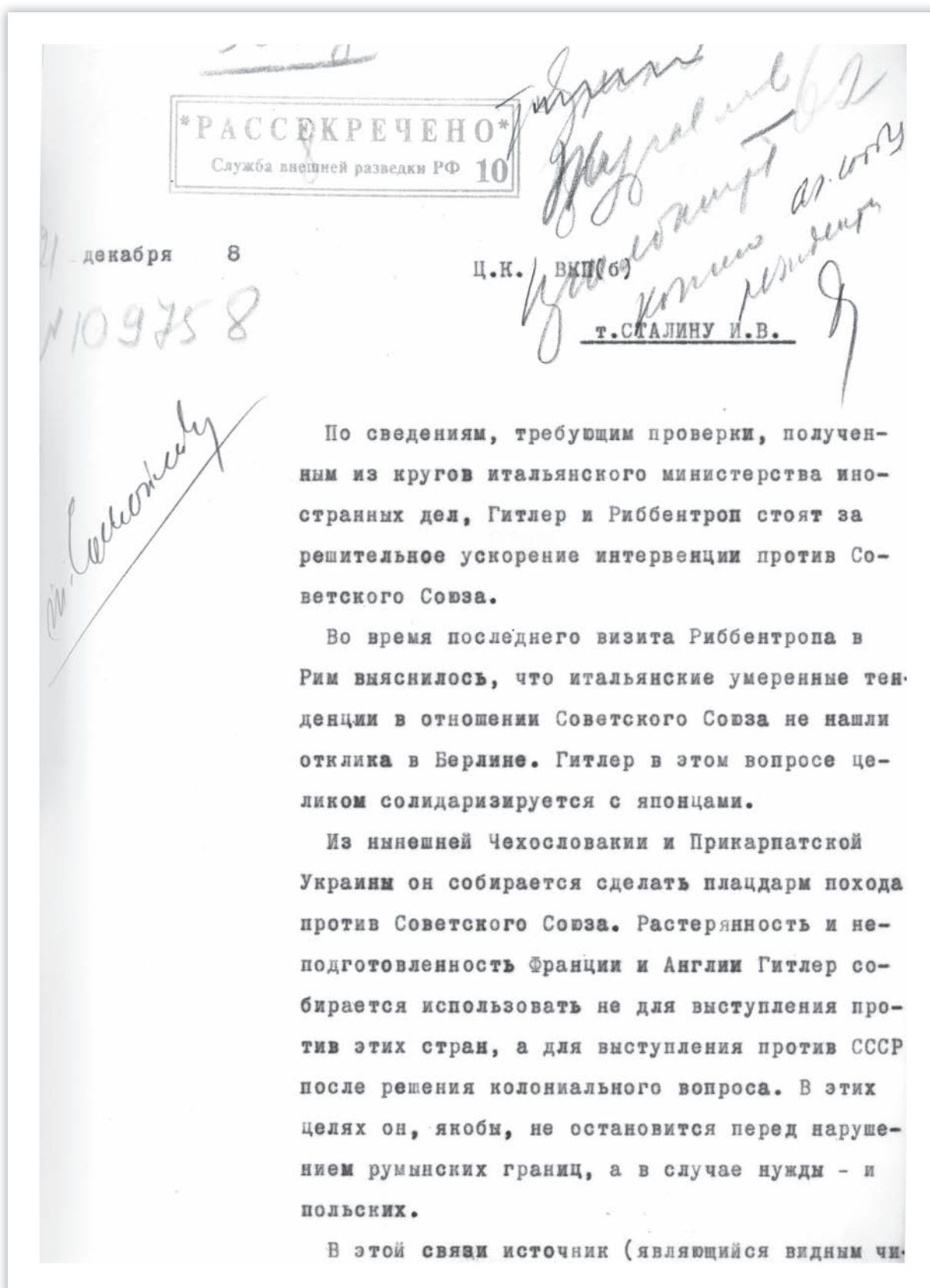
Во время свидания румынского короля с ГИТ-
ЛЕРОМ, последний поставил вопрос о пропуске германских
войск через Румынию, как одно из условий предоставле-
ния Румынии займа.

ГИТЛЕР решил произвести решительный нажим
на Варшаву и намерен потребовать прекращения Польшей
"двойной игры" и установления ясной политической линии

НАЧ. 9 Отделения 5 Отдела
ГУГБ НКВД
(Журавлев) *Журавлев*

4/11 18
Ст. т. Берия

Сообщение Л. П. Берии товарищу И. В. Сталину. Из итальянского МИД о том, что Гитлер и Риббентроп стоят за решительное ускорение интервенции против СССР. Стр. 1–2

2.

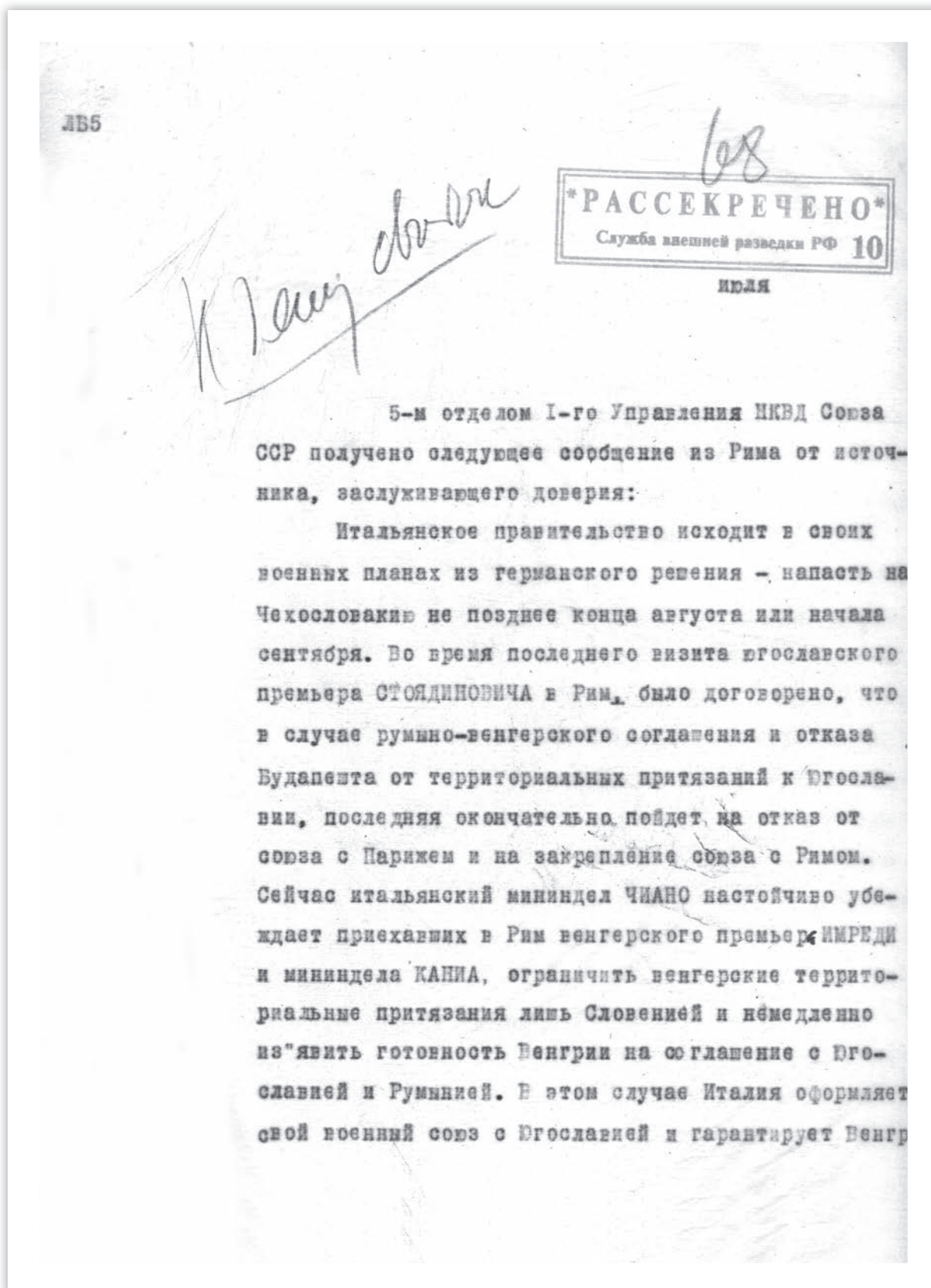
новником министерства иностранных дел) сообщает о неизбежности резкого обострения итало-советских отношений в ближайшее время.

65

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
СОЮЗА ССР

/ БЕРИЯ /

Сообщение из Рима о подготовке
германской агрессии против ЧСР. Стр. 1–2

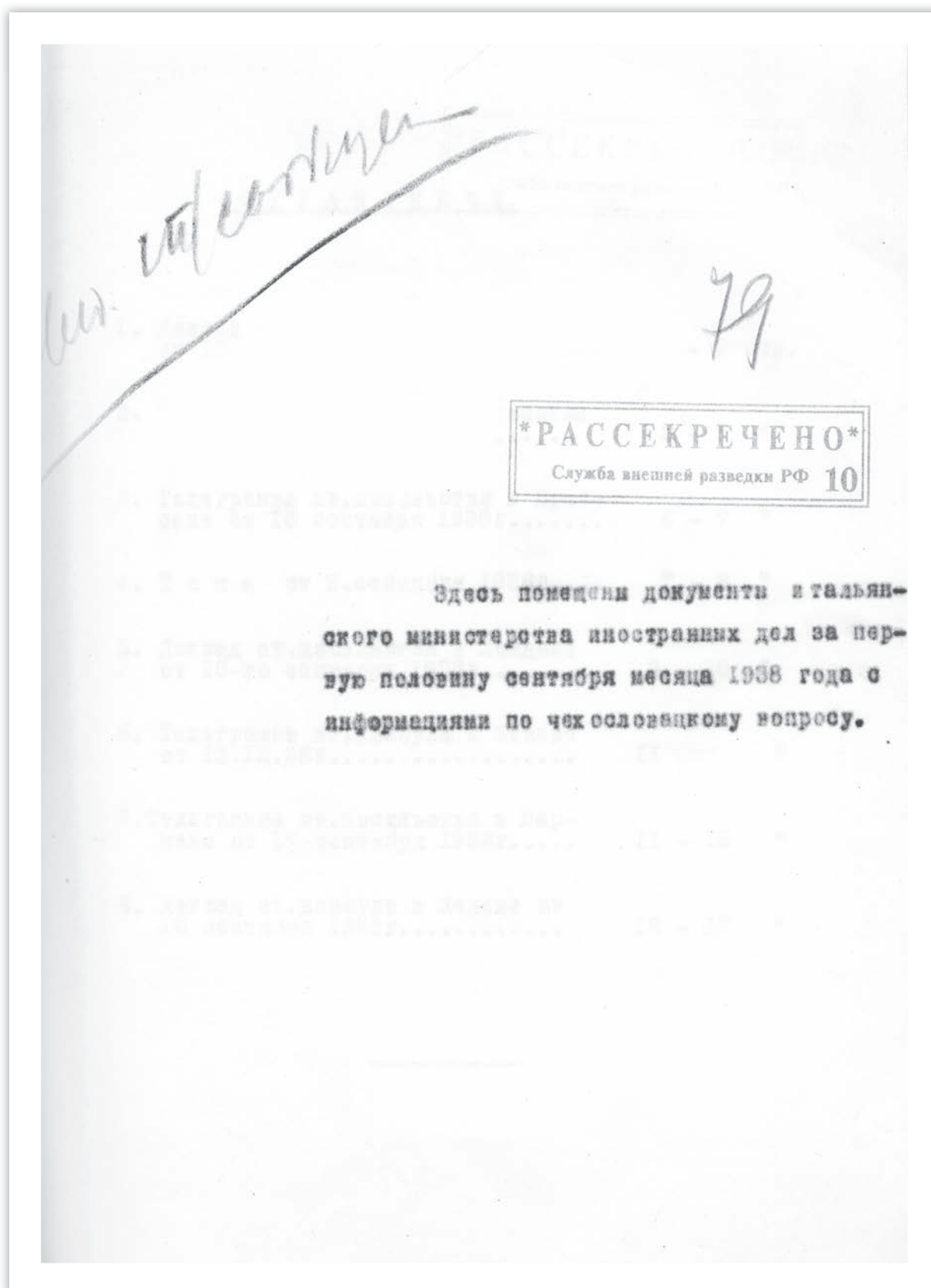
69

2.-

передачу ей в будущем Словении. (Наше примечание: Как известно из прежних сообщений того-же источника - югославский премьер СТОЯДИНОВИЧ дал ЧИАНО заверения в том, что при условии расширения практического военного сотрудничества Италии с Югославией и предварительного разрешения спорных венгерско-югославских и венгерско-румынских вопросов - Югославия откажется от своих обязательств в отношении Чехословакии, вытекающих из военной части пакта Малой Антанты).

Начало германской агрессии против Чехословакии, по утверждению авторитетного военного информатора источника, связано с успехом ныне ведущихся в Риме переговоров с венгерскими министрами. Однако, независимо от исхода этих переговоров, Берлин, якобы, не считает возможным откладывать "решение" чешского вопроса более чем на месяц-полтора, считая, что дальнейшая отсрочка приведет лишь к усилению потенциальных противников Берлина.

Документы итальянского МИД за сентябрь 1938 г.
с информацией по чехословацкому вопросу

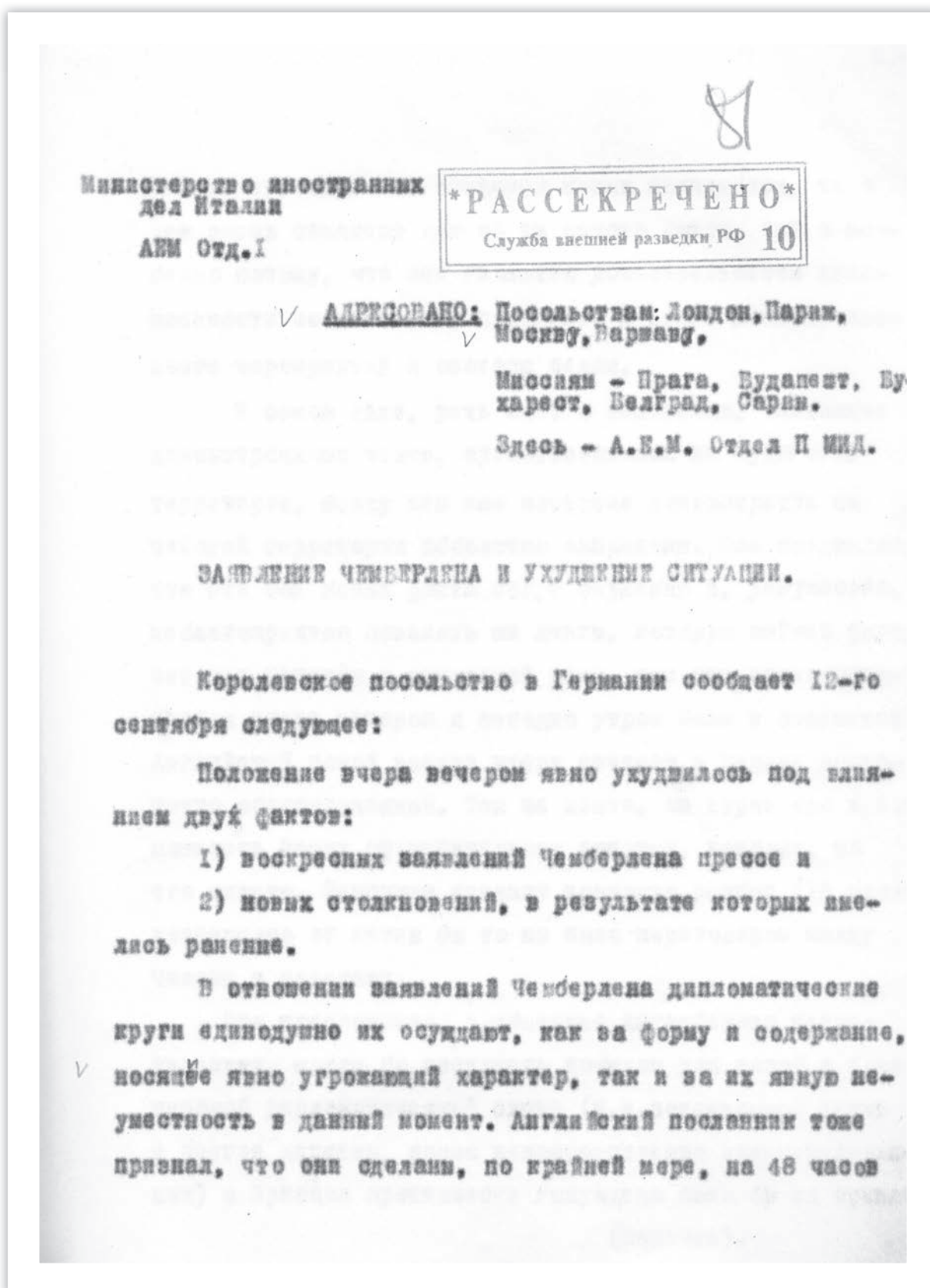
Документы итальянского МИД за сентябрь 1938 г.
с информацией по чехословацкому вопросу

О Г Л А В Л Е Н И Е

РАСЕКРЕЧЕНО
Служба внешней разведки РФ 810

1. Доклад ит.посольства в Лондоне
от 12-го сентября 1938г..... I - 2 стр.
2. Доклад ит.посольства в Брюсселе
от 8-го сентября 1938г..... 3 - 5 "
3. Телеграмма ит.посольства в Брюсселе
от 18 сентября 1938г..... 6 - 7 "
4. Т о ж е от 9.сентября 1938г.... 7 - 8 "
5. Доклад ит.посольства в Лондоне
от 15-го сентября 1938г..... 8 - 10 "
6. Телеграмма ит.консула в Женеве
от 12.УШ.38г..... II "
7. Телеграмма ит.посольства в Варшаве
от 17 сентября 1938г..... II - 13 "
8. Доклад ит.консула в Женеве от
10 сентября 1938г..... 13 - 17 "

Документы итальянского МИД за сентябрь 1938 г.
с информацией по чехословацкому вопросу

82

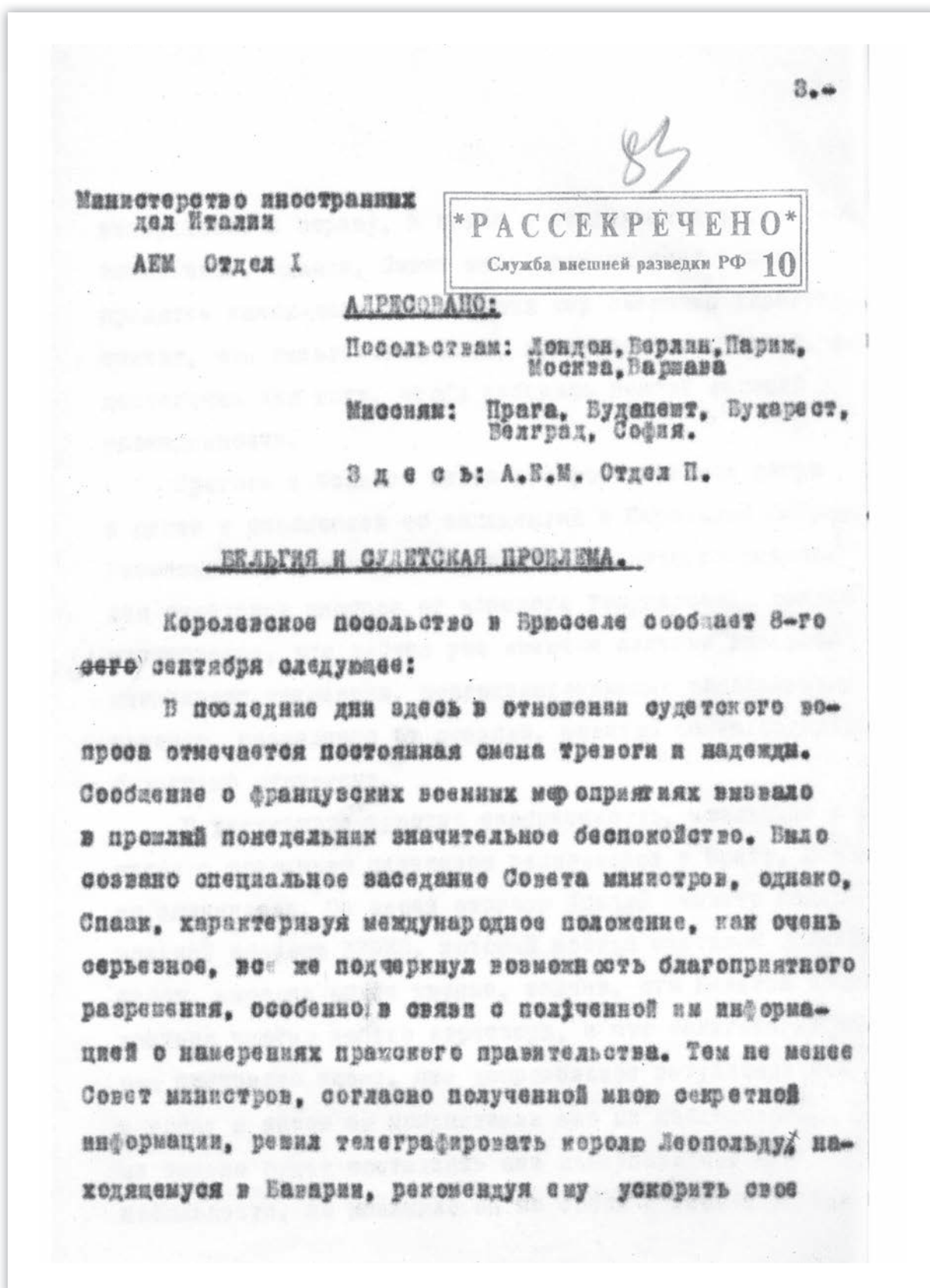
2.-

раньше времени. Что касается новых инцидентов, то о них очень сожалевт как из за самого факта, так и особенно потому, что они являются доказательством невинности создавшегося положения и явной несправедливости мероприятий и системы чехов.

В самом деле, речь идет о волнениях, вызванных демонстрациями чехов, организованными на Судетской территории, между тем как немецкие демонстрации на чешской территории абсолютно запрещены. Все предвидят, что эти оба новых факта могут серьезно и, разумеется, неблагоприятно повлиять на линию, которую займет фюрер сегодня вечером в ожидаемой речи, так что акции оптимистов вчера вечером и сегодня утром были в понижении. Английский посол выехал вчера вечером в Берлин достаточно обескураженный. Тем не менее, он верит еще в возможность новых примирительных попыток, которые, по его мнению, Рейхсмен сделает возможно раньше (15 числа независимо от каких бы то ни было переговоров между чехами и судетами).

Эти предложения, сообщенные английскому правительству, могли бы послужить поводом для новой и более широкой дипломатической акции (т.е. вовлекающей также и другие державы, кроме непосредственно заинтересованных) и Франция практически вынуждена была бы их принять.
(Подпись).

Документы итальянского МИД за сентябрь 1938 г.
с информацией по чехословацкому вопросу

89

4.-

возвращение в страну, в связи с создавшимся угрожающим положением. Однако, Совет министров не счел нужным принятие каких-либо специальных мер военного характера считая, что бельгийские силы, прикрывающие границу, уж достаточно для того, чтобы избежать всякой опасной неожиданности.

Тревога в Бельгии снова распространилась вчера в связи с сообщением об инцидентах в Иоравской Острове. Высказывания "Таймс" о необходимости полного отделения оудетских центров от чешского государства, создаю впечатление, что сейчас уже имеются сильные интернациональные тенденции, благоприятствующие радикальному решению, независимо от позиций, занятых самими заинтересованными сторонами.

В результате чувство озабоченности, возникшее в связи с временным перерывом переговоров в Праге, несколько смягчилось. Со своей стороны бывший министр национальной обороны ДВВБЗ, который всегда считался франкофилом, выразил общее мнение, заявив, что Бельгия будет драться против любого агрессора, и что бельгийский народ прекрасно знает, что добровольное вступление его в войну в каком бы направлении оно ни последовало, не только будет составлять акт международной не-
loyальности, но повлекло бы за собой и весьма серьезные

Документы итальянского МИД за сентябрь 1938 г.
с информацией по чехословацкому вопросу

85 5.-

внутренние разногласия и положило бы конец единству страны. Печать продолжает держаться осторожно, но не так ведут себя коммунистические и социалистические газеты, которые все больше и больше дают доказательства того, что они служат большевистским интригам. В самом деле, в то время как коммунистическая газета "Нуа де Пепль" хочет, чтобы бельгийское правительство "сделало жест" для того, чтобы подтвердить свою готовность защищать Чехословакию, социалистический орган пишет: "Поймет ли цивилизованный мир в конце концов, что Европа не может жить пока эта злобная держава (имеется в виду гитлеровская Германия) будет продолжать ее грабить? Поймут ли наконец великие державы свою ответственность?."

Может показаться странным, что официальный орган бельгийской социалистической партии, к которой принадлежит сам глава правительства, поддерживает тезис, что Бельгия должна без всякого вступления в войну, чтобы опрокинуть национал-социалистический режим. Однако, необходимо вспомнить, что Спаак не колебался месяц тому назад публично заявить, что социалистические экстремисты образуют "военную партию" и подчеркнуть, что внешняя политика газ. "Пепль" ведет прямо к войне.

(Подпись)

6.-

86

Министерство иностранных
дел Италии

А.Е.М.-Отдел I

РАСЕКРЕЧЕНО

Служба внешней разведки РФ 10

АДРЕСОВАНО:

Посольствам - Лондон, Берлин, Париж,
Москва, Варшава.

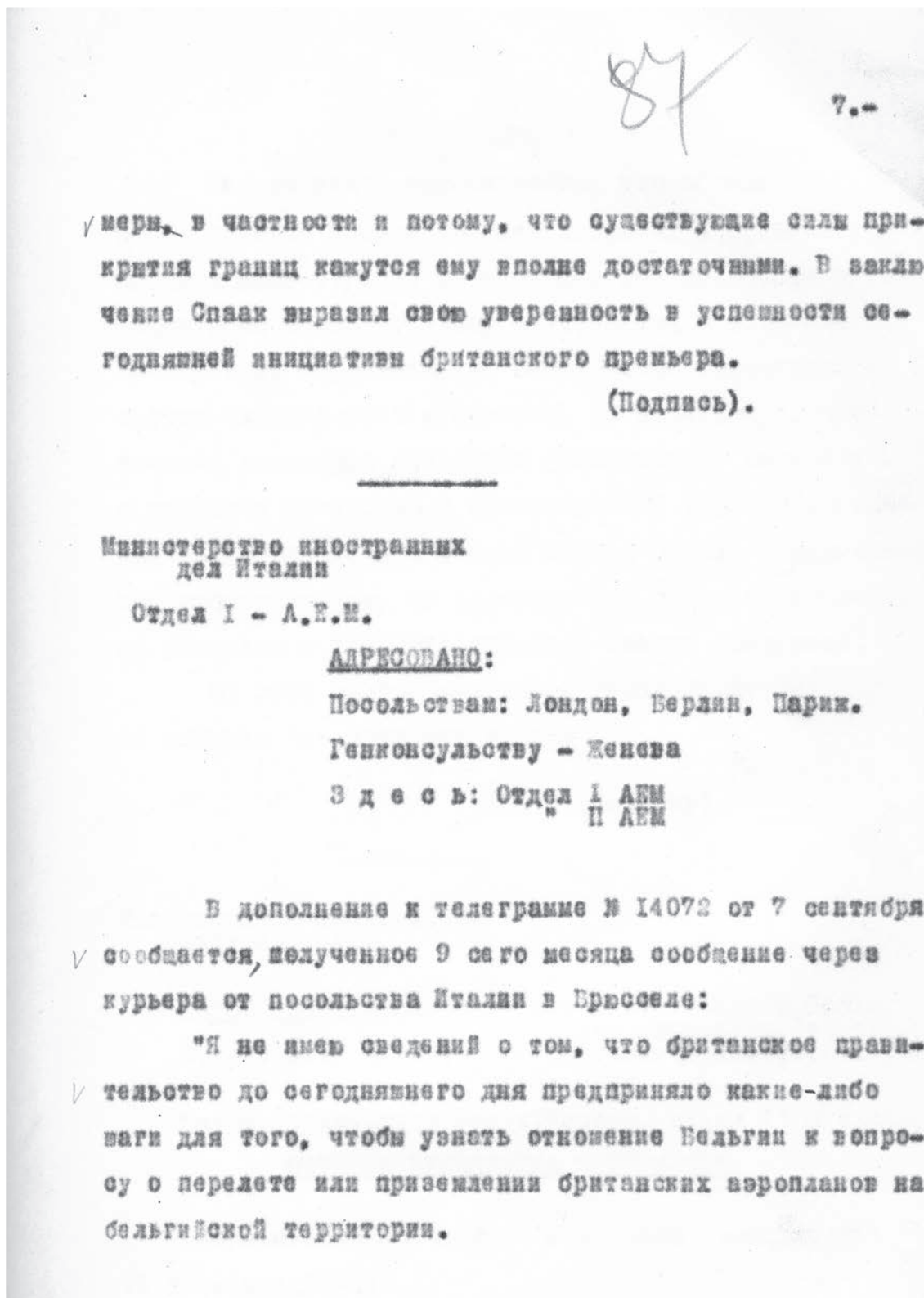
Миссиям - Прага, Будапешт, Буха-
рест, Белград, София.

Здесь - А.Е.М. Отдел II.

БЕЛЬГИЯ И СУЛЕТСКАЯ ПРОБЛЕМА.

Королевское посольство в Брюсселе телеграфирует 15-го сего сентября: Спаак информировал меня, что он получил как от Германии, так и от Франции формальные заверения, что в случае войны они будут уважать независимость Бельгии. Он добавил, что начатая им политика подчеркнутого нейтралитета будет соблюдаться им больше чем когда-либо со всей строгостью, так как современное положение показывает насколько надежным ограждением страны она является. В связи с этим отмечая, что бельгийский делегат в Женеве получил инструкции подтвердить перед общим собранием Лиги известную точку зрения о не-обязательности статьи 16-ой пакта. Председатель Совета министров повторил мне затем, что до сих пор он не счел необходимым принять какие-либо чрезвычайные военные

Документы итальянского МИД за сентябрь 1938 г.
с информацией по чехословацкому вопросу

8.-

88

✓ ✓ Тем не менее, мне известно, что начальник Генштаба генерал Ван-дер-Берген запросил в официальном порядке Министерство иностранных дел детальную ориентировку по общему вопросу о перелетах и приземлении иностранных аэропланов на бельгийской территории в случае европейского конфликта. Он подчеркнул, что, если на основании последних французских, английских и немецких заявлений о односторонней гарантии, Бельгия будет обеспечена только своими силами территориальной защиты страны, то одновременно совершенно ничего не уточнено о том, что касается защиты воздушной.

На этот запрос начальник генштаба до сих пор не получил еще никакого ответа".

(Подпись).

Министерство иностранных
дел Италии

АПРЕСОВАНО: Королевское посольство-Берлин, Париж,
Москва, Брюссель, Варшава.
Королевская миссия-Прага, Будапешт, Бухарест, Белград,
София.

Главн. Управ. Отдел Средн. Европы, отдел II - здесь.

ПОЯВЛЕНИЕ ЧЕМБЕРЛАНА В ГЕРМАНИИ.

Королевское посольство в Лондоне сообщило от
15 т/м. следующее:

Документы итальянского МИД за сентябрь 1938 г.
с информацией по чехословацкому вопросу

89 9.-

✓ "Сообщение об отъезде ЧЕМБЕРЛЕНА в Берхтсгаден и об обмена мнениями между ЧЕМБЕРЛЕНОМ и фюрером было принято вчера вечером британским общественным мнением сперва с недоверием и изумлением, а затем с чувством облегчения, с чувством единодушного восхищения и одобрения в отношении того, что весь без исключения английский народ называет "смелым^ж жестом ЧЕМБЕРЛЕНА".

Сегодняшние утренние газеты принуждены были в последний момент уничтожить заготовленные гранки с передовыми статьями и заголовками, которые давали pessimisticкую оценку международному положению и переделывать сначала до конца их содержание.

✓ Во многих театрах спектакли были прерваны для чтения радиосообщений, и публика вставала и аплодировала, выражая свои симпатии по адресу ЧЕМБЕРЛЕНА.

✓ Аналогичные демонстрации толпы, которая приветствовала ЧЕМБЕРЛЕНА, имели место в Вайтхале, вблизи Даунингстрит, при выходе из театров, кинематографов и прочих ночных увеселятельных мест.

Неожиданная волна оптимизма пропала в тяжелую атмосферу характерную для вчерашнего дня, в течение которого конфликт здешними политическими кругами считался почти неизбежным после того, как течение собы-

19.-

тий казалось уже не подвергалось контролю.

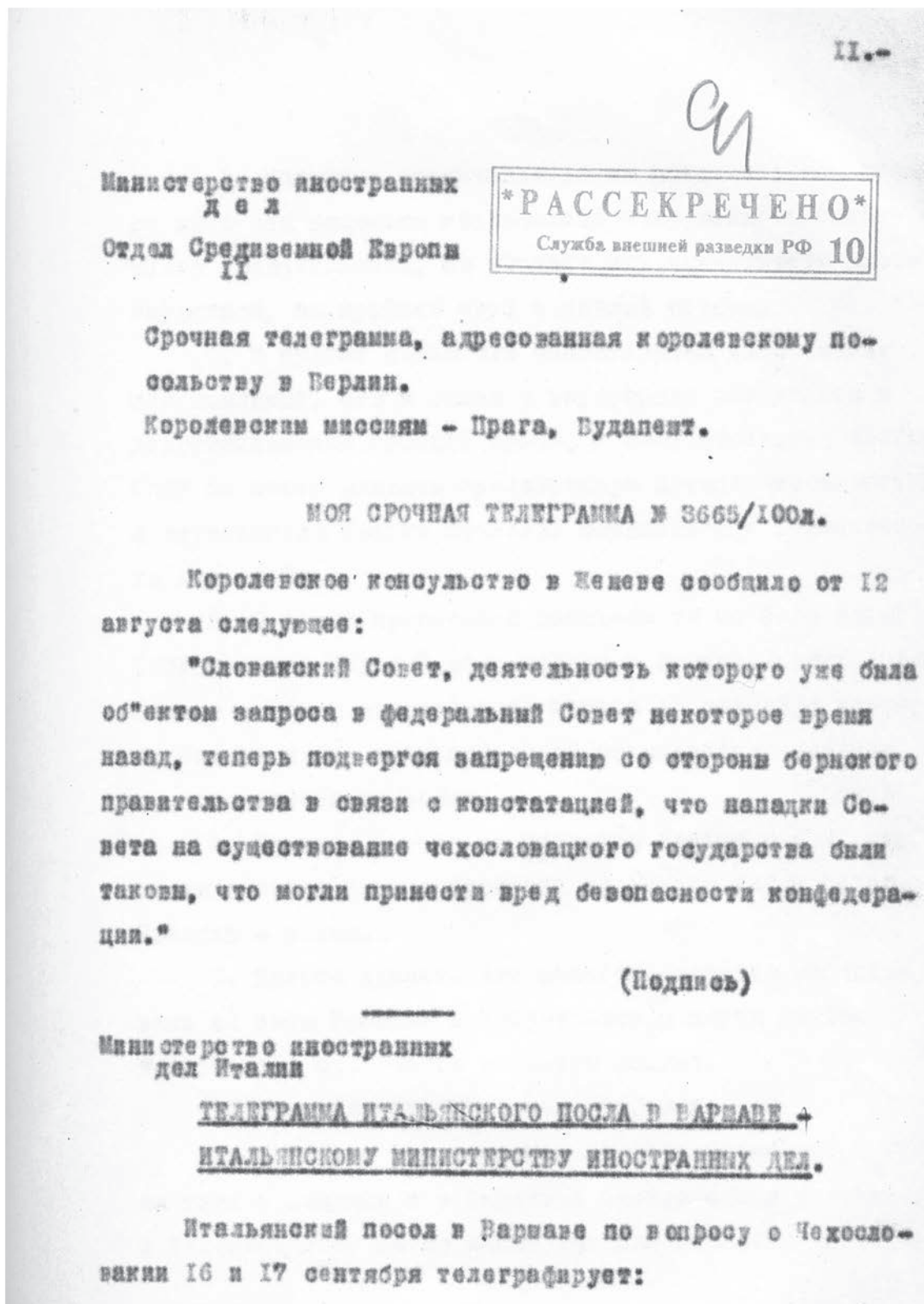
✓ Единственными дисгармонирующими нотами в сегодняшнем хоре общего одобрения явились несколько антифашистские комментарии групп либеральных и лейбористских оппозиций, а также обычные мутные интриги левых, которые после того, как говорили о "недавнем провале" политики ЧЕМБЕРЛЕНА в отношении фашистской Италии и "отрицательным результатом" личной переписки между ЧЕМБЕРЛЕНОМ и Дуче, + предсказывают провал дальнейшей инициативы ЧЕМБЕРЛЕНА, которую считают самой большой изменой демократии.

✓ Что касается кругов Даунинг-Стрит и консерваторов, верных ЧЕМБЕРЛЕНУ, то с целью нейтрализации этой компании пытаются, как можно больше, выделить те обстоятельства, что ЧЕМБЕРЛЕН сперва посоветовался с ДАЛАДЫ и потом информировал РУЗВЕЛЬТА и что главы двух больших союзных и дружественных демократий сразу же дали свое безусловное одобрение.

✓ Сегодняшние газеты не преминули под большими заголовками выделить корреспонденции иностранных столиц, и Рима /о благоприятном принятии как Францией, так и Италией инициативы ЧЕМБЕРЛЕНА, в то время, как она вызвала "ярость" Москвы, и чувство "общей растерянности" в Праге".

(Подпись)

Документы итальянского МИД за сентябрь 1938 г.
с информацией по чехословацкому вопросу

92 12.-

1. Польское правительство не исключает совершенно из своих расчетов возможность вооруженного советского вмешательства, но считает эту возможность маловероятной, но крайней мере, в первый период.

2. В кругах польского министерства иностранных дел полагают, что в связи с внутренним положением и дезорганизацией Красной армии, в силу последних чисток СССР не может оказать существенную помощь Чехословакии и ограничится только посылкой самолетов и технического персонала.

3. С целью пресечения каких-бы то ни было попыток СССР послать через Польшу войска в помощь Чехословакии Польша с целью демонстрации начала 15 сентября маневры на Волыни, и под этим предлогом сконцентрировала там нужное количество войск.

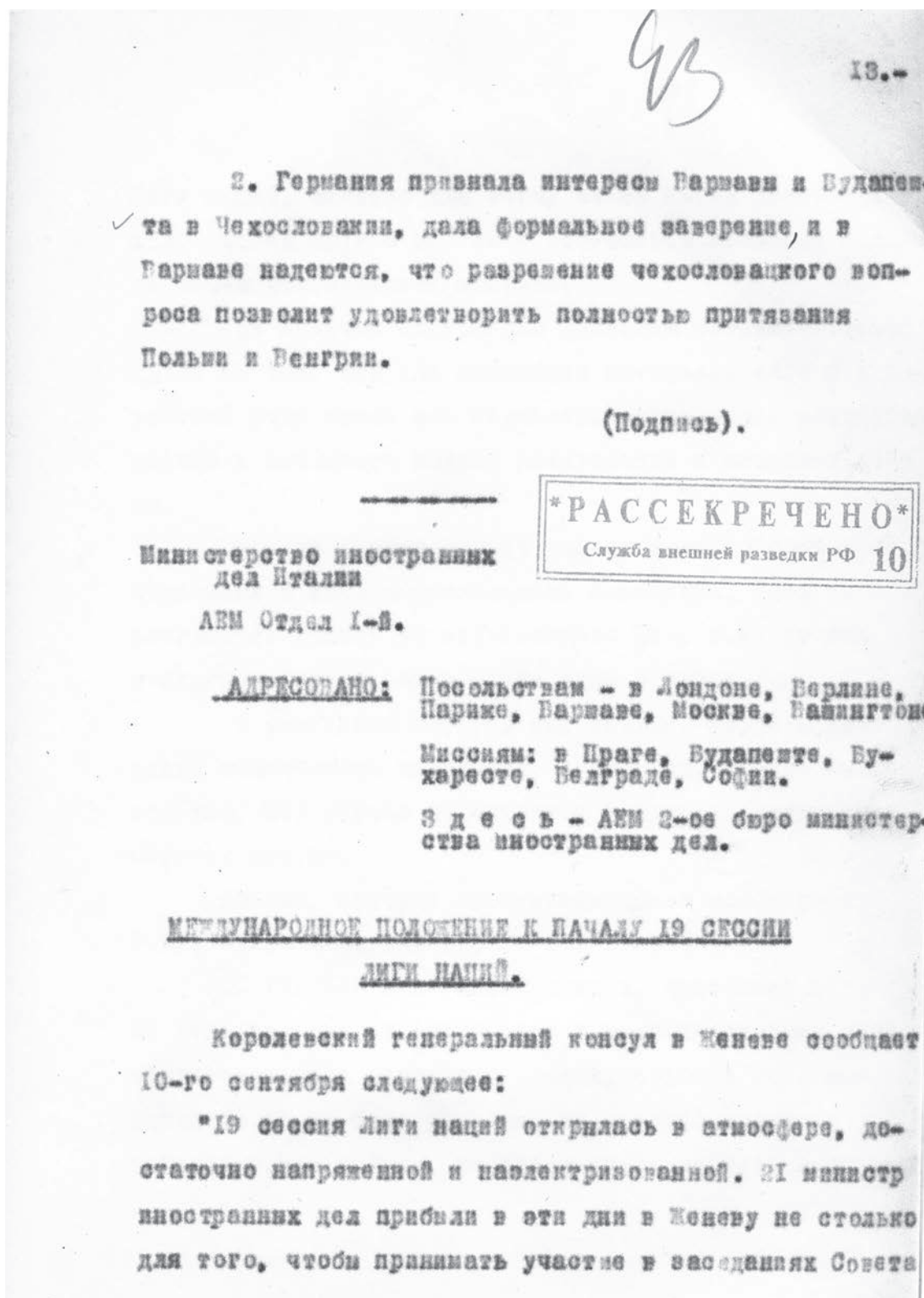
4. Румыния довела до сведения Польши о том, что слухи о соглашении о пропуске советских войск через Румынию — ложны.

5. Польша думает, что нельзя абсолютно рассчитывать на волю Румынии к сопротивлению перед фактом конкретного советского военного нажима.

20 сентября тот же полков сообщает:

1. Польское и венгерское правительства предприняли шаги в Лондоне и в Париже к защите своих интересов в Чехословакии, но не нашли там благоприятной почвы.

Документы итальянского МИД за сентябрь 1938 г.
с информацией по чехословацкому вопросу

14.-

Лиги наций, сколько для того, чтобы иметь возможность встретиться друг с другом и обменяться мнениями о текущем политическом моменте.

Мне кажется совершенно излишним останавливаться здесь на том, что два масонских интернационала и в известном роде также все еврейские организации находятся сейчас в состоянии полной мобилизации в ожидании войны.

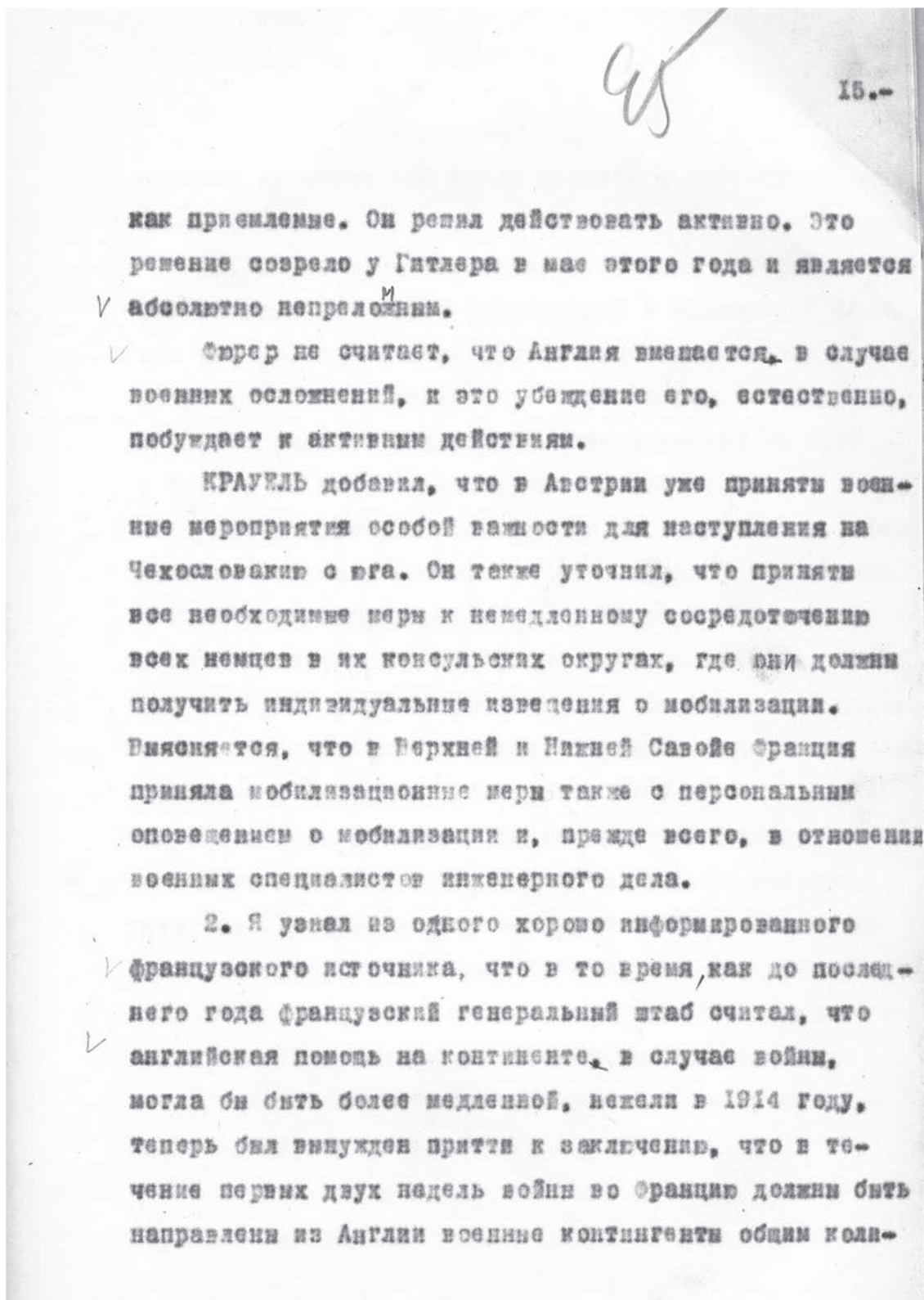
Женева бурлит сверху донизу всякого рода проходимицами и интернациональными подонками. Тема всех разговоров вплоть до сегодняшнего дня, т.е. до дня заседания Совета, одна - это тема о войне.

Я тщательно собирал все данные, слухи и сведения панического характера, в которых, вполне естественно, нет сейчас недостатков в здешних интернациональных кругах.

Данные, которые заслуживают быть сообщенными В.Пр. - это следующие:

1. КРАУЕЛЬ - немецкий консул, прибывший недавно из Берлина, где он встречался с многочисленными высокопоставленными деятелями режима, сообщил мне, что какие бы то ни было уступки, на которые пражское правительство пойдет, не могут рассматриваться фбрером

Документы итальянского МИД за сентябрь 1938 г.
с информацией по чехословацкому вопросу

СН

16.-

чеством не менее 200 тысяч человек с соответствующим снаряжением.

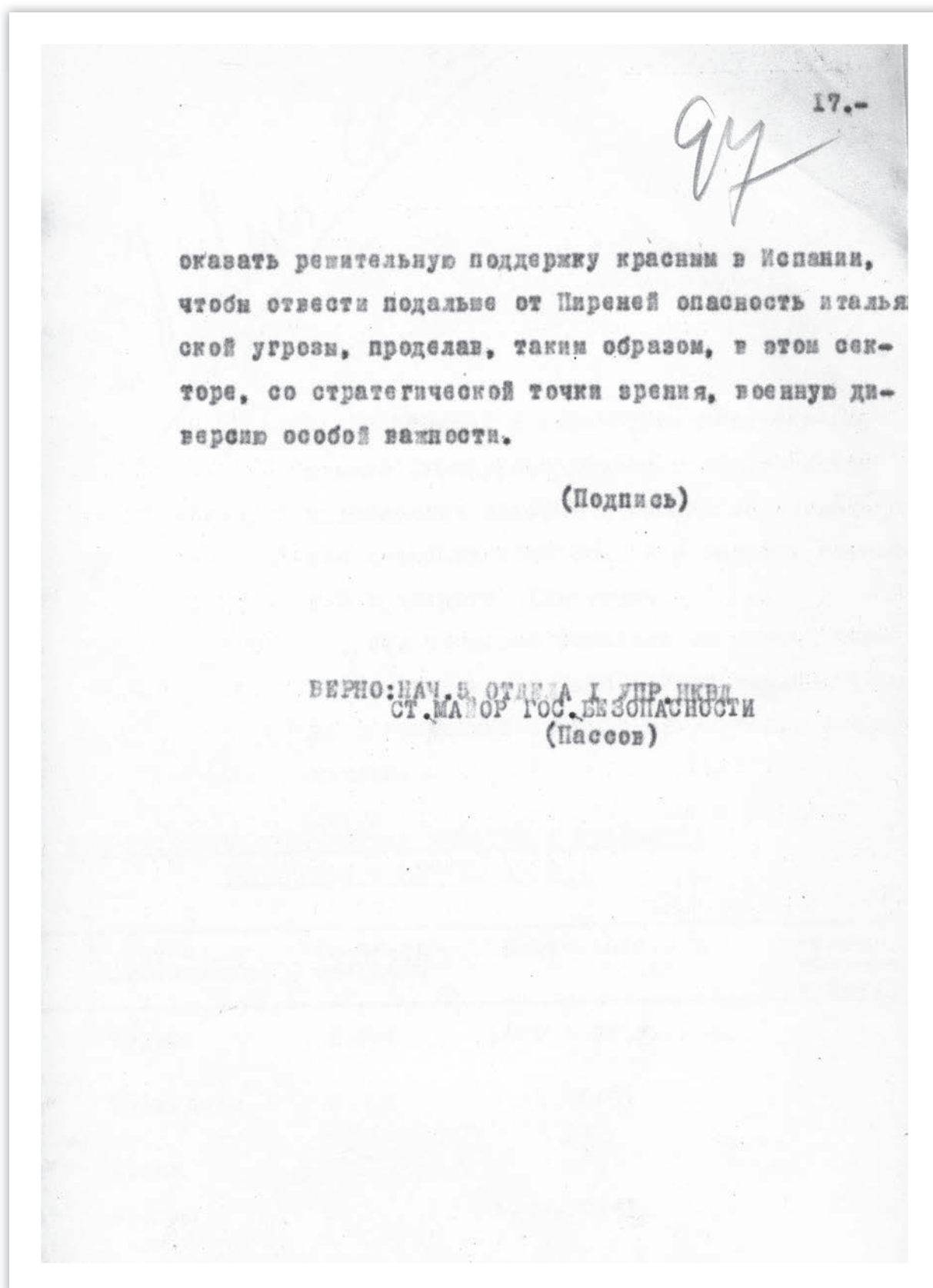
3. Из того же источника я получила заверения, что генеральные штабы французской и английской авиации уже закончили свои совместные исследования по вопросу о точном количестве самолетов, необходимых, в случае военных осложнений, для доставки из САСИ в Европу на специальных транспортных судах.

✓ Естественно, в этих кругах не сомневаются, что, если бы Германия напала на Чехословакию, то Франция и СССР немедленно вмешаются, а Англия последует за ними позднее. Кроме того, они уверены, что Лига Наций не будет пренебрегать своими связями с различными интернационалами и могущественными еврейскими организациями, чтобы воздействовать на САСИ в пользу вмешательства последней на защиту демократии.

✓ Что касается стран более слабых, то считают, что они в первый момент останутся нейтральными. По этому вопросу КРАУЕЛЬ мне сказал, что фюрер советовал ХОРТН во время последнего визита его в Берлин, + оставаться, в случае осложнений, нейтральным для того, чтобы избежать вмешательства в войну со стороны Румынии и Югославии.

4. КРАУЕЛЬ в заключение мне сообщил, что французский генеральный штаб решил, в случае войны,

Документы итальянского МИД за сентябрь 1938 г.
с информацией по чехословацкому вопросу

Спецсообщение из Рима о предстоящем нападении
Германии на Чехословакию

НКВД СССР
ПЕРВОЕ УПРАВЛЕНИЕ
5-й ОТДЕЛ

117

РАСЕКРЕЧЕНО

Служба внешней разведки РФ 10
СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

5 августа 1938 г.

СПЕЦСООБЩЕНИЕ № 421732

16/17

ВЗЛОСЛАТЬ:
Внешняя
Серия

5-м отделом I Управления НКВД по-
лучены следующие сообщения из Рима от
источника, заслуживающего доверия:

1 отдела I упд. НКВД СССР
МОРОТ БЕЗ
(Подпись)

В последнее время итальянцы, через чиновников министерства иностранных дел, через работников иностранных представительств в Риме и по другим каналам, под видом особо секретных информации распространяют сведения о предстоящем в течение сентября месяца германском нападении на Чехословакию. Делается это по специальному соглашению с немцами в целях содействия политике запугивания и шантажа, применяемого немцами в отношении Лондона, Парижа и Праги.

Слухи и информации такого порядка построены на ряде действительных фактов, как например, на решении регента Венгрии Хорти провести 9 сентября маневры венгерской армии на чешской границе и на сведениях о плане немцев в случае войны с Чехословакией наступать через мало укрепленную австро-чешскую границу, а также на данных о том, что после нюрнбергского фашистского конгресса Гитлер примет окончательное решение по судетскому вопросу.

Спецсообщение из Рима о предстоящем нападении Германии на Чехословакию. Стр. 2

118^{2.-}

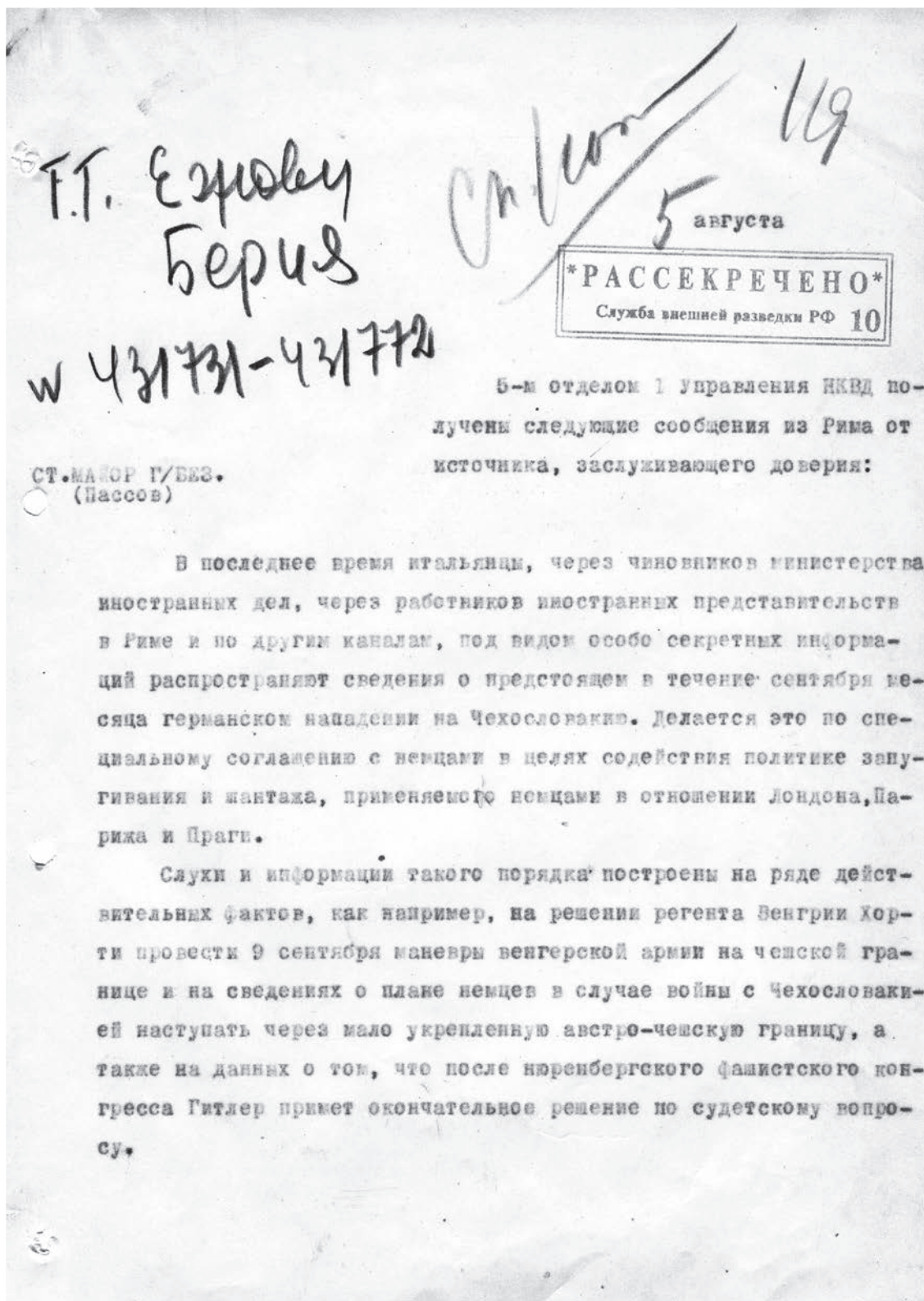
По сведениям того же источника, в действительности, Муссолини рекомендовал Гитлеру воздержаться от вооруженного метода действий в отношении Чехословакии до окончательной победы итало-немецкой оккупационной армии в Испании, что должно укрепить стратегические позиции Италии и Германии для будущих наступательных действий на других европейских участках.

В данный момент Муссолини считает невозможным формальное выступление Италии против Чехословакии вместе с Берлином, но если все же Гитлер решит действовать радикально и начнет войну, то Италия согласна оказать ему практическую помощь "добровольцами" и снаряжением на базе испанского опыта с франко, но в более широких размерах.

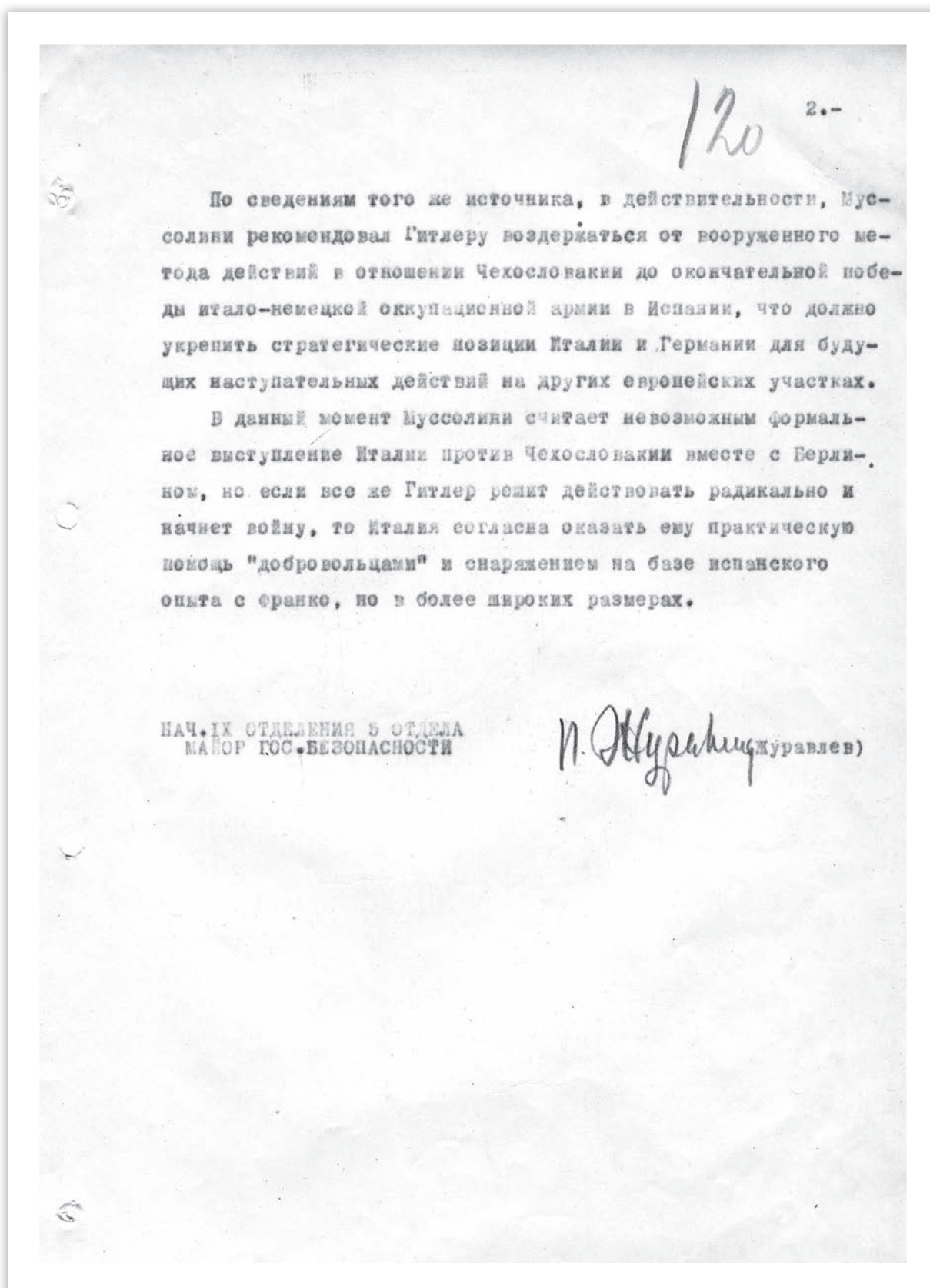
НАЧ. IX ОТДЕЛЕНИЯ 5 ОТДЕЛА
МАЙОР ГОС. БЕЗОПАСНОСТИ

И. Дуравлев
(Дуравлев)

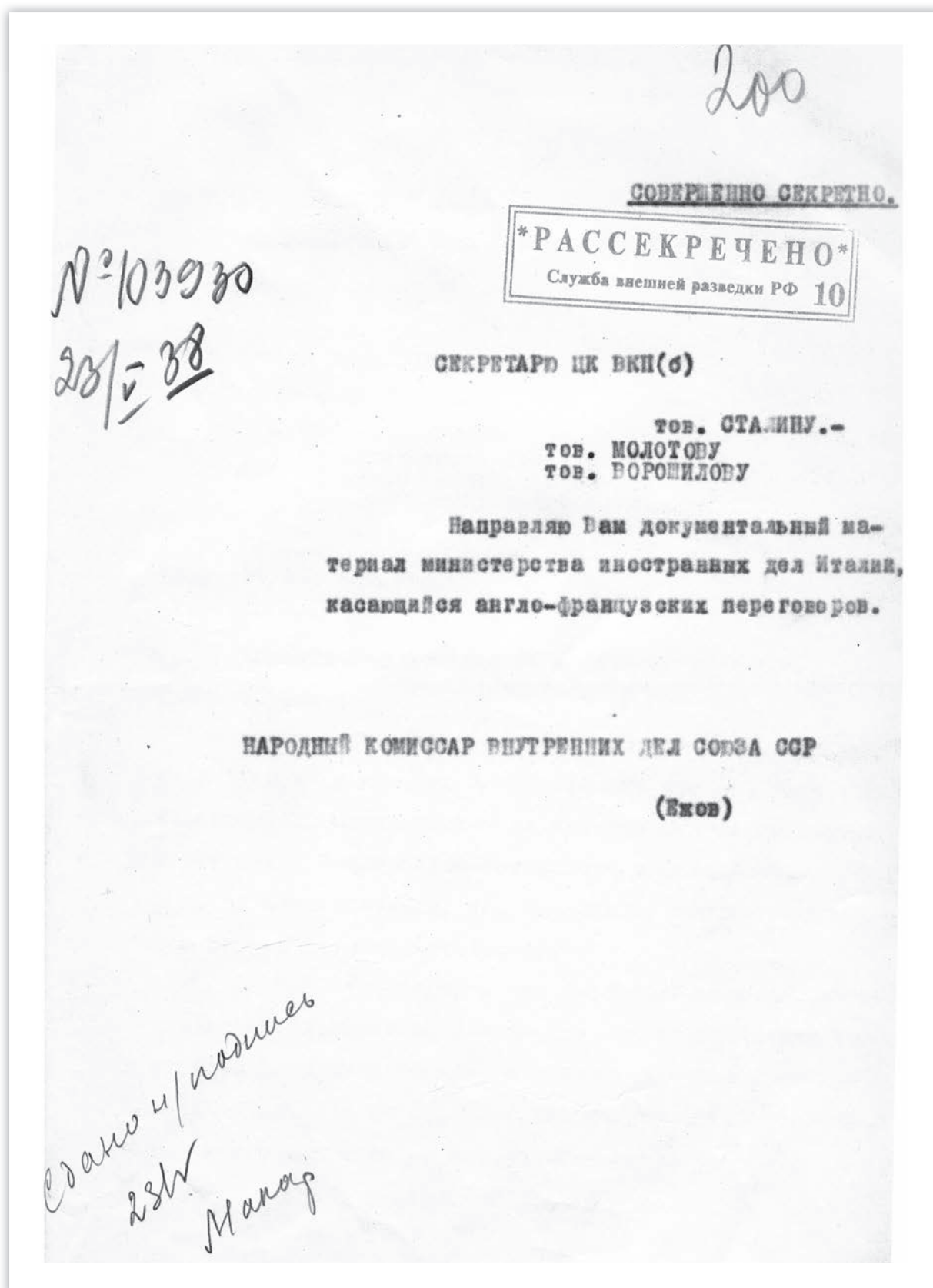
Сообщение из Рима о предстоящем нападении Германии
на ЧСР

Сообщение из Рима о предстоящем нападении
Германии на ЧСР. Стр. 2

Документальный материал МИД Италии
об англо-французских переговорах

Документальный материал МИД Италии
об англо-французских переговорах. Стр. 1–2

РАССЕКРЕЧЕНО

Служба внешней разведки РФ

10

ИСХОДЯЩАЯ ИСКОРЕННАЯ ТЕЛЕГРАММА ИТАЛЬЯНСКОГО
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ (через курьера)

Королевским посольствам
в Берлин и Париж.

О англо-французских переговорах 28-29
апреля. Информация и впечатления из
французского источника.

Отправитель: Аем.Отд. I.

Королевское посольство в Лондоне сообщило 5 с/и
нижеизложенное:

"От г. БРЕТ, директора лондонского отделения агент-
ства "Гавас" я получил заслуживающие доверия информации о
переговорах, состоявшихся на прошлой неделе на Даунинг-
Стрит между Чемберленом-Галифаксом и Жюльетт-Бонне, кото-
рые, на всякий случай, для возможного использования пере-
даю вашему превосходительству.

Г. БРЕТ утверждает, что имел возможность прочесть
в здании французского посольства стенографический отчет
переговоров, состоявшихся в четверг и пятницу на прошлой
неделе. То, что он сообщает, совпадает с информацией,
данной мне в прошлую пятницу Галифаксом. Имеются, однако,
пункты, которые в версии БРЕТА выделены особо:

2021

2.-

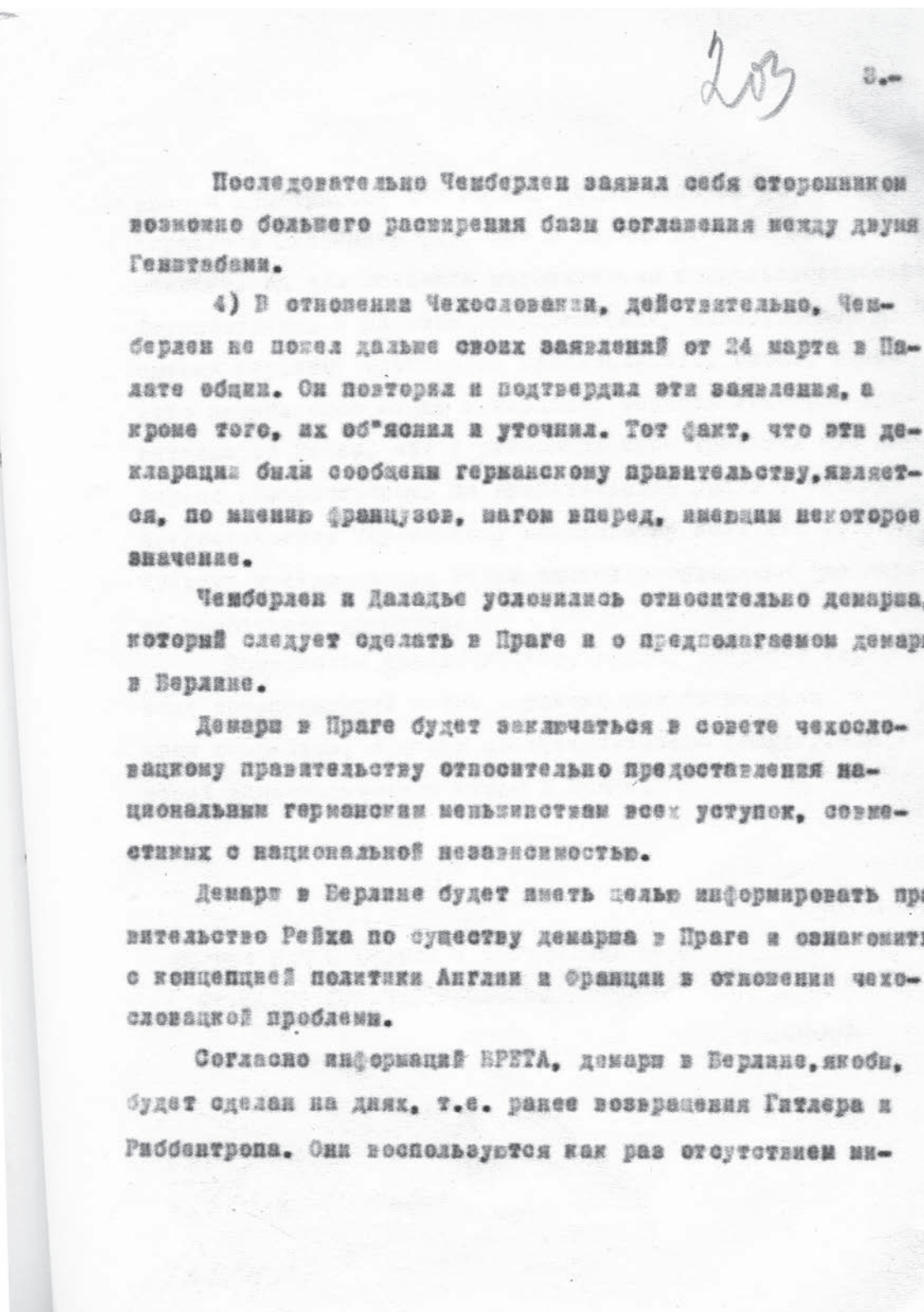
1) Из стенографического отчета известно, что двумя действующими лицами встречи на Даунинг-Стрит были два первых министра Чемберлен и Даладье.

Они все время разговаривали; Галифакс и Бонне ограничили тем, что выступали в разговор лишь для выяснения некоторых деталей.

2) Оба первых министра были совершенно согласны, при ^{ра}быстроте соглашения Генеральных штабов, об исключении из актуального стратегического плана возможности войны против Италии. Соглашения генштабов, следовательно, основаны на единственном предположении — войне против Германии.

3) Эти соглашения Генштабов оказались более широкими, чем ожидали сами французы в первый момент. Чемберлен начал с того, что обратил внимание Даладье на воздушную защиту Англии, основанную на возможности использовать соответствующую сеть французских аэродромов. Даладье ответил, что он согласен с этим пунктом, но, что соглашения Генштабов должны иметь более широкую базу и касаться также сухопутных и морских сил, а кроме того, должны быть благоприятны как для Англии, так и для Франции. Чемберлен молчал, но на заседании следующего дня (пятница) сказал Даладье, что продумал его замечания и пришел к заключению о необходимости согласиться с ними.

Документальный материал МИД Италии
об англо-французских переговорах. Стр.3-4

204

4.-

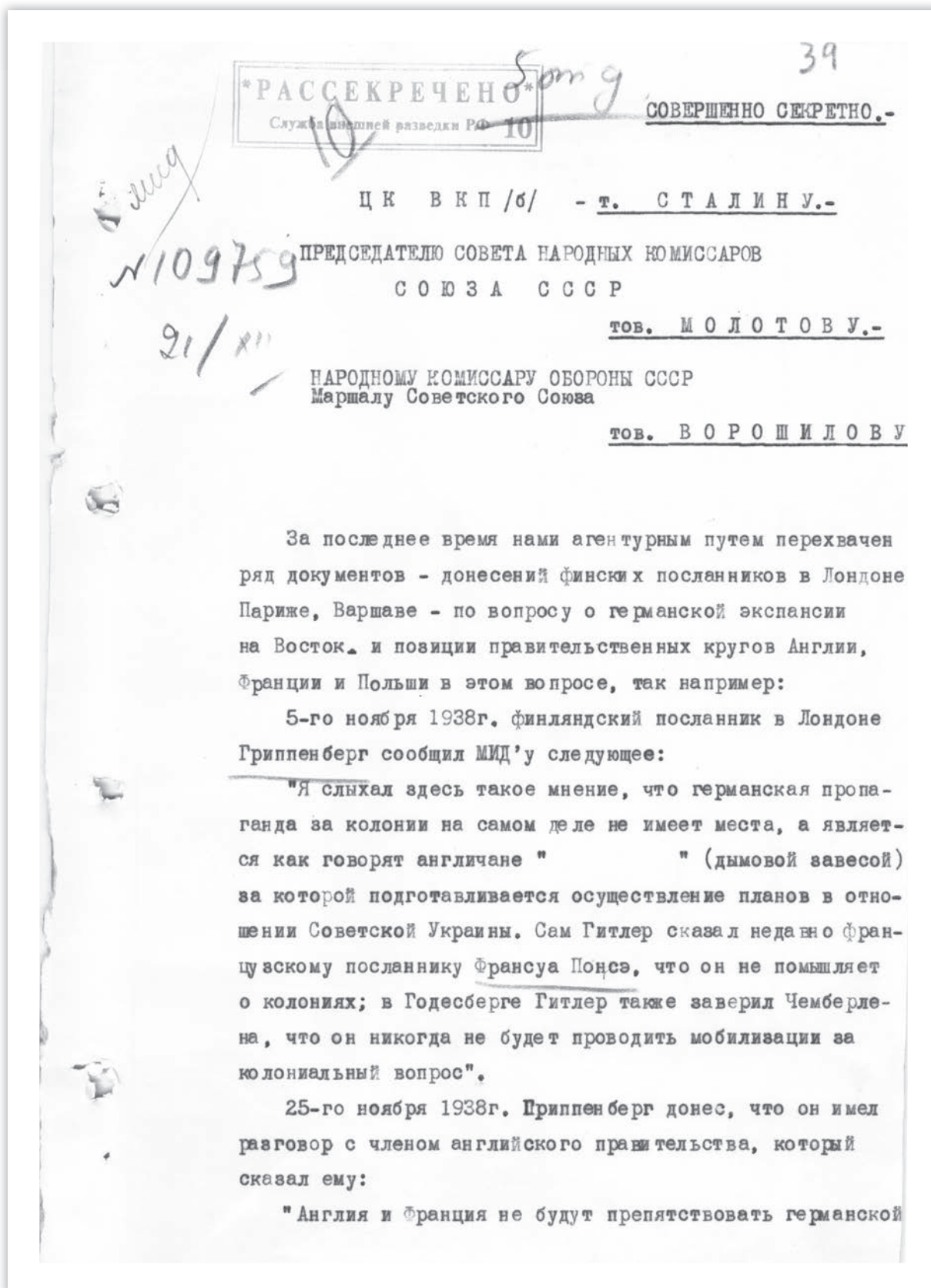
министра иностранных дел Рейха, чтобы сделать демарш при Геринге и напомнить ему, что в момент занятия Австрии немцами, он дал обещания относительно неприкосновенности Чехословакии. И на этом предположении, базирующемся на словах Геринга, британское правительство, якобы, намерено начать свою акцию в Берлине, обращая внимание правительства Рейха, что в указанных выше границах оно намерено воздействовать на правительство Праги в смысле предоставления германскому меньшинству всех тех уступок, которые правительство Рейха сочтет необходимыми для мирного разрешения проблемы.

Британское правительство, якобы, запросит германское правительство о том - каковы его "пожелания" в этом отношении, с целью соответственного направления своей дипломатической акции в Праге.

ВЕРНО: НАЧ 5 ОТДЕЛА I УПРАВЛЕНИЯ НКВД
СТ.МАЙОР ГОС.БЕЗОПАСНОСТИ

(ПАССОВ)

Берии для Сталина, сообщение Молотова, Ворошилова по вопросу о германской экспансии на Восток и позиции правительственных кругов Англии, Франции и Польши в этом вопросе. Стр. 1-2

40 2.-

экспансии на восток. Позиция английского правительства такова: "подождем-увидим", пока не возникнет большой конфликт между Германией и СССР".-

Финляндский посланник в Париже ХОЛМА - 22 ноября 1938: сообщает, что один его "немецкий друг", который только что вернулся из Берлина, где он пробыл несколько недель, рассказал следующее:

"Германско-советские отношения обостряются. Германия с целью интервенции будет провоцировать беспорядки на Украине до тех пор, пока они не дадут повода для интервенции.

Договор о ненападении между Францией и Германией развязывает Германии руки и предоставляет ей свободу действия на Востоке. Советский вопрос стоит на первом плане во внешней политике Германии. Германская интервенция против СССР должна начаться в 1939г.-

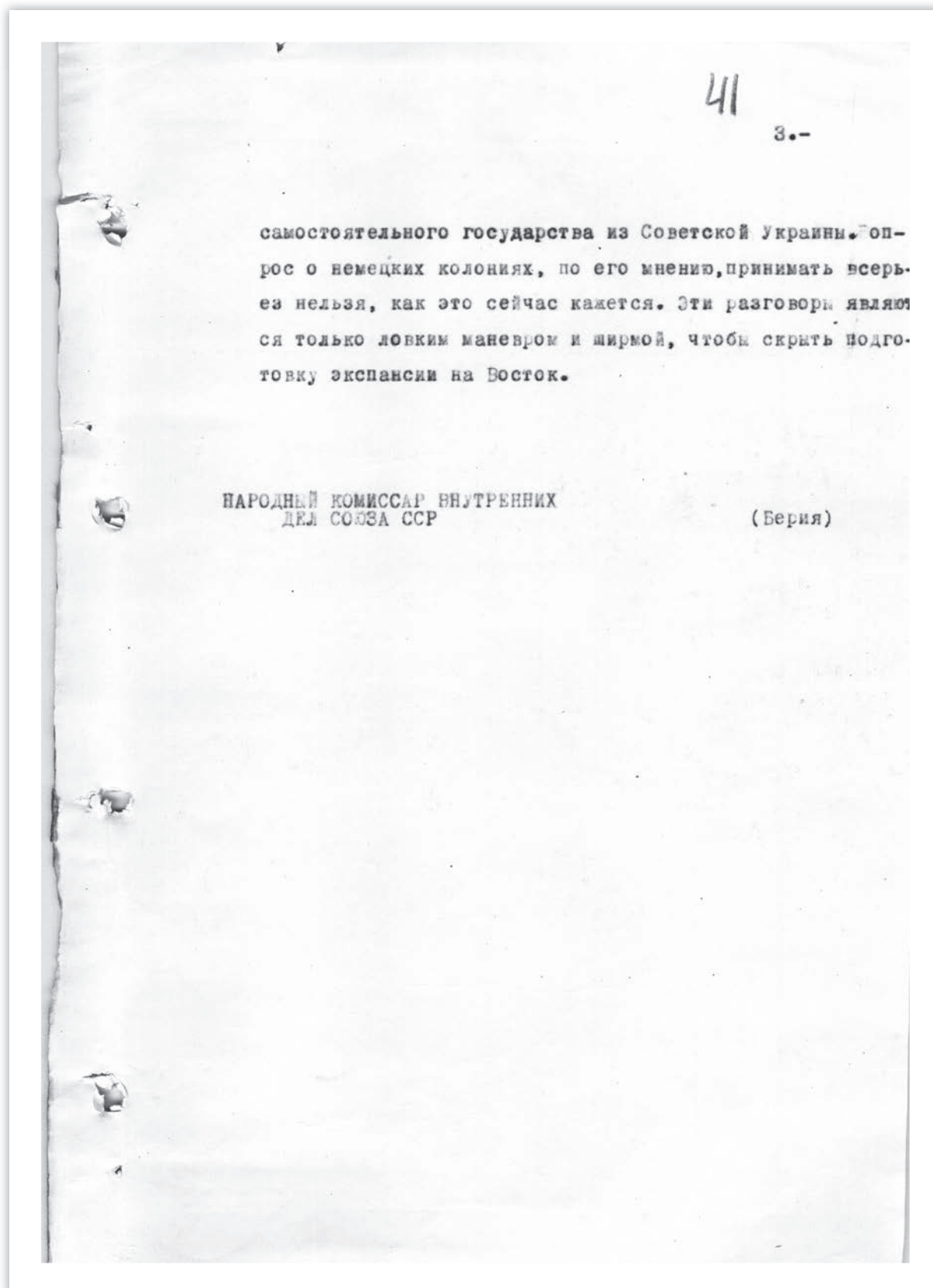
Финляндский посланник в Варшаве КИВИНСКИ в своем рапорте МИД'у от 22 ноября 1938г. сообщает:

"В Варшаве считают, что Германия в своих собственных интересах хочет сохранить Закарпатскую Украину как автономное государство при Чехословакии. В польских кругах уверены, что ближайшей целью Германии в ее внешней политике является отторжение от СССР Украины и создание из нее самостоятельного государства. Для этого базой должна явиться Закарпатская Украина.

Этот план Польше не нравится, так как если он будет действительно осуществлен, станет весьма актуальным вопрос польских украинцев, которые недовольны своим положением и оппозиционно настроены к польскому правительству.

Японский посол в Варшаве САНО в беседе сообщил, что он убежден, - ближайшей целью Германии является создание

Берии для Сталина, сообщение Молотова, Ворошилова по вопросу о германской экспансии на Восток и позиции правительственных кругов Англии, Франции и Польши в этом вопросе. Стр. 3

Рапорт из заграничного представительства о чехословацком вопросе.
Беседа с министром Чехословакии Масариком

ЛБ2

18
РАСЕКРЕЧЕНО
Секретно.
Служба внешней разведки РФ 10

Министерство иностранных дел

Гельсингфорс 19.5.38.

Заграничного представи-
тельства Известия № 166.

Лондонского посольства

РАПОРТ № 38.

Подписан 12.5.38.
Министром ГРИПЕНБЕРГОМ

Подписан 12.5.38.

ЧЕХОСЛОВАККИЙ ВОПРОС.

Поступил 17.5.38.

На только что закончившемся приеме у короля, мне пришлось встретиться и говорить "о международном положении" с посланником здесь Чехословакии министром МАСАРИКОМ.

В его ответах по затронутому мною вопросу, чувствовалось огорчение, которое он не пытался скрывать. Мною затронут вопрос отношения английского правительства к Чехословакии, к которому они имеют на сегодня такого порядка, ходячую фразу: "Это правительство не является какой либо заразной болезнью, а настоящее правительство". МАСАРИК сказал, что: "в его стране никто не мог себе представить что бы Англия, в интересах Чехословакии, взялась бы за оружие, и понимают, что в вопросе о Чехословакии Англия прежде всего выступает в защиту своих собственных интересов - выгод.

Рапорт из заграничного представительства о чехословацком вопросе.
Беседа с министром Чехословакии Масариком. Стр. 2–3

19

2.-

Со своей стороны МАСАРИК указал, что он был всегда уверен в том, что английское правительство никогда не имело посягательств на самостоятельность – независимость его страны, и в этом вопросе себя не связывала. Вопрос в настоящее время только в том, что будут ли понимать английское и французское правительства то, что затрагиваются их собственные, крайне существенные интересы, на которые посягает Гитлер своей экспансией в Европе, что надлежало бы своевременно пресечь. Гитлер имеет цель "немедленно" захватить доминирующее положение на одном участке Европы.

Я спросил его, могут ли немецкие войска неожиданно вторгнуться на территорию Чехословакии? Как думает об этом МАСАРИК? Последний ответил: "Если они придут – то будем сразу же стрелять". Он тут же добавил, что его правительство, если обстоятельство потребует "пойдет насколько это возможно – глубже", что бы удовлетворить требования немцев. Я спросил у него, считает-ли он, что "автономия" может удовлетворить? МАСАРИК на это ответил: трудно на это что либо сказать, поскольку в массе судебных немцев руководят г-н Генлейна радикальнейшие элементы. Тут он повторил: "но мы будем стрелять." Я переспросил его, будут ли "стрелять" и в том случае, если никто из других не будет стрелять в немцев? МАСАРИК ответил: "неужели западные государства – не поймут, чего

20

3.-

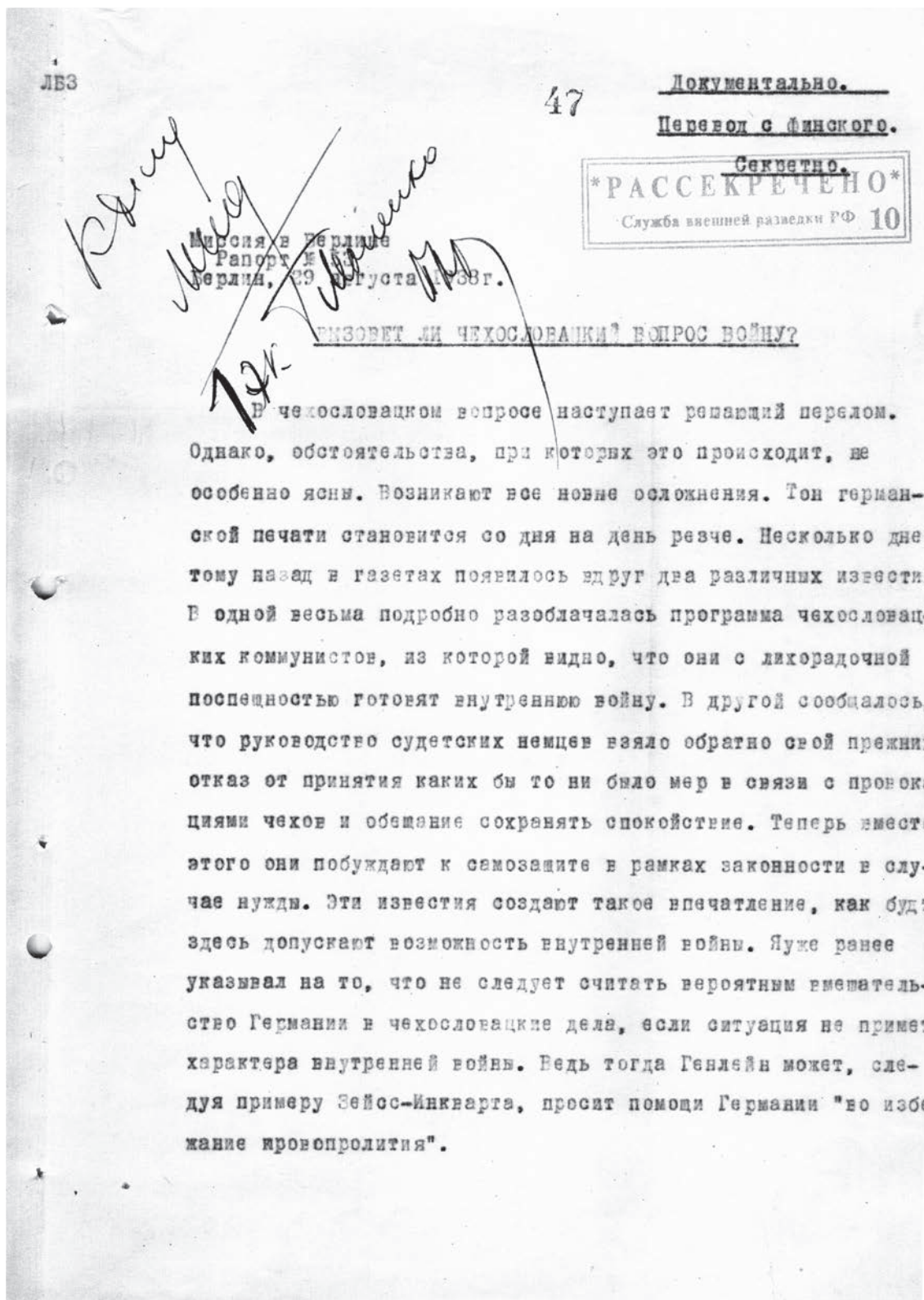
требуют их собственные интересы. Министр МАСАРИК - как можно было заметить, больше не хотел ничего сказать о том, что ему было известно и на что он надеялся-как-то: на Францию, которая возможно должна бы оказать ему помощь в случае возникновения конфликта с Германией.

На этих днях я имел несколько бесед с дипломатами по чехословацкому вопросу, которые почти одного мнения, что Гитлер стремится избежать глубокого конфликта в Европе и его стремление экспансии над Европой находится под вопросом, равно как и применение военной силы в вопросе судетских немцев. Имеется общее мнение и о том, что: "если Гитлер двинет свои военные силы на Чехословакию, что считают маловероятным, - то Франция не рискнет мобилизовать или принять какие либо широкие меры по оказанию помощи Чехословакии.

Начальник канцелярии

Бруно Кивикоски.

Рапорт «Вызовет ли чехословацкий вопрос войну», будет ли Германия нападать на Чехословакию: экономический аспект, военный аспект. Беседа с чехословацким посланником. Стр. 1–2

Все же положение совершенно иное, чем это было в свое время в Австрии. Другие великие державы непосредственно заинтересованы в этом деле, и вооруженная интервенция Германии весьма вероятно означала бы в таком случае большую войну.

Итак, внешние признаки сравнительно тревожны. Как же тогда выглядят реальные обстоятельства? По причинам, на которые я указывал в своих предыдущих рапортах, невозможно высказать абсолютную истину, но, судя по всему, я в данный момент расценивал бы обстоятельства следующим образом. Сознывая последствия нападения на Чехословакию, я не думаю, чтобы Германия пошла на это, если только обстановка не изменится коренным образом. В пользу такого утверждения говорят следующие обстоятельства:

1) Экономическое положение Германии не является таким, чтобы выдержать войну; некоторые беспартийные лица, с которыми я беседовал по этому вопросу, назвали положение чуть ли не катастрофическим, между тем как в партийных кругах его не считают плохим, если не хорошим.

2) В военном отношении Германия не готова ко вступлению в войну, и поэтому руководство армии противится этому шагу и отговаривает от него, как мне сказали осведомленные люди. Границы страны охраняются еще немного времени, а подготовка к возведению укреплений не проводится в одно мгновение.

Рапорт «Вызовет ли чехословацкий вопрос войну», будет ли Германия нападать на Чехословакию: экономический аспект, военный аспект. Беседа с чехословацким посланником. Стр. 3–4

49

3.-

В низшем командном составе (начиная от капитанов и ниже) ощущается большой недостаток, который должен быть сперва устранен. Запасные не обучены современному военному делу, и лишь сейчас первая часть их призвана для обучения.

3) Население настроено, как рассказывают люди, ездившие в провинцию, против войны – обстоятельство, которое, конечно, можно изменить путем надлежащей пропаганды.

Вдобавок к этому сам канцлер государства не желает кровопролития, если только можно избежать его. Вся его деятельность последних лет, как я уже отмечал, показывает, что он никогда не шел ни на какой значительный с точки зрения внешней политики шаг, не будучи на 99% уверен в том, что дело обойдется без конфликта. Так было до сих пор. Все же некоторые беспартийные сожалели о том, что в мае канцлер не провел операции в Судетской области по австрийскому образцу, ибо это, как они считают, удалось бы еще тогда, а впервые дал повлиять на себя руководству армии. По мнению людей, придерживающихся такого взгляда, игра теперь проиграна. Однако, по моему, дело обстоит не так. Разумеется, возможно, что при посредстве лорда Рансимена удастся добиться примирения, на которое пошла бы обе стороны, но подобное решение является только временным: окончательное решение состоится в таком случае лишь позднее. Но скорый

результат был бы, несомненно, необходим, так как проволок
ки только еще больше отравят умы.

Пару дней тому назад я имел длительную беседу со
здешним чехословацким посланником. Из этого разговора сле
дует упомянуть следующее:

1) Посланник уже на протяжении ряда лет требовал
от своего правительства урегулирования вопроса, предлагая
между прочим, отказаться от национального государства и
перейти к государству, состоящему из национальных автоном
ных областей. Однако, его предложения были оставлены без
всякого внимания.

2) Уроки Австрии вызвали отчасти разногласия среди
судетских немцев. Молодое поколение все-таки фанатично
стоит за Генлейна.

3) Веутрипартийные козни в Чехословакии мешают быст
рому урегулированию вопроса и еще больше разжигают шовинизм

4) Война означала бы безусловную гибель Чехословакии
худое примирение было бы гораздо лучше.

5) В Праге живут верой или надеждой на то, что ны
нешняя система в Германии скоро рухнет. Это совершенное
заблуждение, так как нынешняя обстановка в Германии прод
ля еще довольно долго. Посланник был, как видно, в доволь
но-таки паническом настроении.

Рапорт «Вызовет ли чехословацкий вопрос войну», будет ли Германия нападать на Чехословакию: экономический аспект, военный аспект. Беседа с чехословацким посланником. Стр. 5

51

5.-

Крайне агрессивный и угрожающий тон германской печати был скорее всего рассчитан на то, чтобы запугать чехов, и тем самым добиться от них больших уступок, но также, разумеется, чтобы создать в Германии соответствующее настроение. Исходя из вышеприведенных мотивов, я все же не склонен думать, чтобы это было рассчитано на большее. Однако, положение ведь может измениться, если престиж Германии подвергнется слишком тяжелому испытанию и дело примет иной оборот.

Последняя речь министра Саймона в Англии была принята в Германии весьма холодно, ибо в ней видят предостережение Германии. Когда "Пресс ассосиэйшен" опубликовала сообщение из Лондона о том, что если судетские немцы не одобряют новых проектов Годжи, наступит тот критический момент, которого английское правительство опасалось, "Фолькштер Beobachter" заметил по этому поводу: "Если мнение "Пресс ассосиэйшен" инспирировано министерством иностранных дел, то этот факт, что Лондон пытается оказать давление на судетских немцев, был бы верен; это было бы сравнимо с ясными угрозами Праги насчет того, что-де она (Прага) вооружилась к "критическому сентябрю". Руководство судетских немцев не даст подобным угрозам сокрушить себя со своего прямого и открытого пути, который даст 3½ млн. немцев право на самоопределение, обещанного им в Париже 20 лет тому назад".

(Подпись)

Рапорт о польско-германских и польско-чехословацких отношениях.
Отношение польской общественности к Германии

ЛВ2

82 Документально

Перевод с финского.

МИССИЯ В ВАРШАВЕ
РАПОРТ № 29
Варшава, 12 сентября 38г.

ПОЛЬСКО-ГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ.

По возвращении из летнего отпуска мне удалось заметить, что польско-германские отношения за последнее время ухудшились. Утверждая это, я вполне сознаю, что официальные круги Польши не согласятся с этим. Наоборот, министр Бек говорил мне, что не следует обращать внимания на некоторые антигерманские демонстрации и что отношения остаются прежними. Независимо от этого, мне кажется, что произошла какая-то перемена, которую я ниже попытаюсь изложить.

К начатому маршалом Пилсудским и с большой последовательностью осуществленному министром иностранных дел Беким сближению с Германией — речь, естественно, и не шла о каком бы то ни было союзничестве, а только об отказе от франко-польского союза — в Польше никогда не проявляли особенной благосклонности. Германия была старым и основным врагом, роста власти которого боялись. Поэтому правительству понадобилось преодолеть большие трудности, прежде чем удалось хотя бы до некоторой степени улучшить враждебные отношения между обеими странами. Германский посол Мольтке однажды как раз сказал мне, что Пилсудский вполне сознавал, что пройдет

Рапорт о польско-германских и польско-чехословацких отношениях.
Отношение польской общественности к Германии. Стр. 2–3

83

2.-

много времени, прежде чем будет забота, как он говорил, "тысячелетняя ненависть". Сближению с Германией в большой мере помогли безразличное отношение левых партий Франции к данцигскому вопросу, равно как и происшедшее между Францией и Россией сближение, которое впоследствии привело даже к специальному договору о взаимной помощи. Поскольку я уже однажды подробно излагал суждения французских политиков и газет, из которых (суждений) ясно было видно, что у французов нет желания ввязываться в войну с Германией из-за данцигского вопроса, то, по-моему, незначает больше излагать их в данной связи.

Неспособность Англии и Франции воспрепятствовать вооружению Германии тоже могла повлиять на то, что мало по малу утвердилось мнение, что о необходимости установления хороших отношений с Германией. Ведь по сравнению с Россией Германия представляла гораздо больший порядок и могущество.

В начале конфликта между Германией и Чехословакией польско-германские отношения были в общем хорошими. Казалось, что внешняя политика Бака добилась большего понимания, чем прежде. Легкость, с которой Германия присоединила к себе Австрию, тоже была способна убедить поляков в мощи Германии. Воцарившаяся в России хаотическая обстановка повлияла

на то, что как решающий внешнеполитический фактор Россия утратила значительную долю своего прежнего значения. Польско-чехословацкие отношения были, по общеизвестным причинам, всегда плохими. В Польше всегда существовало недовольство отношением чехов к польскому меньшинству. В частности, об этом свидетельствует пара сотен нот польской миссии в Праге, которые годами направлялись в связи с этим вопросом в чехословацкое министерство иностранных дел и на которые часто даже не отвечали. Поэтому в Польше были довольны, когда вопрос о чехословацких меньшинствах встал на повестку дня. Зদেশние газеты высказывали мнения, из которых явствовало, что Польше и Германии предстоит занимать одинаковые интересы. Все прежние польские упреки по адресу Чехословакии были выдвинуты на передний план в еще более резкой форме.

Как я отмечал выше, сейчас отношение польской общественности к Германии, по моему, до некоторой степени переменялось. Главная причина этого, несомненно, кроется в боязни того, что после Чехословакии наступит очередь Польши. Все те круги, которые всегда оставались холодными к Германии, с большой последовательностью высказывали этот взгляд, который не мог не повлиять на общественное мнение. Как указали мне в польском министерстве иностранных дел, французы, несомненно тоже всеми силами старались повлиять на поляков и запугать их Германией.

Рапорт о польско-германских и польско-чехословацких отношениях.
Отношение польской общественности к Германии. Стр. 4-5

85

4.-

К этому надо добавить, что летом в Данциге имели место некоторые инциденты, которые взволновали польское общественное мнение. Эти инциденты были вообще местно го характера, и любопытно, что в конце-концов все-таки никто не может сказать, что же произошло в действительности. Наибольшее внимание привлек следующий инцидент.

По сообщению некоторых польских газет, какие-то немецкие железнодорожники сбросили с поезда польского железнодорожника, который при этом сломал себе ногу и руку. Немцы же говорят, что какой-то пьяный польский железнодорожник хотел силой попасть на немецкий поезд. Когда поезд тронулся, он уцепился за подножку вагона и упав, ушибся. Об этом, как и о других подобных инцидентах польская печать писала в особенно раздраженном тоне. Соборания протеста, проведенные в связи с этими инцидентами, зачастую были направлены столько же против министра иностранных дел Бека, сколько и против немцев. Они свидетельствуют о той нервозности польской общественности, которая вызвана растущей военной мощью Германии.

Похоже и на то, что отношение местных властей к немецкому меньшинству стало неприязненное. Имеется значительная тенденция ~~подстраивать случаи, при которых~~ стараться не давать немцам приходи-
ли бы в соприкосновение между собой. Так, напр. недавно

86

5.-

власти запретили намеченное немцами гимнастическое празднество, которому вряд ли можно было придать политическое значение. Здесь теперь встречаются и такие лица, которые дают ясно понять, что им не улыбается перспектива получения Германией немецких областей Чехословакии, ибо тем самым ее мощь выросла бы опять, и "после этого настала бы очередь Польши". Прошрое воскресенье я провел у князя Константина Радзивилла в его замке близ Варшавы. Кроме меня, там были исключительно польские гости. Было похоже, что мнения по чехословацкому вопросу сильно расходятся, но мне удалось заметить, что большинство боится того, что Германия вскоре может стать опасной для Польши. Один из присутствовавших зашел даже так далеко, что заявил, что желает союза с Чехословакией. Лица, бывшие там, не занимают никакого особого политического положения, но было бы, конечно, неправильно не обращать внимания на подобные мнения. У Чехословакии вообще не было друзей в кругах здешней аристократии и офицерства.

Что касается идеи союза, то я убежден, что если бы венгерскому и польскому меньшинствам Чехословакии дали присоединиться к своим государствам, то было бы лишь вопросом времени, когда между Чехословакией, Венгрией и Польшей состоится сближение в противовес Германии.

Рапорт о польско-германских и польско-чехословацких отношениях.
Отношение польской общественности к Германии. Стр. 6—7

87

6.--

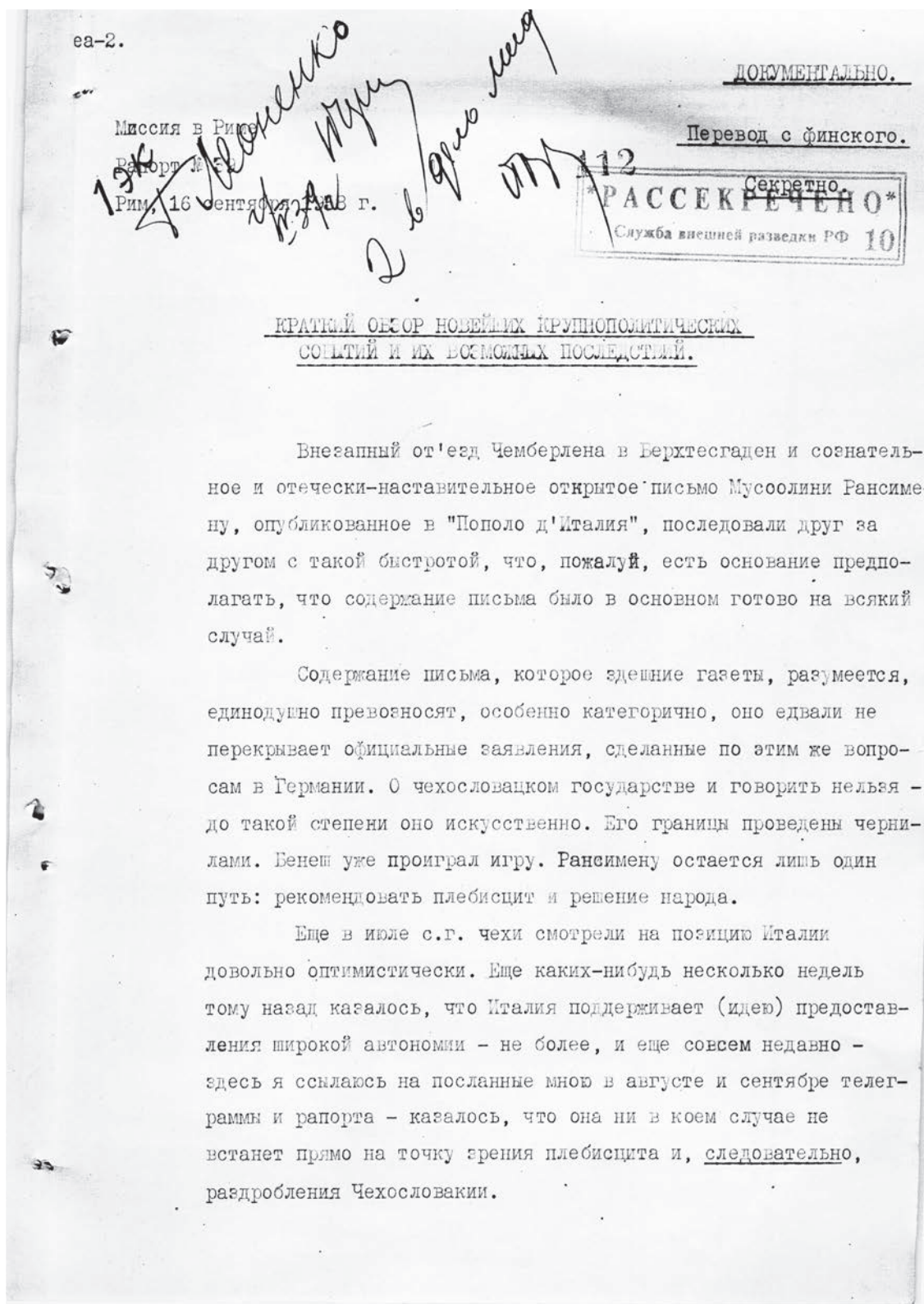
Было бы неверно делать из вышесказанного вывод, что положение Бека как министра иностранных дел шатается. Его положение попрежнему прочно. Но, кажется, даже его сторонники заметили, что недовольство внешней политикой Бека возросло. Привожу здесь некоторые выдержки из органа консервативного крыла правительственной партии газеты "Час".

"Нападки на внешнюю политику Бека", пишет газета, "внушают беспокойство. Хотя эти нападки повторяются часто и ими увлекаются газеты, которые сейчас находятся в близких отношениях с "Озоном" (организация Коца), мы не думаем, чтобы под влиянием печати мин.Бек стал менять направление своей политики. Наверное — и в этом его большое преимущество — он не относится к числу людей, которые ровно в 12час. начинают беспокоиться за своим письменным столом и велют принести вечерние издания, чтобы выяснить, откуда ветер дует. У мин.Бека понимания в отношении печати скорее слишком мало, чем слишком много. Но мы опасаемся, что эта концентрированная атака ослабит положение министра. Мы живем не во времена Пилсудского, когда голос улицы не проникал в Вельведер. Все-таки уход мин.Бека был бы настоящей катастрофой. Не нашлось бы никого, кто бы мог заменить его. В запутанной международной обстановке менее опытный министр мог бы причинить непоправимый вред... Сейчас, конечно, и нет опасности того, что мин.Бек подаст в отставку.

Но надо уметь заглядывать немного в будущее. Нынешнее расстояние между нашей внешней политикой и общественным мнением слишком велико, чтобы положение можно было считать нормальным и чтобы оно могло долго продолжаться. Лица, которые недооценивают эти моменты, ссылаясь на полное доверие, оказываемое мин.Беку в высших кругах, страдают фальтонизмом... Разумеется, цензура помогла бы ему, если бы он этого захотел. Вероятно, он этого не хочет, исходя из того верного принципа, что если правительство не может опереться на штыки — известное выражение Наполеона — то тем меньшей опорой может служить цензура. Мы не хотим укорять его за эту сдержанность. Напротив, мы считаем, что полковнику Беку следует начать пользоваться правительственной печатью уже потому, что она многочисленна и развита. Ему следует помнить, что положение многих его нынешних коллег зависит исключительно от того, что они сумели найти общий язык с печатью. Было бы дурным предзнаменованием, если бы человек, обладающий такими качествами, рассудком и характером, как полк.Бек, не понял столь ясной и простой истины

Посланник (подпись)

Краткий обзор новейших крупно-политических событий и их возможных последствий. Вопрос о расчленении Чехословакии. Вопрос о малых государствах. Стр. 1-2

С точки зрения Германии, эволюция во все более положительном направлении была, конечно, заметна, но все-таки переход на эту весьма ясную точку зрения явился в известной мере сюрпризом. Что на это повлияло?

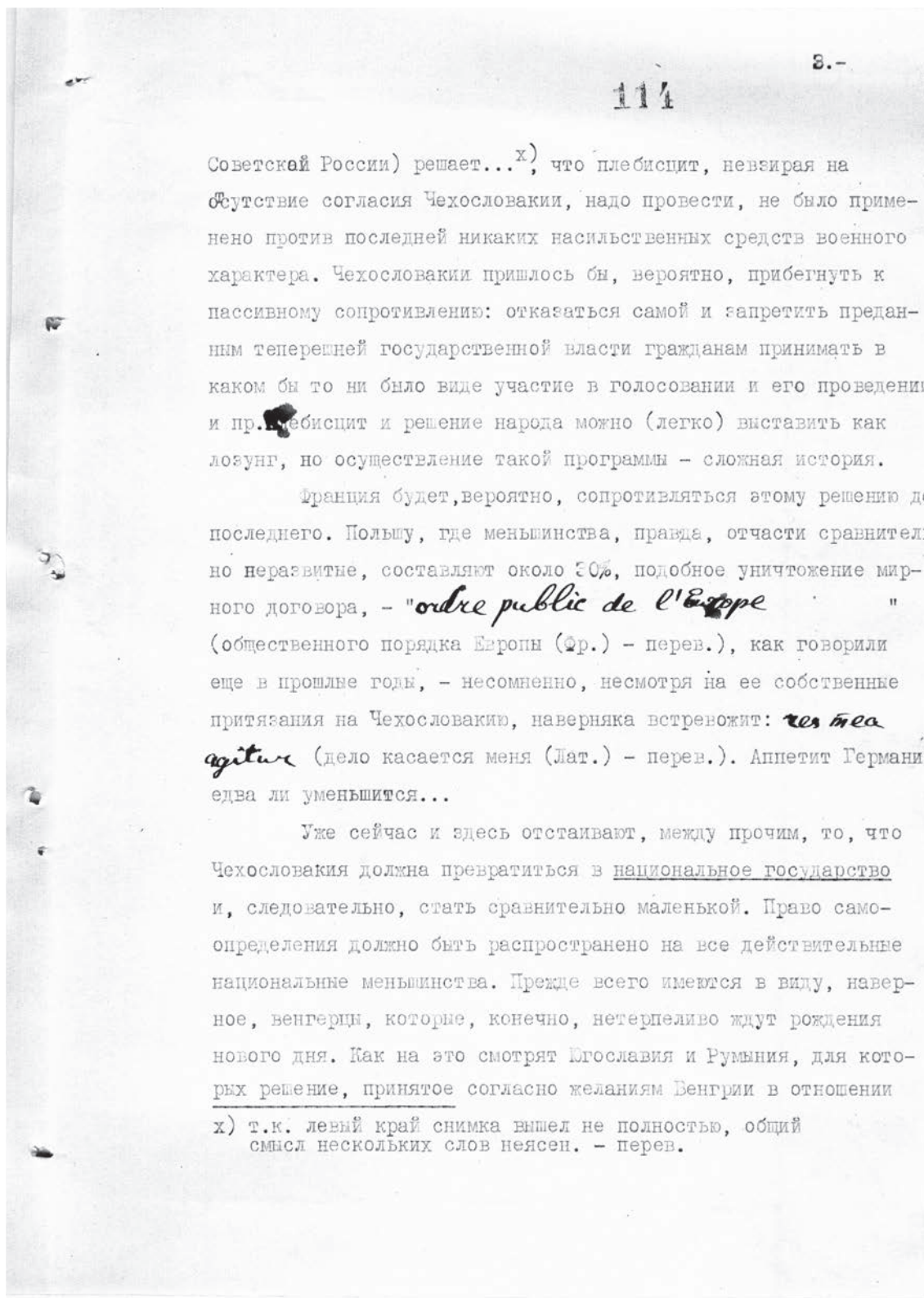
Надо, конечно, полагать, что Германия оказывала давление. Однако этого было бы недостаточно. Может быть, глава итальянского правительства рассчитывал на то, что внешнеполитическое руководство Англии — во имя защиты мира — мало-помалу станет податливее на эту радикальную форму решения, а поэтому самое верное — своевременно провозгласить возможно энергичнее это учение, чтобы впоследствии не пришлось присоединиться к более сильному (решающему) фактору. С другой стороны, может быть и так, что Муссолини хотел показать в противовес Англии, что Италия и Германия вместе могут (решить) больше. Во всяком случае, Италии, конечно, приятно показать Франции свой перевес, как и беспомощность Франции и ее союзников. Случай унизить и ослабить Советскую Россию, разумеется, еще желаннее.

Остается и впредь загадкой, какие компенсации могла обещать Германия.

Официально дело представляют, конечно, так, что решение народа — единственное средство спасения мира. Во всяком случае, определено одно, что нынешняя Италия, безусловно, хочет играть в европейской (и мировой) политике возможно более важную роль и в этом применяет самовластие. Таким образом, и теперь надо было принять ясное решение в ту или другую сторону.

Войны не желают. По крайней мере Англия позаботится о том, чтобы, если даже великие державы (не считая Франции и

Краткий обзор новейших крупно-политических событий и их возможных последствий. Вопрос о расчленении Чехословакии. Вопрос о малых государствах. Стр. 3–4

115

4.-

Чехословакии, было бы, конечно, все время чрезвычайно серьезным *memento mori* — помни о смерти (лат.) — перев.)? Думают ли они получить от Германии и Италии гарантии собственной неприкосновенности? Будет ли Малая антанта иметь какое-либо значение в этом деле?

Перед малыми государствами этот вопрос встает серьезно (и самобой). Надо только произнести слово "Дания", чтобы стало ясным его непосредственное значение с точки зрения некоторых государств. Швейцария, Люксембург и др., может быть, со временем не смогут более верить в действительность данных или еще подлежащих получению успокоительных заверений.

Но и те малые государства, которым такаа непосредственная опасность не угрожает, тревожит уже сознание того неравенства, которое существует между "большими" и "маленькими" и в этой области, т.е. в отношении чисто политической безопасности. Однако, еще не наступил и едва ли приближается момент, когда, напр., Польша или Франция будут пред'явлены такие требования, как теперь Чехословакии. Можно сказать, что эта страна — типичное многонациональное государство, но есть и другие, которые в значительной степени отвечают тому же типу. Кроме того, следует самым точным образом учесть, что вопрос о расчленении Чехословакии был поднят не как общий принципиальный вопрос и не по требованию какой бы то ни было другой группы, а именно по требованию судетского меньшинства и из-за поддержки, оказанной германским государством именно этому меньшинству. Во всяком случае, здесь сила означала больше, нежели справедливость.

Краткий обзор новейших крупно-политических событий и их возможных последствий. Вопрос о расчленении Чехословакии. Вопрос о малых государствах. Стр. 5

5.-

116

Немало проницательности заключено в том, что теперь ведущие "тоталитарные" государства выступают в роли защитников права наций и меньшинств на самоопределение. Ведь именно они не раз относились с высокомерием к праву наций на самоопределение, хотя и осуществленному неполно и пристрастно, к усердно проводимой под сенью Лиги наций, хотя и со слабым успехом, политике защиты меньшинств и т.п. Пыне те же державы сами выступают рыцарями этого принципа, хотя и только там, где сопротивление слабо и где собственные интересы говорят в пользу такой политики. На сей раз нет недостатка и в красивых лозунгах.

В связи с этим, безусловно, возникает мысль, сколь большие услуги делу мира и международной справедливости могла бы уже и может еще оказать статья 19 устава Лиги наций, если бы изложенный в ней принцип был развит в практически пригодное политически-юридическое руководство и если бы дух и существо его были применены с помощью возможно более компетентного и объективного органа.

Р.Эрих (П/П).

Рапорт о нейтралитете Латвии в случае начала войны

ЛВ2

*Л. Галкин
Комму. ред. Вост.
8/12 89*

Документально.

Перевод с финского.

Миссия в Риге
РАПОРТ № 23
Рига, 17 октября 1938г.

РАСЕКРЕТНО
Служба внешней разведки РСФСР 10

НЕЙТРАЛИТЕТ ЛАТВИИ.

Как я уже сообщал в последнем рапорте рижской миссии, из недавних заявлений чиновников латвийского министерства иностранных дел, а в особенности из опубликованных здешними газетами за последние дни явно инспирированных статей видно, что по крайней мере официальное руководство ведомства иностранных дел этой страны ясно поняло ту перемену во внешнеполитических и геостратегических конstellляциях Европы, которая последовала за событиями последних недель или, вернее, обнаружилась в них. Я думаю, что не ошибусь, если изложу господствующие ныне в кругах здешнего министерства иностранных дел точки зрения нижеследующим образом:

Считают особенно прискорбным, но неопровержимым фактом то, что внешнеполитическая система, которой придерживалась до сих пор Франция, потерпела полный крах и что поэтому в дальнейшей внешнеполитической (ориентации) Франции следует ожидать таких больших перемен, что по крайней мере с точки зрения малых государств Восточной и Северной Европы Францию нельзя более принимать в расчет как решающую силу при попытках этих стран к укреплению

Рапорт о нейтралитете Латвии
в случае начала войны. Стр. 2-3

194

2.-

своей безопасности. Сказано же, что Франция опусталась до уровня второстепенного государства, "гарантии" и обещания о помощи которого ничего не значат.

Точно так же констатируют, что лишний раз стало яснее ясного, что восточно-европейские дела и сохранение статуса-кво на восток от германских границ отнюдь не интересуют Англию настолько, чтобы от нее в случае нужды можно было ожидать какой бы то ни было действительной помощи. Напротив, говоря об Англии, ссылались на известные горькие слова о том, что Англия, конечно, будет заботиться о сохранении мира, пока малых государств будет достаточно для раздела.

С другой стороны, холодно подтверждают, что теперь Германии на европейском материке принадлежит безусловное превосходство и что этот факт, как бы он ни был неприятен, может быть, для многих, заслуживает пристального внимания.

Из всего этого внешнеполитическое руководство страны, исходя из всех признаков и вполне естественно, сделало вывод, что предпосылки сохранения Латвией нейтралитета надо, учитывая геополитическое положение страны укреплять всеми применимыми средствами - включая сюда как существенную часть внешней политики улучшение отношений с Германией. Добьется ли внешнеполитическое руководство

195

3.-

успеха в этих своих стремлениях, — другой вопрос, как я уже указывал в своем последнем рапорте, принимая во внимание ту глубоко вкоренившуюся ненависть к немцам, которая царит во всех различных слоях и кругах латышского народа, а также ту склонность к России, которая все еще обнаруживается здесь по крайней мере в некоторых даже влиятельных кругах — несмотря на урок, который должна была бы дать им судьба Чехословакии.

Во всяком случае, внешнеполитическое руководство решительно начало делать все, что в его силах, для достижения вышеупомянутой цели как конкретными делами, так и разъяснением народу ситуации и предъявляемых его требований.

Так, несколько дней тому назад министр иностранных дел Мунтерс рассказал мне, что — после того как он выступил в Жеве со своей "декларацией нейтралитета", согласно которой латвийское правительство оставляет за собой право решать в каждом данном случае отдельно применит ли оно положения статьи 16 устава Лиги наций и в какой мере, — теперь Латвия, следуя примеру северных стран, составит те постановления технического порядка, которые необходимы для того, чтобы как граждане и учреждения страны, так и воюющие государства узнали уже заранее те предписания и запреты, которые Латвия считает необходимыми для успешного сохранения своего нейтралитета.

Рапорт о нейтралитете Латвии
в случае начала войны. Стр. 4–5

196

4.-

Еще более ярким признаком вышеупомянутых стремлений внешнеполитического руководства Латвии является, может быть, тот факт, что за последние дни все основные здешние газеты – наряду с русской "Сегодня" и немецкой "Ригахерундшау" – опубликовали длинные, подробные, явно инспирированные и в основном совершенно сходные статьи, в которых разъясняется возникшая обще-политическая ситуация и излагается и (отстаивается) необходимость политики нейтралитета.

Мысли, высказанные главным органом правительства "Ритс", я уже вкратце разбирал в своем последнем рапорте. Статья "Ритс" ограничивалась подчеркиванием того, что, с одной стороны, ошибка и несчастье Чехословакии состояли в том, что она слепо доверилась Франции и Англии, и не постаралась во время добиться модум в и в е н д и (найти общий язык – перев.) со своим великим и могучим соседом, с другой стороны, при первом же испытании ось Рим-Берлин оказалась решительно сильнее, чем ось Париж-Лондон, и Гитлер теперь управляет судьбой Средней Европы.

После этой статьи "Ритс" – после составления мною последнего рапорта – все прочие газеты тоже, как было сказано, опубликовали статьи о нейтралитете Латвии, которые настолько знаменательны, что заслуживают изложения в форме рапорта.

197

5.-

В статье другого органа латвийского правительства - "Брива земе" - сперва пространно говорится о крахе идеи коллективной безопасности и политики Лиги наций и вытекающей из этого необходимости для Латвии разъяснить миру, что она при нынешних условиях не может отказаться от своего суверенного права определять самой и во всех случаях свои отношения с другими государствами, даже такими, которые нарушили бы устав Лиги наций. Затем в статье подчеркивается, что такая точка зрения Латвии совсем не касается обязательств Латвии в отношении Эстонии на основе договора от 1923 г., который сохраняет свой обязательный и автоматический характер, в случае, если союзная страна станет жертвой неспровоцированного нападения. К этому газета добавляет: "но никакого иного обязательства, которое могло бы заставить нас отказаться против нашего желания от нашего нейтралитета, мы не приемлем!"

В дополнение к вышеизложенному газета - это здесь следует отметить - подчеркивает, что малые государства в своей политике нейтралитета могли бы, может быть, пойти еще дальше и заранее заявить, что они будут сохранять нейтралитет во всех случаях конфликта между другими государствами, за исключением лишь случаев нападения на союзную страну. Такой декларацией государства могли бы добровольно установить, - продолжает газета, - свое суверенное право определять свою точку зрения в каждом случае отдельно в отношении участия или неучастия в военном

Рапорт о нейтралитете Латвии
в случае начала войны. Стр. 6–7

193

6.-

конфликте и на этот раз – противоположно тому, как это делает статья устава Лиги наций, касающаяся (обязательств). Между тем как последняя обязывает государства участвовать в определенных случаях, независимо от их собственного мнения, в общей акции против агрессора, декларация безусловного нейтралитета уже в мирное время ясно определила бы нейтральную позицию данной страны в случае возникновения всякого конфликта. Потеряв иллюзии о том, что Лига наций или какая-либо великая держава, коль скоро ее жизненным интересам ничто не угрожает, захочет или сможет помочь малому государству, ставшему жертвой агрессии, они попытались бы укрепить свою безопасность обещанием, что они ни в коем случае не примут участия в каком бы то ни было коллективном действии против другого государства.

Не углубляя этого далее, газета затем заявляет, что надо ожидать возникновения необходимости о "законе о нейтралитете", и заканчивает статью замечанием, что вооружения страны отнюдь не должны ослабевать ни на минуту. Наоборот, декларация нейтралитета не будет иметь никакого значения, и в нее не поверят, если она не будет подкреплена не только желанием и убеждением всей нации, но и безусловной волей всего народа к защите, в случае необходимости, своего нейтралитета с оружием в руках.

199

7.-

В статье, опубликованной в наиболее распространенно латышской газете "Яунакас зинас", изложены те же мысли и выводы, что и в "Брива земс", кроме того, что в статье "Яунакас зинас" вопрос о безусловном нейтралитете не обсуждается и подчеркивается та точка зрения, что Латвия де поступила "корректнее" северных стран, установив путем внутреннего законодательства свой нейтралитет лишь после того, как Лига наций создала точную основу для суверенной и независимой политики, констатировав факультативность не только военных, но и экономических обязательств.

Статья "Яунакас зинас" заканчивается следующими словами:

"Теперь уже ничто не мешает нам официальными документами выразить свою твердую волю к независимости. Все же опыт научил нас, что документы имеют ценность лишь тогда, когда они выражают непоколебимую волю сильного народа, т.е., в данном случае, если политика независимости поддерживается силой и волею к защите независимости. Вместе со своими соседями мы хотим собственными силами создать свое будущее и расширить ту часть Европы, которая сумеет сказать твердо "нет", когда обнаружится малейшее стремление подчинить страну иноземному господству".

Рапорт о нейтралитете Латвии
в случае начала войны. Стр. 8–9

200

8.-

Сходство статьи "Яунакас зинас" со статьей "Брива земс" явно свидетельствует о том, что обе инспирированы с одной и той же стороны, выражая точку зрения и тенденции внешнеполитического руководства.

То же надо констатировать и в отношении статей издаваемых на других языках "Сегодня" и "Ригаше рундшау".

Первая из них раз'ясняет значение декларации нейтралитета следующими словами:

"Могут спросить, в состоянии ли декларация нейтралитета гарантировать, что будут избегнуты те несчастья, которые приносит с собой нападение более сильного государства. Верно, что не существует безусловной "гарантии", подобно тому, как ничто не совершенно в этом мире. Все же нейтралитет государства, хотя и малого, является фактом, с которым надо считаться. Воюющая страна вряд ли захочет увеличить свои трудности умышленным приобретением нового противника. Моральная сторона вопроса также имеет свое значение, и, в конце концов, нейтралитет может быть выгоден обоим воюющим сторонам.

Нельзя не считаться с нейтралитетом, а посягательство на него вообще не обходится без последствий."

Заключение статьи "Сегодня" гласит так: "Теперь Латвия вольна определить свой исторический путь, вольна оставаться нейтральной во время борьбы других государств между собой, вольна продолжать свою внутреннюю созидательную работу даже тогда, когда вихрь опустошения забушует

201

9.-

вокруг нее, готова жертвовать своими силами и жизнью только лишь для того, чтобы защитить себя от иноземной агрессии.

Быть хозяином своей судьбы, не поддаваться иностранным домогательствам, — вот почетный путь, по которому надо идти. На этом пути народы, сохраняя себя в неприкосновенности, сохраняют общее всем сокровище человеческой культуры."

Статья "Ригаше рундшау" держится совершенно той же линии, что и "Брива земс", "Яугакас зинас" и "Сегодня". Вдобавок в ней приводится выдержка из статьи "Берлинер берзенцейтунг", в которой всецело одобряется эстонская политика нейтралитета.

Все вышеизложенные программные статьи говорят ясным языком. Они выражают, по-моему, недвусмысленно и правдивые цели, к которым стремится поспешнее внешнеполитическое руководство Латвии, учитывая ту общеполитическую и геостратегическую ситуацию, которая ныне стала фактом на европейском континенте. Нельзя не надеяться, что внешнеполитическое руководство Латвии в этом своем стремлении к осуществлению действительного нейтралитета добьется успеха, преодолев те силы, которые могут как внутри страны, так и за пределами и подняться против этого и которых, конечно, не следует недооценивать.

Посланник: Эдуард Я. Палин (д/п)

Рапорт из миссии Чехословацкой Республики. Министр Мунтерс
о Европе после Мюнхена. Политическая ситуация в Европе:
о Германии в отношении Судет. Стр. 1–2

рт-2

Документально.

216

Миссия
Чехосл. республики
Рига №-335/секр./38.

Перевод с чешского.

Рига, 17 октября 1938 г.

МИНИСТР МУНТЕРС
О ЕВРОПЕ ПОСЛЕ МОНХЕНА.

Министерству иностранных дел, Прага.

Министр иностранных дел МУНТЕРС пригласил меня к себе
14 с.м. под предлогом беседы о наших жалобах на выпады "Рига-ше
рундшау". Об этом я доложу особо.

Извинившись за этот вопиющий случай нападок на б.прези-
дента БЕНЕША и ген. СЫРОВОГО, против чего я протестовал нотой
30 сентября, г.МУНТЕРС сразу же перешел к политической ситуа-
ции.

" Я полагаю, - сказал он, что Вы не ожидаете от меня вы-
ражения сочувствия в связи с Вашим тяжелым положением: слова
не соответствовали бы постигшим Вас потерям. Наше общественное
мнение и печать выражали и выражают свое сочувствие, может быть
даже слишком бурно". (Намек на уличные антигерманские выступ-
ления, о которых докладываю особо). "В Женеве и здесь" - ска-
зал он далее, мы были совершенно ошеломлены поворотом после
Годесберга. Но у меня есть достоверные сведения о том, что
Германия до августа не думала об аннексии Судет. Она была удов-
летворилась автономией по 8 пунктам Генлейна. Как жаль, что Вы
смогли договориться с Германией раньше! Два - три года тому
назад это было бы так легко! Но и теперь это было еще возможно.

217

2.

Это было бы, может быть, лишь отсрочкой, но отсрочкой, возможно, на год - два, кто знает? А что может произойти за год - два видите сами. Это миссия Рансимена раскрыла немцам слабость поддержки Англии и Франции и вообще моральную и военную слабость обеих, не говоря о России. Немцы знали тенденции, с которыми Рансимен приехал в Прагу, потом знали его выводы раньше, чем Лондон. А как только узнали их, решились на аннексию!

Я спросил, что он думает о последствиях Мюнхена.

"Это - самое ужасное дипломатическое поражение, которое когда либо терпели Англия и Франция. Это более чем поражение, это катастрофа. Они расплатятся за это утратой престижа и влияния во всем мире. Франция опустилась до уровня великой державы второго разряда, она становится лишь привеском Англии, которая после страха, обнаруженного Бонне и Даладье еще на первом совещании в Верхтесгадене, потеряла уважение к Франции,....

"Tout est perdu y compris l'honneur".

(все потеряно, в том числе и честь - перев.) может сказать себе Франция. Чемберлен даже не постеснялся после Мюнхена договориться с Гитлером за спиной Франции".

"Но и Англия дорого заплатит за свою слабость. Скоро она убедится в том, что теряет в Европе все позиции; пока у нее они есть еще, но она потеряет везде, где у нее есть первостепенной ^{аж} важности интересы: в Египте, в Африке, вообще, на Дальнем Востоке".

"Однако, СССР, возразил я, был ведь готов выполнить обязательства!

"О России лучше молчать. Россия, может быть вступила бы в войну, если бы Чехословацкая республика, Англия и Франция приняли на себя всю тяжесть германского нападения, с несколькимистами самолетов, чтобы помочь Чехословацкой республике, на большее она вред ли пошла бы, учитывая внутреннее положе-

Рапорт из миссии Чехословацкой Республики. Министр Мунтерс о Европе после Мюнхена. Политическая ситуация в Европе: о Германии в отношении Судет. Стр. 3–4

3.

218

ние и сопротивление Румынии и Польши. (Румынский посланник Стойка категорически заявил, что Румыния русских не пустит). России во всем этом деле было бы важно только расшатать Европу и ловить рыбу в мутной воде. Сталин боится настоящей войны, как смерти. Правда, русская армия хороша, лучше, чем в 1914 г., но у нее плохое руководство и плохой тыл. Длительной войны она бы не выдержала. Таково общее мнение. А внутренние условия в России неутешительны, сопротивление Сталину растет. Взрыв, особенно если он будет поддержан извне, наступит скоро. Россия созревает, и Украина созревает".

Я не намеревался дискуссировать, поэтому спросил далее: "Не опасаетесь ли Вы, что при том слабом сопротивлении, на которое Германия натолкнулась по австрийскому и чехословацкому вопросам ее аппетит возрастет и что дело дойдет и до Польского коридора, Клайпеды и всей Прибалтики?".

"Здесь на севере так скоро ничего не будет, – сказал МУНТЕРС, – Литва уже спешит притти к соглашению с Германией, и я думаю, что та удовлетворится пока новым статутом Клайпеды. Конечно, если будет затронут вопрос о Польском коридоре во всей широте, встанет вопрос о Прибалтике. Пришлось бы компенсировать Польшу. Но Германия этого не сделает. Гитлер лично заинтересован в Польском пакте: – это его первый внешнеполитический успех. Гитлер будет сближать пакт с Польшей до 1944 г. У него пока есть что переваривать" (при этом г. Мунтерс разъяснил, что это означает: унифицировать 10 миллионов новых граждан, переварить их политически и экономически).

"А Польша еще понадобится ему при дальнейших планах на Востоке".

4.

219

Я спросил, имеет ли он ввиду Украину.

"Конечно, необходимость нападения на Россию может явиться довольно скоро, но не с Севера, где немцы ничего бы не выиграли. Украина же означает хлеб, Румыния - нефть. Может уступить часть Польше, может быть и Чехословакии даст что -нибудь, коль скоро теперь как будто опять все в порядке". (беседа происходила в день переговоров д-ра ХВАЛКОВСКОГО в Мюнхене).

"Чехословацкая республика и, главным образом Прикарпатская Русь означают для Гитлера кристаллизационный центр будущей Украины. А что и Румыния, как и Югославия и Болгария, попадет в сферу влияния Германии, - кто ныне может сомневаться в этом?".

После этого МУНТЕРС спросил мое мнение о развитии нашей политики. Я ответил ему в духе заявлений нашего правительства, сделанных до сих пор, т.е. что мы хотим жить в хороших отношениях со всеми, а главным образом с соседями. Мы хотим приобрести новых друзей, но не станем отказываться от старых. Конечно, систему договоров придется пересмотреть - это вытекает из изменившегося положения, но когда это будет, мне пока неизвестно. Наши старания добиться лучших отношений с Германией, Италией и Польшей не означают, может быть, перерождения всего общественного мнения. Эти тенденции у нас длятся уже годы, но перед кризисом не смогли проявиться достаточно действительно. Теперь, конечно, правильность этих стремлений общепризнана. Мы решили также не впадать больше в старую ошибку, которая состояла в чрезмерном доверии к великим союзникам.

Рапорт из миссии Чехословацкой Республики. Министр Мунтерс о Европе после Мюнхена. Политическая ситуация в Европе: о Германии в отношении Судет. Стр. 5

220 5.

На этом беседа пока кончилась. Г-н МУНТЕРС изъявил желание продолжить ее; особенно он интересуется итогами экономических перемен в результате Мюнхена.

Я передал беседу с г.Мунтерсом несколько подробнее, т.к. его немецкие связи известны(хотя опять таки некоторые считают его другом Бека).

Беседа показывает, как глубоко подействовало на здешние политические круги дезертирство Франции и Англии. Иные представляют себе и развитие иначе, чем г.Мунтерс, но в осуждении отступления Франции и Англии и слабости СССР мнения сходятся. Должно быть, это не приминет повлиять на дальнейшую ориентацию Латвии и всей Балтийской антанты.

Посланник. инж. Павел БОРАЧЕК-ЖАНЬЕ (п/п).

Рапорт о внешне-политических стремлениях Германии. О намерении Германии создать самостоятельное Украинское государство

тб-2

*Г. Павлов
Копию 14/12/88
Носичев*

ДОКУМЕНТАЛЬНО.Перевод с финского.

Миссия в Лондоне

Рапорт № 75

Лондон, 2 декабря 1938г.

РАСЕКРЕЧЕНО
Секретно.
Служба внешней разведки РФ 10

ВНЕШНЕ-ПОЛИТИЧЕСКИЕ СТРЕМЛЕНИЯ ГЕРМАНИИ.

Один живущий в Лондоне американский журналист, ездивший совсем недавно в Польшу и Германию для изучения тамошних политических условий, сказал мне 29 ноября, что он убежден в том, что германское правительство теперь уже готовится к созданию самостоятельного украинского государства и к активной деятельности в отношении Советской Украины, которая (деятельность) может быть приведет к военным осложнениям между Германией и Советской Россией. По его словам, он некоторое время тому назад беседовал об этих планах Германии с польским министром иностранных дел полковником Беком, который прямо сказал ему, что внешняя политика Польши имеет своей целью оказывать сопротивление стремлениям Германии и препятствовать организации самостоятельного украинского государства. С этой целью варшавское министерство иностранных дел добивается раздела Закарпатской Украины и установления общей польско-венгерской границы.

Как я сообщал министерству иностранных дел в своих прежних рапортах, я и в Форейн Оффисе (англ. МИД - перев.) слышал подобное же мнение о нынешних внешне-политических стремлениях Германии. Из тех бесед, которые я за последнее время имел с некоторыми членами здешнего кабинета, а также с отдельными англичанами, интересующимися внешней политикой, я вынес впечатление, что английское правительство

Рапорт о внешне-политических стремлениях Германии. О намерении Германии создать самостоятельное Украинское государство. Стр. 2–3

393

2.-

не обидится, если руководители Германии и в самом деле направят свое внимание на возможности, открывающиеся перед ними в Советской России. Однако, с другой стороны, здесь не совсем уверены в том, что экспансионистские стремления Германии и Италии и в особенности их колониальные требования не могут превратиться – и при том в сравнительно недалеком будущем – в угрозу для западных держав. Так, некий член правительства говорил пару дней тому назад одному моему знакомому, что он считает внушающим сильное беспокойство резкий язык, который германская печать применяла за последнее время по адресу Англии. Дело в том, что в здешнем министерстве иностранных дел считают как будто возможным, хотя и не вероятным, что радикальные элементы нацистской партии, руководителями которой, как утверждают, являются д-р Геббельс, г.фон-Риббентроп, г.Гесс и р.Гиммлер, могут еще потребовать для того, чтобы способствовать проведению своей колониальной политики, резкого выступления против Англии и Франции, особенно если обострившееся внутри-политическое положение последней – перерастет в настоящий кризис. В связи с этим следует упомянуть мимоходом, что, как я слышал, г.фон Риббентром болен раком, а поэтому, он, сознавая, что ему долго не прожить, хочет добиться в области внешней политики как можно скорее возможно более серьезных результатов, которые, таким образом, явились бы для него неким *monumentum aere perennius* (памятником прочнее металла(лат.) – перевод.). *Relato reflexo* (возвращаюсь к рассказу (лат.) перев.).

Один мой здешний знакомый рассказывал мне недавно, что он беседовал о внешне-политических стремлениях Германии с

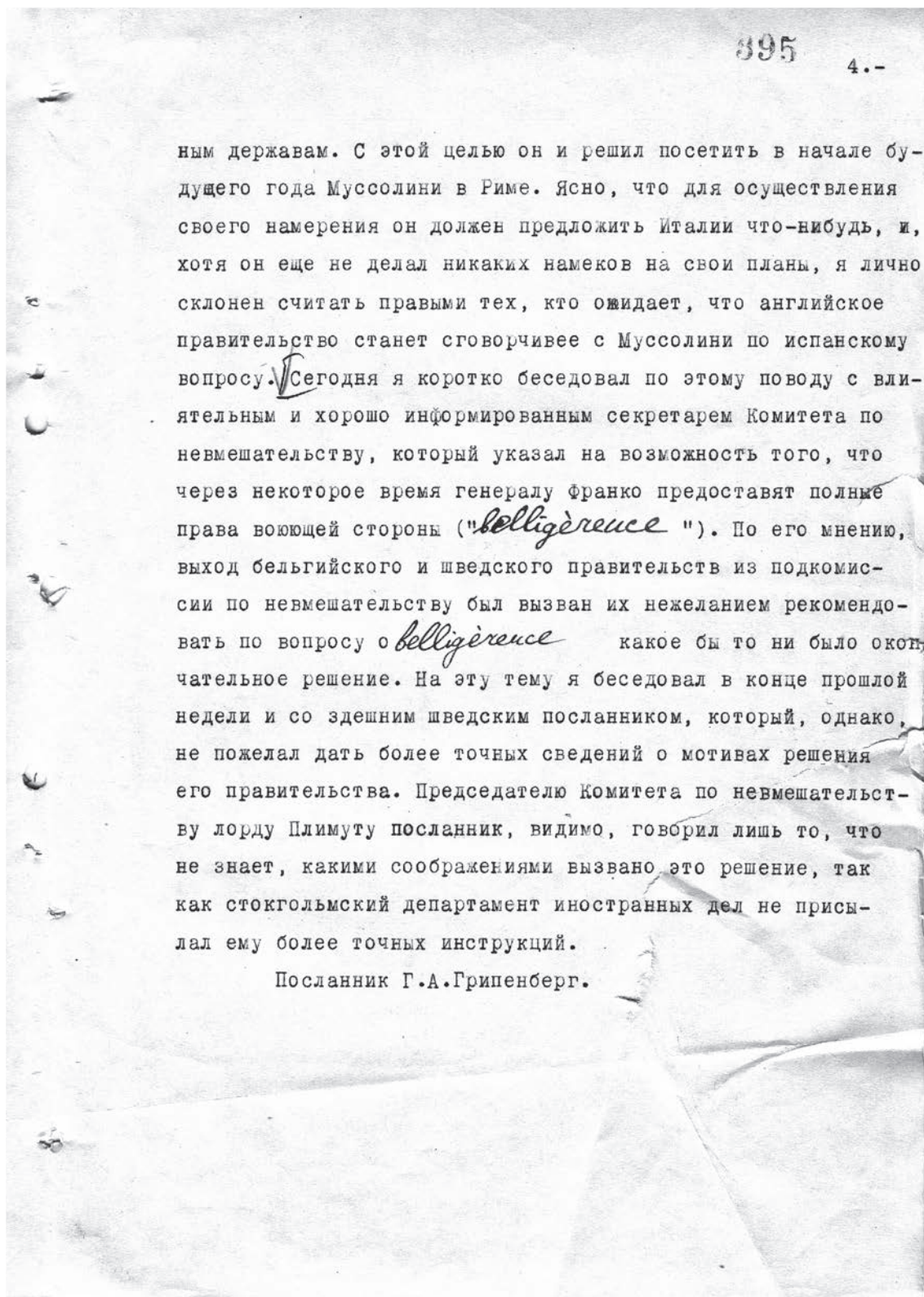
394

3.-

двумя германскими дипломатами, из которых по крайней мере один служит в здешнем германском посольстве. Эти господа не скрывали своего мнения о том, что первые внешнеполитические мероприятия Германии коснутся Советской Украины, а также выразили свое негодование по поводу недавнего сближения (в подлиннике "*terraprochement*" - перев.) между Польшей и Советской Россией. Политика Польши, - заявили они моему знакомому, - равносильна пощечине (в подлиннике "удар по лицу" - перев.) Гитлеру, приведет к серьезнейшим последствиям для этого государства. Если бы Польша сохраняла полный нейтралитет и не заняла так открыто антигерманской позиции, то берлинское правительство воздержалось бы от всех мир, которые не были бы в полном согласии с интересами Польши. Но, ввиду недружелюбной политики полковника Бека, ясно, что Германия более нисколько не обязана морально принимать во внимание желание и интересы Польши. Таким образом, планы Германии в отношении Советской России будут осуществлены, как заверили эти дипломаты, за счет Польши и, кроме того, следует ожидать, что окончательное разрешение вопроса о Данциге, польском коридоре и других спорных между Германией и Польшей вопросов скоро встанет на повестку дня.

Из близкого к здешнему правительству источника я слышал и то, что г. Чемберлен теперь уже относится довольно таки скептически к возможности того, что ему в недалеком будущем удастся заняться вместе с Германией умиротворением Европы и переговорами о создании общей "системы". Этот его пессимизм, однако, не помешает ему продолжать свои попытки, но первым делом он намеревается попробовать добиться тем или иным способом присоединения Италии к запад-

Рапорт о внешне-политических стремлениях Германии. О намерении Германии создать самостоятельное Украинское государство. Стр. 4

Сообщение по вопросу сотрудничества
Англии и Германии

З ОТД ИНО ОГПУ
Ист.
Мат. № 5, от ... 9/10.33:1...
Агентурно:

РАСЕКРЕЧЕНО

Сов. Секретно.

Служба внешней разведки РФ 10

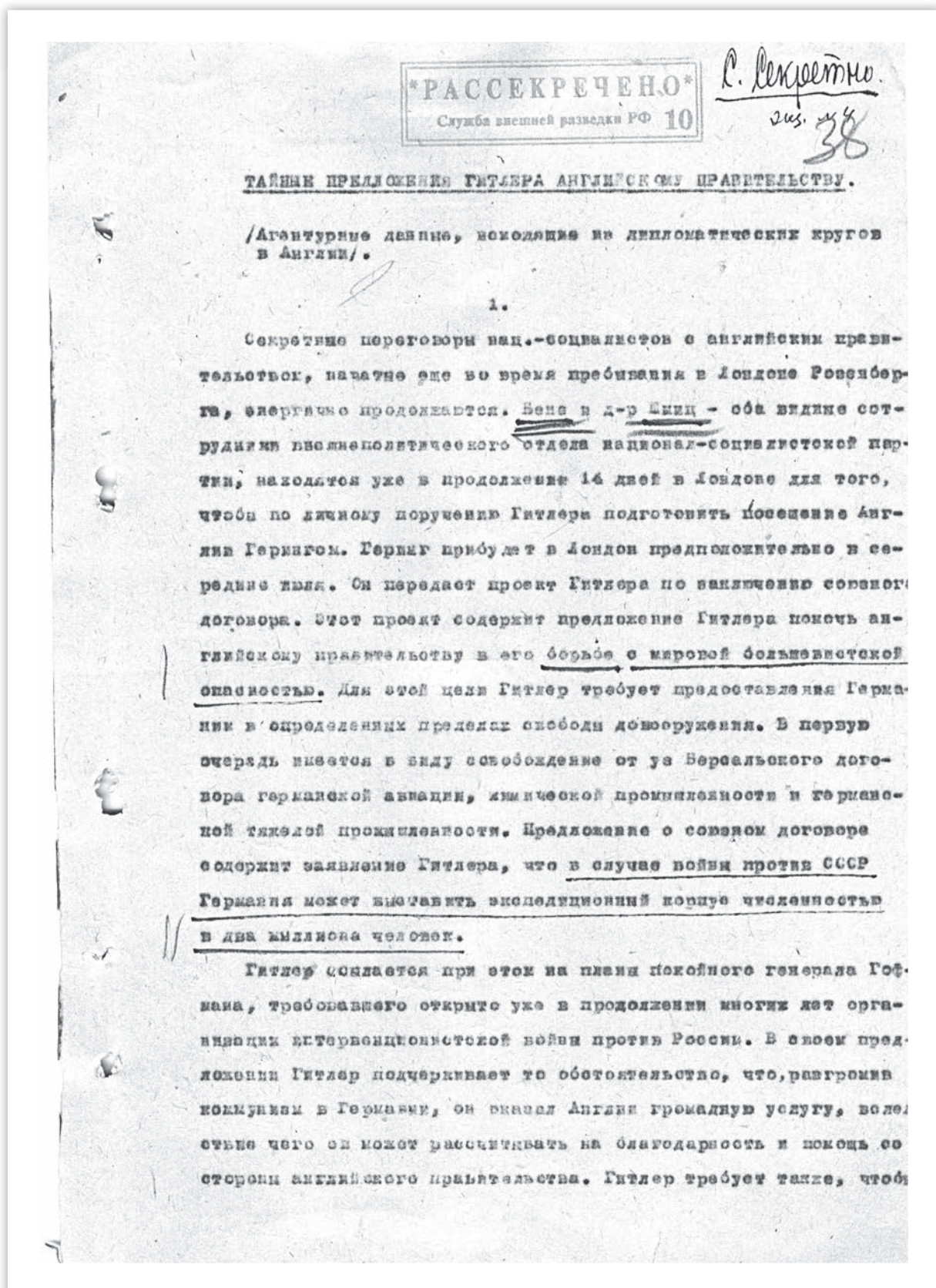
Фликстегер под большим секретом сообщил _____ следующее: На днях начальник кабинета военного министерства Райхенау вызвал к себе Фликстегера и предупредив его, что беседа должна остаться между ними, задал Фликстегеру следующий вопрос: "каково, Ф., мнение, - согласились ли бы англичане заключить искреннюю с Германией, если бы последняя пошла на разрыв с СССР? Фликстегер ответил: что он допускает возможность использования Германии в своей антисоветской политике Англии, но он не думает, что Англия ринется "в огонь и воду", указав при этом на поведение Англии в вопросе англо-американского сотрудничества, где Англия в достаточной степени подтвердила свое вероломство.

С своей стороны Фликстегер задал Райхенау вопрос: "А разве имеют ли реальные перспективы разрыва советско-германских отношений". На это Райхенау ему ответил, что ГЕРИНГ стремится к разрыву, но пока встречает сопротивление со стороны ВЛОМБЕРГА. С английскими консерваторами ГЕРИНГ непрерывно ведет переговоры по вопросу тесного сотрудничества Англии с Германией в своей антисоветской политике. Следует еще отметить, что на вопрос _____, почему Райхенау считал возможным говорить по этому вопросу именно с Фликстегером, _____ ответил, что в свое время Ф. ему рассказывал о своих взаимоотношениях с Райхенау. Они большие друзья и часто обедают вместе. Такие обеды стоили каждый раз 200-300 марок, причем платил всегда Фликстегер. Райхенау, Фликстегер считает своим человеком.

---оОо---

Отпечатано в 2 экз.

Агентурные данные из дипломатических кругов Англии о тайных предложениях Гитлера английскому правительству. Стр. 1–2

38

- 2 -

английское правительство поощряло развертывание антифашистской пропаганды в Германии и в особенности энергично выступило против деятельности политических эмигрантов и против антигерманского бойкота, организуемого евреями.

Сообщают, что Форейн Офис отнесся с большой серьезностью к этому проекту военного договора и изучает возможность заключения такого договора в рамках общей английской политики. В этой связи следует еще раз подчеркнуть то обстоятельство, что Макдональд заявил в свое время Розенбергу, что он /Макдональд/ не может его в данный момент лично принять, но надеется в соответствующее время встретиться с Гитлером на нейтральной почве. Предполагают, что Гитлер и Макдональд встретятся летом в Италии для более длительных бесед. Поездка Геринга имеет целью подготовить во всех отношениях эту встречу. В кругах национал-социалистов с уверенностью рассчитывают на то, что вскоре выявится заметное улучшение англо-германских отношений, тем более, что английское пр-во в отличие от английского общественного мнения, рассматривает германский фашизм с определенной симпатией и уверено в стабильности режима Гитлера.

II.

Проект англо-германского хозяйственного соглашения.

Германская делегация на экономической конференции добилась значительного успеха. Д-р Шахт получил официальное согласие английского пр-ва на двухгодичный германский мораторий, начиная с 1-го июля 1933 г. Английское пр-во соответственно воздерживалось на английские банки. Английское правительство не пользуется и в дальнейшем все свое влияние в других странах кредиторах Германии на предмет того, чтобы последний репарацион-

Агентурные данные из дипломатических кругов Англии о тайных предложениях Гитлера английскому правительству. Стр. 3-4

40
- 3 -

ний взнос в размере 3 миллиардов марок, который должен быть внесен Германией в пользу Франции согласно лозанскому соглашению в продолжении 3 лет, был аннулирован. По поручению Гитлера Шахт заявил, что он не уплатит больше ни одного пфеннига по каким-либо репарационным обязательствам. Шахт угрожал инфляцией в случае несогласия с германским планом моратория.

В связи с мораторием в Форейн Офис и министерстве народного хозяйства обсуждается в настоящее время проект германо-английского хозяйственного соглашения, предложенный д-ром Шахтом и фон Нейратом. Важнейшим пунктом проекта является соглашение по углю. Соглашение предусматривает прекращение конкуренции германского и английского угля на определенных рынках сбыта, в первую очередь, на рынках Скандинавии, Голландии, Италии и Балкан. Это будет достигнуто установлением для Англии и Германии квот по снабжению этих стран углем. Кроме того, намечено ограничение добычи угля для сокращения внешнего перепроизводства. Со стороны Германии в переговорах участвует Союз Рейнско-Вестфальских угледокольных промышленников, а также Союз Верхнесилезских промышленников. С английской стороны встречаются большие препятствия вследствие того, что в Англии следует закрыть целый ряд устаревших шахт вследствие нерентабельности их использования. Владельцы указанных шахт требуют возмещения от английского пр-ва в размере свыше 30 млн. фунтов стерлингов, на что английское пр-во еще пойти не желает.

Следующий пункт хозяйственного соглашения предусматривает установление принципа наибольшего благоприятствования для англо-германских торговых отношений.

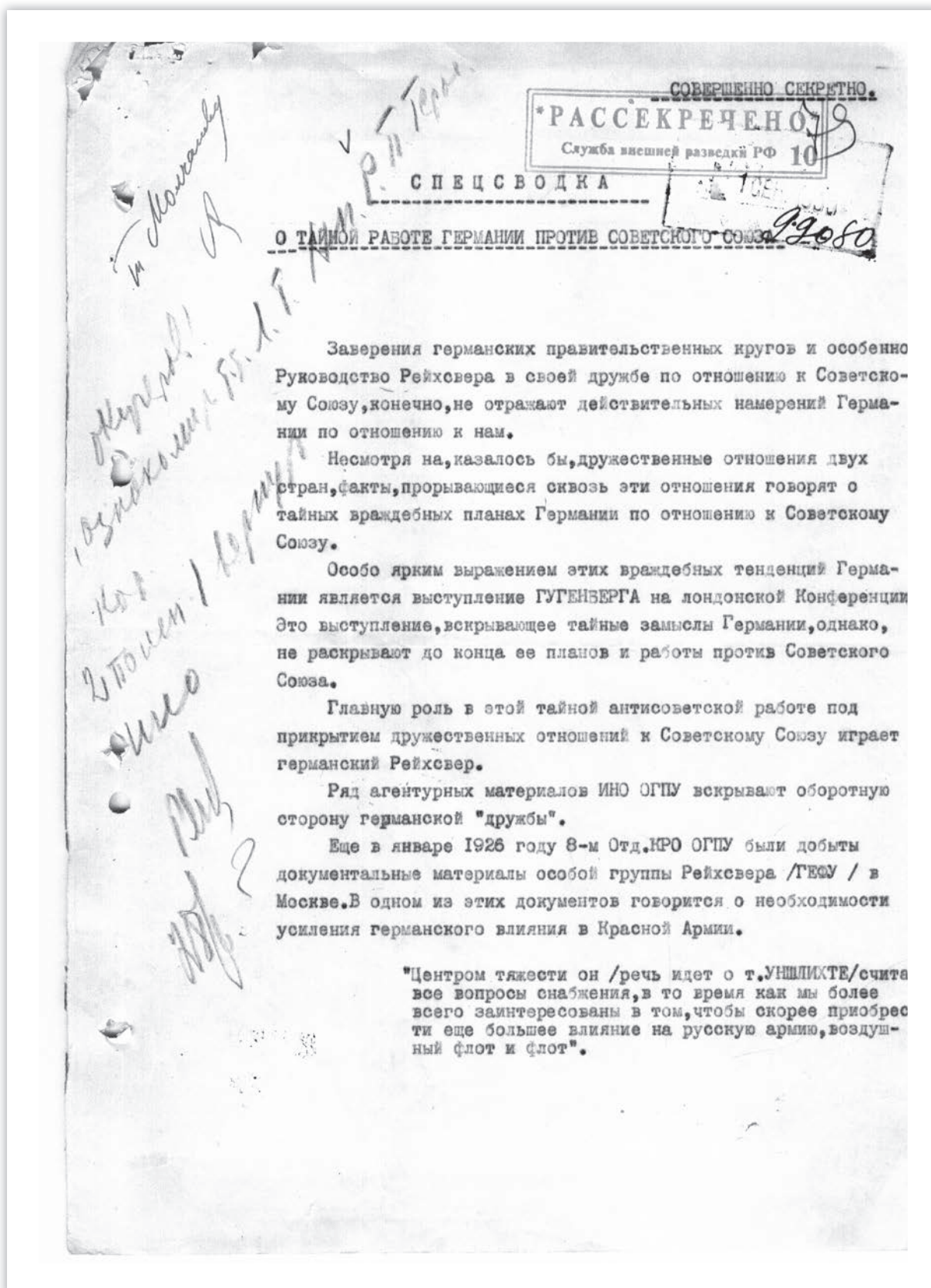
Германия обязуется ограничить свой экспорт химических изделий, готовых фабрикатов и некоторых машин в Индию, Дальний

- 4 -

Восток и в определении английские колонии, дабы не вредить там английской торговле. В виде компенсации за это добровольное самоограничение германского экспорта Англия должна гарантировать кредитование германских закупок сырья в английских колониях. Для этой цели должно быть заключено особое кредитное соглашение.

Наконец, особый проект предусматривает раздел русского рынка. По мнению германских кругов, следует ожидать скорого изменения политического положения в России и соответственно этому желательно заблаговременно разделить эту громадную область сбыта. Только в этом смысле следует понимать меморандум Гугенберга, требовавшего территориальных уступок на Востоке и создания там новых крупных рынков сбыта и вложения капиталов.

Спецсводка о тайной работе Германии против СССР. Стр. 1-2

- 2 -

80

Второй весьма характерный документ /1926 г./ говорит о махровых установках одного из руководителя Особой группы Рейхсвера:

"Несмотря на то, что время, когда вместо кроваво-красного, над Кремлем будет развиваться другое знамя, придет само собой, все же до тех пор германская промышленность должна завоевывать в России один пост за другим и таким образом вбить основной клин в позвоночник большевистского правительства".

В третьем документе - тезисах Особой группы Рейхсвера по вопросам развития ее работы в Советском Союзе, относящихся к 1928 г. обращает на себя внимание следующее замечание по военным моментам:

"...д/ /Завоевание/ знакомство с Красной Армией. х/
е/ Влияние на развитие Красной Армии.
г/ Личный контакт с вождями Красной Армии...".

Агентурные донесения, относящиеся к концу 1932 г., полученные от лица, близко стоящего к германской военной разведке, отмечают интерес этой разведки к существующей, якобы, в Советском Союзе военной партии, стремящейся взять власть в свои руки. В декабре 1932 г. доверенное лицо германской разведки, работавшее в контакте с нами под кличкой " _____ ", рассказывает о встрече советского военного атташе ЯКОВЕНКО с доверенным лицом Рейхсвера, известным антисоветским деятелем германским гр-ном фон БЕРГ

"Атташе говорил о работе военной партии СССР и что эта партия развивается в настоящее время большую активность. БЕРГ объяснил мне, что атташе также состоит членом этой военной партии. Партия эта стоит на антикапиталистической платформе, но в то же время национальна и хочет отстранить евреев от руководства государством".

В дальнейшем, в порядке выяснения вопроса о "военной партии" получено следующее сообщение " _____ ":

"Узнал о существовании этой военной партии от БЕРГА. БЕРГ пояснил, что хотя в Рейхсвере любит употреблять слово "военная партия", в самом же деле никакой

х/ В подлиннике напечатано: gewinnen /завоевание/. От руки слово gewinnen зачеркнуто и написано kenntnis/знакомство с/.

Спецсводка о тайной работе Германии
против СССР. Стр. 3-4

- 3 -

81

либо организационно-оформленный особой партией, стоящий вне ВКП/б/, не существует - существуют только определенные националистические настроения или оттенки, охватившие широкие круги руководства Красной Армии. ВЕРГ говорит: "КРАСНАЯ АРМИЯ ЧУВСТВУЕТ СЕБЯ ОЧЕНЬ СИЛЬНОЙ И ПЕРЕД ЛИЦОМ ВОЛНИХ ВНУТРЕННИХ ТРУДНОСТЕЙ, ПЕРЕЖИВАЕМЫХ СССР, ЧУВСТВУЕТ, ЧТО ЕЕ ОЖИДАЕТ В БУДУЩЕМ ВОЛШАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА, ВЗЯТЬ НА СЕБЯ В НУЖНЫЙ МОМЕНТ РОЛЬ СПАСИТЕЛЯ ОТЕЧЕСТВА В ФОРМЕ СИЛЬНОЙ И АВТОРИТЕТНОЙ ВОЕННОЙ ДИКТАТУРЫ". Идеологической головой этого течения ВЕРГ называет "генерала ТУРДЕЕВА"/имя явно искажено/. Т. якобы, бывший царский офицер, около 46 лет, в этом году приезжал в Германию на маневры. ТУРДЕЕВ в более близком штабе ВОРОШИЛОВА является одним из наиболее ответственных организаторов Красной Армии. Т. в большой дружбе с НИДЕРМАЙЕРОМ, с которым он на "ты". ВЕРГ говорит, что Т. произвел на него впечатление определенного националиста".

В конце января 1933 г. источник " _____ " сообщил:

"что отдел контр-разведки Министерства Рейхсвера 18/1-с.г. созвал совещание ответственных работников Отдела, на котором также присутствовали наш источник, фон ВЕРГ и известный уже нам ранее по Москве, полковник германской службы фон НИДЕРМАЙЕР. Совещание было созвано в связи с полученными отделом сведениями о, якобы, тревожном положении в Советском Союзе и готовящихся там серьезных беспорядках.

На совещании ВЕРГУ был задан целый ряд вопросов о положении в Советском Союзе и было, якобы, поручено встретиться 20/1-с.г. с ЯКОВЕНКО и в беседе с ним выяснить целый ряд моментов в соответствии с заранее составленным вопросником".

Состоялось ли свидание т. ЯКОВЕНКО с фон-ВЕРГОМ нам неизвестно.-

Впоследствии нами были получены ответы фон-ВЕРГА, представленные им отделу контр-разведки Министерства Рейхсвера по исполнение данного ему задания.-

Ответы д-ра фон-ВЕРГ на заданные ему Рейхсверминистериумом вопросы:

ВОПРОС: "I. Настолько ли велик голод в России, что он может послужить причиной возникновения внутренних беспорядков.

- 4 -

82

ОТВЕТ: Да, особенно в Казани и Туркестане, где голод сильнее, чем в 1921 г. В декабре и январе мес. умерло 2% населения, главным образом, дети. Особенно силен голод среди крестьян. Транспорты с продовольствием можно отправлять лишь под сильным конвоем, но и тогда на них нападают и грабят. Крестьяне вооружаются.

ВОПРОС: Мыслимы ли крестьянские восстания.

ОТВЕТ: Не только мыслимы, но во многих округах они уже имеют место, причем их стараются не столько подавить, сколько добиться, чтобы слухи о них не проникли в общественность.

ВОПРОС: 3. Могут ли эти восстания вызвать свержение правительства.

ОТВЕТ: Пока что хозяйном положением является военная власть; но ввиду того, что и военные ощущают уже недостаток в продуктах питания, беспорядки легко могут распространиться и среди них. В последнем случае беспорядки поведут к свержению СТАЛИНА, но не коммунистической системы. Преемником СТАЛИНА тогда станет ВОРОШИЛОВ, пользующийся большой популярностью среди крестьянства.

ВОПРОС: 4. Каковы отношения между ВОРОШИЛОВЫМ и генералом ТУРГУЕВЫМ/повидимому фамилия искажена /.

ОТВЕТ: До тех пор, пока "крестьянская партия" будет поддерживать ВОРОШИЛОВА, предоставившего ей различные льготы, ТУРГУЕВ будет всецело зависеть от воли ВОРОШИЛОВА. Если же главными участниками беспорядков будут военные, то ТУРГУЕВ вытеснит ВОРОШИЛОВА.

ВОПРОС: 5. Каковы цели генерала ТУРГУЕВА.

ОТВЕТ: Его цель установление военной диктатуры, не отказываясь от коммунистического базиса/пока что/, с целью образования национальной великой России против международного капитала".

С начала июня 1933 г. начинают поступать агентурные материалы о готовящемся, якобы, в Советском Союзе, правительственном перевороте. Агент _____, близко стоящий к дипломатическим кругам, находящийся в настоящее время в Женеве, сообщает следующее:

"В Венгрии организован центр для Балкан и оттуда поступают сведения относительно событий, связанных с коммунизмом, при чем эти сведения затрагивают также и Москву. В самой России в окружении

Спецсводка о тайной работе Германии
против СССР. Стр. 5-6

- 5 -

83

СТАЛИНА, будто бы находятся лица, принадлежащие к этой группе.

Согласно сообщений, переданных конфиденциальным порядком, находящимися в Женеве национал-социалистами ХАСЕЛЬМАЙЕР и ВЕЗЕРШТЕЙТ - в настоящее время удалось уже стать в России на твердую почву. Они рассчитывают на то, что в ближайшие годы можно будет отметить уже успех этих действий. Они сами будто бы удивлены тому, с какой легкостью в России удалось завербовать нужных людей и объясняют это разложение коммунистического движения.....".

Последние сообщения —, полученные нами из Берлина по телеграфу, говорят о формировании "будущего русского правительства":

"Германское правительство не только связано, но и совместно работает со сформированным уже будущим "русским правительством". По сведениям, исходящим из руководящих кругов национал-социалистической партии, это правительство в ближайшее время произведет переворот в СССР".

Одновременно поступили материалы из Вены, в связи с разработкой известного белогвардейца МАКАЕВА. МАКАЕВ, якобы, подготавливает контр-революционные восстания на Украине и Кавказе. Планы МАКАЕВА принимаются всерьез не только национал-соц. руководством, но и англичанами. В Вену, для переговоров, прибыл англичанин МАКМАГОН, который договаривается о выделении офицеров германского генштаба для организации восстания на Кавказе. Восстание, якобы, финансируется Англией.

Наконец, материалы, полученные по линии разработки бело-эмигрантской организации, также свидетельствуют об участии Германии во враждебных действиях по отношению к Советскому Союзу.

30-го мая с.г. на средства Югославского Мининдела в Берлин выехал ГУЧКОВ с целью получения ориентировки о планах германского генштаба по отношению к СССР. ГУЧКОВ утверждает, что уже год тому назад германский генштаб считал необходимым организацию переворота при помощи колеблющихся сил ЕКП/б/ в

- 6 -

84

правительственных кругах и среди высшего командного состава Красной Армии. Немцы сейчас именно, якобы, проводят этот план.

Характерно письмо югославского агента, русского белогвардейца КСЮНИНА и ГУЧКОВУ, в котором излагается точка зрения Югославского Мининдела:

"ВЫШКО БИТИЧ считает, что для Малой Антанты переговоры с Союзом не существуют. Поддерживать московский режим не собираются. Он считает, что немцы должны уничтожить нынешний режим Москвы, который они и англичане поддерживают, но акт должен быть совершен в центре, а не на окраине, где он при нынешних условиях легко может быть подавлен".

НАЧАЛЬНИК ИНО ОГПУ:

/АРТУЗОВ/.

НАЧАЛЬНИК 3 ОТД ИНО:

/ШТЕЙНБЕРГ /.

"28" июня 1933 г.

РАЗОСЛАТЬ

1. Тов. ЯГОДА.
2. Тов. ПРОКОФЬЕВУ.
3. Тов. АГРАНОВУ.
4. Тов. ВАЛИЧНОМУ.
5. Тов. ГАЙ.
6. Тов. МИРОНОВУ.
7. Тов. МОЛЧАНОВУ.
8. Тов. МЕДВЕДЬ.
9. Тов. РЕДЕНС.
10. К делу.

ОПЕРАЦИЯ «МАРС»

Книга девятая

Операция «Марс». Дискуссия и ее причины.....	9
«Война и общество в XX веке».....	15
Новые документы, опубликованные с помощью Ассоциации историков Второй мировой войны.....	23
Д. В. Суржик «Мы будем сообщать вам правду»	33
ДОКУМЕНТЫ	39

ГЕРОИ ИЛИ ПРЕСТУПНИКИ?

Книга десятая

А. А. Падерин Борцы за самостоятельную Украину: герои или преступники?.....	45
Ю. Федоровский К вопросу об украинском коллаборационизме.....	52
В. Бочаров Вооруженная борьба на оккупированной территории Украины в 1941–1944 годах (попытка объективного анализа)	58
Еврейский погром в Кельцах 4 июля 1946 г. (по материалам Центрального архива ФСБ России).....	63

КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ И ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Книга одиннадцатая

Коллаборационизм и предательство во Второй мировой войне. Власов и власовщина. Материалы международного круглого стола.....	95
Часть I. Анатомия коллаборационизма и предательства во Второй мировой войне: искажение исторической действительности	97
Часть II. Власов и власовщина: история расставляет оценки.....	145
В. С. Христофоров Коллаборационисты отдельно взятого Локотского округа	181
ДОКУМЕНТЫ	214

СУДЬБА ЛИМИТРОФНОЙ ПРИБАЛТИКИ

Книга двенадцатая

Л. М. Воробьева Латыши по разные стороны фронтов Великой Отечественной войны.....	219
А. Г. Шляхтунов Эстонские и латвийские дивизии «Ваффен-СС» на северо-западе СССР в 1941–1945 гг.....	248
ДОКУМЕНТЫ	276
РАСЕКРЕЧЕНО	310

Научное издание

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА

ТОМ IV
ДРУГОЕ ЛИЦО ВОЙНЫ

Верстка А. С. Туманова

Макет обложки А. С. Руденко

Корректоры Л. А. Залётина

Э. П. Семенюк

Н. Г. Ханина

Ю. П. Кириленко

Издательство «МГИМО — Университет»

119454, Москва, пр-т Вернадского 76.

Тел.: (499) 431-58-28, (495) 434-54-17

Подписано в печать 18.08.2015.

Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 51.7. Уч. изд. л. 46.75. Тираж 500 экз. Заказ № 102.

Отпечатано в ООО «Аквариус»

г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а

Тел.: (4872) 49-76-96, (4872) 49-73-73

E-mail: grif-tula@mail.ru, aquarius-press@mail.ru